

**СКАЗКИ И ПРЕДАНИЯ
СЕВЕРНОГО КРАЯ**

В ЗАПИСЯХ И. В. КАРНАУХОВОЙ

К 1409899

МОСКВА • 2008

Содержание

<i>Т. Г. Иванова. Ирина Валериановна Карнаухова – фольклорист и писатель</i>	11
Источники и литература	35
Сокращения	38
 Сказка как социальный фактор	 39
 Заонежье	 52
<i>Анна Антоновна Слепая</i>	
Василиса Премудрая	52
Чаревна — золотые косы	55
Рога	57
Чаревна и лягушка	59
Девушка в колодце	60
Старуха-сказочница	62
<i>Настасья Васильевна Исакова</i>	
Волк — медный лоб	63
Сивко-бурко	67
Вострадам	69
Глупый мужик	70
<i>Петр Яковлевич Белков</i>	
Брюхатый поп	71
Поп Пахом	73
Старик и соковицы	74
<i>Пелагея Ивановна Синева</i>	
Вихревое царство	75
<i>Клавдия Васильевна Кириллова</i>	
Настасья-пепельница	79
Дурень	81

<i>Мария Васильевна Рагозина</i>	
Горюшко	83
Игральница-греза	86
<i>Иван Михайлович Васильев</i>	
Попов работник	87
<i>Пелагея Нинифоровна Коренная</i>	
Лиса, волк и масло	90
Петух и курица	91
Посулено	93
Старик и волк	94
Сани	95
Колобок	96
Глиняный парень	97
Мишка да мышка	98
Морозко	100
Про Катю	101
Кумушка	102
Покойники-беси	103
<i>Володя Коренной</i>	
Печоночка	104
Змей и цыган	105
<i>Александра Познякова</i>	
Пых	106
Ленивая баба	107
<i>Иван Иванович Касьянов</i>	
Хитрый солдат	108
<i>Фома Егорович Никитин</i>	
Богатый брат и бедный брат	109
Разбойник-купец	112
<i>Павел Петрович Рябов</i>	
Прикащик и купецкая дочь	115
Три брата	117
<i>Иван Васильевич Митрофанов</i>	
Окати-горошка	119
Иван-Ветер	123
Сучий сын	126
Старый «Ох» и молодец	128
Жар-птица	132
Забытой	135
Незнайка	139
Три слова	144
Матрена	147
Обельщина	149

<i>Михаил Евдокимович Ульянов</i>	
Кошель	150
Поп и старец	152
<i>Дмитрий Андреевич Орехов</i>	
Солдат Андрей	154
Про Петра Великого	160
<i>Кузьма Семенович Кудров</i>	
Сказка о Петре Великом и о солдате	162
<i>Михей Кириллович Михеев</i>	
Упрямая баба	166
Соль	167
Присказка	169
<i>Настя Грибанова</i>	
Парень-гад	170
<i>Дмитрий Васильевич Белоусов</i>	
Мертвые дóроги	171
Два вора	173
Небылица	174
Рогозный перед	175
<i>Настасья Степановна Богданова</i>	
Настасья-королева	176
Пинега	181
<i>Ефросинья Аббаковна Дорофьева</i>	
Свет-луна	181
Семь Семеонов	186
Нужда	188
Мудужирушко	189
<i>Иов Ефремович Нехорошко</i>	
По колена ноги в золоти	190
<i>Анисья Ильинична Храмцова</i>	
Аннушка	196
Две домáнушки	198
Коза-дереза	200
Глупые люди	202
Иванушка и Егибишна	203
<i>Аграфена Ефимовна Черноусова</i>	
Чудные зайцы	205
Дурна-работница	208
Глупый жених	208
Караульщица	209
Доможириха	210

Бывальщина	210
<i>Александр Иванович Радионов</i>	
Солило	211
Как Ивана медведь возил	212
Зам, откройся!	214
<i>Дуня Рябова</i>	
Петушок	215
Овечка-серебрянка	218
Про теплу избу	219
Парничок Егибовой	220
Кирка-вор	222
<i>Пармен Егорович Чемакин</i>	
Иван-Горошко	224
Волшебное зеркальцо	231
Золотой человек	234
Чорт и совик	240
<i>Прасковья Димитриевна Чорная</i>	
Горохово зерныско	241
Решета	241
Присказка	242
Кукушка-помощница	243
Присказка	246
Никола Дупленской	246
<i>Евдоким Сухарев</i>	
Заяц-хваста	247
Кривая уточка	248
Лесная хата	249
Орел	250
<i>Анисья Тараканова</i>	
Улита	253
Лиса-плакса	255
Золота сапоцка	256
Присказка	257
Золотая рыбка	258
Присказка	259
<i>Анна Чемакина</i>	
Машенька	260
Утоцка-горожаночка	261
Присказка	262
Присказка	263
<i>Палладия Дорофеевна Патрикеева</i>	
Бывальщина	263
Мертвяк	264

Про охвотника	265
Шаньга	265
Злая девка	266
<i>Лидия Ефимовна Залусская</i>	
Овернюшко	266
Хам-вор	270
Иван-дурак	273
Два кума	276
Девки и кости	276
Чортов хлеб	277
<i>Николай Васильевич Лохновский</i>	
Ворон Воронович	277
Присказка	285
Исполинушко	286
Присказка	289
Оборотень	290
Волк	290
Как село потопилось	291
Мезень	292
<i>Клавдия Васильевна Грязнова</i>	
Краса-Долгая коса	292
Иван бессмертный	296
Про двух братьев	301
Мена	306
<i>Марфа Никитична Лешукова</i>	
Покойница-воровка	308
Вороны	309
Иван Углов	310
<i>Яков Евдокимович Гольчиков</i>	
Иван-солдат	313
Чудесна кура	321
Серко́	325
<i>Иван Гольчиков</i>	
Орон-верный	328
Женихи	337
<i>Иринья Александровна Шарыгина</i>	
Присказки	341
Лень и О́теть	343
Небылица	344
<i>Николай Федорович Позников</i>	
Про перстень	346
Спор	352

Никон Демьянович Челанов

Ладная песня	359
Диво-дивное	361
Про Ростовское озеро	363

Печора

Олена Ивановна Ермолина

Минька	366
Яков	369
Праведный суд	371
Гуси с Руси	373
Две сестры	374
Тимка да Шимка	375
Филя да Уля	377
Злая жена	378
Федор Высокой	379

Василий Соболев

Девка-белка	382
Дикой	386
Леший	388
Иван — быков сын	392
Плясова гармонь	401
Хитрая наука	405
Рукавичка	411
Турандай	414
Голь-Голянкой	418
Иван-царевич и Якута	421

Приложения

Краткие замечания о сказочниках и сказках	428
Сказочный репертуар районов	522
Алфавитный указатель сказочников	524
Указатель деревень (где производилась запись)	527
Словарь местных слов	529
Алфавитный указатель сказок	539

Т. Г. Иванова
Ирина Валериановна Карнаухова —
фольклорист и писатель

В нашей личной библиотеке хранится экземпляр книги И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» [Сказки 1934] с дарительной надписью составителя известному фольклористу Анне Михайловне Астаховой: «Дорогой моей Аннушке на память о романтическом котелке, о белых гетрах, о Кирике Рябинине, о Сумском Посаде, о Белощелье; обо всем, что с нами было на нашем любимом Севере. ИК. Май 1934 г.». Переиздание этой книги, сыгравшей заметную роль в истории русской фольклористики, читатель сейчас держит в своих руках.

Ирина Валериановна Карнаухова родилась 7 (20) ноября 1901 г. в Киеве. В литературе о будущей писательнице имеются сведения, что отец ее служил на железной дороге [Шиллегодский 1966: 3]. В семье ценилось литературное творчество. Мать, Алла Митрофановна Карнаухова (1877–1958), по окончании гимназии работала в редакциях различных киевских газет. Тогда же она начала пробовать себя как переводчик и после революции, переехав в Петроград, сотрудничала с «Вестником иностранной литературы»; переводила Р. Тагора, Г. Уэллса, А. Стриндберга, Г. Манна, Дж. Лондона и др. [Писатели Ленинграда 1966: 147].

Духовные и интеллектуальные интересы матери определили и жизненный путь И. В. Карнауховой — девочки-книжницы, проливавшей слезы над участью Алеши Пешкова, героя повести М. Горького «Детство». Поздний рассказ писательницы «Бандероль» (1957), рисуемый духовный мир девочки из интеллигентной семьи, взрослевшей в предреволюционные

годы, имеет полностью автобиографический характер [Карнаухова 1957а: 10–11]. Из анкеты, которую И. В. Карнаухова заполнила при вступлении в Ленинградское отделение Всероссийского союза писателей, мы узнаем, что девушка в гимназические годы приобщилась к революционному движению: «В 1915 г. начала работу в революционном кружке учащихся» (РО ИРЛИ, ф. 291, оп. 1, № 457, л. 6).

Гимназию И.В.Карнаухова окончила в 1918 г., когда страна уже была охвачена гражданской войной. Семья переехала из Киева сначала в маленький городок Ейск на Азовском море, а затем в Екатеринодар. 7 января 1921 г. в Екатеринодаре, который на тот момент уже месяц как был переименован большевиками в Краснодар, был создан кружок поэтов. В «Хронике жизни и творчества Е. И. Васильевой (Черубины де Габриак)», составленной В. П. Купченко, под названной датой читаем: «Создание Кружка поэтов „Птичник“, собиравшегося на квартире Ф. А. Волькенштейна. Среди участников — Васильева, Маршак, Елена Бекштрем, Ирина Карнаухова, Евгения Николаева»¹. Так начиналось приобщение героини нашего очерка, работавшей на тот момент инструктором в библиотечной системе Отдела народного образования, к миру большой литературы.

Весной 1921 г. И. В. Карнаухова уехала в Москву для учебы на курсах инструкторов-организаторов при Главполитпросвете (курсы курировались Н. К. Крупской). Этот период ее жизни — бурный, полный энтузиазма — нашел отражение в другом рассказе писательницы — «Бутсы» [Карнаухова 1957б: 193–197]. Опираясь на приведенный ниже отрывок из воспоминаний Т. Шмелевой о Максимилиане Волошине, можно предположить, что в Москве И. В. Карнаухова занималась также в Институте слова (позднее — Государственный институт слова; ГИС), в котором преподавала известная артистка и фольклорист О. Э. Озаровская. Это учебное заведение, находившееся в ведении Главпрофобра Наркомпроса, ставило целью подготовку мастеров художественного слова. Среди профессоров и преподавателей были П. Н. Сакулин, И. Н. Розанов и другие выдающиеся литературоведы, в том числе и фольклористы Ю. М. Соколов и Е. Н. Елеонская. Послед-

¹ <http://brb.silverage.ru/zhslovo/sv/chg/?ru=about&id=1>

няя, кстати, была самым видным на тот момент «сказковедом» страны. Таким образом, приобщение к фольклорной культуре, которая станет ключевой в ее творчестве, началось для И. В. Карнауховой уже в 1921 г.

С 1922 г. И. В. Карнаухова и ее мать проживали в Петрограде. Здесь будущая фольклористка и писательница поступила учиться на курсы, существовавшие при Российском (Государственном) институте истории искусств (РИИИ / ГИИИ). Этот Институт, как частное научное и учебное заведение, был образован 2 (15) марта 1912 г. по инициативе графа В. П. Зубова. Под этот институт основатель отдал собственный особняк (современный адрес: Исааковская площадь, д. 5). Первоначально здесь изучалась и преподавалась только история изобразительных искусств. Затем были созданы Отделы по истории музыки и театра. В ноябре 1920 г. в Российском институте истории искусств был учрежден Отдел истории словесных искусств. Деканом вновь созданного Словесного отдела (факультета) стал В. М. Жирмунский, а среди преподавателей первого состава были В. Б. Шкловский, Б. М. Энгельгардт, Н. С. Гумилев (кафедра теории поэзии), В. М. Алексеев, И. Ю. Крачковский (поэзия Востока), Ф. Ф. Зелинский, Б. В. Казанский (поэзия классической древности), М. А. Жирмунский, Г. Л. Лозинский (романо-германская поэзия), Б. М. Эйхенбаум, М. Л. Лозинский (русская поэзия и проза) и др. (подробнее см.: [Иванова 2004: 48–66]). У И. В. Карнауховой, как видим, была возможность получить прекрасное филологическое образование.

Летом 1923 г. вместе со своей московской знакомой Софьей Андреевной Толстой (1900–1957), внучкой Л. Н. Толстого и в ближайшем будущем женой С. А. Есенина (в отдаленной перспективе она станет директором Государственного музея Л. Н. Толстого), И. В. Карнаухова отдыхала в Крыму в Коктебеле в гостеприимном доме поэта Максимилиана Волошина. «Приблизительно в то же время, — читаем в мемуарах Т. Шмелевой, — приехали Софья Андреевна Толстая, внучка Л. Н. Толстого, и ее приятельница Ирина Карнаухова. Обе они недавно окончили Институт слова. Ирина часто рассказывала нам русские сказки в своем переложении» [Шмелева 1990: 479].

Насколько можно судить, в начале 1920-х гг. И. В. Карнаухову и С. А. Толстую связывали очень теплые дружеские

отношения. 7 сентября 1923 г. С. А. Толстая сообщала матери из Коктебеля: «Больше всех я здесь дружу с той Ириной Карнауховой, с которой я в Ялту ездила. Ей 22 года, из хорошей украинской помещичьей семьи, умная, добрая, учится на курсах и очень талантливая сказочница». По возвращении из Коктебеля И. В. Карнаухова задержалась на три недели в Москве, где жила у С. А. Толстой почти весь октябрь 1923 г.²

В Коктебеле, помимо хозяина дома, девушке довелось общаться с К. И. Чуковским, также приехавшим к М. А. Волошину [Чуковский 1991: 250]. Имя И. В. Карнауховой неоднократно встречается в «Дневнике» писателя. 14 ноября 1923 г. она, например, посетила вместе с К. И. Чуковским А. А. Ахматову [Чуковский 1991: 255]. Приятельствовала И. В. Карнаухова и с талантливой поэтессой Марией Михайловной Шкапской (1891–1952). 19 ноября 1923 г., упомянув о И. В. Карнауховой в письме к С. А. Толстой, М. М. Шкапская замечала: «Сегодня она у меня рассказывает сказки»³.

И. В. Карнаухова была знакома с С. А. Есениным. А. Л. Дымшиц, знавший ее с 1920-х гг. и встретившийся с писательницей в 1958 г. в Чехословакии в Карловых Варах, с интересом слушал ее рассказы о событиях и людях первого послеоктябрьского десятилетия. «Есенин с первого знакомства угадал в Карнауховой отменного знатока народного слова и нередко состязался с ней в толковании фольклорных выражений», — так передавал он воспоминания И. В. Карнауховой в своем очерке «Карловарские вечера» [Дымшиц 1983: 408]. Здесь же приводится сочиненный экспромтом стишок С. Я. Маршака о И. В. Карнауховой:

Цветок растет из семечка,

А Иринушка из темечка. [Дымшиц 1983: 407]

Имя И. В. Карнауховой встречается и в письмах Е. И. Замятина. Знакомство, очевидно, началось в Петрограде. Пересекались же дороги И. В. Карнауховой и Е. И. Замятина в Крыму [Замятин 1997: 251, 253, 256].

Таким было литературное окружение И. В. Карнауховой в 1920-е гг. Однако, помимо явных литературных склонностей, девушка проявляла интерес и к науке. 1926 год — год

² <http://nasledie-rus.ru> (электронная версия «Наше наследие» - публикация «Женщины par excellence»).

³ <http://nasledie-rus.ru>

окончания И. В. Карнаухова высших курсов при Государственном институте искусств — стал очень важным и в анналах этого научного учреждения, и в истории отечественной науки о традиционной народной культуре, и в жизни героини этого очерка.

Годом раньше, в 1925 г., председатель Отдела изобразительных искусств ГИИИ О. Ф. Вальдгауер (Вальдгауэр) побывал в научной командировке в Германии, где в «Обществе друзей новой России» возник проект большой выставки крестьянского искусства (вышивка, ткачество, деревянная резьба, роспись и т. д.). В связи с этим в Институте родилась идея проведения экспедиции на Русский Север. Летом 1925 г. известный музыковед и композитор Б. В. Асафьев совершил рекогносцировочную поездку в Прионежье, поразившее его своим музыкальным, поэтическим и художественным богатством. Тогда же при Комитете по социологическому изучению искусств (Соцком — институтское подразделение, созданное в 1924 г., стоявшее вне Отделов и ставившее себе целью внедрение социологического метода в изучение всех видов искусства) была организована Секция изучения крестьянского искусства. В нее вошли известный специалист по народному зодчеству К. К. Романов (председатель), режиссер и знаток истории русского театра В. Н. Всеволодский-Гернгросс, уже завоевавшая себе авторитет в области изучения древнерусской литературы В. П. Адрианова-Перетц, выпускницы курсов ГИИИ А. М. Астахова и Н. П. Колпакова (в будущем — ведущие фольклористы страны), молодые музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд, которым тоже через несколько лет предстоит стать во главе этномузыковедения, а также другие сотрудники ГИИИ — С. С. Писарев (филолог), Г. Э. Кнатц, Л. М. Шуляк, Ю. Н. Дмитриев (специалисты по традиционной материальной культуре). Присоединилась к этой группе ученых и И. В. Карнаухова. Четыре экспедиции, осуществленные Секцией изучения крестьянского искусства (Крестьянской секцией) в 1926–1929 г., стали ярчайшей страницей в истории русской науки о традиционной культуре. В написании этой страницы свою роль сыграла и И. В. Карнаухова.

Зиму 1925 / 1926 г. Крестьянская секция провела в подготовке к первой комплексной экспедиции на Русский Север.

На заседаниях 9 февраля и 16 февраля 1926 г. руководители различных отделений ГИИИ — К. К. Романов (ИЗО, т. е. отделение изобразительных искусств), Б. В. Казанский (ЛИТО, т. е. литературное отделение), В. Н. Всеволодский-Гернгросс (ТЕО, т. е. театральное отделение) и А. В. Финагин (МУЗО, т. е. музыкальное отделение) — обсуждали методику проведения семинаров по подготовке к экспедиции (ПФА РАН, ф. 150, оп. 5, № 39, л. 26–31). Каждое из отделений вело семинары по собственной программе. В ЛИТО занятия проводили С. И. Бернштейн, который обучал будущих экспедиционеров работе с фонографом, и В. П. Адрианова-Перетц, знакомившая слушателей с библиографией трудов по Русскому Северу, диалектными особенностями речи северян, их народной поэзией. Первым объектом обследования было выбрано Заонежье, центрами которого являются Кижы, Толвуй и Шуньга. На заседаниях 7, 30, 31 марта и 16 апреля 1926 г. решался вопрос о распределении между отделами количества мест для участников экспедиции, о смете, о покупке необходимых для работы экспедиции материалов и т. д. Окончательно все вопросы были решены к 7 июня, когда экспедиционеры уже знали, что выезд в Заонежье состоится 11 июня (ПФА РАН, ф. 150, оп. 5, № 39, л. 11–16).

Впечатления от этой и последующих экспедиций отразились в художественных дневниках Н. П. Колпаковой «У золотых родников» — книге, написанной по материалам кратких заметок много позднее: в 1960-е — 1970-е гг. [Колпакова 2002].

Маршрут экспедиции был следующий. Пароходом из Ленинграда по Неве, через Ладогу в реку Свирь, а затем по Онежскому озеру сотрудники ГИИИ прибыли в Петрозаводск; далее местным пароходом из Петрозаводска состоялся переход в Великую Губу, где началась полевая работа — обследование окрестных деревень. В этой точке участники экспедиции проработали с 14 по 19 июня. Затем было Яндомозеро (19–24 июня), Космозеро (24 июня — 1 июля), Великая Нива (1–2 июля), Шуньга (3–7 июля). Отсюда через Великую Губу и Петрозаводск сотрудники ГИИИ вернулись в Ленинград.

Из дневника Н. П. Колпаковой следует, что И. В. Карнаухова присоединилась к основной группе чуть позднее. Вместе с Е. Э. Кнтац и Л. М. Шуляк они прибыли в Великую Губу вечерним пароходом 16 июня. Между словесниками с самого на-

чала были распределены обязанности: А. М. Астахова записывала былины и заговоры; Н. П. Колпакова — песни и материал по свадебному обряду; А. И. Никифоров (в то время сотрудник Толстовского музея в Ленинграде, присоединившийся к экспедиции ГИИИ) и И. В. Карнаухова занимались сказками. В художественных дневниках Н. П. Колпаковой под 19 июня, когда экспедиция находилась в Яндомозере, читаем: «„Сказочники“ — А. И. Никифоров и Ирина Карнаухова в восторге от местных Шехерезад. Сказок здесь гораздо больше, чем в Великой Губе, где преимущественно царят песни» [Колпакова 2002: 27].

В основном составе экспедиции были молодые люди, только входившие в науку. Горожане, не знавшие крестьянской жизни, они жадно впитывали свежие впечатления. «Быт наш таков же, что и на предыдущих базах, — пишет Н. П. Колпакова о пребывании экспедиции в Космозеро, — живем в большом чистом крестьянском доме у самого озера; у нас на четверых «светелка», в которой помещаются Анна Михайловна (Астахова. — *Т. И.*), Ирина Карнаухова, Зиночка Эвальд и я; во втором этаже — «муж-отдел», столовая и клетушка для дам ИЗО; мыться бегаем на озеро, становимся на колени на длинной доске, лицом к воде, над нами встает луна, и мы похожи на каких-то неведомых монахов, совершающих обряды из «культы молодой луны». В лавке те же бублики и паточные леденцы, в доме те же огромные самовары и те же примитивные веселые обеды с самой фантастической сервировкой». И далее самое главное: «Люди здесь такие же хорошие, как и в предыдущих деревнях» [Колпакова 2002: 31].

Хозяйка избы, в которой поселились участники экспедиции, оказалась прекрасным знатоком устной народной поэзии. «В Космозеро одна из самых приметных фигур — Пелагея Никифоровна Коренная, наша хозяйка, очень живая и приветливая женщина лет шестидесяти, — пишет Н. П. Колпакова. — От нее мы записываем самые разнообразные жанры. Ирина пытается от нее сказки, а я — песни» [Колпакова 2002: 36]. Сказки П. Н. Коренной (12 преимущественно «ребячьих» сказок) опубликованы И. В. Карнуховой в ее сборнике «Сказки и предания Северного края». Здесь же в комментариях дана блестящая характеристика этой сказочницы — мастерицы народного слова, владевшей выразительным жестом, разыгрывавшей сказку как драматическое произведение.

Фольклористические результаты поездки в Заонежье оказались весьма внушительными. «ЛИТО записало 42 былины, 24 духовных стиха, около 500 песен, более 1000 частушек, 278 загадок, 138 сказок, 63 заговора, 38 причитаний и около 300 пословиц, поговорок, присказок и т. п.», — отмечает Н. П. Колпакова [Колпакова 2002: 48]. Столь же успешной поездка была и для ученых, изучавших другие виды крестьянского искусства. В годовом отчете ГИИИ за 1926/1927 гг. Заонежская экспедиция поставлена на первое место в ряду явных достижений Института (ЦГАЛИ, ф. 82, оп. 3, № 21, л. 3 об.).

Материалы по сказке, собранные И. В. Карнауховой в Заонежье, были осмыслены ею в двух статьях. Первая статья Карнауховой по этим материалам — «Заонежские сказки» — вышла в сборнике «Сказочная комиссия в 1926 г.» Русского географического общества [Карнаухова 1927а: 22–23]. Это список сказок, записанных во время экспедиции. В емкой таблице фольклористка указывает место записи и имя сказочника, называет индекс сюжета по системе Антти Аарне, а также дает ссылки на опубликованные варианты сказок по сборникам А. Н. Афанасьева, Н. Е. Ончукова, А. М. Смирнова и др. Подчеркнем, что соотнесение И. В. Карнауховой своего материала с индексами А. Аарне было одним из первых опытов подобного рода в отечественной фольклористике.

Во второй статье — «Сказочники и сказка в Заонежье», — опубликованной в сборнике ГИИИ «Искусство Севера: Заонежье» [Карнаухова 1927б: 104–120], исследовательница настойчиво подчеркивает, что на период работы экспедиции сказка в Заонежье представала как активно живущий жанр. Одна из проблем, которую фольклористка пытается решить в очередной раз вслед за своими предшественниками — это проблема типологии сказочников. И. В. Карнаухова выделяет сказочников-импровизаторов, твердо знающих сюжет и стандартный набор сказочных формул, но не боящихся каждый раз вводить в текст новые эпизоды и образы. Таковым был, например, И. В. Митрофанов из д. Яндомозеро, от которого в течение трех дней две сказки были зафиксированы дважды, что дало возможность сравнить разновременные записи. Вторую группу составляют сказочники, владеющие «твердым текстом, отлитым в определенную форму и никогда не изменяемым» [Карнаухова 1927б: 107]. Примером исполнителя этого типа

может быть П. Г. Коренная, хозяйка избы в Космозеро, где жили экспедиционеры. «Почти все они, — писала И. В. Карнаухова о ее сказках, — являются ритмической речью, обильно пересыпанной рифмованными фразами» [Карнаухова 1927b: 111]. Наконец, третью группу формируют сказочники-разрушители. В их устах сказка забывается, причем теряется не только вся формульность, присущая жанру, но и обесмысливается сам сюжет. Специальное внимание И. В. Карнаухова обращает и на 16-летнюю сказочницу Марусю Рагозину, вводящую в свои сказки фрагменты других фольклорных жанров (например, причитание и заговор).

Одна из проблем, выявленная собранным материалом, — влияния книги на устный репертуар заонежских крестьян в 1920-е гг. Как оказалось, в их среде активно бытуют пересказы «Князя Серебряного» А. К. Толстого, бульварно-детективного романа «Тайна графа Коломбержского» и других произведений этого рода. Крестьянство, свидетельствует И. В. Карнаухова, имеет вкус к индивидуальному литературному творчеству. Упомянутый в дарительной надписи А. М. Астаховой Кирик Гаврилович Рябинин из д. Середка (кстати, представитель знаменитой династии былинщиков Рябининых-Андреевых), например, сочинил «длиннейшую стихотворную повесть, довольно точно следуя ритму и размеру Ершовского "Конька-горбунка"» [Карнаухова 1927b: 120].

Собранный И. В. Карнауховой в 1926 г. сказочный материал через несколько лет нашел место в ее книге «Сказки и предания Северного края». Здесь даются 64 заонежские сказки от 21 исполнителя из 12 деревень.

29 сентября 1926 г., сразу же по окончании Заонежской экспедиции, Крестьянская секция уже обсуждала маршрут следующего года. Представители ЛИТО выступили против продолжения обследования Заонежья. Дело в том, что в том же 1926 г. Фольклорная подсекция Государственной академии художественных наук (Москва), руководимая Ю. М. Соколовым, начала в том же Заонежье свою трехгодичную экспедицию «По следам Рыбникова и Гильфердинга». Поэтому ленинградские фольклористы предлагали выбрать для работы в следующем году регион рек Мезень и Пинега (ПФА РАН, ф. 150, оп. 5, № 39, л. 7.).

В конечном счете, летняя экспедиция 1927 г. сложилась таким образом. На Пинегу — правый приток Северной Двины —

отправилась основная группа во главе с К. К. Романовым; на Мезень — небольшой отряд В. Н. Всеволодского-Гернгросса. И. В. Карнаухова вошла в пинежскую группу. Маршрут поездки был следующим. 3 июня экспедиция выехала поездом из Ленинграда в Вологду, где пересела на пароход, доставивший ее по Сухоне и Северной Двине в Архангельск; далее местным пароходом экспедиционеры поднялись вверх по Северной Двине, вошли в Пинегу и проследовали до деревни Сура (верхнее течение реки), где 14 июня развернули первую базу для полевой работы. Обследование сурских деревень заняло 8 дней. «Деревеньки маленькие, — пишет в своем художественном дневнике Н. П. Колпакова, — расположены в небольших расстояниях вокруг Суры, так что бегать к ним просто. Как и в прошлом году, каждый занят своей специальностью: Анна Михайловна Астахова работает с былинами, Ирина Карнаухова и А. И. Никифоров — со сказками, а МУЗО и я заняты песнями. Так как ТЕО в этом году уехало на Мезень, то все обряды, игры и другой материал тоже возложены на меня. ИЗО в восторге фотографируют, обмеряют, копируют, зарисовывают и т.п. Дела у всех — по горло» [Колпакова 2002: 62].

22 июня экспедиция местным пароходиком спустилась вниз по Пинеге и остановилась в большом селе Карпова Гора, расположенном на правом берегу Пинеги. В Карпогорах и окрестных деревнях работа продолжалась до 3 июля. Официальный дневник экспедиции, который вела Н. П. Колпакова как секретарь, хранящийся ныне в Рукописном отделе Института русской литературы (Пушкинский Дом) РАН, конкретизирует работу И. В. Карнауховой. Из этого дневника следует, что 23 июня А. М. Астахова и И. В. Карнаухова обследовали Карпову Гору. С 24 по 26 июня И. В. Карнаухова и И. М. Левина работали в соседней Шардонеме, наблюдая местный праздник. 28 июня они записывали фольклор в Шотовой Горе. Под 29 июня читаем: «И. В. Карнаухова и Н. П. Колпакова работали весь день в дер. Шотова Гора, где было собрано много песен, частушек и песен». 30 июня А. М. Астахова и И. В. Карнаухова записывали в Церковой Горе, а 1 июля — в Ваймуше (РО ИРЛИ, р. V. к. 3, п. 1, № 20).

3 июля ученые всей группой переехали в Кевролу — бывшую «столицу» огромного Кеврольского уезда (левый берег реки), а 5 июля отправились в Покшеньгу, расположенную в 15 километрах от Кевролы вверх по течению одноименной

реки — притока Пинеги. Переход был непростым. Основная группа на подводах благополучно добралась до Покшеньги, а музыковеды — З. В. Эвальд и Е. В. Гиппиус, — плывшие на лодке с тяжелыми и хрупкими валиками и фонографом, застряли на реке. Е. В. Гиппиус пешком дошел с Покшеньги с этим неприятным известием. Приближалась гроза, и участникам экспедиции, уже находившимся в Покшеньге, пришлось срочно идти вниз по течению и на руках переносить драгоценные материалы. «Мы пошли, — описывает этот эпизод экспедиционной жизни Н. П. Колпакова, — Ирина Карнаухова, фотограф Толя (А. С. Данский. — *Т. И.*), Витя Астахов (сын А. М. Астаховой. — *Т. И.*), я. Женя (Е. В. Гиппиус. — *Т. И.*) с нами. Долго описывать нечего: мы попали под страшную грозу. Две недели весь окружающий мир молился о дожде. Можно сказать, молитва исполнилась в самую «подходящую» для нас минуту! Мы шли по мокрой траве выше колен сначала под проливным дождем, а через четверть часа — под градом величиной с вишню. Я никогда подобного града не видывала. В одну минуту мы были жестоко избиты и мокры насквозь, но храбро шли вперед и распевали хором „Потеряла я колечко“, заглушая своим ревом раскаты грома и восхищаясь молниями, которые бороздили все небо над нашими беспечными головами» [Колпакова 2002: 76]. На берегу Покшеньги экспедиционеры нашли З. В. Эвальд, рядом с ней укрытые ящики с восковыми цилиндрами и фонограф, и все это, в конце концов, благополучно на руках было перенесено в деревню.

В Покшеньге по-настоящему развернуть работу не удалось. Известие о том, что по Пинеге поднимается последний пароход, который вскоре отправится вниз по течению, а других пароходов не будет, так как река обмелела, заставило ученых срочно вернуться в Кевролу. 9 июля пароходиком «Курьер» экспедиционеры добрались до г. Пинега, где остановились в ожидании парохода из Архангельска. Н. П. Колпакова в этот день записывала в официальном дневнике: «Вечером А. М. Астахова и И. В. Карнаухова направились к находящейся в Пинеге О. Э. Озаровской». О. Э. Озаровская, московская артистка и фольклористка, впервые побывавшая на Пинеге в 1914 г., действительно, в 1927 г. последний раз посетила любимшееся ей Пинежье. 11 июля экспедиционеры были уже в Архангельске.

12 июля Н. П. Колпакова писала в своем художественном дневнике: «... так как официальная часть экспедиции была кончена, каждый поехал в свою сторону. МУЗО и фотограф Толя отправились в железнодорожную кассу, чтобы взять билеты просто в Ленинград. А. М. Астахова, Ирина Карнаухова и Ира Левина остались на сутки в Архангельске, чтобы потом отправиться на Зимний берег Белого моря. А четыре человека — К. К. Романов, Е. Э. Кнатц, Л. М. Шуляк и я — плывут в настоящую минуту по чудесной тихой Северной Двине в Сольвычегодск» [Колпакова 2002: 80]. На Зимний берег А. М. Астахова, И. В. Карнаухова и И. Левина, по нашим сведениям, в 1927 г. не попали. Они направились в западную часть Поморья. Именно тогда А. М. Астахова и И. В. Карнаухова и оказались в Сумском Посаде — большом поморском селе, упомянутом в дарительной надписи, которую мы привели в начале нашего очерка, на книге «Сказки и предания Северного края». Эта поездка, надо полагать, носила уже не фольклорно-этнографический, а сугубо туристский характер. Через несколько лет она отразится в литературном творчестве И. В. Карнауховой: поморский быт станет основой ее первой детской повести «Кружево на мачте».

Научные же результаты работы И. В. Карнауховой в Пинежской экспедиции, как и заонежские записи, нашли место в книге «Сказки и предания Северного края». В разделе «Пинега» здесь даются 66 сказок от 14 исполнителей из 12 деревень.

Еще одним следствием поездки на Пинегу стала статья исследовательницы «Суеверия и бывальщины» [Карнаухова 1928: 77–97]. Здесь приводятся очень тонкие наблюдения над поверьями, активно бытующими на Пинеге. В Суре, где экспедиционеры остановились в местной школе, произошел следующий эпизод: «Сторожиха при сурской школе, вытянув из печи горшок с кашей для участников экспедиции, протягивая дежурному ложку, спросила: „Отложишь ли для подпечника корочку?“» [Карнаухова 1928: 79]. Обрядово-мифологическое сознание северян требовало, чтобы вновь поселившийся в доме человек приветил духа-хозяина избы — домового (подпечника). Статья рисует яркие образы местной демонологии — доможир, байная обдериха, гуменник, лесной и лешачиха, мертвецы, черти.

Обработав зимой 1927/1928 гг. пинежский материал, подготовив к печати второй сборник статей «Искусство Севера»,

сотрудники ГИИИ весной 1928 г. опять засобирались в экспедицию. Они решили продолжить движение на восток Русского Севера, избрав для обследования реку Мезень, впадающую в Северный Ледовитый океан. Дорога на этот раз была еще более тяжелой и сложной, чем в пинежскую поездку. 10 июня экспедиционеры выехали поездом из Ленинграда в Вологду, а затем опять-таки поездом — в Архангельск. Отсюда 13 июня пароходом «Канин» они отправились по Белому морю к устью Мезени. «Мы живем все в I классе, по четыре человека в каюте. Наша кампания — А. М. Астахова, Ирина Карнаухова, Зиночка Эвальд и я. Каюта вполне комфортабельная. В другой живут дамы ИЗО. Одна каюта мужская, а фотограф помещается где-то на другом конце парохода», — пишет Н. П. Колпакова в своем дневнике [Колпакова 2002: 91]. 14 июня пароход подошел к устью Мезени и начал медленный подъем вверх по реке, — медленный, потому что быстрое течение реки было практически равно скорости парохода. В Усть-Вашке экспедиционеры пересели на другой пароход — «Сурянин» — и продолжили путь вверх по течению. Только 20 июня ученые достигли села Вожгоры, где развернулась их первая база. Вожгоры — это граница русской Мезени: далее в верховьях территория, где живут в основном коми. Как и в Пинежскую экспедицию, решено было двигаться с верховьев вниз по течению реки. В Вожгорах и окрестных деревнях проработали до 26 июня. В этот день на местных длинных плоских лодках под надоедливим дождем основная группа «сплавилась» в д. Лебская, в которой экспедицию уже поджидали А. М. Астахова и И. В. Карнаухова, ушедшие сюда ранее. «Анна Михайловна и Ирина Карнаухова, которые ушли сюда еще до дождя, ждали нас с нетерпением, — читаем в дневнике Н. П. Колпаковой. — Вся деревня была в курсе их тревоги, все бежали радостно на берег встречать нас, но затем возвращались разочарованными:

— Не... Это какие-то другие коряги плывут, а не ваш народ!» [Колпакова 2002: 116]

После Лебской 29 июня экспедиция остановилась в Засулье, 30 июня прибыла в Палащелье, вечером 4 июля на большом карбасе вышла в Концещелье, 8 июля — в Малые Нисогоры. 14 июля был последний день работы экспедиции. Сотрудники ГИИИ погрузились на пароход и отправились в обратный путь по реке Мезень. В устье пересели

на другой пароход и Белым морем добрались до Архангельска.

В сборнике «Сказки и предания Северного края» И. В. Карнаухова позднее опубликовала 21 мезенский текст (записаны от 7 исполнителей в 5 деревнях).

Целью последней поездки ГИИИ, состоявшейся летом 1929 г., стала Печора — последняя из больших рек северо-востока Русского Севера. На этот раз экспедиция ехала в сокращенном виде и по сути своей была не комплексной, а сугубо фольклористической: Е. В. Гиппиус как руководитель, А. М. Астахова, Н. П. Колпакова, И. В. Карнаухова, С. С. Писарев, З. В. Эвальд. В бытовом отношении это была, пожалуй, самая трудная поездка. Выехав из Ленинграда поездом 12 июня, экспедиционеры через два дня прибыли в Архангельск. Затем знакомым пароходом «Канин» был переход по Белому морю в устье Мезени, пересадка на другой пароход и медленный путь к д. Койнаса, расположенной на левом берегу реки. Сюда добрались 23 июня. От Койнаса начиналась сухопутная дорога по тайболе — суровому северному лесу — в сторону Печоры. После долгих «уговоров» с возчиками, наняв четыре «кибитки», экспедиционеры 26 июня направились к цели. Н. П. Колпакова пишет в своем художественном дневнике: «Мезень мы переехали на пароме. На противоположном берегу уселись в „кибитки“, привязали покрепче ящики с багажом и пустились в путь. В первой телеге ехали мы с Анной Михайловной, во второй — Ирина и Сережа (С. С. Писарев. — *Т. И.*), в последней — МУЗО. Все в накомарниках, в пальто и в толстых рукавицах из коровьей шерсти, которыми мы запаслись в Койнасе» [Колпакова 2002: 142].

Путь по тайболе занял пять дней. На ночевку останавливались на станциях — избушках, в которых постоянно или вахтовым методом одиноко жили смотрители, обихаживавшие путешественников. На станции Поповской, стоявшей на реке Цыльме, впадающей в Печору, участники экспедиции пересели в лодку и поплыли к Печоре. «И вот, наконец, Цыльма теряет свои берега, Цыльма низко расстилается, исчезает перед иной — громадной, величественной темной рекой, — пишет Н. П. Колпакова. — Коричневые откосы берегов — в венце мохнатого леса. Масштабы настолько грандиозны, что огромные кручи кажутся небольшими возвышенностями. Непокойная река даже и в это

тихое солнечное утро играет, переливается серебристой зыбью. На противоположном берегу — огромное село Усть-Цыльма. Но что нам сейчас до берега! Затаив дыхание, всеми чувствами охватываем мы грандиозную водную панораму. Вот она, неведомая мечта, долгожданная, наконец-то достигнутая красавица Печора!» [Колпакова 2002: 148]

В большое старинное печорское село Усть-Цыльму экспедиция прибыла 30 июня. Печора встретила фольклористов ныне знаменитыми в науке «горками» — уличными гуляньями. Н. П. Колпакова писала: «Ну, дорогие потомки, мы вчера нагледелись на такое!.. Ни в одном театре не увидишь, и не в каждом сне приснится. Да! Это было вчера. И не во сне, а наяву, среди бела дня. До сих пор в глазах стоит все это алое, синее, золотое, зеленое... На высок ом — очень высоком! — речном обрыве — девичий хоровод. В нем человек пятьсот. Но из какой же сказки явились эти девушки в их невиданных, неслыханных одеждах? Шелестят тяжелые пышные шелка. Плавно волнуются сборчатые сарафаны. Расцветают диковинные узоры, серебряные цветы на парчовых „коротиньках“ — сборчатых безрукавках до пояса, надетых поверх сарафанов. Колышутся пышные цветы штофных, затканых шелковыми цветами „шалюшек“. Громадные шелковые платки отливают множеством нежных оттенков — бледно-палевых, розовых, темно-синих...» [Колпакова 2002: 148]

С 1 по 5 июля фольклористы работали в Усть-Цыльме и окрестных деревнях. 5 июля на маленькой лодке они направились по притоку Печоры Пижме в д. Замежное. «Замежное оказалось таким золотым дном, какого не могли нам предсказать все наши предчувствия. За два дня мы записали 180 песен, — писала Н. П. Колпакова. — Это было в ущерб другим жанрам. В Замежном песенная культура совершенно поглощает сказочную и былинную.

— Где бабушка (или мама)? — спрашивали, входя в пустую избу, Анна Михайловна и Ирина, разыскивавшие былины и сказки. И брошенные дома младенцы, бродя в одних рубашонках по покинутому жилищу, весело отвечали:

— Не!.. В трубу ушла!

Это означало, что личности, интересовавшие наших собирательниц, толпились около школы, где мы остановились, и в числе других жительниц Замежного без остановки пели, пели в фонограф...» [Колпакова 2002: 162]

Вернувшись с Пижмы в Усть-Цыльму, 17 июля экспедиция на буксирном пароходе под проливным дождем отправилась вниз по Печоре. Неожиданно пришлось сделать незапланированную остановку в д. Климовка: «север» — опасный ветер с океана, ставший причиной шторма на Печоре — заставил причалить к берегу. Здесь экспедиционеры, ожидая погоды, пробыли три дня. Лишь 22 июля фольклористы добрались до большого села Великая Виска, где рассчитывали поработать подольше. Но прибывший сверху пароход заставил их уже 24 июля начать обратный путь: речной пароходик, морская пристань около д. Тельвиска, пересадка на морской пароход, Баренцево море, Архангельск.

Печорские сказки в сборнике И. В. Карнауховой «Сказки и предания Северного края» представлены 18 текстами двух усть-цылемов: это О. И. Ермолина — старообрядка, начетчица, в сказках которой явственно прочитывается неприязнь к православным священникам; и Василий Соболев — ненец, постоянно живущий в Усть-Цыльме и прекрасно владеющий русской сказочной традицией.

Итогом четырех экспедиций ГИИИ на Русский Север стало несколько книг, сыгравших выдающуюся роль в истории отечественной фольклористики. В 1937 г. музыковеды Е. В. Гиппиус и З. В. Эвальд издали «Песни Пинежья»; в 1938–1951 г. вышли в свет «Былины Севера» А. М. Астаховой; уже после войны, в 1961 г. В. Я. Пропп опубликовал «Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова» (сам собиратель погиб в блокадном Ленинграде) [Песни Пинежья 1937; Былины 1938–1951; Никифоров 1961]. Но первой книгой, отражавшей материалы ГИИИ, стали «Сказки и предания Северного края» И. В. Карнауховой, изданные в 1934 г. Сборник построен традиционно для русской науки. В нем четыре раздела, представляющие региональную специфику материала — «Заонежье», «Пинега», «Мезень», «Печора». В каждом из разделов сказки расположены по сказителям, феномену которых в науке первой половины XX столетия уделялось очень много внимания.

Книга была неоднозначно встречена в фольклористических кругах. Известный сказковед Н. П. Андреев, будучи не совсем удовлетворенным тем, что издание рассчитано на широкого читателя и в связи с этим имеет научный аппарат облегченного типа, все-таки называет его «самым крупным

явлением новой русской сказочной литературы» [Андреев 1936: 410]. А. И. Никифоров, участник экспедиций ГИИИ, напротив, отнесся к изданию незаслуженно сурово. Рецензент обращает внимание и на опечатки, и на просчеты в передаче диалектных особенностей речи исполнителей, упрекает исследовательницу в возможной редакции эпизодов эротического характера. А. И. Никифорова не удовлетворяет принцип отбора материала — исключение вариантов одного и того же сюжета. Приоритет заонежских сказок перед остальным материалом также ставится им под сомнение. По его собственным наблюдениям, чем дальше от Ленинграда, тем интереснее сказочная традиция. Впрочем, сам районный (территориальный) принцип распределения материала А. И. Никифоров считает малопродуктивным. Равным образом, укоренившийся в русской науке принцип расположения материала по сказочникам исследователь полагает неудачным. «Этот принцип исходит из понимания сказки как литературного произведения, имеющего свой авторский стиль, свою школу. Лучший опыт издания сказочников по мастерам принадлежит М. К. Азадовскому. Но повторять механически этот опыт нельзя, потому что должен быть сделан следующий шаг, т.е. подача мастеров не в механическом соединении, а сгруппированными по стилям, по школам, по манерам рассказа» [Никифоров 1926: 415]. Много замечаний рецензент имеет и к комментариям И. В. Карнауховой, хотя характеристики исполнителей его в основном удовлетворяют.

По прошествии многих десятилетий суровая рецензия А. И. Никифорова кажется не во всем справедливой. «Сказки и предания Северного края» не претендовали на то, чтобы стать новым словом в сказковедении. Они добросовестно следовали той научной традиции, которая главенствовала в фольклористике в 1930-е гг. Сборник, что самое важное, вводил в науку 169 новых доброкачественных сказочных текстов.

Названные выше статьи «Заонежские сказки», «Сказочки и сказка в Заонежье» и «Суеверия и бывальщины», равно как и сборник «Сказки и предания Северного края», свидетельствуют, что И. В. Карнаухова со временем явно могла бы стать видным исследователем фольклорной культуры русского народа. Меткая наблюдательность, умение систематизиро-

вать материал — все это свойства, необходимые фольклористу, а именно эти черты и прочитываются в ее научных работах. Однако исторические обстоятельства и личные творческие интересы подталкивали И. В. Карнаухова к тому, чтобы она оставила науку и избрала другую стезю.

В 1930 г. в рамках коренного преобразования системы научных учреждений в СССР началась реорганизация в Государственном институте истории искусств, где работала исследовательница. Поначалу здесь был организован Кабинет изучения фольклора города и деревни, руководителем которого был назначен В. М. Жирмунский. И. В. Карнаухова стала секретарем Кабинета. Но вскоре, уже в конце того же года, во главе Кабинета стал переехавший из Иркутска в Ленинград М. К. Азадовский. В 1931 г., при преобразовании ГИИИ в Государственную Академию искусствознания, фольклорное направление в данном учреждении было закрыто. В ходе этих реорганизаций — или чуть позднее — И. В. Карнаухова, по видимому, потеряла работу. На первое место для нее вышло литературное творчество. Вместо фольклориста И. В. Карнауховой в эти годы рождалась детская писательница Ирина Карнаухова.

В 1930 г. была издана тоненькая книжка для детей младшего возраста «Чьи это игрушки?», где главным содержанием были красочные рисунки А. Порет, под которыми давался текст Э. Поперной и И. В. Карнауховой [Порет 1930]. Это был первый печатный опыт И. В. Карнауховой в детской литературе.

В 1931 г. московское издательство «Молодая гвардия» выпустило в свет первую повесть писательницы «Кружево на мачте» [Карнаухова 1931а] (по нашим сведениям книга реально вышла в конце 1930 г.). Это произведение отвечает всем канонам советской детской литературы, призванной проводить в жизнь идеологию государства, строящего социализм. Действие происходит в поморском селе Рыбацкое на берегу Белого моря. Героиня повести (девочка-подросток Ленка) вместе со своими земляками роет местный «Волго-Дон» — канал через опасную косу, облегчающий жизнь рыбакам-поморам. Узнав, что ее отец оказался брошен хозяином в Норвегии, она решается одна на карбасе плыть туда, чтобы помочь ему вернуться на родину. Пережив непогоду и заболев, Ленка попадает в Норвегии в больницу, находит отца, живет в доме у местного бургомистра

в качестве служанки. Бургомистр видит у Ленки полотенце, замечательно украшенное кружевами. Не поверив, что кружево вышито русскими крестьянками, он предлагает Ленке вышить такое же полотенце, в случае успеха обещая большую сумму денег. Ленка вышивает полотенце, получает деньги, покупает карбас и вместе с отцом возвращается в родную деревню.

В повести отразился экспедиционный опыт И. В. Карнаухова. В 1927 г. в поморской деревне Сухой Наволок И. В. Карнаухова и А. М. Астахова видели канал, вырытый местными жителями. От поморок фольклористы слышали рассказы о том, что их рукоделью дивились соседи-норвежцы. Писательница вставляет в повесть фрагменты из севернорусских песен, знаменитую «Небылицу в лицах» пинежской былинщицы М. Д. Кривополеновой, вложенную в уста одного из героев, и другие произведения русского фольклора.

В том же 1931 г. — а точнее, в конце 1930 г., — была опубликована еще одна детская повесть И. В. Карнаухова — «Ой-хо: Повесть о самоедском мальчике» [Карнаухова 1931b], героем которой становится мальчик-ненец Хари. Быт ненцев-оленевонов, правдиво описанный в этой книге, писательница могла наблюдать в Мезенской и Печорской экспедициях.

В самом конце 1930 г., по-видимому, в рамках вступления в Ленинградское отделение Всероссийского союза писателей, И. В. Карнаухова заполнила анкету. Здесь имеются сведения о том, что печататься И. В. Карнаухова начала раньше 1930 г. На вопрос, «где и когда напечатано ваше первое произведение», она ответила: «В газете “Голос средней школы”. Названия (статьи или заметки. — *Т.И.*) не помню» (РО ИРЛИ ф. 291, оп. 1, № 457, л. 6.). В связи с другим вопросом — «Перечислите издания, в которых вы участвовали с 1918 г. по сей день» — писательница указала вечерние выпуски петроградской «Красной газеты» (12 фельетонов), журнал «Краснофлотец» (4 очерка), «Одесские известия» (2 очерка), журнал «Красная панорама» (1 очерк). Сами очерки не названы, поэтому выявление их в названных изданиях (возможно, они подписаны псевдонимом И. Валерьянова) еще только предстоит. Как бы то ни было, И. В. Карнаухова в конце 1930 г. была принята во Всероссийский союз писателей. В конце цитируемой анкеты имеется помета: «Бюро секции детских писателей Ленинград-

ского отделения ВСП высказывается за принятие т. Карнаухова в ВСП <...> 10 ноября 1930 г.».

Летом 1932 г. И. В. Карнаухова опять выехала в фольклорную экспедицию. Институт по изучению народов СССР (ИПИИ), при котором в 1931–1933 гг. существовала Комиссия по фольклору, возглавляемая М. К. Азадовским, совместно с только что созданным Карельским научно-исследовательским институтом (Петрозаводск) организовал обследование беломорских рыбацких сел. В экспедиции помимо И. В. Карнауховой участвовали А. М. Астахова, С. С. Писарев и А. Н. Нечаев. К сожалению, эта поездка в трудах И. В. Карнауховой научного характера не отразилась. Насколько нам известно, эта экспедиция была последней в жизни фольклористки.

Одновременно с занятиями литературой в середине 1930-х гг. И. В. Карнаухова активно сотрудничает с Ленинградским радиокомитетом. На радио становится популярной ее передача «Сказки бабушки Арины». Перекроив свое имя на деревенский лад и явно имея в виду няню Пушкина Арину Родионовну, И. В. Карнаухова выступает перед микрофоном со своими переделками народных сказок. Такгодились ее занятия в Институте слова и опыты сказывания сказок в Коктебеле.

На основе радиопередач было сделано еще несколько книг писательницы. Первая книга под заглавием «Сказки бабушки Арины» вышла в свет в 1936 г. на правах рукописи и была издана в серии «Микрофонные материалы Управления местного вещания Всесоюзного радиокомитета. Редакция детского вещания» [Сказки 1936]. По-видимому, материалы имели методический характер и предназначались для местных радиокомитетов. Книга представляет собой тексты пяти радиопередач для детей дошкольного возраста. Первая радиопередача началась так:

«Музыка из Сборника русских песен Лядова.

Здравствуйте, ребятки, здравствуйте, голубятки. Я, бабушка Арина, долго по свету бродила, на вас набрела. Ох, и далеко к вам, детушки, ехать! Ехала я на собаках да ехала я на оленях. Села в сани — вот и говорю с вами». [Сказки 1936: 3] Далее шла присказка и известная сказка о старухе и лапте. Завершалась передача опять монологом бабушки Арины, не забывавшей о дидактической направленности радиовещания: «Вот, ребят-

ки, я вас потешила, теперь вы меня потешьте. Рассказала я вам сказку-старинку, а вы нарисуйте к ней картинку. Вы, Тит да Наум, беритесь за ум, пирожок дожуйте, бабку с лаптями нарисуйте. У кого выйдет картинка получше — тому кашки погуще, тому три гуся. Моя сказка вся» [Сказки 1936: 5]. Несмотря на некоторую слащавость тона, радиопередача «Сказки бабушки Арины» имела успех у маленьких слушателей и их родителей.

Вторая книга, отражающая материал радиопередач, называлась «Народные сказки» [Народные сказки 1936]. Эта передача представляла собой маленькую лекцию для детей среднего и старшего возраста о ценности народных сказок. В лекции явно нашли место те сведения, которые И. В. Карнаухова собрала во время своих севернорусских экспедиций. Так, говоря об особенностях бытования сказок, она описывает их функционирование в различных условиях: «А на лесном сплаве, когда плоты по неделям медленно плывут по реке, как дорог сказочник! На рыбной тоне, где в бурю бездеятельно иногда сидит бригада, дожидаясь хорошей погоды. На лесных разработках за 20–25 километров от села, в свободные часы в полевом таборе... Всюду сказочник дорогой и любимый гость» [Народные сказки 1936: 8]. Лекция иллюстрировалась сказками «Пых», «Финист Ясный сокол», «Барин-кузнец», отражавшими разные грани русской сказочной традиции.

Опыт работы на радио стал толчком и для создания еще одной книжки И. В. Карнауховой под названием «Сказки бабушки Арины», вышедшей в 1938 г. в Петрозаводске [Карнаухова 1938]. Здесь собраны 27 литературно обработанных ею сказок: «Глиняный Иванушко», «Кот-воркот Котофей Котофеевич», «Зимовье зверей», «Снегурушка», «Жихарко», «Верлиока», «Волк и семеро козлят», «Гуси-лебеди» и др. Второе издание этой книги вышло в Петрозаводске в 1939 г.

Перед войной И. В. Карнаухова издала еще одну детскую книгу — «Сказки» [Карнаухова 1940]. «Это не фольклорные записи, — отмечает писательница в предисловии к книге. — Это сборник пестрых сказок. Некоторые из них являются обработкой старинных сказок («Упрямая баба», «Сорная трава», «Нонешняя служба»), другие — записаны автором со слов различных рассказчиков («Как баба в гору пошла»). В иных использованы современные записи, опубликованные в периферийной печати («Мужицкая правда», «Мужик и Нужда», «Три

брата»). Большинство же сказок просто сочинены автором («Чапай», «Бабья дивизия», «Мороз, солнце и ветер», «Ясный сокол», «Мариша-летчица», «Аппетитная земля» и др.). Но во всех случаях автор вольно обрабатывал народный материал, пользуясь при этом творческим методом народных сказок, методом гибким, богатым и вечно живым. В этом и заключается значение сборника» [Карнаухова 1940: 5]⁴. Сочиненные сказки И. В. Карнауховой, естественно, отражали советскую идеологию. Типологически они похожи на произведения народных сказителей, инспирированные в середине 1930-х гг. фольклористами (П. И. Рябинин-Андреев, М. М. Коргуев и др.). Так, в сказке о Чапае, о котором создано несколько новин (аналог былин) и советских сказок⁵, И. В. Карнаухова строит следующий сюжет: Чапай, бедный крестьянин, на пути встречает барана, козу и коня, которых щадит и не убивает; когда начинается война бедняков с богачами, баран приносит ему шерсть, из которой делают бурку, коза — шкуру умершего козленка, из которой шьют папаху, а конь становится боевым конем Чапая; бурка и папаха оказываются заговоренными — пули в них застревают; однажды в бою погибает конь, раненый Чапай плывет через реку, скидывает бурку и папаху, новые пули попадают в него, и он гибнет.

В том же 1940 г. И. В. Карнаухова начинает издавать тоненькие детские книжки, предназначенные самым маленьким детям. Именно эти книжечки уже в 1950-е гг. сделают ее одним из самых читаемых авторов в детской аудитории. Перед войной вышла ее книжечка народных песенок «Рассыпушки» и сказка «Два Ивана» [Расыпушки 1940; Два Ивана 1940].

В предвоенные годы в 1937 г. И. В. Карнаухова издала также сборник «Частушки колхозной деревни» [Частушки 1937]. Эта книга, в которой представлены тексты из Ленинградской, Горьковской, Куйбышевской, Ивановской областей, вполне могла бы, как и «Сказки и предания Северного края», войти в историю отечественной фольклористики. Однако идеологические и политические приоритеты в этом издании явно преобладали над научными и эстетическими. Частушка

⁴ Там же. С. 5.

⁵ См. современную антологию подобного рода «советского фольклора» в книге [Рукописи, которых не было 2002: 403–968].

в 1930-е гг. прочно вошла в инструментарий пропагандистской машины сталинского режима. Соответственно, сборник И. В. Карнаухова воспевал революцию, колхозный строй, сталинскую конституцию, сталинских «соколов» (летчиков) и мудрого «отца народов» И. В. Сталина. Подлинная частушка здесь по сути отсутствует.

В начале Великой Отечественной войны И. В. Карнаухова эвакуировалась в Пермскую (тогда — Молотовскую) область. В деревне Черной, где обосновался детский лагерь-интернат ленинградского Литфонда (Литературного фонда), с 1941 по 1944 г. она работала учителем и воспитателем. В Молотовском государственном университете и многочисленных госпиталях города писательница неоднократно выступала со своими сказками. В годы войны вышли книги писательницы для детей «Забавные сказки», «Рассыпушки» и «Бой на Калиновом мосту» [Забавные сказки 1944; Рассыпушки 1944; Карнаухова 1945], представлявшие собой литературные обработки фольклорного материала.

Впечатления о военных годах отразились в двух новых детских повестях И. В. Карнаухова — «Повесть о дружных» [Карнаухова 1949] и «Наши собственные» [Карнаухова 1958]. В первом произведении, написанном в популярном в детской советской литературе жанре «школьной повести» (вспомним книги В. Осеевой «Васек Трубачев и его товарищи», В. Носова «Витя Малеев в школе и дома» и другие, на которых выросло не одно поколение детей нашей страны), рисуется жизнь уральской сельской школы и молодой учительницы, преодолевающих вместе со всей страной трудности военного времени. Э. С. Литвин, автор небольшой книги о И. В. Карнаухова, так определяет суть этого произведения: «Постепенно в повести за образом далекой русской деревушки встает могучий обобщенный образ родины героев повести — «страны дружных», которую они научились любить и беречь» [Литвин 1963: 78]. В другой повести — «Наши собственные» — ребята из детской здравницы в самом начале войны оказываются на территории, которую захватил враг. В столкновении с жестоким миром войны происходит их раннее взросление и осознание ответственности за свою страну.

Детские повести И. В. Карнаухова являются плодом своего времени. Они сыграли свою пусть скромную, но очевидно

позитивную роль в развитии отечественной детской литературы. Литературные же обработки сказок и народных песенок, сделанные писательницей, прочно вошли в репертуар детских книжек, обязательных в жизни каждого русского ребенка.

Приобщение ребенка к русской культуре начинается с книжечек И. В. Карнаухова типа «Весна-красна» (М., 1985) или «Скок-поскок» (М., 1965) — с песенок, читаемых на распев маминым голосом. Затем в руки малышу даются карандаши, и ребенок раскрашивает рисунки к сказке «Внученька» (Л., 1980). Потом начинается сказочная классика, также пересказанная И. В. Карнаухова, — «Гуси-лебеди» (Киев, 1979), «Василиса Прекрасная» (М., 1989), «Жихарка» (М., 1989) и т.д. Недаром том «Русские волшебные сказки» в серии «Библиотека для детей» большей частью своей состоит из литературных обработок писательницы [Волшебные сказки 1994]. Знакомство с театром также для многих детей начинается с имени И. В. Карнаухова. Вместе с Л. Т. Браусевичем ею по мотивам сказки С. Т. Аксакова написана пьеса «Аленький цветочек» (1946), входящая в репертуар современных детских театров.

Пытаясь осмыслить место литературной обработки фольклорного материала в духовной жизни современного ребенка, И. В. Карнаухова писала: «...народная сказка воспитывает эмоциональное отношение к миру, а не абстрактное холодно-рассудочное. По языку народная сказка всегда прозрачная, скупая и ясная» [Карнаухова 1966: 7].

Ирина Валериановна Карнаухова скончалась 13 апреля 1959 г., но ее фольклорные обработки остаются востребованными обществом до сих пор. В кругу же фольклористов заслуженным авторитетом пользуется ее сборник «Сказки и предания Северного края», знакомство с которым доставит радость всем, кому дорого устное слово.

Источники и литература

- Сказки 1934 — Сказки и предания Северного края / Запись, вступ. статья и коммент. И. В. Карнаухова; Предисл. Ю. М. Соколова. М.; Л.: Academia, 1934.
- Шиллегодский 1966 — *Шиллегодский С.* Ирина Валериановна Карнаухова // Карнаухова И. В. Повесть о дружных. Наши собственные. Л., 1966.
- Писатели Ленинграда 1966 — Писатели Ленинграда: Библиограф. справочник. 1934–1981 / Сост. В. Бахтин и А. Лурье. Л., 1981.
- Карнаухова 1957а — *Карнаухова И.* Бандероль // Костер. 1957. № 8.
- Карнаухова 1957б — *Карнаухова И. В.* Бутсы // Прибой: Сборник произведений ленинградских писателей. Л., 1957.
- Иванова 2004 — *Иванова Т. Г.* Фольклористика в Государственном институте истории искусств в 1920-е гг. // Русский фольклор: Материалы и исследования. СПб., 2004. Т. 32.
- Шмелева 1990 — *Шмелева Т.* Навечно в памяти и жизни // Воспоминания о Максимилиане Волошине. М., 1990.
- Чуковский 1991 — *Чуковский К. И.* Дневник. 1901–1929. М., 1991.
- Замятин 1997 — Рукописное наследие Евгения Ивановича Замятина. СПб., 1997. (Рукописные памятники / Российская национальная библиотека; Вып. 3, ч. 1).
- Дымшиц 1983 — *Дымшиц А. Л.* Карловарские вечера // Дымшиц А. Л. Избранные работы: В 2 т. М., 1983. Т. 2.
- Колпакова 2002 — *Колпакова Н. П.* У золотых родников (Записки фольклориста). СПб., 2002.
- Карнаухова 1927а — *Карнаухова И. В.* Заонежские сказки // Сказочная комиссия в 1926 г. Л., 1927.

- Карнаухова 1927b — *Карнаухова И. В.* Сказочники и сказка в Заонежье // Искусство Севера: Заонежье. Л., 1927. (Крестьянское искусство СССР: Сб. Секции крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 1).
- Карнаухова 1928 — *Карнаухова И. В.* Суеверия и бывальщины // Искусство Севера. Л., 1928. (Крестьянское искусство СССР: Сборник Секции крестьянского искусства Комитета социологического изучения искусств; Вып. 2).
- Песни Пинежья 1937 — Песни Пинежья: Материалы Фонограммархива, собранные и разработанные Е. В. Гиппиусом и З. В. Эвальд. М., 1937. Т. 2.
- Былины 1938–1951 — Былины Севера / Записи, вступ. статья, коммент. А. М. Астаховой. М.; Л., 1938–1951. Т. 1–2.
- Никифоров 1961 — Севернорусские сказки в записях А. И. Никифорова / Изд. подготовил В. Я. Пропп. М.; Л., 1961.
- Андреев 1936 — *Андреев Н. П.* Издания сказок (русских или на русском языке) за последнее пятилетие // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1936. № 2/3.
- Никифоров 1926 — *Никифоров А. И.* Проблема сказочного сборника // Советский фольклор: Сборник статей и материалов. М.; Л., 1926. № 2/3.
- Порет 1930 — *Порет А.* Чьи это игрушки? Текст Э. Поперной и И. Карнауховой. Л., 1930.
- Карнаухова 1931a — *Карнаухова И. В.* Кружево на мачте. М., 1931.
- Карнаухова 1931b — *Карнаухова И. В.* Ой-хо: Повесть о самоедском мальчике. М., 1931.
- Сказки 1936 — Сказки бабушки Арины: Русские народные сказки в обработке Ирины Карнауховой. — М., 1936. — 24 с. (Микрофонные материалы Управления местного вещания Всесоюз. радиокомитета. Редакция дет. вещания; № 7).
- Народные сказки 1936 — Народные сказки: Передача для детей школьного возраста / Сост. И. Карнаухова. — М., 1936. — 11 с. (Микрофонные материалы Управления местного вещания Всесоюз. радиокомитета. Редакция дет. вещания; № 16).
- Карнаухова 1938 — *Карнаухова И. В.* Сказки бабушки Арины / Рис. В. Ракова. — Петрозаводск: Карел. гос. изд-во, 1938. — 124 с.
- Карнаухова 1940 — *Карнаухова И. В.* Сказки. — Л.: Сов. писатель, 1940. — 112 с.
- Рассыпушки 1940 — Рассыпушки / Записала и обработала И. Карнаухова. — М.; Л.: Детгиз, 1940. — 32 с.

- Два Ивана 1940 — Два Ивана: Русская народная сказка в обраб. И. Карнаухова. М.; Л.: Детгиз, 1940. — 16 с.
- Рукописи, которых не было 2002 — Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора / Изд. подготовили А. Л. Топорков, Т. Г. Иванова, Л. П. Лаптева, Е. Е. Елеонская. М., 2002.
- Частушки 1937 — Частушки колхозной деревни / Сост. И. В. Карнаухова. Л., 1937.
- Забавные сказки 1944 — Забавные сказки / Сост. и обраб. И. В. Карнаухова. М.; Л.: Детгиз, — 1944. — 52 с.
- Рассыпушки 1944 — *Карнаухова И.В.* Рассыпушки. — Молотов, 1944. — 27 с.
- Карнаухова 1945 — Бой на Калиновом мосту: Рус нар сказка в обраб. И. В. Карнауховой. — М.; Л.: Детгиз, 1945. — 31 с.
- Карнаухова 1949 — *Карнаухова И. В.* Повесть о дружных. М.; Л., 1949.
- Карнаухова 1958 — *Карнаухова И. В.* Наши собственные: Повесть. Л., 1958.
- Литвин 1963 — *Литвин Э. С.* И. Карнаухова: Критико-биографический очерк. Л., 1963.
- Волшебные сказки 1994 — Русские волшебные сказки. СПб., 1994 (Б-ка для детей: В 15 т.; Т. 7).
- Карнаухова 1966 — Карнаухова И. В. «Главное — раскрыть смысл...» // Детская литература. 1966. № 7.

Сокращения

РО ИРЛИ – Рукописный отдел Института русской литературы РАН
(Пушкинского дома)

ПФА РАН – Петербургский филиал Архива РАН.

ЦГАЛИ – Центральный государственный архив литературы и искусства в г. Санкт-Петербурге.

Сказка как социальный фактор

Перевооружение науки на основе диалектического материализма как единственно научного метода познания и осмысления действительности в настоящее время охватило все участки научно-исследовательской деятельности. Однако далеко не все отрасли знания показывают движение вперед в тех темпах, которые необходимы в наши дни. Позже всех приступила к перевооружению та область, которая изучает актуальные вопросы так называемого народного устного творчества — фольклор.

Если мы и видим определенные сдвиги в методологии фольклора, то отношение к нему в научном мире и часто в руководящих кругах очень мало содействует оживлению на этом участке. На фольклор и по сию пору многие смотрят как на науку, занимающуюся главным образом архаикой, якобы исчезающими и изживаемыми жанрами, коллекционерским собирательством «народной старины».

Очень часто не знают или забывают о том, что устное творчество и сейчас живет полной жизнью в различных слоях крестьянства, в толщах пролетарских масс, в самых разнообразных социальных группах, играя такую же классово-идеологическую роль, как и литература.

В числе фольклорных жанров *сказку* принято считать наиболее устаревшей, социально-пассивной, несущественной и представляющей интерес чуть ли не только потому, что она, мол, скоро совсем исчезнет. Действительность показывает, что такой взгляд далек от истины, так как сказка не только жива, но является отобразителем классовой борьбы и более того — одним из существенных ее орудий.

Старые исследователи и собиратели вплоть до последних лет относились к сказке как к художественному творчеству некоей однородной «крестьянской» массы, отражающему психологию какой-то надклассовой категории.

Школа, пользующаяся на Западе большим распространением (финская школа—Андерсен, Аарне и др.), выдвигая на первый план изучение общего богатства сказочных сюжетов, отвлекает внимание от изучения *классовой интерпретации этих схем*, различного подхода к ним и *классовой подоплеку создания вариантов*.

Само собой понятно, что говорить о сказке как о выразителе какой-то общекрестьянской психоидеологии невозможно. Сказка несет большую социальную нагрузку, отображая расслоение крестьянства. Это находит себе выражение в самом выборе материала сказочником (репертуар — показатель круга его интересов и вкусов), в подходе к этому материалу, в отношении к нему исполнителя как представителя определенной классовой прослойки.

Говорить об общекрестьянской психологии в сказках не приходится. Говоря о барах, о попах, об офицерах и т. п., сказка обнаруживает социально-дифференцированную психологию исполнителя, заставляющую отнести его к определенной группе крестьянства.

И в ряде сказок это расслоение крестьянства выражается особенно ярко. Так, сказки, героем которых является батрак, издевающийся над своими хозяевами, могли развиваться и бытовать главным образом в среде сельскохозяйственного пролетариата. Сюжет этих сказок по большей части построен на столкновении интересов работодателя и работника. Первый старается получить от батрака возможно больше выгод, затратить на него поменьше еды, не заплатить ему жалованья и т. д. Для этого работника морят голодом, дают ему непосильные задачи, подписывают договор «кто рассердится — тому вырезать ремень из спины». У хозяина, конечно, в запасе много средств, чтобы вывести работника из себя. Но тот в свою очередь хочет оградить себя от эксплуатации и наказать хозяина за жестокость и скупость. Он то прячется за икону и угрожает от лица бога, то лодырничает, уверяя хозяина, что выкошенная трава снова встала по его слову, то прямо под какими-нибудь предлогами наминает

хозяину бока. Так или иначе, он всегда выходит победителем в этой борьбе.

Огромный цикл сказок о богатом и бедном брате говорит об обострении экономической дифференциации деревни, показывает процесс пауперизации крестьянства на одном конце и выделения из его среды кулачества на другом, в условиях его «самостоятельного» развития, вне руководства со стороны рабочего класса. Два брата после раздела, в силу объективных экономических условий, оказываются отброшенными к разным социальным полосам. Старший брат богатеет, а младший нищает. Наличие симпатий на стороне младшего брата и всегдашнее наказание богача указывают, в *каких* кругах эти сюжеты культивировались и *чьи* интересы они выражают.

Далеко не всегда, однако, так отчетливо выступает социальная направленность сказки. Это объясняется тем, что сказка проходит через великое множество уст, что каждый исполнитель оставляет на ней свой отпечаток. Известно, что многие сюжеты пришли в устное творчество из литературы, из лубка, спустились в деревню из города.

Часто проводником материала в деревню служила мелкая буржуазия города, купечество, деклассированный элемент и т.д. Созданная в одной среде, сказка переходила в другую. Она сохраняла следы старого влияния и подвергалась одновременно новому и часто так обрастала, что трудно вскрыть ее истинную классовую сущность.

Но все же сказка не только пассивно отображает социальные отношения, она используется в классовой борьбе.

На Севере сказка распространена повсеместно и всюду любима. Ее рассказывают все — от мала до велика. Она до сих пор заменяет собой занимательную книгу, спектакль, кино...⁶ Своеобразные условия Севера способствуют ее распространению и сохранности. Сельское хозяйство пока не может при тамошних климатических и почвенных условиях прокормить крестьян. Им приходится обращаться к целому ряду побочных промыслов. Главное место среди них занимают рыболовство, охота и лесные разработки.

В леса уходят работники на долгие недели, на долгие недели отрываются от села, от родных. Зимний день короток, ночь

⁶ См. в нашем сборнике сказки №№ 12, 13 и др.

загоняет всех в избушку, спать еще неохота, и тут-то на сцену выступает сказочник. Сколько раз нам приходилось слышать, что ту или иную сказку перенял исполнитель в лесу, что он или его приятель по нескольку вечеров рассказывали в лесных избушках и т. д.

Так велика у людей, затерянных в лесу, тяга к сказке, к развлечению» что сказочник — всегда любимый член артели, его всячески стремятся привлечь в коллектив. Нам удалось видеть на Мезени договор одной артели с Северолесом, где прямо говорилось о сказочнике, который должен пользоваться всеми правами, но нести половинную нагрузку, так как в свободное от работ время он обязывается развлекать артель⁷.

То же самое происходит и на рыбной ловле, ведущейся артельно. Тоню ведут в очередь, и когда несколько человек заняты у сетей, другие отдыхают и часто рассказывают в это время.

Рассказчики Мезени и Печоры, где развиты промыслы «на ледах» (битье тюленей), тоже неоднократно упоминали о длинных сказках в промысловье.

В это же время в деревне на девичьих посиделках, на совместном «пряженьи» баб сказка находит себе место. И нередко посиделки собираются именно в тех домах, где хозяин славится как рассказчик (см. сказочника Орехова). Иногда и специально приглашают рассказчика для увеселения сборища (см. сказочницу Слепую).

При таком широком распространении, при любви к сказке как к художественному произведению социальная направленность сказки (о которой мы говорили выше) перерастает рамки простого отображения и делает сказку активным орудием классовой борьбы.

Разоблачение классово-враждебных элементов, обрисовка их отрицательными чертами, в особенности издевка над ними порой обращают сказку в пропагандиста, выступающего против помещиков, попов и богатеев.

Кулацкая часть деревни тоже использует сказку в своих интересах, выражая в ней свою психоидеологию и стремясь

⁷ Эти наблюдения нередко делались и другими собирателями. См. сборники Соколовых «Сказки и песни Белозерского края», Ончукова «Северные сказки».

воздействовать на массы. В частности особенно резко выразилось это в послеоктябрьский период во время гражданской войны, когда появился ряд новых легенд и сказок.

Интересно проследить на конкретном примере, как один и тот же персонаж подается в сказке по-разному, в зависимости от классовой принадлежности исполнителя. В одной мезенской деревне мной записаны три легенды, возникшие вокруг личности красного партизана, горца, известного в крае под именем Хаджи-Мурата. В Архангельске удалось получить о нем следующие сведения, точность которых осталась неустановленной: Хаджи-Мурат, бывший командир дикой дивизии, сосланный в Архангельскую губернию за революционную пропаганду в войсках, стал во главе партизанского отряда, ведущего борьбу с белыми интервентами. Личность его очень популярна на Мезени.

Вот что рассказывает о нем мальчик пионер, брат красного командира:

«В этой Красной армии, где мой брат служит, там главным командиром был Хажи-Мурат, удалой боец. Где какая война, какой бой, он самый первый. Из пушки стреляет, из пулемета бьет, а сам на врага скачет и саблей рубит: вз-вз-вз! Ну вот. Воевали они раз с белыми, што из Сибири пришли. Раз воюют в лесу. И напали восемьдесят белых на Хажи-Мурата и одного солдата. Ну, обступили и давай рубиться. Рубились, рубились, а некак его не взять. Он всех сильнее. Ну вот, они тогда взели топор и, где он рубится, они и давай сосну подрубить, штоб на него пала и задавила. Рубят, рубят, а потом ка-ак крикнут! Ну, ихние знали и давай хорониться кто куда. А сосна и пала на Хажи-Мурата. Тут бы ему и смерть. А он ка-ак прии́гнёт! Да перескочил через сосну-ту да прямо к своему солдату на коня и давай скакать!..

Так и ускакал. А его кобылку сосна раздавила. Да не низко прыгнул — повыше избы будет».

Здесь явно видно восхищение перед героем, наделение его богатырскими сказочными свойствами.

Второй рассказ записан от знахарки-кулачки, он также носит в себе черты сказочной традиции, только уж совсем в другом роде:

«Вот я тебе не сказку скажу, а быль-бывальщину. Была у нас здесь война. Может вы и слышали? Был в той войне воин. Не нашего он русского звания. Долгоносый такой и желтый.

Как самоедин. Звали его Иван Хади-Мурат. Ну, он, этот воин, значит, был как главный, вроде в царьски времена федьфебедь, или как там. Ну вот, девушка, он и был заговорен. Так вот я тоже сделать могу. И разные люди... Травка такая есть, в ей покупать, росой побрызгать. Да там еще што. Так я тебе скажу, што его, отчайну головушку, и пуля не брала, и нож не колол. Ну, на слово сказать, заговорен или там ладонку каку носил.

Ну вот, в одной деревнюшке была, скажем, девушка или там бабочка, а греха брать не хочу, только он к ей ходил. Или он до ей свататься хотел, или так, понимаешь? Теперь хто девка, хто жонка, только бог да бабка знают. Ну, бог с ней. Только это он к ей цасто хаживал. Ну вот, он раз людей-народу побил много. Вот, прямо сказать, и рубит, и сецет и старого и малого, никого не жалеет. А самого его не убить. Народу погубил, страсти божьи, сколько!

И пришел он к этой девушке. Весь, знаешь, в крови убрый. Такой, знаешь, страшный. И кричит:

— Ись давай!

Сел за стол как есть. Не умылси. А богу они не молятся. Да и не русский он. Она ему ташшит и ташшит на стол. И рыбки, и блинков, и маслица, и колачей, и шанежек.

А он как взял рыбки, да как завопит:

— Што ты мне, сукина доць, даешь! Это, говорит, што ты мни-ка ноги да руки целовецьи понастовляла?! *(Это он народу-то сколько погубил, дак ему мнится)*.

Што ли в руки возьмет, все целовецины. Ну, он об пол и бьет. Всю посуду перебил и кричит страшно! Ну, а ись хоцет. Дак он шанюжку приметил, ухопил да глазья закрыл и в рот подает. Он ее и глонул. А она в роте у него, поганого, женской грудью и обратилась. Он как глонул целовецины, да и завопил зверем. И стал он волком. Ну, и знаешь, как бросился он на девушку, так и загрыз. Грыз, грыз и кровь выпил. Дак в лес и убежал. Уш больше и не знаю ницего».

В этом рассказе видно желание всячески опорочить партизана-большевика, одного из тех, кто борется против старых устоев, против класса, к которому принадлежит рассказчица.

Третий вариант записан от единоличника-середняка, который относится к герою сочувственно, но центр внимания переносит на чудесное объяснение непонятных ему вещей (танк, противогаз):

«В нашем царстве, в немирном государстве была гражданская война. Был у нас удалой командир, боец-молодец, с дальних стран пришлец. Это как бы присказка, а знать вам надо, гражданка, што и вправду дело такое было. Звали человека по-большевицкому — Мурат. Этот Мурат в далеких краях родился, да нехорошей силы был. Как станет с товарищами на улицы баловаться, дак кого за руку хватит — тому рука вон, кого за ногу хватит — тому нога вон. Вот его к нам и послали.

— Пусть ты лучше, говорят, врага бьешь, чем свой народ портишь.

И поставили его здесь самым главным полковником. Ну, а он хитер на выдумку. Все врага бьет. Возьмет борону большую, с солдатом легит да другой бороной покроется. Едут да стреляют. А их и не видать и не взять никак. Борона чепляется, дак и через землю пройдет и через пеньё. Ну вот, всякому был он научен и такие дела знал, што к ночи и говорить не хочу. Ну вот, раз такое дело было. Шол он раз с Прошкой парнем (из Дорогой Горы). Шол он лесом, и попали они в такое место, што со всех сторон огонь. Лес ле горел или враг там газу напустил какую, не знаю (гражданка, я на войне век не бывал, не обессудьте). Ну, Прошка шапкой накрылся, тужурочку на голову да и бежать. И тот-то как нагнется!.. Пошоптал, потоптал да руками коло лица помахал. Глядит Прошка, а у него уши те закрылись, волосья в голову повлазили, а нос длинный стал и в брюхо уперси. Он, значит, из брюха себе и дышит. Да так и побежал. Ну, у Прошки тужурочка вся сгорела да и шапка. А тот как выбег, опеть нагнулся, руками помахал, да как не бывало. Стоит и смеется. Колдун прямо был».

Сопоставление этих трех легенд говорит само за себя.

В наши дни сказка не осталась в стороне от социалистического переустройства деревни. Уже на сегодняшний день имеются записи, в которых в рамках традиционных сюжетов говорится о колхозах, трудностях их становления, встречаемом противодействии. Так, записанный мною летом 1929 г. анекдот приурочивает обычную тему о краже кур богатой бабой к жизни колхоза. Баба по ночам крадет кур из колхоза, ощипывает их и жарит. Когда к ней приходят с обыском, она прячется в корзину с перьями и обрастает ими. В районе Нижегородского Поволжья Ю. А. Самариным записана сказка, говорящая о том, что неполадки с колхозом объяснялись от-

сутствием на небе специального святого. Святой появился — и колхозные дела пришли в порядок⁸.

Последние записи являются любопытным показателем того, как в устном творчестве переплетаются различные и противоречивые элементы. Новое самым неожиданным образом сочетается со старым: колхоз, к которому с явным сочувствием относится рассказчик, оказывается, зависит от небесных сил; кулачка, наносившая ущерб колхозу, наказывается чудесным образом.

Такие сочетания, конечно, не случайны. Они являются следствием быстрой ломки старых социально-экономических отношений и сосуществования в одно и то же время форм нового социалистического хозяйствования и быта наравне с остатками древнейших укладов.

Особенно резко это проявляется на дальнем Севере.

В Заонежьи, где светит Кондострой, где огромный процент крестьян занят на стройке и варится в пролетарском котле, где имеются хорошо организованные врачебные городки, крестьяне еще обращаются к колдунам и знахарям.

На Пинеге эти контрасты в быту еще сильнее. Здесь среди взрослого мужского населения, в значительной своей части грамотного, живут остатки народной демонологии, и крестьянин бывалый, работающий на лесосплавах, не только знающий город Пинегу и Архангельск, но бывавший и в Ленинграде, серьезно рассказывает о леших, домовых и обдерихах; крестьянка, снявшая по своей личной инициативе в избе образа, с глубоким чувством поет «о прекрасной матери Пустыне»⁹ и т. п.

Вера в нечистых, леших, гуменников, обдерих, мертвецов, встающих из могилы, настолько крепка здесь, что проникает в комсомол, в школы.

Молодой семнадцатилетний комсомолец Р. совершенно серьезно не советовал мне итти одним местом, где «водит» и «кажется». Партиец М., охотник, промышленник, много раз рассказывал о том, как его водил по лесу леший, как напугал его в лесной избушке, подбросив в потолок и приперев лавкой.

⁸ Из доклада, читанного Ю. Л. Самариним в Фольклорной секции Института по изучению народов Академии Наук 27 мая 1931 г.

⁹ А. М. Астахова. Заговорное искусство на Пинеге. — Сборник «Крестьянское искусство СССР», т. II, изд. «Academia». Л. 1928.

На Мезени, в селе Койнас, организовалась первая коммуна с обобществленным бытом, и коммунарки с заговорами приводили коров в общий хлев.

На Печоре в Усть-Цильме, селе, растянувшемся на десять верст, будущем городе, где несколько школ и крепкая комсомольская организация, эти противоречия сказываются еще сильнее. Старообрядчество и значительная кулацкая прослойка (по данным Исполкома — 20%) содействовали сохранению старых укладов, но новое делает свое дело, и в результате слагаются такие сочетания, как покинутая церковь, в которую никто не ходит, и свадьба, происходящая в Загсе, но точнейшим образом воспроизводящая древний обычай умыкания невесты. После Загса жених скачет во весь опор в свое село, держа невесту перед собой на лошади, его друзья скачут за ним, и сваха и подруги невесты в ярких сарафанах и шелковых шубейках трясутся на крупах лошадей. Родные невесты гонятся за ворами, и у околицы происходит битва, кончающаяся мирной попойкой за свадебным столом.

Девушка, служащая в исполкоме и носящая юнгштурмовку, вечером в Петров день наряжается в тяжелый сарафан, в парчевую безрукавку, в золотые цепи и ходит в хороводе, который распевает старинные песни.

Мужья покупают в 15–20 метров шелку на сарафаны женам, и собрание в женотделе заставляет вспомнить XVI век: золотые «половинки» на головах, цветастые тяжелые сарафаны, безрукавки, парча, цепи — пышная толпа движется по избе мимо плакатов, говорящих о раскрепощении женщин в красненьких платочках.

И вместе с тем в организующихся оленеводческих колхозах, маслобойных артелях и т. п. та же женщина в шелковом сарафане, наравне с мужчиной, строит новую жизнь.

Все это наглядно показывает, как своеобразие и переплетенность экономических условий приводят к соединению противоречивых и совершенно разнородных по своей природе элементов в бытовом укладе и психологии. Это отражается на устном творчестве, в произведениях которого сталкиваются старинные поверья, предрассудки и суеверия с материалом новой жизни. Старые традиционные формы иногда еще механически, но уже начинают заполняться элементами нового содержания.

И сказка, как фольклорный жанр, отнюдь не оказывается закостеневшей, застывшей, а испытывает на себе воздействие действительности, изменяясь под ее влиянием. Сказка так же связана с бытием, так же определяется им, как и всякое идеологическое творчество. И как всякое идеологическое творчество, она принимает живое участие в строительстве жизни, содействуя или противодействуя происходящим процессам, является активным орудием в руках борющихся классов.

Интересно, что эта активная роль фольклорных жанров великолепно учитывалась в прошлом представителями правящего класса. Можно с уверенностью сказать, что гонения на скоморохов, представителей народного устного творчества, носителей не только «песен бесовских, плясаний, скаканий и смрадных игр», но и настоящей сатиры (о чем мы можем судить по дошедшим до нас отрывкам), эти гонения имели под собой классовую подоплеку.

О том же говорят и опубликованные Симони¹⁰ записи допроса Тайной канцелярии за 1730, 1745, 1752, 1754 гг., где *допрашивались колодники о сказке*, ходившей в народе и связанной с именем Петра Великого. И колодники рассказывали:

«Ходил государь Петр Великой по Москве по городу в ночи один. Встретился с ним вор, и государь спросил его: что он за человек? и оной вор сказал, что он вор. И вор де государя спросил: а ты что за человек? и государь сказал: я де такой же вор, как и ты. Государь с тем вором побратался крестами, и вор назвался старшим братом, а государь младшим. И стал де тот вор его, государя, звать воровать, и государь де сказал: разве де итти воровать во дворец, и за то де тот вор государя бил дубиною и говорил государю: пойдем де лучше воровать лучше к сенатору, и пошли к тому сенатору, и по приходе вор влез на окно и слушал, что говорят, и прислушал де, что тот сенатор говорит: завтра де надобно мне звать государя к себе в гости и отравить до смерти. И вор де прикликал государя, чтобы те слова он слышал, и государь влез на окно и, слышав те же слова и слезши де с окна, пошли в кладовую палату и покрали столько денег, сколько им надобно было, и стали на пути и вор де государю говорил, чтобы деньги те между собою разделить, а государь сказал: понеси де ты деньги домой, а я завтра их возьму, для того что де мне теперь

¹⁰ Симони. Сказки о Петре Великом.

домой принести нельзя, и вор де государю говорил: ты де меня завтра где найдешь? и государь тому вору говорил: как де государь в Кремле пойдет к обедне и все де люди станут на колена, а ты де на колена не вставай и потому де я тебя узнаю. И по утру де так тот вор и сделал и взят де тот вор» (1752 г.).

Рассказчик был наказан кнутом и сослан на каторгу в Оренбург.

До сих пор рассказывается знаменитая когда-то «Газета из ада», где говорится, как сатана распределяет места в аду между богатеями, купчиками, господами и черноризцами и заявляет пришедшим нищим: «У меня для вас нет местов. У меня места все заняты — попами, дьяками, неправедными судьями, богачами, господами, торговцами... У меня нищим тварям нет места» (цитирую по своей записи 1928 г. в Мезенском уезде от Никиты Калиныча Семенова).

Рассказ этот отнюдь не поощрялся начальством. Никита Семенов рассказывал, как урядник грозил ему, чтобы он бросил «чушь молоть», пусть де сказывает «про богатырей».

Великолепно учитывая влияние и организующую силу художественного произведения, правящий класс не только прибегал к запрещению тех или иных «вредных» вещей, но и внедрял то, что могло служить его интересам.

Таковы были многочисленные издания «народных» сказок, патриотических песенников, лубка, религиозных открыток со стихами и т. д. Вспомним хотя бы наводнение урапатриотическими лубками, связанными с именем казака Кузьмы Крючкова, из которого явно стремились сделать народного, почти сказочного героя, «чудо-богатыря», подогревая этим шовинистические настроения. Подобные издания выпускались с расчетом на то, что, облеченные в привычные формы устного творчества, они укрепятся и получат распространение.

Задача современной фольклористики — *всестороннее детальное социологическое изучение сказки и ее идеологического воздействия*; выяснение того, как отображается в ней расстановка классовых сил в деревне, какими средствами она оперирует, с чем надо в ней бороться и как можно и должно *ее использовать*.

Настоящий сборник является первым собранием материалов, записанных в пооктябрьской деревне, в краю, в те годы еще только оправлявшемся от потрясений гражданской войны

и интервенции. Сейчас и там жизнь пошла вперед гигантскими шагами. Достаточно сказать, что в Карелии, где в период записи и вплоть до 1928 г. не было ни одного колхоза, теперь большинство хозяйств коллективизировано.

На очереди стоит новый сбор материалов в тех же местах, вошедших уже в общий поток социалистического строительства.

Сравнительный анализ нашего собрания с последующими записями даст возможность рассматривать сказку не в статике, а в ее движении, трансформации, во взаимодействии с действительностью, в ее связи со сдвигами в психоидеологии разных классовых прослоек крестьянства, обусловленных той огромной перестройкой, свидетелями которой мы являемся.

*И. Карнаухова
Ленинград, 1931 г.*

В настоящий сборник вошли сказки и предания, записанные во время четырех экспедиций на Север, организованных по заданию Главнауки. Экспедиции охватили район Заонежья Автономной Советской Социалистической Карельской Республики (1926 г.) и Северный край: районы рек Пинеги (1927 г.), Мезени (1928 г.) и Печоры (1929 г.).

В основу сборника положен материал Заонежья. Из других районов включены лишь те сюжеты, которые не попадались нам в районе Заонежья. Как принцип, чтобы не перегружать сборника, мы не включаем в него параллельные тексты, очень близкие варианты, хотя делаем исключение в том случае, если варианты эти имеют какой-либо особенный интерес или представляют собой редкое сочетание различных мотивов.

Так как книга рассчитана на широкого читателя, мы не даем точных диалектологических записей, но все же считаем необходимым сохранять по возможности особенности местной речи. В связи с этим все слова, звучащие резко отличительно от городской литературной речи, нами даются в возможно точной транскрипции. Слова же, произносимые так же, как в городе, и имеющие и в городских условиях начертания, отличные от произношения (смеяться — смеяца), даны нами в общепринятом написании.

Поскольку вводятся новые тексты, естественно, что сборник получает тем самым и исследовательский интерес, поэтому

в него введены некоторые комментарии (см. «Краткие сведения о сказочниках и сказках»), в которых мы по возможности пытаемся дать характеристику исполнителей. Однако это не всегда удается, так как мы не обладаем для этого достаточным количеством сведений. Мы говорим только о тех сказителях, личность которых нам более или менее ясна. В остальных случаях мы сообщаем только годы сказителя и приводим перечень записанных у него текстов.

Библиографические справки даны также только самого минимального размера и исчерпываются указаниями на основное собрание русских сказок Афанасьева и на сборники, составленные из материалов, собранных в тех же или в близлежащих районах (Соколовы, Онучков и Иваницкий). Прочие фольклорные сборники привлечены только в тех случаях, когда у Афанасьева и в северных материалах нет соответствующих вариантов.

Иностраный материал, как правило, не привлекается.

Для того чтобы читатель мог представить себе картину бытующего в каждом из данных районов материала, приведен список сюжетов, существование которых удалось выяснить путем записей или расспросов. Указатель составлен по номерам «Международного указателя сказочных сюжетов» Аарне, в русской переделке Андреева, причем сюжеты, записанные нами в данном районе, но не помещенные в сборнике, даются курсивом.

Итак, о каждой сказке читатель получит следующие сведения: номер сюжета по «Международному указателю», фамилию, имя, отчество и годы сказителя, место, где производилась запись, ссылку на параллельные тексты, записанные в том же или в близлежащих районах.

Особенно важно оговориться, что все сведения о сказочниках и районах относятся ко времени нашей работы: Заонежье — 1926 г., Пинега — 1927 г., Мезень — 1928 г. и Печора — 1929 г. При современных темпах нашей жизни они могут в настоящее время оказаться уже не соответствующими действительности. В конце книги помещен словарь местных выражений.

И. К.

Заонежье

Анна Антоновна Слепая

1. Василиса Премудрая

Жил-был чарь. Со жоною жил. И поехал он на *охвоту*. Ходил это он, милая, ходил, да истомилси. И так это он стомилси, до цого пить захотел. Ну, захотел он пить, нашел ето он колодечь и давай хлебать, воду-ту. А борода у него было большая-большушша, как тебе сказать, в локоть надо быть. Пьёт он воду, и вдруг как схватит ето его ктось за бороду-ту. И не пускат. Он и так и сьяк, да не́ как. Не пускат. Он и го́ворит — чарь тот:

— Отпусти, — го́ворит, — милости прошу. А тот, шо держит, и говорит:

— Отпушшу, — го́ворит, — как отдашь цого дома не знаешь. А тому и все едино, пусть бы отпустил.

— Ладно, — го́ворит. Ну и в раз отпустило его. Он домой поехал, а сам — знашь — беспокойной.

— Цего я, — думает, — дома не знаю?

Вишь, забота его берет по хозяйскому делу. Домой приехал, а тут жона его стретает, милая ты моя, — с робенком! *Покуль* он ездил, она робеноцка принесла. А он это сына водяному отдал, как в доме его — сына-то — не знал. Ну и живут, живут, уж сыну пятнадцать лет идет. Он сыну и говорит:

— Так и так, — го́ворит, — дитяtko мое рожо́ное. — Я тебя отсудил водяному, надо тебе, сынок, к нему в службу итти.

Ну, Ванюшка и пошол. Шол, шол, стрету старушка.

— Куды, Иван-чаревичь, путь держишь?

А его зло берет, он и гаркни:

— Куды хоцу — туды иду, а тебе не сказываю, старая корга. И дальше пошел. А сам он был доброй, прямо скажу — не шальной был парничок, ну и устыдился. Назад повернул, старушку догнал:

— Прости, — го́ворит, — бабушка, што я тебе огрубил, возьми выкуп сто рублей.

Она и говорит:

— Отсулёнышь ты, Ванюшка, иди ты прямой дорогою, выйдешь к озеру. Прилётят двенацать голуби́ц, а тринадцатая кунница, ты у ей шкурку заberi, как купаться пойдет. Заберешь — тут тебе и щастье, не заберешь — пропаща твоя голова.

Он ей поклонился и пошел прямой дорожецкой. Пришел к озеру. Прилётели двенацать голуби́ц, одна кунница. Поскидали голубицы перье, скинула кунница шкурку, стали девушки-красавицы, пошли в озеро купаться. А он и укради шкурку, кунью-ту. Украл, да и сел в кусты. Кончили девицы купаться, оделись в перье, а куньей шкурки нетути. Она и давай плакаться:

— Выйди, добр человек, отдай мою скуроцку. Как стара старушка — будешь мни матушка, как стар старицок — батюшка, как молодой парничок — муженек.

Он тут и вышел.

— Это ты, — она говорит, — Иван-чаревичь? Ну, надо нам беду измывать.

Ну, и пошли к водяному. А водяник это ей отець немилосливый. Пришли они в подводно *чарсво* — там тридевять *спичи* на всех головы, на одной только головы нет.

— Та спи́чя тебя, Иван-чаревичь, дожидает, да я тебя не выдам.

Ну, пришли они к водяному, тот и говорит:

— Штоб ты, отсуленный, за одну ночь мни-ка *черковь* выстроил с воску. Воск с пчелов собрал, да состроил. А не состроишь — твоя голова — на мою спичю.

Ну, он к ей пошел, а она го́ворит: — Не печалуйся, все будет, иди-ко спать ложись. Он спать лег, а она вышла на крыльчо, махнула платочком, набежали слуги, несметна сила. Она им велела черковь выстроить. Иван утром встал — все готово. Тут ему водяной другую задачу дает: штоб за одну ночь он поле выпахал, выборонил, засеял, да штоб все повыросло, повызрело, да муку смололи, да хле-

бы выпекли. Ну, она опеть ему все помогла. Тут ему водяной го́ворит:

— Это все не твоя голова работаёт. Так вот на завтра я тебе двенацать сестриц, двенацать красавиц представлю, ты себе с их невесту выбери.

Ну, он тут обрадовал, думал, что Василису Премудру всегда выберёт. А она ему го́ворит:

— Это, го́ворит, Иван-чаревичь, сама трудна будёт задача. Тут я тебе не помога, надейси на себя да на бога. Выставит он нас двенацать сестриц, двенацать красавиц, все на один глаз, как воды дви капёли, вси в одном наряжени, все *однаки* повадкою. Ну, а ты меня выбирай. Как ты в третий раз по рядку пройдешь, сядет у меня мушка на леву щоку.

Ну, на утро он и пошел невесту выбирать. Вышли двенацать сестер, двенацать красавиц, вси как одно лицо, однаки повадкою. Иван-чаревичь раз прошел, Василисы не нашол, другой прошел, опеть не нашол. В третий прошел, на одной красавицы на левой щоке мушка села.

— Вот ету, — говорит, — мни-ка, чарь, давай. Рассердился чарь, да дёлать нечего. Обвенцал Ивана-чаревича да Василису Премудрую. Ну, оны месяц живут и другой живут. Ему скушно стало. Домой захотел. Ну, она и говорит:

— Будём от батюшки убежать.

Взела и плюнула на пецурку, дверь заперла и убежали. Вот уж оны от дому-то далёко, а чарь за има слугу посылает, штоб шли цай пить. Слуга под дверью клопотит, а слюнка отвечает:

— Сейчас, сряжусь только.

И всё оны не идут. Ну, чарь снов посылает, а слюнка опеть:

— Сряжусь только.

А всё не идут. Ну чарь сам под дверью клопотит, а слюнка высохла и молчит. Чарь дверь сломал, а их никого нет. Ну, он и пустился в погоню. А тые ехали-ехали, Иван-чаревичь и говорит:

— Ляг, Василиса Премудрая, брюшком, послухай у́шком, не *догоня* ли едет.

Она лёгла брюшком, послухала у́шком:

— Впереди тишь да благодать, сзади непомерной шум. *Догоня* близко.

Ну, она раз-два и оборотила его часовенкой, а себе озером. *Догоня* доехала, никого не увидала, назад поехала. Чарь спрашивает:

— Никого не видали?

— Видали только часовню да озеро.

— П о ш т о не хватали, его оны сами и были.

Ну поехал сам чарь в догоню. Как стал их догонять, Василиса Премудрая и учула. Раз-два перевернула его в селезня, себя в утоцку. А чарь налётел орлом. Она перевернула себя в ерша, его в сома, а чарь — в щуку. Бегала щука за ершом, да не ухватить. А тут сонце пригрело, щука и уснула. Они *товда* переверотились и поехали. Приехали в его царство, она от его отстала и говорит:

— С кем ле Иван-чаревич не стретишь, в праву щоку не целуй.

— Ладно, — говорит.

Вот он домой пришел, все *обрадэли*, он всих целует, в праву щоку никого. А как стал мать целовать, так и поцеловал в праву щоку. И враз ю забыл. Ну, забыл и стал другу чаревну сватать. Вот и пир устроили. А Василиса Премудрая ждала-ждала, не дождала, пошла во дворец, все узнала, попросилась на *куфню* пирог спець. Дали ей продохта и созволили пирог спечь. Ну, на пир принесла она пирог, перед Иван-чаревича поставила. А он ю не узнаё. Разрезал он пирог, а оттуды голубь да голубка вылетели. Голубь и говорит:

— Дай мне, голубка, сыру.

А голубка и говорит:

— Дам я тебе сыру, о тебе озобочусь, как Василиса Премудрая об Иване-чаревиче, а ты меня и забудешь, как чаревичь свою жону.

Тут Иван-чаревичь ее и вспомнил и нашол и свадьбу с ей сыграл. Вот и сказке конец, а мне жареный елец.

2. Чаревна — Золоты косы

Ну это, милая ты моя, опять про чаря́. Как хошь! Хошь пиши», а нет — не надо. Теперь чари не в почёт пошли, а тольки так я в старину слыхала. Хошь? Ну, ладно.

Так, я говорю, жил чарь. И был у него одина́кой сын. Он поехал на охвоту. И заехал в цюжое чарство. Тама была де-вушка раскрасавица. Он ю полюбил. Ну, засватал и к себе уехал.

Ладно. Время подспело, она к ему на свадьбу сряжается. Все справила. Наладила. Срядили ей корету, платье богатое. Да девку-Чернавку ей дали. Ну, знаешь, как в услужение. Они и поехали. Тут бы ей дорогой большой ехать. А она все скорей бы. Вишь, ее забота берет скорее к хозяйству притти. Они и сверни лесом. Тут народу нет. Чащоба одна да *лядины*, вода...

Время лето. Она и стомилась. Видит колодечь. Она из кореты вышла, припала и пьет. А та девка-Чернавка *и тóлнет* ю в колодечь. Она пала, одним пестом зачепилась и *конается*:

— Девка-Чернавка, *выздынь* меня.

— А не выздыну.

— Девка-Чернавка, дам тебе свое *цвётно* платье.

— Не выздыну.

— Девка-Чернавка, дам тебе *скатный земчуг*.

— Не выздыну. Отдай мне-ка все. Стану я за госпожу, а ты за прислугу. Тогда выздыну.

Ну, делать нечѐ. Лучшо в прислуге жить, чем под воду итти. Она и согласись. Тут та девка-Чернавка ю вынела.

Обрядилась в ейно платье, в корету села, а та за ей след идет. А у той *чаревны*, знаешь, *золоты косы* были. Ну, чисто как жар горят. Девка-Чернавка взяла да ей всю голову *грезью залёпила*. Штоб, значит, не видно было. Сама это платом накрылась. Ну приехала. А Иван-чаревичь ю как невесту стречат, за руку берет. Повенцались они. Он смотрит будто не та. А сказать не смеет. Ну она и говорит:

— У меня больно прислуга худяща. В грезе вся. Можно ли послать ю коров *па́сти*?

Ту *чаревну* и послали коров *па́сти*. Целый день она пасла. *Исть* совсем ей худо давали. Короцки, да воду каку ли. Она день пасет. Над ей все *изгаля́ются*, зачем така в грезе вся. Ну, а она *вечером-то* молока сдоит, да молоком *косы-те* вымоет. Они и *опеть* как жар горят.

Вот она ночью и приходит, где Иван-чаревичь с женой спал. Приходит и говорит:

— И не стыдно тебе, Иван-чаревичь, с *девкой-Чернавкой* спать?

Он *утресь* выстал и говорит:

— Што ле приходила ко мне *девушка*. Такая *красавица*, и *косы золоты́*. Она говорит: «И не стыдно тебе, Иван-чаревичь, с *девкой-Чернавкой* спать».

А та говорит:

— Врак, вак, все тебе во сне грезелось!

На другой вечер она молоком умылась и к нему пришла:

— А не стыдно тебе, Иван-чаревичь, с девкой-Чернавкой спать?

А он не спал. Да хватъ ее за волосья. Она и убежала. А он глянь, а в руке зóлот волос. Он утресь жоне ницега не баит. Как вечеру быть, он и пойдн на пожню. Сел под кушь. Она взяла, молока надоила, давай мыться. Как грязь смыла, волосья как жар горят. Он и увидел, што это та самая, што он сватал.

А ночью он своего слугу у окна спрятал. Она пришла и говорит :

— И не стыдно тебе, Иван-чаревичь, с девкой-Чернавкой спать?

Он ее за волосья схватил. Она в окно. А тут ее и *пымали*.

— Это, говорит, што за *омман*?

— У меня не омман, омман в твоей постели спит. Ну разбудили тую. Она как увидела, кака та стоит красавица, волосы, как золото... Дак и повинилась. Привязали ее к ко́ням, да в поле и пустили. Кони ее рóзорвали. Те повенцелись и, может, и сейчас живут.

3. Рога

Ну жил-был молодой кузнечь. Здоровый парень был, а бедно проживал. И услышал он, что к чаревне-Марье змей полётывает. Полётывает, да ейну кровь пьет. Совсем она *немогёт*, худюща стала. Ну чарь объяву сделал: «хто Марью-чаревну от змея избавит, за того ю взамуж дам».

Этот кузнечь и говорит:

— Мне и так помирать, пойду я лучше змея бить.

Сковал он пули железны, да клещи железны. Содрал волвью шкуру. В ету шкуру срядился. И пошел. Ну сел он в горницу к чаревне. Налётил змей. А кузнечь сидит, орешки пощелкиват. Змей и говорит:

— Ты чего делаешь?

— А орешки щелкаю.

— Дай-ко мне пощелкать.

Кузнечь и дал ему железны пули. Змей щелкал, вси чубы и выломал.

— Это, — говорит, — чортовы орешки. Давай лучше в карты играть. Кто проиграет — того в лоб бить.

— Ну, давай.

Играли оны, играли. Проиграл кузнец. Змей его ка-ак *хлобыснул* лоб! Кузнец и памяти решился. А змей давай с Марьи-чаревны кровь пить. Тут кузнец встал:

— Стой! Теперь мни-ка черед отыгрываться.

Стали снова в карты играть. Ну, кузнец и выиграл.

— Давай лоб,— говорит. Ну, как хватит его кузнечным молотом, тот так и повалился.

Ну, долго ли коротко, а встал.

— Давай, — говорит, — отыгривать. Кто проиграет, с того шкуру долой.

Ну, кузнец и проиграл. Змей и давай с него шкуру драть. А на ем воловья шкура одета. Змей ю стянул, а кузнец и говорит:

— Я и без шкуры отыграюсь.

Ну стали отыгривать, змей и проиграл. Кузнец взял клещи да с его шкуру снял. Тот тут и помер.

Тут чаревна обрадела, за кузнечя взамуж пошла. Стала она толстая, да красивая.

Да, видишь, не охота ей за кузнечом жить. Она образованная, а он что — мужик как есть. Ей это не ндравится. Она и велела охотникам:

— Возьмите кузнечя да в лес поведите. Убейте да сердце мне представьте.

Оны его повели. Да им жалость стала.

— Иди, — говорят, — куда хочешь. К чарю не вертайся.

А сами кобеля убили, да его сердце и представили.

Ходит это кузнец, плачет. Ну, исть захотел. Захотел, милая, исть, а тут яблонь растет. А на яблони разны яблукы, желтые да белые, да красные. Ну он красный яблук и съел. И стало это ему голову ломить. Разломило — страсть как. Он и пойдит голову водой мочить. Глянь в колодечь, а у него на лбу рога большуци. Ну, большуци! Что тут делать? В люди как покажешься? Остается он в лесу. Ну, потом опять исть захотел. И взял съел жолто яблоко. И сейчас это рога счезли. Как и не было. Он возьми и съешь бело яблоко. И такой он стал красивый, белый, румяный, вежливый. Как чаревич. Он и набрал тех яблук и в город пошел. Ходит *навколо* дворца и кричит:

- Яблоки белы́, жёлты, румяны! Чаревна прислугу посылат:
- Поди принеси, больно яблоков захотела.

Кузнечь как узнал, что для чаревны, дал ей красных яблук. А сам вон с городу. Она как съела, так и стало ей голову ломить. Поглядела она в зеркальце, а у ей рога повыросли. Срам! Что тут делать? Она плацет, и прислуга плацет, и сам царь плацет. Ну, она и занемогла. Легла в постель, а рога на грядку сложила, у изголовья. И неможет вся. Стали всяких дохторов звать. Они ничё сделать не могут. Тут чарь объявление сделал; «Хто мою доць вылечит, тому пол-чарства, государства».

Этот кузнечь как услышал, сейчас срядился дохтуром. И пришол к чарю:

- Я могу вылечить.
- А можешь, так лечи, а нет, так твоя голова с плеч.
- Хорошо, — говорит.

Ну он к ей в горницу пришол.

— Ты, — говорит, — чаревна с того неможешь, что кого-то очень избидела.

- Нет, — говорит.
- Ну так мне тебя не вылечить, пока не обскажешь.

Она и испугалась.

— Избидела я кузнечя, что меня от змея спас. Я его велела резать.

- Так, — говорит, — жалеешь ли того?
- Жалею, ох, как!

Ну он и дал ей жолто яблоко. Тут те рога и счезли.

— Того кузнечя твои слуги пожалели. Кобеля убили, а его пустили в лес итти.

- Кабы он вернулся, я бы его жалела.
- Это я, — говорит, — и есть.

Она обрадела:

- Что ты такой красивый, образованный?

Он ей дал яблоко съисть, и стала она лучше всех. Стали они хорошо жить, может, и теперь живут.

4. Чаревна и лягушка

У чаря была одинака дочка. Был у ей золотой мячóк. Играла она с им, играла да в колодечь урóнила. Лягушка-та и вытянула.

— Да — говорит, — если хочешь мячо́к полу́чить, возьми меня в по́други.

Той мяче́к жалко.

— Хорошо, — говорит.

Та ей мячо́к дала, а она и убежала. А лягушка-то и кричит:

— Чаревна-Настасья, у меня силы нет за тобой бежать.

Чаревна домой прибежала, всполо́хнулась, почернела вся. Чарь спрашивает:

— Ты цого така?

Она ему и ро́сказала. Он и говорит:

— Чарьско слово однова правильно.

И по́слал слуг по лягушку. Чаревна и плацет и не плацет, а чарь ей все велит с лягушкой делать, как с подружкой. И в за-стол сажать, и с одной миски хлебать, и в одной постели спать. А лягушка все *сковчит*, все *сковчит*, и то не так, и друго не так. Вот оны чаревну и *донели*. Стала она така тиха́я. Стала скуц-ная. Тут ю лягушка давай веселить: то сказку сказывает, то плясать пойдет, а то песню поёт, да все «ква, ква». Вот чаревна ю и залюбила, да раз и го́ворит:

— Хоть, — го́ворит, — ты и лягушка, для христянини пога-ная, но, — го́ворит, — и я тебя залюбила, за доброту.

И в самое это рыло лягушку поцеловала. И вдруг, милые вы мои, лягушка — эта — лопнула. И лопнула, и стал тут Иван-чаревич:

— Спасибо — говорит, — Настасья-чаревна, што ты меня от чары спасла.

Ну, тут они и поженились. И стали пир пировать. Мне б там быть, да не умею плыть, а ето через реку́, да на гору високу́.

5. Девушка в колодце

Жили-были мужик да баба. А у бабы была падчерица. Она пря-ла у колодечя, да и сронила веретешко в воду. Вот домой идет, плацет. А мачеха и го́ворит:

— Цего, дура, плацешь?

— А я веретешко в воду сронила.

Ну, та ее и давай ругать, рыцала, рыцала и говорит:

— Ступай за веретешком в след, назад не воро́цайси.

Девушка и пошла да и бросилась в колодечь. И па́ла на́ луг.

Ну, милая моя, и пошла она по лугу. Идет, идет, стрету ей овецъи пастухи:

— Девушка, подпаши под намы, подмаши под намы, дадим тебе овецку с бараницком.

Она подпахала под ими, убрала, они и говорят:

— Домой пойдешь — мы тебе доли отдадим.

Она поклониласи и пошла.

Идет дальше — ей стрету коровьи пастухи:

— Девушка, подпаши под намы, подмаши под намы, дадим тебе корову снетелью.

Она подпахала под ими, подмахала, они и говорят:

— Спасибо, девушка, обратно пойдешь — долг не забудем.

Идет она лугом, долгим по́льём, стрету ей жеребцо́ви пастухи:

— Девушка, подпаши под намы, подмаши под намы.

Она и им сряду все сделала. Они и говорят.

— Назад пойдешь, мы тебя не обидем.

Пошла она дальше и дошла к избусецки, к старику и стару-сецки. Тут и ее веретешечко. Говорит ей старуха:

— Должна ты, девушко, веретешечко выкупать, верой-правдой нам год прослужить.

Она и давай служить. И так это она хорошо работала, так это чисто вокруг ходила, что ей хозяева полюбили.

Три года она у их жи́ла, на четвертой соску́цила:

— Отпустите меня, — просит, — хозяйва, домой к батюшке.

Они ее и пустили. Именья ей надавали, а как стала она в ворота выходить, так ее всю золотом обсыпало.

Пошла она домой, стрету ей пастухи, дали ей коровку, да овецку, да жеребчика. Пошла она с именьём, вся как есть золотая. Дошла до ворот, собацка *тяцкает*:

— Наша доць пришла, тяу, тяу, именьё принесла, тяу, тяу.

А бабка крицит:

— Молчи, дрянъ, давно церти съели.

Тут она и входит, вся в золоти, эо! Ну, про́знал про то народ, и стали ю сватать. Она за хресьянина не пошла, за дьячка не пошла, за барина не пошла, за дворянина не пошла, а посва-тал Иван-царевич, за него пошла. Ух, бабка зла стала! По́слала свою ро́дну доць в колодечь, за веретенышком. Та скакнóла и пала. Ну, встала и пошла. Идё, идё, стрету овецъи пастухи:

— Девушка, девушка, подпаши под намы, подмаши под намы, дадим тебе овецку.

А она гру́ба, зла и го́ворит:

— Вот-те какие, не за тем я сюда пошла, не по навоз пошла — по имение иду.

И идё. Шла, шла, стрету коровьи пастухи:

— Девушка, девушка, подпаши под намы, подмаши под намы, дадим тебе нётелку.

— Не по то пошла — по живот пошла. И идё. Шла, шла, стрету жеребцови пастухи:

— Девушка, девушка, подмаши под намы, подпаши под намы.

— Не для́ того иду — по золото иду. Пришла она к избусецки — к старику и старусецки.

— Отдайте, — го́ворит, — мое золотó веретенце. *(А како оно золотó. Просто — деревянно. Ишь, како дело сболтнула!)*

А старушка ей и го́ворит:

— Ты за веретенцо выслужи.

Ну, стала она служить и все не́ ладно, все спóртит, ленится, да неряшится. Ну, три дни прослужила, на четвертой домой просится. Они ей отпустили, дали ей корзину с добром, и она пошла. Дошла до воротьев, «ай — думает — в корзину посмотрю». А из корзины жабыё, да гад, да гнус-парма́к полез, всю её заклепíл, а с воротьев смола полилась, всю залила. Побежала она домой, прибежала до ворот, а собацка:

— Тяу, тяу, наша доць во смоле пришла.

А бабка ей:

— Цыц, наша доць в золотьё придет.

Та вошла, вся в смоли. Мать к ей бросилась, прильнула к ей, так и пропали вместе.

6. Старуха-сказочница

Досюль жили ста́рик да старуха. Ста́рик знал сто ска́зков. А старуха была до ска́зков охотница. Все пристаёт, все пристаёт. Вот старик и говорит:

— Я, старуха, буду сказку сказывать, да ты не одного слова из сказки не выкидывай, да еслиф перебьешь, дак всю ночь будешь сказку сказывать.

Пришел к им ноцлежник и просит:

— Расскажи сказку.

А дед сел, да и говорит:

— У хорошего хозяина паужинать, да спать.
А старухе ужина жалко. А старик óпеть:
— У хорошего хозяина па́ужинать, да спать.
А старуха рассердилась, да и говорит:
— Хозяин пес и ноцлежник пес!
Хозяин как вскоцит, да в ухо даст:
— Целу ночь сказку сказывай.
Они и легли спать, а старуха всю ночь сказывала. Стала с той поры сказки не любить.

Настасья Васильевна Исакова

7. Волк — медной лоб

Жил-был старик и старуха. Детей у их не было. Взяли они сирот́инку. Жили оны бедно, у́дил мальчик рыбу:

- Дед, а дед, я выудил ворону.
- Уди, уди, бог с тобою.
- Дед, я выудил сороку.
- Уди, уди, дитяtko, богородица с тобою.
- Дед, а дед, я выудил золотую рыбку.
- Брось ó земь.

Бросил мальчик рыбку ó земь, стала из ей девушка-красавица:

— Кто, — говорит, — меня разбудил? Будь ты, вьюноша, мне суженым, а ты, дедушка, мне батюшкой.

Ну, ты согласи́лись. Они и повенце́лись. Жена мужу и говорит:

— Иди, — говорит, — к царю, проси, — говорит, — места против себе или рядом с собой.

Пошел молодец к царю.

— Дай мне, — говорит, — место против себя или рядом с собой.

Тут со́звал царь думщи́ков и сенато́ров. Думали они, думали, и дал место напротив себя. Как сел Иван на тое место, так увидел царь его жену прекрасну, залюбил ее, цисто жить не может.

Как тут быть, как Ивана со свету сжить?

Со́звал царь думщи́ков и сенато́ров и заставил их думать, как Ивана со свету сжить ловчее.

Они и надумали:

— Послі́ его, государь, в далёки царства найти «нешто нашто на што на стол собирает-обирает».

Царь его призва́л и говорит:

— Куды хоцес иди, а мне забаву приноси «нешто нашто на стол собирает-обирает».

Иван домой приседси горазно плакал, а жона ему говорит:

— Цего ты убиваешси, на тебе письмецо́, поежжай до моей тетки в самый лес, она тебе всё поможет.

Он взял письмецо, пошел в самый лес. Шол, шол, дошел до избусецки. Круг избусецки огород. Тут старусецка *плигая* через грядку прясца прядки.

— Фу, фу, фу, что это такое! Русський дух ко мне в лес за шол!

Тут Иван письмецо жонино ей и отдал. Она процитала:

— А, — говорит, — ты мой *племёш*. Дам я тебе клобо́чек, он тебе до дела доведёт.

Тут она его прикормила, припоила, спать повалила. А на утро дала ему *клобо́чек*. Он его кинул на дорогу и в след пошел.

Прикотился клобо́чек до тёмной *пещорки*. Вошел Иван в пещорку— тама тёмно, стол стоит длинной. Иван за пецью притаился. Долго ли, коротко ли, набезало сорок разбойников, за стол сели и кричат:

— Нешто нашто, подай ись!

Тут вдрух в пещорки свитло стало, никохо не видать, а на столи и блинов, и каши, и ва́ренна, и жа́ренна, и вина, и браги да́сыть. Ну, разбойники поили и ушли. Иван из-за пецки выскоцил, за стол сел и говорит:

— Нешто нашто, подай ись!

Нешто нашто не шло, не катилося, на столи очутилося. А Ивану одному скуцно. Он и говорит:

— Нешто нашто, садись со мной.

Нешто нашто и говорит:

— Двадцать лет разбойникам служу, никохда миня не позвали. Я с тобой куды хошь пойду.

Ну, ета Ивану на-руку.

— Пойдём, — говорит, — к моему царю.

Долго ли, коротко ли, царь дожидается. Вдрух приходит Иван.

— Я, — говорит, — тебе всё достал. Открой свою столовую, сичас дело покажем.

Царь открыл столовую, тамо стол стоит пустой. Иван как хъркнет:

— Нешто нашто не шло не катилося, на столи очутилося!

Вдрух на столи всякой ижи навалило. Ну, тут царь его залюбил.

Ну, ето очень сенатóрам не нравится. Оны царю и говорят:

— Есть, царь-батюшко, в невком царсви кот; песни поёт — унынье берёт, голосом потянет — трава повянет. Вот бы ты его достал. Иван-де он знает.

Пóзвал царь Ивана:

— Ты, — говорит, — похвалился кота достать, что песни поёт. Штоб в три дни принёс.

Пошел Ваня домой, плацет. Жона ему говорит:

— Не плаць, Ванюшко, вот тебе письмецо, иди в самый лес, тебе тётка поможет.

Пошел Ваня в самый лес. Стоит в лесу фатерка. У фатерки Баба-Яга. Она письмо процла, да и дала ему клобóцек да и дала ему мяса много.

— Пойдешь, — говорит, — за клобóцком, увидишь фатерку, в той фатерке кот живёт. Ты там мяса пóложь. Когда весь кот выйдет, тогда хватай.

Пошел Ваня за клобóцком. Пришел Ваня до каменной фатерки. Положил мясо у порогу, а сам за дубом спрятался. Поцуял кот мясо. Голову высунул, сам *рыцит*, как *тигра*. А Ваня молчит. Вот и пол-кота выскоцило. Стал кот смирёней. А Ваня всё молчит. Вот кот и весь вышел, стал мясо ись, стал такой ласковый. Тут Ваня и вышел и взял кота. Кот такой распёвок.

Принёс Ваня кота к царю. Как велит царь, так кот и запоёт. Песню поёт — унынье берёт, голосом потянет — трава повянет. Тут царь Ваню ешчо прытче залюбил.

Думщики и сенатóры назлобились, да и говорят:

— Есть, царь-батюшко, волк медной лоб, делает он гусли-самогуды. Твой Ванька похвалился достать.

Пóзвал царь Ивана:

— В три дни, — говорит, — мни-ка гусли-самогуды достань. Присол Иван домой, плацет. Жона говорит:

— Слезам горю не поможешь.

Сковала ему жона латы железны, колпак оловяный и цистую рубашку без пятёнышка.

Шол Иван далёко, долго ле, коротко ле, уже рубашка попятнилося, женина клюка переломалосся, лапти перегнулися, шишак градом выбило. Вот дошел до избусецки, а в избусецки старая Баба-Яга сидит. Он ей дал письмо процесть. Она прочла да и говорит:

— Ты, — говорит, — мой племёш. Прилетит сюда сичас волк медной лоб. Будет с тобой в карты играть. Да велит, штоб ты не спал, да краюски хлеба не дас. Ты за им смотри, не дремли. А то он тебе голову снесё.

Тут прилётит волк медной лоб.

— Што ето, — говорит, — за мужык? Давай в карты играть. Сели они в карты играть. Играли-играли, Иван пристал, глазы не глядят. Как волка в омман ввести? А волк спрашивает:

— Мужык, ты дремлешь?

— Нет, — говорит, — думу думаю.

— А што в тебе за дума?

— А што, сколько лесу рубят, а есть ешшо больше.

— Правда ли, мужык? Полечу, погляжу.

Волк медной лоб улетел, а Иван поел, попил, спать лёг. Долго ле, коротко ле, его бабушка и разбудила. Прилетел волк медной лоб. Сели опеть в карты играть. Играли, играли...

— Мужык, ты дремлешь?

— Нет, думу думаю.

— А какая в тебе дума?

— Сколько народу помирает, а живет больше.

— Правда ле, мужык? Полечу, погляжу.

Волк медной лоб улетел, а Иван поел, попил, спать лёг. Тут больно быстро его бабка разбудила. Прилетел волк медной лоб, стали они в карты играть. А Ивану неможетця. Играли, играли, волк и говорит:

— Мужык, ты дремлешь?

А тот запомнил и говорит:

— Дремлю.

Волк медной лоб его в поле поташшыл, а сам за топором побежал, голову секци. Тут Ваня вынул из котомки женин платоцек именной, и им глаза закрыл, штоб смерть пришла — ни убоятся. Прилётел волк медной лоб, топором взмахнул, да увидал платоцек именной.

— Ето, — говорит, — у тебя откудава?

— А ето мне жона дала, чтоб, смерть пришла, на глаза клась. Волк медной лоб и говорит:

— Так ето ты есь мой любимой зятелко?!

Тут он баню истопил, Ваню попарил, напоил, накормил, спать повалил, А на утро гусли-самогуды сделал, Ваню на себе посадил и поехали. Ну, в царство приехали, волк сенаторов и думщиков съел. Как есть съел, погрыз. А у царя теперь кот-певун, да гусли-самогуды, да нешто нашто, ему больсе ницего и не надо. Он царсво Вани с жоной и отписал.

8. Сивко-Бурко

В невком царстве, в невком государстве жил-был мужик. Вот мужик помирает и сыновам наказывает: каждому ночь на могилке переночевать. Вот перва ночь приходит, старшому сыну итти надо. А ён не хоцит, говорит:

— Пущай Ванька-дурак пойдёт.

Тот пошел, присол, на могилку сел. Сидит. Ночью тёмной могилка всколыхнулась — батюшко вышол:

— Кто ето на моей могилке сидит?

— А ето я — Ванька-дурак.

— Пойдём, сынок, в цисто поле.

Пошли во цисто поле, старик свиснул, *схыркнул*. Прибежало Сивко-Бурко, вещеe каурко. Старик и говорит:

— В право ушко, сынок, влезь, в лево ушко, сынок, вылезь. В право ушко Ванька влез, в лево ушко Ванька вылез. Стал молодец, как молодой огурец. На втору ночь другому сыну итить. А он не желá.

— Пущай — говорит, — Ванька-дурак идет.

Пришол Ванька на могилу, из могилы голос:

— Ето кто пришол?

— Ето я — Ванька-дурак.

— Ну, сынок, по памяти и подароцек.

Прибежал тут конь, лучше всех коньёв.

На третью ночь самому Ваньке итти. Он с охотой пошел. Пришол на могилу, сел. Из могилы голос:

— Ето кто пришол?

— Ето я — Ванька-дурак.

— Ну, сынок, по по́слуху и подароцек.

Прибежал тут конь краше первого.

А в том царстве была царевна. Построила дом на девять венеч.

— За того, — говорит, — замуж пойду, кто на девять венеч вскóцит, персень с руки своло́цит.

Вот братья и поехали персень добывать. А Иван-дурак побежал в полё, свиснул по-змеиному, прибежал конь. Он в право ухо влез, в лево вылез, стал молодец. Харкнул по-звериному, прибежал второй конь, он на ём поехал. В город доехал, раз скакнул — три венца перескоцил. Повернул он в польё, свиснул по-змеиному, прибежал второй конь. Он на его сел, в город въехал, раз скакнул — шесть венцов перескоцил. Он опеть в польё, свиснул да харкнул, прибежал Сивко-Бурко. Он в город въехал, раз скакнул — деветь венцов перескоцил, перстенёк сволок. А она его пальцем в лоб ударила. Загорелся на лбу свет. Он в польё уехал, дураком стал, лоб и палец глиной замазал. Ночью он схватился, глину снял, а вся фатера от персня разгорелась. Братья как завопят:

— Што ты, дурак, спицки брось, фатеру спалишь!

Ну а тут его царевна всё ищет. Собрала пир большой, каждого брагой поит. Дошла до его, бражку ему на руку плеснула, глинка та смылась, персень засиял. Колько клі́ку было, колько га́ку было... Пришлось ей за дурака итти. А она хотела замуж за царя Тресцита. И пошел царь Тресцит на него войной. А у старого царя ещо двое зятевьев было. Зятевья и срядились против Тресцита ехать. И Иван-запецник, дурак, ехать захотел. А ему на-смех дали водовозну клячу. Он на ей в польё выехал, Сивку-Бурку кликнул, в одно ушко влез, в друго вылез, стал молодцом. На коня сел, на войну поехал, всех прибил, только осталось силы на два семени. Собрал все головы, тут наехали зятевья. Стали победу торговать. Ни за што не продам, а продам за два ремня со спины. Они и дали два ремня вырезать. Домой приехали, бахвалятся, бутто ихняя победа была. Через два-три дня опеть Тресцит наступает. Дали Ивану наихудшу клячу. Он в поле въехал, молодцом стал, всю рать погубил. Зятевьям кричит:

— Мужики, купите головы.

— А кака цена?

— Дешева цена — с ляжки по пряжке. Они и дали с ляжки по пряжке вырезать.

В третьёй раз его Тресцит копьём наколол, а он Тресциту голову срубил. Он к жене подъехал молодец молодцом, а она ему именным платком рану перевязала. Он в пóльё въехал.

— Эй, — кричит, — мужики, кто голову Тресцита купит?

А зятевья спрашивают:

— Дорога ли цена-то?

— А по мезинному пальцу с ног.

Оне пальцы отрубили, а он спать залёг. Дюже притомился. Так в дурака и не перекинулся. Тут задал царь пир, зятевьев славит. А Ивана-запечельника на пиру нет. Пошла его жена искать. Коло терема конь стоит, кóло коня богатырь лежит, рука именным платком перевязана. Тут жена и догадалась. Привела его на пир:

— Вот, — говорит, — мой муж богоданный. Да вы ли, зятевья, первы головы рубили?

— Мы.

А он шаг ступил, им рубахи поднял.

— За што, — говорит, — брателки, из спины по ремню платили?

— Да вы ли, зятевья, вторы головы рубили?

— Мы.

Он второй ступил, с них цулки спустил.

— И за што, — говорит, — вы из ляжки по пряжке платили?

— Да вы ли, зятевья, Тресциту голову сломили?

— Мы.

Он третий ступил, сапоги с них стащил.

— И за што вы по мезинному пальцу платили?

Тут они во всем покаялись, а Иван-царевич стал хорошо жить. И теперь живут хорошо, если Красна армия не разорила.

9. Вострадам

Жила-была старуха. Был у ей сын. Звали его Вострада́мом. Мать и говорит:

— Ты бы дров нарубил.

Он и пошел. Шол-шол, до гумна дошел. У гумна народ молотит. Он и говорит:

— Дай вам бог напёрском мерить, решетом носить.

Они его дюже *товда* побили. А дома мать утешает:

— Надо сказать, дитятко, носить бы вам — не выносить, возить — не вывозить.

На друхой день он пошел. Стретá покойник, он и говорит:

— Дай вам, господи, носить — не выносить, возить — не не вывозить.

Ну, тут его ешшо пуще били. А дома мать говорит:

— Надо, дитятко, сказать: святой боже, святой крепки, святой бессмертный, помилуй нас.

Он утресь пошел. Стрету свадьба. Он и говорит:

— Святой боже, святой крепки, святой бессмертный, помилуй нас.

Тут его чуть и насмерть не убили. А дома мать говорит:

— Ты бы, дитятко, сказал: — Здравствуй, князь молодой, со княгинею.

Утресь он в лес пошел. Шол-шол, попал ему медведь со медведицей, он шапку снял:

— Здравствуй, князь молодой, со княгинею.

Тут медведь его поломал. Мать дома зажалела да и говорит:

— Ты б его обухом в лоб, да и всем бы рассказал, вот тебе и честь была бы.

Он наутресь пошел, идёт стрету поп. Он его обухом в лоб. Да побежал к робятам, да кричит:

— Робята, робята, я вашего отца убил!

Повёл да показал.

Тут его и порешили.

10. Глупый мужик

Жил-был мужик да баба. У них было трое детей. Мужик поехал в лес за дровами, да и стал сук рубить, на каком сидел. (*Дурной такой был, ну, глупый как бутто.*) Ехал мимо цыган и говорит:

— Мужик, упадешь, вить.

— Куда, к чорту, упаду.

Цыган отошел, а он и упал.

— Ну, — говорит, — догоню цыгана. Верно, он колдун. Все знает. Догоню, узнаю, как мою жону зовут.

Догнал цыгана и говорит:

— А скажи, колдун, как мою жону Матрёну зовут?

Цыган и говорит:

— А Матрёной.

Мужик и думает: «Ну и колдун, уж это так колдун». Да и спрашивает:

— А сколько у меня коров?

— А дойные?

Тот и скажи:

— Пеструшка дойная, а Краснушка недойная, а Чорная — та дойная.

— Так у тебя три коровы.

— Ох-ти мне! Да скажи, цыган, когда я помру?

— Три раза чихнешь, да и помрешь.

Ну, он раз чихнул, другой раз чихнул, а потом третий чихнул, лег и говорит:

— Помер я.

Руки сложил да в лесу на морозе и остался. Так и замёрз.

Петр Яковлевич Белков

11. Брюхатый поп

Был у нас, ну скажем, как вы больше знакомы — в Шунь-ге — жадной поп. Уж, знаете, по-крестьянски любят брюхо набить. А он так по-поповски. И то все дивовали. Кто к нему придет, короцки не дас, а сáм за щеку прячёт.

Ну вот. Празновали в Шуньге. Он и пошел с крестом. (Это так у нас попы ходют.) Придет, лошадым хвостом побрыжжет — и гони ему чё-ле.

Ну он куда придет:

— Бла-а-гослови бог! (А хорош ли пирог?)

Все сам на стол заглядывает, помашет хвостом со святой водичкой. Кому в глаз, кому в лоб. А сам ногою топ-топ. К столу, значит, ближе.

— Православные, живите дру-у-жно! (А к киселю молока нужно.)

— Во имя отца и сына и святого духа! (А в рыбнике запе-
клась муха.)

— Бойтесь греха и ад-а-а! (Покормить попа нада.)

Да и насыдет. Тольки скулы потрескивают. Рыбник, дак с костям, кисель с блюда *слизом*. Нажрется, дак пузо вздует. Ряса торчком стоит.

— Мир дому сему, отныне и до века-а! (Накормили человека.) Да в нову *йзбу*.

Ходил это он до вечера. Нажрался зело́, к душе подвезло. Он за брюхо схватился. Глаза закативши. А сам руковом машет:

— Нет бога святе-ей! (Запрягайте лошадей.)

Его на дровни. Свалили и повезли. У нас каки дороги... Короста. Его и подпрыгивает.

— Ох-ох-ох! Помогите, родимые! Помираю!

А у него брюхо вспучило, ну не хуже как у тяжелой бабы. А уж мать-попадья у тына стоит.

— Што с тобой, батюшка?

— Обрюхател, матушка.

— Ох-ох-ох! Нать за бабкой-Маланьей бегить, обабит. Бабка-Маланья пришла попа направлять:

— Здравствуй, батюшко, обрюхатил?

— Обрюхатил. Не направишь ли? Она его и так и сяк и в бани парила.

— Ничё, — говорит, — веретешком не поможет, рожать будёшь. Тут поп завыл:

— Куда я рожать?! Засмеют! Прогонют! Архилей в синод судить будёт.

— Нать *потиху*, из села долой.

— Куды-ы я пойду?

Ну, ночь пала. У попа воют. Собрала ему попадья *ша-нёжек* да ещчо и говорит:

— Иди, батюшка, из села. Сраму примешь.

Он и пойдит. Идет, да на брюхо косится. Шел это он леском-лединой. Лежит человек убитой. Он и:

— Господи, помилуй, и помоги-и! (А на ём хороши сапоги.) Да давай с мертвяка сапоги ташить. А тот уж заколел.

Сапоги нейдут. Поп взял, да сапоги-те с ногами отрезал. В сумку склал, дале идет.

Ну, уж время на́-полночь. Стоит изба. Он и попросись ночевать.

Его запустили, он и лег на́ печь, сапоги под голову. И заспал.

А у хозяев-тех корова тельна была. Да в ту ночь отелилась. Оны и взяли теленочка, чтоб не замерз, на печь поклали. Подле попа. Он ночью проснись — меж ногами мокро. Хтось помыкивает.

— Свят, свят, свят, да я родил.

От сраму скорей с печи да вон из избы. И котомку призабыл, и сапоги-те. Утресь хозяева выстали.

— Иди, батюшка, шей хлебать. Ответу нет.

Они на печь полезли, а там два сапога да с ногами. Они и вопят.

— Беда, наш теленок попа съел!

Сóзвали деревню да того теленка и порешили. А ноги с сапогами зарыли, вить батюшкины, священнишего. А тот поп и сейчас ходит. Может, брюхо-то сбавил.

12. Поп Пахом

Ну это у вологоцких каких-то, попа в селе не было. Помер видно. Ну, вологоцкие они зажимные, деньгу любят. Говорят:

— Для чё нам попа звать? Нать лошадь — везти, нать архирея смазать; нать йзбу справить. Давай свово кого ле поставим.

И был мужичонко Пахом. Голосом тухлой, сам ленной.

— Я, — говорит, — пойду.

Это в попы. Ну а им и ладно.

— Иди.

Вот стал праздник. Оны вси в церковь набёгли. Пахомова служба любопытствует. Вот Пахом вышел. Облачение одевши, стал, руки вздынул:

— Миряне, бо-гу помо-о-олимся!

Они и глядят, что дальше скажет. А он и говорит:

— Чё гла-за-а-те вы-ылупили, молись каждый как знашь!

Потом взял евангелъе, показал:

— Ету книгу, миряне, знаете?

— Знаем, знаем.

— А раз знаете, то и читать не нада-а!

Дальше он ничёго и не знат, что делать. Подумал и возгласил:

— Дьяк! Дьячок, закинь на двери крючок, до ме́жговенья служить буду-у-у!

Тут все из церкви долой.

Так он попом и был, пока в губернии не узнали. А в церковь никто не ходил: боялись замкнет, да и будет долго служить.

13. Старик и соковицы

Жил старик беднехонько. Уж все приели, корочки сглодали. Ну вот раз (*сказочник садится на лавку, подпирает подбородок рукой*) и завздохнула старуха:

— Ох-ти, ох!

— Ты чего?

— Тошнехонько! Голодом живем. Для чего спину гнем? Все сарафаны на *лепенёчки* разодрала.

— Нать бы, старуха, торговать.

— Чего продашь, кроме назему ничего нету. (*Встает, обходит избу, заглядывает в углы, ищет подходящей для продажи вещи.*)

— Ничего нету, дырява латка одна. (*Уныло садится на лавку.*)

— Старик!

— А?

— Наварю я, старик, соковиц, понеси в город продавать.

— Ну и баба! Енерал! продам соковиц — куплю куру, продам куру — куплю гуся, продам гуся и дом куплю.

Ну, наварила баба соковиц.

Взял старик кошель (*берет кошель с печки*), взял горшок (*берет из печи воображаемый горшок*), в кошель поставил (*ставит*), на спину привязал (*надевает кошель*).

— Прощай, баба! (*Крестится, целует воображаемую бабу.*)

— Ну, ты постой. Чего купишь-то, как наживешь?

— А всего нать.

— Мни-ко на руковья купи, дочке на сарафан...

— Шапку нóву, моя растрепалась.

— Мни-ко горшков к печи.

— Мни-ко крюк...

— Буренушку нать бы.

Вдруг баба и скажи:

— Нашему зятьюшку ленивому гнеду кобылку иль жеребчика. *(Вздрагивает и вытягивается. Угрожающе наступает на воображаемую бабу.)*

— Зятю?!

— Зятю.

— Ленивому?!

— Ленивому.

(Притискивает бабу к печке, идет крикливый спор.)

— Штоб жеребчика купил...

— Нать ведь.

— Да что б я...

— Нать.

— Да я ему... Я ему вот что дам *(нагибается, складывает кукиш)*.

Это старик как нагнулся, так горшок-то и опрокинь. Эти соковйцы, ну и поплыли. Это ему все глаза залепило, в уши залило. Баба-та — ох! *(Опускается бессильно на скамейку.)*

Да и все тут. И торговать нечем!

Пелагея Ивановна Синева

14. Вихревое царство

Жил-был царь, и было у него три сына, жона была очень красивая. После рождения младшего сына стал касаться нечистый дух жоны его. Сколько оны ни колдовали, всё ницего не выходит. Сделалась война вдрух.

Царь поехал и старшему сыну гóворит:

— Сын мой любезный, я мать в светлицу запру, а ты только носи ей пишу и сбереги ее от нецистой силы.

Ну так и сделали. Ей стало скушно, она сыну и гóворит:

— Я тебя люблю как солнце и месяц, как звезды и свет, отвези меня покататься по зеленым лугам.

Он и сжалился и повез. Вдрух вйхорь налетел, и матушки на коляски не стало. Он ужáхнулся. Тут два года прошло, отец приежжает. Тот ему в ноги пал:

— Упросила меня матушка повезти её по зеленым лугам покататься. Я зажалел и повез. Вдруг налетел вйхорь и ее уташил.

Разослал отец гонцов и борцов по всему свету. Старший сын в ноги кланяется:

— Отпусти, я поеду матушку разыскивать.

Он ему денех дал, и солдатов дал, и есть, и пить. Вот проходит неделя, другая, год, другой, третий — ни сына, ни матушки. Царь плачет:

— Хошь бы кости найти, штоб я знал, хде почивают.

Второй сын пошел со деньхамы и со солдатамы: и неделю нет, месяц, год нетути. Пошел к царю меньшей сын. Сидит царь, думу думает:

— Хошь бы кость найти, штоб я знал, хде почивают.

Меньшой сын в ноги кланяется:

— Пусти, батюшко, поискать матушку.

— Жалко мне вас отдавать ницистой силы.

— Не благословишь иду, и благословишь — иду.

Не дал ему царь ни денех, ни солдатов. Идет Иван-царевич по своему городу, к бабушке-задворенке. Она ему расскажет, путь-дорогу покажет. Стоит лочужка земелькой покрыта, скалами состроена. Говорит ему бабушка:

— Скуй, дитятко, три шляпы железны, три обутки железны, три клюки железны. Да возьми, дитятко, от меня скатерёточку. Иди, дитятко, по правой тропке в леву сторону.

Уж он шол, шол. Обутки от песку протираются, шляпка от дождя пробивается, клюка под рукой утоняется. Пришел к бабушке. Сидит Баба-Яга, костяная нога, морда глиняная, грудью пецку затыкает.

— Фу-фу-фу, — говорит, — холоду-голоду в дверь напустил.

— Ницего, — говорит, — бабушка, все справится.

Он клал скатерёточку — стала на ей ижа́-питьё.

— Эта скатерёточка моей сестры родной. Она тебя одарила, и я не обижу.

Дала она ему ложочку. Вот он дальше пошел. Скоро сказка сказывается, да не близко дело делается. Уж обутка сваливается, клюка до рук додёрживается. Стоит вторая изобушка. Баба-Яга, костяная нога, носом вжаратки-гаратки, языком пецку пашет.

— У-у-у, — говорит, — голоду и холоду в дверь пустил.

Он скатерёточку вынул, ложечку положил, она ему дала кружечку.

— Это, — говорит, — подарочки моих сестер.

Дала она ему клубоцек. Он за клубоцком в след пошел. Пришел к высокой горы. Надел на ноги *не́гти*, на руки *не́гти*, на гору влез, а там царство мѣнное. Коло царства львы стоят. Он взял кружечку, дал им воды напиться, оны его и пропустили. Сидит тама девица.

— Ах, цего ты сюда пришел? Ко мне нецистый дух летает.

Она его в сундук спрятала. Налетел тут Вихорь.

— Фу-фу, руським духом пахнет!

— Сам налеталси да нахваталси, да начал фыфыркивать!

С девицей поиграл да проць улетел.

А Иван-царевич дальше пошел. Шол, шол, до серебряна дворця дошел. Сидят коло дворца тигры-звери. А во дворце сидит девица-раскрасавица. Ваня-то в ю врезалси. И она в его тоже врезалась.

— Зачем ты, Ванюшка, сюда попал? Тибѣ нецистый дух сничтожит.

Спрятала она Иван-царевича в деревянный шкаф. Налѣтил. нецистый дух.

— Фу-фу-фу, — говорит, — тут руським духом пахнет!

А она ему:

— Сам налеталси, да нахваталси, да начал *фыфыркивать*.

Ну, он с ней наигралси и улетел. Пошел Иван дальше. Стоит золотой дворець, сидит в ъм родная матушка.

Она ему и говорит:

— Зачем ты, Ванюшка, сюда попал? Тебя нецистый дух сничтожит. Он три раза в сутки прилетает, миня посещает и зверей напоет. Дам я тебе, сынок, сѣльной воды да его палицу. Ты его одна в лоб бей, а другого раза не подсаживай.

— Ланно, — говорит, — матушка.

Напилсе он сѣльной воды. Прилетает Вихорь.

— Фу-фу-фу, — говорит, — и тут руським духом пахнет!

Она и говорит ему ласково:

— У меня, — говорит, — младчинькой сын гостует.

— Так я с ним буду силу пробовать. Пойдем, — говорит, — в цисто поле.

Пришли они в чисто поле, Вихорь и спрашивает:

— Как будем сражаться, как будем разьежаться?

— Не будем сражаться, не будем разьежаться, будем палицу кидать.

— Ланно, — говорит.

Иван-царевич стал палицей размахивать, да с наговором дал ему в лоб. А он говорит:

— Иван-царевич, прибавь еще! Иван-царевич говорит:

— Нет, богатырска рука однова́ бьет.

Тут нецистый дух и скончалси.

Вышла матушка из золотого царсва, покотила золотым яечком, забрало яечко все царство. Пошли они в другие царсва. Забрали и менну и серебряну царевну. Дошли оны до горы. Стал Иван-царевич их на полотенце спущать. А под горою братья три года дожидали. Как он их спустил, оны полотенце срезали, тых похватали, к отцю повезли. И представили отцю матушку и себе по невесте (*бутто, милая, они их от нецистого спасли, а не Иван*). А Иван на горе остался. А тые дома и начали свадьбу заводить. Серебряна царевна и говорит:

— Нет, — говорит, — накажи для меня цветно платье без матэри и без меры сшить.

А как такое сделать?

А Иван-царевич стал палицу перекидывать. Выскоцили два молодца.

— Что угодно. Иван-царевич?

— В родной город хоцу.

Аны его в миг домой приволокли.

Стал он жить у портного. Как узнал, что царевна хочет, тым мигом яечком прокатил, дворец поставил, цветное платье достал.

Принес это царевне платье, а она велит, штоб поставили дворець серебряный, от дворця золотой мост. Иван-царевич палицу перекинул, выскоцили два молодца, построили дворець серебряный, от дворця мост золотой, на мосту столбики точеные, да колецки золоченые. А на каждом столбике голуб да голубушка, да друг дружку кланяются, да говорят:

— Помнишь ли, голубушка, хто тебя спас?

— Помню, голубок, спас Иван-царевич.

А по сторонам кабаки стоят и пьяницы ура кричат, што невеста и жених к венцу едут.

Вот поехали оны к венцу. Через мостик едут, она голубьев слушает. А Иван-царевич взял метелочку, давай мост подметать. Царевна и кричит:

— Держите кони! Не тот мой жених, што со мной сидит, а тот мой жених, што мост метет.

Взяла его за руку, с собой посадила, в церкви и повенцались. Царь сыну обрадовал. Задал пир на весь мир. И меня туда позвали, пивом, брагой потчивали, да дали чашку с дырой, да у меня рот кривой — мимо все бежало, в рот не попало.

Клавдия Васильевна Кириллова

15. Настасья-пепельница

Жили-были мужик да баба. Были они богатые, была у них дочь семнадцати лет.

Вот жена у мужика заболела и померла. Когда она умира-ла, то говорит мужу:

— Когда я помру, то возьми мой башмачок и иди искать себе невесту; которой мой башмачок будет враз, ту и бери.

Когда мать умерла, он пошел искать невесту с ейным башмачком. Искал везде по селам и нигде не мог найти. Приходит домой и говорит дочери:

— Я, — говорит, — нигде не мог достать себе жены такой, чтобы башмачок был впору.

Она сидела на прилавке, вскочила и говорит:

— Батюшка, дай я померю.

Башмак в акурат ей, как вылитой.

— Ну, так, дочка, тебе надо итти за меня замуж.

А дочь была хитрая, говорит:

— Батюшка, купи мне платье со звездочками, тогда я пойду за тебя замуж.

Он купил ей платье со звездочками. Она говорит:

— Купи мне платье с месяцем.

Он купил и тое платье. Ей итти неохота за отца замуж.

— Купи, — говорит, — еще платье с солнышком. Он купил ей и тое платьё.

— Я, — говорит, — пойду тогда за тебя замуж, когда ты мне сделаешь фонарь потайной, чтобы был с меня вышины, и такой же ширины, чтобы я влезла.

И фонарь сделал он ей такой.

— Иди, батюшка, собирай народ на свадьбу, а я буду сряжаться.

Когда отец ушел, она забрала вси три платья и забралась сама в фонарь и закрылась. А фонарь открыть никто не знал,

кроме ее. Вот пришел отец домой, привёл гостей, а дочери нет. Искал-искал ю отец, найти не может.

— Убежала, — говорит, — ведьма!

Рассердился, взял фонарь и бросил в море. Вот фонарь плавал-плавал в море, и выбросило его на сушу. Она открыла фонарь, вышла и смотрит — город стоит на острове. Заходит в город и встречает там короля. А сама она была красавица неописана. И говорит ей король:

— Иди к нам в пепельницы — зóлу сеять.

— Что же, — говорит, — я иду.

Король спрашивает:

— Как тебя звать?

Она отвечает:

— Настасья.

— Пусть ты будешь Настасья-пепельница.

И стала она у них зóлу сеять.

У короля был сын — королевич. Вот справляется он на вечер и говорит:

— Настасья-пепельница, подай мне умываться.

Она принесла ему и тазом тихо ударила его по голове. Он умылся и ушел на вечер. Осталась Настасья-пепельница да старая баба. Она и говорит:

— Бабушка, отпусти меня на вечер.

— Да куда ты, Настасья, такая грязная пойдешь?

— Ничего, бабушка, я хоть у порога постою.

— Што ж, иди.

Она ушла в свою комнату и одела платье со звездочками. Пришла на вечер, а ее королевич и не узнал. Стал за ней ухаживать и спрашивает:

— Откуда вы, с какого городу?

А она отвечает:

— С того городу, что тазом в голову.

Он придумывал-придумывал, да не мог вспомнить. С половины вечера она и пошла домой. На второй день опять он на вечер сряжается.

— Подай, Настасья-пепельница, мне мыло.

Она принесла мыло и ударила его в голову. А как он ушел, одела платье с месяцем и пошла на вечер. Он ее там и спрашивает:

— С какого ты, красавица, городу?

— А я с того городу, что мылом в голову.

Он и не вспомнил. Ну, на третий день он *снoв* сряжается.

— Подай, Настасья-пепельница, мне сапоги.

Она ему сапоги подала, да тихонько в голову ударила. Потом одела платье с солнышком и вслед за им на вечер пошла. Он её там и спрашивает.

— Што вы мне не скажете, с какого вы городу?

— А я с того городу, что сапогом в голову.

Он и догадался и пошел за ей вслед. Пришел вслед и видит, что это Настасья-пепельница. Привёл он её к отцу и матери:

— Вот, говорит, моя невеста, благословите на ней жениться — у ней есть хорошее платье.

Тут она и вышла за него замуж. Тут и всё.

16. Дурень

Жили-были три брата. Два умные, а третий глупый. Хотя он был и глупый, а ему все далось лучше, чем умным. Он, значит, поставил на задворки дома капкан. Это зимой дело было, а мать пошла по воду, да в капкан и попала. И вот она замерзла. Утром он пошел посмотреть, волков нет ли. Приходит, смотрит, а там — мать. Вот беда! Как быть? Он запрёг лошадь, худую-прехудую, в сани. Сани худые были тоже. Взял эту мать и с прялкой посадил в сани. Едет, сам песенки попевает. А навстречу ему двенадцать Дороховых детей. Едут, значит, и ему кричат:

— Ванюха, выворачивай с дороги!

А он и говорит:

— Как же я буду выворачивать? У меня мать с прялкой сидит.

Один из них да топором хлоп матерь. Она и покатилась. Ваня закричал:

— Што вы, — говорит, — наделали! Мать мою убили!

Они смотрят, и правда.

— Ой, Ванюшка, такой-сякой, на тебе сто рублей, не говори только никому.

Он взял эти сто рублей, поехал домой, схоронил мать, как подобает, и денег нажил, сто рублей. Ну, как ему еще поднажиться? (*Он глупый был, да про себя все-таки.*) Опять сел на лошадь, поехал. Вот попадают опять навстречу двенадцать До-

роховых детей. Он палочкой ковыряет в лошадиных отбросах. Они и спрашивают:

— Ванька, а Ванька, што ты, — говорят, — делаешь?

— Золото, — говорит, — ищу, серебро и медь. Деньги это, — говорит, — все.

— Да как же, — говорят, — это ты делаешь? В лошадиных отбросах ищешь и золото, и серебро, и медь?

— Да так, — говорит, — кормлю лошадь овсом — она отбрасывает золотом да серебром. А кормлю сеном — она медью отбрасывает.

— Ну, Ванюшка, такой-сякой, продай нам, — говорят, — лошадь. Возьми тысячу рублей.

— Ну, што ж, давайте, — говорит, — купите.

Вот оне купили эту лошадь, и попробовали кормить овсом, сеном. Но ничего не получается этого. Ни золота, ни серебра никак не виднó. Оне тогда приходят к Ване к этому глупому. А вот он уже зараньше знал, што они придут навестить его по поводу того, што он лошадь продал им, будто она отбрасывает золотом, серебром, но этого не получается. Оне пришли к нему. Он был женатый. И жене, значит, раньше привязал бычий пузырь кровяной к шеи.

— Вот, — говорит, — баба, когда придут Дороховы дети, я буду заставлять тебя греть самовар, а ты не шевелись и с места. Тогда я ножом пырну тебя в этот пузырь, и ты падай.

Пришли дети Дороховы. Он заставляет бабу греть самовар. Она отвечает, што «не буду». Тогда он пырнул ее в горло ножом, и она упала мнимо умершая. Тогда он схватил плетку и давай ею стегать бабу. А при етом приговаривает:

— Плетка-животка, отдай мою жонку.

И она встала, живая. Тогда они стали расспрашивать, што это за плетка.

— Продай ты нам, — говорят, — эту плетку. Мы также, — говорят, — при таких случаях своих баб колоть будем, а потом оживлять етой плеткой.

Потом, значит, он продал ету плетку, и взял пятьсот рублей. Дороховы дети пришли домой, и давай наводить пробу етой плеткой. Перекололи всех своих баб. И хлестали хлестали плеткой, но ни одна не воскресла. Вот они приходят к Ване. Взяли его положили в мешок, завязали, штоб он оттуда не ушел, и потащили на средину озера топить. Но *пешню* за-

были. Один другого посылает, другой — третьего, но ни один не идет за *пешней*.

Тогда сговорились, и все пошли. А Ваню в мешке одного оставили, на середине озера. Вот едет мимо мужик. Лошадь у мужика хорошая, бурая. А Ваня в мешке лежит и воет. А мужик спрашивает:

— Кто, — говорит, — тут в мешке завязан? Чего, — говорит, — воет?

Оттуда Ваня отвечает:

— Да вот, — говорит, — выбирают, — говорит, — меня в писари и завязали в мешок. Я хотел убежать, но меня не отпускают. Мне итти не охота в писари.

Мужик тогда говорит:

— Давай, — говорит, — завяжи меня взамен тебя в мешок. Я, — говорит, — пойду в писари. А ты бери моего коня, да уезжай по-добру, по-здорову.

Вот Ваня завязал мужика в мешок, сам сел на евоного коня и поехал. Пришли Дороховы дети к етому мешку. Выпелили прорубы и бросили бедного мужика в прорубь. Пошли домой и говорят.

— Слава богу, — говорят, — сбыли мы от Ваньки мошенника.

Только приезжают к Ванькиной квартиры, а он там лошадку распрягает. — Ванька, да ты откуда?!

— Да я, — говорит, — и лошадку-то хорошую достал там, куда вы меня бросили.

— Да как же ты это достал лошадь такую?

— Да вот, — говорит, — когда вы меня бросили в воду, там кричат со всех сторон: «Кому какую лошадь надо?» А мне всегда любой бурой конь. Я и давай булькать:

— Буль, буль, буль, бурого коня!

— Да неужели так, Ваня, было?

— Да так, дорогие мои.

— Ну, уж нам надо всем по лошадке достать. Давай, Ваня, завяжи всех нас в мешки, да выбросай в озеро. Мы достанем по коню себе.

— Давайте, все равно, — говорит, — можно.

Всех их в мешки посадил и выбросал в тую же прорубь. И все оне там потонули. А он с тех пор стал умным и богатым.

17. Горюшко

Жил-был купец да купчиха. У их была одна дочка. И все эта дочка ходила к бабушке-задворенке. И все бабушка говорит:

— Ох-ох-ох, мое горюшко, мое лютое!

Все так говорит. Она ей и говорит:

— Бабушка, што это за горюшко?

Бабушка и говорит:

— Наноси мне крупки-мучки, да чайку-кофейку, я тебе и покажу, какое это горе.

Она молча от отца и от матери наносила всего, что та велела. Бабушка и говорит:

— Теперь возьми бурачок и пойдём в лес.

И пошли оны в дремучий лес. Бабушка и говорит:

— Нюша, набери здесь ягод, а я сейчас приду.

И ушла, а ей оставила в этом дремучем лесу. Она брала-брала, ждала-ждала бабушку. А та уж ушла домой, так не придет. И давай она кричать:

— Бабушка!

Кричала-кричала, а бабки не слуху, не духу. Вот она шла-шла, блудила-блудила, да и ко дворцу пришла. А над воротами видит толстая-претолстая книга положена. И на этой книги написано: «Кто эту книгу в три года прочетает, тот не умрет и всех во дворце разбудит. Если красна девушка, будет Ивану-царевичу невестой, если молодуха — сестрой, стар человек — отцом».

Она и давай четать, а во дворце все спят забудущим сном. Она книгу вынула, да надо четать, да три года не спать, а то сама заснешь на́век. Так и год прошол. Уж ей скушно стало и спать хочется. А все поест-попьет и опять четать. Так второй год прошол. Уж на третий год такая ей скука стала, што просто страх. И пошла она к синю-морю. Видит корабль плывет. Она и закричала:

— Уж вы славные гости корабельщики, дайте мне худенькую черненькую девчоночку, штоб хоть год дожить.

А кораб-то мимо проплыл. Вот опять кораб плывет:

— Ох, вы гости-корабельщики, спустите мне худеньку-девчоночку, штоб хоть год прожить.

Ну, а кораб мимо идет. Через сколько время приходит она к синю-морю, видит кораб плывет:

— Ой, вы гости-корабёлыцики, скука-страх меня заела, спустите мне худеньку, черненьку девчоночку, чтоб хоть год прожить.

Кораб остановился и лодку спустил, и худеньку, да черненьку девчоночку и привез. Она ее напоила-накормила, одела да вымыла. Потом ей и говорит:

— Прочитай мне хоть сколько, а я на минуточку лягу, да засну. Та говорит:

— Ладно-ладно, ложись.

Она лёгла спать, а та давай книгу с начала смотреть и увидала, что если девушка прочтает, дак Иван-царевич ю замуж возьмет. Давай четать скорее, торопится. И ю не разбудила.

Вот третий год прошол, и все проснулись. Да Иван-царевич Чернавку замуж берет, а тая спит забудущим сном. Вот и свадьбу готовят. А Иван-царевич и спрашивает Чернавку:

— Што за красавица лежит? Верно книгу не дочетала.

А Чернавка и говорит:

— Да, заснула, не дочетала. А я пришла, дак три года четала.

Вот она в свадьбу проснулась, такая невеселая. А Ивану-царевичу Чернавка дак страх не нравится. После свадьбы он Чернавке платье привезет, а Нюше лучше. А та молчит, ничего не говорит и платьев не берет.

— Иван-царевич, — говорит, — привези мни золотую куколку, да булатный ножичек.

А он думает:

— Не привезу ей. Куда ей с куколкой, да булатным ножиком.

Да однажды и привез. Заранее и сказал. А она у себя в горнице намыла, настряпала, да пир приготовила. Он привез куколку, отдал, а сам край дверей стал и слушает, что она с куколкой заведет. Она куколку за стол посадила, угостила и давай ей свою судьбу рассказывать. Все и рассказала. Словно причитывает:

— Ой, ты куколка, да ты родимая, ай стреслось со мной да горе лютое, подкосилися да мои ноженьки, опустилися да мои рученьки, потускнели да мои глазыньки. Ай жила я у родителя богатого, да ходила я ко бабушке-задворенке, да не знала я горя лютого. Отвела меня бабушка в дремучий лес. Дошла я до дворца высокого. Там вси спали забудущим сном...

Тут она все куколки-то рассказала и про девку Чернавку и про все. Да и плачет:

— А теперь только взять-ко мне булатный вострый ножичек, да заколоть мое ретивое сердечушко.

А Иван-царевич прибежал, да ножик у ей из рук и выхватил. И стал с ей свадьбу играть, а Чернавку к жеребцам привязали, да в чисто поле и пустили.

18. Игральница-греза

Жил мужик да играл с барышней, и так любил свою девушку, что страшно́. А замуж ю за него не выдавали. А у него только на уме она, да как бы ю замуж взять. И стало у него уж в уме мешаться. Так он о ей думал, что стала она как будто к ему приходить и как будто спать с ним ложиться. Все это ему так представляется. И стал он такой худой да бледный. Ночью с ей будто милу́ется, а днем ей говорит:

— Как ты ушла-то утром от меня, я и не слышал.

А она сердчает:

— Что ты, очумел! Как это ты такие слова говоришь, — меня позоришь. Никогда я к тебе не хаживала.

И до того дело дошло, что она и совсем с им играть не захотела. Прогнала его. А он все не понимает, да матери и говорит:

— Мамушка, да что это? Игральница-то моя каждую ночь ко мне ходит, и уже, мамонька, дитё ждет — а как я ю днем встречу, она меня ну ругать, да отказываться, и беремени ее не видать.

Ну мать и пошла по ворожеям. Одна ворожея и говорит ей:

— Это он в грезу влюбился, в нечистую силу. Возьми девять пачек иголок, да понатыкивай от порога да ему до кровати, да все иголочки с крестом зааминь. Она как наколется, подаст голос целовеческий, тогда и пропадет.

Та и купила девять пачек иголок, да понатыкала от порога до кровати, острым концем вверх. Ночью-то он лежит да поджидает, а мать не спит — слушает. Вдруг, как дверь открылася, вступила та через один порог, да как закричит, ступила второй, да как заплачет, завопит:

— Ах, ты, говорит, остудник негодный, я тебя все одно сгублю!

Да и пропала. А на другой день, вдруг, как вдарило что-то в угол, так угол и расселся. Выбегли, а там робенок лежит раздёрнут, да весь кровавленный. Это она его об угол и раздёрнула. Да не настоящий робенок это, а нециста сила. Такая это была была.

19. Попов работник

В некотором царстве,
В некотором государстве,
На ровном месте, как на бороне,
Верст за триста в стороне,
Именно в том, в котором мы живем,
Жил-был царь.
Без присказки сказка,
Што без полозьев салазки:
Из горы по льду́ нет им ходу́,
А по гладкому пути
Нечего их и за собой везти.
Слушайте диковинные речи:
У дяди Луки были полати подле печи.
Мост стоял поперек реки,
Картофель родилась в земли,
А рожь зрела на колоси.
Не любо — не слушай, а врать — не мешай.
Хороша алая лента, как одета на молодую,
А на старуху хоть пять навесь, —
Все скажут, што морщины есть.

Ну вот, хоть бы в нашей деревни, жил один поп. Пошел на базар. Ему нужно нанять работника. Вот, ходил по базару, — попадается ему мужичок.

— Найми меня, батюшка, в работники!

— А сколько, — говорит, — ты возьмешь?

— Да сто рублей.

— С тем и дам тебе сто рублей, только ты выучи матушку по-немецки говорить.

Работник говорит:

— Выучу, батюшка.

Вот приводит он работника домой и говорит попадье:

— Вот какого я нанял работника, што и тебя по-немецки говорить выучит.

Встали на́-утро, поп и говорит работнику:

— Ну-ка, Ванюшка, сходи в лес, поруби дровец.

Роботник ушел, проходил часа два-три, приходит домой и говорит:

— Ну, батюшка, я две сажонки вырубил. *(А сам вырубил два колышка по сажонке.)*

— Ну, тепер, — говорит, — Ванюшка, сходи на рынок, узнай што дорого, што дешевó.

Пошел роботник на рынок, походил, приходит домой и говорит:

— Ну, батюшка, как на рынке и короба́-то угольные доро́ги. По двадцать пять рублей за штуку дают.

— Ой, Ванюшка, да смотри, у нас там, на вышке, два короба лежит. Сходи, продай, — говорит.

Роботник пошел на вышку, а там в коробе, оказывается, дьякон лежит. Он этот короб, да с им целиком, под лесницу и бросил. Дьякон закричал, а роботник говорит:

— Ты зачем сюды пришел? Я сейчас пойду, скажу бате.

— Не говори, Ванюшка. Я тебе дам пятьдесят рублей. Роботник деньги взял, несет половину батюшке, а другие к себе в корман.

— Вот, батюшка, я один и продал.

— Ну ладно. Спасибо, Ванюшка, што продал. Вот, попадья, на какого роботника мы нарвались, што за гнилье деньги приносит.

На второе утро поп опять посылает роботника нарубить дров. Тот пошел, вырубил опять три колышка, по сажонке, приходит домой и говорит:

— Ну, батюшка, я три сажонки вырубил.

— Ну, спасибо, Ванюшка. Иди, узнай на рынке тепер, што дорого, што дешевó.

Тот сходил, приходит и говорит:

— Батюшка, с-под перьев короба очень дороги. Пятьдесят рублей за штуку дают.

— Так иди, Ванюшка, — говорит, — на вышку. Там у нас есть короб с перьев, продай.

Пошел роботник на вышку, а там опять дьякон в коробе лежит. Роботник ему говорит:

— Ты опять зачем здесь? Сейчас пойду бате скажу.

Дьякон говорит:

— Не говори, Ваня, я тебе еще пятьдесят рублей дам.

А работник говорит:

— Нет, сто рублей давай, за пятьдесят теперь не помирю.

Делать нечего, завертелся дьякон, но отдал сто рублей. Походил работник по рынку, приходит к попу, подает ему пятьдесят рублей и говорит:

— Вот, батюшка, я опять короб продал.

Поп и говорит попадьи:

— Вот, матушка, на работника-то напали. Погляди-ка, нам опять он денег сколько принес.

А попадьи это не любо. Оказывается, она любила дьякона, а дьякóн ее. Она пóслала записку к дьякону и попросила, штоб больше в квартиру не ходил, а приходил к окну. Роботник опять свое дело смекнул. И просится:

— Батюшка, пусти меня вот в эту комнатку к окошечку ночь полежать.

Поп не препятствует:

— Ложись, ложись, Ванюшка.

Роботник лег и взял с собой вострый ножик. Когда потóмнело, то слышит, к окну ставят лестницу. И пихает в окно голову дьякон. Роботник хватъ и отрезал у дьякона ножом ухо. Дьякон убежал ни с чем. На утро попадья знает, што беда. Как помириться с дьяконом? Надо чем-нибудь угостить. И говорит попу:

— Батюшка, сегодня дьякон, кажется, именинник. Надо ему что-нибудь снести.

Поп и говорит:

— Ну, делай, матушка, делай, што тебе нравится.

Сделала с сигом рыбник, вынула из печки и полóжила на стол. Потом говорит работнику:

— Снеси-ка, Ванюшка, гостинца дьякону.

Роботник пошел, дорогой съел рыбу, а положил туда отрезанное ухо. Потом попадья пошла сама на именины к дьякону. Только лишь заходит в квартиру, хочет с дьяконом заговорить, почему у него завязано ухо, а дьякон в это время схватил нож и отрезал ей кончик языка. Значит она говорить больше правильно не может. Ла, ле... А работник бежит к попу и говорит:

— Батюшка, я матушку по-немецки говорить выучил.

Та идет в квартиру (*тоже заговорить хочет*), а сама *лавай-дает* — лау, лау... Поп думает, что она на самом деле говорит по-немецки. Отдал все жалованье работнику. Тот ушел.

20. Лиса, волк и масло

Жили-были волк с лисой. Была у них кадусецка масла. Лежит лиса да лапкой стуцит.

— Это что, лиса?

— А колотят лапкой — зовут бабкой.

— Иди, кума!

Лиса убежала, да в сенях масло полизала. Пришла, а волк:

— Какое робенку дали имяцко?

— А Поворхулизать.

— Этакo имяцко хороше!

Опять лиса лапкой стучит.

— Что это, кума?

— А колотят лапкой — зовут бабкой.

— Иди, кума!

Лиса в сени, да ну масло лизать. Приходит в избу.

— А какое дали имяцко? — волк спрашивает.

— А Посеродочкелизать.

— Этакo имяцко хороше!

Вот время прошло, а лиса опять лапкой стучит.

— Колотят лапкой — зовут бабкой. Я

— Иди, кума!

Она все масло и вылизала. Заходит в избу.

А волк:

— Како имяцко дали?

— А Подонушкулизать.

Вот волк захотел блины есть. Затопил печь. Пошел за маслит, а масла и нет. Волк говорит:

— Ты, кума, съела? А она говорит:

— Я и дома не была.

— Ну, — говорит, — ляжем на печь. У кого масло стопится, тот и виноваты.

Легли, да волк и заснул. А лиса остатки масла соскребла, да ему пузо и смазала.

— Вставай, — говорит, — смотри, кто масло съел, чорт остроносый!

21. Петух и курица

Жили-были петух и кура. Вышла кура из избы, а тут град пошел. Испугалась кура и кричит:

— *Петун*, беда, паны наехали, штреляют, паляют, нас убивают. Бежим, петун!

И побежали. Бежали, бежали. Им стрету заяц.

— Куды, петун, бежишь?

— Ай, не спрашивай меня, спрашивай куру.

— Куды, кура, бежишь?

— Паны наехали, штреляют, паляют, нас убивают.

— Возьмите меня с собой.

И побежали. Им стрету лиса.

— Куды, заяц, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петуна.

— Куды, петун, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай куру.

— Куды, кура, бежишь?

— Паны наехали, штреляют, паляют, нас убивают.

— Возьмите меня с собой.

И побежали. Им стрету волк.

— Куды, лиса, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай зайца.

— Куды, заяц, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петуна.

— Куды, петун, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай куру.

— Куды, кура, бежишь?

— Паны наехали, штреляют, паляют, нас убивают.

— Возьмите меня с собой.

И побежали. Им стрету медведь.

— Куды, волк, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай лису.

— Куды, лиса, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай зайца.

— Куды, заяц, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай петуна.

— Куды, петун, бежишь?

— Не спрашивай меня, спрашивай куру.

— Куды, кура, бежишь?

— Паны наехали, штреляют, паляют, нас убивают.

— Возьмите меня с собой.

И побежали. Бежали, бежали, да в ре́пну яму и пали. Долго они в яме сидели, есть захотели. Лиса и говорит:

— Давайте петь имена, чье имецько лучше, а чье имецько хуже, того и съедим.

И запели все:

Медведь-медведу́хно — имецько хоро́ше,
Лі́са-олисáва — имецько хороше,
Волк-волчу́хно — имецько хоро́ше,
Заяц-зайчу́хно — имецько хоро́ше,
Петун-петуну́хно — имецько хоро́ше,
Ку́ра-окура́ва — имецько худое!

Тут куру и разорвали. А лиса опять:

Медведь-медведу́хно — имецько хоро́ше,
Лі́са-олисáва — имецько хороше,
Волк-волчу́хно — имецько хоро́ше,
Заяц-зайчу́хно — имецько хоро́ше,
Петун-петуну́хно — имецько худое!

Схватили петуна и ро́зорвали, да мало. А лиса опять запела:

Медведь-медведу́хно — имецько, хоро́ше,
Лі́са-олисáва — имецько хороше,
Волк-волчу́хно — имецько хоро́ше,
Заяц-зайчу́хно — имецько худое!

Съели и зайца, а все голодны. Лиса и запела:

Медведь-медведу́хно — имецько, хоро́ше,
Лі́са-олисáва — имецько хороше,
Волк-волчу́хно — имецько худое!

Ро́зорвали медведь и лиса волка и стали есть. А лиса не ест. Долго сидели. Стало опять голодно, а лиса кисецки волчьи таскает и ест.

— Что это у тебя, лисанька?

— А я лапку в жопку пихаю, а с жопки кисецки вытя́гаю и ем.

Медведь и вправду свои кисецки зацепил и помер. Осталась лиса одна. Видит сидит птичка-синичка.

— Повыздынь меня, птичка.

— А как я тебя *повыздыну*?

— А понеси в яму прудишков.

Наносила птичка в яму прудишков, да и была лиса такова.

22. Посулено

Жила-была баушка. Поехала в лес по хворост. Вдруг слышит: в болоте хряснуло, в лядине стукнуло — мѣдведь идѣ.

— Бабка, бабка, съем я кобылку.

— Не ешь, такой-сякой, дам тебе теплушку.

— Ладно, давай.

Вот в другой раз поехала бабушка за хворостом. В болоте хряснуло, в лядине стукнуло — мѣдведь идѣ.

— Бабка, бабка, а я съем кобылку.

— Не ешь, такой-сякой, я дам тебе крепушку.

— Ну, ладно, давай.

Вот и в третий поехала бабка за хворостом. В болоте хряснуло, в лядине стукнуло — мѣдведь идѣ.

— Бабка, бабка, я съем кобылку.

— Не ешь, такой-сякой, дам тебе потомбалку.

— Ну, ладно,

Старуха домой приехала, кобылку в конюшню, ворота подперла, поужинала, да и спать. Пришел медведь, да в ставень «стук-стук».

— Бабка, давай посулено.

— Какое тебе посулено?

— А теплушку.

— Ох-ох-ох, тепло баушке на пѣчушке, на запѣчушке, ножки в полоточке, на грядочке.

Медведь лапой «тук-тук-тук».

— Давай, бабка, посулено.

— А какое тебе посулено.

— А крепушку.

— Ох-хо-хо, крепки у бабушки воротца, да крепко подперты.

Медведь в третье «тук-тук-тук».

— Чего тебе?

— Давай, бабка, посулено.

— А какое тебе посулено?

— А потомбалку.

— Ох-хо-хо, потомбалка в лес не едет, ды дров не везет.

Так и омманула старуха медведя.

23. Старик и волк

Стáрик да старúшка
Жили на горúшке
В глиняной избúске.
У стáрика-старúшки.
Была сивая кобыла,
Была бурая корова,
Была серая овецка,
Со трема ягнатама.

Узнал волк, што у старицка скотины много, пришол ноцью под окосецко и пое:

Стáрик да старúшка
Жили на горúшке
В глиняной избúске.
У старика, старушки
Была сивая кобыла,
Была бурая корова,
Была серая, овецка,
Со трема ягнятама.

— Старик, давай ягненка, а то съем старуху.

Отдал старик ягненка. А на заутра пришол волк и пое:

Стáрик да старúшка
Жили на горúшке
В глиняной избúске.
У стáрика, старúшки
Была сивая кобыла,
Была бурая корова,
Была серая овецка,
Со трема ягнятама.

— Старик отдай ягненка, а то съем старуху.

Отдал вдругоряд ягненочка. Так волк у них и овецку и коровку и кобылку перетаскал. Вот уж черед и старушку есть.

Старик и говорит:

— Старúха, сядь в подпол, а я привешу к потолку корзину, да и сяду в корзину.

Села старуха в подпол, а старик в корзину. Пришол волк и запел:

Стáрик да старúшка
Жили на горúшке

В глиняной избúске.
У старика, старушки
Была сивая кобыла,
Была бурая корова,
Была серая овецка,
Со трема ягнятама.

— Старик, давай старуху, а то я тебя съем.

А старицок сидит в корзини и молчит. Волк и зашел в íзбу, старик как гаркнет — волк и испугался — и побежал. Да и бúde ходить к стариковой хати.

24. Сани

Ето шла однова́ бабка, нашла лапоть с поднорядчиком и зашла она в избу ночь ноцевать. Запустила вона лапоть в курятник к им. Ну, вот, ладно. Утресь выстала, да:

— Давайте, хозяева, мою куру.

— Каку куру? У тебя, вить, лапоть.

— Нет, у меня кура, а не хóцете давать, пойду по судам, по боярам, навек засужу.

Они и отдали куру.

Она дальше путем пошла. Шла-шла, к ноци выпросилась в избу. Запустила куру к гусям. Ночь нацевала, да на утро и говорит:

— Давайте моего гуся.

— Какого гуся? У тебя, вить, кура.

— А не давайтё, так я по судам, по боярам пойду.

Ну, они испугались и дали гуся. Ну она и дальше пошла с гусем-то. Ну, шла-шла, к ноци в избу пришла. Сама на лавку, а гуся к *ба́ранкам*. Ночь нацевала, а утресь:

— Давайте мою баранку.

— Каку таку баранку? У тебя, вить, гусь.

— А не хотите миром давайтё, дак я по судам, по боярам пойду, навек засужу.

Ну, и отдали ей баранку. (*Ну и хитра баба-та!*). Ешшо ночь в избу зашла, запустила баранку к быцкам. Ночь отноцевала, взяла себе быцка, хозяева говорят:

— Ты што, баба, умна-ле? У тебя, вить, баранка.

А она говорит:

— Миром не дайтё, я судом возьму.

Они и отдали быцка. Ну, пошла баба путем-дорогой. Запрягла быцка в саноцки и поё:

Шла баба, нашла лапоть,

За лапоть куру,

За куру гуся,

За гуся барана,

За барана быченьку.

Шлю, шлю, быцок, полевой хвостичок!

Едет-едет, ей стрету заяц:

— Пусти, бабка, на задок.

— Садись.

Едет-едет, стрету лиса:

— Пусти, бабка, на передок.

— Садись.

Едет-едет, стрету волк.

— Пусти, бабка, на середочек.

— Садись. Едет-едет и поет:

Шлю, шлю, быцок, полевой хвостичок.

Я быка по ножке, бык по дорожке.

Стрету ей мѣдведь.

— Пусти, бабка, на передний вяз. Сел медведь, оглобля и лопнула.

— Пойди, заяц, в лядину, принеси оглоблю.

Пошел заяц в лядину, приташил осиновую вицю.

— От дурной! поди, лиса, в лядину принеси оглоблю.

Пошла лиса в лядину, принесла ольховую вицю.

— От дурна! поди, волк, в лядину, принеси оглоблю.

Пошел волк в лядину, приташил старую березу.

— От дурной! поди, мѣдведь, в лядину, принеси оглоблю.

Пошел мѣдведь в лядину, приташил бо-о-льшуцу елку. Пошла бабка сама в лядину. А медведь быцка со́жрал, в шкуру моху напихал. И вси звери убежали. Пришла бабка, села на сани:

Шлю, шлю, быцок...

Хвостнула быцка, он и пал. И все тут.

25. Колобок

Бабка спекла колобок. На окоско студить полóжила, а ён соскóцил и побежал. Бежал, бежал, стрету волк:

- Колобок, колобок, я тебя съем.
— Не ишь меня, волк, я те песенку спою:
Я — колобок, колобок,
С толокном мешо́н,
В печку сажо́н,
Я от бабуски ушол,
Я от дедуски ушол,
От тебя, волк, уйду.

И побежал дале. Бежал, бежал, стрету лиса:

- Колобок, колобок, я тебя съем.
— Не ишь меня, лиса, я те песенку спою:
Я — колобок, колобок,
С толокном мешо́н,
Я от бабуски ушол,
Я от дедуски ушол,
Я от волка ушол,
От тебя, лиса, уйду.

А лиса и го́ворит:

- Не слышу, сядь ко мне на мордочку.

Колобок сел:

Я — колобок, колобок.

А она — хам — и его съела.

26. Глиняный парень

Живало-бывало жил старик со старухой. Стары стали, а детей нет. Старику старуха и говорит:

— Старик, робят у нас нет, а сделаем мы из глины парня — бытто и сын будё.

Сделали оны парня и по́ложили на пецку сушиться. Парень высох и есть хоцца.

— Дай, — говорит, — бабка, молока кадусецку, да хлеба мякусецку.

Съел да ешшо просит (*тое съел и ешшо просит*). Ну, а у бабки нету. Он как выскоцит с пецки и съел бабку с прялкой, да дедку с клюшкой. Вышел он на улицу, а идет ему стрету поп с скуфьёй, попадья с кужнёй. Он и говорит:

— Съел я бабку с прялкой, дедку с клюшкой, съем попа с скуфьёй, попадью с кужнёй.

Да и съел. Идут ему стрету дроворубы с топорами, сенокосцы с косама, грабленицы с граблями. Он и говорит:

— Съел я бабку с прялкой, дедку с клюшкой, попа с скуфьей, попадю с кужней и вас всех съем.

Да и съел.

Идет дальше, стрету ему коза.

— Ах, коза-робоза, съел я бабку с прялкой, дедку с клюшкой, попа со скуфьей, попадю с кужней, дроворубов с топорама, сенокосцев с косама, граблениц с граблями и тебя, коза-робоза, съем.

Ну, коза и говорит:

— Да ты не трудись. Стань под хорку, а я стану на хорку, разбегусь, да тебе в рот и заскоцу.

Стал он под хорку, а она на хорку, коза разбежалась, да рогама ему в брюхо — хлоп. Парень-то и рассыпся. И вышли из брюха бабка с прялкой, дедка с клюшкой, поп с скуфьей, попадя с кужной, дроворубы с топорама, сенокосцы с косама, грабленицы с граблями.

27. Мишка да мышка

Жил однова мужик на другой жонатый. У его была доцка и у бабы доцка. Баба старикову доць ох как невзлюбила. Поедом ест, проходу не дает. И старика загрызла.

— Отвези доць в лес, штоб я духу ее не слыхала.

Ну и повез мужик свою девушку. Баба ей короб пакости наклала, греди да песку, заместо питева, едива. Привез старик свою девушку в избу, а сам прочь поехал. Девушка короб открыла да удивилась цё-ле мачеха раздобрела, тут и масла, и крупы, и шанежек накладено. *(Эта из той греди да песку оцутилось)*. Затопила девушка пецку, стала кашку варить. Выскоцила из норки мышка.

— Дай, девушка, кашки.

Дала ей девушка кашки. Мышка поела, хвостом обтерлась и говорит:

— Спасибо, красавиця. И я тебе послужу. Придет в избу медведь, будет с тобой в прятки играть. Ты не бойся, в под-пол прячься. Я за тебя сделаюсь.

Ну, ладно. Пал вечер. Пришел в избу медведь.

— Здравствуй, красавица, давай в прятки играть. Завязала ему девушка глаза, да сама в пód-пол. А мышка давай бегать, да по полу стучать. Мёдведь за ней. Гонял, гонял...

— Прытка́ ты, умница! Набёгался.

Вышла девушка с пód-полу, развязала мёдведю глаза. Он ей полон короб серебра наклал. И в лес ушел. Утресь сварила Маша каши, сама поела, мышке дала. Мышка говорит:

— Будё медведь сегодня в под-пол лезть, *сedy* на печьку, я дело сделаю. Ввечеру пришел медведь.

— Здравствуй, красавица, давай в прятки играть. Поймаю — дак съем, не поймаю — дак озолочу.

Завязала ему Маша глаза, сама на́ печь села. Стала мышка бегать, стала по полу стучать. Полез медведь в под-пол.

— Хитра, — говорит, — красавица. Упарился я.

Маша ему глаза-те развязала. Ну он ей полный угол золота наклал. Утресь сварила Маша кашу, сама поела, мышке дала.

— Буде (*эта мышка-та говорит*) мёдведь сегодня на́ печь лезть. Я тебя к стенке булавоцкой приколю. За тебя дело сделаю.

Пришел медведь.

— Здравствуй, умница, будем в прятки играть. Как поймаю, дак съем, не поймаю — награжу.

Девушка ему глаза завязала, мышка ее булавоцкой к стенке приколола и пошла играть. Мышка на лавку, медведь на лавку, мышка в угол, медведь в угол. После медведь на печь.

— Хитра, — говорит, — красавица, упарился.

Девушка ему глаза развязала. Он и дал ей *скатна* земчуга.

А баба Деда *сторóцит*:

— Поезжай, поезжай дочернины коски вези.

Поехал старик в лес, а доци жíва, да изба полна́ добра́. Склал добро на сани. Пецет баба блинки на помíн души. Стуцит-гремит, старицок едет. А собака лает:

— Тяв-тяв-тяв! Дедова доца вся в золоти, бабина доца вся в грези!

Тут наехала дедова доци с серебром, золотом, скатным земчугом. Баба *разгорецилась*.

— Вези, старик, мою доць в избу.

Надавала ей полон короб шанежек да маслица. Повез дед ее в избу. И уехал. Смотрит девка в короб, одна грезь да песок. Стала девка кашу варить. Наварила, да хлебаит. Выскоцила мышка.

— Дай, девка, каши.

А она тут мышку по лбу хлоп. Мышка и убéгла в норку. Пришел медведь:

— Здравствуй, девка, давай в прятки играть. Поймаю — дак съем, не поймаю — добром награжу.

Завязала ему девка глаза, да и ну бежать. Она в угол — и он в угол, она на лавку — и он на лавку. По малом времени поймал, кожа́рину снял, на грядку повесил, сам всю съел, коски обглодал.

Поехал старик за девкой, коски одни в мешок склал. Пецет бабка пироги с рыбой, на праздничный стол, а собацка:

— Тяв-тяв-тяв! Дедова доци вся в золоти, бабина доци — коски в мешке.

Выскочила баба, увидела коски, да ну выть. Тут и все.

28. Морозко

Живало-бывало жил дед да с другой жоной. У деда была доцка и у бабы была доцка. Ну, ланно. Вси знают, как за мацехой жить: перевернешься — б́ита, и не довернешься — б́ита, и в пору б́ита. Ну, злая бабка и наладила деду:

— Отвези да отвези доцку в лес на мороз.

Ну деду и неохота, а ничего не сделать. Взял доць и повез в лес. Привез в лес, посадил под кушь и уехал. Ну, над девицей Мороз потрескиваёт. Она ему и говорит:

— Не трещи, Мороз, да не скрепí, Мороз, я боса́, гола́ да без по́яса.

Ну Мороз ее пожалел. Ослабел. А она ему ешшо:

— Эй, не трещи, Мороз, да не скрепи, Мороз, я гола́, боса́ да без по́яса.

Он ешшо осла́бел. Она опеть:

— Не трещи, Мороз, да не скрепи, Мороз, я боса́, гола́ да без пояса.

Тут Мороз совсем ослабел, да и кинул ей сундуцок с добром! Рубасецку, шубку кунью, шаль шелко́ву. Она розоделась, в тепле и посиживает.

Утром бабка деду и говорит:

— Поежжай, дедко, привези доцерна костоцки.

Отець поехал, нашол девуску с коробами, с ларями, разодету в кунью шубку. Домой привез с гостинцами. Тут баба разгоряцилась, раскричалась:

— Пусть, — говорит, — и моя добра наживет.

И по́слала дедко в лес со своей доце́рю. Дедко посадил ю по́д ель и уехал. Пришел Мороз. А девка ему:

— Ты што оцумел?! Я гола, боса да без пояса. (*А ю бабка в шубейку, да в шаль, да в катанци укутала.*) Ну, Мороз разгорецился и давай скрипеть. А она опеть:

— Ци ты ошалел! не скрепи, не тресци, я гола, боса да без пояса.

А он разгорецился и давай скрипеть пушше. Ну она и замерзла. На утро бабка и говорит:

— Поежжай, дедко, в лес, привези доць да ларьци, сундуки, да всякой сряды.

Дед поехал, доехал, а она мертва́ лежит, только коски хрустят.

29. Про Катю

Жила-поживала у нас в селе девушка. Катей ю звали. И она очень любила своего па́рочку. А ейны родители ему ю не отдавали. *Ла́дили* за другого взамуж отдать. Ну, он и ушел в бурла́ки. Да в городе и помер. Ну, а Катя все плачет, все плачет, он с ума у ей не идет. Вот она раз сидит у окосецка, сама прядет, а сама плачет. Вдруг в окосецко «стук, стук».

— А хто там?

— Открой, Катя, я твоя па́роцка.

Открыла она, а там он стоит и сани коло него, и конь дрожит, из глаз огонь горит.

— Едешь ли, Катя, со мной?

— Еду.

— Ну, сряжайся.

Она взяла то́чиво. Большущий кусок у ней был. Склала в сундуцок; шубку оболокла́ и вышла. Посадил он ю в саночки. И поехали. Конь бежит, земля дрожит, огненным глазом по дороге светит. Месяц по небу ходит. Он ю целует, обнимает, а сам такой страшной, и губы холодные. Она и сдогодалась, што ето покойник. А виду не подает. Он и запой.

А петун не поет. Мертвец двери грыз-грыз, большу дыру выгрыз, плечи выпялил. Дает Катя хлеба петуну:

— Запой, петун!

Не поё петун. А уж мертвец в избу влез. Тут соскоцил покойник, што на столи лежал, и давай они грызться. Грызлись, грызлись, жоних Катин одолевает. Пал покойник на пол. А тот к Кати подбирается. А тут вдруг петун запел. Тут и етот на пол пал. Черный весь сделался. Катя через него перескочила и домой побежала. Созвала народ, этих покойников отчитали и похоронили.

И все тут.

30. Кумушка

Жили-были две кумушки. У одной кумушки на пальцу был злачен персень. Она все его носила, никогда не сымала, так он в палец врос. Заболела эта кумушка и померла, а другой жаль персень. Стала она его сымать, да не снять никак, так она взяла нож и отрубила палец с перснем. Ну, ту похоронили, а ета стала палец варить, чтоб персень снять. Вдруг слышит под окном поет кума-покойница:

Все люди по хороду спят,
Все люди по Киеву спят,
Одна моя душа не спит,
Друга моя кума не спит.
Мою руценьку варит-пецёт:
Злачен персень вон волокёт.

— Что делаешь, кумушка?

Та и говорит:

— Пряду красной *руне́ц*, зеленой *руне́ц*, белой *руне́ц*, голубой *рунец*, золотой *рунец*...

Пока считала — петух запел, ну покойница и ушла. На другу ночь опять она стала палец варить. Слышит, покойница идет, уж не под окном, в сённицках. Песню поет:

Все люди по хороду спят,
Все люди по Киеву спят,
Одна моя душа не спит,
Друга моя кума не спит,
Мою руценьку варит — пецёт,
Злачен персень вон волокет.

— Что делаешь, кумушка?

— Пряду красной рунéц, зеленой рунéц, белой рунéц, голубой рунéц, золотой рунéц...

Так вся ночь прошла, и кума-покойница ушла.

На третье стала палец варить, слышит коло самой двери:

Все люди по хороду спят,
Все люди по Киеву спят,
Одна моя душа не спит,
Друга моя кума не спит,
Мою руценьку варит-пецет,
Злачен персень вон волокет.

— Что делаешь, кумушка?

Та спугалась, руценьки дрожат, ноженьки не стоят, говорит:

— Пряду красной рунéц, зеленой рунéц...

Да и забыла. Вдруг дверь сорвалась, покойница вошла.

— Я тебя, кумушка, съем.

Да и задушила.

31. Покойники-беси

Жили-пожили два брата да две хозяйки. Вот братья и пошли бурлачить. Да и померли. А хозяйки все их дожидаются. Ну, послаи и доведались, што те померли. Да и говорят:

— Хотя бы мертвыми повидать.

Ну, вот те мертвяки и пришли. Бытто жíвы они, а все наклепали. Пришли, да старшой невестке и говорят:

— Топи *бáйну*.

Она байну топить, а у ей маленька девушка была. Она к матке прибежала, да и говорит:

— У тяти да у дяди глаза медны, зубы-железны.

Хозяйка и догадалась, что то бéси. Взяла девушку, да в сарай. А в избе бéси молодуху душат, ребят грызут. От тех загрызли да за этой в догоню. В байне искали — нету, в клети искали — нету. Пошли на сарай. — Вот она где!

Стали двери грызть. Грызут, грызут, щечпочки летят. Хозяйка богу молится. Дыру прогрызли да и в сарай. Те за коня прятаться. Налетели бéси на коня. Конь зубами грызет, конь бьет. Они коня подолели, до хозяйки подступают. Она ухватила петуха, ткнула иголкой в горло, он и закричал.

Бéси и пали на лицо.

Тут хозяйка побежала за соседом. Бёсям спины осиновым колом пробили. Хозяйка к отцю жить ушла, а молодуху так и загрызли.

Володя Коренной

32. Печоночка

Жили-были старик и старушка. А детей у их не было. Вот старушка и говорит:

— Стáрик, а стáрик, брось хворостину в печь.

Бросил старик хворостину в печь, а там зарычало, зафырчало тонким голосом. Открыла бабка печь, а там девочка — Печо́ночка. Стала она бабе, деду за доцку.

Пошла Печо́ночка в лес, с подругами. Подруги от нее убежали. Забрела Печо́ночка в лес, нашла хатку, а в той хатке мёдведь лежит в люльке.

— Девочка, девочка, покачай меня. Стала Печо́ночка его качать:

— Баю-бай, Мишенька, спи, одним глазком смотри.

Вот один глаз у медведя спит, другой смотрит.

— Мишенька, отпусти меня на улицу в щепки поиграть.

Пошла Печо́ночка на улицу.

Вдруг дедушкины да бабушкины овечки бегут:

— Печо́ночка, садись на нас, мы тебя к бабушке отвезем. Девочка выбрала самого лучшего овечка, да и побежали. Мёдведь выскочил и отнял Печо́ночку.

Стала Печо́ночка его качать:

— Баю-бай, спи, Мишенька, засыпай, одним глазком смотри. Мишенька, пусти меня на улицу в бабки поиграть.

Пошла Печо́ночка.

Вдруг бабушкины да дедушкины коровы бегут.

— Садись скорей, Печо́ночка, мы тебя к бабушке отвезем.

Села Печо́ночка, и побежали. А мёдведь одним глазом смотрит. Выскочил и отнял Печо́ночку.

Сидит Печо́ночка плачет, медведя качает:

— Спи, Мишенька, баю-бай, оба глаза закрывай.

Мёдведь и заснул на оба глаза. Вышла Печо́ночка на улицу. Бабушкины да дедушкины кони бегут.

— Садись скорее, Печёночка, мы тебя к бабушке отвезем. Села Печёночка, и побежали. А мёдведь спит, не видит. Так и приехала Печёночка домой.

33. Змей и цыган

В одну деревню повадился змей летать. Он всех людей съел. Одного мужичка только оставил. Вот пришол туда цыган. В одну хату зашол — нет людей. В другую зашол — тоже нет. А в третей мужик сидит.

Он и спрашивает:

— Что тут народу-то нет?

— Да к нам змей повадился и всех *ожрал*.

Вдруг змей прилетел.

— О-о-о, — говорит, — я одного оставил, а тут двое на ужин.

— Ну, — говорит цыган, — я тебя посильнее буду. Давай мериться.

Змей взял камень, сжал, так песок и посыпался. А цыган взял сыр, сжал, сыворотка и потекла.

— Ого, — змей говорит, — даже воду из камня выжал! Давай дружиться. Иди вола принеси, будем суп варить.

Цыган пошол, да давай веревкой всех волов связывать, долго связывал. Змей приходит, говорит:

— Что ты так долго не идешь? Да зачем ты всех волов посвявывал?

— А я, — говорит, — лажу всех волов принести сразу. Змей испугался, взял одного вола и говорит:

— Пойди лучше воды принеси.

Пошол цыган, да давай колодец лопатой окапывать. Змей приходит, говорит:

— Что ты так долго?

— А я лажу весь колодец принести. Испугался змей, взял сам воды в шкуру.

— Иди, — говорит, — принеси на растопку дуб потолше.

Цыган пошол, да давай веревки связывать. Змей приходит:

— Ты что так долго?

— Да я лажу весь лес принести, чтоб не таскаться.
Тут змей перепугался, сам дерево принес, суп сварил.
А цыган не ест.
— Ты что, на меня сердит?
— Нет, у меня дома лучше ужины. Идем ко мне в гости.
Взял змей две лошади и поехали. Только подъезжают к цыгану, а ребяташки выбежали голые, черные и кричат:
— Батя приехал, змея на ужин привез.
Змей испугался, что его съедят, и убежал.

Александра Познякова

34. Пых

Жили-были дед да баба. Было у них двое ребят — Маня да Ваня.

Дед да баба собрались в город и наказали ребятам:

— Вы, ребята, не ходите в погреб, там Пыхтелка вас съест.

Ваня и говорит Мане:

— Я, Маня, пойду в погреб, там у деда много репы. Только опустился на низ, а Пыхтелка из угла:

— Пых-пых, это не Ванька ли, да не за репкой ли, не съест ли мне его, не схамкать ли его!

Хам-хам, да и проглотила.

Пошла Маня в погреб за Ваней, а Пыхтелка из угла:

— Пых-пых, это не Манька ли, не за Ванькой ли, не за репкой ли, не съест ли мне ее, не схамкать ли ее!

Хам-хам, да и проглотила.

Приехали дедка с бабкой, — нет ребят.

Полезла бабка в погреб — там поискать. А Пыхтелка из-за угла:

— Пых-пых, это не бабка ли, не за Манькой ли, не за Ванькой ли, не за репкой ли, не съест ли мне ее, не схамкать ли ее!

Хам-хам, и проглотила.

Полез дед в погреб за бабкой, а Пыхтелка из угла:

— Это не дедка ли, да не за бабкой ли, да не за Манькой ли, да не за Ванькой ли, да не за репкой ли, не съест ли мне его, не схамкать ли его!

Хам-хам, и проглотила.

И так наелась Пыхтелка, что лопнула.

35. Ленивая баба

Жили-были баба да старик. Баба ленива была, зиму всю не пряла, не ткала. Лежит, да полеживат, а мужик ее заставляет прясь, да ткать.

— Ты што ж не прядешь, да не делаешь? Лен у тебя есь, да не моченый, не трепаный.

И все это так, по-хорошому. Она ему и отвечает:

— Подожди, уж межговенье буде длинно, да пост семь недель, так я тебе и выпяду и вытку семь поштанников, да семь рубах.

Вот уж и межговенья прошло семь недель, да и пост наступил, а она все лежит. Он и говорит:

— Вот ты все лежишь, а уж и межговенье прошло семь недель, и пост наступил.

А она говорит:

— Замолчи, мужик, ешшо будё семь рубах, да семь портков. Эта неделя прошла, а она все лежит:

— Что ты все лежишь, уж неделя прошла!

— Замолчи, — говорит, — шесть недель ешшо осталось, буде шесть рубах и шесть портков.

Вот и ешшо проходит неделя:

— Ничего, — говорит, — буде пять рубах и пять портков. Так и третья и четверта прошли. Вот уж стали звонить *толсто*. Вот он и говорит:

— Баба, да ешшо одна неделя-то осталась!

— Замолчи, буде тебе рубаха да портки.

Он ее все и не *наряжает*. Вот и стали звонить к обедне. Он и говорит:

— Баба, ты до того долежала, што уж стали звонить к обедне.

— Ой, мужик, пойдём — ты в *мялицу*, а я, жона, в *прялицу*.

И пошли, он — лен мять, а она — прясь. Такого напярла — толстых да больших нитков — прсней.

— Давай, — говорит, — я тебя замотаю, да и пойдё.

Да и замотала его. Он так и пошел к заутрене, там крещоны и богу не молились. Вот он пришол домой, да и говорит:

— Вот, жонушка, каку ты мне одежу хорошу справила: попы-дьяконы обедню не служили, а добры люди не молились, все на мою обнову смотрели.

А она и говорит:

— Вот я, молоденька, сглуповала, у ворота я золотом не о́шибла, да по подолу золотого позументцу не поло́жила.

Иван Иванович Касьянов

36. Хитрый солдат

Был мужик, все свою бабу «некрить» звал. Вот уехал он, а к ей в избу солдат пришел. Она и начала ему печалиться:

— Вот у меня сын Игнат, тоже в солдатушках был, да, говорят, помер.

Он и сказал:

— Я — нїконец, с того свету выходец. Твой Игнат пасет у бога ягнят, обцыпавшись, обтрепавшись, сорок рублей богу должен.

— Ахти мне, возьми три рубля, отдай ему.

Солдат и взял, а она говорит:

— Не знаешь ли, что сделать, солдат? Меня муж все «некрить» зовет?

— Да я, — говорит, — окрещу тебя, да что дашь?

— А дам хлеба мякушку, да молока кадушку, да шубу баранью.

Вот он привел ее на болото и говорит «скидавайся». Она скинулась. Он ее окунул три раза и говорит:

— Хлеба мякушку, да молока кадушку, да шубу баранью, зовут тебя Маланья!

Взял все и ушел. Муж приезжает.

— Некрить, — говорит.

— Нет, — говорит, — врешь. Я теперь окрещена. Да все ему рассказала:

— Да наш сын Игнат пасет у бога телят, обцыпавшись, да обтрепавшись, сорок рублей богу должен. Так я ему три рубля передала.

— От-дура, — говорит, — какой доро́гой солдат пошел? Взял он лошадь, да и поехал за солдатом. Нагнал.

— Ты мою бабу крестил?

— Я.

— Отдавай вещи.

— Да посади в тележку и вези.

Он его взял. Вдруг птичка закричала «ку-ку!» Он и пал на лицо. Журав закричал «курнав-курнав». Он и пал на лицо. А потом говорит:

— Надери, мужик, лыки и руки у меня свяжи, как у арестанта.

Мужик слез да пошел лыки драть, да и отошел. А солдат лошадь хлыстать, да поехал.

— Солдатушка, куда?

А он:

— Ку-ку, курлы-курлы!

Мужик домой вернулся, говорит:

— Тебе сын, да мне сын, он лошадь-то продаст, да богу долг отдаст, да домой и выйдет.

Фома Егорович Никитин

37. Богатый брат и бедный брат

Жило два брата. Один богатый, а один бедный. Один в ночное время вышел, слышит на гумне молотят. Приходит он и говорит:

— Бог помощь, кто молотит?

— Это твоего брата учеть.

— А моя где учеть?

— А иди в поле, там под белой березой тесовая кровать да пуховые перины, под собольим одеялом спит учеть, прокладается.

Вырубил он дубину да пришел и дал ей по *бочине*.

— Что ты спишь, прокладаясь — у меня не сето, не пито и нищим не дадено?

— Иди домой, ешь и пей, все тебе будет.

Дала ему скатерть-самобранку. Пришол домой, старуха спрашивает:

— Что добыл?

— Скатерть-самовертка-самобранка развернулась — и поесть и попить, что душа хочет.

Захотелось ему брата позвать. Тот говорит:

— Что у тебя есть погостить? Приходит брат, ничего не приготовлено.

— Скатерть-самовертка, развернись!

Скатерть-самовертка развернулась — и поесть и попить, что душа хочет.

Брат удивляется. Ну ладно, поел, попил и домой. Вдруг к нему нечаянно гости, он к брату и прибегает,

— Брат, выручи, дай скатерть-самовертку.

Тот дал. Гостей отпотчивал. Гости удивляются. Ушли гости, распрощались. У брата опять поесть нечего. Пришел к брату и просит свою скатерку. А тот говорит:

— Я у тебя не брал, что ты требуешь!?

Опять в ночные часы выходит бедный брат — на гумне кто-то молотит.

— Бог помощь, кто молотит?

— Твоего брата учёсть.

— А моя где учёсть?

— Ты был у учёсти, она тебя судила и второй раз посудит, иди в чисто поле, под белой березой стоит тесовая кровать, на пуховой перине, под собольим одеялом спит твоя учёсть, прокладывается.

Взял он дубину, пришел и дал ей по бочине.

— Что ты спишь, невежа, прокладываешься?

— Я тебе судила, — говорит.

— У меня брат отнял.

Дала ему учёсть гривенник.

— Иди, с руки на руку перекидывай, все тебе будет. Пришел — старуха спрашивает:

— Ну, что?

— Да вот, — говорит, — гривенник.

Перекинул, с руки на руку и навалил денег. Пошел к богатому брату.

— Дай мне малёнки, деньги мерять.

Он не столько мерил, сколько за обручья пихал. Тот и видит — правду, деньги мерял.

Брат все узнал. И пришел и говорит:

— Поезжай за море, за товаром, а мне дай покуда гривенничек.

Ну, тот и дал.

— Денег, — говорит, — пока хватит. Приезжает домой.

— Дай-ка мне гривенничек.

— Я у тебя не брал, чего требуешь?!

Опять ночью вышел бедный брат — слышит на гумне молотят. Подошел.

— Бог помощь, кто молотит?

— Твоего брата учесть.

— А моя где учесть?

— Ну, раз тебя учесть судила и второй судила и третий посудит. Пойди в чисто поле, под белой березой, на пуховой перине, под собольим одеялом спит твоя учесть, прокладывается.

Взял он дубину, дал ей по *бочине*.

— Что ты спишь, невежа, прокладываешься?

— Я тебя раз судила, я тебя второй судила, я тебя и третий посужу. Вот тебе сумочка. Недоумки, выдь из сумки, да Недоумки, сядь в сумку.

Вот он пошел да говорит:

— Недоумки, выдь из сумки.

Выскочили Недоумки, сорок человек.

— Что надо?

А он работы не знает и не сказал. Они его и поколотили.

— Недоумки, сядь в сумку.

Домой приходит.

— Недоумки, выдь из сумки.

— Что надо?

— Да у меня хата худа, да скота нет.

Утро встает — палата сделана напротив богатого брата. Брат богатый прохватился — смотрит в окно — что за чудо! А тот живет в палатах и все справлено, все есть.

Брат узнал, что сумка есть. Стал строить корабль. Расснастил, а спихнуть не могут. Пришел к брату, он дал ему сумочку.

— Недоумки, выдь из сумки.

— Что надо?

— Кораб спихнуть.

Они спихнули.

— Что надо?

А он больше не знает и как их назад тоже не знает. Они и давай его лупить.

— Брат, брат, выручай!

А брат говорит:

— Дуйте его, пусть отдаст скатерть-самовертку; дуйте его, пусть отдаст гривенничек.

Тот все отдал. Тогда он и говорит.

— Недоумки, сядьте в сумку.

И все.

38. Разбойник-купец

В царстве императрицы Екатерины второй в городе Питере купец торговал. Семейство у него было — сын, дочка да жена. Четыре человека. Сын был Дмитрий Иванович, дочка Елена Ивановна. Торговал он да и заболел. Велит подать щоты и давай имущество сосчитывать. Насчитал тридцать шесть тысяч, которые в товарах, которые деньгами. Жене говорит:

— Двенадцать тысяч тебе, двенадцать тысяч дочке в приданое, двенадцать тысяч на похороны.

А сыну только три слова дает:

— Не ходи дорогой-проселком, иди почтовой. Не ходи к тому в услужение, кто зовет, а к тому, кто не хочет. Имей всегда в кормане спичку и свечку.

После этого он и помер. А сын шибко обиделся.

— Я, — говорит — у вас торговать не буду. Наторгуешь — чужое и проторгуешь — чужое.

Вот и пошел он в Москву. Идет день, идет другой, идет неделю. Вот проселком-то пятнадцать верс, а почтовой двадцать пять. А ему хочется в Москву попасть. Отцово наставление забыл, да и пошел проселком. Четыре часа шол, лес все густеет. Пришла ночь, а он в лесу диком. Залез он на высокое дерево — засмотрел огонь. И пошел на огонь. На поляне огонь горит, у костра старик — зеленый и молодой человек в зеленой одежде ходит, и телега с лошастью. Думает: «вить, разбойники».

— Здравствуй, — говорит, — дедушка!

— Здравствуй, молодец. Присядь, отдохни.

Сесть надо: не своя воля — в гостях. Те его расспрашивать — он все и рассказал. Вот старик говорит:

— Митя, время поужинать.

Тот вытащил на два персона пирог в белом тесте. Старик говорит:

— Дурак, а гостью-то?

Тот третий доставает. Заставляют его пить. Выпил он. Старик говорит:

— Митя, давай сюда добычу делить.

Тот мешок денег достает, на две кучи делит. Старик говорит:

— Дурак, а гостью-то?

Разделили на три кучи, заставили его взять. А он просит:

— Покажи дорогу.

— А вон куда мордой лошадь стоит, там и дорога.

Он взял, кругом обошел, под тележку сел и слушает. Молодой говорит:

— Дурак ты, сколько мы ездили, людей грабили, а ты ему отдал.

— А ты, — говорит, — в телегу сел, убил да все достал.

Тот поехал, да не догнал: этот спрятамшись.

В Москву Дмитрий Иванович пришел, стоит рассматривает. Идет молодой человек в хорошем платье. Циммерманова шляпа на голове (*прежде такие носили шляпы на пружинах*).

— Ну, — говорит, — ты не здешний, а у меня двенадцать лавок, двенадцать подручных да двенадцать приказчиков, иди ко мне служить.

А тому все кажется, что это молодой из лесу. Однако пошел. А тому все кланяются.

— Здравствуйте, Дмитрий Иванович.

Идут они, идут, а все дома нет. Да вот особняк стоит. Постучался он. Сторож ржавым ключом отомнул. Во дворе две собаки злые. Пришли они в гостиную — ковры, лавки (*прежде небели не было, а лавки*). Вдруг входит старик в богатом халате в позументах. Тот самый, что в лесу был. Чай попили, позавтракали. Лег он на лавку отдохнуть. В два часа стали обедать. Ему кубок вина налили. Он говорит:

— Пить — у меня такого положения нет, я раз в год такое положение допускаю.

Но выпил, с дороги да с усталости. Старик ему:

— Митя, иди погулять; только к шести часам приходи, у нас калитка на запоре.

Пошел он да всех расспрашивает:

— Не знаете ли их?

— Как не знать, у него хорошо служить.

А все у его подозрение, что это тот. В шесть часов пришел домой и видит тридцать шесть человек приказчиков, мальчиков да подручных. Поужинали.

— Митя, — говорит старик, — отведи его спать.

Пошли спать по лестнице узкой да высокой. Пришли в комнату, там полная комната девушек.

— Выбирай себе любую.

Что делать?

— Вот эта, — говорит, — мне нравится.

— Ну, — говорит, — Елена, иди.

Та свернулась и пошла. Шли-шли, в комнату хорошую пришли. Дверь тяжелая, и палица около дверей стоит. Слышит он:

— Дмитрий Иванович, не спи, не время.

Глядит, а девушки нет. Свечку, спички достал — глядит, а двери нет. *Полулюк* нашел. Спустился, а там двенадцать сынов купецких лежит убитых. Взял он одного в свою одежду одел, деньги свои оставил, на кровать к себе положил, а сам в люк.

Пришли двое. Сын говорит:

— Сегодня я буду бить. Схватил палицу и как хватать!

— Вот как я бью. У тебя небось ногами дрыгают.

Схватил тело и бросил в люк. Ушли они. Тот вышел из подвала и стал дверь искать. Нашол потайную дверь на лестницу к девушкам. Которая у них плачет, которая песню поет, двенадцать всего девушек. Одна печальная, голову повесила.

— Какого, — говорит, — человека сегодня наши поймали. Не курит, не пьет. Если бы спасти его.

А он и вошел. Они его под кровать и спрятали. Он там жил от Маковеева дня до Иван-богослова. Девушки говорят:

— В Иванов день будут ворота открыты, будет хозяин именник, и мы тебя справим.

Елена ему наказывает:

— У моего отца есть лавка. В девять часов он лавку отпирает. Противу лавки крест висит. Как помолится отец, упали в ноги и просись в услужение. Если будет прогонять, ты ног не отпускай, все проси.

Утром в Иванов день ворота были открыты, он и ушел.. Пришел в ряды, нашел крест. Стал купец в девять часов открывать, он ему в ноги пал. Тот его гнать, а он ноги не отпускает.

— Хоть на три дня да возьмите.

— Ладно, — говорит — иди в лавку.

Хозяин начал его спрашивать. Он все рассказал. Купец ему поверил. Он начал торговать. Тот ему и прейскуронт дал. Как стали торговать, так хозяин только деньги загребал. Хозяин его все хвалит.

Торгует он всю зиму. Вот приходит двадцать первое мая — Елены и Константина.

— Мы, — хозяин говорит, — сегодня торговать не будем.

У меня дочь была, я по ей память справляю.

Вот приглашения разнесли и письма ко всем посылают. И к Ивану Федоровичу, тому купцу. Тот просит, чтобы сказочник был. Что делать? А молодец говорит:

— Не беспокойся, купи парик, одежду, я расскажу сказку. Не пожалей сто рублей, пригласи жандармского полковника и несколько солдат. Если не пригласишь, я рассказывать не буду.

Так и вышло. Начался пир. Все подвыпили.

— Ну, — тот спрашивает, — сказочника приготовил?

Молодец приоделся, да и сел за стол. Горбатый, да седенький.

И полковник сидит за столом. Рассказывал одну, две, три — понравилось.

— Ну, знаешь ли еще?

Он все и рассказал, как в лесу разбойников повстречал, как они в городе за купцов ходили, как они его наняли, как в комнату привели, как он люк нашел и рассмотрел пол окровавленный, окон нет... Сын взял и зарезал себя ножом. Всех их скрутили и туда повезли. Дом сцепили. Прикалитку сломали. На двор зашли.

— Видите, — говорит, — собаки какие. Ломайте эту дверь. Сломали, а в горнице вместо окон глухие *ломанеи*. Люк он показал. Тела вытащили. Кто кричит: «брат мой!» кто — «сын мой!».

— Теперь, — говорит, — и обрадую.

По узенькой лесенке привел, девушек нашли и купецкую дочь. Купец и предложил им пожениться. Поженился он на ней и все купецкое богатство получил.

Вот как.

Павел Петрович Рябов

39. Прикащик и купецкая дочь

Жил-был один купец. У него было детей всего одна дочь. Такая красавица, не в сказке сказать, не пером описать. Прикащик, молодой человек, тоже красивый, ударял за ней. Искал удачного случая, свободного времени познакомиться. Но не находил никак. В одно прекрасное время она отъезжала кататься на морской берег. С двумя нянюшками. И их отнесло в море. Моло-

дому человеку было очень жалко, но он ничего не мог сделать, так как в тот миг не нашлось его физической силы, его труда. Скучает он, она все на его сердце.

Пошел он к волшебнику и все ему рассказал. Был тот колдун ужасно волшебник большой.

— Вот что, — говорит, — если тебе хватит натуры, иди к ним и скажи: «Дайте мне слово, чтобы я мог ее найти. Дайте мне ее взамуж, и я жизни не пожалею и найду ее».

Они, конечно, были очень рады. Он пошел к волшебнику и спросил.

Тот говорит:

— Проси самый худой кораб, только возьми продуктов не меньше, чем на три года.

А те говорят:

— Ладно, это нам пара пустяков.

Сели они и поехали. Ехали-ехали, стал около берега кораб. Волшебник говорит:

— Вот на этом берегу будет твое желание.

Вылезли они. Ходил он, ходил по берегу и пришел к строению, и выходит маленький мальчик. На вес так что фунтов тридцать весом будет. Он ему объяснил все на *цензуру* путешествие свое. Мальчик и говорит:

— Любу твою украл так что злой очень волшебник. Иди все прямо и ее найдешь.

Вот он и пошел. Через несколько шагов стоят шикарные палаты. Зашол он, а в доме никого нету. Только маленькая мышка бегает. А на столе лежит скатерть-самобранка и палочка. Сел он, поел-попил. А мышка и говорит:

— Возьми палочку, стучи и требуй тот яблонь, который тебе дас невидимую силу.

Он стал стучать, и явился яблонь. Съел он и почувствовал ужасную силу. Видит, лежит камень в комнате. Взял камень, а камень играет в руке, как перо. Видит, гирька в углу порядочная — *щельга*, одним словом. Взял ее, а не поднять. Тут другой яблонь явился, он его съел — и гирьку поднял. Вдруг шум, *торок*, хозяин дому летит.

— Фу-фу-фу, что это русским духом пахнет.

А он притаился, будто спит. Влетело это Прекрасно-Ужасно и давай его бедить. А он решил ему отрубить старую псиную голову. Взял меч-коренец и отрубил ему голову. Вдруг

занавес открылся, и входит тая самая барышня. Она испугалась и говорит:

— Добрый человек, нас барышень много здесь.

Он говорит:

— Ничего, не бойся, будешь жива.

Вот она не верит и пошла туда, где гирька лежит.

— Вот если, — говорит, — ету гирьку подымешь, тогда так.

Он и поднял, тут сели они за стол и стали есть-пить, чего душа ждет. Прибежала вдруг длинношерстая собака, но он не сробел, отрубил ей поганую голову и бросил в овраг, где был двенадцатиглавый змей и котел со смолой. И змею поубил.

— Ну надо ехать обратно.

Берет он на кораб мышку, молодую прелестную барышню и всех девиц и едет. Ну, приехали. Городской персонал их с восторгом встречает. Доложили отцу-матери. Они радости не верили. Пригласили их в свой купецкий замо́к. Две недели кутили и пили. Он мышки не забывал. Повенцались они с барышней и стали жить-поживать, добра наживать.

40. Три брата

Вот жили-были старик со старухой. У их было три сына. Одно-го звали Петр, другого — Василь, третьего — Иван. Вот три брата ушли в бурла́ки. Там жили они долго ле, коротко ле, пошли обратно. Приустали порядочно. Вот шли они по дороге, попался им жорнов, так что одна половина — пудов двадцать весом.

Вот Иван и говорит:

— Братья, я возьму этот жорнов.

Братья и говорят:

— Куда к чорту, — говорят.

— Да ничего, — говорит, — пригодится.

Взял этот жорнов под пазуху и отправился. Вот шли оны дорогой долго ле, близко ле, как вскоре попали оны в дом. Зашли в дом, видят дом не простой, дом разбойников. Так что оны устали, итти дальше не могли, забрались на потолок, ну, и сидят. Так сидели-сидели, вдруг слышали конский топот. Вдруг наехали разбойники, сели к столу, стали

делить деньги. А эти три брата сидят на потолке. Вот Иван и говорит:

- Братья, я помочиться хочу.
- Что ты, Ванька, суй в карман.
- Нет не буду в карман, буду на стол.
- Что ты, Ванька, убьют разбойники.
- Убьют.

И высцолся. Тогда разбойники и говорят:

— Значит мы богу доходны, вот господь и р'осу дает, да какую тепленьку.

Ну, ладно. Вот они сидели-сидели, разбойники все деньги делят, а разделить не могут. Вот Ванька сидел, да и говорит:

- Братья я оправиться хочу.
- Что ты, Ванька, бери в шапку.
- Не хочу в шапку, буду на стол.

И давай. Вот разбойники и говорят:

— Значит мы богу доходны, вот господь и манну дает, да каку тепленьку.

Сидели оны долго. Потом Ванька и говорит:

- Братья, я брошу жорнов.
- Что ты, Ванька, нас убьют.
- Я их сам убью, я брошу жорнов, братья.

Да выше головы заворотил и хлопнул о стол. Разбойникам которому по руки, которому по ноги... Да оны все рамы растрепали, да некогда и дверь искать, а прямо в окно ускакали. Бежали оны долго, так что от дому верс триста отбежали. Раздумались:

— Да мы убежали, а не поглядели, много ле их там есь.

Вот и отправили одного разбойника.

— Погляди, ежели много, то от себя руками маши и кричи, а ежели мало, то к себе руками маши и тоже кричи.

Вот разбойник отправился. Прибежал к дому, а мужики сидят, деньги делят. Вот он смотрел, язык вытянул, а Ванька взял ножичком да чик — по языку. Языка отрезал. Вот он и побежал и руками машет к себе и сам «ли-ли-ли». А те думают: «Что он худо кричит — их много». Да и дальше бежать. Убежали дальше, а братья деньги разделили, да огромными богачами домой прикатили.

Сказка вся, досказать нельзя.

41. Окати-Горошка

В одном городе жила вдова. И забеременела. Принесла она сына. Растет сын не по дням, а по часам. Как начнет баловаться — кого за руку — рука прочь, кого за ногу — нога прочь, кого за голову — голова прочь... Звали его Окати-Горошка. Окати-Горошка ходит по чужим дорожкам, шутки шутит немалые.

Дошли слухи до царя. Позвал он его:

— Что ты, — говорит, — Окати-Горошка, ходишь по чужим дорожкам, шутки шутишь немалые?

А у царя три доцки пропали.

— Не казни меня, — говорит Окати-Горошка, — я тебе доцек найду.

— Иди, — царь говорит.

Идет он далеко ли близко, высоко ли низко, — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Видит Рознигор-богатырь в горах дорожку ломает.

— Ах ты, — говорит Окати-Горошка, — какая твоя сила!

— Ну, — говорит, — я слышал, что в нектором царстве, в нектором государстве есть Окати-Горошка — вот это богатырь.

— Это я, — говорит, — будь ты мне младший брат.

Пошли вместе. Шли далеко ли близко, высоко ли низко, — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Дошли к озеру. А у озера Усыня-богатырь — усы до пояса. Усыня-богатырь дул на озеро — вода расступилася, они и прошли по суху.

— Ах, — говорит Окати-Горошка, — сила-то у тебя какая!

— Нет, — говорит, — слышал я, что в нектором царстве, в нектором государстве есть Окати-Горошка — вот это богатырь.

— Это я, — говорит, — будь ты мне младший брат.

Пошли вместе. Дошли до горы огромной, пошли обратно, дом увидели. Ворота заперты. Рознигор-богатырь шатал-шатал, не мог ворот расшатать. Усыня-богатырь шатал-шатал, не мог ворот расшатать. Окати-Горошка чуть плечиком понажал, петли и лопнули. Дом пустой стоит, а скота много.

— Ну, — говорит, — пойдём, поедим. Ты, Рознигор, вола порежь, да обедь готовь, а мы пойдём якорь ковать.

Только Рознигор обед сготовил, стучит в дверь. Открыл — видит Сам с ноготь, борода с локоть.

— Ты кто?

— Я здешний хозяин буду — неси меня на лавку. Давай супу. Кормил его, кормил Рознигор-богатырь, он все поел и ушёл.

Те пришли, а есть нечего. На завтра Усыня-богатырь все хозяину опять скормил. На третий день Окати-Горошка остались. Вола зарезал, суп сварил. Стучат в дверь.

— Отворяй дверь.

— Да не велик член — откроешь и сам.

Пришёл Сам с ноготь, борода с локоть.

— Неси меня на лавку.

— Сам пойдешь.

— Давай обедать.

— Ах ты такой-сякой!..

Взял его в руки, на двор вынес. Дом плечиком толкнул — паз открылся, он туда его бороду-то и сунул. После обеда пошли три богатыря к горе. Давай на нее якорь бросать. Рознигор-богатырь бросил — не добросил. Усыня богатырь бросил — не добросил. Окати-Горошка бросил — перебросил.

— Вы, — говорит, — идите в этот дом — ешьте, пейте, меня дожидайте год и два, и три. А если через три не приду, значит я живой не буду.

Взобрался по цепи якорной и ушёл. Шел далеко ли близко, высоко ли низко, — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пришёл это он в медное царство. Дворечь и мостовые и панели все из меди. Ходил-ходил, зашел во дворечь — нашел старшую царевну.

— Ах, — говорит, — зачем ты попал сюда, молодец! Вот прилетит мой муж — кровь твою выпьет.

— Да я, — говорит, — попробую спасти тебя.

Она и спрятала его. Вечером застучало-зазвенело — муж прилетел.

— Фу-фу-фу, — говорит, — здесь русским духом пахнет.

Она его ласкать и уговаривать. Как захрапел он — выскочил Окати-Горошка, схватил меч, отрубил ему голову. Она и обрадовалась. Он и пошел за второй сестрой. Шол далеко

ли близко, высоко ли низко — скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. Пришел в серебряный дворец. Встретила его вторая сестра.

— Ох,—добрый молодец, — зачем зашел сюда, прилетит мой муж — кровь твою выпьет.

— Ничего, — говорит, — я спасу тебя.

Прилетел ее муж, он и ему голову срубил. На утро пошел за третьей сестрой. Третье царство — золотое нашел. Встретила его в золотом дворце третья сестра. Он ее мужа подождал, как заснул он, так Окати-Горошка ему голову и отрубил.

— Ну, — говорит Окати-Горошка, — нам некуда мешкать. Вышли они из дворца, царевна дверь замкнула, сделалась из дворца одна шкатулочка. Шли-шли, дошли до второй сестры, она серебряный дворец замкнула — стала шкатулочка. Пришли к первой сестре, она дворец ключом замкнула, стала одна шкатулочка. Пришли они к этой большой горе. Стал он царевен спускаться, а как последняя спустилась, братья цепь потянули, якорь и спал с горы. Остался он один. Блуждал-блуждал —вышел на долину, а в долине озеро да дом один. «Давай зайду в этот дом». Весь дом прошел, никого нет, только в уголку старичок сидит.

— Здравствуй, — говорит, — ты кто такой будешь?

— Да я Окати-Горошка.

— Ах как... — говорит.

Дал он ему поесть. Окати-Горошка, все ему рассказал.

— Попаси, — говорит старичок, — стадо скота, я тебе переведу через это озеро.

Что делать? Начал он пасти.

— Только ты, — говорит старичок, — на дорогу гоняй, на траву цельну не гоняй.

А он взял да на траву и погнал, на долину зеленую. Скот так и припал есть. К полудню стали в роде облака летать. Смотрит, а это змеи разлетелись на него, да скот жалят. Начал он их мечом бить, набил-набил, скот спас. А змеины головы принес да бросил. Старик спрашивает, что такое.

— А это береста, батюшка, лапти плесть.

А старик все равно не видит. На другой день то же было. На третий день прилетала двенадцатиглавая змея:

— Детей моих всех убил, внуцек моих погубил, а я тебя съем. Он взял и отрубил ей шесть голов, она взмолилась, дала

ему живой воды и мертвой. Вечером пригнал он скот домой, сели ужинать. А он спрашивает:

— Дед, а давно ль ты *темен*? Дай я полечу.

Взял воды, ему глаза помазал — стал старик зрячий.

Увидел головы змеиные и благодарит Окати-Горошка, что он его лес от твари очистил да глаза ему открыл:

— Завтра я тебе, — говорит, — на родину отправлю.

На завтра приказал ему вола заколоть да мясо в бочки сложить. Вышел на крыльцо, свиснул — огромный орел прилетел.

— Ну, — говорит, — надо его через озеро перевезти.

Мясо нагрузили.

— Как поглянет, — говорит, — так мяса ему и сунь.

Ну, полетели. Летит и несет, летит и несет. И все назад поглядывает, да мясо ест. Мяса скормил все. Окати-Горошка икры себе отрезал и орлу дал. Тот съел и до берега долетел.

— Ну, — говорит, — Окати-Горошка, такого богатыря никогда я не нашивал.

Пришел Окати-Горошка в свое государство. В одной хате стал. А попался ему сапожник и говорит:

— У царя есть три дочки — первая замуж идет за Рознигора-богатыря, вторая замуж идет за Усыню-богатыря, а третья говорит: «За того замуж пойду, кто такие туфли сошьет, как я в золотом царстве носила».

Он сапожника посылает взять шить. Говорит, чтоб к завтраму готово было. Среди ночи он вышел, ключиком шкатулку открыл — стал дворечь, вошел, золотые туфли нашел и на пецку поставил. Сапожник утром испугался: думал, что пожар. Взял сапожник туфли и во дворечь понес. А царевна все поняла и просит, чтобы ей платье сшить, как в золотом царстве носила. Ночью Окати-Горошка встал, ключом шкатулку отпер, золотое платье достал. Сапожник платье отнес, а царевна ему и говорит:

— Вот, сапожник, у нас тут долина. Сострой в одну ночь такой же дворечь, как у меня в золотом царстве был.

Ночью Окати-Горошка шкатулку в долину вынес, ключом отомнул — дворечь золотой стоит. Оставил он сапожника по гвоздочкам поколачивать, а сам пошел спать. Утром царь глазам своим не верит, а царевна говорит:

— Это мой золотой дворечь.

— Ну, — говорит сапожнику, — скажи, где твой строитель? Он и показал. Признала она Окати-Горошка. Поженились они, а Рознигор-богатырь и Усыня-богатырь на двух других, и стали сразу три богатыря — три свояка.

42. Иван-Ветер

В невком царстве, в невком государстве жил царь на царстве, как сыр на скатерти. И была у него дочь. Такая красавица, что и в свете не сыщешь. Он побаивался; чтоб не забаловалась. И посадил ю в высокую башню. И дверь каменщики заложили. В одном месте между кирпичей была дырка. Шель, одним словом. И стала раз та царевна *навколо* той шели, и надул ей ветер брюхо. Понесла она парня. Царь как узнал, очень разгоречился. Пришел к башне и так ее ругать:

— Откуда, — говорит, — ты понесла?

А парень у ней из живота голос подает:

— Я, — говорит, — с Ветру.

Ну, царь удивился и ее с башни вынел. Пришла время, она родила парня. И назвали его: Иван-Ветер.

Он не по дням растет, а по часам. А царь его забоялся. Растет тот парень силы немалой. Кого за руку хватит — рука вон, кого за голову хватит — голова вон. Царь и боится, чтоб он его не обидел, царство не забрал. Вот он и посылает его в лес по дрова. А парень говорит:

— Дайте-ко мне веревку сорок сажений.

Дали ему веревку сорок сажений. Он весь лес обкрутил, с комелями повырвал и несет в город. Еще больше царь его забоялся. Посылает его к морю за водою. А он говорит:

— Сделайте мне-ка из того лесу два ведра.

Сделали ему с того леса два ведра. Он пошел к морю, да полморя в ведра взял. Идет, пол-моря несет, только сгорбился. Тут народ к царю добежал:

— Ваше царьско величество, ваш сын идет, пол-моря несет, он весь город зальет.

Выехал царь ему стрету, говорит:

— Сын мой любезный, Иван-Ветер, брось свои ведра, а то город зальешь.

Бросил Иван-Ветер ведра, на зень, стал пруд глубокий. Забоялся его царь еще больше. Думает, как его погубить. Зовет перед себя и говорит:

— Иван-Ветер, за семью горами есть чортов ад, в нём есть бес косматый, должен он мни-ка две меры денег, пойди, долг возьми.

Иван-Ветер за семь гор пошел, чортов ад нашол.

— Где, — кричит, — у вас бес космат?

Наскочил тут бес:

— Ты чего ревешь, бесовский народ беспокоишь?

А Иван-Ветер:

— Ты потише, я не шутки шутить, царев долг обирать.

Бес космат не хочет денег давать. Взял-Иван-Ветер плеточку-треххвосточку, ну беса космата отделивать. Тот взмолился, три шапки золота накидал. Привез Иван-Ветер две шапки царю, одну — матери.

Ну скоро сказка сказывается, не скоро дело делается. Заскучал Иван-Ветер. Пошел к матери.

— Поставь мама, на столи бутылочку, на стену плеточку. Как будет в бутылочке кровь, как будет мой конь ногой бить, как будет плетка на стене драться, значит я живой не бываю.

И пошел сам куда глаза глядят. Шол, шол (сказка быстро говорится, — дело мешкотно творится), в густой лес зашел. В том лесу стоит фатерка, золотые окна. Сидит у окна девица-раскрасавица, земчужные слезы льет:

— Ах, Иван-Ветер, ты зачем к нам пришел, налетит Косцей, он тебя съист.

— Ничего, — говорит, — раньше смерти не отпеваньецё.

Прилетел Косцей:

— Фу-фу-фу, раньше русского духа слыхом не слыхал, а теперь в нос бросается.

Увидал Ивана-Ветра, побелел весь:

— Идем, молодец, на медный ток, померимся.

Пошли на медный ток. Иван-Ветер зажал Косцея — тот белый стал, на зень бросил — тот целый встал, а Косцей зажал — с Ивана-Ветра кровь покапала, на зень бросил — косточки разбил. Пнул Косцей косточки под порог, ногой притопнул.

А у матери бутылочка кровью полнится, плеточка на стене бьется, конь ногой бьет. Села мать на того коня и поехала. Ехала-ехала, стоит фатерка, золотые окна, под порогом косточки валяются. Она живой и мертвой водой sprysнула — он и встал живой:

— Долго я спал, да скоро встал. Иди, мама, домой, а мне дело есть.

Пошел он *знова* к Косцея дому. Сидит Настасья Прекрасная, земчужные слезы льет:

— Зачем ты, Иван-Ветер, сюда зашел, налетит Косцей, тебя съист.

— Настасья Прекрасная, узнай у Косцея, в чем его сила живет.

Налётел Косцей, наелся, напился, на лавку повалился. Стала Настасья Прекрасная у него в голове искать:

— А што, Косцей, сколько лет с тобой живу, правды от тебя не слыхивала.

— А какая тебе правда?

— А в чем твоя сила живет?

— Моя сила в венике живет.

На другой день Настасья Прекрасная банный веник в золото убрала. Налетел Косцей:

— Ха-ха-ха, што ты, Настя, веник в золото убрала?

— Да твою силу уважила.

— Моя сила в деревянной латке.

На другой день Настасья Прекрасная деревянну латку земчугом. обрала. Налетел Косцей:

— Ха-ха-ха! Чего, Настька, латку земчугом обрала?

— Твою силу уважила...

— Моя сила ни в латке, ни в венике, моя сила на Буян-острове. На том острове дуб стоит, под дубом плита лежит, под плитой *короб*, в коробе утка, в утке яйцо, в яйце кольцо. В том кольце моя сила.

Иван-Ветер пошел на остров Буян. Шол-шол, зголодался. Видит, орел сидит. Стал Иван-Ветер лук натегать, а орел говорит:

— Не стреляй меня, Иван-Ветер, я тебе пригожусь.

Пошел Иван-Ветер дальше. Шол-шол, зголодался, видит, щука на берегу полыхается. Хотел Иван-Ветер ее стрелять, а она говорит:

— Не бей меня, Иван-Ветер, я тебе пригожусь.

Дошел Иван-Ветер до острова Буяна. Стоит на острове дуб. Своротил Иван-Ветер тот дуб, вынул *короб*. Выскочила из *короба* утка, полётела в небо. Налётел тут орел, сбил утку. Пала утка на берег, выскочило из нее яйцо, покатилося в воду. Сел Иван-Ветер на берегу, закручинился. Выскочила щука из воды, вынесла Ивану-Ветру Косцеево яйцо. Взял Иван-Ветер

тое яйцо, вынул из него персень. Пошел Иван-Ветер в Косцеев дом. Сидит Настасья Прекрасная, земчужные слезы льет.

— Чего ты пришел, Иван-Ветер, налётит Косцей, тебя съист.

— Не съист, Настасья Прекрасная, у меня его сила есть. Налётел Косцей, пал на Ивана. Взял Иван-Ветер персень, переломил пополам, — Косцей и пал на зень. И помер.

Взял Иван-Ветер Настасью Прекрасную, золота, серебра, скатна земчуга. Пошли домой. А дома царь помер. И стал Иван-Ветер за царя царствовать.

43. Сучий сын

В одном государстве жил царь с царицей. И не было у него детей. Сколько докторов не было, сколько знахарей звали. Раз пришла бабушка-задворенка:

— Пустите невода в мори, выловится рыбка, золото-перо. Сварите о семи водах, пусть царица воду выхлебает.

Пустил царь невода в мори, выловил рыбку золото-перо. Варила рыбку повариха, прихлебывала. Выхлебала уху царицы. Коски сучка поглодала. Все три и понесли. Царица брюхата, повариха брюхата и сучка брюхата.

Народили вси по пареньку. У царицы сын — Королевич, поварихи — Кухаревич, у суки — Сучий сын. Выросли они до возрасту. Поехали свет смотреть. Королевич за старшего, Кухаревич за среднего, а Сучий сын за младшего.

Ехали-ехали выше лесу стоячего, ниже облака ходячего. Доехали до калинового моста, золотой избы. В ту избы вошли.

А там и питьева, и едива. Наелись, напились. Сучий сын и говорит:

— Поди, старший брат, на калиновый мост караул держать.

Пошел старший брат Королевич на калиновый мост. А Сучий сын за им вслед идет, за *кущ* прячется. Королевич походил-походил, да и лег спать.

Вдруг земля дрожит, трехголовый змей бежит. Выскочил Сучий сын из-под куща, стал змея бить. Змей ударит, Сучий сын по колена в землю войдет. Бились-бились, стала заря заниматься, стал змей силу терять. И отрубил Сучий сын ему три головы, вынул три языка. И пошел в золоту избы, повалил-си. Утром приходит Королевич:

— Что на твоём карауле было?

— На моём карауле все тихо было.

Встал Сучий сын, да в щоку его вдарил:

— Ах, ты, такой-сякой, вот что́ на твоём карауле было.

И *даваёт* ему три змеиных головы. Три змеиных языка. На другой день:

— Иди, средний брат Кухаревич, на калиновый мост караулить.

Пошёл средний брат на калиновый мост. А Сучий сын за ним следом под кушь спрятался. Кухаревич ходил-ходил, лег и заспал. Тут земля дрожит, девятиглавый змей бежит. Выско-чил Сучий сын, давай с змеем биться. Змей *хвостнет*, Сучий сын по пояс в землю войдет. Бились-бились, заря занялась, стал змей силу терять. Сбил Сучий сын девять голов, срезал девять языков. Пошёл в избу, спать повалился.

На утро приходит Кухаревич.

— Что, середний брат, в твой караул деялось?

— Ничего, в мой караул все тихо было.

Он взял его по шоке ударил.

— А это что?

Показал ему девять голов змеиных, девять языков змеиных. На вечер младшему итти, Сучьему сыну. Он бросил свой нож на стол.

— Если на ножи кровь очутится, выручайте меня братья, значит мне живому не быть.

Пошёл он на калинов мост. Земля дрожит, двенадцатиго-ловый змей бежит. Набежал на Сучья сына, давай его бить, трепать. Что хвостом махнет, Сучий сын по горло в землю вой-дет. Бился-бился, уже силы не стало, а до свету далеко еще. Бился-бился да и кричит:

— Старший брателко Королевич, иди на допомогу!

А нет никого. Он бился-бился:

— Средний брат Кухаревич, иди на допомогу!

А и нет никого. Стал он уж в землю входить, сам ну весь кровью заливаётся. Тут в избе проснулся Королевич, видит нож на столе весь кровью залился. Разбудил он Кухаревича и побежали на калинов мост. Стали биться, и забили змея. Двенадцать голов отрезали, двенадцать языков вынели. И по-ехали через калинов мост. А Сучий сын и говорит:

— Не хочу, чтоб мой нож в змеиной *фатере* оставался.

Пошел он потиху за ножом. Под окошком стал и слушает: а в избе хозяйки, змеиные жены, собрались. Старшая и говорит:

— Ты иди, меньшая сестра, стань на дороге яблоней, будут они ехать, яблоко со́рвут, их и ро́зорвет. А ты, средняя, стань колодечем. Они напьются, их ро́зорвет. А я стану кроватью. Они лягут, их и ро́зорвет.

Сучий сын услышал и братьям рассказал. Ну они и поехали. Ехали-ехали, совсем старший брат сголодался. А тут стоит яблоня. Яблоки так... во, красные, румяные, духовитые.

— Я со́рву яблоко.

— Не рви, Королевич, беда будет.

Он не послушался, сорвал яблоко, его и ро́зорвало. Поехали они дальше. Ехали-ехали, совсем средний брат истомился, пить просит. А стоит колодечь, ключевая вода, калиновы кусты, мала пташка песни поет.

— Я напьюсь воды.

— Не пей, Кухаревич, беда будет.

Он напился, его и ро́зорвало. Поехал Сучий сын один. Ехал-ехал, притомился весь. (Три ночи бился, так не́ спал). А тут и стоит кровать. Перина пухова́, полога шелковы́, одеялко собо́лно. Он говорит:

— Повалюсь я спать.

А конь говорит:

— Не вались, Сучий сын, беда будет.

Стал конь ту кровать ногами бить, зубами грызть. Тут и Сучий сын в память пришел. Стал ту кровать огнем зечь. Тут та змеиха и взмолилась:

— Спусти меня, Сучий сын!

А он говорит:

— Вызволи Королевича да Кухаревича, тогда отпущу. Она и дала ему живой воды. Он братьев полил, стали они как живые.

Ту змеиху со́жгли, а сами домой пошли.

44. Старый «Ох» и молодец

Жил-был старик со старухой. Были они очень из бедных. Отдать сына в школу не могли. Вот старик взял сына и пошел. Идет, идет, да: «Ох...»

Тут выскочил седой старик с сосну ростом да и:

— Что надо?

Старик испугался, молчит. А тот:

— Ты Оха звал? Что *нать*?

Тут старик опамятовался и говорит:

— Да веду сынка, нать в ученье отдать, а денег нет.

— Я возьму его в учение.

— Хорошо, — говорит, — бери. А как я тебя найду, как ваше будет фамилие?

— Через год сюда приходи, скажи «Ох», и я здесь очу́тюсь.

— Ну, хорошо.

Прошел год. Сидит старик и говорит хозяйке:

— Теперь я пойду сына выручать.

Тут налётела муха, о пол грянулась, и стал сын.

— Ты, батюшка, как пойдешь меня выручать, выведет тебе Ох двенадцать петухов, все как один. Который петух ногой перескокнет, того и бери. Выведет тебе Ох двенадцать кобелей, который кобель правым ухом поведет, того и бери. Выведет тебе Ох двенадцать жеребцов, который жеребец хвостом махнет, того и бери.

Ударился о пол мухой и полетел. Пришел старик на старое место:

— Ох.

Выскочил седой старик.

— Здравстуй, пришел сына обирать.

— Узнаешь своего сына — дак заберешь, не узнаешь — за мной век будет.

Вывел Ох двенадцать петухов. Все как один, золоты перья. Посмотрел старик, один петух правой ножкой перескочил.

— Это мой, — говорит.

Ох рассердился:

— Не твоего ума это дело.

Вывел двенадцать кобелей. Один в одного, золота шерсть.

— Который твой?

Ходил старик, ходил... Один кобель правым ухом повел.

— Этот мой.

— Не твоего это ума дело, тут *омман* есть.

Вывел Ох двенадцать жеребцов. Один в один, золоты гривы.

— Который твой?

Ходил старик таким же побитым, один жеребец хвостом примахнул.

— Это мой.

— Ну, умел добыть, умей и владеть. Забирай своего сына. Тут очутился вместо жеребца молодец. Ох и говорит:

— Иди, да умней меня не будь.

Вот они пошли. Старик и говорит:

— Ну, какой ты наукой будешь отца-мать кормить?

— А такой наукой, что я стану голубем золотые пера, а ты меня на ярмарке продавай. Чего хочешь бери, только клеточку не отдавай, а то мне пропасть.

Стал он голубем золотые пера. Посадил его старичок в клетку, понес на ярмонку. Никто голубя не торгует, только один барин:

— Сколько за голубя берешь?

— Сколько даетё?

— Две сотни даю.

— Берите.

Он вынул голубя из клетки, а барин говорит:

— Я с клеткой торговал.

— Клетка не продажная.

— Я за голубя две сотни даваю, а за клеточку три в особо.

— Не продажна клетка.

Рассердился тот барин и ушел. Старик домой пришел, справил избу. Вдруг летит голубь золотые пера. На *зень гро-нулся*, стал сыном.

— Хорошо, батя, что клеточку не продал. Это ведь Ох был. Если б клеточку он взял, мной бы век владел.

Ну зажили они по-хорошему, в новой избе, одежду справили. Сын и говорит:

— На завтра будет ярмонок. Стану я за кобеля золотая шерсть. Ты иди, веди меня на ярмонок. За сколько хошь отдавай, только вязку не отдавай.

Вот так и стало.

На ярмонки народ сбежался. Смотрит. Пришел один. Ну, словом скажем, барин.

— Сколько хочешь за кобеля?

— Сколько даете?

— Пять сотен даю.

Тот вязку сымает:

— Берите.

— Кому, — говорит, — кобель, тому и вязка.

— Нет, — говорит, — вязка не продажная.

— Я за кобеля пол-тыщи даю, а за вязку тыщу.

Ну, старик вязку не продал. Только домой пришел, кобель прибежал, снова сыном стал.

— Хорошо, — говорит, — что вязку не продал, это Ох был. Ну, ладно. Стали они жить. Хорошо живут. Время идет. Это сказка скоро говорится, а дело мѣшкотно творится. Вот новый ярмонок подходит.

— Я, батя, стану жеребцом золотая грива, ты меня продай, поводок не продавай.

Ну, на ярмонке народ сбежался. Любопытствует. Толпа кругом. А покупать некому. Народ недостаточный. Только подходит барин:

— Что хочешь за жеребца?

— Что даете?

— Тысячу рублей.

Тот снимает поводок:

— Берите.

— Чего ты, — говорит, — повод снимаешь? Чей конь, того и поводок.

— У меня повод не продажный.

— Я за жеребца тыщу даю, а за повод две.

— Не продаю, — говорит, — повод.

— А без повода я жеребца не беру.

Тут старику жалко трех тысяч. Деньги ведь большие. Он и отдал жеребца с поводом. Взял три тыщи и пошел. Домой пришел. Сына ждет. А сына все нет. Тут налетела муха:

— Ты, старик, сына почему с поводом продал? Будет он теперь век у Оха.

Старик воет.

Ну, Ох жеребца на конюшню привел да давай бить.

— Сколько ты от меня уходил, а не ушел. Хитрей меня хотел быть.

Конь билси, билси да и сорвал повод. И побежал. Скинулся. Ох волком побежал в догоню. Вот прыгнул, давай грызть. Скинулся конь ершом в реку. Ох — щукой. Подобралась щука к ершу. Скинулся ерш перстенечком. На реке девки купались. Прикатился перстенок к купеческой девице. Она перстенок на праву ручку одела. Скинулась щука молодым купцом:

— Здравствуйте, барышня, не вы ли мой персенек нашли?

Она и даваит ему персень. Тот персень на зень пал, ячменем рассыпался. Одно зернышко девушке под сарафан закатилось. Скинулся купечь петухом. Давай ячмень глотать. Клевал, клевал, распух весь. Всё склевал. А то зернышко, с под сарафана, скинулось ястребом. Пал с неба и забил петуха. Хитер, хитрей *Оха* стал!

45. Жар-птица

Были старик со старухой. Было у них три сына. Стар стал старик. Наказал своим сыновам:

— Когда я умру, похороните, и каждый по ноци у меня просидите.

И помер.

Братья младшого брата недолюбливали. Исть ему мало давали. Вот схоронили старика. Надо старшему брату.

Старшой и говорит:

— Вань, сходи на могилу, я тебе завтра блин дам. Отправился. В полночь могила раскрывается, отец встает:

— Кто тут? — говорит.

— Я, Ваня.

— Пойдем в чисто-поле.

Пошли в чисто-поле. Старик крикнул по-звериному, свиснул по-змеиному, — конь бежит, земля дрожит, со рта пламень пышет. Конь прибежал, на коленка пал. Старик говорит:

— Вот, конь мой любезный, как мне повиновался, так и сыну моему.

Проводил сына в одно ухо, в другое вывел, и стал Ваня красавцем. Потом пошел старик обратно, сын его зарыл и домой пошел. Утром, конечно, получил блин. Приходит вечер, средний брат и говорит:

— Вань, сходи на могилу, я тебе завтра пирог дам.

Он и пошел. Досидел до полуночи, могила раскрывается, отец встает.

— Кто тут?

— Я, Вань.

— Пойдем в чисто-поле.

Вышли в чисто-поле. Отец крикнул по-звериному, свиснул по-змеиному, — бежит свинка — золотая щетинка.

— Свинка — золотая щетинка, как ты мне повиновалась, так и сыну моему.

На другой день своя очередь. Братья смеются.

— Никто *сѣдни* пирога не даст.

Пошел Ваня. До полуночи досидел, могила раскрывается, отец встает.

— Кто тут?

— Я, Вань.

— Пойдем в чисто-поле.

Пошли в чисто-поле. Старик крикнул по-звериному, свиснул по-змеиному, — летит жар-птица.

— Как мне повиновалась, так и сыну моему.

Показал это старик ему всё и говорит:

— Теперь я больше не встану.

Пошел обратно, сын зарыл его и домой пошел. Пришло время. Иван все на печке лежит, ничем незаймется. В этом царстве была у царя дочь, женихов много сваталось, но не выберет себе жениха по характеру. Вот устроили тын, тридевять венцов, двадцать семь столбцов (*по-нашему*), кто перескочит да царевну поцелует, за того замуж пойдет. Вот и братья собираются. Ушли братья. А Иван взял бурак, говорит невесткам: «по грибы пойду». Вышел в чисто-поле, крикнул по-звериному, свиснул по-змеиному, конь бежит, земля дрожит, из ушей дым валит, из ноздрей огонь горит. Иван в одно ушко вошел, в другое вышел, сделался молодцем, прямо рычарем. И поехал к королю-царю. Не видали молодца сядучи, не видели и едучи. Перескочить, он тын перескочил, а поцеловать не успел. Поехал к дому, братья на дороге стоять, он их кнутом и вытянул. Дома братья и говорят.

— Вот молодец-то там какой был!

Второй раз пошли братья. Он опять бурак взял, говорит: «за грибами пойду». Вышел в чисто-поле, крикнул по-звериному, свиснул по-соловиному. Конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит, головешки падают. Иван в одно ушко вошел, в другое вышел, стал молодец прямо рычарем. Не видали молодца сядучи, не видели и едучи. Перескочил через забор, царевна его поцеловала. Домой ехал, братьев кнутом вытянул. Домой дураком пришел, мухоморов, поганок набрал, невестки его и ругают. Брат и говорит:

— Эх, Ванька, какой молодец был!

- Не я ли?
- Куда тебе.
- А спина у вас не чешется?

На третий раз царевна его поцеловала и перснем в лоб ударила. Сделалась у него во лбу звезда. Снял он портянку, да портянкой лоб завязал. Домой пошел, невестки его жалеют:

- Где лоб-то разбил?
- А сук упал, лоб разбил, — говорит.

Через время объявление вышло: «Собирайтесь все — жениха искать». Братья поехали и его с собой взяли. А несколько улиц народом запрудили. И ему последним стать и пришлось. А лоб все грязной тряпкой завязан. Царевна и пошла искать по рядам. Первые проходит — не находит. Вторые проходит — не находит. Третьи проходит — не находит. До него доходит.

- Что это, — говорит, — у вас лоб завязан?
- А сук-то упал.

Она тряпку сорвала, а там звезда горит. Она его взяла, поцеловала, во дворец привела. Тут его одели, примыли. Во дворце уже там два свояка были. Вот Иван живет во дворце. Стал его конь на полях появляться. Конь прибежит, свинка — золотая щетинка, жар-птица прилетит. Царь решил свинку поймать. Старшие зятя набрали войска. А он взял худую лошаденку, задом наперед сел и поехал. Сам крикнул по-звериному, свиснул по-змеиному, конь бежит, земля дрожит, из ноздрей пламя пышет, из ушей дым валит. Иван в одно ушко вошел, в другое вышел, стал молодец прямо рычарем. Раскинул шатер — тут у ней стойла, корму, пшена белоярого. Прибежала свинка — золотая щетинка, прилетела жар-птица. Зятя ездили-ездили, шатер увидели. Приехали — рычарь спит. Один говорит:

- Давай убьем рычаря и свинку заберем.
- Нет, — говорит, — давай разбудим, может продаст.

Разбудили его.

- Продашь свинку — золотую щетинку?
- Нет, заветная она.
- А какой завет?
- Отрежьте по мезенцу ножному.

Те сапожки сняли и по мезенцу отрезали. Как приехали, царь обрадовался, устроил пир. Потом царь жар-птицу захотел. Назначил день, отправил зтей в поле. Иванушка все так же сделал. В шатер залег спать и спит себе. Вот приехали зятя старшие.

— Продай, — говорят, — жар-птицу.

— Не продажная, а заветная.

— А какой завет?

— Отрежьте по мезенцу с руки.

Они по мезенцу и отрезали.

— А что, — говорят, — белые перчатки оденем.

Царь обрадовался, посадил птицу в золотую клетку. Захотел царь царство передать зятю старшему. Пир собрали. Старшие свояки выше сидят, а Иванушка пониже. Начали обедать, а за обедом Иван и говорит тестю:

— Что это: все голыми руками кушают, а свояки мои в перчатках?

Приказал царь им снять перчатки, а они без мезенца. Что такое?

— А это они, — говорит, — жар-птицу имали.

Вынимает платочек, там пальчики.

— Не те ли? Прикажите, им — говорит, — сапоги снять.

Царь и приказал. А на ногах мезенчиков и нет. Он вынул платочек, а в нем пальчики.

— Не те ли? Это, — говорит, — они свинку — золоту щетинку имали.

Царь рассердился. А Иван и решился.

— После обеда, — говорит, — я вам покажу.

После обеда пошел в сад, крикнул по-звериному, свиснул по-змеиному, конь бежит, земля дрожит, прилетела жар-птица, прибежала свинка — золотая щетинка. Шатер раскинули. Иванушка в одно ухо вошел, в другое вышел и стал молодцом, прямо рычарем. Царь и решил все королевство отдать младшему свояку. Так оно из Ивана-дурачка и вышло.

46. Забытой

В одной глухой деревушке жил старик со старушкой. Детей у них не было, а кур было много. Весной старик и говорит:

— Я положу яиц на печку и буду парить — детей себе выпарю.

Так и сделал.

Старуха его ругает, а он знай сидит — вот он и высидел сыновей. Они по квартире забегали, как цыплята. Пошел он

к священнику, всех сынов окрестил, всем имя дали, а один под печку забилси, его и забыли. Дóгнал старик священника:

— Так и так, батюшка, одного сына забыли.

— Пусть он, — говорит, — и будет «Забытой».

Ну, растут они не по дням, а по часам, а Забытой лучше всех. Братья его не влюбились, отделили его от хозяйства. Стали сено косить. Сколько сто человек в день накосят — столько Забытой один. Стало братьям зáвидно. Стали звать к себе обратно:

— Иди к нам.

Осенью стало у них целыми зародами сено пропадать. Никто вора укараулить не может. Послали Забытой. Ночью пришла кобылица сено есть. Он вскóчил на кобылицу. Таскала она его выше облака ходячего, ниже лесу стоячего, скинуть не могла.

— Чего, — спрашивает, — тебе нужно?

— Коня, — говорит.

— Нет у меня коня по твоей силе. Есть, — говорит, — богатырь убитый, и там конь его. Возьми живой воды да мертвой.

Взял живой воды да мертвой, коня спрыснул — стал конь живой. Домой коня привел а братья рассердились, да вон выгнали. Поехал он в чисто-поле. Сделал уздечку хорошую — перескочил на кобылицу. Таскала она его, таскала и спрашивает:

— Что нать?

— Коней для братьев.

— Хорошо, — говорит

Он поехал, сто коней-жеребцов вслед побежали.

Жили они — поживали.

— Поедем, — говорят, — к царю в услужение с конями.

Поехали.

Царь их принял ласково, дал им места, а Забытой стал старшим конюхом. Царь его залюбил, а братья его извести хотят. Сказали царю, что он им сто коней достал и может всему войску коней достать. Царь ему и говорит:

— Достань всей ратной силе моей коней, иначе голова твоя на плаху — три дня сроку даю.

Пришел он к коню печальный.

— Так и так, — говорит.

Конь ему:

— Это, — говорит, — службишка. Пойди — возьми денег, купи кожи воловьей, купи пуд шолку, сделай уздечку, поедем во чисто-поле.

Пошел он к царю, взял денег, купил девять шкур воловьих да пуд шолку, сделал уздечку и поехал в чисто-поле. Кобылица набежала, три шкуры у него выдрала, он и сделать ничего не успел. И второй раз набежала, три шкуры выдрала, а третий раз набежала — он и перескóчил на нее, а она уже устала. Носила она его, носила и спрашивает:

— Что нать?

— Так и так, — говорит.

— Ну ладно.

— Поехал он домой, а за ним жеребцы для всей силы ратной вослед. Ну царь его еще больше залюбил. А царь холостой. В одном королевстве его любушка затерялась. Братья и говорят царю:

— Забытой ее достать сможет.

Царь и приказал ему достать его любушку. Дал три дня сроку. Пошел он к коню на конюшню — плацет.

— Так, и так, — говорит, — приказал мне царь его любушку в три дня достать.

— Это, — конь говорит, — службишка, не служба. Возьми ты денег. Купи разных сластей, материй, духов, помад в аптеках и крепких вин, да сорок сажен смоленой веревки.

Купил он сластей разных, материй, духов, вина да веревку и поехали. Едут они день, едут два, едут три. Приехали по край моря. Никакого життя нет тут. Конь говорит:

— Отруби ты мне голову, сделай шатёр, разложи съестные, да питные, помады да новости.

Он все так и сделал — коню голову отрубил, шатер раздернул, забавы разложил. Да думает: «Кто придет покупать?»

В двенадцать часов на море кораб показался. Шлюпку спустили и тринадцать девушек на берег повезли. Одну девушку спустили, а двенадцать на кораб уехали. Увидала она шатер, зашла, а он вежливо с ней обходится, все предлагает ей посмотреть. Она всего набрала, он ей вина попробовать предлагает. Сделалась она пьяная и свалилась. Он, как конь приказал, все сорок сажен веревки обкрутил вокруг ей. Ну, а как ехать, когда коня нет? Ходит он, тоскует. Идет старичок.

— Что тоскуешь? — спрашивает.

— Так и так, — говорит.

— Если бы не отрубил ты у него голову, у него силы нехватило двух везти и от погони убежать. Тут два родничка есть.

Спрысни его живой и мертвой водой.

Забытой так и сделал. Поехали они, а все оставили. Едут далеко ль близко, высоко ль низко, красавица все спит. А проснулась-потенулась — все веревки и лопнули.

— А что, вывез меня на свою границу? — спрашивает.

— Вывез.

— А то бы, — говорит, — сейчас тебя убила. Да на свою беду и везешь меня.

Царь им обрадовался. Он ее подговариваеть замуж итти, а она ему говорит задачу:

— Кислое молоко вскипяти, скочи в него. Если ты справедливый, то не сгоришь, а если несправедливо царствовал, то сгоришь.

А его братья подговорили Забытойа послать: если сгорит, тогда царь от невесты откажется. Приготовили молоко, Забытойа позвали. Плачет Забытой:

— Туда мне, — говорит, — и дорога. А уж буду я верой-правдой до смерти служить.

Приходит он к коню, невеселый такой.

— Так, и так, — говорит.

— Пойди проси на три дня сроку. Помогу, если смогу.

Дали ему три дня сроку. К коню пришел, конь его взял, несет так, что с ветром вдруг. Пришла избушка на курьих ножках, на тынной пятке.

— Избушка-избушка, повернись туда тынцом, сюда лицом, мне не век вековать, одну ночь ноцевать.

Вошли в избушку, сидит старушка, шелк мотает.

— Фу-фу-фу! — говорит, — что это руським духом пахнет. Это ты, Забытой? Ну, спать некогда. Поешь и дальше езжай.

Открыла дверь в конюшню, а там Кобылица-Золотица дверь ломает.

— Поезжай к моей старшей сестре. Приехал он ко второй сестре.

— Фу-фу-фу, — говорит, — что это руський дух в очи лезет, глаза копает. Ты что, молодец?

— Ты бы, бабушка, накормила-напоила, а потом бы расспрашивала.

Накормила она его, напоила и дала ему Кобылицу-Золотицу.

— Поезжай, — говорит, — к огненной реке. На плотоцек — маши, тебя жгать не будет. Будут там цветы рости, не горят, не вянут. Сорви цветочек на ходу.

Прискакал он к огненной реки. На берегу реки растут лазоревы цветы — не горят, не вянут. Он плотоцком машет, его не жжет. Конь скокнул, он нагнулся, цветок на ходу сорвал, назад коня погнал. И обратно к старшей сестре приехал. Кобылицу-Золотицу на коня поменял и домой поехал. Приехали на третьи сутки. Молоко уж приготовлено. Кипит. Вот он пришел, цветочек уронил в молоко, да сам бултых, да окунулся, и выстал, так еще красивей стал.

— Вот, — говорит девица, — Забытой верой-правдой служил, вот и ты в молоко можешь лезть.

Но в это молоко-не дала ему скóчить. На другой день царь в молоко скóчил, да кочерышкой оттуда вытащили. Потом королева за Забытоя замуж вышла. Я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало. Ел капусту, стало в брюхе пусто, а теперь поем погуще, станет лучше.

47. Незнайка

В одном государстве жил король молодой. Женатой. Любил ездить на охоту. Ездил за зверем и заблудился. Заблудился, запутался. Один совсем. Сам себе говорит:

— Хоть бы чорт вывел.

А тот — послухмянный — тут как-то:

— Дорогу, — говорит, — покажу, да отдай чего дома не знаешь.

— Хорошо, — говорит, — я вить дома все знаю.

Написали они бумажку. И условие сделали на восемнадцать лет. Приезжает, а дома жонка сына родила. Он так и ахнул. Бросил он охоту, невеселый такой ходит. Спрашивает его королева:

— Что стал задумчивый?

Сын растет хороший, красивый, а король ему ничего не говорит. Прошло восемнадцать лет, день этот пришел. Он сына пóзвал в кабинет и все ему рассказал.

— Вот сегодняшний день надо ехать — судьба твоя такая.

— Поедем, — говорит, — папаша.

Приехали на это самое место. Явился чорт. Простились они, и увел его чорт. Приехал домой король, его и спрашивают:

— Где сын?

— Потерялся.

И больше ничего не говорит.

Вот чорт привел его. Дом огромный, большой.

— Вот, — говорит, — захочешь поесть, в стол кулаком ударь, и все тебе будет. Захочется позабавиться — в той комнате кулаком ударь. А в третью комнату не ходи, а то казню.

А сам ушел.

Прошла ночь. Иван-царевич всё один. На другой день в стол кулаком ударил, тут всяких кушаньев поел. В другую комнату пошел, в стол ударил, тут разные дамы явились, разные музыканты, игры разные. Кончилось это. Он взял да и пошел в третью комнату. А там стоят лошади и собаки. Перед лошадьми мясо, а перед собаками сеноложено. Он взял и переклал. Вечером чорт приходит.

— Ел? — спрашивает.

— Ел.

— Пил? — спрашивает.

— Пил.

— В этой комнате был?

— Был.

— Ну в первый раз прощу.

На другой день Иван-царевич все один. В одну комнату сходил, да в другую сходил, а потом и в третью пошел. Видит — стоят лошади да собаки — у лошадей мясо, у собак сено. Он взял да и переклал. Ну чорт приходит, спрашивает:

— Ел?

— Ел.

— Пил?

— Пил.

— В той комнате был?

— Был.

— Еще во второй вины прощаю, в третий не прощу.

На третий день то же самое было. Да один конь и говорит:

— Бери на окне гребенку, садись на меня и поедем. Поедем, где чорт спит, нужно с под головы взять плётку, с кормана — плоток, с руки — кольцо. Все равно мне пропадать. Я, вить, тоже королевич. Поэтому мы мясо и ели.

Сел он на коня и поехал. Достал у чорта плоток и персень. И поехал.

— Иван-царевич, — говорит конь, — почаще погоняй — от плетки силы прибавится.

Ехали-ехали, слез с коня и к земле-травы ухом припал, дрожит земля, но далеко. Ехали-ехали дальше, слез Иван-царевич с коня, к земле-травы ухом припал, дрожит земля, да далеко. Конь говорит:

— Брось гребенку.

Бросил Иван-царевич гребенку — стал лес — белки не пробежать. Поднялся треск-ломотня. Чорт догоняет. Подъехали немного, конь говорит:

— Иван — царевич, махни платком назад.

Он платком махнул, стала огненная река. Погоня и стала. Конь и говорит:

— Ударь меня три раза плеткой. Ударил его Иван-царевич, и стал человек.

— Ну, два медведя в одной берлоге не сладят.

Распростились они и разошлись. Заблудился Иван-царевич.

Блудил-блудил, отошшал, изголодался. Вдруг лес стал редеть. Стоит город. Зашел Иван-царевич в первую хижину, дряхлую-старую. Смотрит — сидит старая старушка. Богу Иван-царевич помолился. И говорит:

— Пусти ноцку переночевать.

Она и пустила. Он достал свою дичь, какую набил. Она ему ужин приготовила. А он и говорит:

— Ты эту дичь снеси в город продай, а я пойду в лес охотиться.

Он охотится, а она дичь продает, он старуху и кормит. Однажды собралась она в город.

— Купи, — говорит, — три кожи воловьих.

Купила она три кожи воловьих. Сработал он себе кожан, так что человек и не видно, и хвост пришил сажени в две... И отправился так в город. По главной улице (*как по Миллионной*) царь идет, а он дорогу загораживает (*старые-то улицы неширокие были*). Кучер кричит:

— Вороти!

А он отвечает:

— Не знаю.

— Кто ты?

— Не знаю.

— Человек ли?

— Не знаю.

Коляска ему на хвост наехала, а он хвост-то дернул, карета и перевернулась. Дали ему двадцать пять ногаек, а ему через кожан-то и не больно. Царь домой приехал, рассказывает про чудо, младшая доць и говорит:

— Папаша, прикажите ему сад караулить, пусть помогает, а хлеб у нас будет — прокормим.

Разыскали его, — а она все его выпрашивает, а он на все вопросы кланяется и говорит:

— Не знаю.

Кушанья́ ему приносят, кожану не сымает, а все кричит «не знаю». И в саду в избушке живет. А царская спальня младшей доцери была в сад. Раз смотрит она в сад, а сад светится. А это он чортово кольцо взял, да с руки переклал, и явились двенадцать молодцов:

— Иван-царевич, что служба?

— Дайте мне коня и одёжу и чтобы на каждой ветке была свечка зажжена.

Так оно и было.

Еще другой раз кольцо переклал — явились двенадцать молодцов:

— Иван-царевич, что служба?

— Дайте мне коня и одёжу и чтобы на каждой ветке по десять свечей было зажжено.

Опять она это увидала. А на третий раз по пятнадцать свечей на ветке горело. Весь город свет увидел. И она видала. Прошло время — стали старшую дочку замуж выдавать. Потом вторую. Сватается третий жених, а доць говорит:

— Я не за кого как за Незнайку.

— И не как.

— Обвенчайте меня, а то себя изведу.

Позвал царь Незнайку.

— Хочешь ли доць в жоны взять?

— Не знаю.

— Будешь ли жениться?

— Не знаю.

Обвенчали их, а он кожана своего не сымает, виду не показывает. Пришла она к нему, а он все «не знаю» да «не знаю». Так ничего и не добилаь.

А город их был по край моря. И стала из моря трехглавая змея выходить и народ поедать. Каждый день человека ист. А если не дать, так прилетит в город и десять сожрет. Каждый день ему дают. Дошла очередь за царской дочерью. Прибежала она к Незнайке и говорит:

— Вот сестрицу повезут на съедение.

Увезли ее в остров. Перешел вечер. Взял он персень, пере-
кчал :

— Коня и меч змею бедить.

Сел и поехал.

— Здравствуй, царевна.

— Здравствуй, рычарь. Чего пришел?

— Змею бедить. А что, царевна, поищи-ка у меня в голове.

Она стала в голове копать, змея вышла з моря, ревет, а она его разбудила. Взял он свой меч, одну голову отрезал, да под камень и спрятал, сел да уехал. Приехал, едет кругом царского сада, красивый такой. Царь его на чай зовет, а он говорит:

— Благодарю покорно за двадцать пять ногаяк.

А царь и не догадался. А он опять кожан одел и лег спать. Приехал водовоз на остров, смотрит — царевна живая.

— Скажи, что я тебя спас.

Пришлось сказать.

Через два-три дня вторая голова змеиная кричит:

— Давай человека.

Вот и вторую сестру повезли. Вечером увезли ее в остров. Незнайко перекачал себе персень, явились двенадцать молодцов:

— Чего Незнайко, велишь?

— Коня и меч — змею бедить.

Сел он и поехал. До ей доехал.

— Здравствуй, — говорит, — царевна.

— Здравствуй, рычарь, чего пришел?

— Змею бедить.

А слуги говорили, что сегодня будет шестиглавая змея. Да туда водовоза отправили — чтобы он змею победил. А он, сукин сын, спрятался. Вот Незнайко и говорит царевне:

— А что, царевна, поищи-ка у меня в голове.

Она стала в голове копать. Змея вышла, ревит. А царевна его разбудила. Взял он свой меч, размахнул, да победил. А головы отрезал, да под камень спрятал. Сел да уехал. Опять едет мимо дворчя, а царь его на чай зовет. А он говорит:

— Благодарю покорно за двадцать пять ногаек.

А царь и не догодалси. Незнайко кожан одел и лег спать. В третий раз — его жену повезли. Она плачет, прощается, в ногах валяется, а он все кланяется:

— Не знаю.

Вечером перекинул персень. Выскочили двенадцать молодцов и говорят:

— Сегодня девятиголовая змея будет.

Так и вышло. Пришел он к царевне:

— Поищи, царевна, в голове.

Та давай ему в голове копать, а он и заснул богатырским сном. Вот змея вылезла, рычит, ревит. Давай его царевна будить — не добудится. Давай его по земле волочить. Волочила-волочила, а сама плачет. Слеза на него упала, он проснулся, змею победил, шесть голов отрубил, а три молятся «пощади».

— Повези, — говорит, — меня в город.

Она его по городу возила, весь народ смотрел, а потом он и три головы отрубил. Пришел в избушку, и сморил его сон, так и заснул в одежде королевской и коня не отпустил. Она с острова пришла, в сторожку побежала. Тот самый рычарь лежит. Тут кожан сожгли — он проснулся — ну — настоящую свадьбу и сыграли. И он наследником остался в этом царстве. И жили они, и поживали они.

48. Три слова

В невком царстве, в невком государстве жил один молодец, бедного сословия. Был он сирота. В услужении его не держали. Взаясь он воровать — в тюрьму посадили. И тут не везет. Пришел он к царю на свою судьбу жаловаться. (*Прежде было свободно.*) Допустили Ивана к царю. Он царю жалуется. Царь говорит:

— Ничего не могу сделать.

А его дочка говорит:

— Дай мне твой трон, я его рассужу.

Царь согласился, она села на трон и спрашивает:

— Холост или женат?

— Холост.

— Иди, — говорит, — на улицу, кого встретишь — вдову или девушку, веди сюда, мы тебя поженим. Своего счастья нет, будешь жениным жить.

Царь рассердился, и ее самоеё ему стречу послал. Они встретились. Царь их обвенчал и выгнал вон.

— Где знаешь, там с мужем живи.

Она и уехала, сняла фатерку, стала рукодельничать. Дает Ивану сто рублей.

— Принеси шелку и золоту.

Он принес. Она ковер вышила и говорит:

— Сходи в рынок, продай его.

— А сколько просить?

— Проси двести рублей.

Он целый день ходил, никому не показывал. Один приказчик увидал и спрашивает:

— Сколько за ковер хочешь?

— Двести рублей.

— Деньгами или словом?

— Давай словом.

— Вот тебе слово: «Без суда голова не будет — сама на суд придет».

Вышила жена еще лучше ковер, просил он за него пятьсот рублей, а за слово отдал: «На земли булат-железо дороже драгоценных камней». Жена его спрашивает:

— Продал ковер?

— Продал.

— За что?

— За слово.

— Хорошо, только не забывай слово это.

Третий раз ходил он целый день. Приказчик его спрашивает:

— Что молодец, не купишь, не продашь, что за ковер хочешь?

— Слово.

— Вот тебе слово — «Замахнись да не ударь, разбуди да расспроси».

Ну ладно. Живут они дружно, хорошо. Он ей прислуживает. Один раз услышал Иван, что его свояки поежают за границу с товарами. *(Раньше цари тоже торговали.)* Он и просит жену, чтобы она у отца попросила его тоже отпра-

вить. Та к отцу пошла, а царь спрашивает, какой товар он хочет.

— Кораб, — говорит, — смолы да дегтю, я тому товару цену знаю.

Так и вышло. И семь кораблей поехало. Скоро сказка сказывается, да не скоро корабь двигается, под парусами долго. Вдруг среди моря корабли остановились — голос раздалси:

— Одного из царских слуг подайте сюда.

Те все испугались, а он первое слово спомнил да сам в воду прыгнул. Представили его на суд морскому царю. А там царь и царица спорят, что́ дороже на земли — драгоценные камни или железо? Его спросили. Он второе слово вспомнил и сказал:

— Булат-железо дороже на земли.

Царь ему за это двенадцать бочек драгоценных камней дал, на корабь вернул, и никто этого не видел. В новую страну приехали, надо прописаться, подарки царю дать. Свояки смеются, что он на тарелочку дегтю положит. А он каменьев дорогих положил. Царь спрашивает, на какую сумму у их товары, а он говорит, что и сметы своих не знает. Свояки стали в заклад биться:

— Если у него дорогой товар найдется, мы ему все отдадим и сами ему в слуги пойдём.

Назначили комиссию. Пошли, посмотрели, двенадцать бочек увидали, и стал он у них старшим. За деньги стали его учить. Он восемнадцать лет проторговал, заграничную диплому ему дали. Платье редкое. Приехал он домой богатый богатышко. Свояки перед ним без шапок стоят, он им приказывает. Царь дивится. Он и спрашивает.

— А где моя жонка?

Царь говорит:

— На солдатской слободке живет, я ее не видал.

Он и отправился пешечком. Спрашивает дворника. (Дворник улицу подметал.) Дворник говорит:

— Вот там в прачешном заведении. Прачешное заведение держит.

Зашел он в первую комнату — там утюги стоят, зашел во вторую, — там жена с двумя молодцами спит. У него косая сабля была. Он замахнулся, да третье слово вспомнил: «Замахнись, да не ударь, разбуди да расспроси». Он жену разбудил, а она ему сынов показывает. Радость была полная — семейная.

В двенадцать часов приехала корета заграничная с орлами. Платья повезли богатые, и поехали они ко дворцу. Потом он и наследником стал.

49. Матрена

Матрена пошла к милому в гости к Троице. Идет Матрена по дороге. А дорога через рецку. Пришла к реке, а перевоза нет. А ей поскорей хочется. Ходит она, тоскует. Потом и говорит:

— Хоть бы корноухий меня через рецку перевоз.

А он, послухмянный, сейчас является:

— Звала, — говорит, — Матрена? Ну, садись на меня.

Уселась Матрена корноухому за спину, и он понес через рецку.

Она и заснула за спиной. Он через рецку перенес и по дороге потащил. А Матрене снится, что она уже в гости пришла, угощается. А корноухий ее по дороге тащит. Стало ему тяжело. Плечами шевелит:

— Матрена, потронуся, Матрена, подвинься.

А она и не шевелится. Поднадоела корноухому — замучился.

— Дай, — говорит, — пойду в чащу леса, прутьями ее заденет, упадет.

Пошел в чащу леса, ходил-ходил, морду всю обцарапал. Матрена не валится.

— Дай, — думает, — пойду на высокоу гору взлезу, да в овраг скочу — свалится.

Забрался на высокоу гору, когти свои обломал, как спрыгнул — Матрена не шевелится. Вышел из оврага, пошел по почтовой дороге. Идет и плачет. Едет в город горшечник с горшками. Видит — идет бес, несет бабу, а сам плачет.

— Ты что, бесовская морда, идешь да плачешь?

Корноухий говорит:

— Попал на бабу и сбыть не могу.

— А что мне дашь, я тебя сбавлю от бабы?

— Чего пожелаешь, только сбавь меня.

Горшеня подошел, Матрену за плечи обхватил.

— Ты что, Матрена, спишь!

Она проснулась, соскочила, по дороге и побежала. Когда сбавился от Матрены, спрашивает:

— Что тебе нужно, мужик?

— Да денег.

Корноухий и говорит:

— Поедем в город на базар, лошадь да горшки продай, пойдём денег доставать.

Горшеня так и сделал. Корноухий и говорит:

— Иди в трактир, водку пей. А я пойду к богатому мужику, буду доцку мучить, а ты назовись доктором, будешь ее лечить.

Сидит горшеня в трактире, приходят посетители и говорят:

— У богатого мужика доцка заболела, никто не может вылечить.

А горшеня пьяненький и говорит:

— Дали бы сто рублей, так была бы здорова доцка.

Тут богатому мужику и передали. И послали за ним. Приходит горшеня.

— Чего звали?

— Да вот доцка у меня болеет, может вылечите?

— Покажите, где она.

Привели ее в спальню к больной, а корноухий сидит и жмет ее за груди, она дышать не может. Горшеня и говорит:

— Проць пошел, бесовская морда!

Девушка и сделалась небольшая, стало ей легко. Корноухий с ей сошел. Заплатили горшене сто рублей. Потом корноухий пошел во второе место и там так же сделал. И в третье место сходил. Потом и говорит:

— Что, горшеня, будет ли тебе этих денег?

— Пока, — говорит, — будет.

Разошлись с корноухим и пошел горшечник на базар. Купил хорошую лошадь, купил товару и поехал домой. Начал хорошо торговать. Забогател. Стал давать сиротам, вдовам, бедных кормить. А богатства у него все прибывает.

Прошло несколько лет. А бесу не нравится, когда добродетель будут делать. Он смущает все на худы дела. Пошел он в ту деревню. Зашел в избу, видит — старая старушка. Спрашивает:

— А что, жив ли Иван Кузьмич!

— Живой, батюшко, живой, он нас всех сирот да старух кормит.

Корноухий пошел к горшене.

— Здравствуй, горшеня.

— Здравствуй, корноухий,

— Ну, как живешь?

— Да живу хорошо.
— Да деньги ты не туда тратишь.
— Это, — говорит, — дело не твое, у нас об этом уговору не было.

Корноухий ему пригрозил:

— Делай дела бесовские, а то я тебя подведу.

А Иван Кузьмич отвечает:

— Не боюсь я тебя.

Корноухий и ушел в город. В городе давай у губернатора жонку мучить. Собрались доктора, сделать ничего не могут, вспомнили про горшечника и нашли в нашей деревне его. Послали исправника. Привезли его. А он отказывается, а исправник ему грозит. Делать нечего. Губернатор говорит:

— Вылечишь — награжу, а не вылечишь — накажу, а за работу принимайся.

— Ну, — говорит, — покажите больную.

Привели его, а корноухий сидит на грудях да давит больную, да душит. Иван Кузьмич и говорит:

— Пошел проць, бесовская морда!

А корноухий говорит:

— Нет, теперь не выгонишь, попался ты.

Губернатор разговор слышит, а никого не видит. Они и начали спорить и ссориться. Наконец Иван Кузьмич и говорит:

— А не выйдешь... Матрена! подь сюда, что он тут...

Как услышал корноухий про Матрену, как вскоцит, да с окнами, да с рамами на улицу. Губернатор Ивана Кузьмича наградил, и он домой с почетом приехал.

50. Обельщина

Императрица Елизавета в нашу сторону спасалась, когда у ней смута была. И в которых деревнях остановилась, и в которых чай кушала или там калиточку, про тех вспомнила. А потом, как стала на царствии, так прислала им грамоту:

— Чего, мужички, хотите, все вам будет, приезжайте в Питер, скажите только.

Выбрали они это которых поумнее и по́слали. Идут это они по городу и не знают, чего им просить-то. Вот увидели они человека важного и рассказывают ему.

А он говорит:

— Не просите вы денег, — казну стратите, не просите вы чинов, — скоро вас оттуда выпрут по темному вашему делу, а просите вы обельная грамоты, чтобы вы и дети и внуки ваши в солдаты во веки веков не шли.

Так дело и сделали, и стали мы «обельщина» и до суй поры в солдаты не хаживали. Только при большевике взяли нас.

Михаил Евдокимович Ульянов

51. Кошель

Жили два сына. Захотели оны разделиться. Разошлись. Одному курица досталась, а другому корова. Один приходит и говорит:

— А что, брат, курицы в городе дороги.

Он говорит:

— Тащи куру.

Взял, голову отрубил, выщипал в горшок, щи сварил, склал горшок в кошель и попер. Шагал далече ли близко, высоко ли низко — посох с руки выпал. За посохом наклонился и пролил щи через голову. Ворочаться не охота. Пошел дальше. Приходит в одно село, все спят. Куда к ночи? Видит на краю домичек, горит огонек. Подошел к евтому домику, а у окна стоял костерок дров. Он выстал на костерок и смотрит. Видит, там хозяйка с дьяконом гуляет. Пирогы, яишница и четвертная вина...

Застучало вдруг. Дьякон и говорит:

— Я куда? А она ему:

— Ступай в подпол.

Дьякон в подпол, а она пироги спрятала на печку под лучину, яичницу в печку под заслонку, а вино под лавку. Пошла мужа впускать, муж входит.

— Ну, — говорит, — давай поужинать.

А она ему собрала скудно. Мужичок заколотился в и́збу. Муж его пустил.

— Ночуй, — говорит, — ночлегу не носят с собой.

Приходит в комнату. Помолился богу.

— Садись, — хозяин говорит, — поужинай со мной.

— Спасибо, — говорит.

— Уж садитесь.

Сел за стол, а хозяин говорит:

— Скинь кошель.

— Нет, — говорит, — я кошель не могу снять, потому что он от меня не остается.

Сидят, кушают. Он толкает кошель:

— Сядь, не твое дело.

А хозяин и привязался:

— А что такое?

— Да он врет все. Сиди, не твое дело.

Тут хозяин привязался.

— Скажи да скажи.

— Да он врет: говорит — на печке под лучиной пироги.

Хозяин вскочил, лучину отворотил — тащит пироги. А он опять кошель толкает:

— Сядь, не твое дело.

Хозяин опять:

— Скажи да скажи.

— Да он говорит: «В печке яичница».

Хозяин и яичницу достал. А он опять:

— Сядь, не твое дело.

Опять хозяин пристал.

— Он говорит: «Под лавкой вино».

Хозяин вино достал, стал на судьбу жалеться.

— Быдто живу и работаю, а денег нету.

А тот говорит:

— У тебя беда в подполье есть, так тебя постоянно будет разорять.

— А как выжить можно будет беду? Сколько будет стоить?

— Пятьдесят рублей я с тебя возьму.

Он согласился.

— Ну, — говорит, — неси теперь три погонялки.

Хозяин принес три погонялки. Дает хозяину плетку и хозяйке погонялку и себе погонялку. Хозяйку в сени у дверей поставил, хозяина у дверей квартиры, а сам пошел в подпол. Приходит в подпол, а дьякон там дрожит.

— Вот, — говорит, — милый человек, тебе двадцать пять рублей, только не бей меня.

— Ну, — говорит, — распусти косы, подрясник распусти, я буду хлестать по стенкам.

Вот он по стенкам ходит — хлыщет:

— Но, беда, вон с сего дома!

Вот дьякон как пустился бежать, так мужик только раз поспел хлыснуть.

— Ну, все кончилось. Давай выпьем и закусим.

Хозяин говорит:

— Добрый человек, продай мне кошель.

— Пожалуйста, да он не станет у вас жить.

— Ну, продай.

— Да давай пятьдесят рублей, так продам.

Хозяин дал ему сто рублей денег, кошель поставил в большой угол. До свету просидели. Хозяин и говорит:

— Я тебя до мельницы подвезу.

Поехали. А хозяйка печку затопила.

— Ну, ладно, — говорит, — мошенник, я всю правду расскажу.

Печку растопила да кошель в печку. Кошель и загорелся. Взяла, крюком вытащила, да в *кислуху*. Там была мякина. Она вытащила, да в большой угол и поставила.

— На тебе, чорт. Больше не будешь правды рассказывать.

Хозяин приезжает, а она стретает его и говорит:

— Кошель-то у нас беды наделал.

— А что?

— Да бросился в печь, да в *кислуху*, да в большой угол.

— Вот беда!

А мужик домой приходит — деньги давай считать. Приходит старший брат:

— Как нажил?

— Нажил сто рублей, в городе коровьи кожи дороги.

Он сейчас домой, корову зарезал, кожу снял, да и в город. Шел в город, там кожи не берут, да и от коровы отстал. Так ни с чем и остался.

52. Поп и старец

Жил-был поп. Работник был у попа и дочь. Вот поп с попадьею повалятся спать в клетки, а работник на повети, и все у них сметана теряется. Ввечеру полный горшок, а утром хоть дно лижи. А это работник как спать завалится, возьмет краюху хле-

ба да в сметану макает. Вот поп и стал замечать эту неприятность.

— Что это, — говорит, — у нас сметана теряется? Работник ле ест, или дочь ест?

А работник хитрый. Взял в клети икону Миколы святого и все губы и лоб сметаной смазал. Поп увидел и говорит:

— Вот я на работника думал, а вот кто мою сметану ест. Хватил икону и разбил икону ту. Ну, что делать? Он и испугался.

— Надо, — говорит, — мне итти отсюда. А то я Миколу-угодника изобидел, он мне теперь хорошей жизни не даст.

Вот он ночью взял кошель и попер. Шаггал далече ле близко, высоко ле низко, и встретил старичка седенького. Пошли дальше вместе.

Вот приходят в одно село, все спят. Вот видят на краю домичек, горит огонек. Они и заколотились в избу. А их не пускают.

— У нас, — говорят, — больной есть, стонет, кричит, посторонним нельзя итти.

— Ну, — старичок говорит, — я, может, еще и помочь могу. Я его исцелю.

— А как ты его исцелить можешь?

Ну, старик попросил бочку чистую и по́ртна, разрезал больного-то на кусочки, вымыл, в бочку склал, вынул из кормана сулейку и те куски полил. Тот и выстал из бочки здоровехонек. Ну, ему много денег дали, а попу стало завидно. Думает, что он теперь сам научился такое чудо сотворить. Он старичку и говорит:

— Иди ты, батя, куда хошь, а я, давай, пойду своей дорогой. И пошел. Шаггал-шагал, пришагал в дом один, а там больной лежит, кричит. Поп заколотился в дверь.

— Я, — говорит, — его исцелить могу.

Его и пустили. Он заходит в комнату, не помолился богу, взял бочку да по́ртна и разрезал того хворого на клоки, склал, из сулейки воды полил. Мазáл, мазáл — не шевелится. Как тут быть? Куда удирать? А тут седенький старичок в избу вошел.

— Ну, что, управился? Эх, ты, — говорит.

Взял все клоки, перемыл, переложил, из своей сулейки полил, больной выстал. Ну, и много дали денег.

Ну, пошагали дальше.

Сели они закусывать, а у попа закусывать скудно, а у старичка три просфоры. Он одну сам съел, другу попу отдал. Да

вдруг оборотился, а поп у етого старика просворку ту скрал и съел.

Вот старик и спрашивает:

— Не ты ле мою просворку съел?

— Что ты, что ты, я не ел.

Ну, пошагали дальше. Вот до речки дошли. Старик броду не ищет, а стал по воде походить, и идет, как по земли. И поп пошел по воде и стал тонуть и по горло засел, захлебывается. Ну, старик с бережку и спрашивает:

— А не ты ле, поп, мою просворку съел?

Тому впору ко дну итти, а он кричит:

— Не я, не я!

Ну старик ему руку подал и вытащил.

Вошли они в лесок. Стал старик-то золото делить, что за исцеленье получили. Раскладает на три кучки. А поп говорит:

— Ты зачем на три кучи кладешь? Нас ведь два товарища работали?

— Третья куча тому, кто просвирку съел.

А поп жадный и кричит:

— Это я, я самый просвирку съел!

Старик рассмеялся.

— Ну, иди, поп, домой. Службу служи да богу молись, от жадности избавляйся. А что ты мою икону разбил, то ты худо сделал.

Это и был Микола святой.

Дмитрий Андреевич Орехов

53. Солдат Андрей

В некотором царстве, в некотором государстве, именно в том, где мы живем, жил царь на царстве, король на королевстве, да на ровном месте, как соха на боронé. Это не сказка, а присказка, а сказка будет после обеда, поевши мягкого хлеба, еще поедим пирога, да потянем быка за рога.

Далеко отсюда, не в нашем царстве, в неведомом государстве жил-был царь Ермолай, знаменитый и славный, богат неслыхано — лопатой гребни да в кучи кладит. Имел он

и сильное войско да охоту стрелков, охота ему к обеду дичь носила. В одно прекрасное время пришла очередь итти на охоту солдату Андрею. Отправился он. Долгое время ходил, да не посчастливилось, да не мог на дичь напасть. Идет обратно кручинный, видит — сидит горлица. Выстрелил, а она упала на землю, и хотел он ей горло перерезать. А она человеческим голосом:

— Не губи меня, а лучше домой снеси, на стол поставь, и на *испашь* ударь правой рукой по левому боку.

Он так и сделал, бросил ее в мешок и домой отправился. На стол поставил и ударил. А она упала на пол и скóчила прекрасной девицей. Да такой красавицей, что ни в сказке сказать, ни пером описать

— Сумел, — говорит, — меня подстрелить, сумеешь и владеть. Неспешным пирком, да за свадебку, буду тебе честной да веселой женой.

В долгий ящик не откладывали и повенчались. Солдат угостил друзей и зажил сладкой жизнью. Однажды она и говорит:

— Живем мы бедно́, надо поправиться, собери сто рублей, я ковер из шолков сработаю, и ты с прибылью продашь.

Сóбрал он денег много, купил в рынке разных шелков. Она и села вышивать. Да когда муж заснул, она вышла на крыльцо, повернула на руке кольцо, и вышли двенадцать мальчиков.

— Что угодно, ваша светлость?

— Чтобы к утру вышили мне ковер, да чтобы было на нем все наше царство-государство.

— Хорошо.

И на утро ковер лежал на столе.

— Поезжай, Андрей, ковер продай, да своей цены не проси, за чужую отдавай.

На рынке стали его спрашивать: что хочешь?

Проезжал в это время царский министр и послал своего пажа узнать в чем дело. Тот ему все и рассказал. Министр слез с экипажа и отправился смотреть.

— Чей ковер?

— Мой.

— Что стоит?

— Сколько дадите.

Тот дал двадцать пять тысяч рублей. Когда министр во дворец приехал, то покупкой государю похвастал. А государь

посмотрел— все его государство на ковре вышито. Он чейчас и отсчитал ему пятьдесят тысяч, а ковер себе забрал. Поехал министр к солдату, другой ковер искать, да увидал его жену, так и про ковер забыл. Приезжает во дворец и государю рассказывает.

— Такая, — говорит, — красавица, что я все забыл.

Государю и захотелось на нее взглянуть. Устроил он обед для солдат-охотников с женами. Приехал и солдат Андрей с женой. Государь и говорит министру:

— Чтобы мне солдатовой женой завладать.

Министр и говорит:

— Можете его убить-казнить.

— Я, — говорит, — думать не хочу, а твое дело в три дня его извести.

Ничего министр сам не придумал и пошел к колдунье. И по совету ее отправил солдата на море-океан, на остров Буян, искать овечку с золотой головкой, а корабль ему дали гнилой, не больше как на шесть месяцев. А итти туда было шесть лет. Сам он должен был погибнуть на ветхом корабле. Жена ему говорит:

— Не печалься, не тоскуй, утро вечера мудренее.

Когда все уснули, вышла она на крыльцо, повернула золотое кольцо и сказала двенадцати мальчишкам:

— На острове Буян есть овечка, золотая головка, можете ли достать?

— Нет, не можем.

Она тогда достала платок и махнула, и появились два солдата.

— Можете ли достать овечку с золотой головкой?

— Можем.

И на утро овечка уже дома была. Жена его на корабле отправила, чтобы не приняли его за колдуна. Сказала ему жена, чтобы каждый день команду вином поил, да через дня три домой вернулся. Так он и сделал — напоил команду и поехал обратно. Дологают государю: «солдат вернулся обратно». Царь рассердился и сам на пристань отправился. Ну, а овечку с золотой головкой дают ему. Приказал царь солдата наградить, а сам злобится и министру выговаривает. Министр говорит:

— Меня колдунья обманула.

— Ну, — царь говорит, — придумай способ.

Разыскал тот колдунью.

— Как же быть, бабушка?

— Ну, давайте жену его оманем, пошлите его искать — не зверь, не калека, не похож на человека.

Министр царю и рассказал. И призвали солдата, и приказал ему царь найти «именно то, что не знает никто, не зверь, не калека, не похож на человека». Он жене рассказал. Она вечером вышла на крыльцо, повернула кольцо, спросила у двенадцати мальчиков:

— Не знаете ли вы где — не зверь, не калека, не похож на человека?

— Не знаем.

— Тогда свободны.

Взяла платок — выскочили два солдата.

— Не знаете ли вы где не зверь, не калека, не похож на человека?

— Нет, не знаем.

Принялась она клубочек вить. Утром дала ему клубочек и всего прочего.

— Куда клубочек покатится, туда и путь держи. Есть захочешь — скажи: «клубочек, я есть хочу», спать захочешь — «клубочек, я спать хочу». Но окромя клубочка, если остановишься, то только своим полотенцем утирайся.

Отправился он. Скоро сказка говорится, дело мешкотно творится. На пути его печёт, частым дождичком сечёт. Через год клубочек к дому прикатился, стал солдат в ворота стучаться. Пришли три красавицы и свели его в покои. Напоили и накормили и спать уложили. Были же они очень похожи на его жену. Утром он умылся и своим полотенцем вытерся.

Те и спрашивают:

— Откуда у тебя такое полотенце?

Он все и рассказал.

— Ах, да это наша сестра.

Повели его к матушке. Она обрадовалась, стала его спрашивать. Он и рассказал все и погостил у них месяц-два, А потом и говорит:

— Надо дело делать.

И теща говорит:

— Пойдемте вместе.

Вышли на крыльцо. Она достала платок, прилетели две птицы. Сели они и полетели. Долетели до горы, и сбежались всякие звери, и начала она их спрашивать:

— Не знаете ли вы, где находится не зверь, не калека, не похож на человека?

— Нет, не знаем.

Полетели они к синему морю. И все рыбы выплоли и поклонились ей до земли.

— Не знаете ли вы, где находится не зверь, не калека, не похож на человека?

— Нет, не знаем.

Полетели они на высокую гору, и слетались все птицы небесные.

— Не знаете ли вы, где находится не зверь, не калека, не похож на человека?

— Нет, не знаем.

Дело плохо. Полетели через болото, а лягушка-квакушка говорит:

— Я знаю. Возьмите меня домой, положите в молоко, и куда я носом буду глядеть, туда и путь пусть держит.

Так и сделали. Шел он, шел. Вдруг лягушка и спрашивает:

— Что видишь над собой, под собой и вокруг себя?

— Надо мной небеса, подо мной — мать — сыра земля, а вокруг — белый свет, впереди огонь горит.

— Это стоит золотая стена, от востока до запада, от земли до неба.

Она молоко выпила и стала большая.

— Садись на меня.

Сел он на нее, а она как пригнула и стену перескочила.

— Теперь ступай и сам добывай.

Пошел он и увидел пещеру темную. Зажег свет и осмотрелся. Потом он спрятался за печку и стал обжидать. Вдруг приходят двое стариков и говорят:

— Брат-Разум, дай нам поесть-попить.

Никого не видно, а все вдруг появилось, разные закуски. Старички поели да пошли, а все исчезло. Солдат вышел из-за печки и говорит:

— Сват-Разум, дай мне поесть-попиты.

Сел закусывать и говорит:

— Сват-Разум, садись со мной.

Никого не видно, а кушанья так и исчезают.

— Сват-Разум, желаешь ли мне служить?

— Желая, — говорит, — если ты меня за стол посадил.

Невидимая сила подхватила его и понесла до тещи, где он все рассказал. Потом поехали дальше. Дорогой Сват-Разум и говорит:

— Сейчас будет купеческий корабь проезжать. Ты угости их, а меня променяй на три диковинки.

Остановил солдат купцов.

— Сват-Разум, накорми нас.

Сват-Разум стол накрыл — что диво. Стали купцы его торговать. И променял солдат его на рожок, из которого солдаты выскакивают, на топорик — тят-ляп и вышел корабь, да на шкатулочку — как открыть, так будет хрустальный дворец. Променял солдат Сват-Разума на три диковинки. Все их они ему попробывали, все было правильно, но Сват-Разум к нему с корабля обратно пришел, да они и дальше поехали.

В это время государь его жену призвал и стал ее уговаривать полюбить его. А она стала его совестить. Он стал ей угрожать. А она ударилась об пол и птицей-горлицей улётела в окно.

Солдат приехал, а жены дома нет. Сват-Разум его утешает. В темну ночь открыли они шкатулочку и сделали дворец. А государь увидал дворец и спрашивает:

— Чей это дворец?

— А это, — говорит, — того самого солдата, что вы отправили искать именно то, чего не знает никто, не зверь, не калека, не похож на человека.

А солдат говорит:

— Пусть царь скажет, где моя жена, тогда получит дворец и то, что я принес.

Послал царь на него солдат. А Андрей вынул рожок и надудил солдат, и пошел бой. Да и сделал он военных кораблей и забрал все царство-государство, забрал и царя. И стал спрашивать:

— Где моя жена?

Тот ему все рассказал. Солдат его и отпустил, да не издевайся больше над нашим братом-солдатом. Тут влетела в окно

птица-горлица и ударила в пол, и стала деви́ца. И стали они жить, поживать, царством управлять.

54. Про Петра Великого

В одно прекрасное время Петр Великий осматривал Питер. Едет мимо Путиловской горы, увидел каменотеса. Подъезжает к нему, спрашивает:

— Бог на помочь, мужичок, каково работаешь, много ли зарабатываешь?

— Не стоит благодарности за такие малости, в день восемьдесят копеек заработаю.

— Так тебе и хватает?

— Не очень-то хватает.

— Странное дело, куда же вы деньги *деете*?

— Двадцать процентов дому плачу, двадцать процентов в долг даю, двадцать процентов за окно кидаю.

Государь задумался.

— Разъясни, — говорит, — мужичок, понять не могу.

— А видите, двадцать процентов отца с матерью кормлю, двадцать процентов двух сынов рощу, двадцать процентов двух лебедек рощу, крылышки подрастут, тут я их и видывал, а двадцать процентов на все содержание.

— А видел ли ты государя?

— Да нет, а хотелось бы.

— Ну поедем, покажу; как приедет в селение, все будут без шапок, один государь в шапке.

Приезжают в селение; там кричат ура, шапки вверх кидают, а он и спрашивает:

— Который же из нас царь, что все без шапок, только мы с вами в шапках?

— Не знаю, — говорит.

Потом мужичок пал на колени.

— Простите, — говорит, — ваше царское величество.

— Возьму я тебя в Питер, и скажешь ты свою загадку сенаторам. Сели в телегу и отправились в Питер.

По приезде Петр Великий собрал сенаторов и говорит:

— Вот, господа сенаторы, этот мужик задал мне такую загадку, что я не мог решить. Прошу вас в трехдневный срок решить.

Мужик и рассказал им загадку:

— Зарабатываю я восемьдесят копеек; двадцать копеек в дом плачу, двадцать копеек — в долг даю, двадцать копеек — за окно кидаю, а на двадцать копеек живу.

— Господа сенаторы, разгадайте, куда его деньги идут, а вы, мужичок, не смейте без моей личности им сказывать.

Сенаторы думали, гадали, но решить не могли. Срок кончается, а они решить не могут. А один решил его подвести.

— Давай позовем да предложим, чего только захочет.

Позвали и подкупают, а он был не промах. Шляпа в него была большая да с заворотом.

— А кидайте мне полную шляпу золота. Они и накидали. А он говорит:

— Двадцать копеек — отца-мать кормлю, двадцать копеек — двух сынов рощу, двадцать копеек — двух лебедек рощу, на двадцать копеек сам живу.

Сенаторы видят, что самое простое, а не могли угадать. Ну, срок прошел, они и пошли к государю:

— Ну, вот, — говорят, — такая-то разгадка.

— Ну, — говорит, — вы сами не могли отгадать, он вам рассказал.

Они и повинились. Он как сурово посмотрел на мужика. А тот говорит:

— Ваше императорское величество, да смотрите, сколько мне ваших личностей накидали. Разве я смог отказаться? *(А вить на каждом золотом личность государя.)*

Пошли они обедать, мужичка царь около себя посадил. Сенаторы и решили его подвести. Ударил один соседа и сказал: «передай другому». Так до мужика дошло. Должен он царя ударить. А он встал и говорит:

— Вот господа сенаторы, какой я сон видел: пошли мы со старухой в лес и увидели дрова хорошие. Ну, пошли и стали грузнуть. Что дальше, то больше грузнем. А что, не вернуться ли нам домой? Да, — говорю, — вертаться, а дрова какие хорошие! Так вот, господа сенаторы, как быть: угрузиться или домой поворотиться?

Вот те и говорят:

— Конечно, домой поворотиться.

Он как повернулся, да как хруснет — «передай другому», говорит. Тут его царь самым главным сенатором и поставил, а их ему под начало отдал.

55. Сказка о Петре Великом и о солдате

Это рассказ такой. Это выходит углами такими. Так вот какой случай. Все дела такие. В невком царстве, в невком государстве против неба на земли, на дубовом на столи, на шелковой скатерти. Хорошо-с. А случилось у государя в своем дворце собрание. А собрание это решило с государем своим с Петром Великим на охвоту. И все-таки оделись они в свое охотничье платье и сели на лошадей. *(Такие люди великие и пойдут пеши!)* И отправились на охвоту. И заехали они в темные леса. Ну и потом значит нашла охотничья собака зверя, медведя. И потом сам государь Петр Великий впереди, а свита эта сзади следит на лай собачий за зверем. *(На лай собачий, тогда уж пути-дороги не сыщешь.)* Петр Великий осударь от охотников своих отдалился, подалее поехал, и он заехал от своих охотников далеко в лесá и их из виду потерял, и собачьего лая слышать не мог. Рожки у него с собой были, свистки, ну а от них гул по лесу. Все, значит, он продолжает езду. Потом остановился, не знал, куда ехать. Ну хорошо. В то время, в ту пору служивый шел в отпуск и с пути сбился, и зашел в этот самый лес, и пришлось ему заблудиться, и попал он, значит, на этого на охотника, на Петра Великого.

Ну спрашивает:

— Ты кто такой?

— А я солдат Семеновского полка, иду в отпуск семейство свое посмотреть и заблудился.

А потом этот служивый спрашивает:

— А ты кто такой?

А он и отвечает:

— Я царский охотник Алёша. *(Не оказал, что он министр или табличный там какой.)*

— Ну, — го́ворит, — сошлись мы два блудящих вместе. Ты, брат, служивый и я, давай пойдем вместе дорогу отыскивать.

И пошли, один пеший, а другой на лошади, отыскивать дорогу. Скоро дело сказывается, да не скоро де́ется. Дорогу они искали долго, много времени. А этот Алёша говорит:

— Не хочешь ли ты отдохнуть, на лошадь сесть? Я ведь пешотинец, а не в коннице, непривычно мне на лошади сидеть.

(А этот Алёша, как природы нежной, осподской, так ему непривычно даже итти так.) И вот Алёша, царский охвотник, говорит:

— Не влезть ли нам на дерево и посмотреть, нет ли где огня? Нашли такое высокое дерево и становились под деревом.

— Ну, — говорит солдат, — кто полезет? Я, — говорит, — это лазить не привык.

— Ну, — Алёша говорит, — я с малолетства привык.

И начал влезать и влезать, ухватился за самую макушку *(за самую верхушку)*, там уж облака́, самая темень. Видит: невдалеке огонек пекет. А этот служивый остался коня сторожить. А в то время и в ту пору солдат коня любит по бедрам и говорит:

— Ах, конь какой, был бы разбойник, так коня угнал; а я не разбойник, не какой-нибудь отшельник, так уж не буду коня угонять, подожду, когда слезет.

Ударял он, ударял и видит сосуд *(бытьлочку, по-нашему)*.

Раскупорил, а там анисовая водка. Помаленьку, не щадя брата Алёши, буль-буль-буль — и выпил. Уж не поминает, что там товарищ.

Ну и, конечно, всю анисовую водку выпил, закупорил да опять привязал к седлу. Алёша слез и говорит:

— Там вдалеке огонек блестит.

Посмотрел: все, седло, все, как следует, а водки нет.

— Ну, ладно, — говорит.

Опять солдат на лошадь сел и поехали к этому виданному огоньку *(где огонек-то блестел)*.

А Алёша идет, хрустит по валежнику, только хруст идет. И видят домик, основание домика, все как следует, настоящее жилище. Видят дверь, ворота заперты. Поколотили, ничего не слышно. А солдат-то этот говорит:

— Ах, съедят тя мухи *(поговорка у него такая была)*. Что за чорт, кто живет тут?

Алёша говорит:

— Подъезжай ближе к воротам.

Солдат влез на коня, потом через забор и отворил ворота. И въехали они тут безбедно, беструдно. А собаки-то на служивово напали, так напали, что чудо. А он саблю взял и некоторым им головы отсек *(кроволитие, значит, сделал)*.

Он тесак — да направо, налево пять собак покорил. В дверь

поколотили. Алёша, как ученый, нежный да воспитанный, говорит:

— Ты потихоньку.

Потом вдруг там явилась хозяйка. Стал солдат ругать:

— Что же ты тут, проклятая, дверь заколотила и не встречаешь?

Потом в фатеру забрались. Ну надо поискать. Но варева ничего нет, старуха все сокрыла. Стали они тут старуху теревить.

— Ну, старая кокетка, доставай поисть.

— Нету у нас, — говорит, — мы люди бедные,

— Ах ты, старая чертовка, кокетка деревенская, я тут через забор, да мундир оборвал...

Ну он стал искать — туда, сюда, открыл заслоны, а там жарено рябчиков, гусей и вядчина всякая, и все на стол поставил. Попили, поели. А у них была еще девица, матери помогает. (*А лошадь привязана, лошадь не возьмешь в избу.*) Солдат-то увидал — окровавлена одежда. Ну, видит, это пара плохая. Разбойницкий это притон, значит.

— Ну, старуха, сказывай, куда ты нас положишь?

— Мы, говорит, люди бедные, наши на охвоту уехали.

Ну а солдат увидал подволоки (*вот как у меня тут*). Солдат осмотрел, собрал сено и завалился спать. Сам, как ему причудилась окровавлена оде́жа, не спит, а Алёша храпит вовсю, он собой был богатырь. Тот его и не будит.

— Спи, — говорит, — съедят тя мухи.

Вдруг слышит гам, лай собак, непорядок, свист, гай, грём, разговор там дёрзкий приближается к этому дому. Вот те разбойники приехали, стали пить, есть, у них все вить есть. Потом им вдруг в головы впало:

— Кто, — говорит, — у нас есть, будет ли добыча, али нет?

Старуха говорит:

— Тише. Там, — говорит, — два есть: один солдатик, а другой, — говорит, — богатый. Рожки́ у него, свистки золотые.

Ну, они напились. А их было четыре сына, и все разбойники. Вот старший и говорит:

— Ну иди, Афонька, проведай.

Тот взял нож и отправился.

— Я, — говорит, — солдатика надрежу, чтобы поползал, за то, что тот с матерью так, а того сразу убью, он не беспокоил.

Пошел он; не дверку, а в роде заслонку такую отодвинул,

всунул голову, а солдатик ему саблей голову и снял, а тело упало, да так и застучало: вот так — так-так-так. Ну они:

— Какой чорт там Афонька затарабачился!

— Ну, давай, — говорит второй сын. — Я этого солдата за беспокойкой подрежу и посмотрю, как он в кураж приходит будет.

Ну и ему голова с плеч, а труп — тук-тук-тук-тук, по ступенькам. Ну и третий после, и третьему такая честь. И старшему также голова с плеч шабаш.

И давай солдат Алёшу будить. А головы выставил по порядку и показывает Алёше:

— Смотри, сколько я наработал.

— Ну, спасибо.

Снял Алёша крест золотой (*нынче крестов не носят, а прежде носили*), и стали они крестовые братья (*крестовый-то брат крепче родного*).

А хозяйка думает, что солдата уж и на свете нет и говорит:

— Ну, солдатик окаянный, он на том свете ныряет.

А солдат вдруг дверь распахнул и кричит:

— Ах ты такая, съедят тя мухи, солдат с того света пришел!

А она на колени, вот как.

— Показывай, — говорит, — нам золото, серебро, где спрятано.

Она ведет. Солдат золото везде пихает, в голенище так горстями и пихает.

— Ах, съедят тя мухи, — говорит.

Потом говорит:

— Брат Алёша, ты иди, бери, а я буду караулить.

А тот говорит:

— Да нет, я не нуждаюсь.

(*А он и не знает, что царь, царь ведь не нуждается.*)

В то самое время, как они были в клети, дочь возьмет пистолет и стрéлит. А солдат как выскочил (из подвала-то), выхватил пистолет и в нее.

— Вот, съедят тя мухи!

У ней-то, как у молодой, кровь-то так и льет, в роде как например во́ды весной, так и репретит (*я вам медицинскую часть предъявляю*).

Ну, золото взяли, расспросили дорогу и удалились. Расспрашивают, где сошейная дорога в Петербург.

— Да вот тут вблизи дорога, не заплутайтесь.

И они отправились. И с дороги видят: дом загорелся; старуха с ума сошла: ни золота, ни детей, ну и подожгла.

Царский охотник Алёша распрощался и вперед поехал, так полетел, как вихрь, по сошейной дороге.

И приказал, чтобы во всех деревнях и селах, как придет человек в окровавленной одежде и с кучей денег, так встречать с почетом, ничем не оскорбить. Церемонию, люминицию ему строили. Пожалуйте, — говорят, — пожалуйста. Так-то, брат. Как шапку денег увидали, так и нужен стал, а как был раньше, так никому не нужен был, на крыльцо не пускали. *(Так и теперь в деревни: когда с деньгами, так всем хороший, а как нету денег, никому не надо.)* Недалеко от деревни встречает солдата целая толпа мужиков. Солдат и думает: «Как деньги, так всем нужен, а нет, так и не так встречают». Да нет, не за деньги, а так надо было. Алёша-то, царь, вперед сказал по всем станциям, чтоб встречали. Ну, потом он, значит, пришел до Петербурга. И стали его встречать. Обночевался и проводили в царский дворец. Выходит в дворце сам Петр Великий, жалует его капралом. А потом, его испытал, дает ему сто рублей.

Каждая песенка до конца не поется, а каждая сказочка до конца не сказывается.

Михей Кириллович Михеев

56. Упрямая баба

Один, вишь, женился. И поехали к тещи в гости. А ехали они по́жней. А она говорит:

— Это моего батюшки пожня, да моего батюшки береза, да моего батюшки косачи да тетери.

— Ну, нет, — муж говорит, — косачи́ да тетери боговы. А она и говорит:

— Скажи — твоего батюшки косачи́ да тетери, а не скажешь — помру.

— Косачи́ да тетери боговы.

Приехали к тещи, а она — больная, с телеги не встает.

— Што ты, баба, вѣстань?

— А скажи: твоего батюшки косачи́ да тетери.

— Да, баба, не твоего батюшки косачи́ да тетери. А она лежит и — «Ох-ох-ох».

— Баба, вѣстань.

— А скажи: твоего батюшки косачи́ да тетери, а то помру.

— Косачи и тетери боговы.

Ну, она и померла.

Он с ей прощается и шопчет:

— Баба, вѣстань.

А она ему шопотком:

— А скажи: твоего батюшки косачи да тетери.

— Косачи́ и тетери боговы.

Ну, положи́ли в гроб. Понесли на кладбище. Он крышу дѣржит и топотом:

— Дура, вѣстань, заруют, вить.

А она еле дышит:

— Скажи: твоего батюшки косачи́ да тетери.

Принесли на кладбище. Стали с ней прощаться. А он выташшил плѣтку, да давай её *чехвостить*.

— Ах ты дура, дура, заупря́мье свое зарыть себя дала.

Она из гроба выскочила да и кричит:

— Ох-ох-ох, муженѣк, косачи́ да тетери боговы! Да и пошли домой.

57. Соль

У отца было три сына. Ен двух любил, а третьего не любил. Всим сыновьям нагрузил корабли товарами драгоценными, а младшему сыну — досками. Тут от своего лесу не уйти, а он ешшо с досками разѣехать должон. Ну, ладно. Он и поехал. Ехал-ехал, видит стоит бѣл-остров. Он к тому острову пристал, а тот остров весь из соли́. Ну он те доски выбросил в море и весь свой корабль солью нагрузил... И дале поехал.

Ехал-ехал, заехал в чужеземное царство. А в том царстве соли нет, и вовек ее не едали. Он прямо к царю пошел и говорит: — Так и так, мол, купи у меня, батюшка, белой соли.

А тот посмотрел и говорит:

— И куда ето, — говорит, — мни-ка такой песок покупать? Такого песку у меня вдосталь на *улке* валяется.

— А прикажи, царь-батюшка, пять лучших поваров сѣбрать, лучшее тебе кушанье́ сготовить.

Царь приказал пять лучших поваров согнать, лучшее ему кушанье́ сготовить. Вот Иван одно кушанье и посолил. Царь все кушанья попробовал и говорит:

— Што это мни-ка все кушанья́ не вкусны, одно вот это вкусно́.

А Иван тут и говорит:

— Потому в нем мой белый песок есть, солью прозывается.

— Продаешь ты это мне?

— Продам.

— А сколько за пуд хочешь?

— А пуд за пуд.

Ну делать нечего, свесили его соль, навесили ему столько золота. Накупил он товару драгоценного, каменьев, скатна жемчуга. И нагрузил свой корабль так, что стало пуд золота на пуд товару в нем. А у царя была дочь раскрасавица. Вышивала она себе рубашку. И не стало у ей алого шелку. Ну она и послала к Ивану за алым шелком. А он и говорит:

— Пускай она сама на корабль пожелует и пусть себе выберет все, что понравится наилучшего. Ну и шолку на свою рубашечку подходящего.

Она и взяла свою мамушку и пошла на корабль. Он ее водит, ей все показывает, а сам приказал якоря подымать. Ну, как она схватилась, а уж и берега не видать. Осталась она у его. Ехали долго ле коротко ле, доехали до Бела-острова. Тут встретились им два корабля. А на тых кораблях его два брата. Ну узнали друг дружку, поздоровались, он их к себе созвал. Они пришли, дивятся — уехал Ванька с погаными досками, едет Ванька с дорогим товаром. А как увидели они царевну-раскрасавицу, давай брателко на встречи вином поить. Он пил-пил, да и захмелел. Они его в воду бросили, корабль забрали да с царевной и поплыли. Он в воде протрезвил, болталси-болталси да за свой тес ухватилси, што для соли выкинул, и поплыл. Плыл-плыл, приплыл к острову. Вышел на остров, на том острову высокой лес. И вышел из того лесу огромный человек, вышел он из лесу и говорит:

— Хочешь, я тебя домой снесу? Только никому не говори, что великан тебя привез.

— Ладно, — говорит.

Ну тот взял его на плечи и понес, и понес. Через море, через реку, через острова. Ну и принес его на самую свадьбу. Это уж его младший брат хотел на царевни жониться. Ну царевна

его увидела, обрадела и с ним повенчалась. Стали они пировать, он напилси и начал хвастать:

— А меня великан сюда принес.

Ну тут сразу и явился великан. А у Ивана было тридцать бочек водки, а великан вси их враз выпил, захмелел и начал буяннить. Он сады повырывал, дома повывернул, людей поубивал. А потом лег и заснул, трое суток спал. Проснулся и ничего не помнит. Когда ему рассказали, он и говорит:

— Зачем ты слово свое не исполнил? Вот сколько я бед наделал! Я нонче верю, что это не человек делает, а вино проклятое.

Так и кончилось.

58. Присказка

— Заинька-беленькой,
Ушки долгоньки
Да ножки тоненьки,
Где ты был?

— Был я, был я во саду.

— Кого видел?

— Видел, видел три девицы.

— Они кормили ли тебя?

— Все кормили, парень мой,
Да все кормили, сердцевой.

— Цем они кормили?

— Катюшенька пирожком,
Марьюшенька калачком,
Девка Дунька удала
Да киселю блюдо дала.

— Заинька-беленькой,
Они поили ли тебя?

— Все поили, парень мой,
Да все поили, сердцевой.

— Цем они поили?

— Катюшенька-то чайком,
Марьюшенька-то кофейком.
Девка Дунька удала
Стакан водки налила.

— Заинька-беленькой,
Они били ли тебя?
— Все-то били, парень мой,
Все-то били, сердцевой.
— Цем они били?
— По бокам — батогам.
А по плечам — кирпичам.

— Заинька-беленькой,
Спроважали ли тебя?
— Спроважали, парень мой,
Спроважали, сердцевой.
— Далеко ли спроважали?
— Катюшенька до дверей,
Марьюшенька до сеней,
Девка Дунька удала
Да всё подворья провела.

Зайка в сторону скоцил,
Да много золота схватил.
На другу перескоцил,
Там река глубока,
Река тиновая,
Река рябиновая.
Тут тинуша густа
Да рябинуша часта.

Настя Грибанова

59. Парень-гад

Пошли двенадцать девушек на рецку купаться, оди-ннадцать-то рубашки сложили, а двенадцатая в сторонку кинула. Ну, купались и одиннадцать вылезли, рубахи одели и ушли, а двенадцатая гляй — а у нее на рубахе гад пребольшущий сидит.

Она испугалась, а он говорит:

— Не сойду, — говорит, — с рубахи, пока замуж за меня не обещаешься.

Ну, что делать? Она и обещалась за его замуж пойти.

Ну, вечером оны с мамушкой позаклали вси окна-двери, огонь притушили и сидят — ждут, что будет. Вот гад пришел да давай по окнам да по дверям свистеть, свистел-свистел, что дожь, да оны все дрожат, не будет ли где щелья.

Во вторую ночь оны с мамушкой позаклали вси окна-двери, огонь притушили и сидят — ждут, что будет. Вот гад пришел да давай по окнам да по дверям свистеть, свистел-свистел, что дожь, да оны все дрожат, не будет ли где щелья.

В третью ночь оны с мамушкой позаклали вси окна-двери, огонь притушили и сидят — ждут, что будет. Вот гад пришел да давай по окнам да по дверям свистеть, свистел-свистел, что дожь, да оны все дрожат, не будет ли где щелья.

Ну, так она напугалась, что говорит:

— Пусти меня, маменька, я лучше за него замуж пойду.

Ну и пошла за него замуж. А он был порченный парень. Днем в рецке гадом сидит, а вечером она его кличет.

— Выдь, мой любезный, гадом, стань парнем.

Он выходит гадом, да становится парнем. Так она уже двух дитей с ним прижила, надоть бы ешшо третьего, и стал бы он вовсе парнем. А мать ю все жалеет, что она за гада вышла, да стала ее выпрашивать:

— Как ты его выкликаешь?

Та и говорит:

— Выдь, мой любезный, гадом!

А про парня-то и не сказала — нельзя. Вот мать взяла ко́су остру да пошла на́ берег да кричит:

— Выдь, мой любезный, гадом.

Тот и вышел гадом. Взяла мать да ему голову и отсекла. Прибежала доць, да уж поздно. Позвала она своих детушек да пустила их белыми лебедями, а сама навек полетела серой кукусецкой.

Дмитрий Васильевич Белоусов

60. Мертвые доро́ги

Жили мужик и баба. У их сын-Иван на печи лежит. Вот ему мать и говорит:

— Ты бы, Иван, пасть поставил.

— Ланно, — говорит, — уж уважу.

На другой день ён пасть и поставил. Да и поймался в ту пасть заяц. Он его из пасти вынул, отхлестал и проць пустил. Мать спрашивает:

— Чего поймал?

— Чорта поймал, хвостик маленький, я его и рós-хлыстал.

— Ну, Вань, завтра такой по́падет, так домой неси.

Назавтра ему лиса по́пала. Он ю взял, отстегал и проць пустил. Дома мать и спрашивает:

— Кто к тебе попал?

— А чорт попал, красный, да хвост долгий. Я его рós-хлыстал.

— Завтра такой попадет, так домой неси.

Назавтра она сама пошла, да в пасть и попала. Ванька-дурак пошел, а там мать мёртва. Он ю взял, на воз посадил, да хлеба дал, да в хород со звоном повёз.

Едет-едет, навстрету барин.

— Ивашка, ворота.

— Да нет, я мамушку везу.

Барин ямщикам и сказывает:

— Опрокиньте его за дорогу подлеца.

Ямщики его и опрокинули.

А он как завопит:

— Ох, барин маменьку убил!

— На, Ванька, сто рублей, никому не говори.

А он, знай, вопит.

— На, Иван, сто рублей, никому не говори.

А он, знай, вопит:

— Ох, беда, беда, барин матушку убил!

— На, Ван Ваньч, сто рублей, никому не говори.

Обрал Ванька триста рублей, в хород приехал, мать похоронил, да домой. Домой приехал, братьям деньги показывает:

— Вот за сколько я матушку продал. В хороду мёртвы дóроги.

Братья жон своих порезали, в хород понаехали да кричат:

— Мёртвы продажны!!!

Их в тюрьму и за́садили.

61. Два вора

Были два вора, уж таких и на свете не было. Сенька да Ванька. Где что́, так они в момент стянут. Вот раз и поссорили оны, да за что, да за копейку! Сенька кричит:

— Отдай копейку!

А Ваньке копейку да до смерти жалко.

— Помру, — говорит, — а копейку не отдам. *(В старину, вишь, копейка много стоила.)*

Вот он и стал помирать будто. Лег в гроб, убрали его и стали с им прощаться. А Сенька думает: «О, да ты, Ванька, врешь, не помер, копейку хочешь поспрятать. Дак я тебе попытаю». Взял он в зубы иголку, стал он с Ванькой прощаться, да как тыкнет его иголкой. А тот и стерпел.

— Да не вправду ли помер? — Сенька говорит.

А все не поверил. Когда Ваньку в часовню понесли, свечи в часовни зажгли, Сенька-то в подпол и залез. А в то время у нас паны ездили, деревни грабили, у нас тут большое бой было. Вот эти поляки с добром-то ехали, полным пьяные. И увидели в часовни свет, да туда с добром и завернули. Пили они, пили, да один и говорит:

— Вот я этого мертвеца сейчас саблей и разобью, пополам с го́ловы до ног.

А его товариши говорят:

— Не сможешь этого сделать, так мы тебе самому так со́творим. Тот и замóхнулся шашкой на Ваньку, а Ванька сел, да как заорет:

— Вставайте, живые да мертвые!

Тут Сенька с по́дполу и встает:

— Сейчас, — говорит.

Паны-то испугались, да добро побросали, да бежать. А Сенька да Ванька давай добро делить. Добра-то много. Да и поссорились.

Из-за гро́ша дело стало. Ванька Сеньке гроша недодал. Сенька и говорит:

— Отдай мой грош!

А тот говорит:

— Неужели не согласишь гроша мне?

А Сенька ему:

— Ты, Ванька, уж из-за копейки помер, так я гроша не поверю.

А паны отъехали, да схватилися:

— Что мы испугались, вить мертвым с гроба не крикнуть; не иначе, как это разбойники, да и всего два их.

И послали одного посмотреть. А тот подошел да окошечко поднял, да голову туда сунул. А те все спорят. Сенька все кричит:

— А мой грош, а мой грош!

Увидал тут Ванька панóву голову, шапку с его содрал да Сеньке и бросил:

— Вот, — говорит, — тебе твой грош!

Прибежал поляк к сотоваришшам сам не свой:

— Их, — говорит, — там сила несметная: сколько мы добра награбили, а им-то по одному грошу, да и то нехватает. Шапку с меня сорвали, да с одним и расплотились.

Так и убежали.

62. Небылица

Едет барин на тройке. Ямщик сидит на козлах. Вытаскивает из пазухи медовые пряники. А у него туесóк (*тут туеском зовут*) с медом. Ну вот, он пряники смачивает в меду и ест. Барин смотрит и говорит:

— Что ты, мужик, так роскошно кушаешь, много видно наживаешь? Я — купец, а не позволяю себе есть медовые пряники с медом.

— Да я, — говорит, — барин, лгать мастер. Вот и держу пари. Если кто может выдержать, как я лгу, и не скажет: «врешь», — тогда я проиграл. А если скажет: «врешь», — тогда мне двадцать пять рублей.

— Если хочешь, будем пари держать.

— Если ты не скажешь, барин, что я вру, я тебе пять кóней отдам.

Барин говорит:

— Начинай, ври.

— Вот у меня была лошадь, пегая. Со двора совсем не бегала. Сел я на ее верхом, да и поехал в лес, а за поясом у меня был топорёнок, да ей по хребтовой кости всё ударял. Оглянулся я назад, а зада у лошади нет, еду я на передке. (Барин говорит: «Ври, брат, может, и правда».) Я вернулся поискать. Приезжаю, а зад стоит, и из него громадная береза в небо концом выросла.

Заинтересовало меня, я слез с передка, да давай на березу лезть. Лез, лез, земля даже потерялась. («Ври, ври, может, и правда».) Береза в небо прямо концом и уперлась, а я взял топор, да в небе дыру и прорубил, и влез на небо и давай там ходить. И рай видел, и Исака, и Иакова, и Реваку с потомством. Скучно, дай я вернусь на землю. («Ври, ври, может, и правда».) Я походил, дай отправился к этой дыре. Прихожу, березы нет, верно лошадь траву щипала, да и двинулась. Ну, что делать! Я нашол пень, у меня кушак, я и давай веревку с кушака плести. Веревку очень длинную сплёл, прикрепил ко пню и начал спускаться. Спускался, спускался — земли не видать. Я поспущусь, да веревку обрублю, да поднаставлю, поспущусь — да поднаставлю. («Ври, ври, может, и правда».) Спускался, спускался, страшная буря поднялась, и началó меня таскать: — и в Казань, и в Рязань, и в Астрахань. Упал я в ад, на самый зад. И там вашего папашу встретил. На нем черти поганую воду возят...

Барин и кричит:

— Врешь, сукин сын! Во-первых, он дворянин, а во-вторых, он еще жив.

— Вот, — говорит ямщик, — теперь пожалуйста мне двадцать пять рублей! Оттого я живу да медовые пряники жую.

63. Rogoznyy pered

Были два купца — дядя и племянник. Вот раз поехали торговать в далекие земли, да вернулись ненароком посмотреть, что жены делают. У дяди жена сидит, счета ведет. А у племянника жена созвала дружка, сидит, угощается. Дружок видит мужнин портрет.

— Ты со мной угощаешься, а на мужний портрет любишься.

А жена говорит:

— Я этот портрет под зад суну.

А дружок спрашивает:

— А чей твой перед?

— Перед весь твой.

Ну с тем купцы и уехали торговать. Молодой печалится, а старый богу молится. Стояли они на квартире у купца, и у того купца тоже жена гулящая.

Вот дядя и утешает племянника:

— Ты чего, Василий Тимофеевич, печалишься? Не у тебя одного жена гуляет.

А тот говорит:

— Сильный муж умеет беречь.

Вот пошли они на калинов мост гулять. Прилетел лев-зверь. Лег на траву и говорит:

— Здесь кругом пустыня, никого людей нет. Выходи, жена, можешь косточки размять.

У него жена и вылезла из левого уха. Лев-зверь заспал, а жена песню запела, да и напела себе молодца. Они легли и свое дело сделали. *(А купцы за кустом сидят, все видят.)* Вот та баба и говорит:

— Как завтра мою песню услышишь, так сейчас приходи, побалуемся. Он и ушел. Вот лев-зверь проснулся и говорит жене:

— Заходи ко мне, жена, в правое ухо.

А она в ухо не входит.

— С кем, — говорит, — ты согрешила? Ах, ты, стерва такая! *(Нехорошее слово сказал.)* Пойди, помойся, тогда в ухо войдешь.

Ну вот, тот купец и обрадовался.

— Что мне из-за стервы печалиться. Не я один. Вот лев-зверь в ухе носил и то жену не уберег.

Вот приехали они домой, собрали бал-банкет, народу много. Те купцы и выносят жонам подарочки.

— Привезли мы вам, жонам, по нраву платья, чтоб сейчас одеть и за стол сесть.

Они стали одеваться. Дядина платье одела — шолковое, красное с бахромой, а племянника платье одела — зад толковый, а перед рогозный. Тут все гости стали над ней смеяться, пальцами в нее колоть, а она стоит, плачет.

— Ты зачем меня на-смех водишь?

А он говорит:

— Которо мое — то я срядил, а которо дружково — то я рязать не буду. Ты меня смешно dospела, и я тебя смешно dospел, — говорит. Вот как.

Настасья Степановна Богданова

64. Настасья-королева

В старину был царь жив. У него детей не было. В одно прекрасное время поехал он на охоту. Захотелось им попить-поесть *(получиши сказать — покушать)*.

— Пить, — король говорит, — хочется. Поищите, пожалуйста, воды.

Они и пошли. Нашли колодезь. Очень богато убранный — занавески шелковые, даже чистого шелку. И ковшик золотый плавает.

Один наклонился, да его так и тянет.

— Ой, товарищи (*это он кричит*), помогите!

Другой тянул. Так и не достали. Пошли к королю. Рассказывают.

— Дай-ка я спойду.

Пошел.

— Держите меня (*им говорит*).

Так его туда и тянет. В рот и в уши вода.

— Вот, — говорит, — какой волшебный колодезь.

А воттуда вдруг голос, человеческий голос:

— А что ты нам, король, дашь, а то воды не дам, так и сдохнешь до дому. А что пообещаешь — дадим и артели твоей дадим.

— А что хочешь? (*король говорит. И в ум не взял, что родится у него дочка*).

— Дай (*тот говорит*) расписку имени, что дашь, что в доме не знаешь.

Ну дал тот расписку имени. И говорит ему водяной царь (*это водяной был*):

— Через двенадцать лет приеду за подарком.

Так было.

А царю все мнительно. Что он в доме своем не знал?

Той порой дочь родилась. Я ведь говорю, дочка королева Настя родилась. Родилась краса — золота-коса, во лбу солнышко, в темени луна, на каждой волсинке по жемчужинке, растет не по часам, а по *скекунточкам*. Король все ходит мнительный. Королева говорит:

— Что ты, — говорит, — такой скучный?

Король говорит:

— Узнаешь, сама заплачешь.

А королевна (*королевская дочка-то как называется?*) все с козелком да с собачкою. Там и мамушка и бабушка, а королевна все с козелком.

Вот двенадцать лет прошло. Надо королевну сберечь. Посадили королевну в кережку и козелка запрягли и повез за границу (*в другую сторону*). Едет встречу телега.

— Здорово, козелок, королевна здорова, гостей ждет?

— Здорова, по горенке ходит, бело лицо моет.

— А ты куда?

— В друге царство еду — король разгневался.

Вот тройка едет.

— Здорово, козелок, что у тебя в кережке?

— Щеточки да булабочки. Иду в друго царство головку кормить.

Шистерня едет, таки богачи, что даже кережка деньгами залеплена.

— Здравствуй, козелок, что в кережке?

— Щеточки да булабочки.

Ну, дальше поехали. А там никого нет, ни королевны, ни короля с женой. Ну, погоню нарядили.

— Братец козелок, приткнись к земли, послухай погоню.

— Погоня при пятах.

Кинула она гребенку:

— Стань ледина часта от восхода до запада, от земли до неба, чтобы не червю пролезти, не птице пролететь, не водяному царю.

Рубили те рубили, а они уже далеко.

— Козелок-братец, послушай погоню.

— Погоня при пятах.

Кинула она щетку.

— Стань гора костяная, от земли до неба, чтобы не червю пролезть, не птице пролететь, не водяному царю.

Приехали те.

— Вот *хитронья*, вот *мудронья*, не ухитрится, не умудрится, будет у меня.

Сверлили они и бурили. Высверлили, выбурили, а они ужо далеко. Ехали они, ехали. Кинула она полотенце:

— Стань река огненна, от восхода до запада, ни конному, ни пешему, ни водяному, ни лешему.

Тут погоня и стала.

А они за границу пришли. Шли-шли, на лугу дачу нашли. Она в полату пошла. *Менбель* видать енеральска (*хотя не много, а вить учена была*). Села она под окосецко вышивать, а дверь замнула. Видит — охотники идут, стали стучать, а она и не пустила. На другой день охотник пришел, стуцал-стуцал, она ни гугу. На третий день пришел, а она шьет-пошивает.

А иголлка за окосецко пала.

— Козелок, козелок, иголлку подай! *(Это она ему.)*

— Как тебе козелок иголлку подаст? Открой — я подам. И откроешь — войду и не откроешь — войду.

Пришлось ей открыть.

— Я тебе, — говорит, — ничего худого не сделаю. Скажи, кто ты?

— Трудные, — говорит, — ты мне вопросы предлагаешь. Так и так *(рассказала ему все)*. Вот пришла сюда на погибель.

— Нет, — говорит, — не на погибель, а поженимся мы. Ты — королевна и я — король. Вот и хорошо.

Поженились.

А хозяйничала у них Яга-баба. Уехал король на охоту. Яга-баба и говорит:

— Пойдем, — говорит, — купаться. На морской берег.

— Нет, — говорит, — я воды боюсь.

— Пойдем да пойдем.

— Нет, я боюсь.

А пошла. И служанки не взяла. А та говорит:

— Давай купаться. Я тебя поддержу.

Взяла в воду ее толкнула, пояс на шею повязала, да и в воду. А свою дочку взяла и во дворец привела за место королевны.

А козел все на берег ходит. Король приехал и говорит:

— Какая ты худая стала.

— С тоски, — говорит.

Вот козел все уходит. Та и говорит:

— Убей, — говорит, — козелка. Очень козлиного мяса хоцеца.

— Ладно, — грит, — завтра.

А назавтра говорит:

— Большая в тебе перемена стала.

— Надоел мне, — говорит, — все куда-то уходит.

Король ничего не сказал и пошел за козелком. Пришел козелок к морскому берегу.

— Сестричка Настасюшка, прости меня, меня убьют завтра.

— Козелок-братец, у меня бел камень шею давит, пески белые груди засыпают, вода очи заливаает.

Царь бросился в воду и спас ее. Она и говорит:

— Ничего меня трое суток не спрашивай.

Он ее закрыл, на плечи взял и понес. Домой принес, всем молчать приказал. *(Раньше царей боялиса, а теперь начальства*

боятся — все равно.) Ей все греют — она все спит. Ее отжевили на четверты сутки, и она начала рассказывать; и плачет, плачет. Царь спрашивает:

— Чего плацешь-то — теперь живая.

А тую к нему не пускають. Настасьюшка и рассказывает:

— Яга-баба меня в воду шваркнула. Козелку я только голос отдавала. Больше живой души во мне не было.

Король взял Ягу-бабу да доцку, привязал к двенадцати бешенным жеребцам и пустил во чисто-поле. Куды голова пала — тут щельга, куды труп — там болото, куды ноги — тут крюки, куды руки — там грабли. Так говорят.

Пинега

Евфросинья Аббаковна Дорофеева

65. Свет-луна

Жил-был чарь. Было у него три сына. С^озвал их чарь и говорит:

— Пущайте по калёной стрелы, на чей двор стрела упадет — оттуль невесту брать.

У перва сына упала стрела на боярский двор, у друга сына упала стрела на купецкий двор. Иван-богатырь пошел по калёной стрелы-судьбы и нашол старушечку — еле кости вместе. Посмотрел Иван-богатырь, да и плюнул, повернулся, да и ушел. Шол-шол, в болота зашол, стала тина в рот лица.

«Эх, — думат, — уж лучшо бы я стару коргу замуж взял, чем тут в болоте помирать».

Только подумал — и чист и сух стал. Пришол к старушочке, а та и говорит:

— Назови меня, как невесту богоданную, возлюбленную.

Он и говорит:

— Свет-Луна, Свет-Луна, милая моя.

А она говорит:

— Не пецалься, Иван-богатырь, пока столы не пройдут, я старушкой буду, а потом что бог дас.

Привел ее к чарю Иван-богатырь, а он говорит:

— Задари ее златом-серебром, цистым земчугом, чтоб она отступилась.

А та говорит:

— Какова стрела, какова судьба, такова жона.

И не отступица. На перву невесту народ радуется, на втору любуется, а над Иваном-богатырем смеются.

Вот после свадьбы он ночью просыпается, а около него така красавица, что невидано. И так каждый день старушечкой, а ночь кажну — красавицей. И Иван-богатырь так ее любит, так голубит, только все досадует, что людям красы ее не видать. Вот раз приказывает чарь, чтоб невестки ему по рубашки за ночь сшили. Стали невестки за старушкой поглядывать, как она шить будет. А она знает, как их провести: она по́ртно взела, ро́зорвала на лепнёчки:

— Ветры, ветерочки, понесите мои лепнёчки в город, к отцю моему, есть у отца моего сороцка что ни шва, ни стежка, а как ли́та. Чтобы сегодня на утро здесь была.

На утро несут невестки рубахи чарю.

Первую чарь взял:

— Ну, это кое-как, — говорит.

Вторую взял:

— Ну, да и это не лучше.

Третью вельможа принимал — головой качал:

— Ну и рубаха, ну и красота!

Ну, на другой день сказал чарь, чтоб невестки ему за́ ночь ковры выткали.

Ну, старшие невестки и говорят:

— Пойди, девушка Черनावушка, посмотри, как старушка будё ткать.

А старушка жить ро́зорвала, лепнёчки в окосецко:

— Ветры, ветерочки, понесите мои лепнёчки в город к отцю моему — есть у него ковер, не шито не тка́но, все равно как высажено.

Рассказала девка невесткам, и те стали жить рвать, да на ветер выпускать. А жить и лежит под окном. По́слали тогда девок да мужей жить собирать, да из рваной жити и сделали ковры. Вельможа ковры принимал — головой качал.

— Эти два и в кухню не годятся, а уж третий ковер — не ковер, ну и красота.

Повелел чарь им хлебы спечь.

Невестки девку-Чернавку к старушке посылали, а она своей девушки говорит:

— Неси холодной воды, неси несеянной муки.

Претворила, да замесила, да в холодну печь посадила, да затворила:

— Печись мой хлеб, бел как снег, мягкий и дрыхлой и скусной.

Немножко погода заслон отпирае и хлеб вынимае. Испекси хлеб бел как снег, мягкой и дрыхлой и скусной. Девка-Чернавка и рассказала все. Говорят невестки:

— Несите, мужья, холодной воды да несеянной муки.

Взяли, растворили, в холодну печь посадили. Стали отпирать, а он по всей печки разлезся, и не могут убрать. И тягучий, и тянучий и не смыслят убрать. И стали маляров кликать. А сами стали хлеб работать. Одной замолело, другой загорело. Хлеб вельможа принимав, — головой качае:

— Первой хлеб да второй хлеб — на цорной двор, свиньям. А третий хлеб — так уж красота.

Тут два старших брата уже рады обоих красавиц на одну старушку променять. Вот собрал чарь пир на весь мир. Стал невесток звать. Старшие и посылают девку-Чернавку:

— Пойди, девка-Чернавка, погляди, как она будет сряжаться. Девка слушать, а старушка говорит:

— Я, Иван-царевич, поеду в золотой корете, кони вороные, кореты золотые.

И те так говорят. Тут к ей подъехали кореты, сейчас ей нарядили и повели, а едва чуть кости держаца. А те ждали-жда-ли — нет корет и коней. Ну, на дрожки сели и поехали. Только *опознились*. Ну, сели пир пировать. Она которое не доес, то за рукав кладё, а которое не допьё, то за рукав льё. И те за один кладут, за другой льют. Ну, поели, попили, и повел их чарь в свой сад. Уж какой сад хороший! А она говорит:

— Да вот сад у отца моего есть в сто крат.

А невестки говорят:

— Выскоцка!

А она за который рукав літо — махнула — выпали реки, кораб; за какой рукав кладено — выпали леса да птицы звонки! Эх заплясала! И пляшет старушка тяжело, да машет хорошо. Ну, и пошли другие плясать, да как махнут рукавом, так свекру рожу и забрызгают и замажут. Чарь их и с глаза прогнал. Была бы она с этого пиру, да с этого плясу красавицей, а Иван-богатырь не сдержался, не стерпел, в ночь, как

стала она красавицей (для того персень с руки она снимала), взял да персень в море бросил. Вот она и рассерчала, разгорячилась:

— Эх, Иван-богатырь, с этого пиру, да с этого плясу была бы я красавицей, а ты не стерпел, так ищи меня теперь в тридевятом царстве, в тридесятом государстве.

Она и исчезла.

Он поплакал-поплакал, да и пошел искать. А денег ни гроша́, и хлеба ни куска́. Шол-шол, дошел до бабы-Яги.

— Здравствуй, Иван-богатырь, куда путь держишь, волей пошел, аль неволей?

Рассказал ей все Иван-богатырь:

— С великой грусти,—говорит,— иду — не волей, жену, Свет-Луну, ищу.

— А зачем тебе искать, она сейчас сюда прилетит змеей, а ты держи крепче, не выпускай, она станет огнем палить.

Ну, он под кровать лег. Она и прилётела. Он схватил, а она стала огнем палить, он и не смог удержать. Она и улётела. Стал он плакать, а баба-Яга и говорит:

— Сам плох, так не пособит бог.

Ну пошел он дальше. Шол-шол, до второй бабы-Яги дошел. Она его напоила-накормила.

— Ну, — говорит, — прилётит сейчас Свет-Луна, так держи крепче.

Только он под кровать лег, как прилётит она змеем. Он схватил ее, она огнем плюнула, он и упустил. Ну, она и улётела.

— Ну, — говорит баба-Яга, — коль сам плох, так не поможет бог. Иди к моему старшему брату — он хитрой, так не может ли он помочь.

Заплакал Иван-богатырь и пошел. Шол-шол, дошел до старика. Ну, старик его расспросил, разговорил, да посадил его исть колько бочек солонины, да колько бочек кислого молока, да спать-повалил на двенадцать месяцев.

Через двенадцать месяцев сбудил, говорит:

— Вставай, позавтракай.

Встал Иван-богатырь, а тот дал ему исть семь бочек еды да спать повалил на шесть месяцев. Через шесть месяцев разбудил.

— Вставай, Иван-богатырь, обедать.

Дал ему три бочки съисть и спать повалил на три месяца.

Через три месяца разбудил и повел его во цистое ноле. Ки-нул левой рукой в поднёбье палицу, а Иван-богатырь правой и хватил. Тут ему дал старик советника и капель. Ну и пошел Иван-богатырь. Шол-шол и дошел до моря. Море — грозно. Тут советник и говорит:

— Иван-богатырь, вылей капельки.

Он вылил, и вдруг бежит ладёйка до него. Он сел, переехал и пошел. Спешным шагом похаживает. И находит на волшебный замок. Тут ему птицы кругом кричат:

— Иван-богатырь, не лезь на гору, не ходи в замок, не тронь волшебника, оставайся с нами. Все у тебя будет, только жены не будет, Свет-Луны.

— Нет, — говорит, — мне Свет-Луна нужна.

И дошел до горы и поднялся в гору, не посмотрел на советника. Тут его ветром с горы сдуло. Посмотрел он на советника, взял меч и давай по ветру бить. А тут крик. Это он всяку нечись режет. Билси, билси, и летит сам злой волшебник. Налетел на Ивана-богатыря, схватил его в когти и под само небо унес. А Иван-богатырь ему до горла подобрался, и мечом ему голову отрубил. Иван-богатырь пал на землю как перо, а волшебник — как мешок с костьюми.

Иван-богатырь его кости сжог, попелок развеял. Пошел в зóмок Иван-богатырь. А тут всякое мучительство — кто за сóсну привязан, а кто как смучен. Вот Иван-богатырь и говорит:

— Идите все, как вольные птицы. Я вас всех *отрешаю*, всех освобождаю. Я злого духа убил, вас всех свободил. Его кости сжог и попелок розвеял.

Ну он взял разбил замки в заморных залах. Жену свою нашел, не старушкой, а красавицей. И пошли домой. До моря дошли, как быть?

— У нас ни топора, у нас ни дубка.

Ну советник говорит:

— Лей капли.

Капли влил, ладья подъехала, они сели, через море перелетели.

А дома уже царь скúцил. Ивану-богатырю срадовался.

— А это кто, — говорит, — красавица кака?

— То моя жона — Свет-Луна.

66. Семь семеонов

Жил-был купечь. У него было семь сынов. Семь сынов — семь Семеонов. Голос в голос, волос в волос, *однобрюшники*. С^озвал их, купечь и говорит:

— Я оstarею, кто вас накормит, идите куда-нись уму учиться.

Оны и пошли. Год их нет и семь лет нет. Потом всему обучились.

Вот раз чарь идет по городу и видит — идет семь богатырей, семь Семеонов. Голос в голос и волос в волос, семь однобрюшников.

Он и говорит:

— Вы отколи такие?

— Мы купчя сынова семь Семеонов-однобрюшников, ходили по земли семь лет удиться.

— А цому вы обучены?

Первый говорит:

— Я могу в семь минут столб железный соорудить, от земли до неба, — говорит, — могу, двадцать сажон.

А второй говорит:

— Я на тот столб могу лязить, во все стороны смотреть, где что деется.

Третий говорит:

— Я могу, — говорит, — из лука стрелить в муху наповал.

Четвертый говорит:

— Што мой брат сострелит за сто верст, я на лету хватать могу.

Чарь все такому цюду дивуется:

— А вы, — говорит, — што можете?

— Я, — шестой говорит, — могу тяп-ляп, да и сделаю кораб.

А семьей говорит:

— А я что вам нать, то и могу укрась.

Тут чарь разгорецился, с^озвал сенат^оров, урядников и велит свое дело показать. Тут первой Семеон захватил молот пятнадцать пуд, да и сковал столб двадцати сажон.

А чарь велит урядникам да сенат^орам столб поднимать. Те бились-бились, употели, а столба не поднять. Тут второй Семеон взял столб на ону долонь и вздынул. Вздынул, да и полез. До самого неба полез да долонью закрылся. Во все стороны поглядыват.

Чарь кричит:

— А цо́го ты види-ишь?

— Вижу, батюшко мой на ножи вошь давит.

— А еще цо́го?

— Вижу, на мори-океани карбасы плавают.

— А еще цо́го?

— Вижу в цюжом царстви у окоска Елена Прекрасная ко-вер ткет.

— А она какова? — чарь во́пит.

— Така красавица, что невидано. Под косой месяц, на каж-ной валосіноцке по земцужіноцке.

Тут чарь разгорецился, велит ему Елену достать, а то всем голова с плец.

Первый Семеон говорит:

— Если желаете, ваше чарьско превосходительство, велите нам лесу, досок, всякого товару задаром дать.

Чарь и велел. Они в лавках всякого товару на́брали, да ешчо купили кошецку — попеунью-поплесунью.

Один Семеон взял доски да и тьяп-ляп, сладил кораб. Они вси погрузились, конфет, закусок наладили, кошецку в кле-тоцку уло́жили. И поехали. Тута моря́нка поднелась и круто уехали. Три дни ехали, до цюжого царства доехали.

Второй Семеон поглядел:

— Вижу, вижу, — он говорит, — Елена Прекрасная у берегу с по́дружками хóдит, корово́ды во́дит.

Тут младшой брат вышел на берег, сел, да на ду́де заиграл. А та кошецка — попеунья — поплесунья стала песни петь да лапом танцювать. Так и этак, так и этак! Вот хорошо!

Елена Прекрасная и говорит:

— Продай мни-ка кошецку.

А тот говорит:

— У нас эта кошецка с полу́-цюда. На корабли у нас всяка цюда больше. Пойдемте к нам на кораб.

Они и пошли на кораб. Он и говорит:

— У нас трап-от уской, нать по одинке итти.

Она первая и пошла. Он за ей, да трап тот скинул, подружки-те и остались. Они ее в каюту по́звали, стали ей товары пока-зывать, улещивать. А сами и поехали. Она смотрела-смотрела, в окоско *глéнула*, а кругом вода. Она и ну на палбу. И вопит:

— Увезли меня от по́дружок, от ро́дной маменьки!

И ето она о-пóл грянулась и полéтила серой уткой. Тут один лук хватил, да и стрéлил ей. Она бы в воду пала, да и сгибла, да четвертой на лету схватил. Она и стала опеть Еленой Прекрасной. И заплакала.

А они говорят:

— Ты не плачь. Мы не есть разбойники. Везем тебя в жоны руському чарю.

Ну, к чарю привезли ее. Он и сам на берегу ходит, кораб дожидает. И урядники и сенатóры вси тут. Музыка заиграла, колокола зазвонили. Вышла свадьба куды как хороша.

Я там была, мед-пиво пила, да у меня рот кривой, да и тот с дырой.

67. Нужда

Живало-бывало два брата: один богáтой, другой беднóй. У богáтого брата стал пир. Вот тот и пошел на пир к ему. Пришел к брату и говорит:

— Ну, брат, у тебя пир, севодни к тебе со всех деревень сходятся, ты угости меня.

А брат и сказал:

— Поди, есть в низкой избе кадка воды, так угостись.

Тот пошел, напилси холодной воды, да и пошел домой. Пошел, да и песни запел, ему и заподпевало.

— Кто, — говорит, — тут поет?

— А кто ты?

— Я — твоя нужда.

— Ты моя нужда? Я приду домой, да буду помирать.

— Ты помирать, и я помирать.

Вот он пришел домой и гроб стал делать.

— Ты, нужда, где?

— Эво.

— Ложись в гроб. Нужда в гробе?

— В гробе.

Он нужду и заколотил, и выкопал яму, и снес на погост, и закопал.

Вот богатый брат и услышал, что бедный брат богато зажила.

— Как ты, — говорит, — бедный брат, богато зажил?

— Пришел я к тебе, сказал: «брат, угости», а ты меня холодной водой угостил, я пошел, да захмелел, да песни запел, а мне и заподпевало. Спросил я, кто поет, а она сказала: — «Я-я». — Кто я?» — «Я — твоя нужда». — «Ты — моя нужда? Я приду домой, да буду помирать». Пришел, да стал гроб делать, да сказал: «Нужда, где ты?» — «Эво». — «Ложись в гроб. Нужда в гробе?» — «В гробе». Я ее заколотил и снес на погост.

Брат и спрашивает:

— А где ты ее захоронил?

Тот и сказал. Богатый пошел и откопал. Спрашивает:

— Нужда жива?

— Ж-и-ива.

— Выходи, — говорит.

Нужда вышла, а он говорит:

— Иди обратно к брату.

А она:

— Нет, я к нему не пойду, я с тобой останусь.

И зажил он бенно, худо, хуже того брата.

68. Мудужирушко

Жили-были бабушка да *Мудужірушко*. Двое они жили. Да Мудужірушко:

— Я, бабушка, поеду торг торговать.

— Поезжай, поезжай, Мудужірушко, купи куроцку.

Куроцка по сеничкам тюк-тю-рю-рю. Стало их трое. Вот Мудужірушка:

— Я, бабушка поеду, торг торговать,

— Поезжай, поезжай Мудужірушко, купи утоцку.

Куроцка по сеничкам тюк-тю-рю-ю, уточка носкі-плоскі.

Стало их четверо.

— Я, бабушка, поеду торг торговать.

— Поезжай, поезжай, Мудужірушко, купи ба́раньку.

Ба́ранька блякі-блякі, утоцка носкі-плоскі, куроцка по сеничкам тюк-тю-рю-рю. Стало их уж пятеро.

— Я, бабушка, поеду торг торговать.

— Поезжай, поезжай, Мудужірушко, купи корóвушку.

Коровушка умы́-умы́, ба́ранька блякі-блякі, утоцка носкі-плоскі, куроцка по сеничкам тюк-тю-рю-рю. Стало их шестеро.

— Я, бабушка, поеду торг торговать.
Поезжай, поезжай, Мудужи́рушко, купи лоса́доцку.
Лосадоцка нѝ-нѝ, нѝ-нѝ, коровушка умы́-умы́, ба́ранька
блякѝ-блякѝ, утоцка носкѝ-плоскѝ, куроцка по сеницкам тѝк-
тѝ-рю-рю. Стало их много.

Иов Ефремович Нехорошко

69. По колена ноги в золоти

Был-жил мужик. Был он удовец и имел доць. Он жонилси на Егибовой. (*Не зна, что Егибова.*) У той была своя девка. Ну, она мужикову доць смѝчивала. Ну, так. Вот раз девки-те на пове-ти пряли: мужикова доць — на сцепочки, а Егибова — на золо-том веретешке.

Проежжа́ мимо Иван-царевич. Девки его увидали. Егибова доць и говорит:

— Еслиф меня Иван-царевич сосватал, я б ему хорошу ру-башку выткала.

А та девка, мужикова-то:

— А я б народила ему двух парничков по колена ноги в золо-ти, по локотоцки руки в се́ребре, по косицкам по земчужинки.

А Иван-царевич услышал и высватал мужикову девку. А Егибовой девку за главну — ну как бы сказать — портниху взял. И все живут во дворьце. А Егибовой и неймеца, как бы царицю извѝсть.

Ну, время пришло — царица родѝт. Иван-царевич из дому поежжает. А Егибова *бабить* наладила. Царица и родила два сына, два богатыря. По колена ножки в золоти, по локотоцки руки в се́ребре, по косицкам по земчужинке. Вот Егибова их в баню понесла. Мыла-мыла да в корзину спрятала, а ей при-несла девку да парня простых.

— Да у меня два парня ро́жены.

— Врак, врак, твой девка да парень.

— Да у меня не прѝстые ро́жены. По колена ноги в золоти, по локотоцки руки в се́ребре.

— Врак, врак, такѝ ро́жены.

Ну, царице делать нечего, стала их молоком поить, ро́стить. А Егибова побежала к ро́стани. Поежжает домой Иван-царевич.

— Ох-ох, тошнехонько, — Егибова во́пит.

— Что ты, маменька?

— Не убей ты царицу. Она обещалась двух сынов принести по колена ноги в золоти, по локотоцки руки в серебре, на каждой косице по земчуженке, а родила курва-стерва девку да парня прѳстых. Уж верно, с кем сблядовала простого звания.

Иван-царевич разгорецился. Со́звал весь совет. Как скажут решить неверну жену. Одни говорят:

— Царьской крови не кому не лить, вели сделать бочьку, да и заклепим ее в ту бочьку с выблядками.

Ну и сладили бочьку, да и оклали их в ту бочьку и пустили в море как водолазов каких.

А тех царевичей обоих Егибова в лес завела, избушку им состроила да волками оборотила. Они днем волками, о-полночь царевичами. Один час ходют по колена ноги в золоти, по локотоцки руки в се́ребре, на косицах земчужины.

Ну теплыли-плыли в бочьке . . . Иван-сын и говорит:

— Мама, я потенусь, ноги болят.

— Не тенись, бочька треснетса — мы куда?

А он растет не по дням, по цасам. В бочьке-то ему и коротковато.

— Мама, я потенусь.

— Не тенись, кругом море — мы куда?

А девка Марфа и говорит:

— Пусть тенитса, слышу-чую, земля под боком.

Он и потенулса. Бочька рассыпалса. Они все трое вышли на зеленый луг. Кругом людей никого. Пишшу приели, исть охота. Он говорит:

— Дайте, маменька, венцально кольцо.

Перекинул кольцо с руки на руку, выскочило два козака:

— Чего надо, Иван-сын?

— Надо нам пить и есть и место спать.

Раз и два и построили дворец роскошный. Нанесли еды. И всего, что нать. Ну, стали жить.

Едут мимо корабельщики. К Ивану-царю в город торговать. Увидали, стали раздумывать:

— Были здесь луга муравлены, а теперь дворец стоит, посяняне живут.

И завернули к им. Те, конечно, угощенье, пол-бутылочки. Ну и все прочее. Иван-сын и говорит:

— Будете к Ивану-царю, поклон отдайте.

Те в путь поежжают. А Марфа прекрасная сделалась вошкой, да и заползла одному корабельщику в пинжак.

Те к Ивану-царю приехали. Товары сдали. Тот спрашивает:

— Как ездили, много ли видели?

— А видели мы цюдо на зеленых муравах.

— Какое ваше цюдо?

— А то цюдо, что на зеленых лугах стал большой дворець и поселенцы живут. Чесная вдова и девка-Марфа да парничок-Иван.

— Надо поехать, поглядить. Не моя ли жона с ребятами?

А Егибова:

— Это не цюдо. Цюдо у матушки моей жеребая кобыла, серебряный хвост.

А Марфа вошью сидит, все слышит. Корабельщики пошли ночевать в гостиницу. А Марфа-царевна оборотилась мушкой и полетела домой. Дома все рассказала. Иван-сын венцальное кольцо с руки на руку перебросил. Выскочили два козака:

— Что угодно, Иван-сын?

— К утру-свету доставьте мне жеребую кобылу, серебряный хвост.

— Так точно, будет изготовлено.

К утру стоит жеребая кобыла, серебряный хвост.

Ну, едут мимо корабельщики, к Ивану-царю товары везут.

— Заедем, братцы, к поселенцам в новый дворець.

Ну заехали. Те их привечают. Ведут, все показывают. Ну, конечно, угостили. И показали им жеребую кобылу, серебряный хвост.

Те погостили. В путь поежжают.

— Будете у Ивана-царя, поклон отдайте.

А Марфа Прекрасная блошкой образовалась и в пинжак к одному корабельщику полезла. Ну корабельщики Ивану-царю товары представляют, все рассказывают:

— Видели мы цюдо неслыханное. На зеленых лугах поселенцы живут, честная вдова с двумя детьми.

А Егибова:

— Это малое цюдо есть.

— Там и больше есть. У них в золотом стойле жеребая кобыла, серебряный хвост.

Иван-царь и говорит:

— Ехать надо цюдо посмотреть, да и не моя ли жона с робятками.

А Егибова:

— Это на пól-цюда нет. Цюдо у матушки моей — Кот-певун. В праву сторону пойдет, правым ухом поведет, голосом потянет — трава повянет.

Царь-Иван говорит:

— Это, верно, цюдо побольше будет.

Марфа Прекрасная овернулась домой.

— Маменька, хотел Иван-царь к нам наведаться, а Егибова говорит у нас цюда нет. Цюдо у ее мамки Кот-певунок.

Иван-сын взял венцально кольцо с руки на́ руку бросил. Выскочили два козака:

— Что угодно, Иван-сын?

— Чтоб к утру-свету был тут Кот-певунок. В праву сторону пойдет, правым ухом поведет, голосом потянет — трава повянет.

— Слушаем, Иван-сын.

К утру-свету стала золотá клетоцка, в ней Кот-певунок. Поежжают корабельщики к Ивану-царю с товарами. Приворотили к зеленым лугам. Ну, конечно, им встрече делают, угощают. Потом все показали, всякое представление и Кота-пе-вунка. Они говорят:

— Это цюдо, такого цюда не видано.

— Будете к Ивану-царю, про наше цюдо вспомните.

Они поежжают. Сдали Ивану-царю товары.

— Ну, где ездили, что видели?

— Видели мы цюдо невиданное. На зеленых лугах золотой дворец стоит. В нем поселяне живут. Честная вдова с ребятами.

А Егибова:

— Како тут цюдо, цюда никакого нет.

— У них в золотом стойли жеребая кобыла, серебряный хвост.

А Егибова:

— Это мало цюдо есть.

— У их цюдо невиданное: в золотой клетоцки Кот-певунок. В праву сторону пойдет, правым ушком поведет, голосом потянет — трава повянет.

— Надо ехать цюдо повидать, да не моя ли жона с ребятами.

А Егибова:

— Это рази цюдо? Цюдо было б два парня родить — по колена ноги в золоти, по локотоцки руки в серебре, на косицах цисты земчужинки.

— Это моя жона тако цюдо обещалась.

— Обещалась, да сблядовала — двух пащенков принесла.

А Марфа Прекрасная осой у корабельщика на пинжаке сидела. Как услыхала, да ка-ак укусит Егибооу в нос-то. У той нос и вспух.

Пришла Марфа Прекрасная до дому:

— Матушка, Иван-царь хотел к нам в гости быть. А Егибова говорит — у нас цюда нет: цюдо два парничка по колена ноги в золоти, по локотоцки руки в серебре, на косице по земчужине.

Та и заплакала.

А Иван-сын взял венцальное кольцо, с руки на руку перебросил, выскоцили два казака:

— Что надо, Иван-сын?

— Надо к утру-свету двух парничков, по колена ноги в золоти, по локотоцки руки в серебре, по косицам земчужины.

— Это, Иван-сын, наша сила в полсилы. Тебе самому добывать надо. А мы тебе за помощников. *(В роде как за лакеев или там кучеров.)*

Вот маменька их надоила молока из своих титок да спекла два колобка.

— Дай им колобок с материнским молоком покушать, так они оцуются людьми.

Эти два козака взяли Ивана-сына на плечи и полетели. А Марфа Прекрасная мухой на плече сидит. Прилетели в тот лес, к той худой избушке. Один колоб на стол положили и улетели. Те два волка в избу прибежали.

— Что-то, братец, целовецьим мяском попахиват.

Поглядели — нет никого. Старший брат колобок увидел:

— Вот оно целовецье мясо.

Да и съел колобок. Съел колобок, почуял материнское молоко и оцутился парницком. По колена ноги в золоти, по локотоцки руки в серебре, на косицах земчужинки.

Да он младшего брата забоялся, на пецку залез.

Утром младший брат волком в лес побежал. Сел Иван-сын на двух Козаков. Марфа Прекрасная мухой на плече сидит и полетели. Прилетели, колобок на столе положили. Домой овернулись.

Волк прибежал:

— Что-то целовецьим мясом попахиват.

Скóчил, увидел колобок.

— Вот оно целовецье мясо.

Глонул колобок, почуял материнское молоко. И оцúтился парнем. По колена ноги в золоти, по локотоцки руки в серебре, на косицах земчужины.

Утром сел Иван-сын на двух Козаков, Марфа Прекрасная осой на плечо ему. И полéтели. Иван-сын в íзбу зашел. Сидят на печи два парничка.

— Здравствуйте, братья мои милые.

А они говорят:

— Почему мы братья тебе?

Он из кармана третий колобок вынул:

— Не вашей ли маменьки молоко пахнет?

Они ему и поверили. Он их на Козаков усадил и полетели Летят-летят. Егибова догонят.

— Козаки, побыстряй!

Козаки летят, а Егибова у пятах.

— Козаки, побыстряй!

А Егибова огнем палит, козакам сапоги жгет. Марфа Прекрасная малой осой налетала на Егибову и клюнула в око. Окривела Егибова. И пала.

А те домой прилетели. Мать радешенька. Значит она все царю правду обещалась. Они и познакомились. Ну, конечно, пир пировать.

А тут корабельщики едут.

— Давай, братцы, заедем к честной вдове, у них чего-йто пир пируют.

Заехали, ну их угостили и все им показали. Они на парничков глядят:

— Это цюдо, — говорят, — невиданное.

— Будете к Ивану-царю, наше цюдо не забудьте.

Они товары Ивану-царю отдали.

А он:

— Много ли повидали. Много ли побывали?

— Видали мы цюдо невиданное. На зеленых лугах золотой дворец стоит. В нем живет честная вдова с двумя ребятами.

А Егибова:

— Это не цюдо.

— У их есть золота стойка, в той стойке жереба кобыла, серебрян хвост.

А Егибова:

— Это малое цюдо есть.

— У них есть золота клетоцка, в ней Кот-певунок. В праву сторону походит, правым ухом поводит, голосом потянет — трава повянет.

А Егибова:

— Это пól-цюда.

— У них есть два парницка. По колена ноги в золоте, по локотоцки руки в серебре, на косицах земчужины.

Царь-Иван скоцил:

— Это моя жона с ребятами.

Как Егибова-сука не вертелась, не удалось ей. Он кораб срядил, с теми корабельщиками поехал. А Марфа Прекрасная, что у корабельщика на плече мухой сидела, вперед полетела. В роде как приготовить все.

Вот царь подъежжает. Тут трубы заиграли, колокола зазвонили. Выскоцили два козака, ведут царю кобылу, серебряный хвост. Рядом Кот идет — песни поет. А стрету ему его жена да Иван-сын, да Марфа Прекрасная. А во дворце два парницка по колена ноги в золоте, по локотоцки руки в серебре, на косицах по земчужине. Тут он заплакал. И стали все вместе жить. А Егибову на воротах расстреляли. Стал тут пир на весь мир.

Тут дали мне блин, тридцать три года на окошке в хлеве гнил. А Ирина была смела, да съела, и мне не досталось.

Анисья Ильинична Храмцова

70. Аннушка

Жили мужик да жона. И мужик помер. Стала мать помирать. А у их был парень, да девушка. Мать-та стала помирать и говорит парню-ту:

— Ты бери себе жону, как наша Аннушка.

А ей говорит:

— У меня в сундуке есть цетыре куколки, как чё надо — они тебе помогут.

И померла.

Парень стал себе жону искать. Не́ как не находит.

А сестра, ей нать все с куколками.

Вот брат говорит:

— Не́ как жоны не найду. Пойдем, Аннушка, со мной на кровать спать.

Срам какой! Она и так и этак... А он все свое:

— Мати велела таку жону брать. Иди, Анна, со мной на кровать спать.

Она забоялась да и:

— Я сичас житники в печь посажу.

Он опеть зовё:

— Иди, Анна, со мной на кровать спать.

— Я уже житники йс печи выну.

Он опеть:

— Иди, тебе говорю, спать.

— Я житники в клеть вынесу.

Да побежала, да куколок во все углы поставила. Да и:

— Чё мне делать, куколки, брат на кровать спать велит?

Все тут куколки:

— Хи-хи! Худо ли, хорошо ли брату с сестрой спать?

А одна:

— Худо, худо! Заседь до колена!

Аннушка-та и засела в землю.

А куклы-те:

— Хи-хи! Худо ли, хорошо ли брату с сестрой спать?

А одна:

— Худо, худо! Заседь до грудей!

А куклы-те:

— Хи-хи! Худо ли, хорошо ли брату с сестрой жить?

А одна:

— Худо, худо! Проседь пód-пол!

Она и просела срозь землю. И оцүтилась на пожни. И идет в леву сторону дорозецка. Она и пошла по дорозке.

Шла-шла, дошла до избушки. Избушка блином крыта, перогами подперта, на курей лапке вертится.

— Избушка, избушка, стойся.

Избушка остоялась. Она вошла. У окоска сидит девушка, *ццлком* как она. И не познать. Та девушка на целовецью кость целовецьи волосья вьет:

— Ты чего сюда зашла, девушка? Налётит Егибова, тебя съест, мне велит твои волосья на твою кость навивать.

Тут стук и гром, летит Егибова. Та девушка Аннушку в клубок замотала, под лавку бросила.

— Фу-фу-фу, чё у тебя русским духом пахнёт?!

— С Русси птица летела, в трубу кость уронила, дак пахнё. Егибова напилась-наелась, на печь завалилась. Да и заспала.

Девушка Аннушку размотала да и:

— Бежим, пока Егибова спит.

Она взяла кремышок да гребешок да ножницы. Взяла дверь маслом смазала. Дверь и не *рыпит*. Они и побежали. А Егибова проснулась да вдогонку за имя. Они бегут, Егибова при петах.

Девушка бросила кремышок—стал угор. Егибова стала угор грызь. Грызла-грызла, зубы выломала. Побежала к кузнецу:

— Скуй мне, кузнец, зубы железны, не то тебя съем.

Кузнец сковал ей зубы железны, она угор сгрызла. Вот девушки бегут, а Егибова при петах. Они кинули гребешок, стал густой лес. Егибова давай лес тот грызь. Грызла-грызла, зубы выломала. Побежала к кузнецу:

— Скуй мне, кузнец, медны зубы, а не то буду тебя есть. Кузнец сковал, она лес выгрызла, у девушек при петах. Они кинули ножницы, стала огненна река. Егибова давалась, давалась, не смогла перейти. А те девушки домой добежали. В избу вошли, а брат к одной давается:

— Аннушка!

На другую поглядел и к ей давается:

— Аннушка?

Ну Аннушка и говорит:

— Братец, это я — Аннушка, а это тебе жона будет, как я.

Он посмотрел — они обе две одинаковы.

Ну он на ту и жонился. А Аннушка стала с има жить. Ну и все.

71. Две доманушки

Жила одна доманушка — людей ела. А другая доманушка была умная. И стала она именинница, стала ей годовщина. Она и пошла с именинами. Шла-шла — стоит белый конь, белый воз, белый человек — все белó. Шла-шла — стоит красный конь, красный воз, красный человек. Опять шла-шла — сто-

ит черный конь, черный воз, черный человек. Приходит она к злой домáнушке, на крыльце лежит рука, на последней ступке — нога, а на верхнем столбе косá (от человека — волосы), а на коридоре кíшки висят на спíчке, а в пóклете — все кровь одна, а в шкафу — все одны головы. А зашла в избу, так на божни́це-то — глаза.

Домáнушка домáнушку стала цаем поить, а домáнушка у домáнушки спрашивала:

— А что же, домáнушка, я шла-шла — стоит белый человек, стоит белый конь, стоит белый воз?

— Это мой светлой денек.

— А что же, домáнушка, я шла-шла — стоит красный целовек, стоит красный конь, стоит красный воз?

— А то мое красно солнышко.

— А что же, домáнушка, я шла-шла — стоит черный человек, стоит черный конь, стоит черный воз?

— А то моя темна ноченька.

— А что же, домáнушка, я шла-шла — на улице лежит нога. — А то моя *ки́цынка*.

— А что же, домáнушка, на ступке лежит рука?

— А то мои грабелки.

— А что же, домáнушка, я шла-шла — лежит коса?

— А то моя метёлка.

— А что же, домáнушка, я шла-шла, в коридоре-то кíшки висят?

— А то мои тонки ниточки.

— А что же, домáнушка, я в поклеть взошла, а там кровь одна?

— А то мое півце.

— А что же, домáнушка, в шкапах одны головы?

— А это мои коврижки.

— А что же, домáнушка, на божни́це глаза одны?

— А то мои иконки. Ну, домáнушка, садись поешь, я пойду схожу за молоком в подпол.

А сама ушла зубы тоцить. А котко́ сидит на лавке, да:

— Домáнушка, убегай, она хочет тебя съест.

Она на коврижку ту плюнула, слёнку-то, да сама и убежала. А из подполья-то:

— Ешь, ешь, домáнушка.

А слёнка отвечает:

— Ем, ем, домáнушка.

Она вышла из подполья-то, а дома́нушки след-то простыл. Котка́ голикóм нахвостала и поехала на ступы догонят дома́-нушку. Дома́нушка залезла на крышу и ту подразниват, а доманушка ступу постегивает, а ступа не идет. Вот и вся сказка. Не может ее дома́нушка достать, раз ступу стегаает, а ступа не идет.

72. Коза-дереза

Присказка:

Радуга-дуга́, да котельня дуга́, запряга́льня дуга́.

Жили да были старик да старуха. У них было под окошком озерцо, в озерце щука да ильчо́к, тут и сказочке коничо́к.

Жили да были мужик да жонка, да девка. И у них ничего не было — ни ножа, ни топора. Они купили козу за три гроша, да спроводи́ли девку пасти. Она весь день пасла, да и повалила домой и говорит:

— Пригони́ла.

Хозяин и сидит у крыльца:

— Козанька-коза, ела ли цего?

— Нет, не ела я, а как бежала через мостоцек, ухватила кленовый листоцек, как бежала через гребельку, ухватила водицы капельку.

Он девку напорол и про́гнал. На другой день он послал жонку. Она пасла, пасла и домой привалила. Хозяин и клицету крыльца:

— Козанька-коза, ела ли цего?

— Нет, не ела, а как бежала через мостоцек, ухватила кленовый листоцек, а как бежала через гребельку, ухватила водицы капельку.

Он тоже ей напорол и прогони́л, жону-ту. Назавтра сам пошел, да пас. Как погнал домой, обгони́л ее, да и сел на крыльцо и спрашива:

— Козанька-коза, ела ли цего?

А она опеть:

— Нет, как бежала через мосто́цек, ухватила кленовый листоцек, как бежала через гребельку, ухватила водицы капе́льку.

Он взял, да ей напорол и пошел нож ковать, да топор бить,

хотел хозяйку со́звать, да мясом накормить. Коза оторвалась и убежала.

Добежала до избуски. Да на пецку засела. Пришел зайнька:

— Кто у меня?

— Я коза-дереза, за три гроша куплена, бока луплены, рожками затопчу, хвостиком замету!

Пошел зайко на дорозку, сел и плаче. Идет корова.

— Ты пошто, зайко, плачешь?

— Да как мне не плакать, как не рыдать, сидит у меня коза-дереза, бока луплены.

— Пойдем со мной, я ее выгоню.

Зашли и корова говорит:

— Кто в избе?

— Я коза-дереза, бока луплены, за три гроша, куплена, затопчу тебя ногама, заколю тебя рогама, хвостиком замету!

Они и побежали. Сидит зайко у дороги, плаче. Идет конь.

— Пошто, зайко, плачешь?

— Как мне не плакать, сидит у меня коза-дереза, бока луплены.

Конь и говорит:

— Я ее прогоню.

Ну, пошли. Пришли к избуске.

— Кто зашел в избу?

— Я коза-дереза, бока луплены, за три гроша куплена, то́пи-то́пи ногама, заколю тебя рогама!

Они и убежали. Идет ме́дведь:

— Пошто, зайко, плачешь?

— Как мне не плакать, сидит у меня в избуске коза-дереза, бока луплены.

— Идем, я ее прогоню.

Приходят в избу:

— Кто в избу зашел?

— Я коза-дереза, за три гроша куплена, во все боки луплена, заколю тебя рогама, затопчу тебя ногама, хвостиком замету!

Они и убежали.

Сидит зайко плачет. Идет петушок:

— Пошто, зайко, плачешь?

— Как же мне не плакать, как не рыдать, сидит у меня в избе коза-дереза.

— Пойдем, я ее выгоню.

— Нет, с тобой не прогоніть, корова гнала — не прогнала, конь гнал — не прогнал, медведь гнал — не прогнал, где тебе прогнать!

— Ницего, пойдём.

А пришли они к избе и петух как закрыцит:

— Ку-ку-ре-ку, я в красных сапогах, в красном сарафане, я кошú, кошú, кошú, тебе голову скошу.

Коза испугалась, да побежала, да пала, да и убилась.

73. Глупые люди

Живало-бывало мужик да жонка. У их было три доцёри. Одна доць и пошла под гору. Пришла под гору воду брать, рецка и говорит:

— Выйдешь ты замуж, принесешь Иванушко, выйде Иванушко в гости, перейдет через мостик, упадет и утонет.

Та как села у воды и сидит — плаце, пла-а-це. Пошла друга доць за водою, а рецка и ей говорит:

— Выйдешь ты замуж, понесешь Иванушко, станет Иванушко в гости выходить и потоне.

И друга доць стала, да плаце, пла-а-це. Пошла третья доци. Стала воду брать, а рецка ей говорит:

— Пойдешь ты замуж, принесешь Иванушко, станет Иванушко в гости итти, да и потоне.

Стала и третья доци плакать, заливаться. Сидят все три у берегу и слезы льют. Пошла мати на реку. Стала воду брать, а рецка и говорит:

— У тебя доцёри выйдут замуж, принесут по Иванушко, станут Иванушки в гости собираться, пойдут через рецку и утонут.

Стала и мати плакать. Вот и хозяин пошел, видит: все сидят, плачут. Стал он воду брать, а рецка ему и говорит:

— Есть у тебя три девушки, выйдут они взамуж, принесут по Иванушко, станут Иванушки в гости итти и утонут.

Тут и сам стоит — плаце. А дома старший сын дúма:

— Пошто не идут, воды не несут?

Пошел на рецку, а там сестры плачут, мати плаце, отечь плаце.

— Выйдут девушки взамуж, принесут по Иванушко, станут Иванушки в гости итти и потонут.

Сын разгорячился, да всех протащил:

— Ежели, — говорит, — вас *дичей* не найду, так во хлеве буду держать.

И ушол. Шол-шол, шол-шол, видит: мужик срубил избу без окон — солнце в избу коробом носит.

— Эй, дядя, дай научу как избу светлить.

— Научи, знай.

— Давай сто рублей.

Дал тот ему сто рублей. Он взял топор, окна прорубил — солнце напустил. Ну, вот и пошел дальшо. Шол-шол, шол-шол, видит: в селе мужик в гости поезжа́, ну и не зна, как коня запрегти. Повесит хомут да коня хвостат, чтоб в хомут вскочил.

— Эй, дядя, дай научу коня запрегти.

— Научи знай.

— Давай сто рублей.

Дал тот ему сто рублей — он ему коня и запрег. Ну и пошел. Шол-шол, шол-шол, зашел в избу, а там мужик не умеет штаны обувать. На полати залез, а жона штаны доржит, а он с полатей прыгае, да все мимо, да все мимо.

— Эй, дядя, дай штаны научу обувать.

— Учи знай.

— Дай сто рублей.

Дал ему сто рублей, он и научил штаны обувать.

— Ну, — говорит, — нашел я дичёй матери да сестер. И пошел домой. Дома их из хлева и выпустил.

74. Иванушко и Егибишна

Жили мужик и жонка. У их был Иванушка. А у них была рецка под укошком-то. Он говорит:

— Татенька, татенька, сделай мне лодоцку, да *весельшко*, я тут буду плаваць.

Он и плавал там, да пришла Егибовой доць с хлебами и говорит:

— Ванюшка, Ванюшка, перевези мене за рецку.

— Нет, — говорит, — у меня лодоцка цистая, у тебя ноги грязные, ты мне лодоцку замараешь.

— Я, — говорит, — вытру ноги-те.

— Ну, — говорит, клади хлебы, да ноги-то обтирай.

Она поло́жила корзину, да стала ноги обтирать, а он и уехал от неё. Егибовой доць и пошла домой. Другая доць пришла, Егибовой же:

— Ванюшка, Ванюшка, перевези меня за рецку.

— Нет, — говорит, — у тебя ноги грязные, ты мне лодоцку замараешь.

— А я ноги оботру.

— Клади корзинку, да ноги обтирай.

Она положила корзинку, так он от той и уехал. Она и пошла домой. Третья пришла, опять с хлебом.

— Ванюшка, Ванюшка, перевези меня за рецку.

— Нет, у меня лодоцка цистая, ты ногами замараешь.

— А я оботру ноги-те.

— Клади, — говорит, — корзинку, да ноги-то обтирай.

Она положила-то корзинку, да он и от нее и уехал. Она и пошла. Сама Егибова пришла с крюком.

— Ванюшка, Ванюшка, перевези за рецку.

— Нет, у тебя ноги грязные, лодоцку замараешь.

— А я ноги-те оботру.

— Ну, клади корзинку, да ноги обтирай.

Она и положила корзинку, стала ноги обтирать, а он и поехал. Она и заручила его крюком-то:

— А, — говорит, — попалси, ты у меня три доцери омманул. Теперь тебя изжарим.

Она его и увела домой. К себе. Первой доце говорит:

— Ты истопи сажень дров, да Иванко исжарь.

Она истопила печку, говорит:

— Ванюшка, *лег* на лопатку.

Он лег, руки и ноги кверху, а пец не проходит.

— Не́ так.

А он:

— Лег-ко сама, поучит-ко меня.

Она и лёгла. Он ей и шёрнул в пець. Исжарил и срезал на куски и положил на стол, а сам забрался под пецку. Егибова пришла, стала мясо есть и говорит:

— Скусно́, прескусно́ Иванкино мяско́.

А он говорит:

— Скусно́, прескусно́ дочеринное мяско́.

Она разгорецилася и второй доцери велела две сажени дров истопить и Иванко исжарить. Она и истопила пецку и говорит:

— Иванушко, Иванушко, лег на лопатку.

Он и лег, руки и ноги кверху и в пецку не лезет. Она говорит:

— Не́ так.

— Лег-ко́ сама, поучит-ко меня.

Она лёгла, он и ту шурнул в печь. Сжарил, на куски разрезал и на стол положил. А сам опять под печьку залез. Егибова пришла.

— Скусно́, прескусно́ Иванково мяско́.

А он говорит:

— Скусно́, прескусно́, дочеринное мяско́. *(Под печькой опять сказал.)*

Егибова разгорецилась, да велела третей доци три сажени дров истопить, да Иванко исжарить. Она истопила три сажени дров и говорит Иванушки:

— Иванушко, Иванушко, лег на лопатку.

Он и лег, руки-ноги кверху, в печь не лезет. Она говорит:

— Не́ так.

— Лег-ко сама, поучит-ко меня.

Она лёгла, он и шурнул в печьку. Сжарил, на куски разрезал, на стол положил. Егибова пришла, ест, приговаривает:

— Скусно́, прескусно́ Иванково мяско́.

А он ей опять:

— Скусно́, прескусно́ доцери мяско́.

Она разгорецилась да цетыре сажени дров стопила, да и слезла за Иванушкой в по́дпол. Да и говорит:

— Ванюшко, лег на лопатку.

Он лег, руки и ноги кверху, в печьку не проходит. Она говорит:

— Не так.

— Лег-ко сама, поучит-ко меня.

Она легла, он и ту шурнул в печьку. И ее сжарил. Бабушку собачки и кошки зажалили-заплакали. И лес зашумел-зажалил. И вся сказка.

Аграфена Ефимовна Черноусова

75. Чудные зайци

Был однова пастух. Все ходил песни пел. И был в том месте помещиик. Знал он колдовьски слова. Он на того пастуха злобился. Зачем песни поет, да зачем веселый. Он к нему и пришол.

— Пойди, пастух, ко мне пасти.

— Пойду.

— Уговор будет, если мой скот убережешь, дам сто рублей.

А не убережешь — три ремня со спины вырежу.

— Ладно, — говорит.

Вот помещщик ему и дает сто зайцев.

— Гони в лес кормить, а к вечеру чтоб дома вси были. Одно-го не убережешь, ремень из спины — и иди к чортовой матери без рощету.

— Ладно, — говорит, — раньше времени не собачься, твое превосходительство.

Ну, он зайцев в лес погна́л. Оны и разбежались — кто куда. Эвона хвосты видать! А тот лег и дрыхнет. Аж носом верещит. От сукин сын!

Ну, пал вечер. Тот проспался, сел, дудочку вынул, да давай петь:

— Зайцы, вы, зайцы,
Наглotalись, нахопались,
Подыте сюда!

Зайцы те и повыбежали. Он их собрал и домой погна́л. Помещщик поглядел, весь черный стал:

— Как ты, паскуда, такое сделал? Ну, иди, спи, завтра дело будет.

На завтра дал ему двести зайцев.

— Если пригонишь все, живи. А одного не пригонишь, ремень из спины — и пошел без рощету.

Он зайцев погна́л. А помещщик жону позвал.

— Этот, — говорит, — пастух нас в разор вгонит. Он всё зайцев всих приводит. И все песни поет. Поежжай к иму, купи у его зайчика.

Она оделась, приумылась. Платье одела како получше. И к иму в лес поехала. Приежжает, а он спит, аж в носу свистит. Она и говорит:

— Здравствуйте, — говорит, — молодой человек. Что вы здесь провожаете?

— Пасу, — говорит, — зайчиков, красавиця.

— А не можете ли вы мне зайчика продать? У нас в городе такой диковиной очень антирисуются.

— У меня, — говорит, — барышня, оны не продажны. Оны у меня заветны.

— А какой на их завет?

— Согласитесь со мной, красавица, переспать.

Она женщина молодая, видит пастух красивый, а у ней муж строгой. Он ей велел за что хошь зайчика заиметь. Она и согласилась. Ну, оны понаслаждались. Он и говорит:

— Барыня вы сладкая. Нате вам и зайчика, за наше удовольствие. И дал ей зайчика. Она обрадэла, зайчика в пазуху, да и уехала. А он лег, поспал (*упарился со сладкой бабой-то*). Вечор пал, он дудочку взял да и поет:

— Зайци, вы, зайци,

Наглотались, нахопались,

Подьте сюда!

Оны все и прибежали. И тот, что он ей сдал, прискóчил. Ну, пастух пошел домой. Хозяен этот, помешшик, в воротах стоит, зайцев считает. Все зайцы налицо. Что тут делать?

Вот на утро он пастуху триста зайцев даваит. Только пастух ушел, он сейчас доцку зовет, барышню.

— Иди, Маша, за им в лес, достань как хошь одного зайца.

Барышня ета срядилась и пошла. Шла-шла, до лесу дошла. Тут пастух спит, аж носом свистит.

Она говорит:

— Что вы, молодой человек, тут управляете?

— Пасу зайцев, барышня.

— А нельзя ли мне на одного зайчика поглядеть?

— Почему нельзя, за деньги все можно.

— Сколько вам денег надобно?

— Оны у меня не денежны, оны заветны.

— Какой на них завет?

— Хотите поглядеть, вздыньте платье до колена.

Она вздынула. Он свиснул, заец прибежал.

— Ах, какой красивенькой! Нельзя ли мне на руки взять?

— А хотите на руки взять, вздыньте платье до пупенца.

Она стыдиться. Да делать нече, папеньки боится, она и вздынула до пупенца. И говорит:

— А нельзя ли мне этого зайца совсем взять?

— А хотите совсем взять, вздыньте платье до грудей.

Оно ей и совесно, а делать нечего. Она и вздынула до грудей. А у ей промежь грудей было родимо пятнышко. Он и увидал. Ну, он ее не обносилил, ничего, вежливо так спустил. Она и ушла. Вечер пал, он дудочку вынул и поет:

— Зайцы, вы, зайцы,
Наглотались, нахопались,
Подьте сюда!

Все зайцы и прибежали, и тот, что у ей на руках был, так и ско́чил.

Он всех зайцев и пригнал домой. Помешшик в воротах стоит, считает, все налицо. Он обиделся, разгорецился.

На завтра ему пятьсот зайцев дает:

— Если пригонишь, бери роцет, а не пригонишь — давай ремень из спины.

Только он ушел, помешшик приоделся, цюжи волосы нацепил, взял худющу кобылу и в лес поехал. Приежжает, а пастух спит.

Он его сбудил:

— Что здесь правишь?

— Зайцев пасу.

— Не продашь ли зайчика?

— А что даешь?

— Даю сто рублей.

— Не продам.

— Даю тыщу рублей.

— Не продам.

— А це хочешь?

— Поцелуй кобылу под хвос, дам зайця.

Ну, делать нечего, хуть он и помешшик, ему обидно, а жаль работнику роцет давать. Завернул он кобыле хвост и да поцеловал в жопу. Весь упетился в говно лошадые. Ну, пастух ему дал зайчика. Тот уехал, довольный весь. А пастух в дудочку сыграл, вси зайцы налицо. Пригонил он зайцев, помешшик весь белый стал.

— У тебя, — говорит, — в первой раз недостача была.

— Когда? — говорит. — Когда твоя жена со мной...

— Ладно, ладно, — говорит. — У тебя второй раз...

— Когда твоя доць платье...

— Ладно, ладно, — говорит. — У тебя третьей...

— Когда сам ты кобылу в...

— Ладно, — говорит, — сукин сын, получай роцет.

Так и омманул пастух помешшика. Да еще пуще запел. Веселый стал.

76. Дурна-работница

Бывало да живало, жила жонка стара, да взяла работниц. А работница была *бесчасна*, безязычна. Та ее по́слала в лавку купить творога. А работница, иде, да все говорит:

— Два рога, два рога...

Так и принесла из лавки два рога. Пришла домой, а там солдат ноцевать просится. Она пошла к хозяйки и говорит;

— Аф-фа-насьюшка, куда соло-да-то положить? А та думает — солод-то и говорит:

— Размельчи да на противне в печь поставь.

Ну она пришла и говорит солдату-то:

— Те-бе ре-за-ть хо-тя, бе-ги ку-дась, а я поро-зний про-тивень в печь по-ста-влю.

Солдат испугался и убежал.

77. Глупый жених

Вот раз жених свататься пошел недалеко. Он дюже *несклеписто* говорил. Так сват ему говорит:

— Ты, брат, с невестой-то как покруглее говори.

Ну он пришел. Помолцал, помолцал, да как напоились, развеселились, да к невесте и говорит:

— Колесо, — говорит.

Да помолчит, помолчит и опеть:

— Колесо.

Ведь кругло колесо-то, а ему «покруглее» велели, вот он круглое и выбрал. Невеста не пошла.

78. Караульщица

Вот раз бабы караульщицу наняли — по́ртна караулить. Караульщица все не спит. Шли два солдата. Один и говорит:

— Поди к ней лясы точи, пока я дэла не успею.

Он пошел да бает — много смешного всякого наболтал, да и спрашивает:

— Как у вас колокола ко все́нущной звонят?

— У нас — тин-тин! дон-дон!

— А у нас не так: ти-я-ни, ти-яни! по-тя-ги-вай, тия-ни, тия-ни, по-тя-ги-вай скорей!

Тот и потянул.

А караульщица плачет:

— Уж не колько я не спала, уж когда у меня уперли то-о!

79. Доможириха

Как в дому несчастье будё, так доможириха под полом плачѐ. Уж ходи не ходи, уж роби не роби, уж спи не спи, а все слышать будешь. Вот как у меня хозяин-то помереть должон, все я слышала, будто плачет кто, так жалобно. Знамо доможириха цю́ла.

А как в дому прибыток будё, уж тут доможириха хлопочет, и скотинку пригладит, и укросон сидит.

Вот я раз ночью выйтить хотела, встала смóтрю месяц светит, а на лавки у окоска доможириха сидит и все прядет, так и слышно нитка идет: «дзи» да «дзи», и меня видала, да не ушла. А я сробела, поклонилась ей да и говорвю:

— Спаси бог, матушка.

А потом вспомнила, как меня мать учила относ делать. Взяла шанечку да около ей и поло́жила. А она ничего — все прядет. А собою, как баба, а в повойнике. Только смотреть все-таки страх берет. А она ницего — все прядет. И много у нас тот год шерсти было, так мы поправились, даже сруб новый поставили.

80. Бывальщина

На новый год рóбята собрались, и один знашолся, чтоб в баню не по́хваст сходить и говорит:

— В ка́меньцы камешо́к возьму.

Он ночью пошел один в баню-то. Он зашагнул в баню-то, и его поймалося за ноги, он рвался, рвался, не мог вырваться. То, которое поймалося, и говорит:

— Возьмешь замуж, так отпущу.

Он еще вырваться хотел, да не мог, и посулился взять.

Побежал из байны безо всякого камня; как отпустило его. Пришел домой, да и лег спать, к робятам не ходил. На завтра стаёт невеселой. К ему родители спрашивают:

— Пошто?

А он и не сказал пошто. А на вечеру *обдери́ха*-та и приходит.

— Сулился, так бери, — говорит.

А родители его все спрашивают — видно чего есть? Он им и рассказал.

— Бери, — говорят, — если посулился, а то подождет дом, либо чего.

На другой день приходит *обдери́ха*.

— Бери, — говорит.

Он взял крест и пошел встречать. В воротах стретил ю и крест наложил, и она нагой женщиной оцүтилась. И она не идет нагой в избу.

— Принеси мне *кабот*, — говорит.

Вот она жонкой еговой сделалась.

Живут уж долго, подходит заговенье. Все поезжают в гости на угощенье, к тестям. Он задумался, что некуда ехать. А *егова́* говорит:

— Почему задумался?

— Как же не задуматся, люди-то поехали, а я у *обдери́хи*-то жонился, так ехать некуда.

— Не думай, что не к кому, у меня тоже родители есть.

И тоже стали собираться на угощенье. Поехали к молодежи-ным родителям. У их в избе зыбка виснет. А в зыбке такой робенок, что больша́ голова, а *тулова* нет почти, а ело оно по крынке молока и по житнику в час. Молодка-то подошла к зыбке-то, да взяла робенка да об пол бросила. Тут робенок сделался голиком. Молодка-то говорит:

— Вот, родители, кого вы кормили вместо меня, обменила меня *обдери́ха*.

Тут угостились, как следует, да и стали жить хорошо.

Александр Иванович Радионов

81. Соли́ло

Шол это я с подряду, пришлось ночевать в одном доме. А дома одна жонка. Я пришол и попросил поисть. А дело было в 1922 году. Она и говорит:

— Шти-то хороши, да бессолые, соли нету.

— Ничего, — говорю, — у меня соли́ло есть. — Ладно, — говорит.

Разом налила штей горячѣй. Я вынел зуб от бороны, да соль по́тиху. Соли-то позадѣрживаю в ладони, да зубом в чашки мешаю, а солю. Вот она попробовала.

— Ой, — говорит, — коль солона! Продай солило-то.

— Покупай.

— Сколько стоит?

— Пятьдесят рублей.

За пятьдесят рублей продал соли́ло и пошел, отправился от ней. Да воротился.

— Да, — говорю, — надо приговóру научить без приговору не будет солить!

— Куплю, — говорит, — приговор.

— Пятьдесят рублей.

— Ладно, ладно.

Я и стал учить:

— Придя мужик-то, так мешай соли́лом да говори: солю-молю, будьте шти солоны, муж придет — шум пойдет, тычки, пинки, подзатыльники.

Вот я и ушел. Муж приходит. Хозяйка ему налила штей. Он хлебнул ложку, бросил, плюнул.

— Тьфу, проклятая революция, и соли-то нету!

А жонка и говорит:

— У меня соли́ло есть, я и забыла.

— Каково солило?

— В самом деле, сегодня купила.

Таштít соли́ло и давай мешать в чашке и приговаривать:

— Солю-молю, будьте шти солоны, муж придет — шум пойдет, тычки, пинки, подзатыльники.

Вот муж и стал ее тыкать, пинать, подзатыльнички, давать.

— Без числа, дура, купила, ведь это зуб от бороны!

Вот и все.

82. Как Ивана медведь возил

Жил-был один мужик бохато. Звали его Иванушка-дурачок. У его было три сына. Вот Иванушко-дурачок сеял пшеницу

и продавать ее ездил в города. Повадилси к нему на пшеницу летать кто-то, клевать да топтать. Иванушко-дурачок и посылает старшего:

— Пойди, постереги кто клюет, таскает пшеницу. Старший брат пошел неохотой караулить. Пришел да и лег на сеновал да и уснул. Иванушко-дурачок приходит к нему на утро, говорит:

— Что дрыхнешь? Всю у тебя пшеницу кто-то стоптал.

Пришли домой. Посылает среднего брата стеречь. Пошел средний брат тоже не с охотой. Лег на сеновал, тоже уснул. Приходит Иванушко-дурачок, ругает его.

— Пошто, спишь долго, всю пшеницу прóспал.

Посылает Иванушко самого младшего брата. Младший брат пришел к пшенице, сел тут и начал караулить. Вдруг видя летя журавли, сели да стали клевать, пшеницу путать. Вот он подумал-подумал, да и пошел домой. Приходит и говорит Ивану:

— Татька, купи мне вина ведро, так я их поймаю тогда.

Вот Иванушко-дурачок купил ему вина. Он взял корыто и пошел стеречь. Вот сидит и дожидает. Скоро ли прилётят журавли? Налил в корыто вина и поставил в пшеницу-то. Прилётели журавли, поклевали пшеницу, захотелось им пить. Увидали они корыто с вином и стали пить. Напились, да и допьяна. Младший брат и взял, пояс подпоясал, да двух и поймал журавлей-то, да за пояс их лапами и заткнул. Пошел домой.

— Ну ладно, — думает, — поймал, не будут клевать.

В которую пору он шол домой, журавли-то протрезвели, стали непьяными. Замахали крыльями и полетели. Его за собой поволокли кверху. Вот несут его над лесами. Он увидел, стоит тойста больша *хонга*. Вот, — думат, — сяду на эту хонгу и слезу. Налетели журавли на эту *хонгу*, он пал на нее, да и в дупло (дыра была така до дна). Вот сидит там и думает: «Кто бы приехал, да йту *хонгу* спилил, так я бы вылез». Вдруг слышит едѐ кто-то, слышит — разговарива мужик с жонкой. Едут на двух лошадах за дровами. Старуха говорит:

— Спилем эту *хонгу*, так много дров будя.

А младший брат дума: вот спилят, так и я вылезу. И немного кверху, подлез, чтобы ноги не отпилили. Стали пилить хонгу. Пилили, пилили, *хонга*-то и слетела. Он вылез оттуда, да и скричал:

— Что вы делаете!

Старик и старуха испугалися, пали на дроги на одну лошадь и уехали. Он вылез, сел на лошадь и уехал. Куды глаза

глядят, а дороги не зна. Ехал-ехал, дорогой-то заснул. А ту пору медведь его лошадь съел, да в хомут зашел, как конь. А тот пробудился, да как с испугу взревет. Медведь испугался, да и понес его на дрогах-то. Только дроги потрескивают, да сучья ломаются. А тот пуще кричит. Вот выехали на деревню. Собаки залаяли, медведь еще пуще испугался, и так полетел, что остались одни задние колеса, и младший брат тут же остался, на земле, а медведь так и удрал.

Вот младший брат расспросил мужиков, где дорога на родину. А дорога-то недалеко была, верст девять. Пошел домой ни с чем. Приходит домой, а его и спрашивают:

— Где был?

А он говорит:

— Я на ероплане летал, да на медведе ездил.

83. Зам, откройся!

Один мужик поехал в лес за дровами. Вдруг он увидал, что идут разбойники. Приходят они к дому в лесу и говорят:

— Зам, откройся.

Зам открылся, и они зашли. Пожили немного и выходят. Вышли и отправились. Мужик сейчас лошадь поставил, к дому подошел и:

— Зам, откройся.

Зам открылся, а там золота и всего. Вот он золота наградил *порато* и наклал на воз и улетел домой. Приехал домой и жону посылает за четвериком к брату. А брат был хитрый, взял да смолой дно четверику и вымазал. Тот начал деньги четвериком мерить, у него на дне-от серебрушки да золотой остались. Вот брат и увидал. Пришел и спрашива:

— Где деньги брал?

— А там, — говорит, — в лесном доме.

Тот также в лес поехал, видит разбойников, он и скрылся за сосну. Они туда зашли и все склади туда. Как разбойники ушли, он подошел к дому да:

— Зам, откройся.

Он открылся, тот туда, зашел денег наградил, да позабыл, как сказать надо, и выйтить не может. А тут разбойники пришли:

— Зам откройся.

Они вошли, его увидели, поймали, голову срубили, руки и ноги в углы побросали и ушли. А тут первый брат поехал в лес, видит никого нет:

— Зам, откройся.

Зам открылся. Он все бохатство собрал и *тулово* увез. Дома старика нанял, тот тулово сшил и похоронил.

А разбойники все узнали и старика требовали, чтобы привел к его дому, а то расстрел будет. Вот старик взял да на ихнем дому крест поставил. А у того мужика сестра была. Она заметила, да на все дома кресты поставила, так и не узнали разбойники. Ну, на другой день тот пошел и на ворота крест поставил, а сестра опять на други дома, на ворота налѣпила, так и опять не узнали. А на третий день он на углы налепил, а она и не заметила. Вот поехали они все до одного человека. Только один главный на возу, а другие в бочках, будто масло везет. Ну их всех на поветь и поставили. А она взяла масла растопила и во все бочки вылила и всех и обварила насмерть. И стал мужик жить бохато.

Дуня Рябова

84. Петушок

Жили-были кот да *дрос*. У их был петушок. Они уходили на дровосек и оставляли петушка дома. И говорили:

— Закрывайся крепце и окоско не открывай, как лиса придет, так не открывайси, крепце держи двери и окно. Она тебя-то будет манить, так ты не выглядывай. Ты так выглянешь, так-то она тебя и съест.

Они и ушли на дровосек-от. Лиса и приходит к дому и говорит:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окосечко,
Дам я тебе горосецка,
Дам я зерныско.
Молодые-то катаются,
Орехов, насыпали,
Куры-те клюют,
Петухам не дают.

Он выглянул из окошечка, лиса-то его поймала и поташшила в лес.

А петушок-от кричит:

— Кот да *дрос*, поташшила лиса за темные леса, за быстрые реки каменя грызь!

Кот да *дрос*-от и учуяли крик-от петушков. Оне и прибежали и отняли петушка-та. Вот и говорят:

— Ты пошто, выглянул из окосецка?

Он и говорит:

— Меня лиса выманила орехами и зернысками.

Они опять стали утром и говорят:

— Ты севодни не выглядывай, как она не будит манить, мы сегодня уйдем далеко, не услышим, как тебя лиса поташшит, она тебя съист.

Они и ушли на дровосек, кот-от да *дрос*. Петушок опять один осталси. Опять лиса приходит к дому и опять кричит:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошечко,
Дам я тебе горосецка,
Дам и зернысков.
Молодые-то катаются,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают.

Он выглянул из окошечка, лиса-то его и поймала и поташшила в лес. А петушок-от кричит:

— Кот да *дрос*, поташшила меня лиса за темны леса, за быстрые реки каменя грызь!

Кот и *дрос*-то и учуяли крик-от петушков. Оне и прибежали и отняли петушка-та. Оне и говорят:

— Ты пошто выгленул из окосецка?

Он и говорит:

— Меня лиса выманила орехами да зернышками.

Они опеть встали утром и говоря:

— Ты севодни не выглядывай, как она не будит манить. Мы сегодня уйдем далеко, не услышим, как тебя лиса поташшит, она тебя съист.

Они ушли на дровосек-от, кот-от да *дрос*. Петушок опеть один осталси. Опеть лиса приходит к дому и опеть кричит:

— Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выгляни в окошечко,
Дам я тебе горосецка,
Дам и зернысек.
Молодые-то катаются,
Орехов насыпали,
Куры-то клюют,
Петухам не дают.

Петушок-то выглянул. Она его и взяла потащила опеть.
Петушок-от опеть кричит:

— Кот да *дрос*, потащила меня лиса за темны леса, за быстрые реки, каменя грызь!

А кот и *дрос*-от и не чуют. А лиса так и утащила его домой. Прибежала лиса домой, вышла на поветье, упрятала его в мешок, петушка-то. А тамотка была мати, у лисы-то. И у матери были три девки.

Кот да *дрос* пришли домой. Дома нету никого и окошко пало. И оне пошли петушка искать. Они навострили, натоцили кос и пошли петушка выруцать. Они пришли к дому-то, где лиса живет, да и поют кот-от да *дрос*. Тонким растяжным голосом:

У лиски три, доцери,
Одну зовут Марьюшкой,
А другую зовут Сашенькой,
А третью зовут Аннушкой.

Лиска-то послала Марьюшку:

— Поди, — говорит, — послушай, кто там любо так поет. Машенька то и вышла на крылецко. И кот да *дрос* ей голову косой и срезали. Другу лиса послала:

— Что та Машенька долго слушает?

А втора-то вышла, ей самой голову срезали. И третью посла:

— Что так долго? *Баско* поют?

И третьей тоже голову срезали. И сама пошла мати-то. И мати тоже голову срезали. И зашли они в избу-то, осмотрели все, петушка и не могли найти. Пошли на поветь искать, да петушок-от и пое:

— Утащила меня лиса за темные леса, за быстрые реки, завезала меня в мешок!

Эти пришли туда, да и взяли его, да и унесли домой. Стали жить, да поживать, да добра наживать.

85. Овецка-серебрянка

Жила была *кыцонька*. Уей было две *манюшки*. Она каждый день ходила до дровосека, мать-то их. И им пекла *шанюшки*. Говорит, она *манюшкам*:

— Как я уйду, дровце секци, так вы дверь держите крепче и сами не спите. Крепче замыкайтесь. Как Егибовна к вам будет подходить, так она вам будет петь толстым голосом, а я как буду подходить, так я вам буду петь тонким голосом. Как мне, так открывайте, а Егибовне не открывайте. Как Егибовна будет петь: «Куда ваша маменька пошла, да в каку дороженьку», а вы скажите Егибовне, что я влево ушла; а я вправо уйду, а то она меня съест.

Она и ушла в лес дровце секци, в праву дорожку. Приходит Егибовна и кричит:

— Ба-а-а, кыцаньки, ба-а, малыньки, откройте воротца, я ваша маменька, вы мои детоцки, откройте воротца!

А манюшки и говорят:

— Слышим, слышим, не маменькин голосочек.

Она тогда:

— Куда ваша маменька ушла?

Они говорят:

— В леву дорожечку, дровце секци.

И поехала Егибовна на железной ступе в лес, с железным крjúком, и хвоцет лес-то. Да и говорит:

— Съем кыцаньку, съем серéбрянку!

А маменька пришла домой и говорит:

— Ба-а, кыцаньки, ба-а, малыньки, откройте воротца. (*Да-маменька-то тоненьким, да растяжным, а Егибовна-то толстым.*) Ваша мать пришла, молочка принесла.

Они и говорят:

— Ты, маменька (*тоже тонкими и растяжными*).

Так, открыли воротца малыньки. Она и рассказывает, как ходила дровце секци.

Спать лёгли, на завтра и встали. Маменька опять шанежек им спекла, да и походит на дровосек. И опять приказывает, чтобы Егибовне не отпирали двери, а ей отпирали.

— Я уйду сейчас в праву дорожечку, а вы Егибовне скажите, что в леву, а то меня Егибовна съест.

Она и ушла дровце секци, а детоцки заложились. Пришла Егибовна и кричит толстым голосом:

— Ба-а, кыцаньки, ба-а, миленьки, откройте воротца, я ваша маменька, вы мои детоцки!

Они и говорят:

— Слышим, слышим — не маменькин голосок. Егибовна и спрашивает:

— Где маменька?

Детоцки и говорят:

— Пошла в леву дороженьку, дровце секци.

Она и поехала на железной ступы в лес в леву дорожечку. И опять хлеще железным крюком лес-от. Да и опять:

— Съем кыцаньку, съем серебрянку!

Детоцки дома-то и уснули. А мать-то не велела им засыпать-то. Маменька приходи из лесу и говорит:

— Ба-а, кыцаньки, ба-а, маленьки, откройте воротца!

А детоцки все не цюют. Так маменька легла под крылецко спать. Егибовна пришла да съела ее под крыльцем-то, а сама и уехала. Детоцки проснулись утром, а маменьки нету, а вышли на крылецко и говорят сами (*sic!*) собой:

— Где же наша маменька?

Одна-то ма́нюшка да заглянула под крыльцо, да одни косточки лежат. Ма́нюшки и стали плакать. Костоцки-те со́брали, а Егибовна пришла, да и ма́нюшек съела.

86. Про теплу-избу

Жил-был ме́дведь. В лесе жил под кокорой. Ну, пала зима. Надо от зимы спасться. Он и пошел спасться. Избу строить теплу на поляны. Идет идет, настрецю баран:

— Куды, ме́дведь, идешь?

— Иду от зимы спасться.

Ну пошли двоима. Стрету свинья. Они и:

— По́йдем с нама, свинья.

Идут, стрецю гусь да петух:

— Куды правитесь?

— Идем с нама от зимы спасться.

Ну и пошли. Шли-шли, пал снег да мороз. Ме́дведь говорит:

— Нать и́збу те́плу строить; волоци, баран, лес.

А тот ленной:

— Не нать мни той избы. Я и так... У меня шуба тепла.

— Волоци, сви́нья, лес.

— Не нать, я в землю закопаюсь, дак прозимую.

Ну он гусю да петуху велит. А те не хочут.

— Мы одно крыло постелем, а другим закрылися, дак прозимуем.

Ну, делать не́чё, стал ме́дведь один и́збу ладить. Сладил теплу, да живет. А зима пала люта. Гусь да петух озебли и говоря:

— Пусти, ме́дведь, в и́збу.

А ме́дведь на печи лежит да:

— Вр-рвр-р, а не пусчу, у вас крыля-те есь, одно постелите, одним закройтись.

Они говоря:

— А как не пусчишь, то мы мох из пазов выдергаем, зиму тебе напустим.

Привелось ему пустить. Вот баран озяб.

— Пусти, ме́дведь-друг, в и́збу.

— А не пусчу, у тебя-то шуба тепла.

А тот:

— Как не пустишь, я избу выломаю, раскатаю рогами-то.

И его привелось пустить. Тут люто холодно стало. Сви́нья пришла. Вересчить это:

— Пусти, ме́дведь-друг, в избу зимовать.

А ме́дведь там опеть ворцит, говорит:

— Нет, не пусчу, не хотели и́збу строить, ты в землю зароеся, переземуешь.

Сви́нья говорит:

— Еслиф не пусчишь, всю и́збу подрою, зиму напусчу.

Привелось и ее пустить. Так и всех пустил. И стали жить-поживать, зиму-ту зимовать. Ме́дведь на печи, гусь-тот да петух под печью, баран на лавке, сви́нья под лавкой, и вся тут сказка.

87. Парницок у Егибовой

Жили-были мужик да жонка. У их были две доце́ри да парницо́к Ивашка. Вот родителя поежают к празднику и велят за парницком гледеть. Там Егибова жила в лесу-ту. Вот она доци и вынесла парницка на крыльцо. Вынесла, да сама и давай в куклы играть, с по́дружкама-то. Тут налётила Егибова, в деревенной ступи, комелём заметаё. Хватила парницка-то да и унесла. Ну,

те девушки во́пят, плацут. Старшая Наташка и побегла к Егибовой, парницка-то братъ. Бегит-бегит, стоит костерок.

— Костеро́к, костеро́к, де наш парницо́к?

— Подпаши под намы, *подмаши* под намы, кинь поленце́ в костеро́к.

А она тут:

— Я у батюшки *йзбу* не пашу́.

И бегит. Стрецю ей овинец.

— Овинец, овинец, де наш парницо́к?

— Подпаши, подмаши, подкинь снопец.

— Я у своего батюшки *йзбу* не пашу.

Бегит, бегит, стоит пецка. В пецки пероги *житни*.

— Пецка, пецка, де наш парницок, наш Иванушка?

— Поешь моего перога.

— Я у батюшки ржаные шанежки не ем.

И побежала. Тут стоит дом Егибовой-то. Егибова у окоска голову цошет, Ивашка на пецке железны сухари грызё. Егибова говоря:

— Девушка, девушка, иди мни в голове-то вши поисчи.

Девушка взяла нож, стала ей в голове-то вшей що́лкать да и тюкнула-то ей в голову. Егибова свалилась, а девушка-та ухватила Ивашку и ну бежать. Бежит-бежит, слышит Егибовой-то сту́па стучит, комель метет. Тут стоит та пецка:

— Пецка, пецка, спрячь меня с Ивашкой!

— Не хотела моего перога есть, я тебя-то прятать не хоцу. Она и дальше побежала. А Егибова уж по плечу бьёт. Тут стрещю овинец.

— Овинец, овинец, спрячь меня с Ивашем.

— Не хотела подпахать, подмахать, снопец прикинуть.

А Егибова уж тут-та. Стрету костеро́к.

— Костеро́к, костеро́к, спрячь меня с Ивашкой.

— Не хотела дровец подкинуть.

Тута-та Егибова налётела Ивашку о́брала. Стала девку комелем хватать. Хватала, хватала девку-то. Та еле жива стала. Домой пришла, плацё. Боится таты и мамки.

Тут друга девка побежала, Маша-та.

Бежала, бежала. Стрету костеро́к.

— Костеро́к, костеро́к, де наш парницо́к?

— Подпаши под намы, подмаши под намы, кинь дровецъ в огонёц. Она подпахала, подмахала, кинула поленце-то.

– Бежи дале, до овінца.
 Бежит, бежит девка-та. Стоит овінец.
 – Овінец, де Ивашка?
 – Подпаши под намы, подмаши под намы, кинь сноп.
 Она подпахала, подмахала-то, кинула сноп-от.
 – Бежи, дальше, до пецки.
 Добежала девка-та до пецки:
 – Пецка, пецка, де наш парницок?
 – Подпаши, подмаши, съишь перог.
 Она подпахала, подмахала, съила тот перог.
 – Ваш парницок у Егибовой на лавке.
 Добежала девка-то до Егибовой-то. Егибова у окоска сидит, голову цошет. Ивашка на лавке железны сухари грызё.
 Девка-то пришла. Егибова и говорит:
 – Поисчи мне, девка, вошей.
 Она стала воши-те ножом бить да и тюкнула Егибову в голову. Егибова-та пала-то, девка Ивашку схватила и побежала. Бежит, бежит. Егибова ступой стуцит.
 – Пецка, пецка, спрячь меня.
 Пецка их и упрятала. Егибова искала-искала-то и проць ушла. Девка дале побежала. А Егибова-та:
 – Высоко сижу, далеко вижу.
 Девка бежит, Егибова-то в ступе едё, комелем погоня.
 – Овінец, овінец, спрячь меня.
 Овінец спрятал, снопам закидал. Егибова-та и проць пошла. Девка дале побежала. А Егибова крыцит:
 – Высоко сижу, далеко вижу!
 Побежала девка-та, а Егибова при петах, комелем хвощет.
 – Костерок, спрячь меня!
 Костербк упрятал, поленом-то прикрыл. Огонь-то разжог, ту Егибову и спалил. Девка Ивашеньку домой принесла. И стали цай пить. И все тут.

88. Кирка-вор

Жил был мужик да жонка, да двенадцать сынов. Сынова и пошли прочь из дому. Ну вси цего работают, а Кирка, Кирюшка это, воровать почал. И стал всех лучше воровать.

Ну вот он идё и пришол в избу к богатому:

— Здравствуйте.

— Куды правишьсе! Чем занимаешьсе?

— Я самый, — говорит, — лучшей вор.

А тот говорит:

— У меня, у доброго хозяина, нецё не своруешь.

— А цё у тебя есть?

Тот говорит, хозяин-тот:

— А есь петь лошадей.

— Ну замыкай сколько хошь замков, все равно уворую.

Ну, хозяин караульчиков набрал и не спать велел. А Кирюшка взял бочьку с вином, на телегу навалил да едё. Ну, мимо ко-нюшни-той и стронил колесо. Стронил да вопя:

— На помощь! На помощь!

Караульчики набежали. Колесо ему справили. Он и говорит:

— Што вам дать, денех или вина?

— Вина, — говоря.

Они и напились. Да и повалились, встать не могут. Это караульчики-те с винтовкама. А он замки сбил, взял лошадей и уехал. Утресь хозяин пришол — караульчики без памети лежат, а лошадей нету.

Ну и Кирюшка к купчю приехал:

— Здравствуйте.

— Здравствуйте. Куды правишьсе?

— А я самый ловкий вор.

— Коли так, — говоря, — уворуй у нашей девушки место (*ну, постелю*). Он говорит:

— Девушку-то крепче держитё.

Они к девушке прислугу положили на кровать. У всех окон караульшчиков поставили. Кирюшка полез. У всех окон караульшчики. Он на крышу полез, тес снял, да на поветь. А там сука шченят принесла. Он шченка взял да к девушке полез. Взял шченка на кровать запихал, а сам под кровать упал, свалился. Тут шченя запещало. Девушки и проснулись. Стали оны, тые девушки, спорится:

— Это ты принесла.

— Нет это не я, ты сама принесла.

Та и говорит:

— Я пойду тати скажу, чо прислуга врет на меня, че ле я принесла шченя.

— А я опережу.

Оны и побежали. А Кирюха место взял да и убег. Оны пришли — места нет, а то щеня пишчит.

— Дуры, дуры, это вить, сука принесла. Вас Кирюха омма-нул и место унес.

Тут поп наслышал, что Кирюшка ворует, он и говорит:

— У меня ницё не уворуёт.

А Кирюха говорит:

— Я у тебя все уворую, золото-то и хоть не замыкай.

Поп все золото в мешок склал да все в руки носит. А Кирюшка наудил раков-тех. Двести раков наловил. Церковь отпер и расставел раков-тех. А на каждого рака свецку налёпил. Раки-те ползут, свецки горят... Поп видит — в церкви свет горит, народу много:

— Цё ли, мать-попадья, протоерей приехал.

А Кирюшка во все поповьске оболокси, обедню служит. Поп в церковь пришол:

— Здравствуй, протоерей.

— Здравствуй, батюшка, иди вместе служить.

А поп руки не могёт вздынуть, золото дёржит.

— А куды мни золото деть?

— Да тут брось, за крылось.

Он и бросил. Попел-попел, да и говорит:

— Поди вели матери шанежек спець, я и сам допою.

Поп пошел домой, а Кирюшка золото взял и ушел, во всем поповском-то.

Поп пришол чай звать пить. А того и нет. И золота нет.

— Это, — говорит, — и был Кирюшка, он и золото унес.

Пармен Егорович Чемакин

89. Иван-Горошко

В одном селе жила старушка. У ей было три сына и одна дочь. Вот дочь до того прекрасная, что даже приежжали смотреть бояре.

Вот раз она вышла в сад погулять. И неподалеку жил волшебник-змей. Вот он ей похитил. Вот мать и братья здорово плакали, когда он ее *охитил*.

Вот братья и говорят:

— Напеки, мамаша, нам хлебов, и мы пойдем искать сестру.

Мать напекла, они отправились в лес, напали на тропку ипошли до пастуха, который пас сто штук баранов. Доходят они до него и поздоровались:

— Здравствуй, дедушко.

— Здравствуйте, внучатки, куда путь дёржите?

— А не видели ле, не слышали ле сестры нашей?

— Ой, милые детки, ей мой хозяин унес, а он очень ретив и силен, и вас убьет.

— Ничего, — говорят, — хошь одним глазом выглянем.

— Если, — говорит, — этих сто штук баранов съедите и сорок бочек вина выпьете, то сестру полуците, а то убьет.

Они велели одного поджарить, он поджарил, а они даже одного не могли съисть. Посидели, приотдохнули, с дедом распростились и отправились по тропке дальше. Идут-идут, стало вечереть и видят кострик. У костра дедушко, пасет сто пятьдесят штук поросят.

— Здравствуй, дедушко.

— Здравствуй, детки, далеко ле путь дёржите?

— А вот, дед, сестру искать.

— Трудно вам, детки.

— Ничего, хоть одним глазом выглянуть.

— Вот если этих сто пятьдесят поросят съедите, да сто бочек водки выпьете... А то — вернитесь.

Поросенка одного поджарили, ну они ничего не могли не поисть, не попить. Посидели, приотдохнули, и в путь отправились. Вот идут по тропке дальше — видят кострик. У костра дедушка пасет двести штук быков.

— Здравствуй, дедушко.

— Здравствуйте, детки, далеко ли правитесь?

— Да вот, дедушко, сестру искать.

— Трудно вам, детки.

— Да нам хоть бы глазком посмотреть.

— Съешьте двести быков, выпьете сто пятьдесят бочек водки, так добудете.

Он им быка зажарил, но они ничего не могли — ни поесть, ни попить. Идут-идут, видят каменно строение стоит за каменными воротами громадными. Заходят в квартиру, видят ихняя сестра сидит. Ну, она к им бросилась:

— Куда вы, братцы, вас мой хозяин убьет.

Вот они сели, приотдохнули. Вдруг зашумело. Они и спрашивают:

— Это что́ шумит?

— Это не шум шумит, не гроза идет, это мой хозяин летит.

Полезайте под печку.

Вот змей заходит в квартиру и спрашивает:

— Кто у тебя есть?

— Да братья пришли навестить меня.

— Поила-кормила ты их?

— Нет, они только зашли.

— Ну, веди их сюда и ставь ись.

Она из-под печки их вывела и стала ставить ись. А змей открыл две двери — из одной хлеб ковригами катае, из другой вино бочками.

— Ну, садитесь, закусим.

Ну, они сели. Змей целую ковригу да поросенка в рот, а им ницего не хоцеца — подкусили в дороге. Змей и говорит:

— Ну, можно выйтить побрататься нам.

Ну, вывел их на чистое поле и немного от них отошел и сраз-маху всем им оторвал головы. А тулова занес в подвал. Занес в подвал, там было две бочки крови: кровь срастающая да кровь оживляющая. Трупы туда и бросил, да ушел.

А мать дома плачет и плачет все. Да и пошла сама искать. Вот идет по тропке, а ей навстречу катится горошинка, она ей подняла, раскусила и пошла, и стала беременная и вернулась домой и родила сына, и пока за попом ходили, он вырос на сем-нацать лет. Поп пришел, и имя дал ему Иван. Вот Иван и спрашивает. Она ему все рассказала, что у его сестру волшебник охитил и три брата пошли ее искать, да назад не вернулись. А она пошла искать, и увидала горошину, и съела, и стала беременна, и его родила.

— А что если мне сходить поискать их?

Она его и отпустила. Вот он и пошел, выпросил у матери пять рублей денег и пошел к кузнечю, сковал трось.

— Извиняюсь, — говорит, — скуй мне трось пятьдесят пудов. Держать я буду, только вы сделайте.

Он эту трось получил, приходит домой ко крыльцу, бросил кверху, она и скрылась с глаз. Сам приходит в избу:

— Нать мне, мама, квасу напится.

Он взял чашку и напился и вышел, да увидел трось — поставил мезениц — мезениц не дрогнул, не то что рука. Он опять попросил пять рублей денег и пошел к кузнечю к троске прибавить еще пятьдесят пудов:

— Я, — говорит, — буду держать, вы только делайте.

Ну, кузнечь приделал ему еще пятьдесят пудов. Он приходит ко крыльцу, бросил трось кверху и пошел в избу квас пить. Выпил квасу, вышел вон, поставил межименный палец — рука не дрогнула. Попросил он у матки еще десять рублей, пошел к кузнечю:

— Ну, кузнечь, набав мне еще пятьдесят пудов.

Кузнечь набавил. Он выходит, идет к дому, закидывает троску и квасу пьет. Выходит на улицу — трось летит. Он поставил ладонь — рука немного почувствовала. И пошел он по той тропке. Дошел до первого пастуха:

— Здравствуй, дедушко.

— Здравствуй, дитятко, далеко ле правишьси?

— А вот, дед, сестру да братьев искать.

— Трудно, дитятко, вот если сто баранов съишь, да сорок бочек вина выпьешь, найдешь их. А нет, так и не ходи.

Он и говорит:

— Я ись захотел, могу пообедать.

— Жарить или нет?

— Я и так могу.

— У меня завсегда хозяин так ест.

Ну, он все это баранов, да сорок бочек водки и *околеснул*.

— Если б еще столько, я бы хорошо пообедал, — говорит. Дедушко и стал его благодарить, потому что он теперь его освободил. Потому, если одного барана не доест, то делается столько же. Ну, он дальше пошел. Второго пастуха встретил.

— Здравствуй, дедушко.

— Здравствуй, дитятко, далеко ли правишьси?

— А иду искать сестру да трех братьев.

— Их мой хозяин унес. Если у меня съишь сто пятьдесят поросят, да сто бочек вина выпьешь, так можешь достать, а нет, так и не ходи лучше.

— Ничего, я, — говорит, — пообедаю.

— Как вам, жарить или сырком? Мой хозяин сырком все ест.

— И я — сырком.

Съел поросят, да выпил вино и дальше пошел. Идет-идет, видит третий старик.

— Здравствуй, дедушко.

— Здравствуй, дитятко, куды правишьси?

— За сестрой, да братьями, не слыхал ле, дедушко?

— И слыхал, и видал, дитятко; если моих двести быков съишь, да сто пятьдесят бочек вина выпьешь — найдешь их. А нет, так ворочайся.

— Я бы, — говорит, — пообедал.

Ну и съел всех быков и выпил все вино.

— Хорошо, — говорит, — еще бы немножко и сыт был.

Ну, с дедом пораспрощался. Идет по тропке, видит каменно строение. Он посмотрел, ногой толкнул, все строение повалилося. Он с другой стороны — оно и вновь стало. Зашол в горницу — сидит девица:

— Здравствуй, сестра.

— Я вам не сестра, мои братья здесь убиты.

Зашумело вдруг, загудело. Он и спрашивает:

— Это что гудит, как комар пищит?

Она и говорит:

— Это не шум-шумит, не гроза идет, это мой хозяин летит, полезайте под печку.

— Нет, — говорит, — я и здесь посижу.

Тут заходит змей:

— Здравствуй, дружище.

— Здравствуйте.

— Ну, хозяйка, ставь ись.

Змей и стал ковриги да бочки накатывать. Накатал больши вороха. Ивана зовет. А Иван без треси не садится.

— Это мой верный друг, без него есть не буду.

Ну змей поросенка, да ковригу целиком в рот, а Иван по парочке. Ну, им и не хватило. Змей снова подкатил. Поели. Ну, теперь можно выйти побрататься. Привел в чисто поле. Ну Иван в змея тросью кинул, шесть голов отвалил. Змей и стал проситься:

— Не бей меня, давай побратаемся?

— А где мои братья?

— А они лежат в подвале, там есть две бочки — в одной кровь срастающая, в другой оживляющая.

Иван поднял трось и змея убил насмерть, а сам пошел в подвал, трупы взял. Из одной бочки плеснул — головы приросли, из

другой плеснул — стали живые, поклонились. Они и пошли отдыхать, а Иван пошел по двору, зашел в темный коридор, видит двери; сшиб и золота очень много видит. Ну, он взял бычьей кожи, связал из двести штук суму, нашол цепь большую и наклал полную суму золота. И отправились, и всем было тяжеленько и задумали приотдохнуть, подзакусить. И Иван о толстый дуб оперся. А братья взяли да к дубу цепью его и привязали. А он как был могучий, так меньше трех суток не спал. Они ушли, а он через трое суток проснулся и видит, что он не шутя привязан к дубу. Он раскачался, да как хватил по-хорошему, дуб и выскочил. Он так с дубом и пошел. Пришел, суму бросил и кричит:

— Мама, неси кошелек, я тебе долг верну.

Она вынесла свой кошелек, а он говорит.

— Это мне не кошелек, мне неси, побольше.

Она вынесла ему кошель из лучины, а он говорит:

— Это мне не кошелек, нет ли избы свободной?

Она ему подвал и отвела. А братья его пир пировали.

И говорят:

— Будем строиться и разделимся.

Они на лошади ехали, а он пешком ходил, да лес носил, а как братья его ненавидели, он и отправился куда глаза глядят. Шел-шел, видит дедушко сидит у дуба и плачет.

— Чего ты, дед, плачешь?

— Да как я этот дуб сверну, так и жизни решусь.

— Ну, не плачь, а отступись, побратаемся и подем дале.

Ну, побратались Иван с Вернидубом. Ну, пошли. Шли-шли, сидит человек у горы, плачет.

— Чего плачешь?

— Как мне не плакать — эту гору сворочу и жизни лишусь.

— Не плачь, пойдём вместе.

Ну, пошли втроем. На одной горе поселились. Задумали срубить хатку, срубили. Двое уходили расчистки чистить, а один оставался обед делать. Перва очередь Вернидубу пала. Вдруг у дверей затрещало, запищало:

— Открой, открой, перездынь через порог, накорми меня.

Вылез маленький старичок, охватил Вернидуба и давай трепать.

Натрепал, натрепал да под лавку бросил, из печки все по-вытаскал.

— Ну что, обед готов?

— Нет, угорел очень, весь день пролежал.

На завтра очередь Вернигора, и он дверь открыл, и его старичок натрепал, да под лавку бросил, обед из печи повытаскал.

Ну, а Иван-Горошек дело смекнул, что не угар. На завтра очередь оставаться Ивану. Ну, он обед наварил. У порога запищало-затрещало:

— Открой, открой, перездынь через порог, накорми меня.

— Не велик пан — откроешь и сам.

Ну, он хотел в суп лезть, а Иван его за бороду и схватил. Да об пол стукнул, да в угол защемил за бороду а сам посмеялся:

— Вот какой у братьев угар был! Я, — говорит, — вам ваш угар покажу.

А старик вырвался. Они пошли его следить и видят камень большущий, и под камнем дыра. Вернигор и спустил Ивана-Горошка. Иван отправился. Идет, видит дворец красивый. Красивая девица сидит:

— Здравствуй, девица.

— Здравствуй, у меня хозяин ретивый. Его здесь не взять. У него два чана, один с ослабительной водой, другой с осилительной водой.

Иван взял да чаны смешал. Пришел маленький мужичок, да Ивана сцапал, да завозились. Иван стал его побирать, а он в чан и опять на Ивана. А он сделался вдвое слабже. Иван его убил. А девица ему рассказала, что впереди еще две есть. Иван пошел, видит дворец, у окна красавица.

— Здравствуй, девушка, пришлось попасть и вас выручать.

Пошел дальше — самая красивая девушка.

— Ну, — говорит, — пойдём, я вашего хозяина давно убил.

Она срядилась и отправилась. У ямы он сказал:

— Первая пойдешь за старшего брата, вторая за среднего, а младшая за меня.

У дыры Иван старшую посадил, братья потянули да задрались, а девица говорит:

— Там еще есть.

Они вторую вытенили, да в драку, а она говорит:

— Там еще есть.

Они и третью вытенили, да задрались и не захотели Ивана доставать. Девицы уговорили, так они ремни хотели перерезать. А он им камень привязал. А он закричал, тогда девицы

сами спустили ремни и доставали Ивана. Тут они все разделились и отправились в разные стороны.

90. Волшебное зеркальце

В одном селе жила старушка-вдова. У ей был один сын. И вот тот сын был бесталаный. Ничего у него не́ как не было́. Жили они очень бедно́. Вот он раз сидит у порогу. И краюхи хлеба в доме не было́. И идет мимо старичок весь в грезе.

— Ванюша, — говорит, — накорми меня, напои меня.

— У меня, — говорит, — крошки хлеба в избе нету. Иди, дедушка, я тебя умою.

Вот-он етого старика в байну сводил. Умыл его сам. Всю грезь с него снял. Потом завел в и́збу, оболок лучшу рубаху и спать повалил. Вот тот старик выстал и говорит:

— Я твое добро упомяну. Если будет тебе худо, пойдти в лес. Дойдешь до росстани, увидешь синь-синь камень. Колони тот камень, я и оцютюсь.

И вот он ушел.

Мало ле времени, им совсем худо стало. Вот всё приели. Наживы никакой, пришлось им помирать. Ваня и пошел в лес. Дошел до росстани, лежит синь-синь камень. Он в тот камень колонул. Вдруг оцютился дедушко.

— Что, Ваня, в гости пришол?

Завел он его в лес, а там каменно строение. Он ему быка зажарил, угощение. Потом говорит:

— У тебя, — говорит, — Вань, таланта нет, нать тебе женин талант. Дам я тебе свою дочь взамуж, будешь ейным талантом жить.

А у него дочь раскрасавица, до того прекрасна, что бояре сватали. Вот она и волшебница. Такое у ей было́ зеркальце, что на што наведет, все ей видно. Ну они и поженились. Живут хорошо, богато. Тот старик домом правит. А они проклаждаются. Вот старик поежжает куда ле. Он Ване и говорит:

— Даю тебе ключи ото всех онбаров и комнат, во все ходи, а в один онбар не ходи. А пойдешь, так жону не води. А поведешь, так цветно платье не давай.

Вот старик и уехал. Ваня с жоной и пошли онбары да комнаты глядеть. Всюду золота много.

Ваня и думает: «чего он мни не велел в один онбар ходить. Там само лучше чтой-то есть». Вот он и пошел. Открыл онбар, а там самоцветно женьско платье виснися. Он и кричит:

— Марьюшка!

Она прибежала. Увидала это платье, руками заплескала:

— Ах, какво хороше!

Вот она и просится оболюки это платье. А он не велит. Она и плачет:

— Ты, — говорит, — хорошо платьё для жоны жалеешь. Дай хоть руки продеть.

Он руки велел продеть. Она руки в руковья продела да и говорит:

— Не видать ничего. Вели голову в ворот сунуть. Он и велел. Она голову сунула, да и дернула, да и оболюкла платьё. Поглядела на себя в свое зеркальцо и говорит:

— Какая красавица, а за мужиком живет.

Да пала на земь голубицей и улетела. Тут Ваньша и заплакал. Вот он склал котомучку и пошел жону искать. Идет, идет, плачет. Видит, щука у воды лежит, помирает, а в воду улезть не может.

— Эх, — говорит, — мне плохо, а ей хужо.

Взял да и бросил ей в воду. Она мырнула, да голову высунула и говоря:

— Я твое добро упомню. Как будет тебе плохо, скажи: «Щука, щука, упомни меня».

Вот он посидел, приотдохнул и дальше пошел. Идет, идет, стало вечереть. Вдруг видит, в *силах* орел бьется.

— Эх, — говорит, — мне плохо, а ему хуже.

Взял, *силья* распутал, орел и вылетел. Вылетел, на ветку сел да и говорит:

— Будет тебе нать, Ваньша, скажи: «Орел, орел, упомни мое добро».

Он и дальше пошел. Уж одёжу додёрживаает, весь приустал, исхудел. Вот, видит, медведь лежит, его сосной придавило. Еле жив.

— Эх, — говорит, — мне худо, а ему пущё. Взял сосну сдвинул. Медведь выстал.

— Будет тебе, Ванюшка, плохо, скажи: «Медведь, упомни мое добро».

Вот он и дальше пошел. Шол, шол, два года шол, всю землю прошол. Дошел до моря. А там вот царство, а в том царстве его жона королюет. Она свое зеркальце навела:

— Вижу, вижу мой муж идет, свою голову сложить.

Он к ей пришел. А она говорит:

— Буду тебя, мужика, казнить. Могешь ты до трех раз от меня прятаться. А дале тебе голову с плечь.

Он и пошел прятаться. Он и в колодечь хотел лезть, и в онбар, и в полé... А она зеркальце наведет да и:

— Не лезь, вижу, вижу, куда прячешься.

Вот он вышел на *улку* да и:

— Щука, щука, упомни мое добро!

Выскочила з мори щука, *ухопила* его, занесла на дно, песком присыпала. Вот та королева повела зеркалом на небо — нет его, на земь — и тама нет. Вот она на воду повела:

— Щука-рыба, подай его мне.

Щука его и вывела.

— Куда тебе, мужику, от меня спрятаться!

Ну другой раз. Он вышел на улку:

— Орел, упомни мое добро!

Налетел орел, ухопил его. Вот на небо занес, туцей накрыл. Она повела зеркальцо на воду — нет его, на́ землю — нет его. Повела на небо:

— Орел-птица, подай его мне.

Ну вот третий раз. Он вышел на *улку*:

— Медведь, упомни мое добро!

Медведь налётел, его в берлог уташшил, задом закрыл. Она навела на воду — нет его, навела на небо — нет его, навела на земь:

— Медведь-зверь, подай его мне.

Ну, надо ему голову снять. Он кончается, просит останий раз прятаться. Она говорит:

— Ну, еще раз прощу.

Он и не знает, куда прятаться. Тут девка-Чернавка ему говорит:

— Ты, — говорит, — пади у зеркала, за им и прячьси. Не может она зеркало на зеркало навести.

Он пошел, дверями хлопнул. Вот сам назад пóтиху да упряталси за зеркало. Она на воду навела — нет его. Она на небо навела — и тама нет. Она на земь навела —тоже нет. Искала, искала — нет нигде. Она говорит:

— Я думала, у меня муж черный мужик, а у меня муж хитрый хитрец. Вылазь, Ванюшка, быть мне верной жоной.

Он и выстал. Они и стали жить хорошо. Стал он жениным счастьем жить богато.

91. Золотой человек

В одном царстве жил царь. Был у него сын малолетний. И был сад с деревом. На том дереве росли три распрекрасных яблока. Царь очень их любовал. Вот раз утром царь выстал, а смотрит одного яблока нет. Он очень обиделся, созвал всех слуг — никто ничего не знает. Ну он поставил караул — двенадцать полков фельдфебелей. Вот на утро опять одного яблока нет, А весь караул не спал. Ну на третью ночь царь сам пошел с боярами. Вот ночью вдруг засветился весь сад. Вот пришел Золотой человек, огромного росту дедушка. И вот сорвал золотое яблоко. Царь разгорецился и наскочили на него все бояра. Посадили Золотого человека к клетку и присудили не в скором времени сказнить.

А Иван-царевич играл во двори и пустил стрелоцку. Залетела та стрелочка к Золотому человеку.

- Золотой человек, выкинь мне стрелоцку
- Открой клетоцку, дак отдам стрелоцку.
- Мне как, — говорит, — открыть?
- Ключи у маменьки твоей у пояса навешаны.

Вот он и побежал к царице. Вот положил на голову коленки:

- У меня, мамушка, в голове поищи.

Она стала ему в голове искать, а он ключи и сдернул. Вот побежал, отомкнул клетоцку. Золотой человек вышел, стрелоцку ему отдал. А сам его по голове погладил. И стали с того у Ивана-царевича золотые волосы. Вот Золотой человек и говорит:

— Ты мне, Иван-царевич, в беде помог. Вот будешь в горе, в несчастье, меня позови, и я помогу.

И ушел.

Царь собрал совет и войска. Идут Золотого человека сказнить. А клетоцка пуста и ключок торчит. Тут царь разгорецился:

— Сказнить, — говорит, — царицу. Она моего царского приказу ослушалась, Золотого человека выпустила.

Вот Ивану-царевичу стало матери жалко.

— Это, — говорит, — я ключи у ей с пояса сорвал да и открыл клетоцку.

Царь и велел ему итти по чужим странам шляться, ума набираться. Одед его, денег ему дал и слугу дал ему — Игнашку. Вот они пошли в чужое царство. Шли лесом и притомились. Вот Иван-царевич и за́спал. Проснулся, видит Игнашка у него на грудках сидит, хочет его резать.

— Не режь меня, Игнашка, я тебе что хошь дам.

— Сменяемся, дак будешь жить, а не сменяемся, дак зарежу.

— Сменяемся, — говорит.

Вот Игнашка снял с него оде́жу. За́брал деньги и стал за Ивана-царевича. А Ивана-царевича в худо платье одел и стал он за Игнашку-пастуха. А у Ивана-царевича золоты волосы горят Вот у Игнашки как кудель торчат. Он и велел Ивану-царевичу платом голову завязать. Вот пришел он с Иваном-царевичем в чужое царство. Его, Игнашку этого, встречают как царевича. А он говорит:

— Нет ли у тебя, царь, чо́го па́сти, у меня пастух с собой есть худющий.

— Есть у меня стадо кобыл. Только оны с норомом, пожа-луй не устережет.

— Вот не остережет, так и голову ему проць.

— А чему он у тебя платом закрыт? — царь его спрашивает.

— А он у меня плешивой. Так худо смотреть.

Вот и стали его звать — Плешивой. Вот Игнашка его и посылает:

— Иди, Плешивой, кобыл царских па́сти. Если не устережешь — тебе голову с плечь.

Он и пошел. Кобылы выбегли на зеленые луга и враз — кто куда. И следов не видать. Вечер стал. Он и не знает, что делать. Не собрать кобыл — живому не быть.

Он и заплакал:

— Золотой человек, упомни мое добро.

Вот вышел Золотой человек:

— Здравствуй, Иван-царевич, я твое добро крепко помню. Не плачь, не горюй. Пойдем ко мне в гости.

Вот он увел его по́д землю. Там у него всякие комнаты. Он Плешивого напоил, накормил. Дал ему золотую скатерочку.

— Будет тебя Игнашка-пастух худо кормить, ты скатерочку разверни — будет тебе хлеб овригами, вино бочками, будут всякие закуски.

Ну вышли они на́ луг. Золотой человек свиснул по-змеиному, гаркнул по-звериному, — сбежались все кобылы.

— Вот бери кобыл, правси домой.

Он домой пришел.

— Отворяй ти ворота, кобылы сыты идут.

Царь говорит:

— Этот у тебя Плешивой — хороший пастух

А Игнашка:

— Он озорной, ему нать загадку потяжелей. *(Все ладит его извести.)*

А у этого царя была дочь до того прекрасная, что все к ей сватались. Она и смотрит, что Игнашка хуже Плешивого. А что такое и не знает. Вот она все любопытствует, что у него голова повязана. Плешивого того в шалашик в саду жить прогнали. Есть ему Игнашка ничего дать не велит. Вот вечером пошла царевна в сад гулять, до шалашика дошла. А Плешивой голодом сидит. Вот он берет золоту скатерку разворачивает:

— Дай мне, скатерка, пить-есть.

Вот тут стало вино бочками, хлеб ковригами, закуски разные. Она тут топ это в шалашик.

— Ах ты такой-сякой, царь на редине кушает, а Плешивой-пастух на золотой скатёрке.

Да и вдарила его по щеке. Тут тот плат у его с головы сбился, золотой волос выкатилсе.

— Это чо у тебе?

Он плат повязал:

— Ничего, — говорит.

Вот Игнашка ему и придумал загадку. Выпустил на завтра сто зайцев на зеленые луга.

— Пропаси, да домой приведи. А не убережешь — голова с плеч.

Плешивой вышел, так зайцы в леса и убежали. Как соберешь?

Надо жизни решиться. Он лег и заплакал:

— Золотой человек, вспомяни мое добро.

Золотой человек вышел:

— Я твое добро крепко помню.

Ну, он его к себе повел. Подкусили. Выпили. Он ему подарил золотую дудочку.

— Ну, — говорит, — пора тебе домой правиться.

Вышел на зеленые луга.

Вот он свиснул по-змеиному, заревел по-звериному. Собрались все зайцы. Все сто налицо.

— Гони, зайцев домой.

Плешивой зайцев гонит, покрикивает.

— Отворяйте ворота, зайцы скачут кормлёные.

Царь и говорит:

— Этот твой Плешивой куда хороший пастух.

А Игнашка:

— Он — озорник. Лучше может цюдо сделать.

Ну Плешивой в шалашик пришол, золоту скатёрку развернул. Вот поел-попил. Вот он вынел золоту дудочку. Стал песни наигрывать. Сам наигрывает, а кругом вси птици слетели, с им поют.

Зашла царевна в шалашик да и хлесь его по щоке:

— Ах ты, такой-сякой, у царя музыка на березовой дуде, а у Плешивого на золотой.

У его плат и сползи. Она говорит:

— Это чо у тебя на голове блестит?

— Ничего, — говорит.

А они уж друг дружку залюбили, заинтересовали, только она все хочет узнать, какой он. Она того и бьет его, чтобы волосья доглядеть.

Ну назавтра Игнашка его погубить взелся.

Вот он выпустил сто воробьев.

— Пусть эти воробьи покормятся, а к вечеру их домой пригони. А не устережешь — голову с плеч.

Плешивой на луга пошол. А те воробьи во все стороны улетели. Вот Плешивому пришло время помирать. Он лег и заплакал:

— Золотой человек, вспомни мое добро.

Выскочил Золотой человек:

— Я твое добро крепко помню. Пойдем ко мне, погостюй. Завел его в свои палаты, накормил, напоил. Дал ему персень на межименный палец:

— Что тебе нать, персень с руки на руку перекинь. А я свое добро отслужил.

Вышел на зеленые луга. Крыкнул по-звериному, свиснул по-змеиному. Слетелись все воробьи. Плешивой погнал воробьев домой.

— Открывайте ворота, воробьи сыты летят.

Пошел он в свой шалашик.

Наелся-напился, в дудочку поиграл. Взял он персень, перекинул с руки на руку:

— Быть-стать мне в саду цветы лазоревы.

Тут и стали около него цвести цветы. Вот царевна вошла в шалашик:

— Ах ты такой-сякой, у моего батюшки-царя и богульник не растет.

Вот она и ударила его по щеки. У него плат и пал. Она глядит, а он не плешивой. Волосы у него золотые. Она говорит:

— Это чо такое?

— У моего батюшки и все сыны таки.

Она с ним и слюбилась. Стала к нему каждый день похаживать. Ну и живут.

Вот вдруг наступило чужое войско. Из других стран король эту царевну взамуж силой брать хочет.

Вот царь собрал все свое войско. И Игнашка-пастух за командира поехал. А царевна побежала в шалашик.

— Плешивенькой, выручай меня!

— Дай, — говорит, — мне коня с царьской конюшни.

Она коня не нашла, вси кони под солдат забраны. Она и дала ему водовозную клячу. Он на клячу ту сел и поехал. Вот он выехал за ворота, взял кобылу за хвост да кожу с ей содрал. На заборе повесил:

— Налетайте вороны, вам от царя обед изготовлен.

Сам перекинул персень с руки на руку:

— Быть-стать мне хорошего коня да железну саблю.

Стал ему хороший конь. Вот он саблю взял, налетел на войско, всех изрубил. А Игнашка-пастух под кущом сидит. Плешивой налетел:

— Хочешь, Игнашка-пастух, победу выкупать?

— А что возьмешь?

— По мезинному пальцу с обоих ног.

Он и отдал ему мезинные пальцы.

Плешивой домой уехал. Коня да саблю сбыл, на соломе спит. А Игнашка к царю поехал:

— Не печалься, царь, я всех бедил.

— Ну быть тебе моей царевны суженым.

Ну вот назавтра новая сила нашла. Царь собрал все войско на врага. А Игнашка в поле выехал, за кущ спрятался.

Царевна в шалашик забежала:

— Плешивенькой, выручай меня.

— Дай мне коня с царьской конюшни. Она пошла искать, а вси кони забраны. Она и дала ему навозну клячу.

Он выехал за ворота, за хвост взял, да шкуру и содрал. На заборе повесил:

— Кушайте вороны, царьско угощение.

Ну вот перекинул персень с руки на руку:

— Быть-стать мне хорошего коня, серебряну саблю.

Сел на хорошего коня да и пошел рубить. В одну сторону махнет — станет улочка, в другу сторону махнет — будет тропочка. Всех перебил, притоптал. Поехал, а Игнашка за кустом сидит.

— Хочешь ли, Игнашка, победу выкупать?

— А чо возьмешь?

— Ремень из спины.

Он и дал ему ремень из спины. Вот Плешивой уехал. А Игнашка к царю пошел:

— Всех бедил, царь.

— Хорошо, царевичь, мою дочь взамуж возьмешь.

А тот чужой король не униматся. Набрал еще силы больше. И опять пришел. Или ему царевну давайте или весь город сгубит. Вот царь последнее войско собрал. Игнашку посылает:

— Ты ерой, поежжай из последнего биться.

А Игнашка поехал да за кушь и спряталси. Царевна в шалашик забежала:

— Плешивенькой, спаси меня.

А он говорит:

— Дай мне коня из царьской конюшни.

Она побежала. Вси углы избегала — нет ни одной лошади. Достала ему худющую навозну клячу. Он за ворота выехал, кожу с ей содрал:

— Кушайте, вороны царьско угощение.

Персень кинул:

— Быть-стать мне хорошего коня, золотую саблю.

Он саблей бьет, конем топчет. Всех прибил, притоптал.

А Игнашка под кустом сидит:

— Игнашка, будем победу торговать?

— А что хочешь?

— С руки по мезинному пальцу.

Он и отдал. Пошел к царю:

— Я, царь, всех бедил.

— Ну вот, ладно, будем сегодня свадьбу играть.

Ну вот стали свадьбу играть. А царевна в шалашик побежала:

— Плешивенькой, выручай меня.

Он взял, персень перекинул:

— Быть-стать мне цветно платье, королевское.

Он срядился. Плат снял, золотые кудри расчесал. Стал молодец. Образовался из Плешивого — Иван-царевич. Вот он пошел на свадьбу. Царевна говорит:

— Не за тем мне быть, что за столом сидит, а за тем мне быть, кто сейчас придет.

А Игнашка-пастух как увидал Ивана-царевича, весь побелел. А тот говорит:

— Кто, царь, у тебя войско бедил?

— А вот, — говорит, — Иван-царевич.

— Это его победа у меня в кормане лежит.

Вынул и показывает, четыре мезинных пальца да ремень из спины.

— Кто царь у тебя Иван-царевич?

— А вот за столом сидит.

Тут Иван-царевич и говорит:

— Плох ты, царь, царевича от пастуха не узнать. Поди прочь, Игнашка-пастух!

Тут того и прогнали. А они поженились и стали жить.

92. Чорт и совик

А еще был у нас в Кевроле такой нехороший человек. Всех всегда ругом ругал, иначе как «чорт» да «дурак» и слова ему не было. Сына очень бил. Вот раз он с работы пришел. В лесу зимой работал. В совике в йзбу вошел, да давай стягивать, а совик намок — не лезет. Он тогда и заругайся на сына:

— Вот чорт, помочь не можешь!

А откуда ни возьмись, тут чорт и пришел. Давай с него совик ташшить. Ташшит вместе с кожей. Мужик кричит, а чорт та́шшит. Так кричал, что всё село сбежалось. Прибежал и поп, стал его отчитывать: «Отче наш» и молитвы всякие, ну чорт и убежал, да с совиком вместе. Мужик-то еле очухался, а со-

вик так и не нашли больше. Ведомо так — чорт, так в чортов дом и унес.

Так и всегда, в недобрый час его помянешь — он тут как тут, только добра от этого не жди. Потому бес человеку дан на посрамление да на горести.

Прасковья Димитриевна Чорная

93. Горохово зерныско

Были петушок да курушка, по́рхали на горúшке. Петушок и подавилси гороховым зерныском. Курушка побежала к реки:

— Река-река, дай воды, певунок подавился на тутовой горушке гороховым зерныском.

— Поди к бору, бор дас кол, дак и я дам воды.

Побежала курочка к бору:

— Бор, дай кол, кол нести к реки, река дас воды, воду нести к певунку, певунок подавилси на тутовой горушке гороховым зерныском.

— Поди к липы, липа дас лыка, дак и я вам кол.

— Липа, дай лыка, нести дубу, дуб дас кол, нести реки, река дас воды, певунок подавился на тутовой горушке гороховым зерныском.

— Пойди к девке, девка дас коровай, я дам лыка.

— Девка, дай коровай, нести липы, липа дас лыка, нести дубу, дуб дас кол, нести реки, река дас воды — певунок подавилси гороховым зерныском на тутовой горе.

— Поди к коровнице, коровница дас молока, дак я дам коровай.

Коровница дала молока, девка дала коровай, липа дала лыка, дуб дал кол, река дала воды.

Певунок напилси-наелси да:

— Кукареку!

94. Решата

Был Максим-решатник. Вот сплёл решата. Шол по дороге и сронил решето. Залетела муха-горюха, стала вековать.

Налетел комар-пискун:

— Тут кто в дому?

— Я — муха-горюха. А ты кто?

— А я — комар-пискун, пусти отдышаться.

— Залетай.

Стали вековать. Пришел уж.

— Кто в дому живет?

— Я — муха-горюха, да комар-пискун, а ты кто?

— Я с горки свертышь, пустите погреться.

— Залезай.

Стали век вековать. Пришла зеленá лягуха.

— Стук-стук, кто в дому живё?

— Я — муха-горюха, комар-пискун, с горки свертышь, а ты кто?

— Я из-под куста ляпышь, пустите погреться.

— Залезай.

Стали вековать. Пришел бел горноста́ль.

— Стук-стук, кто в дому живет?

— Муха-горюха, комар-пискун, с горки свертышь, из-под куста ляпышь, а ты кто?

— Я — горноста́ль, по кустам вертышь.

— Подь под решаца.

— Стук-стук-стук!

— Кто там?

— Я — заюнок-кривонóг, на ногу легок, да лисица на горы кросна, да я — волк широка челюсть.

— Подите в дом.

— Тут-тук-тук, кто в дому живё?

— Я — муха горюха, да комар-пискун, да с горы свертышь, с под-куста ляпышь, по кустам вертышь, заюнок-кривонóг на ногу легок, лиса на горы кросна, волк широка челюсть, а ты кто?

— Я — медведь толста-пята, пустите под решаца.

— Ты большой, не войдешь.

Он тут лапу навалил да всех задавил.

95. Присказка

Девки поповы

По воду ходили,

Голуба убили,
На́ пень посадили.
Голуб на пну не сидит,
Хлопоту́ говорит.
Хлопота ль ты моя
Да иссушила ты меня.
Да на горке садок
Зеленешенек стоит.
Да у троицы попок
Молодешенек поет.
Да и свецки тонёньки,
Просвирки мяко́ньки,
Кутья сладка,
Поподья гладка,
Шея и плечо
Как гусино яйчо,
Да и лоб и лицо
Как зеркальцо.

96. Кукушка-помощница

Был-жил царь с царицей. У их было двенадцать сынов, ни одной доци. Царь очень по доци жалилси. Вот цариця забрюхатила. Царь поехал на дальне города. Говорит:

— Как народишь доць, так изладь веретешко да *прялицу*, да *выздынью* ворот. А как народишь сына, то луцок и стрелку.

Вот цариця и родила доци. Родила. И повесила веретешко да прялицу у воротей-то. А у их была девка-Чернавка. Она ране все за царя давалась. Вот она по злобе и взяла да веретешко-то с прялицей сбросила, да повесила луцок да стрелку. Царь как увидал, что значит еще сына цариця принесла, разобиделся и уехал в дальни края царствовать. Стала цариця сама доцьку рóстить. Выростила до возрасту. Доци за папенькой и *стоснулась*. А девка-Чернавка и говорит:

— Кто где видал, хто где слыхал, чтоб дочи папеньку не знала, дай я ей свезу к царю.

Ну цариця и спустила. Сладила саноцки. Царевна села в те саноцки, а Чернавка на облук. И поехали. Ну, едут. Чернавка и говорит:

— Кто где видал, кто где слышал, чтоб доци к папи грязна ехала? Слезь, царевна, оммой ножки.

А кукушка на дереву:

— Ку-ку! Наташенька,
Не слази с саней,
Не омой ног.

Царевна и говорит:

— У меня ноги-те цистые.

Ну, дале поехали. Стоит озерцё.

— Кто где видал, кто где слышал, чтоб царевна к отцю грязная шла? Слезь, оммой руцки.

А кукушка:

— Ку-ку! Наташенька,
Не вылазь из саней,
Не мой руцок.

Царевна и:

— У меня руки-те цистые.

Едут дале, а Чернавка:

— Кто где видал, кто где слышал, чтоб царевна к царю грязна́ шла? Слезь с саней, оммой лицё.

А кукушка:

— Ку-ку, Наташенька,
Не вылазь из саней,
Не мой лицё.

Царевна и:

— У меня лицё-те цисто. А Чернавка говорит:

— Ишь кака ленна, грязна, я таку к царю не повезу.

Царевна и слезла с саней тех.

А Чернавка-та ей шурнула на зень, все с ей сняла, весь *сряд*. Сама оболоклась. На сани села, а ей себя весть велела. Пришла к царю да:

— Я твоя дочерь, царь. Тебя девка-Чернавка омманула, луцок да стрелку повесила. А я самая родилась.

Царь срадовался. Ее за стол посадил. Срядил хорошо. А дочьку-ту Наташку по́слал на гноище коров пасти. Она па-сет да поёт:

— То-ты, кукусецка,
То-ты, говорусецка,
Ты скажи моей маменьки:

Доцка твоя коров пасет,
Чернавка у царя пероги едѣт.

Ето пастух услышал. Да и пришол к царю:

— У тебя, царь, Чернавка вместо доци сидит. А дочька пасет.

Царь разгорецился, этого пастуха прочь прогнал. А царевна-
та на другой день коров пасе:

— Ешьте, пейте, батюшковы коровы.

Да плаце:

— То-ты кукусецка,
То-ты говорусецка,
Ты скажи моей маменьки:
Доцка твоя коров пасѣ,
Чернавка у царя пероги едѣ.

Тут услышал куцер. Пришол к царю:

— У тебя, царь, не ета доць. Твоя доць на гноище коров пасѣ.

Царь разгорецился, да него прогнал. Ну все ж таки раз-
думал — «У меня есть слуги самые верные, нать самому дело
догледеть». На другой день сам пошол. А царевна на гноище
сидит, плацѣ:

— То-ты, кукусецка,
То-ты говорусецка.
Ты скажи моей маменьки:
Твоя доци коров пасѣт,
Чернавка у царя пероги едѣт.

А кукусецка ей и куковаѣт.

— Ку-ку, Наташенька,
Я тебе наказывала:
Не вылазь из саней,
Не мой лицико.
Девка-Чернавка
На зень шурнула,
Сряду забрала,
В сани вылезла,
К царю в дочьки вошла,
Тебя, царьску доць,
На гноищѣ согнала.

Ну, царь тут и выскоцил. Стал ее привецать. Чернавку на
воротях ростреляли. А он с царевной к царице поехал. А там
двенадцать молодцов, двенадцать добытчиков. И стали хоро-
шо жить. Может и теперь живут.

97. Присказка

Шол я по горочке
До нашол я часовеньку,
На часовеньке два голуба сидит.
Один голуб ничего не говорит,
Другой голуб разговаривает:
Завтра не будёт обеденка,
Поп во щях заварился,
Дьячок в лесу заблудился,
Пономарь с колокольни убился,
Яков с печи свалился,
Трапезник в трапезни угорел,
Просвирня в квашни утонула.

98. Никола Дупленской

Был мужик старой, а жонка молода. Она мужика не любила. До ей дьякон ходил. Дьякон-то ходит, а мужик доглядывает. Она всё и думат, как бы мужика извести. Исть стала худо давать. Мужик отошшал. Ну стал думать. Пошел лесовать, да нашол хонгу стару с большим дуплём. Он домой:

— Жона, я тебе нашол Николу Дупленского. Могутний святитель! Чего хошь, цюдо ученит.

— А хде ето?

Он ей сказал дорогу-то кривлём, а сам напрямик побежал, да в то дуплём и спряталси. Она пришла, свецку принесла. Стала и молица:

— Никола, святитель Дупленско́й, кабы мой муж, да не был живо́й.

А он ей из дупля-то:

— Корми маслом да перогами бёлыми, распростица душа у его с телом.

Она домой прибежала, масла сбила, да блины расчипила. Мужик пришол, а она его блинам кормит, масла льет, да сама приговаривает :

— Кушай, кушай, муженек, маслом смащивай.

Да все глядит, не помирает ли.

А он наелси, и ништо ему помирать.

Она его три дни улещивала. У его и силы поприбавилось. А на четвертой день она к Николе Дупленскому. А он вперед в дуплѣ залез.

— Батюшка, светитель Дупленской, не берет моего-то.

А он:

— Не помогает аще,

Прибавь еще каши.

Она и стала мужа кормить. И блинами, и маслом, и кашей. Он и раздобрел. Раздобрел да силы у его прибавились. Она гледит, он не помирает.

Она и пойди к Николе Дупленскому.

— Батюшко, помоги, кабы мой старый хрыч не был живой.

А он из хонги-то выскоцил:

— Та за что его молишься?

Да на́рвал вицы, да настегал ее. Дак она и про дьякона позабыла. Стала завсѣ хорошо кормить.

Евдоким Сухарев

99. Заяц-хваста

Жил-был заяц в лесу и судьбу свою он спровожал. Летом ему было хорошо, а зимой плохо. Приходилось к крестьянам в гумно ходить снопы воровать.

Приходит он к одному крестьянину, а тут уже стадо зайцев. Вот он и начал им хвастать:

— У меня не ус, а усище, не лапа, а лапища, не зубы, а зубища — я никого не боюсь.

Вот он и опеть пошел в лес. А они рассказали тетке-вороне. Тетка-ворона ту *хвасту* и услыхала. Она пошла эту хвасту разыскивать и нашла его под кокоринной. Заяц испугался и говорит:

— Я больше не буду хвастать!

— А как ты хвастал?

— А у меня не усы, а усища, не лапы, а лапища, не зубы, а зубища.

Вот она его и потрепала и говорит:

— Боле не хвастай.

Вот раз сидела ворона на заборе, собаки ей подхватили и треплют, а заяц увидел и говорит:

— Как бы вороне помочь?

Вот собаки увидели зайца да за ним и побежали, а ворона опять на забор. Заяц утрепал, а собаки еле ноги уволокли, устали. Ну, ворона и сидит, а заяц и прибежал.

— Вот, — говорит, — ты молодец, не хвастун а храбрец, годишься мне на ужин.

Да и съела его.

100. Кривая уточка

Жили-были дед да баба. Они пошли за грибами в лес, нашли уточку. А та уточка крива. Вот они ее взяли и домой унесли. А дома встали назавтра и пошли опеть за грибами, а ей сделали утечье гнездышко из перьев. А уточка стала девушкой, она им избу умыла, да воды наносила, пирогов испекла. Ну, дед и баба пришли и говоря:

— Кто это у нас так обделал все?

И пошли к соседям спрашивать.

А соседи говоря:

— У вас тут девушка кривенька водú носила.

Вот они и назавтра ушли. Да в нарóк и упрятались в чулан. Уточка и стала девушкой и пошла за водой. А дед да баба выскоцили да ее перушки и бросили в печь. Эти перья все и сóжглись.

Тут пришла девушка и заплакала и запросила у их золотой челнок, золоту прялоцку. Вот она села на крылецко и прядет куделю. Тут летит стадо гусей-лебедей.

Она и говорит:

— Гуси мои любезные, дайте мне по перышку.

А те говорят:

— Другие летят, те дадут.

Опеть летит стадо гусей-лебедей.

— Гуси мои любезные, дайте мне по перышку.

— Другие летят, те дадут.

Тут летит одинакой гусь, да и бросил ей перыски, стала она

опеть утоцкой и улетела. Поплакали дед с бабой, да ницего не выплакали.

101. Лесная хата

Жили-были дед да баба. У их были две доцери: одна дедова, а друга бабова. Вот баба и говорит деду:

— Вези свою доць, куда хошь.

Дед не перечить. Везет свою доцьку и видит в лесу хату, а в хати никого нет. Он оставил свою доцьку и говорит:

— Ты это здесь посиди, а я схожу в лес за дровами.

А сам-то приципыл к двери березову ветку. Та стучит, да стучит, а доци думает, что батька дрова рубё. А батько давно дома. Вот входит лошадыя голова, без ног, без хвоста, и говорит:

— Девчёнка, девчёнка, отвори мне ворота. Девчёнка, девчёнка, пересадь с порога на лавку. Девчёнка, девчёнка, спать уложи.

Она все ей так и сделала. Та и говорит:

— Полезай мне в правое ухо, а в левое вылазь.

Вот она вылезла, да стала красавиця, как цариця. Тут к ей и кони приехали и повезли к дедову дому на коретнице. Вот все так и охнули:

— Была девка, а вышла цариця!

Вот она всех одарила, и отца, и бабу, и бабину доць. Вот баба и говорит:

— Вези туда и мою доць, где твоя была.

Вот дед и привез ее в лесну хату. Опеть говорит:

— Я схожу за дровами.

Да опеть привезал березову вицю к двери, она колотитце; девка думает: «Отец дрова секёт». Вот едё голова кобыля, без ног, без хвоста:

— Девчёнка, девчёнка, отвори мне ворота.

— Сама, барыня, отворишь.

— Девчёнка, девчёнка, пересадь через порог, постелю постели да спать уложи.

— Я, — говорит, — и дома не улаживаю и тебе не стану ладить.

— А ты полезай мне в лево ухо, в право вылазь.

А она только вылезла не пышной царя́нкой, а беззубой старухой.

102. Орел

Были-жыли старик да старуха. У их были цыпочка да мышка. Цыпочка да мышка нашли зернятко. Ну, нашли зернятко, посадили — вырос колос. Стали делить, да онно зернышко лишне. Ну, стало, как его делить? Ну, цыпка и говорит:

— Я соберу всих птиц. А мышка и говорит:

— А я соберу всих зверей.

Ну, собрала цыпка всих птиц, а мышка всих зверей. Ну, они бились-бились и орлу-птице оторвали крыло. Орел-птиця закатилси в борозны и в борозны катается. Приехал мужик орать. Орел и говорит:

— Мужик, мужик, возьми меня на три года на прокорм, я себе крыло рощу.

Вот мужик его год кормит, а орел исть очень много. Ну, хотел его мужик выбросить, да тот его *конать* стал. Ну, он его еще два года кормил. Выростил орел-птиця себе крыло и говорит:

— Ну, захватывай за право крыло и полетим восвояси.

Ну и полетели. Летели-летели низко ле высоко, близко ле далеко. Орел его с висока и бросил. Ну, мужик и заплакал:

— Я тебе три года кормил.

Орел его подхватил и говорит:

— Ты меня, — говорит, — тоже бросал.

Ну, полетели. Летели-летели, орел и спрашивает:

— Это что там: беле или красне?

— Беле! — мужик говорит.

— Это, — орел говорит, — оловяна девица, орлова сестриця. Будё она тебя дарить, ничего не бери, бери один ящичок.

Стала оловяна девица мужика добром дарить за то, что брата кормил. Мужик ницего не берет — просит ящичок. А девица и говорит:

— Брата жалко, а ящичок жальчё.

Да и не дала. Вот они и полетели. Летели-летели:

— Че ле там: беле или красне?

— Беле.

— Здравствуй, серебряна девица, орлова сестрица. Чем будешь мужика за братний прокорм дарить?

Стала она его хорошим добром дарить. А он ницего не хочет — хочет ящичок. Она и говорит:

— Ну, брата жалко, а ящичок жальчё.

Не дала, оны и полётели. Летели-летели, орел и говорит:

— Че ле там видно: беле или красне?

— Красне.

— Вот золота девица, орлова сестриця!

Она их напоила-накормила. Она его всяко накормила — всяко-всяко. Стала добром дарить, а он просит ящичок. Она и говорит:

— Ящичок жалко, а брата жальчѐ. Бери, только до дому ящичок не открывай.

А он пошел и думал, что в этом ящичке есь. Он раскрыл и ему все явилось, что в жизни надоть — по дороге рассыпалось, а назад в ящичок не склалось. Он и заохал:

— Кто бы мни-ко помог добро назад скласть!

Да по слову, по слуху явила; Кощей Бессмертной и говорит:

— Кого дома не знаешь, так посули, я тебе в ящок все и складу.

Он, мужик тот, и отсулил. Ну, Кощей добро склал и говорит:

— Ну, иди до дому — большо не открывай.

Он домой пришел, а у него тама и родился мальчок. Он, этот мальчок, и отсулен, значит. Он раз окно разбил, а ему бабка и крытит:

— Ах ты, материнско рожденое, отцовско посуленное.

Он и задумалси. Отцу уж нать его вести. Бабка и говорит:

— Дитятко, он тебе отсулил Кощею Бессмертному. Скажи, дитетко, маменьки: напеци подорожницков, надоть тебе итти. Иттить тебе к царю пенному. Как дойдешь ты до кущёй, ты иди за те куссья, прячься. Прилетят девки голубями купаця. Ты гледи, который голубь разоболокается навперед, навперед в воду бросается, ты от той платья возьми.

Ну он и пошел.

Шол, шол, дошел до озера. Сел за куссья. Прилётели девки голубами купаця. Один голуб вперед разоболокается и вперед в воду бросается. Он взял ее платье и украл. Тут тогда заплакала девка и говорит:

— Кто взял мое платье, еслиф стар-старичок — будешь дедушкой, еслиф молодой-молодец — будешь суженым.

Он и вышел. Она говорит:

— Уж теперь я тебе, суженой, помогать должна. Ну, как войдешь ты в царсво к царю пенному, так у моей избусецки маленько замасѐ полотенцем.

И пошел он туды и дошел до избусецки, тута маленько за-
маха полотенцем. Он к ей и взошел. Она его пьяным напоила
и свела в кузню.

— Подь, скуй, — говорит, — десять пуд молот.

Он и сковал, десять пуд лехко подымает. Она и говорит:

— Скуй, молодечь, в двадцать пуд молот.

Он и в двадцать пуд лехко сковал. Она и говорит:

— Иди, — говорит, — к моему отцю, ничего не бойси. При-
шел он к воденному. Тот и говорит:

— А, — говорит, — цертяный посуленышь! Ты, — говорит, —
за одну ночь мни-ко поле засеи, жито выроста, убери, да муку
смоли. А не сделаешь так с плеч голова долой.

Он к ей пошел, голову повесил. А она говорит:

— Не пецелься, спать ложись, утро вечера мудренее.

Она вышла на крылецко, илатоцком махнула, набежали
работницки, стали работать. На утро все готово. А царь воде-
ной осмотрел и говорит:

— Не твоего ума дело ето. Ну, — говорит, — ты из моих девок
себе невесту выбери, а не выберешь — с плеч голова долой.

Он домой пошел, голову повесил, а она говорит:

— Вынесет он лукошко полно яичек, на одном яичке будё
чарапíночка, — это я и буду. А в другой раз выведет он две-
надцать голубоцков, одинаких одна в одну, одна голубка праву
ножку воздымать и ставить будё, это я и буду.

Вынес ему чарь лукошко яиц. Все в одно, яици-то. Он пере-
бирал, перебирал, нашол чарапíночку: «Это, — говорит, — моя
невеста». Чарь рассердился и говорит:

— Не твоего ума это дело.

Вывел ему двенадцать голубушек, одна в одну, только одна
голубиска (*sic!*) ножку вздынет и станет.

— Это, — говорит, — моя невеста.

Чарь разгорецился:

— Не твоово, — кричит, — ума дело.

Ну они в избушку пришли, она, девка-то, и нарядила
куколку-говоруню, на постелю посадила и говорит:

— Ваня, нам скорее уходить надо, а то царь нас убьет.

Они и побежали. А чарь пришел и стучит в дверь. А куколка-
говоруня и говорит:

— Ай, — говорит, — мне не сесть — брюшко болит.

А чарь стучит:

— Ай, лихо встать, — говорит, — брюшко болит.

Чарь дверь вырвал, разгорецился, куколку стоптал и погоню срядил. А они бежали-бежали, девка и говорит:

— Ваня, лег брюшком, послухай ушком, не бежит ли погоня. Он лег и послушал — погоня едет. Она сделала его попом, а сама стала черковью. Чарь доехал и говорит попу:

— Не видал ли людей проежжих?

— Я, — говорит, — двадцать лет попом, никто здесь не проежживал.

Чарь и вернулси. А потом сдумал, что это они самы были, и поехал за ними. Они бежали, бежали.

— Лег, Ванюшка, брюшком, послухай ушком, не едет ли погоню.

Он послушал.

— Едет, — говорит.

Она и сделала его темной ночью, а себя ясной звездочкой. Чарь в ночи заблудил и домой вернулси. А они дале, побежали.

Анисья Тараканова

103. Улита

Играли на улице Ванька да Санька. Проти Улитушкина двора. А мать ее много всяких плотков навесила, говорит:

— Кто мою Улитушку возьмет, тот богат будет.

Санька говорит:

— Ванька, я на ней женюсь.

А эта Улитушка была слепа. Мать и говорит:

— Как придет кто сватать, я под порог иголку поло́жу.

А пришли сваты.

Улита и говорит:

— Мамка, мамка, под порогом иголка в щелі́.

А мать и говорит:

— Вот у меня Улита с печи видит.

Приехали за невестой, а мать мяса кусок под лавку положила, а Улитка и говорит:

— Матка, кытка, кытка-кытку-то под поток, под поток.

А мать и говорит:

— Вот Улита что видит.

Посадили за столы, и положили матери за пазуху масла кружок. А она стояла и говорит:

— Материно добро по пятам побежало.

Ну вот ехали-ехали, *княгина* на двор захотела. Сватья-то и заревела:

— Бояра, остойтесь, княгина на двор захотела.

Она ушла на двор и повесила цепи на кушь и оставила. Поехали дальше бояра и ревут:

— Бояра, остойтесь, княгина на двор ходила, цепи погубила. Сватья и побежала за цепями, а она кричит:

— Тут попекайте, де гавно-то пышет.

Вот сватья сбегала и принесла. А те доехали и стали за стол. Отстоели бояре и уехали, а они легли спать. Спали, спали, а княгина и говорит:

— Я исть хоцу. Он и говорит:

— Поди в шкафу пироги мяжки испечены.

Она пошла да мышей да кротов под шкафа съела и говорит:

— У нашего батюшки мякливы да пухливы, а у вашего батюшки косливы.

И опять ей на двор захотелось. Он говорит:

— Пойди, там нужник есть, да там рядом котел стоит — туда не попади.

Она пошла, да в котел, да и говорит:

— У нашего батюшки тяп да ляп, а у вашего батюшки тынь да брынь.

Она говорит:

— Где мне руки вымыть?

А он говорит:

— Пойди в горенке *рукомойник* стоит, а рядом *лагун*, дак в лагун не попади.

Она пошла да в лагуне руки вымала, да еле вытащила.

— У нашего батюшки поливай да мойся, а у вашего батюшки — запихай, дак и не вытащишь.

Она говорит:

— Где мне руки вытереть?

— Пойди, в горенке *спичник* висит, да батюшку не строни, он молиця.

Она пошла да батюшку стронила.

— У нашего батюшки все в одном месте стоит, а у вашего батюшки пало да застонало.

Она говорит:

— Я пойду, Иван, затоплять.

Да на поветь вышла, да засветила сено. Прибежала и говорит:

— Тепло да светло стало, тепло да светло.

Вот пошла Улитушка к матери, во хлев, к овцам. Мать и говорит:

— Что-то у меня овцы кричат, по Улитушке, *стоснулись*.

А Улита на баране сидит:

— Вот я — эва! Вот я — эва!

Она и дала Улитушке красны рукавицки, да синь кафтанец, да пестры чулоцки. И спровадила к Ивану. Она шла-шла, да птичка летит:

— Синь кафтан хорош!

А она учуяла: «Скинь кафтан, да положи!» — сняла да положила. Пошла дальше — птичка говорит:

— Красны рукавицы.

А она подумала: «воровскі́ рукавицы». Она и их сняла. Шла-шла, ревет птичка:

— Пестры цулоцки.

А она учуяла: «воровски чулочки». Она сняла да в одних катанцях пошла. Она шла-шла, озябла, да села на снег греця. Она шла на́га, а ребята ревут:

— Приворачивай на перепутья — разорвем на лоскутья. Она приворотила, и ее рóзорвали.

Сказке конец — соломенный дворец, во дворци-то пять овец да шостой жеребец. Девка на пецку лезе, пугвицы рвуця, сарафаны деруця.

104. Лиса-плакса

Жили старик да старуха. Вздумали садить на байну репу. Больша-прибольша выросла репа-та. Ну старик и говорит:

— Как мы будем с тобой репу собирать? Оба ста́ры, дети ма́лы. Я залезу, а тебя в мешок посажу. Только ты не перди, не хohoци, а то я тебя стронú.

Она перднула, а он ее и стронил. Старуха пала да занемогла. Ну, старик пошел плаксу искать. Встретил лісу.

— Куда, старик, пошел?

— Старуха пала, да неможё. Иду плаксу искать, в байне парить да прицитать.

— Я пойду.

— А ты умеешь ли прицитывать?

— Умею.

Она и заприцитала:

— Леу, леу, леу, у старицка жона умерла, некому кашку варить, некому дётей поить.

Он и взял ее. А лиса и говорит:

— Иди байну топи, да приготовь пять фунтов сметаны, да роговик масла, я тебе налажу жонку-ту.

Ну, истопили байну, она и говорит:

— Ты, старик, стереги меня.

Она маслицо съела, сахар слизнула и выходё, да старику говорит:

— Я завтра приду, ты сготовь пять фунтов сметаны да роговик масла.

— А где, — старик говорит, — мое масло?

— На старуху смазала, чтоб ловчее ладить.

На другой день пришла, в байну зашла. Масло слизала, сметану съела.

Выходит и говорит:

— Я завтра опять приду, сготовь мне кадушку масла, чтоб ловчее ладить.

Назавтра пришла, в байну зашла. Старик ждет-пождет, — нет лисы, нет жоны. Пошел в байну, а там мертва старуха да от масла кадуха.

105. Золота сапоцка

Царь захотел жоница. Пошел к петуску золотой сапоцки просить.

— Петушок, петушок, дай золоту сапоцку, я тебе завтра отнесу.

— Возьми, — говорит, — только завтра отнеси.

Царь пожонился. Петусок приходит, сел на обоконье и кричит:

— Царь, кукуреку! Отдай мне золоту сапоцку. А у царя были слуги. Он и велел:

— Возьмите его в воду бросьте!
Взяли и бросили. А петушок и говорит:
— Горло, пей, горло, пей, всю Пинегу-реку выпей!
И выпил всю Пинегу-реку. Ну, опять приходит на обоконье и опять ревет:
— Отдай золоту сапоцку!
Он опять говорит слугам:
— Возьмите розожгите огонь и сожгите его.
А он говорит:
— Горло, лей, горло, лей и вылей все!
Ну, оно и вылило Пинегу-реку. Ну, царь говорит:
— А кака оказия! Ничем его не возьмешь! Возьмите ему голову отрубите и сжарьте.
А слуги уже бояца резать петуска, и взяли барашка срезали, и его мясо царю дали.
А петусок сел на обоконь и ревет:
— Царь, отдай мне золоту сапоцку.
Царь и говорит:
— Отдайте, свисните ему сапоцку в глаза-то.
И свиснули ему сапоцку. Он и заревё:
— Кукореку! Отдал, отдал сапоцку!

106. Присказка

Солнышко низехенько,
Коровушка близёхенько,
Ходи, мати, домой,
Напеки пирогов.
На печи пецинки,
На горбушке муцинки,
На печи колаци,
Не про вас пецены,
Про боярских людей.
Бояре-те наехали,
Собак навезли.
Собаки-те залаяли,
Попа испугали.
Поп под стол,
Попадья на стол.

Вывели коня
Из заднего хлева́,
Под копытом-то бело,
Не подковано.
Садись на коня,
Поезжай на базар,
Купи сарафан
Не долог, не корото́к,
Не по полу ходить,
Не по лавкам ходить,
Ходить по столу,
По серебряному.
Из кокота-то не пить.
Из *кокотушки* не пить —
Пить из ковша,
Из серебряного.

107. Золотая рыбка

Жил старик да старуха. Старик ходил рыбу ловил. Придет ловить — ловит, ловит и наловит. Вот наловил он щуку золотую. Хотел нести домой старухи.

Щучька законалась:

— Отпусти, дед, домой, что тебе нать, того тебе и дам.

Жили они бедно́ и худо́, изба была развалёна. Приходит старик домой, сказал старушки:

— Наловил я щучку, не простую — золотую. Хотел ю́ домой не́сти, а она конаится: «Отпусти, старик, домой, что тебе надо, то тебе и дам».

Старуха крикнула на старика:

— Ты просил бы избушку, старик, у ей.

Старик закинул сети и вытащил щучку.

Щучка говорит:

— Отпусти, старик, что тебе нать?

— Меня старуха послала — изба у нас худая.

— Поди, старик, домой.

Пошел старик домой — изба новая. Старуха сидит под окном, прядет в избе новой. Стояла у избы колода старая, а теперь и колода новая.

Пришел старик и говорит:

— Довольна ли, старуха, в новой сидишь избе?

— Избой-то довольна, а не хочу быть крестьянкой, хочу быть дворянкой.

Пришел старик, вытащил рыбу, рыба конается:

— Отпусти, старик, что тебе надо, то и дам.

— Старуха не хочет быть крестьянкой, хочет быть дворянкой.

Приходит старик домой, а старуха дворянкой, уж повыше чином стала:

— Довольна ли, старуха, дворянкой?

— Не хочу быть дворянкой, хочу быть царицей.

Пошел старик, щучку конал:

— Не хочет старуха быть дворянкой, хочет быть царицей.

Щучка *мырнула*, ничего не сказала. Он опять ловить, да кидал-кидал сети, щучка *вымырнула* и говорит:

— Иди домой!

Пришел домой старик, старуха уже царицей, жона его.

— Ну, теперь пойдя, прислугу попроси. Пошел старик, щучку *пóзвал*.

— Старуха, — говорит, — прислугу велела попросить. Щучка *мырнула*, ничего не сказала.

Стал старик закидывать невод, а щучка юрнула ко дну и боле не вытащить. Приходит старик домой — изба старая, как была, колода гнилая перед ней. Много было нать — высоко было падать.

108. Присказка

Маленький Воробейко,
Коротенький Воробейко,
По́ лесу-лесу не лётывати,
Семя да гороху не кляивати,
Красных девок не целоивати.

— Бабушка, бабушка, где Воробейко?

— В гости ушел.

Маленький Воробейко,
Коротенькой Воробейко.

— Бабушка, бабушка, где Воробейко?

— Не може.

Маленький Воробейко,
Коротенький Воробейко.

— Бабушка, бабушка, где Воробейко?

— Умер.

Маленький Воробейко,
Коротенький Воробейко.

Анна Чемакина

109. Машенька

Жили-были мужик да жонка, да семь сынов, да семь девушек.
Сама младша доць — Машенька.

Вот в субботу жонка стопила байну, а Машенька в лес по ягоды ушла. Вот время в байну итти, а Машеньки нетути.

Вышла жонка и зове:

— Машенька, доченька, подь в баенку, баенка истоплена, изготовлена, твой веничок на печном столбе приколоцен.

А Машеньки не слыхать. Тогда пошел батюшка:

— Машенька, доченька, подь в баенку. Баенка истоплена, изготовлена, твой веничок на печном столбе приколоцен.

Она все не иде.

Тогда пошли братовья:

— Машенька, сестрица, подь в баенку. Баенка истоплена, изготовлена, твой веничок на цепном столбе приколоцен.

А Машеньки не слыхать. Тогда пошли сестреньки:

— Машенька, сестренька, подь в баенку. Баенка истоплена, изготовлена, твой веничок на цепном столбе приколоцен.

Она все не иде.

Тогда пошли невестушки:

— Машенька, золовушка, подь в баенку. Баенка истоплена, изготовлена, твой веничок на печном столбе приколоцен.

А Машеньки не слыхать.

Они все вымылись, цаю попили, напились, наелись, спать валились. А с ночью пришла Машенька, стала она проситься к татоньки:

— Татонька, пусти в клетоцку, на кроватоцку, у меня руцушки озябли, у меня ножецки озябли, волки-те лают на огороде, меня младу-младешеньку съестъ хотя.

— Назови меня свекром, а не татонькой.

Она ушла, да постыдилася и не назвала. Пошла она к мамоньки:

— Мамонька, пусти меня в *клетоцку*, на кроватоцку, у меня руцушки озябли, у меня ножецки озябли, волки-те лают на огороде, меня младу-младешеньку съестъ хотя.

— Назови меня свекровью, а не мамонькой.

Она ушла, да не назвала.

Пошла она к братьям:

— Брателки, пустите меня в клетоцку, на кроватоцку, у меня ручушки озябли, у меня ножецки озябли, волки лают на огороде, меня младу-младешеньку съестъ хотя.

— Назови нас деверями.

Она пошла к сестренькам:

— Сестреньки, пустите меня в клетоцку, на кроватоцку, у меня руценьки озябли, у меня ноженьки озябли, волки лают на огороде, меня младу-младешеньку съестъ хотя.

— Назови нас золовушками, а не сестрами.

Она постыдилася и не назвала и ушла.

Отец-то утром вышел, и она под березынькой мертвой лежит.

110. Утоцка-горожаноцка

— Утоцка-горожаноцка, где ты была?

— У хорода.

— Что делала?

— Кóней пасла.

— Де твои кони?

— Миколка увел.

— Де Миколка?

— В воду убрел.

— Де вода?

— Быки выпили.

— Де быки?

— Быки в хору ушли.

— Де хора?
— Церви вытоцили.
— Де церви?
— Гуси выклевали.
— Де гуси?
— За леса улетели.
— Де леса?
— Люди высекли.
— Де люди?
— Люди примерли.
— Де могила?
— Травой заросла.
— Де трава?
— Трава выкошена.
— Де коса?
— Коса выломана.
— Де обломки?
— В кузнице на полке.
— Де кузнец?
— На погосте живет,
Колокольци кует.
Полка хресь —
Колокольцы в грезь.

111. Присказка

Жил-был старик с мужем, а старуха с женой. Детей у них не было, а семеро ребят, все по лавочкам сидят, кашу масляну едят. Жили они богато, да таровато, денег скласть некуда, да мешка купить не на что. В одном кармане вошь на аркане, в другом — блоха на цепи. Старуха была красавица, из назему брана, голиком разрисована. За окошко поглянет — птичкидохнут, собацки лают. Было у их скота много, два кота дойных да две кошки подойных. Была у их медная посуда — крест да пуговица. Был огород — репей да луковица. Хлеба много, а есть нечего. Дети плацут, а жонка ревит, а старик говорит:

— Эй, народы, у меня какво в избы весело, ребята ругаются, жонка ревит, а плясать некому!

112. Присказка

— Государь ты наш, Василий Семенович, колько ты лет по Пинежской земли хаживал?

— Семьдесят, бабушка, семьдесят.

— А когда помирать будешь?

— На Петровки, бабушка, на Петровки.

— А когда хоронить будут?

— В межговенье, бабушка, в межговенье.

— А чем поминать будут?

— Блинами, бабушка, блинами.

— А во что поп звонить будет?

— В сковородник, бабушка, крюком.

— А на чем тебя повозить будут?

— На собаках, бабушка, на собаках.

— А во что тебя одевать будут?

— В рого́зу, бабушка, в рого́зу.

— А много ле у тебя детей остается?

— Семеро, бабушка, семеро.

— А кто их поить-кормить будет?

— С сумоцкой пойдут, с сумоцкой.

— С сумоцкой ходить — много биту быть.

— Не обидят, бабушка, не обидят.

— А что давать будут?

— Кто шанюжку, кто манюшку кто пирог, кто теплый уголок.

Палладия Дорофеевна Патрикеева

113. Бывальщина

Жила-была девушка молодая, и был у ей дроля молодой. А татонька да мамонька ее к парочке не пускали, играть не давали. Очень девушка плакала, да делать нечего. Выдали ее силком взамуж, а она вскоре померла. Вот в одну ночь и стуцится в дом. Муж-то выглянул, а она под окном стоит, дрожит вся (уж зима была) и говорит:

— Муж ты мой венчанный, пусти меня, отогрей меня, болят мои косточки — залежались.

А он испугался и ее прогнал. Пошла она к матушке под окосецко, постучала:

— Мамонька, рóдная, впусти меня, отогрей меня, болят мои косточки — залежались.

Мать испужалась и прогнала ее.

Пошла она к отцу-батюшке.

— Татонько, родненький, впусти меня, отогрей меня, болят мои косточки — залежались.

А он дверь припер и огонь погасил. Пошла она к старшей сестре:

— Сестренька, рóдная, пусти меня, отогрей меня, болят мои косточки — залежались.

А сестра и под лавку спряталась. Пошла она к дроле старому.

— Парочка, миленькой, пусти меня, отогрей меня, болят мои косточки — залежались.

Он ей дверь открыл и в избу ввел, молоком напоил, на лавку положил, тулупом накрыл. Три дня от всех прятал, на четвертый день в церкву повел, попу сказал. Поп ей крест одел и повенцал ей.

— Кто, — говорит, — отказался, тому она не жена. Кто ей в дом пустил — с тем и жить будет.

Стали они с ним жить-поживать.

114. Мертвяк

Раз в нашей деревне пиво варили, толды-балды говорили. Ну паренек один и говорит:

— Вот я уж ни живого ни мертвого не убоюся.

А в церкви покойник лежал. Вот они и говорят:

— Пойди покойнику руки разожми, да дулю сделай.

Вот он и пошел. Руки ему разжал, стал делать, а тот его за руки и хватать. Вот парень бьется, бьется, а не уйти. Ну стал кричать.

Прибежал народ. Стали мертвяку руки резать.

Мертвяку режут, а парень кричит:

— Братцы, пошто вы мне руки режете?!

Так и не отнять было. А на третий день вместе и схоронили.

115. Про охотника

Бывало-живало, жил охотник у деревни. Бы ен удодец, а детей было пятеро. Мал мала меньше, а все исть хочут. Пошел он раз на охвоту. Цельный день проходил — ничего не убил. А домой иттить нельзя — дети плачуть, исть просят. И второй день проходил — ничего не убил. На третий день видит — идет медведиха, с медвежатама. Он ей стрéлить хотел. А она просится:

— Отпусти меня, охотничек, деток малых жалко. Он и отпустил ю.

Идет дальше. Видит волчиха с волчатами. Вот, думает, хоть эту стрельну. А она просится:

— Отпусти меня, охотничек, деток малых жалко.

Ну и эту отпустил. Идет дальше. Вдруг зайчиха с зайчатами. Он уж и ружье взял. А она плачется:

— Отпусти меня, охотничек, деток малых жалко.

Ну и ее отпустил. И пошел дальше, да и заблудился. Блуждал, блуждал, до болота дошел. Совсем деться некуда. Тут вдруг леший пришел.

— Ты, — говорит, — мое стадо пожалел, а я, — говорит, — тебя пожалею.

Взял его на спину и понес. Несет, несет, аж в зубах свистит. Стали *уж* деревни.

— Ну, — леший говорит, — свой дом узнай.

Тот и уцепился за трубу. Да и проснулся на печке, за горшок с кашей держится.

116. Шаньга

А то раз заночевал человек в лесу. Сидит у костра да *шаньгу* ест. И вдруг слышит и треск, и гром, идет кто-то. Посмотрел это он, а лесовик идет, а перед им, как стадо, и волки, и медведи, и лисы бегут. Так и лоси, и зайцы, и всякое зверье лесное. Как же он испугался — и боже мой, — а тот к нему подходит:

— Что, — говорит, — человек, шаньги дай кусоцек.

Дал он ему шаньги половину. Тот давай ломать, да зверям давать, так и шаньга у него не мéньшится. И волки сыты, и медведи сыты, и зайцы сыты. Вот лесной и говорит:

— Ты домой иди, не бойся, если волки тебя стретят, ты им скажи: шаньги моей кушали, а меня не трогайте.

Ну он и пошел, а звери за ним. Тот человек тоже домой пошел — жила у него вся дрожала. А бегут ему стрету волки, таки страшенны — сейчас съедят. А он и скажи:

— Мою шаньгу кушали, а меня не троньте.

Ну они и убежали. Так он и домой пришел. И зверя никакого не боялся.

117. Злая девка

Жила-была девушка. Да такая дурная, да неласковая. Как собаку увидит, так камнем. Как робенка — оплеуху, а нищего — в зашей. Вот шел по селу Христос да Егорий. Да так, как будто старички темные. А она и рада, что слепые — напугать можно. Спряталась за воротами, те ворота открыли; а она как выскоцит, да:

— Гу, гу.

Посмотрел это Христос, да и говорит:

— Лети же ты, девушка, кукушкой, кричи до веку: «Ку-ку». Своего гнезда не имей, как нищим не давала.

Так она и вспорхнула кукусецкой. До сих пор все жалеет, да плацется. А помочь нельзя.

Лидия Евдокимовна Залусская

118. Овернюшко

Жил-был Оверя. У него была жона. С неделю ростом, да день за голонище загнула. У их была кобыла пропашая, у этого Овери. И вот эта кобыла, заедала она хороших жеребцев у его товарищей.

Вот его жона ходила за водой и встретила этих товарищей. Они и говорят:

— Скажи Овери, штобы он убил эту кобылу. Она пожирает наших сторублевых жеребцов. А то мы сами ее убьем.

Она пришла домой и говорит:

— Овернюшка, товарищи велют убить кобылу, она заедает сторублевых жеребцов.

Оверя взял и убил кобылу, не стал ссориться. Пошел продавать шкуру, встречается ему поп.

— Что, — спрашивает, — шкуру продаешь?

— Продаю.

— Сколько за нее?

— Сорок копеек ассигнациями.

Он его и проводил к хозяйке.

— Пойди, тебе хозяйка деньги отдаст.

Ну, тот к жоны-то пришел, а у жоны сидит барин. Она не успела ему денег отдать, а поп-то идет домой.

Она Оверю да барины в подпол и сунула, в темно место посадила.

Он сидел-сидел, да и говорит:

— Сижу ни к чему не причинен, есть сорок копеек ассигнациями. Я закричу.

А барин говорит:

— Не кричи, я тебе дам двадцать пять рублей денех.

Ну, он взял деньги и говорит:

— Есть сорок копеек ассигнациями, да двадцать пять рублей денех, ни к чему не причинен, да в темном месте сижу. Я закричу!

— Не кричи, на тебе тройку.

Тройку и отдал, сам в одном белье сидит. Опять надоело тому сидеть, он и говорит:

— Есть сорок копеек ассигнациями, да двадцать пять рублей денех, да тройка, сам барином сижу, ни к чему не причинен. Я закричу!

— Не кричи, есть у меня пара лошадей, стоит за углом, пусть твоя будет. Не кричи.

Он опять сидел-сидел, да и говорит:

— Есть сорок копеек ассигнациями, да двадцать пять рублей денех, да тройка, да пара лошадей за углом, сам ни к чему не причинен, в темном месте сижу. Я закричу!

Он взял и постучал потихоньку. Попадья дверь открыла, огонь загасила, и выпустила потихоньку. Оверя вышел, видит пара лошадей. Оверя сел на пару и покатыл, а барин в одном белье побежал. Назавтра Оверя едет на паре, и встречаются ему товарищи и говорят:

— Никак Оверя. Да ведь была у Овери пропащая кобыла, да и ту убил.

Он доезжает до них.

— Здравствуй, Оверя.

— Здравствуйте, братцы.

Шляпу снима, шагом едет.

— Оверя, а где ты взял такую пару лошадей?

— Кобылу-то убил, да шкуру-то продал, на те деньги и купил.

— Оверя, — говорят ребята, — у нас жеребца сторублевые, мы их убьем, да шкуры продадим, так нам дороже дадут.

Они взяли да убили сторублевых жеребцов. Да пошли продавать шкуры. И встретили того же попа, и так дорого запросили, что расскандались с попом, дело дошло до полиции. Вот они и пишут домой жонам: «Продайте по бурой корове, да пришлите денех, да выкупите мужьей из полиции». Ну, они взяли, продали по корове и послали денех на дорогу, выкупили мужьей из полиции. Они приехали и говорят:

— Мы теперь Оверю убьем.

Жона слышала, пришла, плачет и говорит:

— Оверя, тебя хотят убить товарищи-то.

Он и говорит:

— Дура, вырой яму на задворках, дай уголья горячие, да крюк, они вздумают ко мне на могилку сходить.

Так и сделали. Выроли яму, он сел в яму с горячим крюком. Приходят товарищи, спрашивают:

— Где Оверя?

Она плачет:

— Был такой-сякой, да и помер.

— А где он похоронен?

— А на задворках.

— Почему ты нам не сказала? Мы его на кладбище стащили бы.

— Вы уж сердиты, так я не смела вам и говорить.

— Ох, — говорят, — ребята, пойдем сходим, да накладем ему на могилу.

Пошли к нему на могилу, один сел, он его крюком и ткнул, он и проскочил:

— Ох, ребята, — говорит, — какой живой, такой и мертвый. Так и других он крюком передолбал.

После того говорят:

— Ну, теперь идем к Овере воровать.

Жона ходила за водой и слышала. Пришла и говорит Овери:

— Вот твои товарищи хотят к нам итти воровать.

— О, дура, — говорит, — дай мешок да веников сухих, да зашей меня в мешок, да поставь в клеть. Они, наверно, той мешок потащат, что тяжелей всех да шаборчит больше.

Вот он так и сделал, сел в мешок и сидит.

Пришли ночью воровать, давай мешки подымать который тяжеле, который легче. Все легче. Подняли Оверю, он и зашоборчал вениками. Они и говорят:

— О, этот тяжелей всех и шаборчит, тут деньги, давай поташшим этот.

Этот поташшили, а он и говорит тихонько:

— Братцы, отпустите.

— Да, братцы, ведь Оверя говорит.

За ворота поташшили, а он и вовсе скричал:

— Братцы, отпустите!

Они испугались и бросили.

— Топить давайте его, — говорят. — Теперь мы побежим за баграми, да возьмем багры, баграми его тохда и утопим.

Пока бегали за баграми, он там сидит и причитат:

— Не умею ни читать, ни писать, воеводой ведут.

А ехал барин, да и услышал.

— Кто там плаче? — говорит.

После кучера посылат. А кучер пришел, он и говорит:

— Не умею ни писать, ни читать — воеводой ведут. Кучер пришел и сказал:

— Барин, человек плачет сидит: не умеет ни писать, ни читать — воеводой ведут.

А барин говорит:

— А я умею читать и писать, распорите мешок, зашейте меня. Бери мою пару лошадей, а я в воеводы пойду.

Его зашили, а Оверя и поехал.

Прибегают товарищи и его баграми и поташшили в воду. Барина спустили в реку вместо воеводы-то.

Назавтра товарищи и встретили Оверю опять на паре лошадей.

— Братцы! Оверя! С чего это? Оверю утопили.

— Здравствуйте, братцы, — повстречался с ними.

— Где ты взял таку пару опять?

— А вот вы меня вчера утопили, а там много лошадей, я самолучшую пару и выбрал.

— О, братцы, у нас лошадей-то и нету, пойдём-ка и мы, — говорят. Пошли да пришли на берег, да торгуются — кому первому спускаться.

— Да ты, — говорят, — вперед пойдешь самолучше выберешь, — говорят.

— Да и ты самолучшу выберешь.

Взяли, рука с рукой схватились да и бултых. И сейчас там. Сказка вся — боле врать нельзя.

119. Хам-вор

Жил-был Хам-вор. Он был в стенах у царя сидел — пойман был. И вот к им опять вор повадился ходить. Они приходят к тому Хаму-вору. И спрашивают:

— Что нам с этим вором делать?

Он говорит:

— Возьмите оденьтесь простым человеком и пойдите по улице, как воровать.

Вот царь нарядился и вышел. Пошел и встречается ему воришка-хулиган и говорит:

— Здоров, товарищ.

— Здорово! — Куда пошел?

— А посмекать чего-нибудь.

— Пойдем вместе.

— Пойдем.

— А куда пойдём?

— А пойдём к царю. *(Царь-то говорит.)*

Тот и говорит:

— Что ты, подлец, — говорит, — кого хлеб-соль ешь, того и воровать хочешь!

Да хлоп его по затылку. Вор — царя-то!

— А куда пойдём?

— А пойдём лучше к графу. *(Вор говорит.)*

Пришли к графу. Дает вор царю когти.

— Полезай, — говорит.

— Нет, я не умею лазить, нисколько не лазивал.

— Ну, давай я сам полезу.

Полез, в спальню аккуратно залез. Залез, да и слушает. А граф с графиней в постели лежат, разговаривают:

— Я завтра буду именинник, собери бал и пригласим царя и первую чарку нальем с ядом царю. (*Отравить хотят царя!*)

Он слез и говорит:

— Подумай, чего хочет граф, царя отравить нашего хочет. Как бы ему донести?

— А я, — царь говорит, — близко живу, дак я скажу.

Приезжает царь назавтра к графу в гости, и вот ему подавляют первую чарку. Он не пьет, не берет ее, графу велит выпить самому.

— Как вы, — говорит, — именинник — пейте сами.

А тот не хочет, не пьет, а царь настаивает «пейте». Он подносит чарку к губам, хочет пить, а жена подскочила, в роде нечаянно его по руке задела, он и уронил чарку. Царь и спрашивает:

— Почему вы не выпили? Сейчас это вино на следствие к доктору.

И признали, что вино с ядом. Графа посадили с графиней обеих в тюрьму.

К им опять вор ходит — к царю.

— Как его, Хам-вор, поймать?

— Возьмите соберите пир и позовите всех бедных и богатых на этот пир, и насыпте золота и серебра на пол. Верно, золото это убывать будет.

Вот и верно, золото стало убывать, на пиру заметили. А у ворюшки в подошвы дырки сделаны и в дырку он золото и собирал. А как пошли осматривать, он ножик уронил, да стал поднимать, и начал у всех подошвы подрезывать. Стали смотреть, а у всех подрезано — и у графов и у князей. Пришли к Хаму и говорят, что у всех подрезаны подошвы. Хам и говорит:

— Возьмите стену в спальню вашей дочери, выпилите и бочку смолы поставьте, он, верно, вздума ночью к ей в спальню итти.

Так и сделали. А их было двое. Вот первый и говорит:

— Сегодня твоя очередь стену ломать.

Он бросился да и угодил в бочку, в смолу-то. До головы и вскочил. Тому некогда было утаскивать, он взял, да голову ему и отрезал и унес с собой. Пришли, Хаму-вору говорят:

— Поймали вора, да без головы.

— Ну, не тот вор, который без головы, а тот вор, который голову унес.

— Ну, что делать?

— А возьмите это тело, обмойте, да везите по городу, верно, выскочит жона.

Так и сделали, повезли тело по городу. И вдруг выбегает женщина и плачет.

А воришка забежал к ей в избу, и у ней топилась печка, и кипел чугунок, и лежал ребенок в люльке. Он взял да ребенка и заварил. Выскочил и говорит:

— Что вы смотрите на нее, она ума решилась — ребенка в люльке заварила.

Посмотрели — так и есть. Значит опять не нашли. Тело так и похоронили. Приходят к Хаму-вору.

— Ничего не могли найти.

— Ну, — говорит, — и вор хитер. Возьмите самолучшего козла в золоте, серебре и ведите по городу, с ним людей снарядите.

Повели козла по городу, вдруг он говорит:

— Я сегодня именинничек, так повеселиться хочу, зайдите ко мне, пожалуйста. Повеселиться хочу.

Они зашли, и он их напоил пьяными. И обнимал козла, да и их раздел. Да их монахами одел, да и отвез к монастырю их. Ну, они проснулись, да и смотрят один на одного и спрашивают:

— Гришка, ты?

— Я.

— Васька, ты?

— Я.

— Пошто ты монахом?

— А где у нас козел-то? — говорят.

— Как мы теперь к царю-то явимся? С какой повинной головой? И пошли к царю.

— Казни, — говорят, — потеряли козла и не знаем как. Вот так и так, шли по городу, зазвал нас человек именинник в гости. И вот он нас напоил и пьяными одел и повез в монастырь.

Ну, пошли к Хаму-вору и рассказывают:

— Ну, да это, — говорит, — и вор. Я — вор, а уж это... Возьмите самолучшего повара, и пусть повар идет, нюхает — наверное он будет жарить козла.

Снарядили самолучшего повара. Повар идет и нюхает — где пахнет козлом. А он и увидел в окно.

— Что смотришь, — говорит, — идешь?

— А квартиры ищу для одного, нет ли такой.

— А у меня отличная комната, для холостого. Зайдите посмотреть.

Он зашел, а тот начинает его угощать, говорит:

— Я вчера был именинник, дак у меня остался козел, да все дак я вас угощу, — говорит.

Ну вот повар и говорит:

— Я не только нюхал, а и сам кушал козла.

Сидит радуется. Ну он угостился, вышел, да на воротах и написал:

— Был в сем доме, ел козлятину.

Вор и посмотрел, да взял со своего дома стер, а пошел к графу и князьям и написал: «Был в сем доме, ел козлятину». Вот приходит повар домой и говорит:

— Не только козла нюхал, но имел счастье есть козлятину.

— А ты знаешь, в каком доме ел?

— А я на воротах написал: «Был в сем доме, ел козлятину».

Пошли смотреть, а оказалось у графа, да у князя, да у самых главных лиц написано на воротах: «Был в сем доме, ел козлятину».

— Да неужели ты в этих домах был?

— Нет, я в этих домах не был. Так и вернулись к Хамувору.

120. Иван-дурак

Был Ваня-дурак именинник. Мать наварила ему пива и пошла в рынок, да велела ему, как зашипит, отдать втулку, да замешать. А он взял открыл гвоздь, да все пиво и выпустил. И взял корыто да лопату и поехал. Мать пришла, стучится.

— Открой, Ваня.

Он говорит:

— Подожди, мама, доеду, догребу.

Он открыл.

— Что ты, дурак, сделал?

— Садись, мамка, перевезу.

Она села, он и перевез.

— Ступай, — говорит, — я забыла горшков купить, да соли, да крупы.

Он пошел и купил. Идет, и увидел три столбика стоят:

— Эти бедны солдатишки без сапочки стоят.

Взял, да одел горшочки им. И:

— Вот хорошо, — говорит.

И взял, да загляделся на них, да проступился в дыру. Взял, да крупной яму засыпал.

— Вот как хорошо, — говорит, — теперь за меня кто-нибудь богу помолится.

Идет дальше — вороны пьют из лужи. Он захотел пить, по-пробовал, — вода невкусная. Взял да соль-то и высыпал.

— Вот теперь, — говорит, — вкусная.

Пришел домой, мать спрашивает:

— Купил горшки?

— Купил.

— А где у тебя?

— А я солдатикам одел, без сапочек стоят.

— Вот дурак-дурак. А круп купил?

— Купил.

— А где они?

— А я загляделся на солдатиков да в дыру проступился, так дыру и засыпал.

— А соли купил?

— Купил, да воду воронам посолил.

— Ах дурак-дурак! Ну ступай к отцу на завод, зови обедать.

— А дай синю шубу, да красный кушак, да боярску шапку, да сафьянны рукавицы, так пойду.

Она его и нарядила как именинника. Идет по дороге, а ворона кричит:

— Красный кушак!

А ему слышится: «Краденый кушак!» Взял, да скинул кушак. Потом ворон кричит:

— Сафьяна рукавица!

А он думает: «Демьяна рукавица!» Ну и рукавицы скинул.

— Демьян, — говорит, — меня побьет.

Ворона кричит:

— Боярская шапка!

А ему слышится: «Татарская шапка!». Он и шапку снял. Потом ворон кричит:

— Синь кафтан!

А он слышит: «Скинь кафтан!». Он кафтан и скинул. Пришел на завод безо всего. Отец говорит:

— Где у тебя вся одежда?

Он говорит:

— Пойдем, татка, покажу, там у меня вся одежда повешона. Пришли, а там уж ничего нет. Пришел домой, мать посылает его:

— Пойди, потрись коло людей, ума наберись, там мужики горох носят.

Он пошел, да давай тереться об одного, об другого — мешает. Ну, его и побили. Он пришел и плаче:

— Мамо, били меня, колотили меня, в шею толкали, ус подергали.

— От дура! Ты бы сказал: «Бог на помощь, носить бы вам не переносить, таскать бы вам не перетаскать».

— Ну ладно, мамка, завтра так скажу.

Ну назавтра несут покойника, а он и говорит:

— Носить вам не переносить, таскать вам не перетаскать. Ну опять его поколотили.

— Мама, били меня, колотили меня, в шею толкали, за ус подергали.

— Надо было сказать: «Царствие небесное, вечный покой». На другой день везут свадьбу, а он и говорит:

— Царствие небесное, вечный покой.

Ну его снова побили.

— Маму, били меня, колотили меня, в шею толкали, ус подергали.

Она говорит:

— Надо было дудку взять, да поплесать.

На другой день у мужика овин горит, а он взял дудку, да давай плясать. Ну опять его побили.

— Мама, били меня, колотили меня, в шею толкали, ус подергали.

— Дурак-дурак, надо было огонь заливать!

Назавтра мужик свинью палит, а он ведро взял, огонь заливает. Ну его побили.

— Мама, били меня, колотили меня, в шею толкали, ус подергали.

— Ну, — говорит, — дурак-дурак, не натерся, ума не набрался. Иди к брату Тарасу, паши дорогу шагами.

И все.

121. Два кума

Жили-были у нас два кума, Иван да Петр. Други такие, что водой не разольешь, что есть — все пополам. Да вот однажды пошли коров покупать на ярмарку, да за одну корову и хватились. Обым Рыжка понравилась, и тот кричит: «моя» и другой кричит: «моя». Чуть в драку лезут. Ну Иван корову перебил.

С той поры и дружба врозь, уж такие стали вóроги, что смотреть тошно. А тут еще жонки масло льют — все корят:

— Ты с ним вот дружился, а он первюющий душегуб.

Ну дальше пуще. Петр Ивану кота подпустил, тот всю сметану слизал, а Ивановы ребяташки Петру стекла побили. Ну Иван забор поломал, а Петр гумно подпалил. Не стерпел тогда Иван да всю избу у Петра спалил, а в избе той, как на грех, сынченок остался. Посмотрел это тот, да и говорит:

— Ну, брат, и не замолить тебе этого, и не отчитать, не будет тебе ни сна ни отдыху.

Да сам в огонь бросился.

С той поры каждую ночь он к Ивану приходит, то под окном стоит, стучит, да воет:

— Отдай мово робенка.

Потом в избу стал входить, выть. Потом на лавку сядет, а потом и душить зачал, да все воет. Уж от Ивана все отступились, в избу к нему никто не ходит. А он весь сивый стал. Ночи, как огня, боится. И поп не отмолил и не отчитали. Так и удушил покойник.

122. Девки и кости

Шли девки по малину, проходили погост. Увидали — лежат кости. А одна озорная и говорит:

— Кости, кости, приходите к нам в гости.

Ну на вечер в избу, где девки шили, и пришли парни. Незнакомые, неведомые и откуда незнамо. А все веселые, пряниками кормят, играют, дролятся. Вот одна девка в красный угол отошла, под икону стала и видит, что зубы у их железны, а в сапогах кости. Она и говорит:

— Девушки, я до ветра пойду.

А парни ее не пускают. Она и говорит:

— Хоть косу дверьми прищемите, да пустите.

Они ей косу прищемили, а она косу срезала, да бежать. А за ею уже догоня. Кости догоняют, съесть хотят. Забежала она в байню, заплакала, замолилася:

— Обдери́ха-матушка, спрячь меня.

Обдери́ха ее и спрятала, камышко́м прикрыла, паром запарила. Кости в байню вбежали, ан нет ничего. Тут петух запел, они и рассыпались.

123. Чортов хлеб

Самое худшее чорта в полдень вспомя́нуть. Вот была у меня золовка, Марией звали. Пошла она раз на пожню. Умори́лась очень. Домой пришла, а свекру́ха хлеб месит, а печеного ни краюхи нет. Марья-то голодная была, и все ей будто свекру́ха медленно робит. Спрашивает ее:

— Нюшка (*сестренка маленькая*) что тебе не поможет?

А та говорит:

— Нюшка в лес пошла, по морошку.

Тут Марья и думает: «ишь, Нюшку-то отпустила, помочь некому, а ты тут и сиди голодная, чтоб тебе чорт помог», — и вдруг видит: тесто-то так и меситца, так пузырем и стало. А свекру́ха на лавку привалилась, как стена белая, а тесто-то в печку скок, да из печки на стол. Готовое. Марья-то взяла, ножом срезала, да не перекрестясь в рот, да и задавилась. А это все чорт делал. Потому в полдень Марья его без креста помянула,

Николай Васильевич Лохновский

124. Ворон воронович

В невком царстви, в невком государстви жил-был царь. Была у него дочка и три сына. Царь жил достаточно, хорошо. Имел он двенадцать садов у себя. Эти дети стали в подходящий возраст подходить. А старшая дочь была в совершенных летах. Захотелось им в саду погулять.

— Папа, мы пойдём в сад погулять.

— Идите, идите. В одинацать идите, а в двенацатой не ходите.

Вот они одинацать садов выходили и стали безоступно просить сестру в двенадцатый сад пойти сходить. И они зашли в заповедной сад, и накрыла их тень, и они дружка дружку не увидали.

И выскочил из темени Ворон Воронович, Когот Коготович и сестру их схватил.

Стали они плакать и пошли к царю.

— Папа, папа, мы сестру потеряли.

— А где вы были?

— А в двенадцатом саду.

— Ах, дети-дети, я и сам туда однажды в год хожу. Ну, делать нечего.

Вот Степан и просится:

— Спусти меня, папа, в чисто поле погулять, себя показать.

— Можно, — говорит.

Вот одна дорога в правую, другая — в левую, а третья — поезжай куда хочешь.

Вот он по третьей поехал и доехал до горы, и встречается ему Калагирь-богатырь.

— Куда, царевич, едешь?

— Еду сестру искать, в двенадцатом саду Ворон Воронович украл.

— Едем вместе. Вон лежит железная лесница.

Стали подымать железную лестницу — сила не берет. Сказка сказывается скоро, а дело делается долго. Подошел возраст и второму. Стал он проситься:

— Ппусти меня, папа, в чисто поле погулять, себя показать.

— Не уезжай, — говорит, — Митей.

Ну он не послушался — поехал. Доехал до той же самой росстани, по той же дороги поехал. Доехал до самой этой горы и поздоровался тут с братом и с Калагирем-богатырем. И давай втроем подымать лесницу. Подымали-подымали, да до середины подняли, а выше сила не берё.

Ну, время подошло — просится младший сын.

— Ппусти меня, папа, в чисто поле погулять, самого себя показать, братцев да сестрицу поискать.

— Не ежжай, — говорит, — Ваня.

Он не послушался, пошел коня выбирать. На какого коня н акинет руку, конь подогнется. Наконец, выбрал и поехал по

тому самому пути, что и первые ехали. Доехал до горы и встретил братьев своих и Калагиря-богатыря.

— Здравствуйте, братцы мои и Калагирь-богатырь.

— Здравствуй, здравствуй. Никак на гору лесницу поднять не можем.

Вот Иван-царевич поехал к леснице, слез с коня, да посмеиваеца, как братья и Калагирь-богатырь пыжаца лесницу поднимают. Их и горе взяло.

— Что ты стоишь, как насмешник какой?

Он взял коня, привязал к столбу, к кольцу и взял лесницу и поставил и полез. Влез, да видит две росстани. Он пошел по правой и вдруг увидел — стоит изба медная, кружаеца на курьих лапах.

— Избушка-избушка, стойся.

Зашол в комнату, в этой комнате сидит прекрасная девица, красивая.

— Куда путь держишь?

— Умница-девица, я человек дорожной. Напой-накорми и вести спрашивай.

Она — слово и дело, накрыла скатерку-хлебосолку, напоила-накормила.

Он ей и говорит:

— Пошел я братцев да сестрицу искать.

— Твоя сестра у моего братца в замужестве живет. Если возьмешь меня взамуж — я тебе помогу.

— Возьму-возьму, — говорит.

Она ему яечко вынела;

— Спусти это яечко по дороге, и куда оно покатица, туда и путь держи.

Он и пошел за яечком. Стоит избушка серебряна, на курьих лапках кружаеца.

— Избушка-избушка, стойся.

Зашел в избушку, и сидит в ней еще красивей девица прекрасная:

— Здравствуй, молодец, куда путь дѳржишь?

— Ты, красавица, напой-накорми и вести спрашивай.

Ну она — слово-дело, и на столе очутилось всякого кушанья, какого угодно. Она и спрашивает:

— Куда, Иван-царевич, вы правитесь?

— Я иду искать свою сестру и двух братьев.

— Ох, Иван-царевич, трудно тебе, твоя сестра у моего брата живет взамужем. Если ты меня возьмешь взамуж, я тебе помогу.

— Да уж я, умница, возьму с полным удовольствием.

Вот она и вынесла ему яечко. Он спустил яечко на дорогу и пошел. Докатилось яечко до золотой избушки. Избушка на курьих ножках кружаеця.

— Избушка-избушка, стойся!

А в избушке сидит очень прелестная красавица.

— Здравствуй, Иван-царевич, куда правишься?

— Ты, красавица-умница, напой-накорми, вести спрашивай.

Как словом, так и делом сейчас у нее все готово — кушаньей, питеньей каких надобно. Он ей и рассказал.

— Если ты, Иван-царевич, возьмешь меня взамуж, так я тебе помогу горе мыкать.

— С большим удовольствием, — говорит, — распрекрасная красавица.

— Ну, Иван-царевич, я тебе дам два куска мяса и третий ключ. Пойдешь ты по двору и накроет тебя тень. Выскочит Ворон Воронович, Когот Коготович и скаже: «Здравствуй, любезный шурина». А ты говори: «Здравствуй, здравствуй, брат». Он тебя в гости позовет — ты иди. Станет он тебя в брод вести, а ты скажи: «Кто кого зовет — тот впереди идет». Он пойдет, по колена ступит, по жопу ступит, ты и ударь ключом, да гляди — богатырска рука однажды бьет. А пойдешь дальше, дойдешь до золотого двора, а тут высока стена, а у ворот львы лютые — не пройти, не проехать. Ты мясо в разные стороны и брось. Они бросятця. ты и пройдешь.

Ну он и пошел, дошел, пала на него тень, выскочил Ворон Воронович, Когот Коготович.

— Здравствуй, шурина любезный!

— Здравствуй, братец.

— Пойдем ко мне гостить.

— Пойдем.

Дошли до реки.

— Ну, шурина любезный, раздевайся, да бреди за реку.

— Кто кого зовет, тот впереди идет.

Ну пошел Ворон Воронович, вошел по колена, вошел по жопу, стало Ворона Вороновича поносить. Иван-царевич схватил ключ и ударил его в голову.

— Прибавь еще!

— Нет, богатырска рука однажды бьет.

Его и унесло.

Вот и стоит домик, сияет, как красно солнышко блестит. А у ворот сидят два льва лютые — не проехать, не пройти. Ну, он бросил мясо в разные стороны, они и бросились. Он и проскочил. И попал в ворота и зашел в дом. В одной комнате никого нет, а в другой девица — Калагиря-богатыря сестра, у Ворона Вороновича в кухарках. Ну она его к сестре привела, они и поздоровались.

— Здравствуй, любезный брателко, ты зачем сюда забрел? Прилётит Ворон Воронович, съест тебя.

— Нет, не он меня съест, а я его съел.

И стало ей жалко хорошее свое житьё, она и заплакала. Ну, он и говорит грубым голосом:

— Сряжайся, сестра, домой.

Она все свое житьишко свернула в курицеё яйцо и отдала Ивану-царевичу. Дошли до золотой избы.

— Эй, невеста, сряжайся со мною.

И та, словом и делом, свернула житье в курицеё яйцо. Так и серебряная девица. Дошли до этой самой лесницы. Спустили сестру Калагиря-богатыря. А Калагирь-богатырь схватил сестру под пазуху, да на коня — только их и видели. А медную девицу старший брат схотел, серебряную средний брат.

— Ну, девица из золотого дворца, полезай ты.

— Если я полезу, то ты сделаешься несчастный, полезай ты.

— Нет, ты меня оманешь.

Никак не могла она его переспорить.

— Нет, — говорит, — они меня не спихнут.

— Ладно, спихнут.

Ну, полезла. И тому красавицу нать, и другому нать — они лесницу и спихнули. Он и пошел, и дошел до росстани, и пошел в леву сторону. В левой стороне лес большой — дубья много. На это дубьё прилетают жар-птицы. *(А те братья наехали и сказали царю, что золотую царевну старший брат нашол, а третья невеста лишняя.)* Ну, а Иван-царевич сел под дуб и сидит.

Вдруг прилетела Жар-птица. Он крался, крался, крался. Он вскочил на ню, и она поднялась и полетела. И летал, летал, летал. И принесла его в то царство, где его папа.

— Ну, Иван-царевич, отпусти меня, я тебя принесла в то царство, где твой папа.

— Нет, Жар-птица, дай мне костылек из-под правого крыла.

Она разгорячилась и понесла его. Носила-носила, в водах купала, в дождях мочила. Принесла его в его царство.

— Ну, Иван-царевич, отпустишь ли меня!

— Нет, Жар-птица, дай мне костылек из-под правого крыла.

Ну, она и отдала. Ну, он и пошел. Шол-шол, шел-шол,— лежит камешок. Он тронул и выскоцил Ермошка — коротенька ножка, золотой колпачок.

— Чего угодно, Иван-царев сын?

Он ужаснулся и «нищего» говорит. Тот и спрятался. Он опять тронул. И опять выскоцил.

— Чего угодно, Иван-царев сын?

— Домой меня неси.

Он как вихорок, как калена стрела, принес его в тот город, где его папанька жил. Ну Иван-царевич ходит да слушает, как говорят, что братья сестру слобонили, невест добыли. А Иван-царевич в некорысну избушку к солдату-старiku со старушкой попросил:

— Пусти, хозяйюшка, ноцевать.

— Я рада бы пустить, да у меня ись нечего.

— Я двадцать пять лет служивой, так у нас наживы никакой нету.

— Ну, мне нищего не надо.

— А ноцуй, избы на тебя хватит.

На утро народ гуторит, что царь клич кличет, кто есть таки мастера, чтоб невесте старшего царевича цулоцки да сапожки подвенечные сделать, без мерки, без глédенья. И вот Иван-царевич и говорит:

— Служивой, поди к царю, сходи порядись.

— Что ты, прохожий человек. У меня свои сопоги рассыпались, я и их не умею починить, а не то...

А он и приказывает. Ну солдат одел шинель и пошел к царю.

— Ваше царско величество (*зубов-то уж нету*), я жолаю сделать.

Царь ужáхнулся, да у старика недорога голова. Дал ему две тыщи рублей денех.

— Делай, — говорит, — покупай материю, да делай.

Ну домой пришол.

— Дал ли царь денех?

— Дал, дал.

— Ну теперь купим хлебца, купим чаю и водки хорошей. Старик да старуха напились пьяны, а Иван-царевич вышел на улицу, колонул о стенку, выскоцил Ермошка — коротеньки ножки, золотой колпацок.

— Что надо?

— У царя в сундуке есть цулоцки и башмацки, не ношоны, не надёваны — подвенечны. Принеси сюда.

Ермошка, как вихорóк, как калена стрела, и цулоцки и басмачки здесь. Ну, а на утро Иван-царевич будит старика да старуху.

— Неси подряд царю.

Ну, принес. *(В узелке по-хорошему завязаны.)*

— Ну, царь, — говорит, — я принес, я справил, гоже или нет?

Царевна померила, как тут и было. Ну, она и узнала, что Иван-царевич на этом свете. Ну, царь говорит:

— Ну, служба, — говорит, — даю тебе чин полковника, скидавай свою шинелюшку.

Ну, идет солдат домой.

— Ну, служба, дал тебе царь чин?

— Дал — полковника.

А у царя эта девица хитра была:

— Чтобы мне, — говорит, — подвенецно платье было сшито в пору безо всякой меры.

Иван-царевич и говорит:

— Сходи скорей к царю порядись, не сможем ли мы сделать?

— Что ты, что ты, у меня шинелька была драна, я починить не мог, а не то что...

— Ну, сходи, порядись.

Пошел служивой. Дал ему царь денех. Домой пришол.

— Ну, дал царь денех?

— Дал.

Стала у служивого денех неколёсная масса. Ну наелись-напились, спать повалились. Ну Иван-царевич колонул в стену — выскоцил Ермошка — тоненька ножка, золотой колпацок. — Что надо?

— У царя в сундуке есть платьё не шито, не кроено, не ношено — сюда представь.

Тот и принес которо платье ни раз на плечах не бывало.

— Ну, служивой, вставай, надо царю подряд нести.

Ну старик удивляется, старуха, еще больше удивилась. По-нес старик платье к царю. Ну, как по ей и шито быбо. *(А ведь по ей и было шито!)*

— Ну, — царь говорит, — дам я тебе чин подручного под себе генерала.

Скинул шинель ему и дал золотые эполеты. Теперь у них всего довольно, сыты и пьяны и нос в табаке.

Ну, она еще придумала — возьмется ле хто за ону ночь со-строить хрустальный мост и серебряны перила, а по ту сторо-ну моста были бы пруды, а в прудах плавали птички и пели разными голосами.

— Та́к, — говорит, — иду взамуж; а нет таких мастеров, так не иду взамуж.

Вот каку задачу царю задала! Вот никто не поряжаеца, не-мыслимо это порядиться. Иван-царевич говорит:

— Иди, порядись, старик.

— Что ж, недорогоги наши головы!

Пришел к царю.

— Ваше царско величество, могу я этот подряд взять!

Царь поглядел-поглядел на своего придворного генерала и говорит:

— Ну, недорогога твоя голова.

И две подводы денех привезли.

— Старуха, освобождай коморки, от царя денех привезут.

От царя денех привезли ужасную массу. Ну! они наелись-напились, спать повалились; колонул Иван-царевич в стен-ку — выскоцил Ермошка — коротеньки ножки, золотой кол-пацок.

— Очень тяжелую тебе дам службу, чтоб за онну ночь по-строить хрустальный мост, серебряны перила, глубокие пруды и чтоб в прудах плавали птички и пели разными голосами — вот это надо устроить!

— О, это служба!

Позвал Ермошка своих товарищей. Выскоцили двенацать братьев Ермошки, и дал он кому пилу, кому долото, кому то-пор, и сделали мост и литые перилы и выкопали пруды и на-кликали птичек разных. Ну, наутро царю долóжили, что при-шел солдат подряд сдавать. Царь пришел по мосту ходить, да

и проходил два цаса. Ой, хосподи, красота кака была! Царь его перевел во дворец и со старухой.

— Ешь и пей, и всю жизнь живи и что хошь имей.

Ну, Иван-царевич с этим со служивым солдатом и простился.

— Я тебе дал хлеб и себе пойду хлеба искать.

А у моста стоял пустой дом, Иван-царевич в этот пустой дом и забралси. А Степан-царевич взял красавицу и повез к венцу. Сколько-то корет было набрато! Царь впереди проехал, а Степан-царевич не мог проехать. Из пустого дома Ермошка — коротеньки ножки, золотой колпацок и двенацать Ермошек стали кирпичами кидать. Тут царевна пошла к батюшку и говорит:

— Богоданный батюшка, это не есть мой жоних, а мой жоних в пустом доме сидит.

И пошла она в пустой дом и взяла Ивана-царевича и привела. И они в церкви овенчались и стали жить вместе.

Вот и сказка вся.

125. Присказка

— Туру-туру пастушок,

Калино́вый батажок,

Ты далеко ле ходил?

— Я до Карповой ходил.

— Ты цего повидал?

— Я царя повидал.

— Что царь дэла?

— Грамоту пише.

— Что царица дела?

— Сына спровожае.

— Сеть-ко на боцку,

Отдай свою доцку

За нашего сына.

У моего сына

Трое палаты,

Трое кровати,

Шолком шиты,

Соломой крыты,

Коза не проскоцит,
Рогами не проломит.
Коза проскоцила,
Рогами проломила.

126. Исполинушка

Бывало жил-был крестьянин. У него был одинакой сын. А мать и отец стали стары. Вдруг к им приходит стар старичок (когда отец у их уже помер).

— Здравствуйте, я ночевать к вам иду.

— Мил прохожа́й, только живем плохо — кормить нечем.

— Ну, ничего.

Назавтра встал, позакусил и говорит:

— Сватья, спусти мальчика со мной погулять.

А мальчик был хитрый — кресьянской сын.

— Мама, я пойду с дедом гулять.

Они и пошли по городу. И прошли город, там лежит камень большой. Старик камень отвалил, под камнем очутилась дыра под землю. Большая дыра. Он и говорит мальчику:

— Полезай в эту дыру, я что велю, то мне и принеси.

Он и заплакал, да и полез. Дедко посадил его на веревку и спустил и говорит:

— Мамаша, сряжайся, я тебе одежду приготовил, и кони дожидаются.

Она и срядилась. Он ей дал блюдо с самоцветными камнями.

— Ты царю и отдашь.

Ну, старуха взяла подарки, и кони полётели. А народ смотрит:

— Боже-господи, кони какие.

Ну, царь вышел на парадное крыльцо, а старуха взяла подарки и подала царю.

— Вот, ваше царско величество, жоних прислал.

Вот царь принял старуху, поставил всяких наливок, вина и напоил да накормил ее и говорит:

— Завтра приежжай, невеста просит день строку.

Ну, старуха поехала пьяная, голова трясется, песенки напева. Ну, Васька встречает:

— Што царь не сказнил тебя?

— Нет, Васька, пьяной напоил, я пьяная.

На утро лампадник потер, ешо лучше кони и корету достал и поехала к царю.

— Ну, и жоних, ну, и богачь!

Ну, царь старуху начал угощать за дубовыми столами всякой всячиной.

— Ну, — говорит, — ваше царьско величество, я приехала за окончательным ответом.

Царь царевну спросил:

— Неделю, — говорит, — строку дай. Чтобы он за одну неделю поставил дворець, да от твоего дворца до его шол хрустальной мост.

— Ну вот, бабушка, еще не идет, а службу дает. Ну, она домой поехала и говорит:

— Срасть каку службу навалил — чтоб за одну неделю поставил дворець, и от того дворца до твоего дворца шол хрустальной мост.

Ну, он пошол, лампадник дернул, выскоцил Исполинушка.

— Что угодно крестьянской сын?

— А вот, Исполинушка, каку я тебе службу дам, не справишь, так мне и царевны не видать.

— Какую?

— А вот выстроить два дворца, от дворца до дворца штоб шол хрустальной мост.

— Ну, ладно. Это, Василий — крестьянской сын, — служба. Ну, живут день, живут два, живут три — неделя к концу приходит. Вот Исполинушка клич созвал в субботу. К утру-свету все готово было, и жоних в новом доме живет. Ну, Марфа Прекрасная, быть тебе за крестьянским сыном! А Васька говорит:

— Поежжай, мама, за окончательным ответом. Всего у нас довольно, дом хороший, хлеба много.

Мамаша и полетела к царю. Ну, опять наугощали ее.

— Я, — говорит, — уже к вам наездилась, — давайте окончательный ответ.

Вот Марфа Прекрасная вышла, и отдарки вынесла жениху, пребудущему мужу, — платы, подвенечну одежду.

— Будем как венцаця — пусть оденет. Ну, Васька встретил мамашу.

— Дала платы?

— Дала, толковые и подвенечное платье.

И стали приготавливая к свадьбе, с той стороны и с другой стороны. Васька собрал друзей, приятелей, сватей. И повенчались церавна с кресьянским сыном. С царем угощение произошло по-хорошему. И стали жить. А он лампадник повесил в комнату, а жоне не предвестил. Вот он и говорит:

— Я пойду в лес за охотой.

— Пойди, Васильюшка.

Он ушел надолго. А ходит стар-старичок и кричит по хороуду:

— Хозяюшки, молодушки, нет ли старых лампадников — на новые менеть?!

А она взяла старый лампадник и говорит:

— Давай, дедушка, лампадник менеть.

Тот и забрал лампадник. Потер его и выскочил Исполинушка.

— Что угодно?

— А вот возьми этот дворець с этой жонщиной и поставь на уединенное место, чтоб и птица не пролётывала и зверь не пробежал, не проехал никто.

Вот Васильюшка пришол — никого нету. Царь разгорецился:

— Ах, ты, сукин сын, ты куда мою дочь девал?

Вот он закруцинилси, вот он запечелилси и пошол опеть в лес и плачет. Шол, шол, затосковалси весь, да на руке персень увидал. Да о земь оперся и попал в персень камешок и выскочил маленький Исполинушко.

— Что угодно, кресьянской сын?

— Ты мне угадай, где моя мать, жона и дворець.

— О, Василий, кресьянской сын, далеко-далеко, за тридевять земель, за тридевять морей, на середине миру, а птица не пролетит, и зверь не пробежит. А лампадник в погребу за двенацатью дверяма, за двенацатью замкама.

— Не можешь ли ты меня туда доставить?

Ну и полетели. Летел, летел, устанет, да отдохне, да опеть лете. Ну, в дом пробрались. Мать заравалась, и схватились в охапку и начали плакать-рыдать и рассказывать:

— Прилетит волшебник и нас сожрет.

— Ну, а где у его лампадник?

Он двери дернул — ницего. Он перстенек потер — вышел маленький Исполинушко.

— Ну, что надо?

— Достань мне лампадник.

Исполинушко двери посрывал, лампадник достал. Тот лампадник потер и выскоцил большой Исполинушка и говорит:

— Что угодно, кресьянской сын?

— Перенеси меня обратно в мое царство. Трудно-трудно, да маленький Исполинушко да большой Исполинушка вдвоем долетели. Летели-летели, а волшебник за ними. А маленький Исполинушко кричит:

— Скорее летите, скорее.

Ну, долетели до границы — тут волшебнику не взять уже. Ну стал дворец на старое место. Ну, царь приходит и говорит:

— Ну, что? Нашутился?

— Виноват, ваше царьско величество, это не я нашутился, а жона моя.

— Как так?

Тут ему рассказали.

— Может ли быть?

— Может.

— Ну поспорим.

Поспорили и оставили без последствий.

127. Присказка

Урку да урку,
Вылетел урка на улку,
Урку да урку,
Сел на тынинку,
Урку да урку,
Едут гости богаты.
Урку да урку,
Спой, урка, песню,
Урку да урку,
Да отец меня зарезал.
Урку да урку,
Мачеха велела.
Урку да урку,
Сестра мяса не ела,
Урку да урку,
По подстолицу ходила,

По подстолицу ходила,
Урку да урку,
Костоцки собирала.
Урку да урку,
На окосоцко клала,
Урку даурку,
Да пресным молоцком поливала,
Урку да урку.

128. Оборотень

Жили-были дед да бабка. Был у них одинокой сын. Уж так он их жмал, жмал, короцки даром не давал. Были у него старики наги, голодны, босы. Вот старик помер, старуха сидит плаце. А сын в избу идет с лопатой, она и скаже:

— Зачем, сынок, лопатку несешь?

А он говорит:

— Отця в саду зарюю, на попов много нужно, и без попа сгниет.

Тут старуха завыла, да и говорит:

— Лучше я б волка породила, чем такого сына; отця как собаку зарыть хочет.

Только это она сказала, как и стал сын волком, хвост поджал, да и в лес побежал. Долго ли он в лесу жил, коротко ли, а только мяса не едал. Разорвет овеццу, да поглядит, где пастухи картошку пекли, да на тех вугольях мяско и сжарит. Знал видь, что как сырое мясо съист, навсегда волком останется. Прибежал он раз ночью в зиму, под зарод лёг, лежит, дрожит весь.

Шел мимо добр человек, видит собака лежит, дрожит, а не лает. Скинул с себя кафтан, да волка прикрыл. Как пал на него кафтан целовеций, стал он опять человеком. Домой пришел, матери в ноги поклонился. Ну мать, известно дело, простила. И сейчас живет, да кто — не скажу.

129. Волк

Тут у нас охотник жил, удовец. И жонился на удове с сыном. И у самой ей глаз черный, а на сына и глядеть страшно. И каж-

ну ночь сын из избы прочь. И уцуюл охвотник, что стал кажду ночь волк коло их избы выть. Вот под цистую субботу взял он топор, да святой водой смоцил и ночью, жоне не говорясь, сторожить стал. О полночь прибежал белый волк, сел середь двора и почал выть. Охвотник выскочил, да топором лапу обрубил. Волк завыл, да не в лес, а в избу. Охвотник за ним, а в избе смотрит на лавке сын лежит, а мать ему руку вяжет.

130. Как село потопилось

Где теперь озеро Каскомень, было село большое. Да уж народ был в том селе, как камень. Ни хлеба, ни молока ни в долг, ни дарма. Уж и нищие туда не хаживали. Вот раз старицок пришел старенький, а это Илья-пророк был. Подошел к одной избе и просит:

— Хозяюшка, дай напиться.

А та и говорит:

— Не для тебя я воду нашивала.

Пошел Илья-пророк к другой избе, просит:

— Хозяюшка, подай страничку ковшик, воды испить.

А та и говорит:

— Не для тебя я плечи гнула, воду нашивала.

Пошел Илья-пророк к попу:

— Матушка, подай страннику напиться.

А она и слова не сказала, собак на его выпустила. Посмотрел Илья-пророк на небо, говорит:

— Господи, во селе сем воды нетути.

И послал Господь на село воду: из реки плывет, из земли идет и дождем бежит, а люди-то, как где был кто, так словно приклеены. И стало на том месте озеро. А под озером село большое, в неурочный час под нечисто слово и увидеть можно, да не обрадуешься.

Мезень

Клавдия Васильевна Грязнова

131. Краса — Долгая Коса

Жил-был купец, у него жонка померла, и остался сын девяти дён. Он все кричит, все плачет. Вот бабки, няньки собрались, не как унять. Вдруг приходит бабушка-задворенка. Взяла его на руки:

— Баю-баю, Ванюшка, вырастешь большой, возьмешь взамуж Красну Красу — Долгую Косу́, трех мамок доцку, трех бабок внуцку, девяти братьев сестру.

Он и замолчал.

Вот год молчал. А потом и стал реветь. Рёвет, рёвет, уёму нет. Набежали бабки, да няньки, унять нельзя. Пришла бабушка-задворенка:

— Баю-баю, Ванюшка, не плаць, не реви, вырастешь большой, возьмешь взамуж Красную Красу — Долгу Косу́, трех бабок внуцку, трех мамок доцку, девяти братьев сестру.

Он и замолчал. Еще год молчал. А потом опеть плачет. Купец его жалеет. Бабки-мамки уговаривают. А он все плачет. Пришла бабушка-задворенка:

— Не плачь, Ванюшка, вырастешь большой, возьмешь взамуж Красную Красу — Долгую Косу́, трех мамок доцку, трех бабок внуцку, девяти братьев сестру.

Он и замолчал.

Вот он вырос до возрасту, такой красивый. А етот купец женился на другой, молодой. Она все на Иванушку поглядыв-

вает. А он все о Красе думает. Вот он и пошел к бабушке-заворенке:

— Здравствуй, бабушка.

— Здравствуй.

— Ты меня, бабушка, сулила женить на Красной Красе на Долгой Косе?

— Сулила.

— Ожени, бабушка.

— Иди дитячко, проси у отца самолучшего коня, поезжай в чисто поле, только не спи, не дреми, Красна Краса сама придет.

Он и попросил самолучшего коня. Ему купец коня срядил. А выходит мачеха на крыльцо:

— Не хорошо, — говорит, — Ваня, тебе без слуги ехать. Возьми, — говорит, — моего слугу, он тебе напечет, наварит, спать повалит.

— Ладно, — говорит.

Она побежала да своему слуге сонную булавоцку дала. Вот они поехали в чистое поле, раздёрнули шатер, легли, заспали. Утром будит его слуга.

— Вставай, Иван, купечький сын, снарядись невесту встречать.

Он стал его причесывать, да ему сонную булавку в голову вóткнул. Тот и заспал. Вот приехала Красная Краса — Долгая Коса, на девяти кораблях. Стала его будить — не добудится.

— Ну, — говорит, — не хорошо сватаешь, купечький сын. Через день приду на шести кораблях, чтобы не спал.

И уехала.

Тут слуга булавоцку вынул.

— Ох, — говорит, — некак я заспал?

— Заспал, — говорит.

— Мне во сне мнилось, что меня Красна Краса миловала.

— То не во сне снилось. Красна Краса тебе миловала, велела сказать, чтобы не спал. Будет она на шести кораблях.

Вот день проходит, они поезжают опять на зеленые луга, к синему морю. Вот мачеха говорит:

— Что ты, Ванюшка, один поезжаешь, возьми слугу.

Он и взял слугу. Ну приехали, шатер раздёрнули, спать лёгги. Утром слуга говорит:

— Давай, Иван купечький сын, приумойся, приоденься, невесту встречать.

Он взял его причесывать и сонную булавку ему вóткнул. Тот и заспал. Вот приехала Красная Краса на шести кораблях. Стала его будить, оглаживать. Он все спит. Она говорит:

— Ох досадный какой, рази так невесту стречают? Приеду я через месяц на трех кораблях.

И уехала.

Слуга ему булавку и выткнул.

Он говорит:

— Ох, мнилась мне Красная Краса.

— Не мнилась, а здесь была, тебя миловала, добудиться не могла. Приедет через месяц на одном корабле.

Ну месяц проходит, поежжают они на зеленые луга к синему морю. Стал слуга Ивана очесывать, сонную булавку в голову вóткнул. Тот и зóспал. Приехала Красная Краса, стала его миловáть, да не разбудить. Она на слугу поглядела, ногой топнула:

— Это не богатырь, это титьки сосать, либо ты, леший, его колдуешь. Скажи ему: гребешок пусть ломает, в воду бросает, а ко мне свататься идет.

И уехала. Тот булавоцку повыдернул, да и выдернуть не успел, как Иван выстал.

— Ох-ох-ох, голова болит, мнилась мне Красная Краса.

— То не мнилась. Она тебя любовала, миловала, добудиться не могла. Это говорит не богатырь, а титьки сосать. Пусть гребешок сломает да в воду бросит.

Иван в волóсья рукой лóпнул — тута булавоцка торцит. Он булавоцку повыдернул, стал богатырь. Взял тому слуге голову отрубил, да в море кинул. Домой поехал, мачехе голову ссек и поехал один за Красной Красой — за Долгой Косой. Заехал он к бабушке-задворенке.

— Ты, бабушка, мне Красную Красу сватала?

— Сватала.

— Сватала, да не досватала, как мне ее самому добыть?

— Поежжай в лес в леву сторону по правой дорожке. Доедешь до ейна царства. Иди в церковь обедню служить. Придут девять братьев, будут тебе в гости звать. Ты не иди. Они будут понуждать — ты их колько можешь толкони. Придут на завтра шесть братьев тебе в гости звать, ты и их толкони. Опосле придут три брата ты с имя иди. Да в красный угол не садись, да пёрву чару не пей, да золотым наспичником не

утерайся. А будут тебе мамки подарки дарить, ты ничего не бери. А будут тебя бабки дарить, ты бери только худой ящичек. Да возьми сорок сажон веревки, той ящик завяжи.

Вот он и поехал в лес, в леву сторону, в праву дорожецку. Ехал-ехал, ехал-ехал, до ее царства доехал. Ну пошел в церковь обедню служить. А стоит тут Красная Красота и девять братьев. Она говорит:

— Насосался маменькиных титок?

А он молчит. (*Ишь она как над ним изгаляется!*) Тут девять братьев подошли, стали его звать чай пить, а он:

— Не хочу, — говорит.

А они стали принуждать, он взял их столкнул. Так три брата и пали.

Ну на утро он пошел обедню служить. Стали его шесть братьев чай пить звать. А он говорит:

— Не пойду, — говорит.

Он взял, да и столкнул их, три брата и пали. На третий день то же самое, стали его гостить звать. Ну он пошел. Пошел, а старший брат говорит:

— Садись в красный угол.

А он говорит:

— Ты старшей, ты и садись.

Он понуждает садиться. А Иван взял его в красный угол толконул. Тут его что-то и рзорвало. Ну, средний брат ему стакан самогону дает. А он говорит:

— Ты старшей, тебе первому пить.

Тот не хочет. А Иван говорит:

— Пей.

Тот выпил и пал мертвый. (*Там какая-то яда была.*) Ну чай попили, дают наспичник утереться. Ему дают золотой. А он говорит:

— Я золотым не хочу, трись ты золотым.

Тот не хочет. Он говорит:

— Трись!

Тот *трáлся* да и пал мертвым. Набежали тут мамки, стали ему подарки давать. Он ницего не берет. Набежали бабки, стали подарки давать. Он говорит:

— Дайте худой ящик.

Они не хотя, а он кричит:

— Давайте, а то всех побью!

Они и дали. Он взял, сорок сажон веревки обмотал и поехал. Ехал, ехал, — а на ящике веревки треснуты. Он коня пуще нагоняет.

Только вот выехал из лесу, веревки и треснулись. Выходит с того ящика Красная Краса.

— Ну, — говорит, — вывез меня из лесу?

— Вывез.

— Ну, так буду тебе честной женой, а то б не вывез, я тебя убила.

Ну, приехали к нему и повенчались.

132. Иван бессмертный

Стоял часовой на посту. Шли мимо два генерала. Один говорит:

— Я и красивый, я и ученый, а никак московску красавицу поглядеть не могу.

А другой говорит:

— Я всех богаче, три года бьюсь, а не могу ее личности увидеть, она все в корете ездит, фатой закрывается. А солдат говорит:

— Вот сиволапы, да я при таких капиталах с ней бы и ночь переспал.

Эти генералы услышали, обиделись. Сейчас царю доложили. Царь призвал етого солдата:

— Ты как, — говорит, — смел моих лучших генералов сиволапыми обозвать?! Ты что похвастал? Дам я тебе денег десять тысяч, и ты если свою хвасту не исполнишь, я тебе голову с плеч.

— Хорошо, — говорит, — только дайте мне такое повеление, чтобы меня всюду пускали.

— Я, — царь говорит, — тебе напишу под полу, под шинелью золотыми буквами разрешение.

Сейчас взял, ему под-полу написал разрешение золотыми буквами.

Вот солдат все у дома красавицы ходит, высматривает. И он высмотрел, что она в одну гостиницу едит. Он сецас туда побежал. Заходит в двери. А к ему лакей бежит:

— Пошел вон, тут солдатам нельзя ходить!

Он шинель заворотил, тот разрешение прочел да и:

— Пожалуйте, пожалуйста, каку вам горницу прикажите?

Тот и взял самолучшу горницу. Туда вдруг приходит московска красавица.

— Я в мою горницу пойду.

— Ваша горница занята.

— А кто в ей?

— В ей солдат спит.

Она разгорецилась, но взяла соседню горницу. В ту горницу к ей красивый генерал пришол. Он и говорит:

— Дайте нам бутылку вина да закусок.

А солдат кричит:

— Подавай пять бутылок вина, да пуд закусок!

Вот ей и обидно, что солдат лучше угощается.

Генерал ей и говорит:

— Я самый красивый, да умный генерал во всем городе, а вас не видал и у вас не бывал.

— Ну, приходите завтра в ето время, вас моя нянька заведет, скажите «московска красавица велела».

Ну, солдат все слышит. Только она ушла, солдат генерала зовет:

— Ваше благородие, не откажитесь у меня погостювать.

Генерал к ему в горницу пришол, а солдат выставил пять ведер вина да пуд закусок. Генерал и напился, да и заспал. А солдат свернулся, да к красавице. У ее дома ходит нянька.

Солдат и говорит:

— Я, бабушка, к московской красавице.

— Идите, говорит.

Вот она солдата и привела в темну горницу. Он с красавицей и слюбился. Стал он раздеваться, у него пуговка оторвалась цякнула. Она говорит:

— Это што?

— Это, — говорит, — у меня перстень именной пал.

— На, — говорит, — мой перстень именной, завтра сменяемся.

Ну, она заспала, а солдат и убёг. Пришол в казарму, за им царь присылает.

— Ну, что, сполнил *хвасту*?

— Сполнил, ночь с московской красавицей переспал.

— Чем докажешь?

Он вынул именной перстень и показал. Ну делать нечего. Дал ему царь много денег.

И пошел Иван по своей воле шляться. Шол-шол, до одной деревни дошел. Зашол в кабак да и говорит:

— Сколько у тебя, хозяин, есть вина?

— Да двадцать бочек, — говорит.

— Давай сюда двадцать бочек, будем народ поить.

Вот и стал народ поить. Мужики и все дела забыли, все в кабак побежали.

— Всем, — говорят, — даром вина дают.

Напоил он всю деревню. Жонки, да девки, да ребята, все припили. Тут два мужика поссорили, за село убежали, да один другого убил. А Иван нанял мужика себе до Большого плёсу вести. Сел на телегу и поехали. Вот ехали, лежит мертвый мужик. Вот Иван и говорит:

— Стой, мы втроем поедем, веселей будет.

Взял, да мертвого на телегу бросил. Вот поехали дале, в лесу огонек пекёт.

— Давай, заезжай-на огонек.

Приехали они, а это дом большой. Разбойники деньги делят. Он с мужиком зашел да говорит:

— Здравствуйте.

А они молчат. Он подошел к печке, мясо вынул да говорит мужику:

— В этом доме и есть нечего, у них мясо *занюхло*. Неси наше, посвежей будё.

Мужик принес ему от мертвяка руку. Он понюхал и говорит:

— И этот *занюх*. Неси от другого руку. Мужик втору руку принес.

Он понюхал и говорит:

— И это *нюхлое*, давай бери нож, будем свежих резать, вишь, их сколько.

Разбойники и испугались, кто куда убежали. Иван взял, деньги *забрал*, да поделили пополам. Мужику дал, а сам дале пошел. Шол, шол, в деревню зашел, просится ночевать. А никто прохожая не пускает. Вот он одного и спрашивает:

— А ето что за дом стоит большущий? Может туда пустют?

А тот говорит:

— Дом-от наш, в ем никто не живет, црти выжили с того дому.

— Ну, — говорит, — мне никаки церти не мешают, я туды спать пойду.

Он и пошел в кузню, наковал крестов мешок, да молот, да киски, да карты, да бутылку взял. И пошел, в избу зашел, да и лег спать. Все двери закрыл, все на крючок заложил. Вот лежит. Вдруг гром пошел, хрюпаются церти.

— Што, — ревет, — в цюжой дом зашел?

— А как в цюжой, меня хозяин запустил.

Они говорят:

— Прежде был хозяйской, а ныне цертянской. Пусти нас под порог.

Страшенно так ревут. А он говорит:

— А што, церти, можете ле маленькóй счилочкой пролезть?

Они ревут:

— Мы все можем.

— А ну, лезьте, — говорит.

Он взял, к *счилке* мешок направил, да на каждого церта крест наложит, да в мешок да в мешок... Мешок завязал да под лавку и положил. А сам опять лег.

— Нынце, — говорит, — спокою нет нигде.

Только лег, ревь новый нечистик:

— Поцему в мой дом цюжой зашел?

— Меня хозяин запустил.

— Пусти меня одной ногой в избу, картами поиграть.

Тот запустил:

— Ну, давай, — говорит, — поиграем.

— А как играть будешь?

— А вот, давай в щолкунка́х.

Ну вот они стали играть. Наиграл Иван нечистику пять щолчков. Ладит его щелка́ть. А Иван говорит:

— Нет, давай дале играть, там в раз рассчитываться.

Наиграл нецистый дух Ивану пять щелкунка́в.

— Ну, — Иван говорит, — теперя я тебе щелкать буду.

Завязал ему глаза, да молот взял, да пять раз дал ему в лоб, дак тот и свалился. Еле стал, да в ад убежал.

— Ну ладно, — Иван говорит, — теперя поспать лягу, покою не было.

Только лег, идет самый главный бес, под дверью ревь.

— Запусти меня хоть на минутоцку в карты поиграть.

Иван и запустил:

— А как будем играть?

— А будем играть в *петках*, кто проиграет, дак буде в печь на огонь плевать.

Чорт наиграл Ивану пять плевков. А Иван говорит:

— Будем дале играть, потом рассчитаемся.

Ну, Иван наиграл чорту пять плевков.

— Давай считаться.

Завязал ему глаза да взял *кискы́* накалил, да ему язык и приварил. Он и убежал с кисками в ад. Сам бежит, плацет, а где слезы пали, *щельга* стала.

— Ну, — Иван говорит, — теперь и спать лягу.

Вдруг заглянула в окно девица, да такая красивая, да рукой: стук-стук.

— Ты кто там?

— А я, твоя смерть, иду.

— Ну, смерть. — говорит, — можешь ли этой дыркой пролезть?

Она пролезла да и стала така красивая.

— А што, — Иван говорит, — теперь делать будем, в карты играть или как?

А она говорит:

— Што делать будем? С смертью в карты не играют, умирать будем.

А он говорит:

— Правда ле, смерть, што ты как угодно свернуться можешь?

— Я могу.

— Овернись мухой.

Она овернулась мухой, он ее рукой поймал, да в бутылку и запустил. Запустил и пробкой заткнул. Там и смерть погибла. Ну, он пошел и хозяину сказал:

— Иди в большой дом и живи, я все оцистил.

Ну, хозяин обрадел. А Иван дал ему мешок и бутылку и говорит:

— Закопай это в землю на сорок сажений.

Закопал хозяин в землю Иванову смерть в сорок сажений, и стал Иван — Бессмертный, боле смерти нет у него.

Ну, время идет. Жил-жил Иван, скуцно ему стало. Он и пошел на небо.

Шол, шол, в рай пришол. Его приняли в раю.

— Тут, — говорят, — кто не умер, три дня жить может.

Он два дня пожил:

— Нет, — говорит, — я любитель есть попивать, а здесь са-могонки нету, скушно у вас.

Да и ушол. Пошол в ад. А как увидели его там нецисты:

— Не надо, — ревут, — не пускать его, он весь ад разобьет!

Да и вытолкнули. Он и пошол на зень. Ходил по земли. Все товарищи примерли, все внуков вырастили, а он один все ходит. Тут и стало ему плохо. Он сел и говорит:

— Хуть бы смерть пришла.

Да и вспомнил. Пошол на то место, раскопал бутылку, вы-нел пробку, — вылетела муха, овернулась девицей.

— Што, — говорит, заскуцал по мне, Ванюшка?

Да и обняла его. Он и помер.

133. Про двух братьев

Жили-были старик да старуха. Были у них два сына. Оба как один, так схожи. Они жили очень бедно. Вот есть стало неце-го. Старуха и говорит:

— Отведи их, старик, в лес. Нам все равно с голоду поми-рать. А они может выбьются.

Он и завел их в лес и бросил. Они и заблудились. Ходили-ходили и заревели. Вот ревут, и идет охвотник и спрашивает:

— Пошто так ревете?

Они и рассказали.

— А идете ли ко мне?

— Идем.

Он их и взял, и стали они жить-поживать. Вот он остарел и говорит:

— Надо вам по свою судьбу итти. Если вы по одной стре-лоцки с каждого угла в гуся стрелите, так можете итти.

Они взяли по стрелоцки и в одного гуся стрелили. И при-несли его хозяину.

— Ладно, — говорит, — напеку я вам хлебов, положу в *по-ташечки*, да дам вам нож. Вы етот нож на росстани воткни-те в дерево. Какая сторона заржавеет, тот брат у вас будет мертвый.

Ну они и пошли. Шли, шли, шли, им стретился заяц, они ладят его стрéлить, а он говорит:

— Не стреляйте меня, охотнички, я вам дам по за́юшку.

Он им и дал по за́юшку. Ну они дале пошли. И стретилась им лиска. Они и ее ладили стрéлить, а она им принесла по лисенку.

Они опять дальше пошли, им стретился волк. Они ладят стрéлить, а он говорит:

— Не стреляйте меня, охотнички, лучше выкупа примайте, я вам дам по волчонку.

Дале стретился им медведь — дал по медвежонку. Дале лев-зверь. Они ладят его стрéлить, а он говорит:

— Не стреляйте, я вам дам по левчóнку.

И они пошли дальше со всёй охвотой. Пришли до рости, воткнули нож в дерево. Старший пошел в леву руку, а младший пошел в праву руку.

Младший пришел в город. Город был весь убран черным сукном, печален город был. Он зашел к дедушку и спрашивает:

— Дедушка, пошто у вас город печален?

— А пото печален, что семиглавый змей летает и девок у нас всех повыносил. Завтра ладим королевну вести, а не поведем, так весь город нарушит.

— А куда у вас девок водят?

— А далеко, к церкви с большой горой.

Он туда пошел и увидал три боченка: с пивом да с вином, да со сладкой водкой. Он эти боченки выпил, почувствовал силу немалую. Он нашел под церковью меч, взял этот меч и вышел на угор.

Тут сделался пискун, вихрь, рёв — семиглавый змей летит. И королевну ведут. Ее довели до угора и спустили. Она и пошла на гору. Он и говорит:

— Ты иди в церковь и моли бога, чтоб мне состоять с змеем семиглавым.

Она в церковь пошла и стала молиться. Потом летит змей семиглавый. Поглядел и говорит:

— О-о-о, я не этаких убивал, а тебя на́ раз!

— Ну, — говорит, — спробуем.

Змей налётел, он саблей дал ему, и на́ раз три головы отсадил. А от змея жар пыхал, так даже земля горела. А он другой раз взмахнул и все четыре головы отсадил. Ну ему и звери по-

могали, лев-зверь змея рвал, волк да медведь наскáкивали, заяц да лиса пощипывали. Ну они змея победили. А у царя был придворник, все двор караулил. Он на столбе сидел и все видел.

А Иван отрезал у змея все головы и языки, взял у царевны именной платок, завернул и положил себе в карман. Он королевне и говорит:

— Теперь меня покарауль, я засну богатырским сном.

Она караулила-караулила, да и спать захотела.

— Ну, — говорит, — Мишка, покарауль ты, а я отдохну.

Медведь караулил-караулил и спать захотел:

— Лев-зверь, покарауль, а я отдохну.

Лев-зверь караулил и говорит:

— Волк, покарауль, я спать захотел.

Волк сидел-сидел, стал дремать.

— Лисанька, ты посиди, я засну.

Лиса сидела, да и наказала зайчику караулить. Заяц и зáспал. Ну вот и спят все.

Вот пришел придворник, взял меч и отсек Ивану голову. А королевну разбудил, взял к себе и говорит:

— Не пойдешь за меня замуж, так голову засеку, а пойдешь, так скажи, что я тебя спас.

— Пойду, — говорит, — только пусть венец будет в этот день, когда змея убивали. *(Через год, значит.)*

Ну он ее и увел. Звери проснулись, давай на зайца напирать, ладят его разорвать. Заяц говорит:

— Не разрывайте меня, я его оживить могу.

Побежал да и принес чудесну трачу. Одну к шеи, одну к зубам, да одну к уху. Он пробудился. И пошел со зверями.

Вот год прошел, тот день настал, как венец царевне принимать. Иван и пошел к дедушко.

— Дедушко, пошто у вас город красным сукном потянут?

— Потому что подворник царску дочь спас и сегодня будет венец.

— Дедушко, не дурно мне сейчас царской водки выпить.

— А где ты достанешь?

— А достану.

Он написал записку и послал к царевне зайца. Заяц прибежал и дал царевне записку и подал ей лапку. Царевна ему и дала царской водки стакан. Заяц ему и принес, а он говорит:

— Дедушко, а не хошь ли царьско пиво выпить?

— Как не хотеть. А ты где возьмешь?

Он сейчас наряжает лиску, она и бежит. А придворник уже солдатом наставил. Лиска хвост распустила и промеж солдатом мырнула.

Солдаты кричат:

— Хватай! Хватай!

А она под столом затаилась. Ее нигде не нашли. Она царевну по́тиху лапкой тронула. Царевна говорит:

— Кто там?

— Это я, лиска.

— Ты пошто, лиска, пришла?

— Твой суженый пивця захотел.

Она и дала лиске пивця.

Вот они с дедушком подвеселились, Иван и говорит:

— Надо нам, дедушко, закусок да заедок.

Сейчас медведя наряжает. А там уж придворник три полка солдат наставил. Мёдведь приходит, они к нему с ружьями. А он их раз толкнул, они и па́ли. Мёдведь под стол, да к царевне подкатился.

— Х-р-р, х-р-р, царевна, твой суженый закусок-заедок спрашивает.

Она и дала ему закусок-заедок.

А царь уже видает, што штось не ладно.

Иван говорит:

— Дедушка, надо нам всяки кушанья попробовать.

И нарядил льва-зверя.

Лев-зверь пришел, всех солдат погрыз, в избу зашел. Гости испугались, хто куда, царь на стол вскочил. Одна царевна не испугалась.

Царь говорит:

— Пусть его хозяин придет, льва-зверя заберет, а то он всех приест.

Сейчас по́слали за им слугу. А он говорит:

— Я так не иду. Привезите за мной царьско платье, царьску карету, царьски кони.

Они и привели ко́ней, и корету, и царьско платье. Он и поехал со зверьем со всем. Приехал и зашел в и́збу. Царевна его посадила за стол. А подворник ходит и говорит:

— О, я змея семиглавого убил.

А он сидит за столом и говорит:

— Змея семиглавого убил, а языки где у тебя?

— У змея языков нет.

— Врешь. У каждая зверя язык есть.

Он вынул платок и показал языки.

— Вот, — говорит, — не ты змея семиглавого убил, а я, — говорит. — Ты только хвастаешь.

У царевны спросили:

— Который змея семиглавого убил?

Она говорит:

— Тот, который языки сорвал.

Этого придворника и расстреляли, а он женился на ней.

Он тут жил-жил, ему стало скуцно. Он стал поезжать к другому брату старшему. Приехал он к росстани, показался ему олень. Он этого оленя погна́л. Гнал, гнал, стала ночь. Он стал ночевать. Огонь зажег, ко́ней накормил. Огонь горит хорошо. Вдруг видит: сидит баба на ели. И все «у-у-у» кричит.

Он говорит:

— Сойди, баба, с ели.

Баба говорит:

— Нет, я не сойду. Я зверья боюсь. Я брошу прутья́, так ты кокни зверья враз, они тихи станут, так я сойду.

Она бросила пруты, он кокнул зверье враз, они и окаменели, стали серы-каменья. Она прыгнула с ели и его кокнула. И он серым камнем сделался.

Этот старший брат где-то жил-поживал, ему скуцно стало. Он говорит:

— Где этот мой младший брат? — говорит.

Он поехал тоже к ро́сстани. Видит: на ножи одна сторона заржавела.

— Это, — говорит, — у меня помер брат.

Поехал по той дороге. Приехал в город к этой царевне. Она его и признала, думала, что ее хозяин. *(Они, вить, одинаки и обличьем и повадкой.)* Она его накормила-напоила, зверья в хлеб запустила. Он пожил два дня и поехал брата искать.

Ехал-ехал, ему олень стретился. Он его́ тоже погна́л, и до той ели гнал, и там ноцевать стал. Выжог огонь, бабка на ели уркат: «у-у-у».

— Сойди, бабка, с ели.

— Нет, я зверья твоего боюсь. Я брошу прутья, так ты кокни зверья сразу, так я сойду.

Она бросила прутки, а он кокнул одного зайца, тот стал серым камнем. А кругом таких камней много.

— А, так это ты моего брата убила?

— Я за то его убила, что он моего сына, семиглавого змея, убил.

— Сойди сейчас, оживи моего брата, а то из лука стрелю, сердце пробью.

Она сошла, хвостнула камнями другим прутом, и брат и вся охота живы стали.

Они взяли ней расстреляли, коней запрягли, повесили ей коням на хвост и поехали в город. Приехали в город и ету стали показывать.

— Вот, — говорят, — змея семиглавого эта мать и расстреляна.

И они стали тут жить-поживать.

Вся боле.

134. Мена

Были-жили старуха да старик. Был у их худючий конь. Остарел, ницего робить не мог. Старуха и говорит:

— Коня нать продать, зря только сено сводит.

Старик и пошел коня отдавать. Шел-шел, в Мезени-реки купец тонет. Старик его и вытащил. Купец и дал ему горшок золота.

— А я, — говорит, — на твоём кони протрухаю.

Мужик срадовался, пошел домой. Горшок нести тяжело. Стретился ему мужик, ведет корову на вязке.

— А што, мужичок, несешь?

— А горшок с золотом.

— А не хочешь ли сменить золото на корову?

— Давай, — говорит.

Шел-шел, стретился мужик, ведет *бальку*.

— А што мужик, не сменяешь ли корову на *бальку*?

— Давай, — говорит.

Пошел дальше, стретилась баба с гусем.

— А што, мужичок, не можешь ли сменить *бальку* на гуся?

— Сменю, — говорит.

Шел-шел, стретил девку с курой.

— А што, мужичок, не можешь ли сменять гуся на куру?

Он и сменял. Идет, куру ташцит, об суцок портки ободрал. Видит бабушка сарафан шьет.

— А што, мужичок, портки ободрал, не сменяешь ли куру на иголку?

— Ладно, — говорит, — мне иголка сгожается.

Шел-шел, в постоялый двор пришел, а там татары щи хлебают.

— Откуда, старицок, прависси?

Он рассказал про свою вину. Эти татары и говорят:

— Тебя старуха и в дом не запустит, што худо делаешь.

Он и говорит:

— Меня старуха еще три разы в губы поцелует.

Эти татары говорят:

— Если тебя старуха в губы поцелует, мы тебе дадим ящик золота.

Вот они и поехали к еговой хозяйке. Она и спрашивает:

— Что, старик, коня сбыл?

— Сбыл, взял горшок золота.

— Это хорошо, — говорит, — а где он?

— Променял на корову.

— Того лучше, — говорит, — будем мы с молоком.

Взяла да в губы поцеловала.

Он говорит:

— Я корову променял на овцу.

— Того лучше, будя с шорстью.

— Я овцу променял на гуся.

— Того лучше, старик, буду я гусятничать.

Да ишщо его в губы поцеловала.

— Да, вить, я гуся променял на куру.

— Ой, вот хорошо! Она у нас яйца насодит.

— А я ведь, старуха, променял курицу на иголку.

— Вот умной старик! Я, вить, свою иголку притеряла, а тебе портки зашить надо.

Да взяла и ишщо раз в губы поцеловала. Тут-те татары ящик золота и отдали. Стали они жить богато.

135. Покойница-воровка

Бывало да живало жили ста́рик да старуха. Ста́рик и поме́рто. Оны, братья́-те, розделились. Один *ну́жной* стал, бедной, а у другого пять коров или што ле. А у другого одна коровушка, а детей много, у нужного-то.

Ну, тут мать померла. А хоронить не в чем. Гробу нету. Ну, надоть сто́рожитъ. А богатый не хочет. Ну и нанимат за себя нужного.

Он караулил, караулил, да увзял мати-ту, да понес на хлев. Всих коров-то повырезал, а мати-ту и посадил на быка. Вот утресь старшой брат приходёт. Да и спрашивает:

— А где мать-то?

А ну́жной хныцит:

— Я не знаю, я прóспал.

По́шли в хлев, а тама вся поскóтина порезана, а она на быки сидит, мертва-то.

Занесли ее в клеть и опеть повалили. Ну, ночь приходё, старший и говорит:

— Ты, ну́жной, забери мясо, детей покорми. Да карауль хорошо, а то она ешшо деньги мои украдет, на цордаке, по́д сеном спрятаны.

И все он не может ей гроб сладить. Днем ро́бит, а ночь спит. А матка в клетке валяется. Ну ночью богата́й с женой в верхней избы за́спали. А ну́жной мать в мешок склал, на цордак занес, деньги вынел, а мать-ту на коленца в сундук поставил и пятак в руки всунул. Утресь богатый приходе, а тот спит, а нету-ти матки-той.

— Где мам? — говорит.

— Не знаю, я не́ спал, ницего не видал.

Пошли на цордак, а там матка на коленцах стоит, пятак де́ржит. Заохал, закричал старшой брат, а все гроб не делает, день робит, а ночь брата караулить сряжает. На утро, глеть, а мать в омбаре, в зубах пустой мешок де́ржит, а в руцех зерно. А закрома пу́сты. Пуще прежнего заревел младший брат:

— Я не́ спал, я не́ спал. (*А сам все зерно к себе перетащил.*)

Ну, сладили гроб, по́звали батюшко. Батюшко на ко́ни приехал. Он цай пьё, а брат богатый ска:

— Вот, батюшко, сколько мни мама зла сделала.

А батюшко не верит, што мертвый шкодит. А нужной мать снял, на коня батюшкина положил, ноги под брюхом вицею связал, да нахвостал коня-та. Батюшко глянул в окно, а мертвата на кони скацет. Так она и уехала несхоронена. Да батюшко и поверил. А бедный зажил богато.

136. Вóроны

Были-жили царь и царица. У царя было двенацать сынов. А царица была тяжола. Царь и говорит:

— Как ты родишь доць, то как я помру, сынова все возьмут, а доць бедовать пойдет. Лучше я сделаю двенацать гробов, двенацать гробов для двенацати сынов, и как родишь доць — я убью сынов.

Стала тут царица плакать. Плацет и плацет. Сынова выспрашивают:

— Пошто, мама, плацешь?

Она повела их в потайну комнату. Але стоят там двенацать гробов, двенацать гробов для двенацати сынов:

— Это как рожу я девушку, вас отец убьет. А вы, детушки, идите в дремуций лес, и один пуцай на дереве сидит — смотрит: как я рожу девушку, от повешу красной флаг, а как парня, так белый флаг. Как белой флаг, то домой идите, а как красной флаг, то проць бегите.

Вот она родила девушку, выкинула красный флаг. Оны и ушли далеко. Взошли в лес, соорили избушечку, стали жить. А царица все сундук открыва, вынима шитые двенацать руба-щецек, плацет, плацет. А девушка спрашива:

— Пошто, мама, плацешь?

А она молчит. Нашла раз девушка потайну комнату, стоит в ней двенацать гробов. Девушка и говорит:

— Пошто, мама, плацешь? Пошто в комнате двенацать гробов, пошто в сундуке двенацать рубашецек, а не одного братця нет?

Тут ей мать все рассказала. Ну, девушка и говорит:

— Вот, мама, срядешь пойду и не срядешь пойду, братьев искать.

Вот и простилась с матерью. И *палась* она на избушку. Они все на охвоте, а один дома. А уговор у них што кака девушка

в лес пойдет, то убить надо, потому сестра их в лес загнала. Ну она младшему брату все рассказала. А он ее и зажалел, да запрятал:

— Только, — говорит, — не целуй братьев в губы, на них залог положон, молчать тебе тогда семь лет, плести из кропивы рубашецки.

Ну, он ю запрятал. Он и рассказывает, братьям-тем:

— И што мни-ка грезилось — был я дома, а сёстра наша хороша девушка, ладит нас итти искать, плацет об нас. Ну, а как она к нам придё, убьем иль не убьем?

— Ну, — братья говорят, — пошто убить, как она нас жалеет.

Тут она и вышла. Срадовались. Да она и не стерпела, в губы их и поцеловала. Ну, они и обратились вóронами. И улётители. И нать ей семь лет не говорить и двенацать рубах из кропивы сплесть. От она сидит молчит и плетет.

Тут ее и нашол царьский сын. Нашол и взамуж взял. Она днем рóбит и ночью рóбит. Она днем молчит и ночью молчит. Ну ее и стали не любить. Все больше да больше не любят. А она одинацать рубашек связала, а двенацатую не довязала, рукав осталси. Тут и согласились ее сожегти. И ладят ее на костер вести. Уж везут ее на костер, а тут братья налётели, крыльями замахали, захлопали, огонь затушили. Она рубахи набросала, вси и стали братьями, а один без руки осталси. Ну, она и заговорила и стала мужа в губы целовать. И стали все хорошо жить.

137. Иван Углов

Бывало да живало царь да царица. У царя жонка принесла девушку, да не перекрестясь в бане повалила на полук. Ее нечисты и забрали. Да у того царя невестки были худы́, всю посуду били. Как разобьют, так черепков и нет негде. Ну, вот ладно.

В той деревне жили три брата. Два хороши, а третий худющий — его никто не берет на и́грища. Вот он говорит:

— Хоть бы лесачиха пришла да меня взяла кружиться да танцовать.

Вдруг приходит девушка в красном сарафане и садит-ся ему на колена. Вси смотрят кака девушка баска́ к ему

села. Он с ней наигрался и выходит на крыльцо, и она ему говорит:

— Возьмешь меня замуж?

— Шутишь ли, балагунешь ли?

— Возьмешь взамуж, дак на́ тебе три горсти золота. На одну горсть возми платьё, на другую ко́ней, третью попу за вёнценье.

Вот он на второе игрище срядился, так аж светит. В пинжаке, в калошах весь. Эта девушка приходит и говорит:

— На после игрища пойдём венце́ця, то́ки в ночь.

Ну и пошли. Закупила по́па. Он и обвенцел. Стали из церкви выходить, вдруг подынулся вихорь и по́па и попадьё унес. Она спрашивает:

— Будешь ли моим ро́денкам пир ставить?

— Стану ставить.

— Возми быков, да бочку вина, да все в гумно снеси. Потом возми плетку и иди моих ро́дных звать. Хвостни бел камень на росстани, он отворится — тут они и есть. Будут, они тебя поить, кормить, коня дарить. Ты не пей, не ешь, коня хорошего не бери. А бери худых, что навоз возить.

Он пошел на росстань, три раза хвостнул по камню. Выскоцили нечистые. Стали его тянуть чай пить. Он не идет. Потом говорят:

— Возьми золотых коней в благословление.

А он говорит:

— У меня хорошие есть, а дайте мне коня да кобылу — завесисту гриву, навоз возить.

Ну им и жалко отдать, да отдали. Вот он и поехал на телеге домой. Те кони ему наклали воз навозу. Он разгоречился, да хвостнул коня — из коня стал поп, он хвостнул кобылу — стала попадьё. Он хотел навоз сбросить, а стало из навозу золото. Ну он домой приехал богатым. А жена на гумне пир ставит и наставила новы чашки, тарелки, посуду... Она говорит:

— Охота тебе на моих ро́денков посмотреть?

— Охота, — говорит.

— Поди стань у щелья, не на дороги, да портки сыми, да между ног смотри.

Он пошел, между ног смотрит, а там и пляшут и скацут и рогаты и мохнаты...

Один *шишко* и говорит:

— Зять смотрит! зять смотрит!

Они как полётели, как зашумели... Если б на дороге стоял — разорвали бы. Ну вот на то золото он построил дом на углу и подписал «Иван Углов».

Вот вышел царь гулять, увидел новый дом. Зашол, а там чашки, тарелки, вся посуда царская. Царь и говорит:

— Это што за воры?! Посадить его в темну!

А жену к нему не пускают. Все кругом караульщики стоят. Ну она одному дала горсть золота, да другому. Ее и запустили к нему на минуточку. Вот она зашла к хозяину и дала ему турий рожок.

— Как поведут тебя на виселицу, так ты в турий рожок за-свисти.

Вот повели его на виселицу. Он шаг шагнул и говорит:

— Эй, царский сын. отпусти меня турьим рожком зареветь.

— Реви.

Он заревел и говорит:

— Простите весь народ и весь белый свет.

Опять шаг шагнул и говорит:

— Эй, царский сын, отпусти меня турьим рожком зареветь.

— Реви.

Он заревел и говорит:

— Простите, белый свет и луга.

Последний шаг шагнул и говорит:

— Прости, родная сторона.

Его ладят в петлю пихнуть, а тут самый главный чорт налетел и захватил петлю-ту.

— Вы, — говорит, — што делаете? Ведь Иван зять вам. Это дочь ваша, что вы в байну полóжили. да на поллок не благóсловлясь повалили. А я и унес.

Тут царица кричит:

— Правда, правда, унесена дочи!

— А посуда откуда?

— А у вас невестки все выломают, а я все приберу, да станет целá. И мне было, а теперь ему дал.

Ну царь и стал Ивана зятем звать. И стали жить да быть, да, бают, и сейчас живут.

138. Иван-солдат

Жил-был один солдат. Ему учение худо шло. Прежде били, мучили, стегали. Его все и бьют. Вот раз по́слали ночью караул держать. Зимой, холодно. Он стоял и призадумался. «Что же, — думает, — лучше сбежать мне, а то совсем убьют. А куда бежать? На родину, так споймают. Все равно и так помирать. Пойду шляться».

Вот он сумку снял свою и на ней написал: «Сума, служи сама», а на ружье написал: «Скажи капитану, я служить не стану». И побежал леском из городу. Бежал, в леса забежал. Двое суток шлялся голодом в лесу. Потом видит стоит дом на оди́нке. В дом этот зайти страшно, а не зайти, того хуже. Он сейчас и зашел.

Дом хороший, изукрашенный, *небель*, цисто все. А нет никого. Походил он из комнаты в комнату. Шкафы растворены, кушанья, все есть. Вот он поел порядком, выпил водки, повеселился. Солнце закатилось уж. Он и лег на кровать. Слышит, дом потрясся. Что такое? Одна нога по коридору стучит.

Вдруг двери отворились, и заходит в комнату Головня черная. Головня проговорила русским языком:

— Ты, Иван, крестьянский сын, три ночи пролежи, а не убойся ницего. Я заколдованная царская дочь, а здесь был город губернский, заколдован тоже. Это все бугры заповедны. Ты всех спасти можешь. Что с тобой будут делать, ты голосу не подавай. Три ночи терпи — всех спасешь.

Тук-тук, — Головня скрылась.

Он богу помолился, лег на кровать ниц. Бежит солдат — товарищ с того же полка.

— Ты, Иван, здесь?

Тот молчит.

— Тебя, — говорит, — розыскали, встань, бежи, говорит.

Тот молчит.

— Встань, — говорит, — добром, а то тебе плохо будет. Я за фельдфебелем пойду, он тебе шкуру снимет.

Тот лежит, головы не подымает. Тот сбегал будто за фельдфебелем. Фельдфебель пришел:

— А, солдат! Здесь?! — говорит. — Почему бежал, не являлся? Стань, — говорит, — солдат, прощаю за все, иди на старое место.

Он не стает.

Тот бился до утра здесь, он и голосу не подает. Заря занялась, они и скрылись, никого не стало. Солдат ниц лежит. Тут одна нога стучит, Головня идет. Головня заходит:

— Стань, солдат, солнце высоко́, не бойся никогó.

Солдат встал. Видит, Головня до груди красавицей стала, а от груди черная головня.

— Есче не убоишься, солдат, пролежишь, и буду я исцелена.

Стук-стук-стук. Головня ушла, где была.

Этот солдат стал, умылся, оделся, самовар наставил. Весной день долог, после водки напился, навесилился. Опять день спроводил. Вечер подошел, он на кровать ниц ложится, ночь пала. Он слышит — пара коней прискакали, кореты приехали. Понаехал офицер с солдатами. Забежали в комнату:

— А-а, он опять здесь. Встать!

Он ницего.

— Встань, солдат, прощаю. Поедем на старое место, я тебе чин дам фельдфебеля. Бить больше не будем, притеснять.

А он не стает.

— Так, — говорит, — занести дюжину розог, да выдрать!

Занесли пацку розог. Ему конаются:

— Стань, простим все, поедем в старое место, стегать не будем.

Он весь дрожит, а молчит.

Тут они розги разрезали, хотя́ стегать. Нарядили палача стегать. Солдат лежит, ницего не говорит. Сейчас палачь его заголил, хочет лупить. Он лежит, не шевелится. Как бить замахнули, заря занялась, они и скрылись больше.

И идет Головня постукивает. Дверь растворила. Уж по колена девица-красавица. Тольки одни ноги заколдованы.

— Ну, Иван, крестьянский сын, одну еще ночьку пролежишь, и я буду исцелена.

Стук-стук, и ушла.

Он встал, приумылся, приоделся, самовар поставил, день провел. Вечером опять таким же манером лег. Лег, перекрестился, на кроватку вниз, напружился.

Слышит, приехали три пары, на трех коретах народ. Приехал генерал, полковник, солдат войско. Забежали в комнату, кричат крепко:

— Ты что, солдат, не встаешь! Стань, голубчик, все прощаем, в офицеры произведем, бери деньгу, забирай жалование!

А он молчит.

— Еслиф не встанешь, строгое наказание будет.

Тут и доктор умаливать:

— Встань, солдат, лучше будет.

Ему страшно, а Головню вспомнит, не шевелится.

— Ну, — генерал кричит, — тащите шашку, сейчас голову отсекем!

Слышит сабля бреньчит. Стали замахиваться — он лежит. Полковник говорит:

— Сейчас твоя смерть будет.

Он молчит.

— Ну, — рычит полковник, — рубите голову!

Он слышит махнули по голове, голова пала.

— Руби по ногам!

И нога отлетела. И потом руки отсекли и ноги кругом. Он думает: «что же, — думает, — мне не больно?»

Стала заря заниматься. Все проць побежали. Солнце поднялось. Вдруг двери растворились, зашла барышня-красавица, Царь-Девица.

— Стань, Иван, — говорит, — солнце высоко.

Он стал. Цел. Руки, ноги — все есть. Он на ней посмотрел, удивился:

— Что так? — была Головня, стала красавица.

— Умойся, приоденься, в окно погляди.

Он умылся, поглядел в окно. Где бугры да лес, там образовался город губернский, народ ходит, торговля обширная. По городу ездют шпионы, расспрашивают, кто город спас. Она говорит:

— Ты весь город спас и меня спас, будешь ты моим хозяином.

Дает ему кольцо именное, волшебное.

— Вот, — говорит, — наше обручение, только я еще заповедная, днем красавицей, а ночью черно платье одену, Головней стану. Ну, иди по городу посмотри.

Он пошел по городу смотреть, зашел в магазин, его спрашивают:

— Ты кто такой, солдат, откудава?

— Я не здешний.

— Не ты ли город спас?

— Я, — говорит.

Они и не знают, чем его наградить. Давают ему злата и серебра, на царско место сажают и нигде ницего с него не берут. Вот он неделю живет. Днем Царь-Девушка красавицей, а ночью головней. Он и заскучал.

— Что ж она ночью головней? Нать черно платье спалить, будет и ночь красавицей.

Он взял, днем это платье и сожог в печке. Она вечером искать — нет платья.

— Я, — говорит, — в печке сжог.

— Теперь тебе меня не видать, пока через пески сыпучие не пройдешь, силу великую не заимеешь.

И улетела птицей гóрлицей.

Он и заскучал. И стал из города уходить. Синод говорит:

— Мы тебе лучшую красавицу найдем.

А он говорит:

— Я с той обрученный, ту и искать пойду.

Он и велел сковать сапоги железны, да шляпу железню, да посох железный. И ушол. Шол-шол, сказка скоро сказывается, а он уже год в дороге. Идет через дремучие леса. Весь изорвался, весь издержался, а все за Царь-Девушкой правится. Дорога щебеньем, да горами, да темными лесами. Трудно ему, но назад на сытое царство не ворочается. Вот три года шол. И дошол до высокой горы. За горой город стоит, а под горой река идет. Да река не с воды, а с сыпучего песка. И щельё велико, спуститься нельзя. Что тут делать? Он и думает: «Теперь я пропал, назад не выберусь и вперед не попасть». Стало вечереть. Вдруг налётела птица-Моговей. По горы похаживает, траву пощипывает. Он взял склянку вина да ю налил в озерцо. Птица пить начала, да и охмелела. Он не будь глуп, затаился, да крупным шагом подбежал и схватил птицу за шею.

Она говорит:

— Нашто ты меня поймал?

— Я не бить не мучить, а не можешь ли меня снести за песчаную реку?

— Дай, — говорит, — мне прочуха́риться.

Он дал ей проспаться, протого́диться. Потом сел на нее, за шею сцепился. Она его и понесла и перебросила через рецку. Он ее и отпустил. Пошол к городу. В худу-маленьку избушку зашол. Там старушке-вдовушке все рассказал. Вдовушка говорит:

— Худо, — говорит, — её трудно взять, за ней иностранные принцы сватаются. Да она мне крестница, может ко мне в гости придет.

Он пока пошел в город. Ходит, смотрит, видит богатырь Медный мертвым лежит, посреди улицы валяется. Он говорит:

— Что ж такого славного богатыря по-людски не схороните?

— Его схоронить надо тысячу рублей.

Он взял, вынул тысячу рублей. Устроил похороны хорошие. Потом вернулся к вдовушке. Попил, поел, лёг отдыхать у окошка. О полночь, «стук» в окно. Он вышел: видит Медный богатырь на медном коне.

— Иван, — говорит, — русский человек, я тебе свою силу дам. Пойдем ко мне в шатер.

Поехали в чистое поле. Увидали, шатер стоит. Сейчас коня привязали, в шатер зашли. Богатырь сделал угощение хорошее и вот он говорит:

— Вот, Иван, силу мою выпей.

И дает ему стакан сильной воды. Он выпил и чувствовать силу великую в плечах стал. Богатырь вышел из шатра вон и коню говорит:

— Конь мой конь, да лошадь добрая, как мне служил, так Ивану послужи. Возьми, Иван, три волóсинки, как потрясешь, конь перед тобой будет. А вон мои доспехи богатырские. Одень, принарядись, будешь рыцарь непобедимый.

Конь стал на коленка, старому хозяину распростился. Нового хозяина поцеловал в темя, в голову и убежал. А Иван сам пошел на старое место, лег на кровать, кровать шатается. Вдовушка встает, наставила самовар, а он спит. Она поглядела на него:

— Как тебе поздоровело в нашем месте.

— Да, — говорит, — силы прибавилось.

На другой день он опять пошел по городу, видит: Серебряный богатырь на гноище валяется.

— Это что ж, — говорит, — у вас такой богатырь без погребения валяется?

— А он с Золотым бился, да друг друга забили. Его похоронить нать две тысячи рублей.

Он две тысячи вынул, Серебряного богатыря с честью похоронил.

Потом пошел на квартиру к себе. У окошка лег. Середка ночи «стук-стук» в окошко.

— Встань, Иван, крестьянской сын, выйди.

Он вышел, едет Серебряный богатырь на серебряном коне.

— Едем, Иван, русский человек, ко мне в шатер, я тебе свою силу дам.

Ну поехали. В чисто поле приехали, стоит серебряный шатер. Богатырь его угостил, наливает серебряный стакан:

— Выпей, Иван. Слышишь ли в себе что?

— Слышу силу великую.

— Ну, мой добрый конь, как мне служил, так новому хозяину послужи.

Конь старому хозяину в ноги поклонился, новому темя поцеловал. Иван к вдовушке пришел. Хотел спать лечь, кровать не несет. Он войлок на пол постелил да и лег. Утром вдовушка встает:

— Ой Иван, как тебя здоровеет.

— Да, у меня силы прибавило.

Пошел он в город гулять. *(Все Царь-Девицу высматривает.)* Видит Золотой богатырь на сметнике валяется.

— Что надо похоронить Золотого богатыря?

— Надо пять тысяч рублей.

Он пять тысяч рублей вынул, его с честью похоронил. Ночью едет Золотой богатырь.

— Встань, Иван, иди мою силу пить.

Привез его в шатер, накормил, дал ему силы выпить.

— Носит ли земля тебя, Иван русский человек?

— Земля подо мной колыбается.

— На-ка выпей слабой воды.

Он выпил.

— Носит ли земля тебя?

— Носит, — говорит.

— Ну, конь мой любимый, как меня слушался, так и нового хозяина.

Конь на коленки пал, старого хозяина поцеловал. Золотой богатырь говорит:

— Ну, Иван, нашей силой управляй, а станет тебе мало, вспомни нас, один раз мы для тебя из могилы встанем.

— Ладно, — говорит.

Пошел Иван домой, а от его духу у вдовушки изба шата-
ется.

— Ну, поздоровел ты, Иван.

— Да, во мне силы поприбавилось.

Вот вдовушка и говорит:

— Твоя милая сюда сей день завернется. Я тебя спрячу на
то время. Я разговор заведу, кто ее спас. А она если будет от
тебя отпираться, ты выскочи, за волосы схвати и лупи. Она
будет отвертываться, а ты ю комкай.

Ну вот идет Царь-Девушка гулять по панели с няньками,
с мамками. И зашли к бабушке. Та говорит:

— Приходи, крестница, погостюй. *(А его спрятала.)*

Она и речь завела:

— Где ты три года пропадала, крестница?

— Да, бабушка, пропадала я в таком-то городе. Была я за
головню заколдована.

— А как ты спаслась? — говорит.

— Да меня один солдат спас.

— А ты не обещалась ему замуж итти?

— Обещалась, — говорит.

— И как был он здесь, пошла б за него замуж?

— Да где, — говорит, — теперь за меня главный енерал сва-
тается, а я за солдата пойду!

Он и выскоцил:

— Что ты, — говорит, — теперь попирается!

Схватил ее за жолты косы, да начал бить, стегать. Она
увертывалась змеей. Он ей секет, хобота ломает, топчет. Она
львицей — он силой берет. Она тигрой, она и медведицей. Он
все рвет, комкат, силой берет. Она и овернулась красавицей:

— Ну, — говорит, — все у меня отбил, все коварства, буду
теперь верная жена, приходи завтра свататься.

Ну хорошо. Утром он выстал, пошел свататься. Стали его
расспрашивать, как отца звать, как мать, с какого города? Он
всю правду рассказал, каким манером город спас и дочку.

— Я, — говорит, — сделал ошибочку, мне не надо было ейно
чорно платье сжечь. Вот она от меня и улётела. Но я ее три
года искал и нашол. И она дала мне заклятье, что замуж пой-
дет. И кольцо именное.

Дочка говорит:

— Да, папаша, правда.

— Царское слово назад не воротится.

Вот пирком, да стали обручаться, свадьбу играть. Только овенчались, вдруг принц иностранный, что ее взамуж брал, с войском пришел.

Иван вышел на крыльцо, крикнул сильным голосом. Бежит медный конь бодро. Иван оделся, приумылся и сел на медного коня. Сам в чужое войско заехал. Трубы заиграли, открыли огонь. Он на кони полетел и зачал войско бить. Бил-бил, всех прибил, конем притоптал. С победой обратно воротился. Король встречает его с честью, с радостью. Сделали пир на четыре дня. Вот сидят пируют. Вдруг курьер прискакал, что больше старого войско подошло.

Иван вышел в чисто поле, свиснул, прибежал серебряный конь. Иван сел, снарядился и рыцарем сделался. И отправился. Начал косить, где махнет — улица, где вздохнет — переулочек. Конь учоный зубами рвет, ногами топчет. Вот он все уничтожил, все войско разбил.

Вот встречают его с честью, с радостью. Сделали пир огромный. Пока пиروвали и столовали, прискакал курьер, привез эстафету — крепче старого войско идет.

Он вышел в чистое поле, свиснул, золотой конь бежит, земля дрожит. Он снарядился рыцарем богатым, напал на рать, зачал мять, косить, а их сила несметная. Тут он с ними пластался двое суток. Вон он устал, а они на него своего богатыря выслали. Они бьются, бьются, у Ивана члены ослабли. Устал. Ну, и думает «сейчас мне смерть» и вспомнил про три богатыря. И крикнул:

— Медный, Серебряный, Золотой богатыри, на помочь Ивану, крестьянскому сыну!

Тут они из могилы встали и наехали. Стали бить, трепать, кони ногами бьют, зубами грызут. Всех победили, никого не оставили на семена. Всех притоптали, прикосили.

Вот вернулись обратно с победой. Он на золотом кони приехал.

Вот поставил коня к колодцу и лег отдыхать.

Он спал трое суток, а потом сделал бал на неделечку. Пили, гуляли, что хотели. Король и говорит:

— Я тебе все царство сдам. Царством управляй, а я на покой уйду.

Тут он и остался управлять. Больше вся.

139. Чудесна кура

Жили-были старик со старухой. У них был сын небольшой. Все ходил на охоту. Он однава пошел на охоту, видит: заяц попал в капкан. Он взял, из капкана вынул зайца, на сук повесил да и стрáлил, будто сам застрéлил. Пришел домой и мать обрадовал. На другой день опять в лес на охоту. Видит: в силах чухáрь сидит живой. Он взял чухаря этого стрéлил, будто сам застрелил. Вот пришел домой, мать обрадовал:

— Вот, добытчик, уж птицю застрéлил.

Он пошел на третий день, видит: золота кура по дереву порхает. Он на дерево залез, нашол гнездо, вынул из гнезда два золотых яйца. Взял их под пазуху и пошел в город. Пришел к одной купчихе, стал ей яйца-те торговать. Она взяла, посмотрела, а на яйцах надпись: «Эти яйца не задевать никому, а то беда ему будет». Она и говорит:

— Снеси где было, а мне матку добудь, я матку дорого куплю у тебя.

Он яйца снес обратно, а сам сýля поставил. На другой день приходит, а ему золота кура попалась. Он и понес ее купчихе. Та ему рубль дала. Он и ушел.

Вот эта купчиха была замужем за вдовцом с двумя ребятами — Ваней и Васей. Ребята в школу идут, муж в магазины торговать, а к ей дружок приходит — офицер, и они с ним милуются. Вот этот офицер пришел, а она ему и говорит:

— Погляди, каку я кúру добыла.

Он поглядел, а у кúры под крылом написано: «Кто мою голову съест, будет царь на царстве. А кто мою максу съест, будет золотом плевать». Он ей и говорит:

— Зажарь мне эту кúру.

— Она больно хороша, я ее жарить не хочу.

— А кто тебе боле хорошь: я или кура? Еслиф не зажаришь, век к тебе не приду.

Он и стал свои шпоры привязывать. Она разволновалась — дружка ей жалко.

— Хорошо, — говорит, — заколю тебе кúру, ты к вечеру приходи, как муж пойдет магазины запирать, мы и угостимся.

Ну ладно. Она эту куру заколола, изжарила, в печь поставила. Сама что-то по хозяйству ушла. А тут набежали Ваня да Вася. Из школы пришли, выголодались.

— А что, Вась, я есть хочу.

— И я, Вань, сголодался.

— А что, Вась, посмотри в печи, нет ли чего?

Он заслон открыл, она, кúра жарена, там и лежит.

— А что, Вась, съедим кúру?

— Съисть нельзя, мачеха заругает, а кусочек отломим. Вася и отломил голову, а Ваня максу съел.

Вот вечером приходит этот офицер и:

— Давай, душечка, кúру есть.

Она куру на стол поставила, режет ему грудку, что пожирней. А он говорит:

— Я, душечка, охотник до головы, да до максы.

Она хватъ-похватъ — ни головы ни максы нет. Она говорит:

— Это куда-то девалось. Да я вам лучшей кусок дам. (*Она, вить, не знает ничего.*)

А он затресся, побелел весь, кричит:

— Ах, ты сука, сама съела!

Да и хлесь ее по щеке.

— Я к тебе больше не ходок, я тебя на весь город ославлю. Да и побежал вон. Она осталась, плачет. Тут эти ребята прибежали :

— Мамка, дай куры.

— Буду я вас еще курой кормить. Пошли вон, поганцы.

А Васька и дражнится:

— Да мы и сами попробовали.

Тут она схватила крюк да и стала их лупить. Лупила, лупила, до того долупила, что они и дышать не могут. Вот час пролежали да говорят:

— Вась, уйдем куда ле, она нас до-смерти забьет.

Они свернулись и пошли. Шли-шли, лесом шли. Есть хочется. Вот Ваня плюнул, а у него золотом плюется. Вот они и удивились. Дошли до города, зашли в избушку к старушке.

— Пусти, бабушка, ноцевать.

— Идите, живите, да кормить вас нечем, сама голодом сижу.

— Ничего, бабушка, мы и тебя покормим.

Ну, Ваня наплевал золота, бабушка пошла, всякого провианту накупила. Им хорошо, и она сыта.

Так и стали жить. Вот год живут и другой живут. В том городе царь помер, а детей у него не было. Стал суд царя вы-

бирать. Велел всем мужчинам от мала до велика в черковь притти. Вот и ребята пришли. Сейчас самые главные генералы обыскали всех, чтоб спичек не было. И дали всем по свечке. А кругом фельдфебели, офицеры ходят, доглядывают. Вот все стоят, у Васи вдруг свечка и загорелась.

Вот все кричат:

— Загорела, загорела, у парня загорела!

Сейчас его взяли, потащили, на царское место посадили. Стал он царствовать. А Ваня говорит:

— Ты свою судьбу нашол, я пойду свою искать.

— Живи, Ваня, с нами, тебе у меня худо не будет.

— Нет, Вася, не хочу твоей судьбой жить.

Он и пошел. Шол-шол, до цюжого царства дошел. Зашол в избушку, стал у старушки жить. Наплевал полную избу золота и так хорошо живет. В том городе была царевна, мастерица в карты играть. Она и услышала, что живет у бабушки парень, у него золота полная изба. Она и созвала его к себе в карты играть. Они играют, она все выигрывает. А ему что? Он харкнет, полный подол золота наложит.

Вот она его и спрашивает:

— Как вы не боитесь столько золота носить?

— У меня, — говорит, — хоть карманы оберут, а в себе останется, потому я золоту максу съел, теперь золотом век плевать буду.

Она и смекнула. Стала его вином угощать. А он молодой, не пьющий. Она и поднесла ему самогонку крепкую. И он выпил и давай блевать. И ету максу выблевал. Она скорее взяла, в трех водах прополоскала, да съела и стала золотом плевать. А он в бесчувствии лежит. Она слугу позвала.

— Выброси этого пьяницу в дремучий лес.

Тот проспался, видит чащоба одна. Он плюнул — нет ничего. Он и пошел. Шол-шол, видит: дуб большой. Он на тот дуб залез. Под тот дуб пришли три лешие. Один говорит:

— Что напромышляли, братцы?

— Я напромышлял ковер-самолет.

— Я напромышлял травку-коросту, каку хочешь болезнь наведет.

— Я напромышлял, — говорит, — травку-живилку, каку хочешь болезнь сведет.

— А ну, покажите.

Они тот ковер расстелили, два пучка травки на ковер положили. А Иван как сиганет с дуба на ковер-самолет, травку захватил, да и улетел, только ветер свистит.

Прилётел в то самое царство. Скинулся поваром, пошел к царевне служить. Тут царевне именины. Он сделал ей пирог, да положил травку-коросту. Сам на ковер сел и улётел. Несколько времени прошло, он опять в то царство прилетел. К бабушке зашел.

А в том городе все плачут и стоят на плацу десять тычин, на девяти тычинах головы торчат, а десятая пуста.

— Что это, бабушка, у вас все плачут и стоят десять тычин?

— А у нас царевна коростой больна, никто вылечить не может, ни колдун ни дохтур. Это им головы поснимали.

— Поди, бабушка, скажи я вылечить могу.

— Что ты, Ванюшка, на десятую тычину захотел?

— Поди, бабушка, не твое дело.

Она и пошла. Ну, привели его к царевне, она говорит:

— Вылечишь, дак замуж пойду, не вылечишь, твоя голова с плечь.

— Ладно, — говорит. — Наладь байну.

Наладили ему байну. Он взял три прута, медный прут, серебряный да золотой. Зóвет ее в баню. Попарил, да дал ей самогону стакан. Она выпила, опьянела, давай блевать. Золотую максу и выблевала.

Он взял в трех водах перемыл, проглотил, стал золотом плевать. Она проспалась, он ее на полук завел.

— Что, царевна, обманула ли кого?

— Нет, — говорит, — не обманывала.

Он взял медный прут, да давай ее бить. Она кричит, а он бьет. До того бил, весь прут оббил.

— Что, царевна, обманула ли кого?

— Обманула, — говорит.

— Кого обманула?

— Не помню, — говорит.

Он взял серебряный прут, давай ее бить. Бил-бил-бил, весь прут обломал.

— Кого, — говорит, — обманула?

— Ваню, — говорит.

— Пойдешь ли замуж за него?

— Не пойду, — говорит.

Он взял золотой прут, да давай ее бить. Бил-бил, она еле дышит.

— Пойдешь ли?

— Пойду.

— Будешь ли верной женой?

— Буду — говорит.

Он и дал ей травки-живилки. С нее вся короста спала. Стала она красавицей. Она его узнала и в ноги ему кланялась. Ну и стала ему верной женой. Стал и он царевать, горя не зная.

140. Серко́

В деревне жил мужик с молодой женой. Вот он три года на завод лес возил. И стал замечать, что жена у него збаловалась. Вот он хотел покараулить ее. А она все погуливает с дьячком. Вот он будто в лес уехал, а сам повернулся вечерком, да пришел, да в окошко смотрит. А она сидит, пьет, гуляет с другом. Он вбежал в избу, а жена схватила клюку и ударила его по голове и говорит:

— Ты был человеком, а нонь будь собакой.

Он и стал собакой. Она и стала гонять эту собаку. Она да дьячок крюком ее бьют. Собака-та скóчила в окоско и выскочила вон. И пошел Серко́ на свою волю шляться. *(Собака, а кудась-нибудь надо тоже.)*

Вот он, Серко́, и побежал по деревням. Прибежал в одну деревню, там мужики пастуха выбирают. Выбрали в пастухи бедного старичка. Он утром вь́стал, заиграл в рожок, всí свой скот собрали и пошел старик пасти. А Серко́ за им побежал. Старичок видит, собака бегает, ну, покормил ней. Стал старичок вечером походить домой, а собака ему весь скот согнала, собрала. Он пришел домой и говорит:

— Вот какая собака мне припалась, мне не нать чего и делать. На другой день он и вовсе под кустом спит, а Серко́ за него управляет. И такая собака, что не ест из посуды поганой, а ее как человека кормить надо. Вот пастух и стал ей кормить из своей посуды. А старик его любит. Он ничего сам и не делает, все Серко́ управляет. Вот узнал про это один купец богатый, у которого всё воры имущество воровали. Каждый

день приходили и что есть уносили. Совсем бы ему обеднеть, да узнал про такую умную собаку. Он сейчас свернулся и приехал к пастуху. В избу зашел и говорит:

— Здравствуйте, не можете ли самовар мне согреть?

Согрели самовар, он все набросал на стол кучей, закусочек да калачей. Старуха аж оглупела. Он говорит:

— Садитесь за стол.

Старик сел, а старуха не садится.

— На веку, — говорит, — такого не видывала.

Он опять говорит:

— Садись, баба.

Она не садится. Он вынул рюмку и вино старику дал. Старухе давал, а она не берет. Ну они побеседовали. Купец стал говорить:

— Ну, старик, не продашь ли Серка?

— Нет.

— Да я тебе дам плату сто рублей.

— Што ты... — говорит.

— Ну, я дам тебе тысячу рублей, тебе и пастуховатать не нать будет. Старуха таки закуски каждый день заедать будет.

— Продавай, — старуха говорит. — Собака таких денег не стоит.

Старик сбегал по грамотею и продал при нем Серка за тысячу рублей. Сейчас Серка и взяли.

— Ну, Серко, — говорит старик, — знай нова хозяина.

Вот купец Серка крикнул, он забежал в повозку и поехали домой. Приехали домой. Вот купец и говорит:

— Жена, береги Серко, из поганого его не корми, чтоб все чисто было.

Ну в тот день караул солдат в доме поставили, а где золото, там Серко положили.

Вот ночью бежит один вор и расхохнулся:

— Хо-хо-хо!

Он как расхохнулся, все так и заспали. Все так стоя и заспали.

— У меня, — говорит, — мышка под ногами и та засыпает, а не то, что караул солдат.

Прибежал, замок схватил с клетки и все послалось. И все взял и поволок. А Серко как выскочит, как схватил его за тулуп, тот рвался, рвался... Серко сорвал с него тулуп, тот так и убежал.

Утром встают, все по́ло. Прибежали, а Серко́ сидит на тулупе, все есть, все цело.

— Ну, — говорит, — молодец, Серко́!

И так его берегут.

Вдруг в королевстве стали детей таскать. Кто-то каждую ночь робеночка уносит. У царя две дочки перетаскал, сама маленька остается. Приезжает царь за Серко́.

— Отдай, купец, у тебя собака есть.

— Я ее не продаю. Я ее за друга держу.

— Я тебе десять тысяч дам.

— Не хочу — говорит.

— Не хочешь, — заберу, и хочешь — заберу, лучше уж деньги бери.

Делать нечего, ведь царь. Купец и отдал Серко́ за десять тысяч. Ну они и поехали, привезли его к такому дворцу, что чудо. С золотой посуды кормят собаку ету. Ну на ночь положили его у ребенка. Да караулу наставили три полка. Вот о полночь бежит вор. И расхохнул:

— Ха-ха-ха!

Все и заспали. Он говорит:

— У меня птица на лету спит, а не то — полк солдат.

Занавеску открыл, ребенка схватил, да на утек. А Серко́ выскочил, поджилки хватил, рвал-рвал, комкал, тулуп содрал. Вор и так убежал.

Серко́ ребенка заворотил в тулуп, в сени затащил и лег там.

Утром стали, робенка нет. Выско́чили в сени — лежит ребенок у тулупе, и Серко́ тут.

— Ну, — говорит царь, — молодец, Серко́!

Ну жил-жил Серко́, да побежал домой спроведать. Прибежал, а жона сидит с дьяком выпивает. Серко́ в и́збу, а она схватила крюк, да хлоп его в голову.

— Был ты собака, стань воробей.

Воробей и летает по избы. А жена его голикóм бьет, задавить ладит. Он скок в окно и улетел. Летел-летел, на дубу сел. А на том дубе сидят три ворона. Два без перьев, а один целый. Один ворон говорит:

— Эй, воробей, ты с меня тулуп снял?

Да и хвостнул его. Тот и замертво пал. Другой говорит:

— Ты мне поджилки кусал?

Да еще прибавил. А третий говорит:

— Ты был воробей, стань человек.

Он и стал человек. Тут ворон говорит:

— Ты возьми с бочки обруч и наложь на жону и скажи: «Была молодица, стань кобылица». И на молодца наложь, скажи: «Ране был молодец, теперь стань жеребец».

Вот он домой пришел, на поветь зашел, снял с бочки обруч. Заскочил в избу, там жена с дьячком пирует. Он бросил ей обруч:

— Была молодица, стань кобылица.

Потом на него:

— Был молодцом, стань жеребцом.

И стали кобылица да жеребец. Он и повел их к царю.

— Вот я у вас за собаку жил. Меня жена Серком обернула, а потом воробушком.

Царь не признает.

— А, если не признаете, я вам представлю.

Хвастнул ее:

— Была кобылица, стань молодица!

Она и стала молодица.

Царь говорит:

— Винись, — говорит, — а то голова твоя с плеч.

Она и повинилась.

— Ну, — царь говорит, — пади ему в ноги, может ли тебя простить.

Она и пала ему в ноги.

И он ее простил. А друга ее так и оставил жеребцом. Дал его царю назем возить. А с женой они стали дружно жить. Царь им построил дворец, там и стали жить.

Иван Гольчиков

141. Орон-верный

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь. У его было три сына: Егор Храбрый, Федор Важный да Иван-царевич.

Егор Храбрый вырос до возрасту, задумал невесту искать. Поехал белый свет смотреть. Ехал-ехал, до лесу доехал. В том

лесу вѣтха избушка, берестой покрыта, дубом подперта. Постучал царевич в избушку. Впустила его в избушку старая старушка. А горница в избушке бархатом убрана, золотом шита. Сидят на лавке две девицы, две голубицы, одна другой лучше. Стал Егор Храбрый старшую девицу сватать. А бабка-Яга и говорит:

— Та девица не худого роду, чтоб на пусто брюхо свататься.

Навалила на столы пряников, налила бражки медовой, сусла пивного. Он наелся-напился, под стол свалился.

— Ох-ти мне, поганый пьяница, да по жениху и невеста.

Подняла Яга-баба Егора Храброго на одну ладонь, девицу-голубицу за белы перышки, да в погреб и кинула.

Ну, долго ли и Федор Важный жениться захотел. Поехал по свету жену выбирать. Ехал-ехал, в сад заехал. В том саду стоит золотой дворец, серебром крыша крыта.

— По моему званию и домок.

Зашол Федор Важный в золотой дворец. Во дворце худа комната рогожей крыта. На грязной лавке сидит девица — белая голубица.

Федор Важный шапки не скинул, бабке не поклонился.

Бабка в углу стоит, говорит:

— В моем доме по пирогу честь.

Навалила на стол медовых пряников, понаставила браги и пива. Федор наелся-напился, под стол свалился.

— Неучтивому пьянице и невеста така.

Взяла баба-Яга Федора на одну ладонь, девицу-голубицу за белы перышки, в погреб кинула.

Вот вырос Иван-царевич до возрасту. Хочет он братьев найти, невесту высмотреть. Отец-царь ему воли не дает.

Тут Иван-царевич запечалил. Ходит по городу, слезы льет.

Увидала его бабушка-задворенка.

— Что, Иван-царевич, слезы льешь?

— Были у меня братья-царевичи, я хотел бы их отыскать, а отец воли не дает.

— Вот, Иван-царевич, когда ты родился, тогда и конь родился. Есть у царя худой погреб. За двенадцатью дверями, за двенадцатью замками там конь стоит. Под передним углом богатырские доспехи валяются. Ты на утро скажи отцу, будто сон видал, а не сказывай, что я тебе дело открыла.

Ну, Иван-царевич спать повалился, утром встал, говорит:

— Государь мой, батюшка, я сегодня во сне чудеса видал. Будто есть у тебя худой погреб. В том погребу двенадцать дверей, за двенадцатью замками там конь стоит, вровень со мной родился. Под передним углом богатырские доспехи валяются. Это правда или сонный врак?

— Это, сын, тебе не сон снился, а кто-то тебе дело рассказал. Ну, так делать нечего.

Пошел Иван-царевич к худому погребу. Взял замки богатырской рукой. Сверху рвет, снизу конь двери ломает. Проломали двери — конь выскочил. Положил Иван-царевич на коня богатырскую ладонь, конь не шелóхнется. Поднял Иван-царевич худой погреб за передний угол. Вынул мечь-кладенец, копьё-долгомерно, доспехи богатырские. И поехал по свету братьев искать. Ехал-ехал, до избы доехал. В темной горнице баба-Яга, сидит. Иван-царевич коня привязал, копьё долгомерно на землю кинул. *(Все равно никому не поднять.)* Зашол в горницу, шапку снял, поклонился.

— Где, — говорит, — Яга-баба, мои братья?

— В моем доме попьют-поедят, потом вести спрашивают.

— Я в твоём доме не гость, а пришол ответа спрашивать.

А баба-Яга взяла стол поставила, пряников медовых наносила, браги налила. Иван-царевич взял стол правой рукой, в окно выбросил, бели выбил.

Яга-баба видит, что его хитростью не взять, схватила из кошеля две змеи; побежала на Ивана-царевича. Змеи шипят, огнем палят. Иван-царевич взял мечь-кладенец, один раз махнул — змеям головы снял.

Схватил бабу-Ягу, давай правду пытаться. Тут она и покаялась. Он ей голову снес. Одним пальцем двери открыл.

— Живы ли, братья мои, да девицы-голубицы?

— Живы, Иван-царевич. На ладон дышем.

Вышли тут царевичи, да девицы-голубицы. Худые, да бледные, у голубиц перышки повылезли. Пали девицы Ивану-царевичу в ноги:

— Мы тебе, Иван-царевич, не одна́ко отслужим.

Ну Иван-царевич говорит:

— Который которую сватал, за себя бери, к отцу вези. А я поеду себе суженную добывать.

И поехал. Ехал-ехал, до поля доехал. В том поле стоит ви-
сила. Ведут богатыря на смерть вешать. Тут Иван-царевич
подъехал:

— За что, товарищи, богатыря вешать ладите?

— А за то вешать ладим, что богатырь царску дочь обно-
сил.

— Этим море не погано, если хорошая девушка, так и я вза-
муж возьму. А богатыря отпустить должны, если с царской
кровью встретился.

Ну они подумали и отпустили богатыря. Богатырь пал
Ивану-царевичу в ноги:

— Буду тебе Орон-Верный по самую смерть.

Поехал Иван-царевич к царю, посмотрел на царскую дочь:

— Хороша девушка, да не краше девиц-голубиц. Поеду по
белу свету поежжу, если краше не найду, то замуж возьму.

И поехал он по белу свету. Ехал-ехал, пять лет проехал,
десять царств видел, а нигде краше девиц-голубиц да царской
дочери не видывал.

Ну, думает, к тому царю вертаться, тую девушку брать.

Заехал он в чисто поле, стоит шатер шелковый, ковром
крытый. Богатырский конь кругом ходит — траву кушает.
Иван-царевич слез с коня, его не привязывает:

— Если конь с конем дружны будут, то и богатырь с бога-
тырем дружны будут.

Конь коня о бок трет, одну травинку хрупает. Иван-царевич
пошел в шатер, да и лег коло богатыря спать. Иван-царевич
храпит — словно орел летит, богатырь храпит, как гром гре-
мит.

Серечь ночи пробудился богатырь — видит чужой человек
лежит. Хотел его сколоть, да и думает:

— Что я сколю сонного, словно мертвого, пусть к свету
проснется, будет мне с кем силой мериться.

Вот Иван-царевич к утру-свету проснулся — видит около
богатырь лежит, тот самый — Орон-Верный.

— Здравствуй, Орон-Верный.

— Здравствуй, Иван-царевич, а я чуть тебя сонного не
сколол.

— Куда путь держишь, Орон-Верный?

— Я тут пять лет сижусь, стерегу красавицу Марфу Прекрас-
ную — Золотую Грудь.

— А што Марфа Прекрасная краше девиц-голубиц?

— Марфа Прекрасная что красно солнышко, а девицы-голубицы, что черная головня.

Загорелось сердце у Ивана-царевича на Марфу Прекрасную.

— Нельзя ли, брат-Орон, ее высмотреть.

— Вот в сегодняшней день она выйдет в сад купаться.

Марфа Прекрасная — Золотая Грудь, она вышла в сад погулять. Иван-царевич стал на коня ногами да через стену смотрит. Марфа Прекрасная стала разоблокаваться, мамки да няньки глаза закрыли, ослепнуть боятся. Иван-царевич глаза рукой прикрыл. Стала Марфа Прекрасная в саду, как красное солнышко. Золотая грудь как звездочка. Закипело сердце у Иван-царевича, дал коню шпоры, перескочил через стену, ухватил Марфу Прекрасную и прочь поскакал. Тут забила тревога, закричали мамки да няньки, зазвенели ружья да сабли. Полетела за Иваном-царевичем догоня. Налетел Кощей Бессмертный, ему голову срубил, коня убил и Марфу Прекрасную во дворец унес.

Ходили в поле быки да коровы. Орон-Верный быка убил, с него кожу снял, сам в кожу залез. Прилетели вороны с вороненком, стали кожу клевать. Орон-Верный ухватил вороненка. Ворона кричит:

— Мил человек, отдай мне вороненочка!

— Принеси мне живой и мертвой воды, так отдам, а нет, так голову скручу.

Налетело тут воронья несметное множество. Покричали, поурчали, принесли мертвой и живой воды. Орон взял вороненка раздернул, sprыснул мертвой водой — стал вороненок цел, sprыснул живой водой — полетел вороненок в поднебесье.

— Верно, — говорит, — тут нет обмана.

Sпрыснул Иван-царевича мертвой водой — голова приросла. Sprыснул живой водой — стал Иван-царевич, отряхнулся:

— Фу-фу-фу, русский дух долго спал, да скоро на ножки встал.

— Кабы не я, дак и век бы проспал.

— А кабы не я — ты давно на виселице висел.

Ну, надо Иван-царевичу коня. Вспрыснул его мертвой и живой водой. Конь встал, отряхнулся.

Тут они окрестились родными братьями и поехали искать Марфу Прекрасную — Золотую Грудь.

Вот, доехали они до болота. В болоте стоит каменный дом. Они пошли по болоту ползунком да катком, а дом стоит не вязнется. У окошка Марфа Прекрасная сидит. Кощея с Руси ждет.

— Налетит Кощей Бессмертный, он вас съест.

Она взяла Орона мушкой обернула, а Ивана-царевича в сундук запрятала.

— Ты спроси его, Марфа Прекрасная, в чем его смерть находится.

Вдруг гром гремит, град идет, Кощей Бессмертный летит. Прилетел, на лавку сел:

— Фу-фу-фу, что-то в горнице русским духом пахнёт.

— Летела с Руси сытая птица, уронила костью в трубу, из печи пахнет.

Марфа Прекрасная его напоила, накормила, спать повалила, стала в голове вшей искать. И стала спрашивать:

— Что, Кощей, где твоя смерть находится?

— А вон в голике под порогом.

Она вскочила:

— Надо голик в ящик спрятать.

— Глупая баба, кто это смерть в голике бросит — моя смерть на печи в коробке лежит.

Она вскочила:

— Надо коробок в сундук спрятать.

— Глупа баба, зря волосья дергать, кто смерть в коробке бросит? Моя смерть далеко лежит. Есть в море остров Буян, в острове погреб, в погребке ящик, в ящике заяц, в зайце яйцо — в том яйце моя смерть лежит.

А Иван-царевич все слышет. Ну как он про смерть сказал, Марфа Прекрасная и говорит:

— Ты бы, миленький, на Русь слетал, да принес бы мне русскую кухарку. Не могу я от вашей пищи.

Он собрался и полетел. А Иван-царевич и Орон-Верный отправились Кощей смерть искать.

Приехали к морю, дубья наломали, плоты связали, по волнам покатили. Стала поперек волны щука-рыба. Иван-царевич хотел ее стрелить, Орон говорит:

— Не стреляй, Иван-царевич, щука-рыба нам сгодится.

Налетели на Остров, пошли в гору. На дубе кречет сидит, вороненка ест. Хотел Иван-царевич его стрелить, а Орон-Верный говорит:

— Не стреляй, кречет нам сгодится.

Добрались до погреба. Стоят на погребке четыре дуба. Орон-Верный рвет дуб с ветками. Иван-царевич — с комелем. Вытащили ящик. Выпал из ящика заяц, побежал по горе — и ружье не возьмет. Налетел тут кречет, пал на зайца. Выпало из зайца яйцо. Взял Иван-царевич яйцо, в платок завернул. Сели на плот — поехали. Набежала волна, Иван-царевич покачнулся, яйцо в воду сронил. Стали на берегу печалиться. Выскочила щука-рыба, яйцо подала.

Ну, поехали. До болота доехали, а Кощей Бессмертный у смерти лежит. Взял Иван-царевич, яйцо разломил — Кощей и помер. Забрали они золото и Марфу Прекрасную — Золотую Грудь. Марфа Прекрасная говорит:

— Надо этот дом огнем спалить.

Запалили они дом и полезло оттуда гнусу разного. Они этот гнус в огонь заметали. И поехали в свое царство.

А туда Яга-баба пришла, все царство разорила, отца с матерью в темницу кинула, глаза выкопала. А сама как мать превратилась. И заповёт дала, кто из людей Ивану-царевичу расскажет, тот камнем станет.

Вот подъезжают они к своему царству. Тут ночь пала, они шатер раскинули и спать легли. Иван-царевич с Марфой Прекрасной крепко спят, а Орон-Верный глаз не смыкает. Прилетели на шатер девицы-голубицы. Федора да Егора жонки. Лапками перебирают, слезы утирают:

— Ах, Иван-царевич, едешь ты не к матери, а к Яге-бабе, твоя мать, отец, родные братья в темнице сидят — глаза выкопаны. Яга-баба тебе подарочек направила — первую чашу с ядом изготовила.

На утро встает Орон невеселый. Иван-царевич говорит:

— Что ты невеселый ходишь? Или тебе невесты жалко, так ты спи одну ночь, а я другую.

— Не надо мне твоей невесты, а если будут тебе подарки давать, так ты мне отсули.

— Пускай тебе, — говорит.

Опять ночь ночевали. Налетели девицы-голубицы, ножками перебирают, слезы утирают:

— Эх, Иван-царевич, направила тебе Яга-баба второй подарочек, вороной конь. То не конь, а змей, он тебя розорвет.

Орон-Верный на утро встает невеселый:

— Что, Иван-царевич, отсули мне второй подарочек. Я тебя от смерти спас.

— Пусть тебе, — говорит.

На третью ночь прилетели девицы-голубицы, еле крылышки держат.

— Ах, Иван-царевич, назад вертайся, направила тебе Яга-баба подарочек: золотую карету, жемчугом убрану, как сядешь, так тебя и сплюснет. А сказать никто не смеет; кто скажет, тот камнем встанет.

Утром Орон-Верный говорит:

— Иван-царевич, отсули мне еще подарочек, я тебе невесту добыл.

— Ну, пусть тебе — говорит.

Ну, приехали они в город, баба-Яга вместо матери целуется, обнимается. Налила Ивану-царевичу чару сладким вином:

— Выпей, сыночек, на радости.

Иван-царевич только хлебнуть хотел, а Орон говорит:

— Ты ведь мне отсулил.

— И правда, царско слово не воротится — Орон вино под лавку, а чару в карман, вино под лавкой половицу выело.

А баба-Яга и говорит:

— Ты что ж это слуге да подарки даешь матери?

Ну, привели Ивану-царевичу вороного коня. Конь — что чудо, золотая грива.

— Ну, — говорит, — сынок, вот тебе конь направлен. Иван-царевич любит коня, а Орон говорит:

— Ты мне отсулил.

Поднял палицу пятьдесят пудов и давай коня шелучить, убил до-смерти. Ивану-царевичу коня жаль, а помалкивает. А баба-Яга говорит:

— Что ты, сынок, надо мной издевку строишь, все матернины подарки слуге отдаешь?

Ну, подъехала карета золоченая, жемчугом шита, шелком крыта.

— Ну, садись, сынок, под венец ехать.

Иван-царевич только ступил, а Орон подскочил:

— Ты ведь мне отсулил.

Ивану-царевичу кареты жаль.

— Эх, какой ненасытный.

А Орон давай карету бить-ломать — в щепы разнес.

Баба-Яга ярится. Его погубить хочет. Вот вечером их спать повалила. А Орон-Верный караулить стал. Середь ночи идет Яга-баба, две змеи несет. Орон-Верный меч схватил, змеям головы снес. А Яга-баба и закричала:

— Ой, Иван-царевич, обносилил слуга твою родную матушку!

Иван-царевич разгорячился:

— Ах ты такой-сякой, я тебя от виселицы спас, я тебе и голову снесу.

— Постой, названный братец, дай слово сказать.

А Яга-баба кричит:

— Не надо ему слово говорить, он над матерью твоей изгалялся.

— Нет, уж был он мне крестным братом — пусть перед смертью слово скажет.

— Это Иван-царевич не твоя мать, а Яга-баба...

Сказал Орон-Верный, по колени камнем стал.

— ... Твои родители и родны братья в темнице сидят и глаза выкопаны...

А Орон-Верный уж по грудь камнем стал:

— ...Хотел я, Иван-царевич, и тебя спасти, и сам жив остаться, да ты слугу верного, брата крестного, вешать повел.

Только он сказал и стал серым камнем. Тут Иван-царевич схватил бабу-Ягу богатырской рукой — пополам разорвал. Ну, пошли они в темницу, вывели отца с матерью, родных братьев, девиц-голубиц. А у отца с матерью глаза выкопаны. Взял Иван-царевич живой воды и оживил им глаза. А Орона-Верного ни живая, ни мертвая вода не берет. Ну Иван-царевич плачет-рыдает:

— Сгубил я брата названного Орона-Верного.

Взял он этот серый камешок и в свою спальню у изголовья поставил. Ну и зажили. Год живут. А Иван-царевич все по Орону скучает. И два живут. Вот ему Марфа Прекрасная сына родила. У парничка золотые волосы, по ресницкам жемчужинки, иод затылком светёл месяц. А Иван-царевич все скучный. Вот ему раз сон снится. Открыл Орон-Верный каменные уста и говорит:

— Если меня крестный брат, Иван-царевич, спасти хочет, то зарежь сына и помажь мне рот.

Иван-царевич как выстал, дождался, чтоб Марфа Прекрасная в сад гулять пошла, да взял сыночка своего зарезал. Сам плачет, а сам кровь в ковш собирает. Собрал кровь да ю помазал рот серому камню — Орон-Верному. Тут камень и ожил. Потянулся Орон-Верный и говорит:

— Долго я спал, да скоро встал.

— Эх, Орон-Верный, кабы не я, так и вовсе не встал.

Глянул Орон-Верный — лежит сын Ивана-царевича, горло перерезано. Взял тогда Орон-Верный мертвой воды — горло срослось. Взял живой воды — ребенок ожил. Тут Иван-царевич стал его миловать. И стали жить-поживать и царствовать.

142. Женихи

Жил-был купец богатый. Были у него три дочери. Первая на ногу крива́, вторая на руку крива́, третья раскрасавица, кто не взглянет, умом повянет. А кругом села́ были глубокие леса. Вот сидят девицы у окошечка. Вдруг стук-гром, поезд молодцов едет.

На каурых лошадях, на гнедых жеребцах. Молодцы — рослые, красивые. Один в одного. Голос в голос и волос в волос. Синие кафтаны, красные пояса.

За старшей отец давал три тысячи, за средней две тысячи, а за младшей двести рублей. Потому те обе незавидные, а младшая и красивая и работная.

Ну, наехали молодцы на купеческий двор. Они на младшую не глядят и на среднюю не глядят, старшую взамуж берут. Эта старшая заравовалась. Они ее просватали, наложили полны подводы товару, добра, да денег. Отец спрашивает:

— Когда, молодые, в гости будете?

— А в межговенье.

— А где ваш дом стоит?

— За три села, высока́ гора, наш двор издаля виден.

А младшая и глядит, что у братьев у кого пальца нет, у кого уха нет, будто на войне рублены.

Ну, они уехали.

Долго ли, коротко ли, приходит и межговенье, а молодых в гости нет. Вдруг наехали тридцать девять братьев в красных кафтанах, в синих поясах.

Стали среднюю дочь взамуж брать.

— А когда же молодые в гости будут?

— А в великий пост.

Ну они среднюю срядили. Добра всякого навалили полны возы. И стали пировать. А младшая девушка и думает:

— Что это они берут кривых при деньгах, а на меня не смотрят? Что это сестра в межговенье не пригостилась, да и вести не дает? Что это за двор у них?

Ну и скоро-наскоро села в таратайку и поехала. Пока они угощались-напивались, переехала она три села, видит стоит высокая гора. А на той горе ни кола, ни двора. Три сосны стоят, да камня. Ну, значит, все как есть обман. Она скорей домой поехала. Тут идет старая старушка.

— Садись, бабушка, ноги не труди.

— Ты откуда, девушка?

— Так и так, ездила на гору женихов двор посмотреть, а там ни кола ни двора.

— А эти-то мне племянники. У них, девушка, дом в зеленом лесу. От вашего села тридцать три версты, в правую руку, третья дорожка, по дорожке сизая птичка поскакивает.

Вот приехала девушка домой. А там уже молодые поезжают. Она побежала, да в постелю и запряталась. Они и поехали. Она на возке лежит, под постелью дрожит, еле дышит. Ну, едут они тридцать три версты, свернули в праву дорожку. На дорожке птичка поскакивает:

— Девка, не езд, девка, не езд!

Невеста спрашивает:

— Что-то птичка попискивает?

— А так писцит. Заиграйте, братцы, в гармонь.

Они и заиграли. А птичка:

— Девка, не езд, девка, не езд!

Они пуще играть. Тут уж птичка громче пищит:

— Девка, не езд, девка, не езд!

— Ишь какая, музыке мешает!

Взял разбойник и убил птицу камнем. Ну доехали до двора. Двор забором загорожен, из щелей ружья торчат, на воротах замки висят. Собаки злые на цепях бегают. Пошли все

в горницы. И постелю понесли — в угол горницы свалили. Лежит девушка и глядит. Горница богатая, в серебре, жемчугом шитая, а дух, запах то есть, нехороший такой. И молодая за стол села, голову повесила. Ну жених и говорит:

— Две тысячи в сундуки кладите, а хозяйке дом покажите. Те открыли сундуки, а там золота, серебра, жемчуга... Ну они туда деньги ссыпали.

Открыли двери в другую комнату, невеста так на пол и пала: вся комната кровью залита, всюду руки-ноги челове- чьи, на переднем столбце старшая сестра виснится.

— Ну, — говорит жених, — снимай платье дорогое, чтобы не замарать, и тебе туда же итти.

Ну они с нее платье, крест, обувь все сняли. Принесли то- пор. А сестра лежит ни жива — ни мертва. Невеста и охнуть не успела, они ей голову срубили.

— Тащи, Тишка, в подвал.

— Стой, братцы, а кольцо на ней обручальное.

Стали кольцо снимать, а оно и не идет — заолодела рука.

— Бей, Тишка, с пальцем.

Тот тюкнул, да палец отлетел и прямо к девушке в посте- лю. Тот туда — сюда, давай искать — нет нигде.

— Ну, спать пора, завтра в свете найдем, все свои ведь.

И легли спать. Только они захрапели, она и выбралась. А они по всей горнице развалились, пройти нельзя. Она через одного перескочила, через другого перескочила, через всех перескочила, дверь открыла и убежала. А дверь и скрипни. Они и кликают:

— Ванька ты? Санька ты? Сашка ты? Пашка ты?..

Все тридцать девять на местах.

— Кто-то у нас чужой побывал, в дверь вышел. Нать в по- гоню итти.

Схватились и поехали.

А она бежит, палец сестрин в кармане держит. Добежала до росстани — не знает куда итти, а гром-шум слышен — разбой- ники едут. Она туда — сюда... А тут птичка закричала:

— Девка, влево, девка, влево.

Она и побежала влево. Бежит, бежит — погоня близко. Утро стало. Вот едет черепан:

— Дяденька, дяденька, спрячь меня под горшки.

— Садись.

Она и залезла под горшки. Налетели разбойники:

— Черепан, не видал ли беглую девку?

— Не видал.

Они давай горшки бить. Били-били — полсотни перебили, Черепан и говорит:

— Что вы меня разоряете? Я вам худого не сделал, а у меня дети голодом сидят.

Они и не стали бить.

— Где-то мы ее сзади потеряли.

Поехали назад. Она из-под горшков вылезла и дале побежала. Бежала, бежала — погоня близко. Едет мужик, везет коробья.

— Дяденька, дяденька, спрячь меня.

— Садись.

Разбойники наехали:

— Не видал ли беглую девку?

— Не видал.

Они стали коробья ломать. Ломали, ломали, сто штук сломали, ее не нашли. Мужик говорит:

— Что вы коробья ломаете? У меня дети с голоду помрут. Они и бросили ломать. И поехали. А она выскочила и побежала.

Вдруг увидела тропочку, и птичка кричит:

— Девка, на тропку, девка, на тропку!

А она по этой тропке и домой добралась.

Ну великий пост приходит, сестра в гости не едет.

А наехали тридцать восемь разбойников в черных кафтаннах красавицу сватать.

И она созвала пир большой и царя и полковников. И велела полковнику привести роту солдат и говорит:

— Вот эти молодцы двух моих сестер засватали. Одна уехала и не слышать ничего, другая уехала и не слышать ничего. Одна должна была на межговенье притти — не пришла. Другая в великий пост обещалась и нет ее. Говорили они, что у них через три села двор стоит, на высокой горе со всех сторон видно. А на той горе — ни кола ни двора. Одни сосны растут.

Эти разбойники повскакивали, а солдаты их за стол усадили. А она говорит:

— Есть у них дом в зеленом лесу, в этом дому кровь, и руки-ноги человечьи. Там обеих моих сестер кончили.

А они кричат:

— Врешь, чем докажешь?

А она вынесла кольцо с мертвым пальцем да и бросила им.

— Это, говорит, что?!

Они тут и сознались. Их всех казнили, а ее царь взамуж взял.

Иринья Александровна Шарыгина

143. Присказки

Петушок, петушок,
Золотой гребешок,
Выйди на у́лку
Со мной покататься,
Со мной поваляться.
Есть у меня крестьянки,
Санки-лубянки,
Горушка-ледянка.
Сядим покатимся,
От ворот в поворот
До крестьянских ворот.
Золото мое колечко
Катать да валять,
Петушку показать.
Я тебе дам золото колечко,
Я тебе дам синь колпачок.

Сорока-воровка кашу варила-поваривала,
На порог скакала-поскакивала,
Во все стороны поглядывала.
Не идут ли гости, не съедят ли кашу,
Не уголодят ли Бориса.
Наехали гости, приели кашу,
Оголодили Бориса.
Тому дала мутовку,
Тому колотовку,
Тому каши кусок,
Тому весь горшок.
Ты толстой, короткой,

Тряси боро́дкой,
Толки да мели,
Решетом воду носи,
Парну баенку топи.
Да Бориса умой,
Да и Лидушку умой.

Сказка-помазка, осінова повязка, елов преслєнь.
На повети кисель, семь не съест, одна Лизка съест.

Ах, ты, бабушка, ку-ку!
Митрофановна, ку-ку!
Бабка, сядь на клюку́,
Поеждяй за реку́,
Ты свари, бабка, уху
Своему старику.
Старик хлебнул,
За семь верст свисну́л
На калинов мост.
Калинова невестка
Сына принесла.
Сын-Селиван
Пятьдесят рублей.
Доци Матрена,
Скопи́ живота.
Скобки-запятки
Серебряные,
Носки-гвоздки
Позолоченные.
Прилетѣл дятѣл,
Сел на воро́та,
Спел в пол-ро́та,
Где моя куми́ца,
Моя молодица?
Вецор она не ела,
Не завтракала.
Она утресь стала,
Позавтракала.
Съела три пеци хлебов,
Пять пецей колацей,

Три тусецки бараньих,
Три яловицы,
Триста гусей,
Пятьдесят лебедей!
Ефимовна за печкой
Квашонку творит.
Зуй на болоте
В доску колотит,
Сова в огороде
Капусту садит.

Бабка Аринья, куда ходила? — На нову деревню. — Чем хороша? — Нова деревня тем хороша: утка в юбке, селезень в кафтане, девка в рогоже, нет ее дороже.

Слетались птицы с моря, садились птицы на угоре. Пели они небылицы про всякие птицы. На море орлиця — царичя, красная девица — тетёрка, серая утица — попадьица, зуёк — дьячок, дикие гуси — дворяна, лебеди — крестьяне, журавли — рыбаки.

144. Лень и Отеть

Жили-были Лень и Отеть. Вот зима пала. У их в избе холодно-холодно и исть нечего. Один горшок каши. Лежат обои на печи холодной. Горшок каши с краю и Лень с краю. Лень персты спустит в горшок, ухопит кусок, да съист. Назавтра снова ухопит и съист.

— Ешь, Отеть, кашу.

— Ещо торкаться!..

Лень жива, а Отеть еле дышет. Отощала вовсе. Ну, пал мороз лютой.

Вот Лень и говорит:

— Отеть, поди дров наноси.

— Лихо! — говорит.

Вот их и совсем приморозило.

— Лень, иди дров наноси.

— Лихо!

— А што лихо, поди, бревно длинно у избы лежит, рамы выстави да запихай в избу. Один конец запихай в печьку, пусть горит, а другой пусть из окна торчит. Пилить лихо.

— Ладно.

Пошла Лень, окна выломала, бревно запихала в печь. Один конец горит, а другой из окна торчит.

Вот печь пригрелась, а на полу холодно, лихо сходить, бревно подпихивать. Бревно горело-горело, пока и пол сгорел и изба загорела. Лень кричит:

— Вставай, О́теть, горим!

— Лихо вставать...

— Вставай, горим!

— А не встану, лихо вставать.

Лень выскоцила вон, а О́теть так и сгорела на печи.

Вот и говорят: О́тети-то нет — сгорела, а Лень все есть.

О́тети было и есть не охота, хоть в рот запихай, да не разжует.

145. Небылица

Жили-были три брата. Они пошли в лес дрова секци. Рубили-рубили, опознились. Стали костер разжигать, огня нету. Вот на ель вылезли и огонек увидели.

Старший брат говорит:

— Пойду-ка я огоньку спрошу.

Пошел, видит костер горит, тута леший лежит. Коло него и лисиц и куниц да костерок дров.

— Дай-ко, батюшко, огоньку, — говорит.

— А скажи-ка мне небылу-небылицу, тогда дам огоньку, а не скажешь — дай ремень из спины.

Он и говорит:

— У нас была у батюшки помощь — дак сорок возов сена наставили.

— А, дурак! Я и один сорок возов наставлю.

Взял, вырезал ремень из спины и прочь прóгнал.

Ну, другой пошел огонька просить. Шол-шол, до костра дошел:

— Дай, батюшко, огоньку.

— Скажи небылу-небывалыцину, дам огня, а не скажешь — ремень из спины.

— У нас, — говорит, — была у батюшки помощь — дак сто возов дров порубили.

— От, дурак! Да я один сто возов нарублю.

Вырезал ремень из спины и прогнал.

Ну младший брат пошел. Дошел до костра, сидит леший. Около него и лисиц и куниц и поленья дров.

— Здравствуй, батюшка, дай огоньку.

— Скажешь небылу-небывалыщшу, дак дам, а не скажешь — дак ремень из спины.

— Скажу, — говорит, — только не пересекай, а пересечешь — и куницы и лисицы мне.

— Ладно.

— Жили мы пожили три-девять братьев Иванов, сестра без названья, да мать Маланья. Вот родился у нас отец, сам с локоток, а нос с коробок. Вот поехали мы отца крестить. Я сел на кобылу, взял хвост в зубы и поехал. *(Леший молчит, не пересекает.)* Вот подъехали к рецки, моя кобыла скоцила — брюхо разорвала. Передни ноги там, а задни по старым местам. Я вицю ссек, оцистил, кобыли брюхо зашил. И дале поехал. И учуял, что за морем комары да мухи дороги, а телушки дешевы. Я давай комаров да мух ловить. Наловил мух да комаров — пятьдесят пудов. Наменял телушек на мушок, комаров на быков. Вот и погнал домой. Пригнал к морю — нет ни лодок, ни парохода через всю воду. Я взял быка за хвост да размахал, да бросил так и вовсе перебросил. Да на последню сам уцепился, да тут и оцутился. Гляжу на моей кобыле из вицы ель выросла. Росла-повыросла, в небо вылезла. Я и полез на небо. Гляжу, а там все святы босы, на лугу лежат, слезы едят, а ходить босы бояться. Ну я их зажалел, стал быков бить да обутки шить, да на небо носить. Всех обул-одел, назад захотел. *(Леший — тот не пересекает.)* Стал я из дощя веревку вить да на землю лезть. Ну лез-лез, да пошла буря-ураган. Стал веревку качать, мне кости ломать. Я качался, качался да в болото и попался. Весь в болото зашел, только волоски остались. Тут на голову повадился мне волк ходить да гнездо вить. Ну я руки стал мотать. Ну мотал-мотал да и вымотал, да волка за хвост зацепил, да он меня и вытащил. *(А тот не смеет пересечь.)* Я тот хвост распорол, а там ящички, да ларьчики, да грамотки. А в той грамотке написано, что леший в лесу моему батюшке тысячу рублей должен...

— Врешь! Врешь, — леший говорит. *(Не стерпел.)* — Врешь! Тот все куницы да лисицы обрал, огонек взял да ушел.

146. Про перстень

В некоем царстве, в некоем государстве, именно в том, где мы с тобой живем, в таком месте, как на бороне, от дороги в стороне жил старик со старухой.

Родился у них мальчик Егорка.

Жили-пóжили, и етот старик пóпил, да и пóмер.

Остались сын да мать жизнь провожать. Жили-пожили, старо житье прожили. Стало все распадаться. Не стало у их хлеба.

Старуха пошла на поветь ноги греть, да нашла две копейки. И послала мальчика на базар пирог купить.

Он скорой ножкой пошел по дорожке, видит росстани. Две дороги сошлись в одно место. Тут ребята ловят кысочку.

— Эй, ребята, — говорит, кысочку не ловите, лучше две копейки берите.

Он взял кысочку и понес домой. Мать и разгорячилась, схватила лопату и сыну по лбу дала. На лопате волдырь, на лбу щелина. Он молчит, ничего не говорит. Вот ночь переноцевали, назавтра мамаша пошла на поветь ноги греть, нашла три копейки.

Опеть это мальчика посылает купить два пирога. Он опеть скорой ножкой пошел по дорожке, дошел до рósстани, видит робята ловят молодую собацку.

— Ребята, собацку не ловите, лучше три копейки берите.

Домой пришел, мамаша ему говорит:

— Эх, ты парень, безумная голова!

Да посекла его не раз, да и не два.

Егорка молчит, ничего не говорит.

Ночь переноцевали, старуха пошла на поветь ноги греть, нашла пять копеек.

— Вот, — говорит, — возьми ум в голову, пойди купить чего ли поесть.

Он скорой ножкой пошел по дорожке, дошел до росстани. Видит: ребята ловят свинку — золоту щетинку.

— Ребята, не ловите свинку — золоту щетинку, я пять копеек дам.

Сказка скоро говорится, дело мешкотно творится. Повел он свинку — золоту щетинку, а она овернулась, сделалась Марфа-царевна.

- Молодой человек, ты куда меня повел?
- Я вас не бил — не ловил, я вас от смерти откупил.
- Пойдем к моему папашу, он вам все откупит.

Вот и пошли. С у́гора спустились, на лугу очутились. Пошли по лугу, стоит огромный пень. Под этот пень черна дыра. Вот Марфа-царевна и говорит:

- Молодой человек, спускайся туда.
- Нет, — говорит, — вам вперед итти, а мне сзади брести.

Вот они в подземное царство и спустились. Марфа Прекрасная и говорит:

— Молодой человек, здесь мой папаша живет, лягушек да змей жует. Не испугайся его, он лежит, из угла в угол растянулся, а нос в потолок врос. Он свернется и сделается сам с кулачок, а борода — с локоток. Он вам занесет меди мешок — не смотрите. Он сéребра мешок — не берите. Занесет золота мешок — ногой толкните.

— А что же мне брать?

— А вы просите именное кольцо, с безыменна пальца — на свой большой.

Ну, и распростилась на первый случай. Он заходит в избу, а там лежит нечистый дух, из угла в угол растянулся, нос в потолок врос.

Он садится в передний угол на лавку. Человек этот свернулся и стал сам с кулачок, борода с локоток.

— Что вам, — говорит, — нужно?

— Я вашу Марфу-царевну от смерти откупил.

Тот ни слова не сказал, вскоцил, побежал, принес меди мешок. Тот Егорушка не взглянул. Принес сéребра мешок, тот ногой пихнул. Принес золота мешок, — а тот не берет.

— А что тебе, молодой человек, нать?

— А позвольте вас просить: именное кольцо с безыменного пальца на мой большой.

— Э, — говорит, — дорого просишь, да дочку в смерть не бросишь.

Вот он взял кольцо, вышел на луг, выскоцила Марфа-царевна.

— Вернитесь, молодой человек, что вы будете с этим кольцом делать? У вас мамаша голодом сидела, полпечки съела.

Он пал в ноги:

— Научи, Марфа-царевна.

— Ну, молодой человек, придете домой, войдете в сени, перекинете кольцом, выскочит семь молодцов, восьмой кривой за старшего. И скажите, что мама есть хочет.

Он пошел путем-дорогой, шел через луг, захотелось ему поесть вдруг. Перекинул с руки на руку кольцо, выскочило семь молодцов, восьмой кривой за старшего.

— Что, молодой человек, прикажете?

— Я, — говорит, — хочу поесть.

Притащили ему пítянья-édянья, всякого кúшанья. Значит, Марфа-царевна его не обманула.

Пришел он домой, matka голодом сидела, полпечи съела. Вот он вышел в сени, перекинул с руки на руку кольцо, вышло семь молодцов, восьмой кривой за старшего.

— Что прикажете, молодой человек?

— Чтобы мне matку накормить.

Тут, где ни возьмись, пítянья-едянья́ и всякого варенья́. Тут старуха досыта наелась.

Через неделю стал он matку посылать к царю свататься. Matка ревет-голосит.

— Меня, — говорит, — царь повесит.

А он говорит:

— Не твое, — говорит, — дело. Мне нать кто дома, житья править, самовар ставить.

Она и пошла, раз парень посылает. Приходит, в царский дворец заходит, становится к пéчи, заводит о новом речи.

— Нельзя ли старый род подновить, новый род завести.

— Пущай, — говорит, — твой купец, в одну ночь выстроит себе дворец, лучше и краше нашего, и сукном расстелено, и сады цветут, и птицы разными голосами песни поют.

Пошла старуха домой невесело, буйну голову повесила.

— Вот, — говорит, — Егорка, царь велел выстроить дворец лучше и краше егового, и сукном расстелено, и сады цветут, и птицы песни поют.

— Не печалься, мама, напейся квасу, помолись спасу, ложись спать, не поможет ли бог.

Ну, старуха лёгла спать. А он вышел в сени, перекинул с руки на руку кольцо, выскочило семь молодцов, восьмой кривой за старшего.

— Что угодно, молодой человек?

— А вот, чтобы изготовили дворец лучше и краше царского, и сады цветут, и птицы разными голосами поют.

Вот дворец сготовили, в три часа его разбудили, он взял молоток, ходит-поколачивает.

Вот царь на балконе спал, выстал, смотрит — дворец готов.

— Эй, Машка, да парень не простой, посмотри что сделал?

Ну, дело угомонилось, и он послал опять мать к царю. Ну, она пошла, стала у печи, заводит новые речи. Ну, царь и говорит:

— Пусть за одну ночь построит церковь, а от церкви хрустальный мост в мой дворец врос. И в этой церкви твой сын и моя дочь будут венцаться. Вот старуха домой пошла невесела, голову повесила.

— Вот, — говорит, — царь хочет, чтоб построить церковь в одну ночь и чтоб от ей хрустальный мост во дворец врос.

Ну, вот он говорит:

— Не печалься, мама, напейся квасу, помолись спасу, ложись спать.

Ну на утро стоит церковь, от этой церкви хрустальный мост во дворец врос и сукна выстланы.

Вот хорошо. В три часа он встал и стал ходить-поколачивать. Царь проснулся — церковь готова.

— Ну, приходится дочку отдавать, человек не простой.

Ну, конечно, он в двенадцать часов дня посылает мать:

— Завела дело, так доделывай.

Вот выходит сама невеста, царская дочка.

— Вот, мамаша, пусть он приготовит тройку коней вороных, два кучера молодых и корету золотую.

Мать пришла домой и ему рассказала. Он говорит:

— Напейся квасу, помолись спасу и спать ложись.

Он вышел в сени, перекинул с руки на руку кольцо, выскочило семь молодцов, восьмой кривой за старшего.

— Что прикажете, молодой человек?

— Завтра к венцу тройку коней вороных, два кучера молодых и корету золотую.

В три часа его работники все приготовили. Ну, собрались, к венцу поехали и у них получился пир на весь мир, по-нашему свадьба.

Вот живут день да ночь — сутки прочь. Так неделю. А молодка вожевата, для ей хозяин плоховатый. Вот она к ему подлащилась.

— Слышь, муженек, как вы могли такое дело в одну ночь сделать?

— Дурочка, — говорит, — я это-то соображаю, оттого и мать сватать посылаю. Женщина мужчину перекует, потому ночна кукушка денну перекукует.

Она его подпоила и говорит:

— А чего вы от мене, хозяин, секрет скрываете? Куда вы вашу силу на день деваете?

— Вы как честная хозяйка, я вам дело объясню. У меня есть кольцо — именной перстень. Натъ с руки на руку перекинуть кольцо, выскочат семь молодцов, восьмой кривой за старшего.

Вот она обняла его, поцеловала как следует, он и заспал. А она в это время кольцо сняла, в сени вынесла, перекинула с руки на руку кольцо, выскочило семь молодцов, восьмой кривой за старшего.

— Что тебе надо, молода хозяйка?

— Убрать моего хозяина в погреб, закрыть каменьем, а меня отнести за тридцать морей, за тридцать полей к Ивану-царевичу.

Ее и отнесли, а хозяина в погреб зарыли. А старший его прутьями закрыл, чтоб его не раздавило. А она там стала жить-поживать, сама больша, сама малая.

Косычка и собацка прохватились, за хозяином схватились. Кысочка нюх услышала, а собацка стала ямку рыть. Рыла, рыла, да его дорыла. Он спрашивает:

— Собацка вы моя? Принесите мне-ка поесть?

Кысочка сейчас побежала, у магазина подождала, да давай уркать. Хозяйка ее и запустила, а собацка под окладой ход прорыла. А кысочка там булки берет, собацке кладет в рот. А собацка хозяину несет и натаскала ему на целый год. Вот натаскала дивно. Хозяин и говорит:

— Кысочка-собацка, как мне кольцо раздобыть?

— Розыщим, — говорят.

Ну, вот они пошли за тридцать полей, за тридцать морей. Пришли к первому морю, кысочка и говорит:

— Я ведь от воды немóгу, так я и плыть не могу. Собацка и говорит:

— Садись-ко мне на спину, держись за шерстинку.

Переплыли так тридцать морей, пробежали тридцать полей.

Прибежали в тридцатое царство, Иван-царевича государство. Это кошка и заскочила на окошко. А хозяйка по комнате прогуливается. И говорит:

— Слышь, Иван-царевич, глянь — кака кошка на окошке, пусть вместо доцки поживет.

Запустили кысочку, а собацка на улице. Они поужинали и повалились спать, а ее взяли к себе на кровать. Эта царевна снимает перстень и кладет его в рот. Ну, они заснули. Кысочка и так и этак исхитрялась. И засунула свой хвост ей в нос. Царевна та чихнула, кольцо вылетело. Кыска кольцо подхватила, к собацке подлетела. Ну, побежали домой. Двадцать девять полей пробежали, двадцать девять морей проплыли. Вот собацка раздумала, да и дело удумала:

— Позвольте мне, кысочка, кольцо хозяину передать.

— Ну, я на берегу отдам.

— Нет, — говорит, — ты на берегу удерешь, кольцо сама отнесешь, давай сейчас.

Как кысочка не просила, нет никаких данных, давай сейчас. Ну, середке моря пришлось отдавать кольцо собацке. Да и уронили в воду. Было кольцо одно, да потопили на самое дно. Кыска разгорячилась, на собацку напустилась, ей глаза вычипала. А сама побежала вниз по морю. Бежала-бежала, видит стоит избушка на курьих ножках, об одном окошке. В этой избушке живут рыбаки-бедняки. Заскоцила кошка на окошко. Рыбаки и говорят:

— Запустите эту кошку, у нас черев много, вон валяются, пусть она будет сыта.

Вот привезли рыбаки щуку, два пуда. Стали эту щуку пороть, а в ей сглонут перстень — золото кольцо. Они говорят:

— Кому это кольцо предложено? Сколько лет удил, а такого не было.

Присоветовали это кольцо рыбаку-бедняку потому, что он обучил всех на свете. Он перстень взял в свои руки, положил на божницу. Вот они все заспали, кольцо взяла кошка и выскочила в окошко. Прибежала к етой собацке, собака уже мертва лежит. Вороны снуют, ее клюют. Как выйти из положения? Она изловчила, да маленького вороненка и схватила. Ворон налетел:

— Эй, ты, скотина, отдай моего сына!

— Позвольте, принесите мне-ка живой воды.

Разорвала вороненка и говорит:

— Тоды оживим собацку и вашего детешонка.

Ну, ворону жаль детеша, он и полетел за водой. Принес пузырек с живой и мертвой водой. Кыска стала вороненка мазать, он и стал живой летать. Намазала она собацку, стала собацка жива.

— Ну, — говорит, — чтобы было все меж нами.

Побежали они домой, прибежали к хозяину. Кысочка к хозяину полезла, ему кольцо передавала. Он говорит:

— Выйдите, кысочка, наверх и перекиньте кольцо с лапки на лапку. Выскочит восемь молодцов, им прикажите не зевать, меня из ямы доставать.

Кысочка вышла наверх, перекинула с лапки на лапку кольцо, вышло семь молодцов, восьмой кривой за старшего.

— Пожалуйста, — говорит, — не зевайте, хозяина из ямы доставайте.

Хозяина достали обратно, и дело все угомонилось. Они с им и пошли к старушке в избушку. Она радешенька, что все находится при живности. Они день живут и другой живут, на третий день он вышел в сени, перекинул с руки на руку кольцо, выскочили семь молодцов, восьмой кривой за старшего.

— Достань-ка мне подлую душу, и я ее сейчас нарушу, при моих глазах разрубить и сожгать.

Ну, так и стало сделано. А он взял из бедного житья. Она стала его любить-уважать, ни о чем не спрашивать. Так и живут до сих пор.

147. Спор

(Ну будё, посмеялись, чертей потешили, теперь буду дело сказывать.)

В некотором городе жил-был купец. Конечно, у его родился сын. Живут они себе хорошо. У купца уже сын стал порядочный. Товарища прибрал, — товарищ так, середняк, как и я, не порато богат, не беден. Ну все он с им и гуляет вместе. У этого, у богатого, отец помёр. Остался он один с мамашей. Товары, которые были лишни, попрóдал. Тут уж порядочный стал. Мамаша велит ему жениться, говорит:

— А вот, иначе дело не выйдет, ты торгуешь, а крестьянство то нать мало-мальски править.

Он уж за товаром сам ездит, заместо отца, а все не может себе невесты прибрать по уму, не нравится все. Да, в одно прекрасно время идет он в своем городе по мосткам, и оторвется это подметка у сапога, а он как человек прожиточный, — ему неловко так иттить, он и смотрит — вывеска, значит, — «сапожник». Заходит к этому сапожнику, скидывает сапог, велит ему подбить подметку... Вдруг заходит сапожника дочка, из другой комнаты откуль-то. И заглянулась ему эта дочка. Ну сапожник, подметку подбил, он рассчитался с им и стал дочку сватать.

— Да что, — сапожник говорит, — смеетесь, возьмет у меня дочку такой человек прожиточный, — говорит. — Если вправду желаете (*коли не смеетесь*), так кликну дочку.

Он говорит:

— Желаю!

Тогда сейчас к венцу поехали (*как по-нашему-то, ведь прежде венчались*). Вот, значит, этот богатый человек поженился. Да, поженился, живет со своей хозяйкой, с неделю время уже как живется. Он пошел в одно прекрасно время в город. Вот встречается ему этот товарищ прежний — он еще холостой. И вот повстречались, поздоровались, этот товарищ и говорит:

— Слышь, — говорит, — Ваня, вы женились?

— Да, — говорит, — женился.

— А где брали жену-то?

— У сапожника, — говорит.

— Да што вы? — говорит.

— Верно, — говорит.

— Хм, да, напрасно, значит: несправедлива хозяйка ваша, прямо сказать, я с ей гулял сёй год, да.

— Разве? — говорит.

— Да. (*Ручается, значит.*)

— Ну, поскольку, — говорит, — вы гуляли, я поеду за границу за товаром, у ее останется кольцо мое имённое на руке, так если вы на самом деле это кольцо достанете у нее, я поверю.

Да, ударились они о залог — сделали приговор; если ты сумешь сделать, то все, значит, магазины будут за им. И вот он. домой приходит и отправляется в дорогу. Хозяйки ничего не сказал. За границу отправился, за товаром уехал. А у его хо-

зьяйки была прислуга, и вот этот товарищ стал прислуги припадать. Идет в одно прекрасно время, — она подметает... Он и говорит...

— Вот не можь ли достать у хозяйки у своей именно кольцо?

— Нет, — говорит, — никак не могу отнять у ней; это мне жизнь дорога стоит, я своей жизнью дорожу.

Он вынимает сто рублей,

— На́, — говорит, — тебе сто рублей, только мне кольцо достань.

Ну, она конечно:

— Ну, за сто рублей уж принесу, — согласилась она.

— Завтра приходи, в это место сюда. *(Получить он магазины хочет.)*

Она, купцова дочь, как ложится спать, то кладет кольцо под подушку. И вот ейна прислуга-то взяла у ей кольцо и спрятала. Она утром встает это, хозяйка, и схватилась — кольца нет! Поискала, искала, ну что ж, кольца нет!

— Ну да наплевать, — говорит, — много ли это нам кольцо стоит. *(Думала выпахали его.)*

Она нисколько и не подумала, што прислуга взяла. Вот, значит, она утречком подметает, — прислуга-то, — кольцо ему и отдала. Вот, он и обжидает этого купца — кольцо получил, так это ему только и надо. Да, вот ладно, скоро сказка говорится — дело мешкально творится. Приезжает купец, все товары, конечно, привез, разложил по ма́газинам. Повстречались с товарищем с этим, он и показывает:

— Вот кольцо, видите?

— Верно! Как дело-то было?

— А пол дела-то! Тут и все, как раньше было, видите кольцо здесь.

Показал это ему.

— Ну, ладно, тогда, — говорит, — уж вам владеть придется всем, только до вечера поманите, я, — говорит, — все там улажу.

Вот он приходит домой и говорит своей хозяйки:

— Слышь, — говорит, — дорогая, сряжайся поскорее, да пойдем гулять.

А сам не говорит ничего. Она, конечно, оделась, думает, что первые годы, так гулять надо.

— Я, — говорит, — тебе покажу кораблей, суда. (*Богатый как, значит, а ее из бедной семьи взял.*)

Вот, конечно дело, она оделась и отправились. Он выводит ее, понимать, на корабли, на самое дальнее судно — там у его была шлюпоцка уж приготовлена — подносит ей нюхательный спирт, и она сразу ослабела и не помнит чего было. Он спустил ее в шлюпку, на море топить. Вот ее и понесло. А он домой вернулся на гору, все это передал товарищу имуществу, а сам пошел бурлачить. Да вот и скитается, где день, где ночь — и неделя прочь.

А эта егова́ хозяйка по волнам плёщит. И она проснулась, и не знает што и почему сюда попала, — и видит — недалечко берег. Она стала попадать к берегу — не залило ее: ветер-то был маленькой. Да... попала к берегу и заходит на гору. Зашла на гору, проснулась, слышит говорят. А в это место слетались три птицы. Вот и разговор у них пошел. Она проснулась:

— Что такое? — думает.

Одна, значит, у одной и спрашивают эти птицы:

— Што, — говорит, — в вашем городе делается?

— Да в нашем городе очень плохо, — говорит.

— А што же, — говорит, — почему плохо?

— Да, — говорит, — замирает голодом без воды, не могут нигде воды достать.

— Хм, — говорит, — да... неловко! А как ей достать-то, штобы вода была в городе?

— А ей достать... Есть за городом такой угорышек, а на этом угорышке есть плита́, заросла мохом, эту плиту отворить и — будет родник, не припить воды, на весь город хватит.

А вот эта, друга-то, говорит:

— В вашем городе што новенького?

— В нашем городе тоже, — говорит, — не очень важно, закрыты все ма́газины и никак не могут попасть никто, ни хозяин, никто, нет торговли.

— А как же, — говорит, — их открыть, эти ма́газины?

— Очень просто, — говорит, — открыть.

— А как же?

— А вот, от сего места идешь в город, то на правой руки есть первый ма́газин, и у этого ма́газина в углу заткнута булавка. Эту булавку найти, выдернуть, и все ма́газины открыты будут.

Вот стали у третьей спрашивать птицы:

— Да в вашем городе што новенького?

— В нашем городе, — говорит, — у царя дочка хворает, семь лет уже никто не может вылециць.

— А как бы ей вылециць? — говорит.

— А просто, — говорит, — ей вылециць: она за́спит, и в это время откуда-то возьметса лягушка на грудь и сосет, она за то и хворает. Эту лягушку только поймать и разрезать ей на тарелке, штобы кровь была и этой кровью выпоить царску доцку, и будет здорова.

А эта под кустом-то женщина все слушала. Да, вот они побеседовали тут эти птицы, распростились и полетели. После их эта женщина встала и отправилась путём-дорожкой. Приходит в тот город, где нет воды. И вот просит напиться.

— Што ты! — говорят, — мы сами уже замираем, нет воды ни капли.

— Да, плохо ваше дело! А я, — говорит, — могла бы вам воды достать.

Да тут сейчас очень рады. Докладывают чярю. И вот сейчас требует он ее в помещение. Приходит она. Чяр ее спрашивает:

— Да, — говорит, — где вы возьмете?

— Дело, — говорит, — не ваше!

— Ну так что, — говорит, — вам надо? Денег, или силы, или што?

— Так мне теперь денег пока не надо, вот достану воду, там видно будет тогда.

Солдатов она, конечно, попросила, солдатов полк и с инструментам, с киркам, иль — как их зовут — с ломам. Он, конечно, дал ей силу. Вот она отправилась передом, солдаты взади. Выходит за город, на этот угорышек, и вот, — говорит, — здесь, обрывайте этот мох и доставайте — там есть плита... И эту плиту они, солдаты, достали. И тут вода образовалась — родник. Вот отправились они обратно к чярю. Ее, конечно, тут хоть на руках носить; родёхоньки, што вода стала. Вот она это пришла, золота ей сколько нать доверено, за эту штуку. Вот она взяла золото, наклала и распростилась, — пошла. Купила себе мужскую одежду на эти деньги, нарядилась мужчиной и наняла пару коней. В этот город где-ка закрыты все ма́газины приезжает и спрашивают:

— Почему ма́газины закрыты у вас?

Они отвечают:

— У нас уже восемь лет прошло, нету торговли у нас.

— Я бы отворил, — говорит, — ваши ма́газины.

Тут, конечно, ей стали просить, она согласилась.

— Разойдитесь, — говорит, — я один это все устрою.

Все разошлись, она одна осталась. Пошла к этому ма́газину и нашла эту булавку. И все открылись моментально в тот же день магазины. Все были рады. Она распростилась и отправилась в другой город на конех. Приезжает в тот город, где у чяра дочка хворает. Сняла себе фатеру в этом городе и живет себе — имя себе назвала Иваном, уже теперя не женщина числится — мужчина. В этом городе наколочены были объявления: «Кто может мою дочку вылечить, за того она и замуж пойдет».

Чярь наколотил объявлений. Вот в одно прекрасно время этот Иван пошел гулять в город, увидел эти объявления и приходит туда прямо к чярю, к чярскому дворцу и докладывает — тут, конечно, дворник или кто стоял, — что «я могу вашу чярску дочь излечить». Тут было доложено этому чяру, и сейчас его запускают в помещение. Он заходит в помещение, разговорился там, и спрашивает чярь его:

— Как же вы можете излечить мою дочку? Она у меня семь лет хворает.

— Да, — говорит, — церес одну ночь, на утро, будет здорова.

— Ну так, пожалуйста, — говорит, — поскольку можешь. Запускает в помещение, где она находится. Ладно, оставил на ночь, — от уж стало двенадцать часов ночи, тёмно — ночь осённая. Вот этот Иван и повалился к этой больной рядком, значит, на пол. Она на кровати, и просто не дышит, лежит как будто его и нет. Вот значит, не откуль возьмишь эта лягушка у ей образовалась на груди. Она простонала и лежит, как мертвая. Вот он изловчился и эту лягушку схватил, взял на тарелку и ее изрезал всю на кусоцки. Этой кровью и напоил больную. и она в роде как ото сну пробудилась.

— Фу ты, — говорит, — что-то много мне во снях виделося. Он отвечает:

— Да и все бы вам видеться, — все бы вы лежали, кабы не я.

Тут она, конечно, обрадовалась, поскольку узнала, что он излечил. Вот тут обняла его, почеловала, а папаша уже заходит, уже утро.

— Што, — говорит, — вы, Маша, встали?

— Да, — говорит, — встала.

— Очень я, — говорит, — рад. Так теперь, — говорит, — Маша, надо ехать к венцу, коли он вас излецил, этот Иван.

— Да што уж, — говорит, — папаша, у нас не вино курить. *(По-нашему, — говорит, — не деньги занимать.)*

И в тот же день была устроена свадьба. Вот и повенцались они и живут во дворце. Он произвел, конечно, генералом своего зятя. Она генерал теперь уже. Вот живут так с неделю. Эта доцка уже справилась хорошо. Стала пить, есть, что хошь. К этому генералу стала она ночью беспокоить. Объясняется значит:

— Што же вы, Иван? Я теперь уже выздоровела. *(Думает, што она больная была, так из-за этого.)*

Этот Иван говорит:

— Што же, Маша, я и сама така, — говорит, — как и вы. Да вот она и стала говорить:

— Как же это вы?

Этот Иван все ей и объяснил, как было дело.

— Так как же, — говорит, — теперь-то быть? Я сейчас, — говорит, — папаше доложу.

Этот Иван говорит:

— А он мне ничего не зделает, што я с тобой, значит, повенцался?

— Нет, — говорит, — не беспокойся, он ищо доволен будет. Я объясню, што тебя неволя заставила.

Вот она объяснилась папаше, и с тех пор они узнали друг друга настояще. Вот этот Иван и вздумал поежжать в свое место, где он раньше жил. И тут его наградил чьяр чем мог. Он очень стал богат — денег много, и отправился в свое место, в свой город, — да чьяр ему дал разрешение, что когда в свой город приедет, то найдет этого старого мужа и расспросит все, как происходило. И разрешение дал этого купця — товарища его — расстрелять. Вот, значит, она приехала, розыскала хозяина, и он рассказал, как дело вышло. А она-то еще генералом сейчас. Так теперь она собрала собрание — и на собрание позвала этого купця. И вот этот самый генерал стал расспрашивать:

— Давно ли вы забогатели, таки магазины завели?

Тот так гордо говорит:

— Да, — говорит, — разбогател я, конечно, не своим трудом. *(Он думает, што и на самом деле мущина, ведь.)*

— А каким же вы трудом разбогатели?

— Да, — говорит, — я был бедняк, а у меня товарищ был купец, он поженился на бедной, и его хозяйка была несправедливая, а я с ней знаком был очень, и вот этот купец, значит, пробил у меня все ма́газины. «Если ты сумеешь, — говорит. — поскольку знаком с ней, мое кольцо именно достать у моей хозяйки, то все мага́зины ваши будут». А мне суметь полдела, как я с ней знаком раньше был. Я в ту же ночь и достал.

Тогда этот генерал при собрании скидывает с себя всю одежду до́-нага и вынимает левольвер.

— Ах, ты, — говорит, — подлая душа!

И наносит ему прямо в грудь — расстреляла, значит. Тогда документ показал, что, значит, в праве. И все возвратилось обратно ей.

Они стали жить опять со старым хозяином. А хозяин здесь уже на собрании у ей приведен был.

Никон Демьянович Челанов

148. Ладная песня

Был-жил богатый мужик. У него была жона красивая. Эта жона у него гуляла, а он поймать друга не может. Вот он нанял работника. Работник и говорит:

— Что-то ты весь, хозяин, печален?

— Да, — говорит, — знаю, что жона моя гуляет, а я поймать друга не могу.

— Ето просто, — говорит, — только слушай меня, — говорит. — Ты скажи хозяйки, чтоб пекла подорожники ночи на две, мы поедем за море за песком.

Он утром и говорит:

— Жона, ты пеки подорожники ночи на две, мы поедем за море за песком.

Она напекла подорожников, они склались и поехали. Отъехали версты три.

— Хозяин, стой! Нать друга имать.

Стал вецор, они и обратились назад.

А к хозяйке друг пришол. Они сидят, чайничают. Огонек в комнате пекет.

Работник хозяина посадил в мешок и дал ему нож и говорит:

— Пока я не спою: «Бери нож, режь мешок», ты тихо сиди. Вот работник: стук! стук!

Она выбежала:

— Кто там?

— Работник.

— А хозяин где?

— Там остался.

Ну хорошо. Он распряг, заходит в избу, а они водочку выпивают, угощаются. Ну налили и ему стакан водки, выпил он. Хозяйка веселовата.

— А что, — говорит, — работник, песенку запоем?

— Можно, — говорит.

(А хозяина звали Григорием.) Она и запела.

— Ан, уехал наш Григорий да за песком, да за моря́. А и бог его знает, когда будет он домой.

А работник:

— Слушай-ко, Григорий, что хозяйка поет, три-та-та, три-та-та.

— Ох, работник, как у нас ладно выходит. Выпьем водочки, запоем снова.

Вот выпили, она и поет:

— Ах, уехал наш Григорий да за песком, да за моря, у него, дурака, голова гладка, без него тут мы и выпьем, тут и слюбимся!

— Слушай-ко, Григорий, что жона поет. На гвоздкѣ на шибкѣ летка виснится, три-та-та, три-та-та.

— Ох, работник, как хорошо выходит, дай ешшо споем.

Выпили ешшо по чарки, тут хозяйка совсем в пляс пошла, друга целует, не стыдится, что при работнике, по-всякому наслаждаются. И поет:

— Мой дурак Григорий да уехал за песком, да за моря. Ко мне мил-дружок приходит наслаждаться. Выпьем сладкой водки, целовать будет в охотку.

— Слушай-ко, Григорий, чего жонка говорит, бери нож, режь мешок да жонку раз да два, да раз-два-три!

Тут хозяин как выскочит, да взял плетку, да катал жону да друга, так еле отходили. Отвадил друг от друга.

149. Диво-дивное

Жил-был богатый купец. Вот он поезжает торговать за границу. И спрашивает своей молодой жоне:

— Что тебе, хозяйка, гостинца привезти?

— У меня всего вдоволь, а хочешь меня потешить, привези мне диво-дивное.

— Хорошо, — говорит.

И уехал. А у этой хозяйки был друг-любовник, молодой прикащик. Они только и ждали, когда купец уедет, чтоб слюбиться. Она для того и наказала диво-дивное купить, чтоб он подольше искал, да домой не приворачивал. Они сейчас, как он уехал, по-всякому угощаются, наслаждаются. Стыд совсем забыли, не соблюдают. Ну вот хорошо.

А купец этот много денег наторговал, пошел жене гостинца искать. Ходит, ищет, а за что не возьмёт — все у ей уже закуплено. Никак дива-дивного нету.

Вот он совсем запечалился, идет по улице — встречу ему старичок.

— Чего, купец, запечалился?

— Да вот наказала мне жона ей диво-дивное привезти, а где взять?

— Ну это пол-горя, я тебе сейчас предоставлю.

Привел его старичок к себе в избу.

— Вот, — говорит, — погляди, кто по двору ходит.

— Гусь, — говорит, — ходит.

Тот старичок и говорит:

— Эй, гусь, иди со двора!

Тот гусь и пошел со двора, зашел в избу.

— Эй, гусь, садись на сковородник!

Гусь и сел на сковородник.

Старичок печку затопил, сковородник в печь:

— Эй, гусь, жарься!

Гусь и зажарился краснó и румяно.

— Ну, купец, добрый молодец, садись, пообедаем. Только коски под стол не бросай, вси в одну кучу собирай.

Ну тот купец косточки обсосит да на стол, да на стол. Вот — поели. Старичок и говорит:

— Гусь, встань!

Гусь и встал, цел как есть.

— Эй, гусь, поди на двор!

Гусь и пошел на двор. Купец и говорит:

— Это и верно диво-дивное; что ты, старик, за него хочешь?

— А ничего не прошу, свези домой да скаж жене «Я тебе привез диво-дивное, чудесного гуся, зовется тот гусь «Молодой жоны наука».

Ну купец и уехал. Приехал, жоне и говорит:

— Я тебе привез диво-дивное.

— А какое это диво?

— Чудесной гусь. Зовется «Молодой жоны наука».

Сейчас вынул гуся.

— Эй, гусь, ложись на сковородник!

Гусь лег.

— Эй, гусь, жарься!

Гусь зажарился. Взяли, поели.

— Эй, гусь, встань!

Гусь встал.

— Эй, гусь, поди на двор!

Гусь и пошел на двор.

Ну вот хозяин пошел в мага́зин, а к жоне полюбовник-друг прибежал. Они полюбовались, понаслаждались. Он и говорит:

— Чтой-то я исть захотел.

А она ему:

— Сейчас я тебя накормлю дивом-дивным, неслыханным чудом.

Она и кричит в окно:

— Эй, гусь, иди со двора!

Гусь и зашел в избу.

— Эй, гусь, садись на сковородник!

А гусь не садится. Ей и досадно стало, что ее дружок засмеет, она и липнула гуся тем сковородником. Да и прильнула к гусю.

— Ох, — кричит, — друг, оторви меня!

Он и стал ее отрывать, да и сам к ей прильнул. Она и кричит:

— Гусь «Молодой жоны наука», отпусти нас!

А гусь это на двор, и они за ним. За им бегут да кричат:

— «Молодой жоны наука»! «Молодой жоны наука»!

Тут тот купец пришол и видит жона с прикащиком слиплись.

— Вот она, — говорит, — молодой жоны наука!

Да разлепил их, да и нахлестал хорошо. До того нахлестал, что они больше баловаться забыли. Вот тебе и молодой жоны наука!

150. Про ростовское озеро

Сошлись два друга, Ростовской и Московской.

— Здравствуй, — говорит, — Ростовской!

— Здравствуй, Московской!

— А што ты, — говорит, — знаишь, про кого пытаишь?

А он говорит:

— Про Фому Крючкова.

— Да, — говорит, — Фома Крючков живёт, и чорт его не берёт, стоит огород сем ворот, один халат на сем палат, один топор на сем дворов.

— Да, — говорит, — правда, Ростовской.

— Правда, Московской.

— А што же говорят в городе Ростове озеро сгорело?

А он ему отвечает:

— Не могу знать, не могу и правды сказать, шол я коло того озера, озеро горит, соломой туша́т, лёжит щука на берегу, — хвост отгнил, голова отгорела, а туловище в друго́ озеро пробирается.

— А што, — говорит, — в городе Ростове мельница потонула, камешки плавают, собацки сидят да подля́ницу едят?

— Не могу знать, не могу правду сказать, шел я мимо озера, камешки плавают.

— А што, — говорит, — в городе Ростове свинья на дубу гнездо свила?

А он ему и отвечает:

— Не могу знать, не могу правды сказать; шол около тех дубиков, поросятка пишшат, желудинки едят.

— А што же, — говорит, — в городе Ростове поп женился?

А он ему отвечает:

— Не могу знать, не могу и правды сказать, свиньи замузда́ны, собаки оседланы, под крыльец подогнаны, нас с вами на свадьбу ожидают.

- А што же, — говорит, — в городе Ростове велика ярманка?
- Он и говорит:
- Правда, Московской.
- А што, — говорит, — почем?
- А соль по мешкам, табак по пучкам, а деньги по шкатулоцкам.
- А што ты, — говорит, — купил?
- А купил, — говорит, — не худо худишше, было денек полушка, купил гороху восьмушка.
- Это дело, — говорит, — хорошо!
- А хорошо, да не так!
- А как?
- Да вот так: поехал я с горохом, ехала городска полиция, горох при припряжи ударила, весь горох рассыпала.
- Так это дело плохо!
- Плохо, да не так.
- А как?
- А вот так: я стал горох мечь, да не знаю как его увезть.
- Так это дело хорошо.
- А хорошо, да не так.
- А как?
- Да вот так: я посеял его, он у меня уродился редок.
- А это дело плохо!
- А плохо, да не так!
- А как?
- Да вот так: хотя редок да стручист.
- Так это дело, — говорит, — хорошо!
- А хорошо, да не так!
- А как?
- А вот так: повадились ходить поповы свиньи и свели горох до стручины.
- Это дело плохо.
- Да не так!
- А как?
- А вот как: я этих свиней побил, полупил да семьдесят бочек сала насолил.
- Так это дело хорошо!
- А хорошо, да не так.
- А как?

- А вот так: повадились ходить поповы кошки да и повы-стягивали мясо до крошки.
- Это дело плохо.
- А плохо да не так.
- А как?
- А вот так: я этих кошек побил, полупил, да жене, — говорит, — шубу сшил.
- Это дело хорошо.
- А хорошо, да не так!
- А как?
- А вот так; пошла жена в церков, стал поп ходить да жену за шубу-водить, да шубу и снял.
- Это дело плохо!
- Да плохо, да не так!
- А как?
- А вот так: я стал с попом судиться — высудил коровку с пети пальцам.
- Да это, — говорит, — ведь, медведь!
- Глаза те раздерёт, я тебе про медведя расскажу: у нас тот медведь, который с горки на горку скакаит и от собак уби-гаит.
- Да ето заяц!
- Отойди, — говорит, — дурак, будут тебя лаить, я тебе про зайца расскажу: у нас тот заяц, который с елки на елку скакайт, да орешки щелкайт.
- Это, — говорит, — ведь белка!
- Мяса тебе тарелка! Я те про белку расскажу: у нас та белка, с загну́ты на загну́ту скакаит, да у баб с рук сало хватаит.
- Это, — говорит, — ведь кошка.
- Мяса тебе крошка! Я тебе про кошку расскажу: у нас та кошка, котора из засека в засек скакаит, да зернышко таскаит.
- Это мыш.
- Я тебе про мыш расскажу: у нас та мыш, котора по под-зёмелью ходит да землю роит.
- Это, — говорит, — крот.
- А тебе в рот! Я те про крота расскажу: у нас тот крот, что летает кверху, как грак.
- Отойди, — говорит, — дурак, всю Россию прошол, такого дурака не нашол!

Печора

Олена Ивановна Ермолина

151. Минька

Был Минька-парень, шатуший был, все ходил один по деревни. И был купец богатый, у него была доци. Богатеющий был купец тот. А Минька все ходит по деревни. А доци и говорит:

— Отець, ты-бы Миньку запустил к себе ле, сиротина, — говорит, — все ходит по деревни, никого ле нету.

Отець и говорит:

— Тебе шатучего жалко, дак иди с ним жить.

И выпехнул ее на улицу. Она и пошла к Миньке, стала с Минькой жить. С Минькой це ле живут, живут. Стали сами хлеб наживать. Стал Минька и дале поезжать, поставил мельницу, стали молоть зерно, наживают житье себе. А избусецка худая. В худящей избы живут. Вот стала хозяйка картофель садить да репу. Идет мимо дьяцок и говорит:

— Эка ты красива кака, и за какого худящего пошла! Меня бы, — говорит, — полюбила.

— Можно, — говорит, — полюбить. Приходи ко мне вечером. У меня Минька поезжает на мельницу, а ты приходи в десять часов вечера. Да закусок принеси да четверть вина — будем угощаться.

От дале дьякон идет и говорит:

— Эка ты красива, а с Минькой живешь, полюби меня, — говорит.

— А можно. Только ты вечером в одиннадцать часов приходи, я Миньку пошлю на мельницу, а ты закусочку принеси, да вина це ле, да угощаться будем.

— Ну, ладно.

Он и ушел. После поп идет и говорит:

— Эка ты красива кака, за таким хрящем Минькой живешь, хоть бы меня полюбила.

— Можно,— говорит, — приходи к двенадцати часам, закусок да четверть вина принеси, да будем угощаться. Минька у меня на мельницу поезжает, дак слободно будет.

— Ладно.

Пошла она домой, Миньке все рассказала, Миньку на мельницу послала.

Минька выехал, мимо дьячка едет, Выскоцил дьячок:

— Куды, Минька, поехал?

— А на мельницу поехал, рожь молотить на неделю.

— Поезжай, поезжай, бог труды любит.

Едет Минька мимо дьяка. Дьяк на крыльцо выскоцил:

— А куда ле, Минька, поехал?

— А на мельницу, на неделю рожь молотить.

— Поезжай, поезжай, бог труды кормит.

Поезжает Минька мимо поповского двора. Поп выскоцил, очи вылупил:

— А куда ле, Минька, поехал?

— А на мельницу, на неделю рожь молотить.

— Поезжай, поезжай, Минюшка, бог труды любит.

Десять часов сполнилось, идет дьячок, колотится. Она запустила его, четверть вина принес, закусочку ком целый. По рюмоцки выпили, он и говорит:

— Ну, давай, легим, отдохнем.

— Что ты, друг, ночь долга, седим рядком, поговорим ладком.

Тут кто-то колотится.

— Ой, Минька приехал!

— А я куда?

— А на полатях короб стоит с пером, там ляг.

Он забежал, в короб пал, в перо. А пришел это дьяк. Закусочку принес, четверть вина и всякой сяцины. Стали они закусывать. Дьякон говорит:

— Давай-ко лягим, отдохнем.

А она говорит:

— Ну, це ле, ночь долга, давай, поговорим побеседуем.

Ну сидят, беседуют, кто ле заколотился.

— Ой беда, Минька приехал!

— А я куда?

— Бежи, на полатях кóроб стоит, в перо ляг.

Ну, тут поп зашел. Принес четверть вина, да прикусок принес ком целый, да всякой сѣцины. И стали пир пировать, угощение делать. Ну, угостились, поп и говорит:

— Давай лягим, отдохнем, красавица.

Она говорит:

— Це ты? Поел-попил и в гостях на кровать... Давай побеседуем, ночь долга, нагуляемся.

Тут вдруг заколотился кто ле.

— Ой, Минька!

— А я куда?

— Ты, — говорит, — оболокись в совик, да стань к жорновам, я скажу, что воруха крива́ молоть пришла.

Минька пришел и говорит:

— Кто это мелет?

— Воруха крива, молоть пришла.

Минька с женой стал пить. Минька уже пьяноватый напился, а воруха все мелет. Он и говорит:

— Эко, у нас прикуска хороша, разве жену дьяцка созвать в гости?

Она и побежала, дьяцкову жену привела. Сметану принесла, масла принесла. Та и говорит:

— Много ле у вас коров?

— У нас одна корова, да хороша.

— Эка коровушка! Не продашь ли?

— Я, — говорит Минька, — продам. Согласись со мной разок, и я отдам коровушку ту.

Жона и говорит:

— Я, пожалуй, на улицу выйду, а вы и переспите.

Ну, она ушла, а они и переспали. Дьяцкова жена и ушла.

— Ну, — жена говорит, — я по дьяконову пойду.

Ну, по дьяконову пошла. А поп бедный мелет стоит. Дьяко-ниха пришла, видит на столе сколь всего много.

— Эко, у вас коровушек много?

— А у нас коровушка одна, да хороша.

— А продашь ли корову ту?

— Продам, только согласишься со мной разок.

— Ну, ладно.

Его жена вышла, а они тут и всяко разделались, как им только нать было. Ну, дьякониха и ушла. А жена пришла и говорит:

— Ишь, закуски у нас много и вина много, пойду я по попадью сбегаяю.

Да и попадья стала угощаться.

— У вас коровушек-то много?

— Нет, у нас коровушка одна да больно хороша.

— А не продашь ли мне корову ту?

— А почему, согласишься со мной разок, дак и даром отдам.

— Ну, ладно, — говорит.

Жена на улицу вышла, а они и занялись всяким делом, какое им нравится. А поп стоит да мелет, бедной. А Минька и говорит:

— Вот воруха стоит мелет, так пойдем за пецку.

Лёгли под ноги попу попадья да Минька. Поп скорей скочил, через их перескочил и вон из избы. А попадья пошла домой. А Минька ружье взял и говорит:

— Ну-ко я в короб стрелю — могу ле попасть?

А те испугались, скóчили, из кóроба выскочили и побежали — полно лежать-то. На другой день Минька коровушку завязал да повел.

— Эй, дьякониха, я коровушку-то привел за то...

А та говорит:

— Поди прочь, поди прочь — ницего не говори.

Он и повел к дьяковой.

— Эй, дьякова, бери коровушку-то за то...

— Поди, поди, ницего не говори.

Он коровушку привел к попадья.

— Эй, матушка, бери, я коровушку привел за то...

— Молчи, молчи, прочь поди.

Он и взял коровушку домой привел. А стали жить-поживать, добра наживать. А те полно к его жене приставать.

152. Яков

Жил Яков. У него была жона Марфа. Они были сперва богаты, да она была така задорна: то ей дай, да друго дай, еще того

мало, купи запонку, того не достало — еще подавай. Большая была у Якова мошна, да вся изошла. Нужной стал Яков. Тут-ка Яков говорит:

— Пойду я, денег нету, а подати просят, пойду на лесину повешусь, задавлюсь, — говорит, — докуль я стану жить? — говорит.

Пришел в лес, тюкнул лесину обухом, це ле *зазильцело* за лесинной, тюкнул другой раз, да еще *зазильцело*.

— Це, ле — говорит, — надо копать здесь.

И стал копать, и выкопал котел с деньгами. Он взял деньги сколько ле в кошель наклал, пошел домой, и давиться не стал. Пришел домой. Пришли к Якову, под окошком ревут:

— Эй, Яков, неси подати!

Яков деньги в кошель наложил, пошел в Управу. Там про Якова бают.

— Яков, — говорят, — н^ужной, у его подати нечем дать. Про Якова бают: богат был Яков — всем мил был, а нужной стал — всем н^елюб стал.

Яков идет, тако близко ко столу подошел, деньги высыпал, вси от стола отскоцили. Откуль у Якова столь денег?!

Яков расчитался, остатки в кошель склал. Опять Яков богатый, опять стал жоне наряд заводить, жона стала опять ходить нарядно, не хуже старостихи. Пришла к ей кума Степанида:

— Кума, — говорит, — бают, вы клад нашли? Откуль у вас?

А она ето:

— Нашли, нашли, кума!

А кума Степанида — бабке Евгении сказала, бабка Евгения — тетушке Фетенье, тетка Фетенья — матке Евпрасеньи. Тут-ка Яков стал жону звать по клад итти. Они ночью походить стали по клад. А он напек блинов, да пирогов напек, да блины-те да пироги и наклал по дороге, а в капкан запихал щуку, а в мерёжу — зайца.

Вот с Марфой пошли по клад. Ночь темна, да блин да пирог под ноги попадают. Марфа и говорит.

— Яковушко, откуль пироги-то да блины-то?

— Шли две туци, одна блинна, друга пирóжна, да столкнулись, блины-то, да пироги-то и нападали.

Шли-шли, на мерёже заяц.

— Яков, пошто на мерёже заяц?

— А зайцу охота стала по воде поплавать, он поплыл, да попал в мерёжу.

Шли-шли, стоит капкан, в капкане щука.

— Якуша, пошто в капкане щука?

— А охота ей стала по земли походить, она шла-шла, в капкан попала. (*Что Якутка ей заворачивает?!*)

Они и дальше пошли, шли-шли, лесом шли, она и побаивается. Учула — кто ле ревет.

— Якуша, кто ле ревет?!

— Это нашего барина церти бреют.

Достали котел и домой принесли. Тут и весть прошла, что Яков клад нашол. Тут уже Якова стали призывать к барину. А Яков подпись положил, что котел с угольем. Призвали его к барину.

— Яков, правда ли, што ты клад нашол?

— Никак нет, благородие.

— Ты, — говорит, — брешешь! Позовите Марфу, жону.

Марфа подошла.

— Нашол, нашол, ваше благородие, нашол... Котору ноць шли блинны да пирожны туци, они столконулись да нападали пироги да блины, да еще когда в капкан щука попала, а в мерёжу заяц попал, захотелось ему по воде поплавать...

А барин бранится:

— Глúпа, ты, глúпа! Каки-такие туци блинны, да пирожны?! Как-так заяц в мерёжу попал, а щука в капкан?! Да ты ле глúпа, да ты ле *дúром* говоришь!..

— Не лучше вам, барин, помнится, как вашу милость церти брили?

— Ах ты глупа, глупа, да у тебя деньги под печкой. Пойдем смотреть.

Ну пошли, а под печкой котел с угольями. Ну, ее отправили в сумасшедший дом, а Яков женился на молоденькой девици.

153. Праведной суд

Были два брата. Один богатой, другой бедной. Бедной брат пошел к богатому, просит лошадь съездить за дровами. Богатой лошадь дал, хомут не дал. Тот завязал за хвост сани и поехал по дрова. Воз наклал, поехал, воз большой,

у лошади хвост оторвался. Ну, приехал. Повел брату лошадь.

— Ну-ко, брат, я те хвост оторвал, ты-ко мне хомута не дал.

— Я-ко пойду судиться.

Ну, он боится, да и пошел на мост, да и с моста ско́цил, а, по-под мостом мужик отца в байну волокет мыться. Он с мо́сту пал, да старика и убил, а сам жив. А сын старика пошел судиться. Он зашел ноцевать, на полати лег спать, а сам думает: «Меня обсудят, — думает, — с полати лучше пасть, да убиться». Он с полати-пал, да ребенка в зыбке убил. И то мужик пошел на него судиться. Третий суд на него. А он в плат наклал каменьев:

— Судья, — говорит, — станет судить не по мне, дак я его убью.

Судья сидит за столом, и один подошел и говорит:

— Он у меня хвост оторвал, а я его лажу судить.

А тот показывает судье каменя, а судья думает — он ему деньги показывает, и говорит:

— Ты, — говорит, — отдай ему лошадь-ту, докуль у ей хвост выростет, пусть будет у него работать.

Тот и отошел от суда. Другой говорит:

— Вот он у меня отца убил.

Он судье каменя в плату показывает, а судья думает, что деньги сулит, и говорит:

— Ну, — говорит, — ты стань на мост, а он станет под мост, ты на него ско́ци, да его убей.

И тот отошел.

Третий подошел и говорит:

— Он у меня ребенка убил.

А он опять судье каменя в плату показывает. Судья говорит:

— Ты ему отдай жону на ночь, а он пусть такого ребенка сделает.

Ну, на другой день он пошел коня забирать, пока хвост выросте.

Тому коня жалко, и он ему дал корову, да два цетверика хлеба, да десять рублей денег. И пошел к другому:

— Давай, — говорит, — пойдём на мост, ты на меня ско́це.

А тому не охота:

— Не пойду, — говорит.

И дал ему кобылу с жеребенком, да четыре цетверика хлеба, да двадцать рублей денег.

Ну, он уже тут со скотом, да и с деньгами, да и хлебца припасено. Собрался и пошел к третьему и говорит:

— Ну-ко, мужик дай мне жону-то, я буду робенка делать.

А тому жону жалко, он и дал ему корову с теленком, кобылу с жеребенком, да пятьдесят рублей денег. Судья пошел к нему.

— Ну, — говорит, — мужик, давай деньги, что ты мне сулил, в плату показывал.

— А я, — говорит, — тебе показывал, что у меня в плату каменья, если не по мне судил бы, я тебя убил.

— Ну, — судья говорит, — слава богу, что я по тебе судил-то!

154. Гуси с Руси

Бывало, заблудил в лесу Грозный царь Иван Васильевич. Ходил-ходил, дошел до избусецки. А тут жили старик и старуха. Старик на завалинке посиживает и говорит:

— Я, старуха, сегодня приехал по сеннишко, заворотил санишко, вдруг прилётел сокол, сел на кол, прилетела сова, села под ясна сокола и вдруг тресь сокола и говорит:

— Сукин сын, — говорит, — ты, сокол. Где бывал, што слышал?

— Я был в матушке Москве Белокаменной и слышал, што хотят Грозного царя Ивана Васильевича ядой извести.

А Иван Васильевич у ворот стоит, все слышит. Тут он и вышел и говорит:

— Ну, дедушко, це ле, вези меня на конех куда ле.

— Повозки у меня, — говорит, — нет, а если хочешь, в коробсядь. В коробу свезу.

Запрягёт кобылу ту да говорит:

— Старуха, я одним глазом обы ноги ознобил.

Старуха:

— Ох-ох-ох, це ты!

А Иван Васильевич и спрашивает:

— Це такое ты говоришь?

А старик говорит:

— Старуха катанци шила, да один глаз оставила. Я на одну ногу дырявый одел да на другую переобул. Обы ноги ознобил.

Запрягает коня в короб и покрикивает:

— Тпру, Пень-губа, тпру, Пень-губа!

А Иван Васильевич:

— Це такое?

— У меня тесть был пень, а теща губа, а конь от их, я и зову Пень-губа.

Он взял за пояс топор и говорит:

— Вот хорош топор. Я этот топор во сне ногами нашол.

А Иван Васильевич:

— Це такое, це такое?

— Есть у нас река Сон. Дак я вброд шол и ногами топор ущупал.

Ну, и сел Иван Васильевич в короб, а старик говорит:

— Вот я ум в бересте везу.

А Иван Васильевич ему говорит:

— Ну, дедушко, к тебе будут летать гуси с Руси, так ты им перья береби.

Ну, приехали, а ему тут кушанья́ и выпитья́ наготовлены. Он боярам и говорит:

— Я, — говорит, — знаю, што вы меня обпоить, обкормить ладили. Ну быть вам живым, если вы три загадки отганёте. А не отганете, так голова с плеч. Перва загадка — што такое одним глазом обы ноги ознобить? Втора загадка — как во сне топор ногами найти? Третья загадка — как ум в бересте возить? Этот мужичок все отганул.

Ну, они не знают, как отгануть. Стали они к тому старицку ездить, отгануть просить. А он им за это закатил дать по сту рублей, по золотой карете, по коню, по горносталевой шубке. Ну, они ему и навезли. Весь двор це ле завалили. Он им отганул.

Вот царь приехал и спрашивает:

— Общипал це ле, дедушко, гусей с Руси?

А он говорит:

— Не то, што перья общипал, я и шубы снял, мездру со́драл. Вот как я, — говорит.

155. Две сестры

Жили-были две сестры. Одна была за купцом в городу́, а другая за мужиком в деревне. Вот приехала городская в деревню

погостить к сестре. Та стала ее угощать, а та стала чванить-ся, то ей не вкусно, да то не хорошо...

— Мы, — говорит, — в городе и домашнице етого не дадим, не сами есть.

А мужик сидит на печи и слушает, стало ему обидно.

— Эх, — говорит, — у меня земли мало, кабы земли у меня было много, так и самого цорта не убоился — не то городских гостей!

А цорт за пецкой стоял да слушал.

— Ладно, — говорит, — тебе земли дам, да я тебя с землей и самого возьму.

Ну сестра погостила, про то да про друго, про наряды побавила, да и поехала домой. А мужик тот пошел на пашню и встречается ему мужик.

— Мы, — говорит, — тебе землю даим. Приходи в тако место и сколько за день земли обойдешь, столько твоя будет.

(А это, надо быть беси, они сговорились его погубить).

— Вот с утра и до вечера сколько можешь земли обойти, только без едча, столько тебе и будет.

Он взял кусок за пазуху и пошел. И пошел бегом. Думает:

— Еще подальше, еще подальше, баские местецки хвачу.

Солнце уже садится, а он бежит, бежит, бежит... Прибежал, да тут и пал, да тут и кончился. Захватил земли на могилку!

156. Тимка да Шимка

Жили мужик да баба, Тимка да Шимка. Тимка отправляет жену на поле жать хлеб. Ну, она на поле пришла, нажала три снопа: один постелила, другой в головы, сама легла, снопом закуталась и заспала. Проспала целый день, вецером пришла домой. Ну, хозяин говорит:

— Це боле нажала?

— Местецко нажала.

На другой день опять пошла, так же день проспала. Опять пришла домой, он спрашивает:

— Много ле нажала?

— Местецко нажала.

На третий день пошла, крепко за́спала. Он думает: «Что тако она говорит, како место нажала? Пойду посмотрю».

Пришел — она крепко спит, а рожь не тронута. Он взял смóлу, принес на поле, принес перо. Смолой ее вымаза́л и перо налэ́пил. Сам ушел, ее так оставил. Ну, она спала-спала, пробудилась.

— Вот беда. Кто я, кто я? Лешачи́ха? Пойду спрошу у Тимки, дома ли Шимка.

Побежала к Тимке, прибежала:

— Тимка, а дома ле у тебя Шимка?

А он в окоско:

— Дома, дома.

— Ой, я лешачиха.

Побежала на гору. По горе ходила, увидала у попа ре́пище. Стала ходить у попа репу ести. (*Отказали от дому, так что делать?*) А попу сказали, что на ре́пище бес живет, репу ест. Поп тот был безногой, хромой, его все на руках носили.

— Ребята, — говорит, — снесите меня на гору.

Попа понесли ребята на гору, увидали на ре́пище Шимку и попа бросили и убежали. Поп ревет:

— Ой, бес, всю репу ешь, меня оставь, не ешь!

Та Шимка и сама с поля убежала.

А Тимка жил-жил, запецалился.

— Где у меня Шимка?

Пошел Шимку искать. На горе Шимка спит. Он взял нож, всю смóлу соскоблил, все перо о́брал и ушел. Она спит, сон крепко забрал. Шимка прохвати́лась:

— Ой беда, я, вишь, Шимка, пойду к Тимке, как Шимки нет, так я Шимка.

Прибежала к Тимке, заревела в окоско:

— Тимка, дома ле жена, Шимка?

— Нету, нету.

— Я, надо быть, Шимка.

Да и забежала в избу.

Назавтра посылает ее Тимка жать. Она пошла на поле, сколько было — все выжала. Пришла домой.

— Много ле нажала?

— Все выжала.

Тимка пошел, посмотрел, все жито выжато. И стал жить-поживать, и сказки конец. Така и сказка.

157. Филя да Уля

— Здорово, Филя.

— Здорово, Уля,

— Што мати гостинцу прислала?

— Мати прислала *олабышев*.

— Где они?

— Я под лавку поло́жил.

— Экой ты, Филя, дурак!

— А ты бы, Уля, как?

— Я бы в печьку посадила, ты бы пришел и поел.

Филя уехал — Уля убежала, Филя приехал — Уля прибежала.

— Что мати гостинцев прислала?

— Мати прислала сарафан.

— А где он?

— Я в печьку положил.

— Экой ты, Филя, дурак.

— А ты бы, Уля, как?

— Я бы на спицку повесила.

Филя уехал — Уля убежала, Филя приехал — Уля прибежала.

— Что мати гостинцу прислала?

— Мати прислала барана.

— А где он?

— Я на спицку повесил.

— Экой ты, Филя, дурак.

— А ты бы, Уля, как?

— Я бы в хлев запустила, да сена задала, да воды наносила.

Филя уехал — Уля убежала, Филя приехал — Уля прибежала.

— Что мати гостинцу прислала?

— Мати послала отца.

— А где он?

— Я его в хлев запустил, да сена задал, да воду наносил.

— Экой ты, Филя, дурак.

— А ты бы, Уля, как?

— Я бы за стол посадила, чаем напоила.

Филя уехал — Уля убежала, Филя приехал — Уля прибежала.

— Что мати гостинцу прислала?

— Мати прислала свинью.

— А где она?

— Я за стол посадил, чаем напоил.

- Экой ты, Филя, дурак.
 - А ты бы, Уля, как?
 - Я бы в хлев запустила да под нос оправилась.
- Филя уехал — Уля убежала, Филя — приехал Уля прибежала.
- Что матери гостинцев прислала?
 - Мати сама приехала.
 - А где она?
 - Я ее во хлев запустил да под нос оправился...

158. Злая жена

Был мужик да баба. У его жена была така́ зла, дак нисколько его не слушала. Он скажет:

— Пойдем, жона.

Дак она;

— Не пойду, не пойду!

Он скажет:

— Не ходи, жона.

Дак она:

— Пойду, пойду! Пойду, пойду!

Он вздумал жону куды ле девать. Гроб стал делать, пошел да выкопал яму глубоку, да наклал на ту яму доски, на середку доски наклал худы. Говорит жоне:

— Жона, ты за мной не ходи.

— Пойду, пойду! Пойду, пойду!

Она за им и побежала. Он подошел к яме и говорит:

— Жона, не ходи посередке-то.

— Пойду, пойду! Пойду, пойду!

— А пойдешь, дак тихонько иди.

— Пойду, пойду! Пойду, пойду да и прискацу!

Она на середке прискочила да и просела.

Ну, он и говорит:

— Хорошо, один я и буду жить.

Жил, жил и скудно стало.

— Бат, лучше жона стала, — говорит.

Пошел, вязку в яму бросил:

— Эй, жона, хватайся!

Там хватился кто-ле, вытягиват: а там кровяно́й шишко́. Мужик хотел его сбросить, а шишко и говорит:

— Не спускай! Не спускай! Не спускай! Тут ле така зла жона поселила, меня всего окровянила, я лучше тебе помогу, будем вместе жить. Давай, станем вместе репу сеять, тебе пусть корешки, а мни-то вершки.

Стали колько репу сеять, репы-то пришло много. Да мужику репу-то, а шишу — зеленя́. Мужик репу закопал да зимой продал, а бес закопал, дак у него все выгнило.

— Ну, — говорит, — ты, мужик, меня обманил, нынче жито станем сеять, дак тебе вершки, а мни корешки.

Жито тако пришло хороше, опять мужик вершки срезал, а бесу солома, опять мужик омманул его.

Вот шиш и говорит:

— Давай, боле не станем сеять, давай зайдем пужать кого ле станем, я стану пужать, а ты наймуйся выганивать, так мы деньги станем наживать.

Бес зашел к богацю какому ле, стал пужать, так пужать, што, господи помилуй! Мужик стал наймуваться:

— Давай сто рублей, я выганивать буду.

Ну, он и нанялся за сто рублей. Дали ему сто рублей, он пошел беса прогонять, бес и ушел.

Потом бес другого пужать, к цинovníку или начальнику какому.

Опять мужик пошел выганивать, а бес и говорит:

— Я пойду к попу, а ты не ходи, не выганивай, как пойдешь, так тут тебе худо будет.

Бес пошел попа пужать. Мужика стали звать выганивать, тот нейдет. Его взяли, повели на силу, а шишко и говорит:

— Ты почто сюда зашел, худо будет!

А он говорит:

— Я зашел сказать, что злая жона из колодца выскоцила, тебя ищет.

Тут шишко так испугался, что побежал в колодезь и пал к злой жоне-то. А мужик ташшить не стал, а на другой женился. Богату, хорошу взял.

159. Федор Высокой

Жил парень Федор Высокой, он пасть расставил. Потом утром пошел смотреть, ему попала лисица. Ну, он и говорит:

— Ну, лисицю теперь продам, — говорит, — на то и жониться буду.

А лисица ему и говорит:

— Федор Высокой, спусти меня, я тебе велико добро доспею.

— Ну, давай, — говорит, — спущу.

Спустил лису. Лиса побежала и думает: «Куда я пойду, куда я пойду, Федора Высокого надо жонить, надо его богатого сделать». Пошла лиса по байнам, стала у старух деньги воровать. Деньги насобирала, пошла к царю, пришла к царю, говорит:

— Царь, добрый человек, дай меру, деньги смерить, Федора Высокого деньги.

Царь меру дал, и та понесла меру ету. Деньги-серебро напихла меж обручи-ти, в меру-ту, и понесла меру к царю.

«Эх, — думает царь, — денег много, меж обручи попадали».

Побежала лиса в лес и села на пенек и воет:

— У-у-у! у царя была в гостях, цего хотела пила и ела, завтра звали, опять пойду.

Волк бежит.

— Цего, кумушка, лаешь?

— Как мне не лаять, у царя была в гостях, цего хотела пила и ела, завтра опять пойду. Собирайтесь вы, сорок волков, я поведу вас в гости к царю. Волк побежал, стал волков собирать. Сорок волков насобирал, привел к лисице, и лисица повела их к царю. Пришли к царю, она забежала и говорит:

— Царь, добрый человек, Федор Высокой прислал тебе гостинцу сорок волков, запусти их куда ле.

А царь и думает, что Федор Высокой богатый человек, сколь много гостинцю волков прислал.

А лиса опять в лес забежала, на пенек села и воет:

— У-у-у! Была у царя в гостях, пила и ела, цего хотела, завтра опять пойду, опять в гости звали.

Прибежала лисицка к ей.

— Цего, кумушка, лаешь?

— Как мне не лаять, была у царя в гостях, цего хотела пила и ела, завтра звали опять. Соберитесь сорок лисиц и пойдете в гости к царю.

Лисицка пошла, насобирала сорок лисиц, пошли к царю. А лисица-та забежала вперед и говорит:

— Царь, добрый человек, тебе Федор Высокой сорок лисиц прислал в гостинец, запусти их куда ле.

Царь думает: «Вот, беда какой богач».

А лисица забежала к Федору Высокому и говорит:

— Федор Высокой, пойдём я к царю тебя свататься поведу. Сама нашла коробельно нйще, Федора созвала, поставила на коробельно нйще, а сама побежала к царю.

— Царь, добрый человек, дай какую одежочку, у нас сего́дня кораб разбило, вси утонули, только Федор Высокой, да я, двое, остались.

А Федор Высокой стоит под горой. Царь стал давать Федору одежду.

— Ох-ти мне, эту одежду Федор и не оболокет, надо каку получше.

Царь дал свою одежду праздничну.

— Ну, эту, бат и оболокет.

Поташшила лисица Федору одежду. Федор оделся. Повела его к царю. Привела и говорит:

— Царь, добрый человек, Федор Высокой приехал к тебе доцерь сватать, отдай за его доцерь.

Царь стал доцерь. просватывать.

А лисица в ту пору побежала к Змею-Горынычу. Бежит-бежит, пастухи стретились, коров пастушат. А она и говорит:

— Ции вы, пастухи?

— Мы — Змея-Горыныча.

— Не сказывайте, что Змея-Горыныча, сказывайте, что Федора Высокого, не то царь поедет, вас убьет.

Опять побежала. Бежала-бежала, ко́ней па́стушат.

— Ции вы, пастухи?

— Змея Горыныча.

— Не сказывайте, что Змея-Горыныча, сказывайте, что Федора Высокого, не то царь поедет, так вас убьет.

Побежала дальше: овец па́стушат.

— Ции вы, пастухи? Змея-Горыныча?

— Змея-Горыныча.

— Не сказывайте, что Змея-Горыныча, сказывайте, Федора Высокого, царь поедет, вас убьет.

— Ланно, — говорят.

Прибежала лиса к Змею-Горынычу в дом. У змея дом хо-роший стоит.

— Змей Горыныч, забейся в солому, царь едет, тебя убьет. Змей со всей семьей забился в солому, лисица солому зажгла и их всех сожгла. И рабочим сказала:

— Федор Высокой с царем приедет сюда, направляйте столы, направляйте угощение.

Сама побежала.

— Ции вы, пастухи?

— Федора Высокого.

Побежала дальше. Коровьи пастухи идут.

— Ции вы, пастухи?

— Федора Высокого.

Побежала дальше. Овечьи пастухи идут.

— Ции вы, пастухи?

— Федора Высокого. Прибежала к царю.

— Ну, давай, Федор Высокой, венцаться, надо домой ехать, ждут там, наготовлено уже все на свадьбу.

А Федор думает: «Куда мене повезут?! Овенцаемся, а везти молодку некуда, дома нету».

Ну, поехали венцаться, овенцелись, а лисица:

— Я пойду впереди, едите за мной сзади.

Царь поехал тоже. Пастухи стретились.

— Ции вы, пастухи, будете?

А те видят царь едет — лисицу упомянули, и говорят:

— Федора Высокого.

Федор глаза расширил. «Откуда у меня, — думает, — пастухи?» Дальше едут, коровьи пастухи стретились. Царь спрашивает:

— Ции вы, пастухи?

— Федора Высокого.

Приехали они к дому Змея-Горыныча. Завела их, туп-туп-туп-туп-туп, дом, господи помилуй! всякая всячина, стрещают их, угощают, почет отдают.

Тут Федор Высокой и стал хозяин. И стали они с царской дочерью жить, добра наживать.

Тут и сказки конец, кривой жеребец.

Василий Соболев

160. Девка-белка

Были-жили старик со старухой. У их было три доцери. А жона-то померла. Жили-пожили, сделался старик хворый. А в лесу

сами. Этих девок он и послал на сопку. А на сопке *бал-баны* живут.

Девки обулись, оделись и пошли. Пришли на сопку, а *бал-баны* пляшут, а балбаны говорят:

— Старик, если с бóльшей дочерью ночь переспит, тогда поправится.

И пошли три сестры в чум. А младшая сестра старшую сестру раз толкнет, да другой пихнет.

— Вот, — говорит, — отец дорóстил тебя с ним ночь спать.

Ну, пришли в свой чум, старик и спрашивает:

— Что балбаны сказали?

— Ну что балбаны доброго скажут: если с большей дочерью ночь переспишь — будешь здоров.

Старик и говорит:

— Если я помру, кто будет вас кормить и поить, а если я оправлюсь, вы будете сыты и обуты.

Ну, ночь переспали — никотóрый перст у него не болит. Вышел на улицу, лямку надел, *чунку* поволок. Три дня проходил, полну *чунку* наклал всякого прóмыслу. Девки рады стали — чунка полна. Новы́ лупят, новы зверью шерсть теребят. Пили-ели, сколько хотели.

Прожили месяц, и старик опять захворал пуще прежнего. Послал он дочерей к балбанам. На сопке балбаны скацут. Скакали, скакали и говорят:

— Старик, если с средней дочерью ночь переспит, тогда оправится.

Пошли девки в чуму. Младшая дочь среднюю дочь раз пихнет, да другой пихнет.

— Отец вас выростил вместо жон держать, — говорит. Пришли к чуму, отец спрашивает:

— Что балбаны сказали?

Младшая дочь говорит:

— Балбаны и имя балбаны, це лё могут доброго сказать? Сказали: если со средней дочерью ночь переспишь — оправисься.

Старик говорит:

— Если я помру, как будете? А я здоров буду, все у вас будет, и мех и грех и пить-есть, сколько хотите.

Ну они ночь и переспали. На другой день старик оправился — никотóрый перст не болит. Обулся, оделся, лямку на-

ложил, чунку поволок. Три дня промышлял, полну чунку приволок и птицы и зверю и рыбы. Все притащил — еды, мяса — сколько хошь. Девки рады, нова́ лупит, нова́ сушит, нова́ теребит. Пьют-едят, сколько хотят.

Через месяц опять старик занемог пуще прежнего. Созвал дочерей, по́слал к балбанам.

Шли-шли, до сопки дошли, на сопке балбаны скачут. Скакали-скакали и говорят:

— Если старик с младшей дочерью переспит — здоров будет.

Эта младшая дочь и говорит:

— Я, — говорит, — не вы, зачем я с отцом лягу спать?

Отец их спрашивает, что балбаны сказали, а она и говорит:

— Балбаны и имя балбаны, у их что хорошего сказать? Если ты со мной ночь переспишь — здоров будешь.

— Если я помру, куда вы денетесь? Надо ночь спать.

Вот они отужинали. Вечер стал. Старшие дочери спать лёг-ли. А эта девка сидит у огонца — ницего не говорит. Старик лежит — охает. И огонечек погас. Эта девка вышла на улку и побежала. Бежала-бежала, к чужому чуму прибежала. В чуму на правой стороне старик и старуха, а налево собацка у огонька жарится. Вот старуха и говорит:

— Мы с тобой, старицок, парочкой спим, а собацке парочки не было. Теперь и у собацки пара есть.

Да и постелила ей вместе с собацкой. Вот огонь и погас. Собацка на двор выйдет и в чум зайдет и все *бизджит*, на нее смотрит. Вот девка и пошла сзади. Собака бежит впереди, а девка идет сзади. Бежали-бежали и добежали: стоит дом трехэтажный, железа ограда. Ворота отворились — они в ворота. Двери отворились — они в двери пошли. Вошли в избу. В избе народу много и гармони играют и песни поют. Собака девку в горницу завела. Девка стала у кр́овати, а собака платье собачье скинула и стала молодцом. В горнице перины пуховые и подушки пуховые. Они и стали жить. Ну, ладно. Утром парень опять собацью шкурку одел и пошел промышлять.

Ну, жили они так целый год. Вот у девки и родился парень. Отец говорит:

— Ты парня с рук не спускай, никуда не отходи, что нать, тебе все служанки сделают.

Вот она все парня держит, караулит. Вечер один долго отец не приходил, надо согреть самовар, служанка не идет. Она взяла парня, посадила к окну, сама самовар стала наставлять. Уголья спускает, взглянула на парня, а парня нет. Туда, сюда — нет парня. Вот она села да плачет, плачет... Пришел молодец, скинул соба́чью одежду. Она ему и рассказывает. А он говорит:

— Я тебе что сказал — парня с рук не спущать.

Ну, попили-поели сколько хотели да и легли на кровать спать. Она спала-спала, пробудилась, а лежит она на цистом болоте, снегом вся запáла. Лесу кругом нету. Плакала она, плакала, да и пошла. Шла-шла, вечереть стало. Впереди человек на лыжах чунку волокет. Подошла она, а это ее отец. Он и говорит:

— Ой, ты бедна, ушла от своего чуму и маешься. Разве я тебя кормить не могу? Садись в чунку, я тебя поволоку. Ты, бедна, может, сутки не ела.

Она и села. Вот в лесу белка скацет, с дерева на дерево по-свистывает. Девка и говорит:

— Отец, белку ты застрель да дай мне на бабúшку, я буду играть.

Отец лямку снял, белку застрелил, ей шкуру на бабушку дал. А она бабúшки шить не стала. Она беличью *кожарину* облокла на себя, из чунки на дерево скоцила и пошла по деревьям скакать белкой. До цистого болота доскакала и побежала по цистому болоту, по белому снегу. Впереди видит два чума. Один большой, а другой малый. Стоят чумы на железных чунках, под железной крышей. От малого чуму старуха вышла на улицу срать. Белка под подол запихалась и свернулась робеночком и меж ногами заплакала. Старуха подолы вздынула, а меж ногами робенок. Она кричит:

— Старик, у меня робеночек родился!

— Ну, родился, так будем рóстить.

Ну, старуха робеноцка взяла, сделала зыбку, стали рóстить. А в большом чуму нежонатый самоедин молодой жониться захотел. Хочет он такую взять, чтобы сердца с собой не было. И берет жону из чужого чуму. Ну вот, свадьбу стали играть. Созвали на свадьбу старика со старухой. Пошли все пир пировать, а эта девка из зыбки встала, повыросла. Обулась, оделась да и пошла к молодке в сани рыть. Рыла-рыла, все коробья вырыла и нашла в одном коробке молодкино сердце. Ну,

как куричье яйцо. Она прижала и сердце выломала. А сама побежала и в чуму в зыбку легла. Приходят старик и старуха печальные.

— Вот беда, померла на свадьбе молодка!

Ну вот, время прошло, он все ладит жониться. Взял опять из другого чуму молодку без сердца. Стали свадьбу играть. Старик и старуха на свадьбу пошли, а она побежала, в санях сердце нашла и выломала. Пришли с гостей старик и старуха, *одва* не плачут.

— Вот беда, кака была молодка хороша и враз померла.

Ну, время идет, тот все жониться хочет. Да и стал думать брать из своего чума. Да ету девку и засватал. Она посмотрела на него, а это тот самый, что собацкой ходил. Он на нее посмотрел и говорит:

— Ты и есть девка без сердца, тебя мне и надо! Ну, и обвенцались.

161. Дикой

Жили-были старик и старуха, у их был сын дикой, умом не довольный. Жили они в чуму, а чум стоял на железной чунке, под железной крышки. И этот шальной сын все лежит и все под себя делает. Накопилось под ним гези с русской онбар. Так он лежал годов двадцать и вдруг встал. Попросил у матери платье и обутку. И дали ему рубаху железну и неплюйну *малицу*. Занесли *кису* и дали ему обутки. Он обулся, оделся и стал на ноги. И мать раздернула шесты, и он пропихался и тесно вышел на улицу. И стал он тут играть с ребятами. И играет худо: кого за руку хватит — рука вон, кого за ногу хватит — нога вон. Собрались к его отцу со всей тундры старики:

— Пошли его, — говорят, — из тундры вон. Он, — говорят, — всех ребят покалечит.

Ну, напекли ему лепешек, положили в кису, он и пошел. Дикой идет, куда глаза видят, а олени растянулись, за им сзади идут. Долго ле, коротко ле — на хребет высокой взошел, видит, стоит русский дом под русской крышей. Двое саней запряжены, русские куда-то собираются. Он спрашивает:

— Вы куда сряжаетесь?

— Мы поедем на свадьбу. От нашего дома жених, от другого дома невеста.

— Давайте, возьмите меня на свадьбу.

— Мы бы тебя взяли, да боимся хозяин заругает.

А он сел им в сани да не слезавает. Ну, поехали. На которой стороне Дикой сел — полоз осуел. Одва два оленя протягивают. Ну, заходит он в невестин дом. Народу много, все говорят:

— Откуль такой дикой взялся?

Ну, повозит жених невесту в свой дом. Растянула невеста богатый *оргишь*, десять возов с колоколами да с сукнами. Ну, Дикой на задний воз сел к молодкиному поезду. У молодки быки далеко растянулись. Молодка увидела, с трепалом подбежала, давай Дикого бить. Дикой скинул худое платье, стал молодец в неплюйной малице. Девка остоялась, сани завязала, побежала назад, взяла Дикого в свои сани. И повалила под кровлю санями и повезла его. Вот они доехали до женихова дома. Жених к оргишу идет, а она говорит:

— Дай, я сама оргишь проведу докуль надо, а то что твои роденки скажут: «Какую молодку привел, что и оргиша провести не может».

А Дикому говорит:

— Ты тут лежи, не крыци, как вецор станет, я тебе еды принесу, да и уедем, от нелюба куда ле.

Вот вецор пал, жених взял лук да стрелы, пошел к невестиным саням кровлю повыше подымать. А Дикой думает, то молодка, и говорит:

— Чт ты, еду несешь?

Тут жених схватил лук и стрелил его в грудь. А у Дикого только из железа платья искры посыпались. Дикой схватил того русского и убил. Выбежал тут народ, а он начал их тем человеком хвостать. Хвостал-хвостал, всех убил. А сам оленей запряг под свой оргишь. Взял невесту и поехал.

Едет-едет, нагоняет их русский человек:

— Эй, Дикой, ты чего нашу девку взял, не тебе была девка дана.

Дикой его трепалом хвостнул, нараз убил. Едет-едет, догоняет русский человек.

— Эй, Дикой, ты чего наших подсанечников увел?

Дикой его враз убил.

Едет-едет, слышит колокольчики погремывают. Оглянул-

ся Дикой — едут санки одним худым оленем запряжены. Погоняет Дикой свой богатый оргишь, а худой олень рядом бежит. И сидит в тех чунках русский человек, один глаз кривой, одна рука.

— Ах, Дикой, дубова голова, ты пошто мою доць увез; подсаночников увел?

А Дикой говорит:

— Над моей женой тебе дела нет. Заворачивай по-добру, по-здорову, а то пальцем шевельну.

Тут тот русский человек соскоцил, а у него и рука одна, и нога одна, и глаз один. Он зачал Дикого бить-трепать, дотуль колотил, что под снег заколотил. А невеста чунки повернула, по-за собой свой оргишь да Дикого стадо. А тот русский человек был первеющий колдун по всей русской земли. Ну, тут самоедские богатыри пошли того колдуна бить, его кости трясти. А тот колдун на одной ноге стоит, одной ногой помахивает. Как подойдет богатырь, он начнет бить-трепать, дотуль бьет, пока под снег заколотит. Тут и полегли все самоедские богатыри. И пошел в тундру русский народ да ижемцы. Отобрали у самоедов тысячны стада да железные чумы на железных чунках.

162. Леший

Жила-была старуха. У нее был внук. У него было оленей десять тысяч. Ну вот, этот парень лег спать вечером и трое сутки проспал. На четвертые сутки он голову поднял и говорит:

— Бабка, у нас из семи земель народ все плачет. Почему же плачет?

Это старуха и говорит:

— Из семи земель как не плачут? Леший, у кого есть ребенок, того унес, у кого есть два сына или две дочери, и тех унес. Потому отец и мать плачут.

Ну он опеть спать лег. Опеть трое сутки проспал. На четверты сутки парень голову поднял, сел на жопу и говорит:

— Дай мне-ка, бабка, обутки и платье.

— Куды, бажонный, пойдешь-поедешь?

— Я поеду за лешим. Лешего смотреть, какой он есть увидеть.

Ему бабка и говорит:

— Ты куда, *бажонный*, пойдешь за лешим? Ты молодой, тебя леший убьет.

— Пущай убьет, мни-ка смерть везде одна.

У старухи было десять работников. По́слал парень работников пригнать оленей десять тысяч к чуму. Вот в недолгое время пригнали работники десять тысяч оленей к чуму и поставили тысячу быков на *юрóк*. Этот парень обулся-оделся, вышел на *юрóк*. Взял из саней вожжу, зайцевóй ремень и пошел к быкам. Были у него четыре *красных* быка, четыре *комлénых*, четыре бобровы-ошейники. Взял на заячий ремень и связал четыре красных быка, четыре *комлénых*, четыре бобровы-ошейники. Вот этот парень и говорит:

— Робочий, запряги моих подсанóчников.

Старший робочий запряг ему четыре быка красных, четыре *комлénых*, четыре бобровы-ошейники. Тут бабка пришла и говорит:

— Ну, *бажонный*, поедешь трое сутки, впереди будет видна сóпка. Та сóпка круглá и высокá. Если лешего следы есть, поезжай сзади, а если у сопки следов нету, воротись назад.

Парень говорит работникам:

— Оставайтесь на месяц время, меня дожидайте. А месяц пройдет, тогда я мертвым буду, и вы по тысяче оленей разделить, и бабушку старую кормите дó смерти.

Тут и поташшили его четыре красных быка, четыре *комлénых*, четыре боровы-ошейники. Так быстро поташшили, что стал снег курить и не узнаешь, как за ним земля остается. Так парень быстро едет, только по тому узнавает, что тетёрники летят, назади остаются.

Ну, этот парень троё сутки проехал и видать стало сóпка высока и кругла. К сопке парень подъехал, тут лешего следы уйдены. Парень взял четыре сажени хорей, бросил по следам, а еще сажень не хватило. Таков шаг один. Ну, и поехал этот парень сзади за лешим и так стал понуждать своих подсанóчничко в — четыре красных быка, четыре *комлénых*, четыре бобровы-ошейники, — что малы птички назади остаются.

Ехал-ехал, впереди видать река. Леший в реку зашел, внос реку перешел, по заречью вниз ушел. Ну, этот парень переехал, вниз поехал. Ехал-ехал, впереди чум стоит. К чуму парень подошел на конце вожжи. А в чуму старик и старуха плачут:

— Чего вы, дед да баба, плачете?

— У нас был одинакой сын, а тут леший пришел, сына у нас унес.

Парень и спрашивает:

— *Ковда* это дело было?

Они говорят:

— Третьего дня.

Он сел на сани и опеть погонил четыре красных быка, четыре комленых, четыре бобровы-ошейники. Едет, ветер в ушах свистит, тетёрники на снегу оставаются. Спереди опеть река с угора бежит. Леший реку внос перешел, по заречью вниз пошел. Этот парень реку переехал, по заречью вниз уехал. Впереди видит чум стоит. К чуму парень подъехал, на конце вожжи к нему подошел. Сидят в чуму дед да баба, плачут:

— Вы пошто, дед да баба, плачете?

— Почему нам не плакать? Леший приходил, два сына взял, обех унес есть.

— *А ковда* дело было?

— Вчера вецером.

Сел он на санки, погонил подсаночников, четыре быка красных, четыре комленых, четыре бобровы-ошейники. Ехал-ехал, долго ле, коротко ле, впереди опеть видна река. По ней леший в нос перешел, по заречью вниз пошел. Парень реку переехал, по заречью вниз поехал. Долго ле, коротко ле ехал, видно впереди человек лес секет. Сохват дерево раз тюкнет, и лес падает. Подъехал этот парень и сани завязал. Подошел к этому дровосеку.

— Что ты, дровосек, каки толсты дерева сечешь? С охват дерево раз тюкнешь, и лес падает.

— Я лешему даровой работник. Я ему дрова запасаю и воду ношу.

Он взял этого дровосека, за плечи поддел да о зень *огренул*. Убил его, голову сорвал. Сам сел в сани и погнал подсаночников, только снег назади курит.

Долго ле, коротко ле ехал, и стоит сопка гола, высока, кругом лесу нету. А лешего следы потерялись. И пошел парень круг сопки, дважды окружил сопку — у лешего двери не мог найти. И подошел к саням, зайцевой ремень взял и думает: «Если жив я буду и свою бабу увижу, пусть у лешего двери отворятся». Тут в той сопке двери отворилися. Тут спустился парень под землю, и тут у лешего под землей чум сделан.

И в том чуму на правой стороны завязаны три девки, а на левой стороны три парня на цепи. А леший у костра сидит, ноги разувает. А старуха у лешего огонь бережет. Огляделся леший на парня и говорит:

— Этот парень, должно быть, и есть, что мне балабан говорил: тебя парень убьет.

Ну леший обутки разул и говорит:

— Давай, старуха, вари мни-ка котел, сільнє я есть захотел.

Старуха взяла котел навесила и взяла в руки саблю и говорит:

— Ну, старик, какого будешь варить? Может, етого, что пришел напóследки?

Леший говорит:

— Того наперво нельзя варить. У него мясо жидкó. Он гóлодно едет.

Взяла старуха одного парня отвезала, загнула парня и тюкнула по спине раз, и спустила в котел, и варила долго ле, коротко ле. А этот парень сидит-глядит около огонечка. Сварился котел и вынела старуха мясо и лешему полóжила под нос. Зачал леший есть и по обем сторонам из рóту косьє выпадает, так он ест. И давай реветь:

— Старуха, сделай мни-ко место помягче. Я сильно опристал.

Старуха ему место постелила и спрашивает:

— Этого куда девать парня-то?

— Ты возьми поядрєньше цепь и привяжи его ко столбу и пусть он тут отдохнет, и завтра можно его сварить.

Сказал, тут и заспал.

Старуха взяла ядреную цепь, его к столбу привязала и лёгла к старику спать. А этот парень заспал крепко, а с полночь время одна девка отвязалась с цепи и стала у парня цепь отвязывать, а цепь ядрена, ей не одолеть. И начала она плакать, и с глаз ее потекли слезы парню на лице. Они его óжгли, и он во они потянулся и цепь оборвал, как бабий волос. Он встал и все цепи прёрвал и спустил етих девок и парней на вулицу. А у лешего сабля под головой лежит. Ну, он потенул саблю, и леший пробудился, поднял голову. А тот парень размахнулся и голову ему ссек-срубил. А потом и старуху поубил. А сам выскоцил на вулицу и сожег всю сопку. И послал парней да двух девок по своим отцам. А ету девку, что его с цепи спускала, взял, по-

садил к своим саням и повез к своему чуму. Погнал он четыре красных быка, четыре комленых, четыре бобровы-ошейники. Ехал-ехал, видит чум. В том чуме дед да баба скачут, оленьё мясо едят. Они дали ему сто быков. Он и дальше поехал. Едет-едет, только снег сзади курит. Вот он до другого чума доехал, там дед и баба скачут, свадьбу играют, оленьё мясо едят. Они дали ему двести быков. Он и дальше поехал, подгоняет своих под-саночников — четыре красных быка, четыре комленых, четыре бобровы-ошейники. Только снег сзади курит, да тетерники на снегу оставаются. Ехал он долго ле, коротко ле, до своего чуму доехал. Тут его бабка стретила. Набежали десять работников, пригнали десять тысяч оленей. Стали свадьбу играть. Растянула невеста богатый *оргйшь*. Тут и сказке конец.

163. Иван — быков сын

Был-жил царь. У царя была жона хапторка. Царь старается, ничего не рожается. Стали посылать царя *кутёнщикам*, — рыбку ловят, так не попадет ле рыбка, золота-головка. Царь пошел на море. А на море тёнщики тёню бросить хотят. Царь купил тёню за сто рублей. Тёню вытянули, золотой-головки рыбы нет. Другу тёню бросили.

— Цё стоит ваша тёня?

— Наша тёня — двести рублей.

Царь и выдал двести рублей рыболовам. Тёню вытянули, золотой-головки рыбки нет. И третью тёню бросили.

— Цё стоит ваша тёня?

— Наша тоня — триста рублей.

Царь дал триста рублей. Третью тёню вытянули, и попала рыбка золота-головка.

Взял этот царь золоту-головку рыбку, понес домой и отдал царице. Царица отдала служанке. Служанка клёск охитила и вымыла, а помои отдала быку. И сварила рыбку. Царица наелась досыта и служанка наелась досыта. Долго ле, коротко ле царица стала брюхата. И служанка стала брюхата. И бык стал брюхат. После этого, знаешь, они принесли все в один день. Царица принесла парня, и служанка парня, и бык парня. Окрестили всех Иванами: Иван-Царевич, Иван-Дёвий, Иван-Быкович. Они растут не по годам, а растут по месяцам. Год про-

живут, будто десять прошло. И стали со робятами гулять ходить. Какого парня возьмут за руку — руку́ со́рвут; возьмут за голову — голову́ со́рвут. Вот и стали все царю жаловаться. И пошли робята в цисто-поле, и пришел к им старик и говорит:

— А что, Иван-Царевич, Иван-Девий, Иван-Быкович, куды путь держите?

— Мы пошли по цисту-полю искать поединщиков.

— Вы пешком не ходите, просите у царя коней, поезжайте по дороге вдоль. Пойдет дорога надвое: по одной ко́ни не будут живы, а по другой сами не будете жи́вы.

Они и воротились, пошли к царю ко́ней просить. Царь послал их к конюху. Ну, они пришли к конюху. Он привел их в одну конюшну.. Стали коней выбирать, не могли выбрать. Во второй конюшне Иван-Девий выбрал себе коня. Третью конюшну открыли, Иван-Царевич выбрал себе по силе лошадь. А Иван-Быков на каку лошадь руку́ положит, конь и падает с ног. Запряглись Иван-Царевич да Иван-Девий, а Иван-Быков пошел пешком. Пришли к кузнечю. Стоит кузня о трех верстах.

— Куй, кузнечь, сто пудов па́лицу.

Сковал кузнечь сто пудов па́лицу. Иван-Быкович бросил палицу — одва видать. Иван-Быкович подсунул руку под палицу — рука не пошевелилась.

— Куй, кузнечь, двести пуд палицу.

Сковал кузнечь двести пуд палицу. Бросил палицу Иван-Быкович — пада́т палица обратно, подсунул руку под па́лицу — рука не пошевелилась.

— Куй, кузнечь, триста пуд палицу.

Сковал кузнечь триста пуд палицу. Иван-Быкович на улицу вышел, бросил палицу под облака — невдолге же летит палица обратно. Иван-Быкович подсунул руку под па́лицу — *одва* на-земь не уронил.

И вышли они на улицу. Иван-Царевич и Иван-Девий на ко́нях поехали, а Иван-Быкович пешком пошел. И доехали они до росстани, и на росстани камень и написано: «В правую сторону пойдете — кони со́мрут, в леву пойдете — сами со́мрете.

И поехали по левой дороге, и приехали к реки́. Через реку железный мост стоит. Иван-Быкович и говорит:

— Братья, кто по железному мо́сту ездит?

Сделали за три версты шатер. Же́ребий бросили, кому караулить мост. Пал же́ребий Ивану-Девьему. Обулси он, одел-

си и пошел караулить мост. А Иван-Царевич спит, как порог шумит. А Ивану-Быковичу не спится, не ложится, в головах подушечка вертится.

Пошел он на мост. Там Иван-Девий спит, как порог шумит. Взял его и положил под мост, сам сел караулить. Вдруг шум великой, мост дребезжит, вода колышется. Едет Поганое Долище о трех головах, каждая голова своим ясаком поет:

— Дунь, Иван-Быкович, на цисто-поле.

— Нет, ты дунь на цисто-поле, у тебя три головы, всяка на свой ясак поет.

Дунул Поганое Долище — на три версты пенья-коренья сгорело. Поганое Долище на свою работу смотрит-любуется. Подскоцил Иван-Быкович, срубил три головы, под мост бросил.

Утрех спрашивают Ивана-Девьего:

— Кто ходит, кто ездит по железному мосту?

— А тихо-тихо, никто не ходит, никто не ездит, волос не шелóхнется.

На другой день идет Иван-Царевич караулить. Иван-Девий спит, как порог шумит. Ивану-Быковичу не спится, не ложится, подушка под головой кочерится. Встал, пошел на мост. На мосту Иван-Царевич спит, как порог шумит. Взял его Иван-Быкович под плечи, снес под мост, сам сел караулить. Вдруг земля дрожит, мост дребезжит, вода ходуном ходит. А ведь это снова едет Поганое Долище шесть голов, всяка голова своим ясаком поет.

— Дунь, Иван-Быкович, в цисто-поле.

— Ты, Поганое Долище, дунь в цисто-поле. У тебя шесть голов, всяка своим ясаком поет.

И дунул Поганое Долище на шесть верст — пенья-коренья пожегло, земля сомлела. Оборотился он и смотрит. Подскоцил Иван-Быкович, срубил шесть голов, под мост бросил. Ивана-Царевича под плечи взял, на мост положил.

Утрех его и спрашивает.

— Кто ходит, кто ездит по железному мосту?

— Никто не ходит, никто не ездит, не шумит, не дышит и волосом не веет. Никого не видал.

Оттуль день прожили, караулит Иван-Быкович. Дал он им карты и в чашу нож положил и свечу поставил.

— А вот, братья, когда из этого ножика кровь потечет, тогда бежите на мост.

Сел Иван-Быкович караулить. Вдруг шум стал, идет Поганое Долище о девяти головах, всяка голова на свой ясак поет.

— Дунь, Иван-Быкович, на цисто-поле.

— Сам дунь, Поганое Долище, у тебя девять голов, всяка на свой ясак поет.

Дунул Поганое Долище — пенья-коренья на девять верст сжег. Подскоцил Иван-Быкович, восемь голов ссек, а девята голова осталась. Они схватились и тут начали бороться и по масляну костку в землю ушли.

— Дай, Поганое Долище, левой сапог разуть.

Дал Поганое Долище сапог разуть. Разул Иван-Быкович сапог и бросил его в шатер. Не долетел сапог. Бьются они, дерутся они, по сами оборины в землю осели.

— Дай. Поганое Долище, правой сапог разуть.

Дал Поганое Долище правой сапог разуть. Кинул Иван-Быкович сапогом в шатер. Вскоцили Иван-Царевич и Иван-Девий. Полна, видят, чаша крови с острия ножа капает. Вскоцили они на мост. Стали Поганое Долище боровать. Бились-рубилась, по пояс в землю ушли. Убили Поганое Долище, голову под мост кинули, железный мост обкараулили. Ну, долго ле, коротко ле, поехали по дороге вдоль. Стоит дом троеэтажный. Приехали к дому, Иван-Быкович овернулся мурашкой, зашел в избу, сидит на порошке. Старуха лежит на печи, нос до потолка. И пришла невестка трехголового и горько плачет.

— Матушка, матушка, убил Иван-Быкович твоего любимого сына, моего жалимого мужа.

— Молчи, молчи, деточка, овернись ключевой водой в цистом поле, придут Иван-Быкович с братьями, захотят напиться — рзорвет-ростреснет.

Тут приходит вторая невестка, шостиголового, плачет:

— Матушка, матушка, убил Иван-Быкович твоего любимого сына, моего жалимого мужа.

— Не плачь, не плачь, деточка, овернись в цистом поле сладкими ягодками, придет Иван-Быкович с братьями, поист сладкие ягодки — рзорвет-ростреснет.

Прибежала третья невестка, плачет:

— Матушка, матушка, убил Иван-Быкович твоего любимого сына, моего жалимого мужа.

— Не плачь, не плачь, деточка, обернись в цистом поле золотой кроватью, пуховой периной, шелковой подушкой.

Приедет Иван-Быкович с братьями, захочет отдохнуть, лёгет на золоту крѳватъ — рѳзорвет-рѳстреснет.

Иван-Быкович вышел на улицу, к братьям пришел и поехали по цисту полю. И бежит ручеек. Так хотят напиться Иван-Царевич и Иван-Девий! Прискоцѳл Иван-Быкович, тюкнул ключеву воду — овернулась женщина, ей голову ссекли. Поехали дальше. Рассыпались сладки ягодки. Так хотят Иван-Царевич и Иван-Девий ягодков поестъ! А Иван-Быкович прискоцѳл, тюкнул ягодки — овернулась женщина, и ей голову срубили. Стоит на цистом поле золота кровать да пухова перина, да толкова подушецка. Захотели Иван-Царевич да Иван-Девий лёгти. А Иван-Быкович подскоцѳл да тѳкнул кровать — овернулась женщина, ей голову ссекли. Вот они и поехали во свою землю.

Ехали-ехали, услышал Иван-Быкович, едет сзади больша погѳна. Он и говорит:

— Братья, слышите ле, погѳна сѳльня, понуждайте своих кѳней.

Погонѳли коней сколько могут, а Иван-Быкович бежит с ними наравне. Доехали они до железной кузни. Тут налетела старуха и говорит:

— Отдай, кузнечъ, мне Ивана-Быковича на один глоток.

А Иван-Быкович говорит:

— Скуй, кузнечъ, три прутá — оловянный, медный и золотой.

Кузнечъ сковал три прута и говорит:

— Пролизни, старуха, железну дверь, отдам тебе Ивана-Быковича.

Она челюсти раствѳрила, а он захватил щипцами за язык, да давай ей хвостáть железным да медным прутом. Железный да медный прут весь изломал, исхвостал, оловянный не рвется, не ломается, только гнется.

Старуха овернулась лошадыю. Иван-Быкович заскѳцил на лошадь, три раз объехал кругом городѳ. Оттуль приехал к кузне и видит, едет старец на хромой лошади.

— Что, Иван-Быкович, будем с тобой *правдаться*. Если я тебя оставлю, я тебе свою лошадь дам, если ты меня оставишь, ты мне свою кобылку дашь.

Они и поехали. Иван-Быкович вперед полетел, а старця одва видать. А обратно стали поезжать, Иван-Быкович

погонил кобылку, да старец на хромо́й лошади оставил Ивана-Быковича на версту. Ну, старец и взял кобылку, и привел домой и привесил на *конеки* задними ногами одва в землю стыкается. Иван-Быкович пошел к старцю, а у старця лошадь повешена за конек. И вышел старец на вулицу.

— Ну, что же, Иван-Быкович, жалко тебе кобылку?

— Жалко ле, нет, а как говорено было, так и есть.

— Если ты мне-ка достанешь Елену Прекрасну за тридцать царств, отдам тебе кобылку.

Ну, и пошел Иван-Быкович за тридцать царств. Выскоцил Ярыжко — тоненька ножка, золотой колпачок, лоб залощил, глаза вытаращил.

— Здравствуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, Ярыжко.

— Принимай товарища.

— А в чем Ярыжко горазд?

— А в ложке людей за море возить.

— Таки люди надобны. Пошли дальше. Выскоцил Ярыжко — тоненька ножка, золотой колпачок.

— Здравствуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, Ярыжко.

— Принимай товарища.

— А в чем Ярыжко горазд?

— Горазд свататься.

— Таки люди надобны.

Пошли дальше. Выскоцил Ярыжко, лоб залощил, глаза вытаращил.

— Здравствуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, Ярыжко.

— Принимай товарища.

— А в чем Ярыжко горазд?

— В баине мыться.

— Таки люди надобны.

Пошли дальше. Выскоцил Ярыжко — тоненька ножка, золотой колпачок.

— Здравствуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, Ярыжко.

— Принимай товарища.

— А в чем Ярыжко горазд?

— С места на место людей переносить.

— Таки люди надобны.

Пошли дальше. Выскоцил Ярыжко, лоб залощил, глаза вытаращил.

— Здравствуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, Ярыжко.

— Принимай товарища.

— А в чем Ярыжко горазд?

— А хлеб есть.

— Таки люди надобны.

Пошли дальше. Выскоцил Ярыжко — тоненька ножка, золотой колпачок.

— Здравстуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, Ярыжко.

— Принимай товарища.

— А в чем Ярыжко горазд?

— А вино пить.

— Таки люди надобны.

Пошли дальше. Выскоцил Ярыжко, лоб залощил, глаза вытаращил.

— Здравствуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, Ярыжко,

— Принимай товарища.

— А в чем Ярыжко горазд?

— Воду пить.

— Таки люди надобны.

Пошли дальше. Выскоцила баба — две версты зад.

— Здравствуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, старушка.

— Принимай товарища.

— А в чем старушка горазна?

— А горазна я, старушка, за тридевять морей, за тридевять земель в три цаса бегать.

— Таки люди надобны.

Выскоцил Ярыжко — тоненька ножка, золотой колпачок.

— Здравствуй, Иван-Быкович.

— Здравствуй, Ярыжко.

— Принимай товарища.

— А чем Ярыжко горазд?

— Ступу пестом гужу.

— Таки люди надобны.

Пошли дале. Выскоцил Ярыжко, лоб залóщил, глаза вы-
таращил.

— Чем горáзд, Ярыжко?

— А звезды считать.

Пошли дальше. Выскоцил Ярыжко — тоненька ножка, зо-
лотой колпачок.

— Чем горáзд, Ярыжко?

— Кремешком стрелять.

Пошли дале. Выскоцил Ярыжко, лоб залощóл, глаза вы-
таращил.

— Чем горазд, Ярыжко?

— Чо ле падат, на землю не уронить.

Шли-шли, к морю пришли. Ярыжко ложку вытащил, сде-
лался корáб. Поплыли за тридевятое царство к королю.

— Где Ярыжко, свататься удалый?

Ярыжко свататься стал к Елене Прекрасной. А король го-
ворит:

— Неумыты пришли свататься. Надо в байне помыться,
тогда можно свататься.

Ну, трое суток топили железну байню. За пять сажон не
дойти, такой жар.

— Где Ярыжко, в байне мыться удалый?

Ярыжко в один угод пнул, в другой пырнул, байня
закуржавела.

— Це ле, — говорит, — байню холодно топите. Где Ярыжко,
свататься удалый?

Стал Ярыжко свататься. А король говорит:

— Как свататься, гости заморские, наперво отдохнуть
надо.

Завели их в овин, замкнули и с улицы огнем зажгли. Чет-
вертый Ярыжко, где сгорело, тут и перенашивает. В пеплу,
только ухудились. К утру они вставают, пепел вытрясают.

— Грязно у вас спать, — говорит. — Где Ярыжко, свататься
удалый?

Король говорит:

— Так не сватаются. Сколько можете со всего города хлеба
съесть, тогда девку отдам.

— Где Ярыжко, хлеб есть удалый?

Пятый Ярыжко каравай за караваем мечет. Хлеба не хва-
тило, еще просит. Все хлеба подъели.

— Где Ярыжко, свататься удалый?

Ярыжко сватается, а король говорит:

— Так просто не сватаются, а сперва надо выпить, сколько в городе сороковок в лавках есть.

Собрали все сороковки, а шестой Ярыжко, — буль-буль-буль, все посудыны опорожнил и еще просит.

— Где Ярыжко, свататься удалый?

Ярыжко сватается, а король говорит:

— Если вы, сколько есть в колодцах, воду всю выпьете, так и дочь отдам.

Седьмой Ярыжко вси колодцы выпил и пошел на реку, реку глушить. Король говорит:

— Пожалуй, реку глушить не надо. С чего мы пить будем? Придется дочь отдать, если только из тридевятого царства сундук с платьем в три цаса доставишь.

Выскоцила старушонка, полетела, сундук достала, назад полетала, да охота стала отдохнуть. Села на двухверстну жопу и заспала. Вот три цаса доходит, старухи нет. Девятой Ярыжко ступу пестом *гужнул*, старуху в жопу ударил. Села старуха и проспалась. Полетела быстро, аккурат во-время прилетела, сундук предоставила. Король дочь и отдал.

Сели они в кораб и побежали через море. Ночью королева вышла из корабля и полетела звездой на небо. Вышел десятый Ярыжко, стал звезды считать. Считал-считал, одну лишнюю насчитал. Вышел одиннадцатый Ярыжко, из ремня кремешок бросил, в звезду попал. Звезда полетела на-земь, а двенадцатый Ярыжко подхватил на лету и сдал Ивану-Быковичу.

Идут они дальше. Де море — в ложке переедут, де земля — пешком перейдут. Дошли до того места, де Ярыжки взелись. Ярыжки там и оставаются. А они дальше пошли. Елена Прекрасная и говорит:

— Когда бы ты по мне сваталси, я бы за тебя пошла, а ты меня за старицка сватал, молодую-то девушку. Сейчас придем к ему, а у него яма копана, бревна на ей положены, ёра да трава яму кроют. Он и скажет: «Давай, пройди по этому месту, товда Елену Прекрасную возмешь за себя». А ты скажи: «Сам тута пройди». А как станет он насередь ямы, ты бревно-то ногой пошевели.

Ну, пришли они к этому старику. Он стоит на прямой дороге и говорит:

— Иван-Быкович, пройди по этому месту, Елену Прекрасную возьмешь за себя.

А Иван-Быкович и говорит:

— Нет, ты пойди по этому месту, своей невесте стрету. Стал старицок походить. Дошел до серёдины. Иван-Быкович бревном ногой пошевелил. Пал старицок в яму, а в яме прутья железные с перстьё стоят. Он тут и кончился. Они взяли его всяко добро и золото и весь живот, и его сожгли, и весь дом сожгли, и кобылку сожгли, и все забрали и пошли в свой город. И там обвенцелись, и стали жить-поживать, добра наживать.

164. Плясова гармонь

Бывало жил молодой парень. У парня никакого живота не было, а только гармонь, да оружиё, да три овечки. Ему придумалось гармонь взять да три овечки, да пойти по цистому полю. Сам грязной, сам сопливой, а гармонь играет. Сам скацет, а овечки пляшут.

Увидала царска дочь:

— Ах, какой забавный мальчишка, сам скацет, а овечки пляшут! Я пойду возьму овечку, куплю гармонь, сама буду скакать, а овечки плясать.

Пришла она к мальчишку:

— Продай мне овечку. Она будет у меня во дворцы плясать.

А он говорит:

— Не продажна овечка, а *ответна* овечка.

— А большой *ле ответ*?

— До колена подолы *приздынуть*.

— Ну, ладно.

До коленей царска дочь подолы *приздынула*.

— Кто нас, — говорит, — видит, кто о нас думает?

Он ей овечку и дал. А пошел он обратно, гармонь играет, сам скацет, овечки пляшут. Она домой пришла, сама скацет, овечка не пляшет.

— А, дурной мальчишка, сопливой, грязной, а саму худящу овечку дал.

На другой день пошел мальчишка в чистое поле со двоя овечками. Гармонь играет, сам скацет, овечки пляшут. Увидала царска дочка в окошко.

— Пойду, — говорит, — возьму втору овечку. Эта овечка с печали не пляшет, ей одной скучновато.

Пошла она в цистое поле.

— Продай мне, мальчишка, овечку.

— У меня овечки не продажны. У меня они оветны.

— А какой на них овет?

— Овет — до пупа подолы приздýнуть.

Она и подумала: «Кто нас видит, кто нас ведает?» Она подол и приздýнула, аж до пупа. Тот мальчишка ей овечку отдал. Сам пошел, на гармонии играет, сам скацет, овечка пляшет. А у ей обе овечки скуцноваты. Плясать не хочут. Ну, ладно, хорошо, ночь ночевали. Утро встало, царска дочь думает: «Ах, грязной, ах, сопливой, самы худящи овечки продал, а затейна у него осталась. Надо ту затейну выкупать».

Вышел тот мальчишка в цисто поле. Сам на гармонии играет, сам скацет, а овечка пляшет. Увидала царска дочь из окошка, пошла в цисто поле.

— Продай, мальчишко, затейну овечку.

— Не продажна овечка, оветна.

— Большой ли овет?

— Овет — до плечь подолы вздынуть. «Ах, кто нас видит, кто нас ведает?» И вздынула подолы.

А он кругом обошел, на правом плече подпись: «Быть этой девке за веселым мальчишкой со тремя овечками». Он и сказал:

— Вот, царска дочь, будешь ты за мной замужем.

И взяла ее печаль.

— Вот беда, за каким сопливым, за каким грязным мне быть!

Пошла она домой печальна, и овечки за ней идут, скуцают. Ну, ладно, хорошо, эту ночь ночевали. Этот мальчишка взял и стал лес *лесовать*. Ну, пошел детинка по лесу. Сидит на ели маракуша. Он подкрался к маракуше, маракуша пала на *мирскую* дорогу. Тута едет поп, ведет корову. Он увидел маракушу на мирской дороге и в сани положил. Этот мальчишка и голос подает:

— Эй, поп, оставь мою маракушу! Я стрéлил, она на мирскую дорогу пала.

А поп увидел мальчишку, весь грязной, весь сопливой, и на-смех его взял:

— Эй, да ты ле лесовал, да ты ле маракушу стрелял? Тебе грязному, сопливому — вшей искать.

Взял мальчишка гармонь и стал играть. Тута выбежал поп на дорогу и зачал плясать. И поп пляшет, и корова пляшет, и конь пляшет, только пыл кури́т. Дотуль плясали, что конь и корова пропали. Ну, поп пал, лежит, ногами дрыгат.

— Пожалуй, мальчишко, возьми маракушу, перестань играть, я немо́гу!

Мальчишка перестал играть. *Одва* поп на ноги стал, так и пошел к царю.

— Ну вот, царь — вольной человек, ехал я по дороге и увидал маракушу, на мирской дороге валяется. Я взял маракушу, на сани бросил. Выскоцил мальчишка да и говорит: «Отдай, поп, мою маракушу». А сам грязной, сам сопливой. Такому ле лесовать. Я маракушу и не дал. Он взял, в гармонь заиграл, а мни стало потешно, я на дорогу вышел и заплясал, и корова заплясала, и лошадь заплясала. Дотуль плясали, что корова и лошадь пропали, а я на дорогу пал. Оттуль пришел мальчишка, маракушу взял и ушел. Не можешь ле, царь — вольной человек, этого мальчишка найти, цё ле с им сделать?

Царь велел всех робят собрать в цистом поле, сколько их есть.

— Если ты, поп, узнаешь мальчишку-ту, то его будем судить, а если не узнаешь, твоя голова с плеч.

Собрали всех мальчишек с циста поля, сколько их есть. Поп раз прошел по робятам, и два прошел, и три прошел и не мог узнать.

— Где ле он есть еще?

Стражники говорят:

— Мы одного оставили на печи, весь сопливый сидит, весь грязной, где ему лес лесовать.

— Какой есть, такого ведите.

Привели его, стал царь спрашивать:

— Ну, мальчишко, ходил ле ты лесовать?

— Ходил.

— Был ле ты в лесу?

— Был.

— Убил ле ты маракушу?

— Убил.

— Ехал ли поп по дороге?

— Ехал.

— Взял ле ту маракушу?

— Взял.

— Стребовал ты маракушу?

— Стребовал.

— Стал ле на гармони играть, поки поп пал, и корова пала, и лошадь пала?

— Верно, было так.

— Ну, так вот, рассудим дело так: завтра я соберу людей на цисто поле, которые мало-мало на ногах ходят. И если всех можешь плясать пустить, так дам доцерь замуж и все царство, а если не можешь, твоя голова с плеч.

— Моя голова не дорога. Попробуовать можно.

Ну, утро стало, народ со́брали, а поп и говорит:

— Меня завяжите у столбы, я его знаю — плясать буду.

И завязали попа у гнилого столба. Стал мальчишка в гармонь играть, и пошел весь народ плясать: и царь пляшет, и царевна пляшет, поп столб сломал, со столбом пляшет. Дотуль скакали, все стары пропали, а молодые лягаются. Вот царь вопит:

— Пожалуй, мальчишко, перестань играть, а то мы все пропадем!

Ну, он и перестал играть. Кто мог, ногами пошел, кто не мог, тут и ночевал.

А царевна на земли чужие телеграм послала к богатырю. Она хочет за богатыря итти, а не за сопливого итти. И сели думушку думать, и надумали: в одну *кóмну* их свести, и к утру царь сойдет — в каку сторону царевна рожей спит, за того и замуж итти.

Заперли их в одной *кóмне*. А мальчишка тот назёму со́брал, под богатырское место наклáл, а под себя мягких колачей подложил. Лёгла царская дочь, поворотилась к богатырю, а у богатыря кисло. Она поворотилась к мальчишке, а от мальчишки колачами пахнет. Царь утром пришел, а царевна рожей к мальчишке спит. Ну, знать царевны за него замуж итти. А богатырь не соглашается.

— Нет, — говорит, — мы с им пойдём в цисто поле и будем биться.

Ну, ночь ночевали, утро стало, и пошли в цисто поле биться. Богатырь обулся, оделся, волшебной водой умылся, саблю и оружиё взял и на лошадь сел. А мальчишка пошел с одной гармонью. Вышли они в цисто поле. Вот мальчишка и говорит:

— Мне с тобой не противиться — у тебя оружиё, у тебя конь, дай мне раз на гармони сыграть, да и бей на один хват.

— Ну, ладно, играй, я тебе потом голову ссеку.

Мальчишка стал на гармони играть. Тут конь и пошел плясать, богатырь пошел плясать и оружье пошло плясать. Дотуль плясали, что богатырь пал и пропал. А мальчишка взял, его сряду одел, волшебной водой умылся, стал молодцом-богатырем. Оружье в руку взял и на лошадь сел. Трижды город объехал и стал царю под окно. Царь в окно выглянул и увидел богатыря и вывел дочерь. И пошли они под венец, и стали жить, и нынть живут.

165. Хитрая наука

Жили-были старик да старуха очень бедно́. У старика был сын. Старик с сыном пошли дрова секци. Раз секли и второй секли, а исть нечего. Сын и говорит:

— Ну что, отець, мы нынче дрова секем, а исть нечего. Давай меня найми куда-либо. Ты будешь мою плату исть, а я буду у хозяина исть. Ну, отець согласился и пошел по дороге вдоль. Шол-шол встретился старик.

— Здравствуй, мужик.

— Здравствуй, старик.

— Нет ли у кого ле парня мни-ко в работу нанеть?

— У меня есть сын. Давай, найми.

— А что просишь за сына?

— Сто рублей.

Пошол он сына смотреть, сына увидел, сто рублей вынел, отдал старику и парня взял. Ну, хорошо, привел его домой, накормил, напоил и спать повалил. Парня на замок замкнул. А утрех пошли дрова секци. До полудня сёкли дрова, а с полудня стали дрова пилить и колоть. Выкололи на мелкие *ути́нки* и склали клеткой высокой, одва руками доставать. Старик огонь дóбыл и эту клетку зажгáл, и она стала гореть сильное дело как. Он парня схватил, двоеряд согнул и в эту клетку и бросил, в огонь. И железным посохом искры собирает. Вот все дрова сгорели, и один остался пепёл. Старик пепел стал собирать, одну горсть собрал и правой рукой хлопнул и пепёл пыхну́л, и парень скопил на ноги. И старик спрашивает:

— Ну, парень, на цё уцился ты?

— На цё учился не учился, я и сам знаю.

Ну, этот старик говорит:

— Этот парень навряд не лучше меня будет.

Домой привел, напоил, накормил и спать уложил.

На другой день опеть они в лес пошли. Стали дрова секци. До вечера секли, а с вечера стали пилить и колоть. Напилили, накололи, сложили костерок с большу избу. Этот старик огнивце вынул, костерок зажег, парня втроеряд сложил и в тот костерок бросил. Потом пеплу горсть набрал, рукой хлопнул, и парень живой и здоровый выскоцил.

— Ну, цё, парень, чему сей день научился?

— Я учился не учился, а про то сам знаю.

— О, — говорит, — парень, навряд ты не лучше меня будешь!

Ну, на третий день до полуночи дрова секли. О полночь навалили лесу в троеэтажный дом. Старик этот лес зажег, парня в комок, закатал, в огонь бросил. На долонь пепёл сóбрал, рукой хлопнул, парень и стал живой.

— На цё уцился, парень?

— На цё уцился, про то помалкиваю.

— О, ты, парень, добрый человек! Навряд не лучше меня будешь.

Ну, этому парню и строк приходит. Он свернулся муравушкой и по щилкам на вулицу вышел и побежал к отцю-матери и под окошком на вулице слушает. А мать бранится на старика.

— Ты, старик, сына нанял, а нынче надо воду занести, дрова насекомки. Ты не можешь, а я и подавно.

Сын зашел.

— Мати, не бранись, мне и строк пришол. Ты, отец, завтра придешь по мне, а старик выведет шесть молодцов, все однаки, а ты меня признай. В правом глазу у меня будет шерсть одна длиннее. Ты по глазам смотри.

Овернулся маленьким муравушкой и к старику пошол. Вот утром мужик пошол сына уводить. Вывел ему старик шесть молодцов, вси однаки.

— Если узнаешь своего сына, так уведешь, а не узнаешь, не уведешь.

Пошол мужик по молодцам, а у одного на правом глазу шерсть длиннее.

— Этот мой, — говорит.

Старик головой покачал.

— Эх, твой парень не хуже меня ведь.

Ночью мурашок к мужику зашел, овернулся парнем и говорит:

— Ну вот, отец, завтра приведет старик шесть голубов. Ты гляди по ногам. У меня один ноготь все будет глядеть прочь.

Ну, на утро мужик пошел к старику. Вывел ему старик шесть голубов. Мужик раз прошел и другой прошел.

— Этот мой, — говорит.

— Ну, завтра третий раз придешь, тогда уведешь сына.

Ну, ладно, хорошо, ночь пришла, прибежал мураш.

— Ну вот, отец, завтра приведет старик шесть петухов. Насыплет жита, мы будем есть жито, и мы станем промеж себя придираться, а я стану всех выше скакать, никто меня перемочь не сможет.

Вот мужик пошел к старику. Вывел ему старик шесть петухов, насыпал петухам жита. Стали петухи подираться, один выше всех скакает. Старик посмотрел.

— Этот мой, — говорит.

— Давай нынче веди своего сына, если узнал.

Овернул его целовецьим побытом и послал с отцем. Долго ле, коротко ле жили, старик и говорит:

— Давай, сын, пойдём дрова секци.

Секут они дрова, а прилетел ворон и всяко ревет-разговаривает. Сын и говорит:

— Отец, ворон говорит, да такое, что сказать нельзя. Ты осердишься и меня из дому выгонишь.

— Ну, дикой сын, ворон всяко ревет, а я сына с цёго выгону? Цё он говорит-то?

— Он говорит, ты остареешь и будешь мне ноги мыть, да воду пить.

Старик плюнул.

— Тьфу, до того ле я доживу! Пойди из глаз, пойдя, такой сякой сын!

И выгнал сына.

Шол-шол парень и подумал: «Я пойду, отец-мать будут голодом сидеть, уж лучше я вернусь домой». Зашол в избу и говорит:

— Отец, в огороде у тебя ходит рыжий конь. Ты выйди на улицу возьми его да продай за сто рублей. Будут у тебя просить повод, а ты повод не давай, скажи — себе нужен.

Ну, парень выскоцил за огороду и овернулся рыжим конем. Старик коня взял, пошел продавать и стретил того самого старика.

— Здравствуй, старик.

— Здравствуй.

— Продай лошадь за сто рублей.

Тот и продал без повода. Вот старик лошадь ведет за гриву. Подошел к своему дому и заревел:

— Эй, старуха, принеси мне повод и железну плеть!

Прибежала старуха, стала повод подавать, а лошадь дернула, да и вырвалась, да и убежала, только курь стоит. Ну, старик и разгорячился. А парень овернулся человеком, пришел к отцю и говорит:

— Вот, отец, у тебя в огороде ходит серый конь. Иди продай, только повода не продавай.

Старик пошел коня продавать, встретил того еретика.

— Здорово, мужик.

— Здорово, старик.

— Продай коня за двести рублей.

Старик и продал коня без поводу. Тот привел коня к своему дому и заревел:

— Неси, старуха, железну плеть!

А конь дернул и убежал!

Долго ле, коротко ле жили, этот парень опять пришел к отцю-матери.

— Эй, отец, у тебя в огороде ходит вороной конь. Иди, продай, только повода не продавай.

Овернулся парень конем вороным, тельным, хорошим. Пошел старик коня продавать, встретил того еретика.

— Продаешь коня?

— Продаю.

— Сколько хочешь?

— Триста рублей.

— Ну ладно, хорошо, бери.

Тот и стал повод снимать.

— Нет конь-то с поводом продается.

А отец и позабыл.

— Ну, ладно, надо, дак и с поводом бери.

И продал с поводом.

Ну старик привел коня домой и ревет:

— Эй, старуха, неси железну плеть!

Старуха и принесла железну плеть. Старик заско́цил на лошадь и поехал по цисту полю, только курево стоит. И плетью железной его стегает, вороны бока окровянил. Доехал он до избушки.

— Стань, избушка, ко мне воротами, к лесу окна́ми.

Взял лошадь, повесил на конек, задни ноги одва на землю хватаются. Зашол старик в избушку. Там его сестра живет. И стал старик хвастаться:

— Вот, сестра, раздобыл я парня, хитрой науке обучен. Этот парень хитрей меня стал. А теперь я его за коня купил, до кости плеткой зашибу. Он три раз меня обманул, теперь ему на свете не жить. Я повесил его на конек, одва задни ноги за землю хватаются.

Ну, старухе неловко стало на уми. Она взяла нож, на улку выбежала и вязку срезала. И побежал конь во всю прыть. Ну, забежала старуха в избу.

— Эй, брат, твой конь ушел!

Выскоцил старик на улицу, побежал за конем. Овернулся конь гагарой, а старик тетерником. Прилетела гагара на море, обернулась ершом. А старик овернулся щукой. Этот ерш зашол под камень, а щука вокруг камня ходит. Ерш и говорит:

— Охота тебе есть ерша, дак ешь с хвоста.

А щука и не может, и отступилась щука, и овернулся он человеком и пошел домой. А ерш поплыл. На море царска дочь воду брала, и зашол ерш в чарской дочери *түес*, и овернулся кольчом. Увидала чарска дочь в туесу кольчо, взяла, на руку наложила — так красиво, как бы тут и было.

Легла дочь спать, а с полночи разбудилась, а в горнице свет сияет.

Она поворотилась и видит, что коло ей спит молодец, такой бравой молодец, красивой, румяной. Она ночь ночевала с им. Утром разбудилась, никакого парня нет. А на руку взглянула — на руки кольчо.

Вот и вторую ночь она спать легла. О полночь засиял свет, она проснулась, коло ей молодец. Ну, ночь обночевали, а утресь — нет молодца, на руки кольчо.

На третью ночь она парня того пошевелила. Пошевелила да и разбудила. Он встал и говорит:

— Ты меня отцю-матери не сказывай, а придет старик, будет просить у твоего отця кольчо. Они станут тебя спраши-

вать, станут тебя до слез доводить. Ты кольцо на пол строни. Это кольцо на семеро утинок выломается. Ты седьмой утинок ногой топни, а шесть утинок старик будет есть.

Утром пришел к царю богатый купечь.

— Я, — говорит, — царь, вольный человек, стронил на песок золото кольцо. А твоя доци его подняла. Так нельзя ле мне его назад обрать?

Царь и говорит:

— Царски дочи не вороваты. Если она взяла, она и назад отдаст.

Позвали чарску дочь. Она и говорит:

— У меня свое кольцо на руки, как и век было.

А они и стали ее спрашивать, стали до слез доводить. Под-скоцил тот молодой купець, схватил ее за руку, стал ей руку растягивать. Она взяла золото кольцо и на пол стронила. Разломалось кольцо на семь утинок, она седьмую утинку ногой топнула. Овернулся купец большим петухом, стал те утинки глотать. Глотал-глотал, на последнем утинке он и задавился. Тут и лопнул, тут и пропал старик. А она из-под ноги взяла седьмой утинок и пошла в горницу и утинок на подушку положила и легла спать. Вот о полночь стал в избе свет. Она проснулась, и лежит около ей молодец бравой, высокой и красивой. Ну, ночь прошла, и они овенцелись и стали жить.

Ну ладно, хорошо, год живут и другой живут, тут и царь помер и поставили молодца царем. Он год жил, другой жил и стоснулся по родной стороны. Он поехал к отцю-матери, а отец-мать слепы стали, одва живы. Вот он их посадил в золоты кореты и привез к себе во дворец. И где царь спит, тут они и живут. Вот раз царь ноги вымыл и таз у пецки поставил. А ночью старик сильнё дело пить захотел и шарил-шарил, таз нашол и воду выпил. А царь говорит:

— Кто ле там в тазу шевелит!

А старик говорит:

— Я сильнё пить захотел, воды испил.

А царь соскоцил и говорит:

— Вот, я тебе сказывал, что ворон ревел, я ведь в этой воды ноги мыл, а ты эту воду пил. Вот и вышло по-вороньему.

Вот и вся сказка.

166. Рукавичка

Жили-были царь и царица. У них не было детей. И вот це ле им помогли, дали им наговорной водици. Та царица воды выпила, да оступилась и ковш выломала. В ковшу воду сука долизала, и обе они враз понесли. Родила царица Ивана-Царевича, а сука родила Онику -- Сукина сына. И они растут и все друг другу говорят: «Ты мне брат, ты мне любимый брат».

Ну, Иван-Царевич вздумал жониться. И они слыхали про красоты Марфы-Царевны. Ну, лажно-хорошо, и поехали к ей свататься. И зашли в избу, и их расспрашивают, они и говорят:

— Один из нас Иван-Царевич, а другой Оника — Сучий сын.

А Марфе-Царевне Оника больше глядится. Она и говорит:

— Я за этого Иван-Царевича враз пойду.

А Иван-Царевич говорит:

— Ты, Марфа-Царевна, обшибочку дала. То Оника — Сучий сын, мой любый брат.

Ну, Марфа-Царевна и разгорячилась. А Иван-Царевич на ей обзарился. Вот они вышли на улку. Иван-Царевич на крыльцо сел, а Оника — Сучий сын на задворки пошел. Подбежала к ему собацка.

— Оника — сучий сын, прочь пойдн: Марфа-Царевна икóтница. Она вас со свету сживет.

Стал Оника — Сучий сын Ивана-Царевича упреждать, а Иван-Царевич не послушался и на Марфе-Царевне обжонился.

Вот приехали они в свое царство. Стали их спать валить, а Оника и говорит:

— Иван-Царевич, она на тебе ногу бросит, а ты скажи: «Я пить хочу» — и прочь уйдн, а то она тебя задавит.

Вот они легли спать. Она на него ногу бросила, а он говорит:

— Я пить хочу.

И ушол от нее. А Оника зашол и стал ее вицею стегать. Стегал-стегал и говорит:

— Будешь ли еще?

Она говорит:

— Нет, не буду.

Он ушел, а Иван-Царевич пришел и лег спать. А она думает, что ее муж стегал. На другую ночь Оника ему и говорит:

— Ох, Иван-Царевич, она на тебя руку накинёт, а ты скажи: «Я сцеть хочу», а то она тебя задавит.

Лег Иван-Царевич спать, а она на него руку накинула. Он еле выбился и говорит:

— Я сцеть хочу.

И вышел прочь. А Оника зашел и стал ее железным прутком стегать. Стегал-стегал и спрашивает:

— Будешь ли еще?

— Нет, — говорит, — не буду.

Иван-Царевич пришел и лег спать, а она все думает, что ее муж стегает.

Ну, на третью ночь она на него титьку набросила. Он едва выбился и прочь ушел. Оника пришел и стал ее серебряным прутком стегать. Стегал-стегал да и спрашивает:

— Будешь ли еще задевать?

— Нет, — говорит, — буду покорливой женой. И все думает, что ее муж стегает.

Вот пошли они в байню мыться.

— Ой, Марфа Прекрасная, откуда у тебя на белом теле такие страшные рубцы?

А она говорит:

— Сам стегал, а теперь изголяешься.

А он говорит:

— Да я от роду бабы не стегал.

Она и подумала:

— То Оника — Сучий сын.

Вот она его и призвала:

— У меня, — говорит, — за круглой дверью вино стоит. Поди, Оника — Сучий сын, вина принеси.

Он круглу дверь отворил, и ему ноги отсекло, и он в темну пал. Он взял кремешок, высек огонек и увидел безрукого да безглазого. Они говорят:

— Ты откуда, Оника — Сучий сын?

А он говорит:

— Меня Марфа-Икотница бросила, ноги отсékла.

А они говорят:

— И нас Марфа-Икотница бросила, обезручила, обезглазила.

Ну, они и стали рыть. Рыли-рыли, на свет вырылись, и стоит на свету коляска. Сел безногий, безглазого запрягли, а безрукой бежит сзади да:

— Право-лево, право-лево.

Прибежали к старому дому, откуда Марфа-Икотница брана, а там друга икотница, ейна сестра, живет. Один стал у окошка, а два у двери. Вот икотница бежит, а они ее захватили, стали ее оловянным шомпором дуть. Дули-дули, оловянный шомпор сломался. Они стали медным дуть — медный сломался. Они стали серебряным дуть — и серебряный сломался. А она ревет:

— Больше не троньте, я вам велико добро сделаю!

Ну, и повела их к колодцу, чтобы их с руками, с ногами сделать. А Оника — Сучий сын схватил вороненка и в колодец бросил. Тот колодец полымем вспыхнул, вороненка сожог. Они говорят:

— Ты, икотница, нас сожечь хотела!

Да давай ее золотым прутом бить. Били-били, она кричит:

— Отпустите живу, я вас в другом колодце исцелю!

И поехали к другому колодцу, и безногой выпил — и стал с ногами, и безрукой выпил — и стал с руками, и безглазой выпил — и стал с глазами. А они икотницу в первой колодец бросили, она и загорела, пепелком стала. А они трое и дальше пошли.

Оника — Сучий сын забыл рукавичку у колодца и пошел за ней. Ну, сидят на колодце двенадцать девиц-голубиц, плачут, лапками утираются. Он говорит:

— Не видали ле здесь богатырскую рукавичку?

А они говорят:

— Ты, Оника — Сучий сын, нашу мать сожог, рукавичку загубил, так и быть тебе с рукавичку.

Он и стал мужичок с рукавичку. Пол-четверти два шага идет. И пошел он прочь, об травинки спотыкается.

Шол-шол, стоит изба, и для него высока лестница. Он на эту лестницу два года взбирался и забился до дверей. А тут кот идет и все двери открыл. Оника — Сучий сын в дверь зашел, а там стоят двенадцать столиков да двенадцать кроватей. Он наелся, напился, на кроватках повалялся и под печку забился.

Прилетели девицы-голубицы, хлопнулись об пол и стали девицами. Наелись, напнулись, на кроватки повалились. Ну вот, ладно-хорошо, а старшая сестра и говорит:

— Ты мне, младшая сестра, налей молока, я с утра пить захочу.

Ну вот они и заспали. Оника — сучий сын молока захотел. «Я,— говорит, — давно молока не пивал». Он вышел из-под печки да и стал молока пить, да и мырнул в кружку да и стал по молоку плавать. Потом из кружки вылез и под печку забился. А та старшая сестра утром выпила молока и сына понесла. Сын под печку придет и указывает:

— Эко, мама, там наш отец сидит!

Она взяла крюк и его вытащила. Она спрашивает:

— Ты кто такой?

А Оника — Сучий сын не будь прост:

— Я, — говорит, — заезжий богатырь.

А она говорит:

— Ты сказал: богатырь, дак и будь богатырем.

Он и стал богатырем пуще прежнего.

А его сын растет не по дням, а по часам. Ну вот, ладно-хорошо, они взяли богатырских коней и поехали к Ивану-Царевичу. А Ивана-Царевича на царстве нет, и Ивана-Царевича во дворце нет. Его Марфа-Икотница поставила сто свиней караулить. Пришел к нему Оника — Сучий сын, а Иван-Царевич всех свиней через каждый руцей на руках переносит. Тут Оника — Сучий сын взял богатырский меч, всех свиней побил-порубил, а у Марфы-Икотницы от свиней силы теряются. Как убили последнюю свинью, тут она пала и пропала. И пошли они домой и стали жить-поживать да добра наживать.

167. Турандай

Жил-был мужик. У него были три сына. Ну ладно, хорошо, жили-поживали, выросли до возрасту. Вот мужик бабе и говорит:

— Напеки, баба, хлеба, изладь подорожников.

Напекла ему баба хлеба. Посадил старик старшего сына в повозку и стал возить, да не будет ле на што горазд. Вот возил-возил по лесам, по горам, по болотам, по мирской дороге. А тот увидел цисто место и говорит:

— Вот, батюшко, како местецко хлеб сеять.

— А, — говорит, — на то горазд.

Домой завез и говорит жене:

— Этот будет у нас пахарить. Хлебом, це ле, будет нас кормить.

Ну, повез второго сына. Возил-возил, всяко место возил, да привез в большой зеленый лес. Тот посмотрел да и говорит:

— Эх, какой лес хороший. Этот бы спилить да карбас строить.

Ну, он привез домой да и говорит:

— Этой будет у нас рыбалить. Будет нас рыбой кормить.

Ну ладно, хорошо, повез и третьего сына, Турандая. Возил-возил, по городам возил, по селам возил и всюду возил и никак пользы нету. Ну, едут по мирской дороге. А тут царских оленей на вязках ведут, и у каждого быка свой прислужающий, Турандай вскоцил.

— Эх, — говорит, — батюшко, это бы украсть само лучшего быка.

— Эх, ты, — говорит, — вор-Турандай. Сказнит ведь нас царь.

— Не сказнит, то моя забота.

Ну, выбрал последних людей простых да увел быка, да в лесу убил, да холку срезал, да с собой взял. А быка бросил. Приехал домой, холку сварил, бабу-деда накормил. Пили-ели, сколько-хотели. Ну, ночь проходит, царь призывает:

— Це, старик, твой сын Турандай у меня оленя украл?

— А це с им делать, царь — вольный человек? Украл.

— А це с быком сделал?

— Холку срезал, да нас с бабой таково скусно накормил.

— Ну, завтра пусть второго украдет быка, а то голову сказню.

Старик пошел, зацепелился. Стрету сын идет.

— Це, батюшко, печальный идешь?

— Как, дурак-Турандай, не печальной? Царь велит второго быка скрасть, а то голову сказнит. Вот како дело дурак сделал.

— Ницего, — говорит, — это мое дело, моя печель.

Ну, он пошел в лес, надрал бересты, надрал бересты и сапог сошил и выколотил его как надо. Вот пошел на мирску дорогу и сапог бросил, а сам за кушь сел. Вот ведут быков, и у каждого быка свой прислужающий. Они сапог увидали да и говорят:

— Вот сапог-то красивый, куда боле? Да што он одинокий. Чо ле дело один сапог. Было б два, так царь бы нам хорошу награду дал. Такой хороший сапожок-то.

И пошли дальше. А он забежал вперед да той сапог и бросил на мирску дорогу перед ними. Они увидели и сбеглись и говорят:

— Вот второй сапог лежит хорошенькой. Нать за первым бегить.

Вот один говорит:

— Я не пойду.

И второй говорит:

— Я не пойду.

И третий говорит:

— Я не пойду.

Да и побежали вдруг. А он выскочил да быка само лучшего схватил, да холку срезал. Домой пришел да холку сварил, да отца-матерь хорошо накормил. Ели мяско быково. Ну, старик все боится, все дрожит, что царь казнить будет. Ночка проходит, утро приходит, царь старика призывает.

— Це, — говорит, — дедко, твой сын Турандай у меня быка украл.

— А це с им сделаешь, царь — вольный человек?

— А це он с быком сделал?

— Холку срезал, да домой принес, да сварил, да нас с бабой накормил. Таково мы сытно поели.

— Ну ладно, хорошо, он хоть поворовывает, да отца с матерью кормит. Ну, если он быка моего само лучшего украл, пусть из-под нас ночью перину украдет. Ежели украдет, награжу вас, а если не украдет, сказню вас.

Ну, старик пошел, зацепелился. Стрету ему сын.

— Це печальный, батюшко?

— Вот дурак, царь сказнить хочет, надо перину у их украсть.

— Ну, это, — говорит, — мое дело.

Взял платье сшил, как у их караульных. Пришел, караульного сменил.

— Твой, — говорит, — час вышел.

Ну, он этого, другого сменил, так дошел до самой их кровати. Взял с собой туесок раствору из квашни. Вот он слушает: спят, це ле? — Спят, слышит. Ну, он подошел и промеж их раствор из туеска вылил. Царь повернулся и упачкался.

— Цариця, цариця, — говорит, — ты одристалась. А та повернулась и говорит:

— Нет, — говорит, — не я одристалась, а ты одристался. Ну, тут они поспорились. Царь говорит:

— Эй, караульный, тут у нас такое дело вышло, что мы одристались. Так нельзя боле перину поцистить?

— Можно, царь — вольный человек.

Да взял перину да понес к себе домой. Сам лег на перину, отца-мать пригласил на перину. Ночь проходит, утро приходит, царь старика призывает.

— Це, старик, твой сын Турандай у меня перину украл.

— Це с им сделать, царь — вольный человек.

— А це он с ей сделал?

— На пол разложил да лег, да нас пригласил, да мы со старухой легли да так сладко никогда не спали.

А как раз у царя за столом сидит архиерей и говорит:

— Ах, каки люди неопытны, а еще цари. Я бы тут и поймал.

Ну, царь и разгорячился.

— Ну, старик, если твой сын надо мной насмеялся, дак пусть как ле над архиереем насмеется. А то сказню вас.

Пошел старик домой, зацепелился. Стрету ему сын.

— Це печальный, батюшко?

— Дурак-дурак, Турандай. Царь сказал, если над архиереем не посмеешься, так сказнит нас.

— Ну, это мое дело.

Взял купил белого коленкору, сшил себе белу одежду, сделал крылья белы да лубяной короб. Да во всем белом к архиерею постучался. Архиерей вышел на крыльцо.

— Кто есть здесь?

— А я ангел божий в своей коже. Ты, архиерей, уготован, я тебя на небеса возьму.

«Вот, — думает архиерей, — недавно и молиться начал, а уже на небеса уготован. Великой я жизни есть человек». Посадил его вор-Турандай в короб, завязел навязку и говорит:

— Я принесу только четверть в колокол ударять. Будет тебе три мытарства, будешь в небесном царстве.

Ну, он и занес его на колокольню, на грядку повесил колокола и раз в колокол ударил.

— Ангел божий, ты уже четверть пронес.

— Да, пронес.

И написал на том коробу: «Кто первый на колокольню вздынется, пусть тот короб палкой избьет да два раз в колокол ударит».

Ну, стал день. Пошел пономарь на колокольню, увидал, виснется короб и на ем надпись. Пономарь взял да тот короб палкой избил. Архиерей одва жив, а сам говорит:

— Это, ангел божий, мои мытарства.

А пономарь два раз в колокол ударил. А архиерей говорит:

— Батюшка, евангелис, далеко ле до небес?

Пономарь испугался, вон скатился, к архиерею побежал. А архиерея дома нет. Побежал пономарь к царю. А царь сейчас все понял, на колокольню взошел, архиерея из коробу вынул.

— Ты, — говорит, — бахвалилсе, што над тобой Турандай не посмеется, а сам в коробу сидишь.

А архиерей одва живой. Ну царь старика и старуху и вора-Турандая наградил.

168. Голь-Голянской

Жил-был вольный человек, мирской бродяга. Жил, а у него житья-бытья не было. Вот один раз он искупался и нагой лег под кустик и маленько начал позасыпать, да стал его кто ле пошевеливать. Он посмотрел, а столько на нем оводов и комаров и всякого гнусу налепилось. Он сосчитал, а на нем тридцать три овода. Он взял ветку зелену, себя хлопнул, тридцать три овода убил. Он взял кобыленку худящу и поехал в город. К городу приехал, на столб написал: «Вот приехал Голь-Голянской, сын крестьянский, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря, а мелких без числа». *(Это комаров-то.)*

А как раз едет богатырь, смотрит, на столбу надпись: «Вот приехал Голь-Голянской, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря, а мелких без числа».

— Поеду-ко я, посмотрю, какой ле богатырь.

Сам сзади едет, а сам ревет:

— Голь-Голянской, возьми меня в товарищи.

— Волокись сзади.

Сам Голь хоть на кривой едет да похвастывает. Тот сзади и поволокся.

Вот проехал мимо того города другой богатырь и прочитал:
«Вот приехал Голь-Голянкой, сын крестьянской, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря, а мелких без числа».

«Ну, — думает, — поеду, посмотрю, какой ле богатырь».

И поехал настигать. Видит, едут двое, и ревет:

— Эй, Голь-Голянкой, возьми меня в товариши.

— Волокись сзади.

Ну, доехал до городу, и Марфа Прекрасная на царстве была. Богатыри раздернули белы-шатры, а он поставил рогозиной. У их ходят богатырски кони, у его худюща кляча.

Он и посылает первого богатыря:

— Ты пойдь к царице Марфе Прекрасной меня осватать, а если не дадут, пусть наложат три воза золота.

Ну ладно, хорошо. Пошел богатырь к Марфе Прекрасной.

— Сватается за тебя Голь-Голянкой, сын крестьянский, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря, а мелких без числа.

А она говорит:

— Царской дочери без боя не сватают. У меня свои богатыри есть, на закрепу дядя сидит. Пусть Голь-Голянкой, сын крестьянской поправится.

А Голь-Голянкой говорит:

— Это для меня не поединщик, это для младшего брата на одну долонь.

Послал Голь-Голянкой напротив дяди первого богатыря. Тот богатырь этого дядю убил, Голь-Голянскому голову принес. Голь-Голянкой говорит:

— Пойди, второй богатырь, к Марфе Прекрасной гораз меня сватать.

Пришел к Марфе Прекрасной и говорит:

— Сватается за тебя Голь-Голянкой, сын крестьянский, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря, а мелких без числа.

— Нет, — говорит, — царской дочери так не сватают. У меня на закрепу свой богатырь есть. Пусть Голь-Голянкой с им правдается.

А Голь-Голянкой говорит:

— Это для меня не поединщик. Пусть с им правдается младший брат.

Второй богатырь пошел в цисто поле, убил поединщика, голову принес.

— Ну, иди, первый богатырь, за меня свататься.

Он пошел к Марфе Прекрасной и говорит:

— Сватает тебя Голь-Голянской, сын крестьянский, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря, а мелких без числа.

— Нет, — говорит, — у меня еще есть дядюшка, на крепку сидит, ему ваши богатыри на одну долонь. Пускай Голь-Голянской с им правдается.

Ну ладно, хорошо, дело стало выезжать самому пора. Его-то страх берет. Он глаза завязал, чтоб не страшно было, да худящу лошаденку взял, в цисто поле поехал.

А Марфа Прекрасная девку позвала и говорит:

— Ты доспей, посмотри, как они там сряжаются да как ехать будут. Одва ле всех богатырей у нас поубивают. Нать их силу узнать.

Та девка доспела и говорит:

— У его глаза завязаны и худяща лошадь брана.

Тут Марфа Прекрасная своему богатырю именным платком глаза завязала, на худящу лошадь его посадила и поехали они правдаться. По цисту полю ездют, друг друга заимить не могут. А Голь-Голянской все думает: «Чтой, я ле жив еще? Что это меня не убивают?»

Ну ладно, хорошо, он платок привздынул, видит — едет богатырь: глаза завязаны на худящей кляче, одва на кони держится. Он и заревел:

— Ой, чо ле время проводить — убивать буду.

Взял да ему голову ту и срубил. Приезжает в свой шатер рогозиной.

— Подьте, обы богатыри, за меня царевну осватайте. А не пойдет, дак пусть даст тройку лошадей и золота три воза, а то весь город разорю, всем головы порублю.

Оба богатыри пошли к Марфе Прекрасной и говорят:

— Сватает тебе Голь-Голянской, сын крестьянский, липовы ресницы, моржова борода, убил тридцать три богатыря, а мелких без числа, а не пойдешь, дак дай тройку лошадей и золота три воза.

Она и дала тройку лошадей и золота три воза. Он это золото на три цасты разделил и дал тым богатырям и себе

взял и домой приехал и стал жить-поживать, одва ле и сейчас живет.

169. Иван-царевич и якута

Жил-был царь — вольный человек, и были у него три дочери да сын, Иван-царевич. Вот царь стал помирать и говорит:

— Иван-царевич, есть у нас три дочери. Кто первый придет свататься, ты не отворачивайся, пусть сестер берут.

Вот он и помер. Ну ладно, хорошо. Вот остался Иван-царевич, вот начал жить и стал царить, но очень ему отца жалко, очень ему прискорбилось. Он взял позвал своих слуг.

— Слуги верные, неотмерные, запрягайте мни коней, давайте кучера.

Он взял и поехал с кучером кататься и заехал на высокий хребет и увидел с вдоль хребта золотой мужик едет. Иван-царевич говорит:

— Вороти, кучер, скорей, вези домой живей.

Скорой ногой домой уехал, на стул сел царь и царску корону надел. Ну вдруг пых в комнату золотой мужик.

— Здравствуй, Иван-царевич.

— Здравствуй, золотой мужик. Куда правишься?

— Есть у тебе, Иван-царевич, сестра старшая. Не возьму ли замуж? — Покажи, — говорит, — сестру. Понравится — возьму а не понравится — и силком не запихаешь.

Ну ладно, хорошо. Показал Иван-царевич сестру. Ну, це ле понравилась. Ну, золотой мужик торопит и веселым пирком да за свадебку. Ну, сколько хотели, пили и ели, угощались. Вот все еще пируют, а молодых спать повалили. Сколько пировали, утресь встали. Иван-царевич пошел молодых будить. Вошел в комнату, раздернул завесы шелковые, вздынул соболины одеяла — никого нет, ни сестры, ни зятя. Тут он совсем запечалился-закручинился: отдал сестру и не знат за кого, и не стало ни зятя, ни сестры.

Ну ладно, хорошо, вот опять год жили. Жил-жил и совсем прискорбился. Ну, позвал он слуг.

— Слуги мои верные, безотмерные. Запрягайте мни коней лучших в корету серебряну, я поеду кататься, горе забывать.

Ехал-ехал и заехал на высокой хребет. Выгленул на западную сторону. Видит — идет золотой мужик, золотым посохом

подпирается. Иван-царевич домой скорей уехал, на стул сел, царску корону одел. Вдруг пых в комну золотой мужик.

— Здравствуй, Иван-царевич.

— Здравствуй, золотой мужик. Куды правишься?

— Есть у тебя средняя сестра. Покажи-ко мне, — говорит. Понравится — замуж возьму, не понравится — силком не запихаешь.

Очень Ивану-царевичу скучно стало; и отцу не хочет обедно сделать, и втору сестру жалко. Ну, делать нечего, позвал среднюю сестру. Она и понравилась. Золотой мужик и говорит:

— Мни не до гощенья, не до угощенья, мни веселым пирком да за свадебку.

Ну, стали пир пировать. Кто есть, кто пьет, кто песни поет. А молодых спать повалили. А Иван-царевич им хрустальный терем отдал да спать повалил, да на замок замнул, двери-окна запер. Ну, утресь пошел Иван-царевич молодых будить. Замок отом-нул, двери по́лы стали, завесы шолковы раздернул, собольи одевальницы раскрыл — нет никого, ни сестры, ни зятя названного. Тут уж он пуще зацепелился, закручинился. Ну ладно, хорошо.

Год живет и другой живет и совсем загорювался: отча нет, две сестры нивесть где. Скуцал-скуцал, одва не помер. Взел и поехал с кучером кататься. И заехал на высоченной хробет и увидел — идет золотой мужик, золотым посохом подпирается. От его пламя валит, искры сыпятся. Ну, Иван-царевич коней заворотил, домой поехал, на стул сел, царску корону надел. Пых в комну золотой мужик. Искры сыпет, пламя валит.

— Здравствуй, Иван-царевич.

— Здравствуй, золотой мужик. Куда путь держишь?

— Есть у тебя, Иван-царевич, младша сестра. Покажи ее. Понравится — замуж возьму, не понравится — силком не запихаешь.

А Иван-царевичу неохота показывать и неохота родительско слово преступить. Ну, думал, думал, горевал, да и показал сестру ту. Ну, а сестра це ле понравилась. Ну, золотой мужик торопит, свадьбы ждять не хочет. А Иван-царевич их спать повалил в железну башню, в железну башню без окон. Дверь замнул, ключ спрятал, стражу у двери поставил и говорит:

— Чтоб никто не смел войти и выйти до утра, пока я пройду.

Ну, утро стало, Иван-царевич пошел и говорит:

— Что, стража молодецкая, никто не шол, не выходил?

— Никто, Иван-царевич, до тебя не шевелился. Отомкнул Иван-царевич двери железны, раздернул завесы шелковые, отогнул одеяльца собольи — никого нет — ни сестры, ни зятя названного. Пропала сестра. То ле отдал за мужика, то ле за быка. Ну, вот хорошо, запечалился Иван-царевич.

— Теперь я от своего дома ошарюсь, — говорит. — Це мни-ко в пустом доме делать. Ни матери, ни отца, сестер поотдавал не зна за кого.

Ну, напекли ему подорожничков, он и пошел. Ну, шол-шол, все заел, стал питаться мохом да гнилой колодинкой. Тут како дело пришло, одва не пропал и говорит:

— Одва я не пропадаю. Дал бы мни кто пици, отокрыл селище.

И стал вдруг медный город. Иван-царевич пошел в город и видит дом каменный. Зашол в дом и идет старшая сестра.

— Це ле ты, братец, сюда попал? Здесь чорны вороны не летают, добры молодцы не ходят. Сейчас прилетит мой муж Орел-Орлович, будет голоден — тебя съест и меня убьет.

Тут она его оборотила булавкой и заткнула в стену. Налетел тут шум и гром, впорнул в комну Орел-Орлович.

— Фу-фу-фу, тут русським духом пахнет. Давай исть, жена, а то тебя съем.

Съел он шесть быков, да шесть кулей хлеба, да шесть бочек вина выпил и стал смирней. Ну, тут ему жена и говорит:

— А что, Орел-Орлович, если б мой братец богоданный к нам пришел? Что ты станешь с им делать?

— А что делать, жена? Есть у меня шесть лавок торговых, шесть анбаров кладовых, стали бы пить-гулять трое суток.

Тут она его и вынела из стены, в пол бросила, он и обернулся добрым молодцем. Орел-Орлович дал ему платье красное, и они пошли гулять.

Трое суток пили-ели сколько хотели, на четверты сутки Иван-царевич опять дальше походит. Дал ему Орел-Орлович золото кольцо.

— Це ле тебе надо будет, перебрось, Иван-царевич, с руки на руку кольцо, все тебе будет.

Ну, взял его Орел-Орлович на крылья и понес. Нес-нес-нес, донес до межи.

— Тут, — говорит, — носить моим силам нету. Прощай, це ле, Иван-царевич.

Ну, Иван-царевич и пошел. Шол-шол-шол, до чащи дошол. Все приел, стал мохом да гнилой кокориной питаться, одва не пропал.

— Господи, — говорит, — дай мне пищи, открой селище.

И вдруг открылся серебряный город, и стоит серебряный дом. В том дому сидит средняя сестра.

— Це ты, братец, куда ле зашол? Тут и черный вороне не летывал, добрый молодец не хаживал. Прилетит мой муж Маговой Маговеевич, тебя убьет и меня съест. Овернула она его полотенцем и на спицку повесила. Прилетела птица Маговой-Маговеевич. Восемь бочек вина выпила, восемь кулей хлеба съела, восемь быков сожрала и стала спокойней. Сестра его и спрашивает:

— Муж мой любезный, Маговой Маговеевич, если б мой братец сюда пришел, це ты с им делать будешь?

— А це делать? Есть у меня двенадцать лавок торговых да двенадцать анбаров кладовых. Будем шесть суток гулеть.

Она Иван-царевича и выпустила.

Стали-т они шесть суток гулеть, ели-пили сколько хотели. На седьмые сутки подходит Иван-царевич дальше. Дал ему Маговой Маговеевич золотой платок.

— Если, — говорит, — цего захочешь, махни через правое плечо — все тебе явится.

Ну ладно, хорошо. Пустил его Маговой Маговеевич у межи.

— Дальше, — говорит, —моей силы нет тебя нести.

И пошел Иван-царевич дальше. Шол-шол, до всего доел, стал питаться гнилой колодинкой, одва не пропал. И вдруг стал золотой город. Среди городу золотой дом. Зашол Иван-царевич в тот дом, вышла младшая сестра. На столе ни питива, ни едева. Они так с сестрой и схватились. Она плачет, говорит:

— Це ле ты, братец, зашол сюда? Сюда черный ворон не летывал, добрый молодец не хаживал. Прилетит мой хозяин Змей-Горыныч, тебя съест.

Тут налетел Змей-Горыныч, на крыльцо стукнул, дом с угла на угол заплясал. Она Ивана-царевича сейчас запрятала. Змей-Горыныч девять кулей хлеба съел, девять быков матерых ожрал, девять бочек вина выпил. Она его и спрашивает:

— Если братец мой ко мне придет, це будешь с им делать?

— А це делать? Есть у меня двадцать лавок кладовых, двадцать анбаров торговых, будем десять дней пить-гулять.

Ну, она Иван-царевича и выпустила. Ну, они и стали пить-гулять. Пили-ели, сколько хотели. Ну, Иван-царевич и говорит:

— Пойду я теперь искать богосуженую мою.

— Твоя богосуженая — наша сестра, Якута-царевна — золотая грудь. У ей на лице *ситочка*. Кто эту ситочку не вздынет, тому живому не быть, а кто вздынет, тот ее замуж возьмет.

Ну, Змей-Горыныч донес Ивана-царевича до межи и дал ему золотой гребень.

— Будешь, — говорит, — голову чесать, что подумаешь, все тебе явится.

Ну ладно, хорошо. Пошел Иван-царевич дальше. Шол-шол, дошел до городу злотого. Все дома в два-три этажа, а Якута-царевна сидит на четвертом этаже. У ней много слуг и прислуг, у ей тельфоны идут, и она все слышит. У Ивана-царевича слуги спрашивают:

— Здравствуй, Иван-царевич. Куды правишься?

— А иду искать свою богосужену, Якуту-царевну — золотую грудь.

Она все слышит и спускает золоту зыбку на резинах. И подняла его к себе в четвертый этаж. Сидит Якута под золотой ситкой, и он ее не видит, а она его видит, и друг друга слышат.

— Здравствуй, — говорит, — Иван-царевич, ты мой богосуженый.

Стала она его угощать. Пили-ели, сколько хотели. Она его на золоту кровать повалила. Он только лег, а кровать зголо-вьем повернулась да покривилась, и он пал в темный подвал, пал в темный подвал и, слава богу, не вередился. Да кругом темно, и народ крысят. А куда ни двинь, всюду тулова всяки. Видит Иван-царевич — плохо дело его, одва ле не пропал. Вынул золотой гребень, стал волосы чосать да и подумал, как бы тут свет стал да всяка сяцина. И стал свет. И много тут народу всякого — и побитых, и убитых, и есть которы целые. Ну ладно, хорошо. Сейчас взяли всех мертвецов, в другое помещение снесли, а тут оцютились столы и питево, и едьево-угощенье всякое. Они все и загулели и завеселились, пили-ели, сколько хотели. А Якута-царевна в половицку смотрит.

— Это це ле дело? Давай достать мне Ивана-царевича. Выздынули Ивана-царевича. Она и говорит:

— Иван-царевич, ты ле сделал тако дело, что вси в подвале загулели, завеселились, и свет там стал, и питево и едьево?

— Я, — говорит. — У меня есть золотой гребень. Станешь голову чосать, что подумаешь — все тебе будет.

Якута-царевна и давай гребень торговать. А он говорит:

— Не продажный гребень — оветной.

— А какой овет?

— До пуца заголиться, трижды вкруг повернуться.

Ну, она и думает: «Что ле мне с деревенщиной экой?»

До пуца заголилась, трижды вкруг повернулась. А он и на ногах не устоял, снова в подвал пал.

Лежал-лежал, вста, а кругом темно, народ крысит. Ну, он вынул золотой платок, пошел свет, угощенье, пили-ели, сколько хотели, и веселились. А Якута-царевна в половицу смотрит. Ну, призвала она слуг и говорит:

— Здыньте ко мне Иван-царевича.

Здынули Ивана-царевича, а она говорит:

— Иван-царевич, це ле ты это веселье сделал?

— Я, — говорит. — Есть у меня золотой платок. Махнешь через правое плечо, и будет, что хочешь.

Стала она платок торговать. А он говорит:

— Не продажный платок, а оветный. А овет на нем — до грудей заголиться и трижды вкруг поворотиться.

(А она все в золотой ситочке сидит, он ей в лицо не видит.)

Она и думает: «Эко мне с деревенщиной».

До золотых грудей заголилась, трижды вкруг поворотилась. Его так с ног и сшибло. Так и пал под пол. Ну, лежал-лежал, лежал-лежал без памяти. Прочухарился, вынул золото кольцо — и стал свет и угощенье, и питьево, и едьево, стали все гулеть. Сейчас Якута-царевна приказала Ивана-царевича вздынуть.

— Це ле ты сделал, Иван-царевич, в подвале весилье?

— Я, — говорит. — Есть у меня золото кольцо, с руки на руку перебросить — все тебе будет.

Сейчас стала Якута-царевна кольцо торговать.

А тот говорит:

— Не продажно кольцо, а оветно. А овет на ем — селково платье через голову снять.

Она и думает: «Це ле мне с деревенщиной экой?» Она и стала платье снимать, а золота ситочка мешается. Она и говорит:

— Кто ле бы мне помог? Да срамно слуг звать.

А он говорит:

— Давай, я помогу.

Стал ей платье селково сымать да золоту ситочку с лица сдернул. Она и заплакала.

— Эх, Иван-царевич, не сам ты меня поймал, мои братья помогли. Быть мне тебе верной женой.

Они повенцелись и стали жить-поживать.

*Сказкам конец — кривой жеребец, кому щука, а кому елей.
А меня теперь хоть на воротах расстреляй, — больше сказывать не буду.*

ПРИЛОЖЕНИЯ

КРАТКИЕ ЗАМЕЧАНИЯ О СКАЗОЧНИКАХ И СКАЗКАХ

Настоящие примечания не имеют целью дать исчерпывающий комментарий с привлечением всего огромного материала, относящегося к тому или иному сюжету. Их цель — очень скромно дать некоторый реально-бытовой комментарий с более или менее подробной (где это оказалось возможным) характеристикой сказочника и с указанием главнейших параллелей из русской сказочной традиции, преимущественно северной.

Мы не указываем всех параллелей в виду того, что это уже сделано в известном указателе Андреева (Андреев Н. Указатель сказочных сюжетов по системе Аарне. Л., 1929). К нему мы и направляем читателя, делая при каждой сказке ссылку на номер Указателя (например сюжет о чудесном бегстве. А н. 313). Иностраный материал мы не привлекаем вовсе.

СКАЗКИ

ЗАОНЕЖЬЕ

№№ 1–6. *Записаны в деревне Шуньга-Бор.*
от АННЫ АНТОНОВНЫ СЛЕПОЙ, 68 лет

Старуха-бобылка Анна Антоновна не имеет даже своей избы. Она живет по чужим домам, где отрабатывает свое пропитание тканьем и прядением. За зиму она обходит, из избы в избу,

почти всю деревню. Она слепа с тридцатилетнего возраста. Прозвище «Слепая» стало ее фамилией, настоящей ее фамилии уже никто не помнит. Анна Антоновна славится как сказочница. Ее постоянно приглашают на девичьи беседы специально для рассказывания сказок. За это она получает остатки угощения, подарки, а иногда и деньги. И в семье ее принимают особенно охотно, потому что зимние длинные вечера она заполняет сказками, не переставая к тому же прясть.

Таким образом Слепая является до известной степени сказочницей-профессионалкой, чем и обуславливается обширность и характер ее репертуара. Она рассказывает около двадцати сказок и не пренебрегает случаем увеличить свой репертуар. Когда при ней рассказывалась Исаковой сказка «Волк— медный лоб», Слепая слушала очень внимательно и переспрашивала несколько раз исполнительницу, желая, видимо, запомнить сказку.

Так как на девичьих беседах особенным успехом пользуется фантастическая сказка, репертуар Слепой и состоит главным образом из таковой. Печатаемые в сборнике сказки принадлежат к числу ее любимых: «Это я тебе красивые, старинные все сказываю, и другие есть, да те врак — не так хороши». Сказки являются для Слепой средством к существованию. Она также зависит от спроса на ее рассказы, как и от спроса на ее помощь при тканье и пряденье. Поэтому она боится невнимания аудитории к своему рассказу. Не видя выражения лиц, она постоянно спрашивает: «Слушаете, аль нет? сказывать ли?» Она дергает за рукав близсидящего, подчеркивая особо интересные места. Если на беседах ей кажется, что девушки устали, она оставляет рассказ и заводит песню или учит девушек старинной игре «уточке» и «заюшке» и остается желанным гостем на вечеринке и организатором веселья. Рассказывает Анна Антоновна медленно, певуче, очень интимно. С большим сочувствием относится к своим героям и требует такого же сочувствия от своих слушателей. Лицо ее, несмотря на слепые глаза, очень подвижно, но никакими жестами она не пользуется, может быть потому, что не выпускает из рук прялки, боясь, видимо, своих хозяев. Те, кстати сказать, несмотря на ее слепоту и старость, задают ей не малые уроки.

Психика Слепой целиком связана с прошлым, и отсутствие собственного хозяйства вызывает в ней только обостренное

тяготение к нему, как к недостижимой цели. Это отражается в ее сказках: к вопросам хозяйства она относится внимательно, подчеркивает его значение для отдельных персонажей

Так царь, отдав водяному «что дома не знает... домой поехал беспокойный. Вишь забота его берет по хозяйскому делу. Цего я, — думает, — дома не знаю?»

Так царевна, едущая в дом жениха, сокращая дорогу, сворачивает в чащу, потому что «ее забота берет поскорее к своему хозяйству притти» и т. д.

Для записи Слепая рассказывала очень охотно, несмотря на то, что запись шла ночью. Это не только льстило ее самолюбию, но она, видимо, сознавала, что наше внимание подымет ее репутацию в деревне и укрепит отношение к ней, как к выдающейся сказочнице.

ВАСИЛИСА ПРЕМУДРАЯ (№ 1)

Первая сказка, рассказанная Слепой, принадлежит к циклу сказок об обещанном сыне и магическом бегстве [А н. 313 С]. Эта сказка характерна для современного состояния заонежской сказки. Она значительно сокращена, но сокращения эти имеют довольно цельный и органичный характер. Обычно сказки и о магическом бегстве принадлежат к числу наиболее длинных и богатых подробностями и деталями. Слепая же рассказывает сжато, скупно, но очень художественно.

Как часто и в других сказках, Слепая не придерживается принципа троичности. Так обычно царь задает Ивану три задачи и сверх того предлагает выбрать невесту. У Слепой — только две задачи.

Затем в магическом бегстве обычно бывают три превращения — здесь же только два превращения.

Концовка сказки очень оригинальна и в печатных вариантах встречается только еще один раз, в записи Ончукова:

Иван-царевич оставляет жену у бабки-задворенки. Забывает о ней. Его собираются женить. Жена покупает ячмень, болтает его в горшке, выливает в печь. «А оттуль, из печи, вылетели голубок да голубка. Она в платок завернула, да на свадьбу и пошла. Пришла на свадьбу, да их из платка и выпустила. Голубь от голубки летать проць, а голубка и запела:

Не забудь, голубь, голубушки,
Не так, как Иван-хресьенской сын
Федору Премудру в цистом поли.

Заволновался народ и говорят: «Пóртеж, пóртеж». А он очусвовался: «Ой, я жинатой, отпустите меня». Вышел из-за стола, жону взял да и стали жить».

Интересно, что данная запись сделана в б. Онежском уезде Архангельской губернии, на территории, близкой к месту нашей записи.

ЧАРЕВНА — ЗОЛОТЫ КОСЫ (№ 2)

Вторая сказка — «Чаревна — Золоты косы» — принадлежит к циклу сказок о подменных невестах [А н. 533]. В большинстве сказок этого цикла подмену производит мачеха, выдвигая на место царевны свою родную дочь.

Слепая обильно вносит в сказку местные черты, расстилая между царствами лес, чащобу, лядины, болота, такие обычные в заонежском пейзаже. Заставляет царевну пасти коров на пожне и т. д.

Собственническое отношение к хозяйству старухи-сказочницы ярко выражается в том, что она заставляет царевну свернуть с большой дороги в чащобу, лишь бы скорее притти к новому хозяйству и взять его в свои руки.

Слепая дает в сказке замечательный зачин, предупреждая, что сказка опять про царя, «а чари теперь не в почет пошли», и спрашивая, будет ли собиратель записывать сказку «про чаря». Так преломилась современность и ее требования в уме старухи.

РОГА (№ 3)

Очень распространенный сказочный сюжет [А н. 566]. Его обычная схема: герой получает волшебные предметы, царевна овладевает ими; герой находит ягоды, от которых у царевны вырастают рога, и ягоды, придающие красоту; с помощью этих ягод он выручает у царевны свои предметы.

Сказочница, как всегда, сокращая сказку, отходит от обычной схемы. Ее герой не борется с царевной за обладание чудесными предметами, а просто наказывает ее за покушение на его жизнь и за неблагодарность.

Чрезвычайно интересна и социально заострена мотивировка измены жены. Она не хочет жить с мужем, потому что «она образованная, а он что? Мужик как есть».

Так же интересна психологическая сценка при лечении, когда кузнец добивается от царевны признания, что она «жалет» мужа, а не бьет ее беспощадно железным, медным и оловянным прутком, как почти во всех известных нам вариантах.

Оригинальный зачин, использующий сюжет о борьбе солдата с чортом, встречается в сочетании с «Рогами» только один раз и точно совпадает с нашей записью. В варианте, данном Ончуковым, царевич состязается с чортом в карты, но эпизод этот случаен и сюжетной нагрузки не несет.

Весьма часто данная сказка соединяется с сюжетом золотой птицы, при посредстве которой герой получает волшебные дары. Так например см. сборник Соколовых и др.

ЧАРЕВНА И ЛЯГУШКА (№ 4)

Знаменитая сказка, известная по записи бр. Гримм. В русских редакциях до сих пор таких записей не встречается и сюжет развивается обычно в другом направлении: младший брат ищет невесту в болоте, куда попала его стрела. Невеста-лягушка лучше всех исполняет приказания свекра (шьет самый лучший ковер и т. п.), превращается в красавицу. Здесь лягушка всегда женщина-невеста [А н. 402]. Наш сюжет приведен в каталоге Андреева под № 440. Русских вариантов у него не обозначено.

Текст Слепой очень краток и в сущности является только пересказом, только схемой сюжета.

Очень интересна и характерна для Слепой мотивировка развязки: царевна полюбила лягушку *за доброту*. Здесь, так же как во всех других сказках, ярко выражается мягкий и незлобивый характер исполнительницы.

Откуда же сказка, вариантов которой на русской почве мы не знаем, попала в репертуар неграмотной старухи? Думают, что самый вероятный путь — это детские пересказы прочитанных книг из школьной библиотеки. Слепая — любимица детей. Целый ряд сказок она рассказывала нам при детской аудитории. Возможно, что, в свою очередь, она прислушивается к репертуару ребят.

Этим пересказом сказки, услышанной, в свою очередь, в пересказе, и новизной материала и объясняется та схематичность и некоторая неубедительность, которую мы видим в данной сказке Слепой.

ДЕВУШКА В КОЛОДЦЕ (№ 5)

Из цикла сказок о мачехе и падчерице, основанных на обычном мотиве о нелюбви мачехи к неродной дочери [А н. 480 А].

Данный вариант чрезвычайно распространен на Севере. Нами записан он двенадцать раз. Однако в известных печатных сборниках он встречается довольно редко. Главным образом в старых записях Худякова и Эрлейнвейна. Там девушке задаются различные задачи. По дороге ей приходится доить корову, трясти яблоню и т. д. Северно-русские варианты почти исключительно заставляют девочку «подпахать», т. е. подмести, убрать под скотом, за что девочка и получает главную награду скотом же: овцами, коровами, жеребцами (в печорском варианте — оленями), что объясняется, вероятно, той колоссальной ценностью, которую имеет скот для местного крестьянина.

Родная дочь, которая обычно наказывается за нежелание работать, у Слепой еще увеличивает свою вину ложью, требуя свое золотое веретено («А како оно золото! Просто деревянно. Ишь како дело сболтнула!»).

СТАРУХА-СКАЗОЧНИЦА (№ 6)

Из серии народных анекдотов [А н. 1376]. В русской литературе известен только один еще вариант у Афанасьева.

*№№ 7–10. Записаны в деревне Шуньга-Бор
от НАСТАСЬИ ВАСИЛЬЕВНЫ ИСАКОВОЙ, 45 лет*

Н. В. Исакова — сказочница случайная; печатаемые в сборнике сказки — единственные, которые она знает. Она находилась среди слушательниц Слепой и рассказала свои сказки, когда Слепая устала и прервала сказывание. Бывшие здесь женщины очень удивились, что Исакова тоже хочет «записываться». Однако рассказала она хорошо, очень живо

и по-своему освещала рассказ, внося в него ряд индивидуальных черт. Так, в первой сказке «Волк — медной лоб» Исакова всячески обеляет царя (хотя почти во всех известных нам вариантах царь является отрицательным персонажем), сваливая всю вину за мытарства Ивана на думщиков и сенаторов. Царь даже оказывается таким нестяжателем, что у него «теперь кот-певун да гусли самогуды, да нешто нашто, ему боле ничего не надо: он царство Ване с женой и отписал».

По всей вероятности Исакова принадлежит к тому типу лиц, которые считали, что царь ни в чем не виноват, а виноваты только «думщики и сенаторы». Это заблуждение особенно было развито среди далекого от рабочего класса крестьянства, ощущавшего на себе тяжесть социального строя, но не видевшего его истинной причины. (Вспомним хотя бы неоднократные хождения к царю, чтобы «открыть ему глаза».)

Характерна для нее и заключительная фраза второй сказки, где «зятя царя и теперь живут хорошо, если Красная армия не разорила».

От Исаковой записаны четыре сказки.

Волк — медной лоб (№ 7)

Из цикла «Красавица жена» [А н. 465]. Этот цикл включает в себя три типа сказок, обозначенных в каталоге Андреева, как: А) Пойди туда, не знаю куда, В) Гусли-самогуды и С) Путешествие на тот свет.

Первый тип, к которому относится и наша запись, чрезвычайно распространен по всему Союзу и на Севере, где известны три варианта записей Ончукова, вариант в записи Соколовых, три варианта нашей записи и четыре варианта записей А. И. Никифорова.

Последний же тип в северных записях нам неизвестен.

Вариант Исаковой дает полную редакцию с хорошо разработанными деталями.

Интересны и разнообразны предметы, которые добывает герой: «нешто нашто», «кот-певунок» и «гусли-самогуды». Кот-певунок, который «песни поет—унынье берет, голосом потянет — трава повянет», напоминает о коте из «Сказки о царе Салтане».

Совершенно закономерно выражая свою психо-идеологию, сказочница, как мы говорили выше, всю вину за мытарства героя возлагает на «думщиков и сенаторов», т. е. на правящий класс, выгораживая «царя-батюшку». Царь же за исполнение первых приказаний «любит» Ивана и отправляет его за новыми вещами только по наущению думщиков и сенаторов, завидующих крестьянину. Получив же желаемое, кроткий царь не только оставляет жену и Ивана в покое, но и отписывает им царство.

Сивко-Бурко (№ 8)

Известный сюжет о дураке, добывающем при помощи чудесного коня себе в жены царевну [А н. 530 В].

Рассказан он довольно подробно, хотя целый ряд традиционных черт в сказке отсутствует. Так, например, подробное описание Ваньки-дурака и чудесных коней.

Этот сюжет часто имеет продолжение: царь дает поручение зятьям добыть чудесных зверей (свинку — золотую щетинку и т. п.), дурак добывает и отдает зятьям за кожу из спины, за пальцы и т. д. (см. сказку Митрофанова «Жар-птица», № 45).

Исакова, развертывая сюжет, заставляет зятей платить своей кожей за отрубленные головы врагов и за труп царя Тресцита.

Само необычное имя царя Тресцита заставляет думать, не идет ли редакция Исаковой от какого-нибудь лубочного издания.

ВОСТРАДАМ (№ 9)

Одна из наиболее распространенных сказок из цикла сказок о дураках [А н. 1696]. Известна под названием «Набитый дурак». Стихотворное изложение этой сказки есть уже в сборнике Кирши Данилова «Древн. росс. стихотворения», с. 390–402.

Сказка эта бытует и на Севере, и на Украине, и в Центральной полосе Союза. Во всех известных вариантах происходит встреча дурака с похоронами и со свадьбой и приход его на гумно, где молотят. Но только в северных вариантах, притом в записях последних времен, дается встреча дурака с по-

пом. Всюду дурак путает попа с медведем. В записях Соколовых и Озаровской дурак сначала встречает попа, а потом медведя, принимает медведя за попа, просит у него благословения и платится за это. Исакова же делает перестановку, заставляет дурака принять попа за медведя и кончает сказку убийством попа. Этим она делает акцент на насмешливом отношении к священникам, которым вообще пропитаны северные варианты, где явно сравнивается длинноволосый поп с мохнатым зверем.

Имя Вострадам, данное герою, объяснить довольно трудно. Возможно, что оно идет из каких-нибудь лубочных изданий и является отголоском имени полулегендарного доктора Нострадамуса.

Глупый мужик (№ 10)

Из цикла анекдотов о пошехонцах, делающих глупости [А н. 1240]. В сборнике Афанасьева отнесена к сказкам об инородцах, так как там глупцом является цыган, рубящий сук и принимающий мужика за святого. Цыган, упав с дерева, спрашивает мужика, когда он умрет, и ложится умирать, когда происходит все предсказанное мужиком.

В нашем же варианте, наоборот, глупцом оказывается мужик, который принимает хитрого и умного цыгана отнюдь не за святого, а за колдуна. Таким образом сказка обращает свое жало против веры в колдунов и безошибочность их предсказаний. Заонежье, так же как весь Север, полно верой в колдунов светлых (действующих молитвой и при помощи святых) и темных (действующих при помощи сатаны).

(Подробнее о северных суевериях смотри примечание к бывальщинам.)

№№ 11–13. Записаны в деревне Нефедове, близ Шуньги от ПЕТРА ЯКОВЛЕВИЧА БЕЛКОВА, 35 лет

П. Я. Белков, помимо земледелия, занимается перевозом грузов на собственном карбасе и мелкой торговлей. Раньше он имел лавку. И сейчас жизнь его и его семьи меньше всего зависит от земледелия. Старшая дочь его учится у портнихи и понемногу зарабатывает шитьем, сын ходит на плотях. Белковы

резко выделяются среди остальных обитателей маленькой и бедной деревушки. В них ярко выражено тяготение к городской мелкой буржуазии. Дом Белковых — городского типа, с диваном, висючей лампой, граммофоном. Граммофон принес к ним эстрадный репертуар и цыганский романс, псевдонародную песню, которые усиленно распеваются всей семьей. Сам Петр Яковлевич — человек очень музыкальный, поет главным образом потешки, прибаутки, побасенки, часто весьма нескромного характера.

Очень подвижной и веселый Белков не любит старинных протяжных песен и фантастических сказок. «Ишь, завела долготу до великого поста, — замечает он жене, начавшей рассказывать сказку, — ты бы лучше такую». И рассказал скоромный анекдот.

Однако он сам тоже рассказывает сказки, только все веселые, живые и недлинные вещи. Сам он говорит, что в деревне «на людях» никогда «сказками не занимается», видимо, боясь повредить своей репутации делового и серьезного человека. Но в семье, без чужих, «забавляется». И надо сказать, как рассказчик, Белков необычайно интересен. Не стесненный присутствием людей, связанных с ним деловыми и общественными интересами, не боясь уронить свое достоинство, он широко пользуется своим несомненным сценическим дарованием и доходит до больших высот сценической выразительности. Он не столько *рассказывает* сказку, сколько *изображает* ее. Повествовательный материал у него сокращен до минимума и играет роль ремарки. Весь центр тяжести ложится на диалог, который Белков подает различными голосами, изображая говорящих. При этом Белков так обильно пользуется жестом, что рассказ является простым пояснением, подписью под его изображением. Он даже движется по избе, играющей для него роль сценической площадки, и призывает на помощь вещи, «обыгрывая» их.

Желая хоть отчасти познакомить читателя с его своеобразной манерой исполнения, я помещаю одну из сказок (№ 13) с сохранением театральной ремарки.

Во всех своих сказках Белков предельно развивает диалог. В №№ 11–12 он, пользуясь превосходными голосовыми данными, дает значительную часть прямой речи на подражании возгласам священника. Контраст между интонацией возгласа

и его смыслом («А в рыбнике за-пек-лась му-у-у-ха!») усиливает комический эффект рассказа.

Белков мотивирует мнимую беременность попа не небрежностью работницы, снесшей доктору мочу тельной коровы, и не тем, что кто-нибудь упал на попа, а непомерным его обжорством. Этот момент дает Белкову возможность развернуть великолепную игру вокруг покрытого воображаемой снедью стола.

Репертуар Белкова носит довольно яркую антипоповскую направленность. Две из трех его сказок осмеивают духовенство. Целый ряд шуточных песен и прибауток знает он на эту же тему.

Поп Пахом (№ 12)

Среди народных русских анекдотов и сказок, чрезвычайно много осмеивающих пороки и невежество духовенства. Сказки эти являлись одним из орудий борьбы крестьянства с более сильным врагом — угнетателем.

Такой, осмеивающей невежество попов (часто мало чем отличающихся по культурному уровню от своих прихожан), сказкой является повсеместно распространенный «Поп Пахом» [А н. 1825].

Белков, так же как и в сказке «Брюхатый поп», поет на церковный мотив возгласы попа, внося этим в рассказ момент сценической игры.

Старик и соковицы (№ 13)

Сюжет французской сказки о Пьеретте, мечтавшей, как она разбогатеет, продав кувшин молока, и разбившей драгоценный кувшин [А н. 1430].

В русских сказках мечты о богатстве связываются обычно с поимкой зайца, который убегает от громкого возгласа. Белков переносит действие в домашнюю обстановку. Он хочет разбогатеть, продав сваренные бабой щи. Спор со старухой, неосторожный жест, и надежды на счастье рухнули.

Спор из-за того, что́ купить на заработанные деньги, мы видим в других двух записях. В первой старик и старуха спорят о том, что они сделают с молоком, которое им дадут

в деревне. А молока им и вовсе не дают. Во второй старик избивает жену за то, что она решила не звать его родных на пиво. Пиво это сделали бы ей сын да дочь. А детей у стариков и вовсе нет. Таким образом споры эти бессмысленны, но зато старики неповинны в своем несчастье, как мы это имеем в нашем варианте.

Особенно интересна сказка Белкова той манерой исполнения, которую он дает. Он не рассказывает ее, а изображает, как это видно из ремарок.

№14. *Записана в деревне Лазарево
от ПЕЛАГЕИ ИВАНОВНЫ СИНЕВОЙ, 48 лет*

ВИХРЕВОЕ ЦАРСТВО (№ 14)

Этот рассказ о трех царствах — золотом, медном и серебряном [А н. 301] — принадлежит к числу наиболее популярных и любимых фантастических сюжетов в русской сказке. Он отмечен неоднократными записями и лубочными изданиями.

Обычная схема: царь теряет дочерей, царевичи идут на поиски, младший царевич освобождает их, старшие братья покидают его в беде, приписывают себе освобождение царевен. После ряда неудач герой возвращается на родину и женится на царевне из золотого царства.

Кроме того существуют сказки о похищенной матери, живущей у Кощея.

Благодаря близости этих сюжетов, в районах Заонежья и Пинеги произошло некое соединение их. Этот новый сюжетный тип весьма распространен (нами записано и зарегистрировано девять вариантов).

В этой сказке, конечно, логически мало мотивировано участие матери в кознях против сына-избавителя.

У Синевой плохо мотивировано также исполнение царевичем желаний невесты. Обыкновенно это делается так: у Ивана-царевича остается закатанный в яичко дворец царевны. Она требует *своих* вещей, находящихся во дворце. Иван-царевич достает эти вещи из дворца и, наконец, ставит самый дворец. Таким образом царевна узнает своего спасителя.

Рассказчица, внося в сказку некоторый модернизированный элемент («Иван царевич в ю врезался», «кабаки стоят, пьяницы ура кричат», «Иван-царевич подметальщиком» и т. д.), все же сохраняет черты старого классического стиля (речи царицы, описание дороги: «обутки от песку протираются, шапка от дождя прибивается, клюка под рукой утоняется» и т. д.). Записана эта сказка от Синевой у колодца, где она брала воду. Сказочница она, повидимому, случайная. Делать какую-нибудь характеристику на основании одной сказки невозможно.

№№ 15–16. *Записаны в деревне Дерезузово*
от КЛАВДИИ ВАСИЛЬЕВНЫ КИРИЛЛОВОЙ, 16 лет

К. В. Кириллова — дочь богатого крестьянина, девушка, только что кончившая школу, бывшая в городе и восхищенная им. «Что вы к нам приехали в грязь, в необразованность» — говорит она.

Стиль ее сказок носит несколько «городской» характер, видимо, она сознательно вычурно строит фразу («Он знал, что они придут навестить его по поводу того, что он лошадь продал им, потому што она отбрасывает золотом и серебром, но этого не получается»).

В сказку № 15 она вводит потайной фонарь, отзывающийся прочитанными девушкой детективными романами Ник Картера, про которые она говорила: «Я в Повенце у подружки очень интересные книги читала «Кровавая рука». Я их и здесь рассказывала».

Рассказывая, она, видимо, интересовалась только тем, чтобы ее записали, и спрашивала несколько раз: «А в книжку это будете печатать?»

НАСТАСЬЯ-ПЕПЕЛЬНИЦА (№ 15)

«Настасья-Пепельница» — первая сказка Кирилловой — один из вариантов известной сказки о Золушке-Сандрильоне [А н. 510 В]. На всем Севере эта сказка имеет твердо прикрепленное название «Пепельницы» (от пепел.).

На первый взгляд может показаться несколько необычным начало, что отец хочет жениться на дочери. Однако оно тесно связано с данным сюжетом и встречается неоднократно.

но как в западно-европейских, так и в русских вариантах. Так, например, у Афанасьева [А ф. 161]: «У великого князя была жена-красавица и любил он ее без памяти. Умерла княгиня, осталась у него единая дочь, как две капли воды на мать похожа. Говорит великий князь: «Дочь, моя милая, женюсь я на тебе». Она пошла на кладбище на могилу матери и стала умильно плакать. Мать и говорит ей: «Вели купишь себе платье, чтоб кругом были часты звезды» и т. д. В украинском варианте, приведенном у того же Афанасьева, на дочери хочет жениться поп.

Вообще сказка захватила в роли отца все социальные положения — царей, купцов, попов, крестьян и т. д. У Кирилловой — это богатый мужик.

Сама рассказчица — представительница кулацкой прослойки деревни. Интересы ее чрезвычайно ярко направлены в сторону материальных благ, что отражается и в ее сказке. Так, например, изумительна мотивировка концовки: Иван-царевич женится на Пепельнице: «благословите на ней жениться — у ней есть *хорошее платье*».

Дурень (№ 16)

«Дурень» — вторая сказка Кирилловой.

Сюжет сказки известен под названием «Шут» [А н. 1539]. Чрезвычайно распространен по всему Союзу и в Западной Европе. Особенно в Балканских странах.

Начало об убийстве матери взято из другой сказки [А н. 1685].

Почти во всех известных нам вариантах сказка эта имеет острую социальную направленность. Героем сказки всегда является бедняк или даже батрак, а обманутый — представитель чуждого, враждебного класса. В огромном большинстве вариантов шут начинает шутить свои шутки с одним или несколькими попами, в нескольких вариантах — с барином. Это мы видим не только на русской почве: в приводимых Афанасьевым западных вариантах тоже осмеиваются баре или ксендзы.

Кириллова совершенно сглаживает эту социальную направленность сказки. Она не показывает экономического положения шута, что очень ярко дано в других вариантах («Работай, работай, не то исть ништо», «отошшал, ись хочу,

а ись нечево» и т. д. И сглаживает классовую принадлежность противников шута, называя их безличным именем «Дороховых детей». Это, конечно, не случайность, так как сказочница сама принадлежит к классу, враждебному создателю этой сказки и неоднократно в ней осмеивающемуся.

№№ 17–18. *Записаны в деревне Дергузово
от МАРИИ ВАСИЛЬЕВНЫ РАГОЗИНОЙ, 16 лет*

Внешний облик и вся жизнь Маруси Рагозиной имеет мало общего с деревенским бытием. В шестнадцать лет эта хрупкая девочка почти ребенок. Рагозина с детства страдает костным туберкулезом и острым малокровием. Поэтому мать всячески оберегает ее от домашней работы. Даже в школе девочка не училась. Отец Рагозиной был волостным писарем, так что девочка принадлежала к кругу деревенской интеллигенции. Семья земель не занималась, только после смерти мужа вдова-Рагозина стала крестьянствовать, но девочку в работу не втягивает, всячески старается создать ей спокойную, «чистую жизнь». Кое-что Маруся зарабатывает сама вышиванием и вязанием. Сначала несколько обособленное социальное положение, затем болезнь, невозможность принимать участие в труде и заботах своих сверстников — сделали жизнь девочки очень одинокой. Она живет замкнуто, совершенно не принимает участия в жизни молодежи. Современность проходит мимо Рагозиной. Любимые ее собеседницы — старухи, у которых она выучилась вышивать. Она распевает с ними духовные стихи, заучивает былины. Она прекрасно знает причитания, заговоры, обряды. Характерно, что на праздник Петра и Павла, когда сельская молодежь устраивала спортивный праздник, Рагозина ушла в Шуньгу-Бор к бабушке, которая собирала у себя старух — певиц духовных стихов.

Рагозина самоучкой выучилась читать. Читает она очень много. От отца у нее осталась библиотечка изданий «Нивы», и она перечла ее всю. Читала Пушкина, Пинкертона и Золя. У нее несколько тетрадей с переписанными стихами. Там главным образом Надсон и тексты цыганских романсов. Маруся напела нам целый ряд песен, духовных стихов, притчей. Она обладает незаурядной музыкальностью. Но сказки рассказывает довольно сухо, следя за ло-

гической линией повествования, но не ставя себе никаких исполнительских задач.

Записаны от нее только две сказки.

Горюшко (№ 17)

Сказка «Горюшко» принадлежит к циклу сказок «Царевна и Служанка» [А н. 533 В] (ср. с № 2). В литературе известны только два варианта данной сказки, опубликованные Смирновым. Начало сказки подчеркивает, что девушка, принадлежащая к экономически обеспеченному , классу (царевна, купеческая дочь), не знает даже, что обозначает слово «Горе». Для того чтобы научить ее, что такое горе, бабушка пускает ее в жизнь необеспеченной, лишенной материальной поддержки родителей. Это реалистическое начало указывает, в какой среде зародилась и жила сказка.

Текст Рагозиной суховат и схематичен как в этой, так и во второй сказке «Игральница-Греза», принадлежащей по существу к «бывалыщинам».

Зато в обеих этих сказках она применяет интересный прием введения в сказку другого народно-поэтического жанра. В первую сказку она вводит причитание, причем среди эпически-спокойного рассказа она начинает причитать «голосом» на хороший старинный напев похоронных плачей.

Во вторую сказку она вводит заговор.

Как только дело доходит до причитания, задевающего ее музыкальную струну, Разогиная оживляется и поет с большой экспрессией и мастерством. Любовь Рагозиной к былинам тоже выражается врывающимися в сказку былинными фразами и эпитетами («Ох, вы славные гости-корабельщики», «булатный вострый ножичек»).

№ 19. Записано в деревне Шуньга

от ИВАНА МИХАЙЛОВИЧА ВАСИЛЬЕВА, 52 лет

Запись сделана Т. В. Поповой. Сведений о сказателе нет.

Попов РАБОТНИК (№ 19)

Сказка эта одна из огромного запаса сказок о попах; она известна под названием «Как попадья по-немецки заговорила» [А н.

1730, IV]. Большинство русских сказок о попах имеет целью дискредитировать духовенство и носит явно классовый характер. Причиной этого является экономическая зависимость крестьянства от сельского духовенства. Крестьянин мстил своему классовому врагу, выставляя его в смешном и отвратительном виде в своем художественном творчестве. Героем этих сказок обычно является бедный мужик или поповский батрак, торжествующий над своим эксплуататором.

Ненависть к попу переносится и на его семейство: во множестве сказок в смешном виде выставляется попадья-прелюбодейка или глупая поповна.

В нашей сказке осмеивается глупость и жадность попа, который ставит невыполнимое условие батраку (научить матушку по-немецки говорить), чтобы не заплатить ему жалованье. А также попутно осмеивается обманщица-попадья и другой член церковного причта — дьякон.

Подобный вариант встречается еще только один раз в записи Ончукова. Запись эта сделана у Г. Кашина, сельского пролетария, много работавшего батраком и на отхожих промыслах. В его рассказе еще ярче выступает эксплуататорская сущность поповского условия: ...«этого казака было ряжено триста рублей до тех пор, пока попадья по-немецки не заговорит. Поп говорит: «Матушка, ты не учись по-немецки, этот казак у нас век проживет один». Когда попадья онемела, работник говорит: «Э, батюшка, ращот изволь, попадья по-немецки заговорила...»

Любопытна у Васильева присказка. Обычно острота присказки заключается в ее невозможности, в использовании вещей не по их назначению, в необычности поведения действующих лиц («рак на болоте рубахи колотит», «кот на печи сухари толчет, кошка в окошке ширинку шьет», «поп во щак заварился, дьячок в опару свалился» и т. д.).

Присказка Васильева говорит об обычных правильных вещах и остраняется именно тем, что о правде говорится:

Слушайте диковинные речи.

У дяди Луки были полати подле печи.

Мост стоял поперек реки,

Картофель родилась в земли,

А рожь зрела на колоси,

и «Не любо не слушай, а врать не мешай.

П. Н. Коренная — высокая, подвижная, очень моложавая для своих лет женщина. Родом она из Фойм-губы, местности, изобилующей сказками и старинными песнями. И действительно, Пелагея Никифоровна — настоящий кладезь песен, заговоров, редких причитей, пословиц, загадок и сказок. Живет Коренная в большом селе Косъм-озере с двумя сыновьями, один из них учитель, очень уважаемый в селе человек, представитель деревенской интеллигенции в лучшем смысле слова, другой — крестьянин, женатый на малограмотной крестьянке. Две дочери Пелагеи Никифоровны выданы замуж в город, и Пелагея Никифоровна частенько у них гостит.

Сама Пелагея Никифоровна в поле уже не работает, а ведет домашнее хозяйство и пестует внуков. Этим последним, верно, объясняется ее репертуар, состоящий главным образом из сказок о животных (почти совсем исчезнувших в Заонежье) и вообще так называемых «дитячих» сказок («Глиняный парень», «Морозко» и т. д.). По всей вероятности под влиянием сына, большого любителя и знатока местного фольклора, Пелагея Никифоровна относится к сказкам с большой любовью, ощущает себя хранительницей их и рассказывает очень охотно. Она — настоящий незаурядный творец и мастер своего дела. Сказки ее яркие и поэтичны, а северный говор, который не вытравили из Пелагеи Никифоровны, всеми корнями связанной с деревней, ни поездки в город, ни родственные связи ее с местной интеллигенцией, делают их еще выразительней. Очень живая и веселая, постоянно занятая домашней работой и вынужденная в то же время развлекать ребенка, она рассказывает сказки, ни минуты не находясь в спокойном положении. От нее приходилось записывать при растопке ею печи, раздувании самовара, чистке рыбы, пеленании ребенка и просто неугомонной суетне, причем аудиторией ее неизменно были маленькие внуки. Рассказывает она быстро, выразительно и эмоционально. Иногда даже играет действующих лиц (прикладывает ладони к макушке, изображая поводящего ушами зайца, и т. д.). Диалог ведет разными голосами: медведь говорит у нее низким басом, медленно и запинаясь, лиса быстро тараторит сладеньким голоском, а заяц заикается.

Несмотря на быстрый говор, она слегка растягивает гласные, поэтому речь ее легка, звучна и своеобразно певуча. Большая музыкальность и любовь Коренной к песне отразилась и на ее сказках. Почти все они являются ритмической речью, обильно пересыпанной рифмованными фразами («Я гола, боса, да без пояса», «Лиса стучит веретушечкой по кадушечке — колотят лапкой, зовут бабкой»). Во многие сказки она просто вставляет песенки («Старик и волк», «Кумушка», «Петун и курица»).

Сознательное отношение Коренной к рассказыванию, как к мастерству, заставляет ее тщательно сохранять сказку со всей ее обрядностью. Так, в докучных сказках она не ленится до 11 раз повторять одну и ту же фразу. (Это в то время, когда большинство сказочников сокращает сказку, не придерживаясь принципа троичности.)

Сказки Коренной частично были изданы ее сыном П. П. Коренным (Заонежские сказки. — Петрозаводск, 1918 г.), но, к сожалению, это были неточные записи и без сохранения особенностей, местного говора, так что издание это не имеет научной ценности.

Активный репертуар Коренной состоит главным образом из так называемых «робящих» — ребячьих — сказок. Эта сказка сосредоточена преимущественно в руках пожилых женщин или девочек-подростков, т. е. нянь, людей, пестующих детей. Главным потребителем ее являются самые маленькие ребята. В сознании сказочников ребячьи сказки резко отличаются от «настоящей» фантастической сказки. Крупные сказочники считают ее пустяком и редко снисходят до ее исполнения.

Если исчерпавшему свой репертуар сказочнику напомнить о существовании «Глиняного парня» или «Колобка», обычно следует ответ: «Да то робяцьи сказки, разве и те нужны?»

В состав робящих сказок вошла потерявшая свое былое значение сказка о животных, бесконечная сказка типа «Белого бычка» и все виды так называемых кумулятивных сказок, где первоначальная формула бесконечно повторяется, непрерывно нарастая («Кто в этом тереме живет?» — «Муха-горюха, комар-пискун»... «Муха-горюха, комар-пискун, из-под куста ляпышь»... «Муха-горюха, комар-пискун, из-под куста ляпышь, под кустом свертышь» и т. д.).

Детская сказка имеет целью позабавить, развлечь ребят. Удовольствие их усугубляется тем, что основная формула им уже известна, они повторяют ее вместе со сказочником, с восторгом ожидая нового наращения.

Тексты:

№ 20. Лиса, волк и масло. [А н. 15].

№ 21. Петух и курица. [А н. 20 С]. Лучший из известных вариантов. Особенно хороша песня про имена.

№ 22. Посулено. [Ан. 160].

№ 23. Старик и волк. [А н. 162].

№ 24. Сани. [А н. 170]. В обоих заонежских вариантах ярко выражено отношение крестьянства к старому суду, — страх перед ним заставляет хозяев исполнить наглые требования бабки.

№ 25. Колобок. [А н. 296].

№ 26. Глиняный парень. [А н. 333 В]. — одна из самых распространенных сказок Заонежья.

№ 27. Мишка да мышка. [А н. 480 С]. Введен новый мотив о превращении грязи в еду и наоборот.

№ 28. Морозко. [А н. 480 В).

№ 29. Про Катю. [А н. 365].

№ 30. «Кумушка». [А н. П. I].

№ 31. «Покойники беси» [А н. П. I].

ПРО КАТЮ (№ 29)

Эта сказка уже не принадлежит к робящей сказке. Коренная передает ее в плане бывальщины [А н. 365].

Мотив о женихе-мертвце — чрезвычайно распространен в западно-европейском фольклоре. Романтическая литература, обращавшаяся за материалом к народному творчеству, широко использовала его в поэтических произведениях. Наиболее известным из них является баллада Бюргера «Ленора», вызвавшая ряд подражаний и переводов (см. Жуковского «Светлана», Катенина «Ольга»).

В русский фольклор мотив этот пришел через западно-славянскую среду и широко распространился. На территории нашего Союза было произведено девятнадцать записей данного мотива. Из них большинство падает на украинские и бело-

русские варианты. Во всех известных нам записях есть некий признак литературного единства — стихотворный диалог между мертвецом и его невестой.

В немецком народном сказании, давшем Бюргеру идею для его баллады, он звучит так: «Der Mond der scheint so helle, die Toten reiten so schnelle! graut, Liebchen, euch vor Toten?».

В русских вариантах этот диалог присутствует в той же форме. У Чубинского: «Світе Місяц и з звездою, мертве іде и з жоною. Чи боїся, Котеринко?»

У Онучкова: «На улице лунно, кому куда думно. Парень идет, девку везет. Боисься ли меня?»

В нашей записи: «Месяц светит, мертвец едет, девушку везет. Девушка, дева, ты боишься ле меня» и т. д. по всем вариантам.

На Севере Союза записаны только два варианта бывальщины о женщине-мертвече и девушке, в б. Архангельской губ. (см. О н. 39, 289).

Первый вариант представляет собой схему бывальщины. Во второй же вплетается некий новый мотив. Девушка в нем так тоскует по женихе, что мертвец начинает приходить к ней по ночам, и она живет с ним некоторое время. Она даже становится веселой. Обычно же девушка только в пути догадывается, что ее жених мертвец. Дальше вариант Ончукова развивается так: жених зовет ее замуж, говоря: «Я умер, да не в заболь, сряжайся замуж за меня». Девушка делает себе приданое и идет венчаться с мертвецом к нему на квартиру. Там он лежит в саване со свечей, с образом. Девушка умирает. Ее находят мертвой на деревенском кладбище у могилы давно умершего жениха.

По всей вероятности и на Севере Союза записей подобного сюжета могло бы быть много больше, очень часто собиратели пренебрегают такими литературными сюжетами, между тем как именно они пролили бы свет на интересный вопрос о взаимодействии фольклора и литературы.

Более подробно об этом интересном предании смотреть в исследовании Созоновича «К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую поэзию» и библиографию *Каллаша* «Ленора» («Живая Старина», год II, вып. II).

№№ 32–33. *Записаны в деревне Косъм-озеро*
от *ВЛАДИМИРА ПЕТРОВИЧА КОРЕННОГО, 6 лет*

Володя Коренной — внук Пелагеи Никифоровны. Сказки знает от бабушки. Несмотря на свой возраст, прекрасный рассказчик.

Тексты:

№ 32. Печеночка [Ан. 314; Аф. 117, 118 а].

№ 33. Змей и цыган [Ан. 1049 В; А ф. 86].

№№ 34–35. *Записаны в деревне Косъм-Озеро*
от *АЛЕКСАНДРЫ ПОЗНЯКОВОЙ, 12 лет*

Она — старшая дочь в бедняцкой семье. Школьница, но в школу ходит с перерывами — то надо работать, то нет обуви, то нянчит у чужих людей. С восьми лет служит по чужим избам нянькой. Девочка худая, заморенная, оборванная. Знает много потешек и побасенок, которыми забавляет своих питомцев. Девочка грубовата, резка, но жива и остроумна. У нее большое стремление к непристойным анекдотам и сказкам, причем их она рассказывает, особенно выпячивая скользкие места и нарочно-грубо оперируя специфической терминологией (что среди девочек очень редко). В ней безусловно есть большая озлобленность, вызванная ее вечным скитанием по чужим людям, которая выражается в желании заставить слушателя (а в данном случае и собирателя) смутиться. Большинство ее сказок совершенно неудобно для печатания. Между прочим Познякова всегда собирает вокруг себя значительную аудиторию таких же девочек-подростков, которые хихикают, конфузятся, но слушают с видимым интересом. Сказку № 34 она рассказывала девочке трех лет, которую она пестовала, причем у Позняковой было явное желание напугать ребенка. Для этого она громовым голосом, делая зверское лицо, передавала речь Пыхтелки («Это не Манька ли... не съесть ли мне ее»). В конце концов ребенок расплакался. Тогда пришел благополучный конец, и сейчас же начались уговоры ребенка.

Рассказывает она, очень энергично тонируя и великолепно подавая действующих лиц, причем изображает живых людей и настолько хорошо, что слушательницы узнают, кого

она имеет в виду. Так в сказке № 35 она передразнивала одну семью. Девочки узнали и сейчас же зашептали: «Это Аниска кривая, Аниска...»

Сказки ее обычно (см. № 35) кончаются прямой речью, в которую всегда вкладывается анекдотическая соль рассказа.

Пых (№ 34)

Несколько перекликается с «Пыхом» Серовой (Серова, Русские сказки», № 1) и весьма распространенным на Севере «Глиняным парнем».

ЛЕНИВАЯ БАБА (№ 35)

Сказка «Ленивая баба» помечена в каталоге Андреева под № 1370, I. Близких вариантов очень мало.

Известные записи Смирнова [См. 168] и Озаровской [О з. 43] дают несколько другой тип: жена не хочет прясть, муж притворяется мертвым; жена обматывает его нитками вместо одежды» муж бьет ее. Конец, данный Позняковой, не встречается нигде.

№ 36. *Записана в деревне Косъм-озеро от ИВАНА ИВАНОВИЧА КАСЬЯНОВА, 61 год*

И. И. Касьянов — сын Ивана Аникиевича Касьянова, известного былинщика, записанного Гильфердингом (*Гильфердинг*, т. II, с. 517).

Касьянов — бывший лавочник. Приторговывал и после официального закрытия лавки. Раньше он был в деревне крупной денежной силой и благодаря тому пользовался большим влиянием на селе.

Касьянов — тип повышено-эротический, и его несколько особое положение среди односельчан позволяет развиваться этой черте. Шестидесяти лет от роду он женился на молоденькой женщине, с девушками позволяет себе обращаться более чем смело, привыкнув не встречать решительного отпора. Надо думать, что эти его черты развились потому, что он постоянно по торговым делам бывал в городе, в котором, видимо, усваивал отрицательные черты, городскую культуру в худшем

смысле слова. Он весьма любит говорить о городском «весельи» с женщинами, которые не чета деревенским, рассказывает о публичных домах и т. д. Видимо, стремится перенести в деревню подобный специфический нрав и тон.

Репертуар своего отца Касьянов растерял. Он знает только одну былину, да и ту не поет, а сказывает. Зато славится как рассказчик веселых сказок. Довольно обширный репертуар его состоит исключительно из анекдота и новеллистической сказки, полной самых фривольных подробностей. Именно этот момент рассказа он особенно выпячивает, обрушивая на него центр тяжести и насквозь пронизывая его «словами». Так что сказки его для печати совершенно не пригодны.

От него, правда, записаны две фантастические сказки, но рассказывал он их с явной неохотой, всячески сокращая, конспективно и скучно, так что по манере исполнения и поэтическим своим данным они представляют только исследовательский интерес. Помещаемая в сборнике сказка для него отнюдь не характерна, но она единственная, приемлемая к печати.

ХИТРЫЙ СОЛДАТ (№ 36)

Это вариант многочисленных рассказов о глупых и наивных набожных людях. В каталоге Андреева сюжет этот носит название «С того света выходец» [Ан. 1540].

Во многих северных вариантах хитрый вор называет себя *ніконец*, с того света выходец». Это дает нам основание думать, что сказка циркулировала в старообрядческой среде, которая рада была уязвить врагов-никониан, представив их ворами и плутами. Подобные варианты как раз записаны в старообрядческих районах (Заонежье, Архангельской губ.).

Очень часто данный сюжет имеет продолжение. Мужик идет искать людей глупее своей бабы. Обманывает барыню, выпросив у нее свинью на свадьбу, и барина, получив с него деньги за навоз.

Социальная заостренность этой второй части чрезвычайно велика. Может быть это одна из наиболее хлестких сказок о барах, беспощадно издевающаяся над их глупостью и чванством. Касьянов, как видно, ограничивается безобидной насмешкой над глупой бабой.

№№ 37–38. *Записаны в деревне Косъм-озеро
от ФОМЫ ЕГОРОВИЧА НИКИТИНА, 79 лет*

Он — неграмотный. Лесник. Сорок лет живет в сторожке в лесу. Записаны от него сказки во время случайного прихода его в село за солью.

БОГАТЫЙ БРАТ И БЕДНЫЙ БРАТ (№ 37).

В основе этой сказки — сюжет чудесных подарков [А н. 564]: человек получает чудесные подарки, богатый сосед подменивает первый подарок (чудесную суму, доставляющую все, что угодно), второй подарок (такая же сума, но избивающая похитителя) заставляет его вернуть первый. В изложении Никитина основной сюжет занимает в сущности второстепенное место. Центр внимания у него перенесен на вводную часть — сюжет об участи. Обычно этот эпизод является только вводным.

Сюжет об участи, «доли» или «горе», уже давно обратил на себя внимание исследователей. В нем некоторые (Веселовский, Потеня) хотели видеть основной образ русской сказки. В последнее время этот образ снова заинтересовал исследователей. Так. М. Азадовский («Русская сказка», изд. «Academia») говорит, что «с бедняцкой средой быть может следует связать культивирование мотивов фатализма, а также образов судьбы и горя».

Б. Соколов полагает, что образ судьбы рожден сознанием «бедняцкой среды, неимущей, озлобленной части крестьянства... Мелкое индивидуальное хозяйство держало бедняка-крестьянина в узких рамках беспощадного индивидуализма — отсюда преобладание идеи о личной доле... Эти социально-экономические условия определяли и направленность идеалов крестьянина-бедняка; в условиях капиталистического строя, при давлении буржуазной идеологии на почве мелкособственнической природы крестьянства, идеальный выход из-под «недоли» мерещился ему в получении «доли» богача, т. е. в личном обогащении» (Русский фольклор. Т. II. С. 92). Личным обогащением обычно и кончаются сказки о доле.

РАЗБОЙНИК-КУПЕЦ (№ 38)

Оригинальный рассказ о приключениях у разбойников. Обычно приключение у разбойников связывается с девушкой и ее спасением от них. Чаще всего это сюжет пушкинского «Жениха» (см. в настоящем сборнике № 142). Отголосок этого сюжета имеется и в данной сказке в момент разоблачения. Хотя разоблачение злодеев под видом сказки — прием весьма распространенный и связан с целым рядом сюжетов (например сюжет Косоручки [А н. 706] и «Оклеветанной девушки» [А н. 883]).

Подобный же рассказ записан еще раз Соколовым в Белозерском крае. Запись эта чрезвычайно сходна с нашей. Так же, как в нашем варианте, молодой человек подвергается опасностям, потому что не следует советам отца (итти почтовой, а не проселком; не итти в услужение к тому, кто зовет). Казалось бы, как это часто бывает, советы отца должны играть тут центральную роль, вокруг них и должно разворачиваться действие (ср. № 48). Однако сказочник скоро забывает о них, давая им только морализующую нагрузку: герой попадает в беду, потому что не послушался отца. В дальнейшем действие разворачивается самостоятельно, значение этих эпизодов как бы забывается. Морализующий рассказ переходит в сказочную новеллу. Все приключения героя идут ему на пользу — он приобретает жену и богатство.

Весь рассказ носит отпечаток старообрядческой среды. Благочестивое начало, добродетели молодца, который не пьет и не курит, благочестие купца, который, не помолясь, не открывает лавки, точные указания на праздники, святые дни и т. д.

К сожалению, нам неизвестно, к какой среде принадлежит сказочник. Одно мы можем сказать с уверенностью, что он подвергся некоторому влиянию городской культуры. Об этом ясно говорят такие слова как «циммерманова шляпа», «особняк», «ломаней» и т. д.

Сказочник подчеркивает правдоподобность своей истории точным указанием на время и место происходящего действия («В царствование императрицы Екатерины II в городе Питере», «пришел в Москву», «в гостиные ряды пришел» и т. д.), этим самым перенося его из ряда сказочных новелл в среду реалистического рассказа.

№№ 39–40. *Записаны в деревне Косъм-озеро от ПАВЛА ПЕТРОВИЧА РЯБОВА, 24 года*

П. П. Рябов — плотник, родом из Фойм-губы, но бедность заставила его уйти с семьей брата на выселки. Строятся они в горном лесу на «Хмель-озере», месте, куда нельзя проехать даже на дровнях. Зимой выселки совершенно отрезаны от мира. Летом Павел Петрович уходит на заработки. Он плотничает по деревням, иногда за много сотен верст от дому.

Рябов — комсомолец, но из-за своей отрезанности зимой и бродячего образа жизни летом, он очень мало связан с коллективом и находится вне сферы его влияния. Общественной работы никакой не несет, учебой не занимается. Однако он чувствует себя членом передовой группы деревенской молодежи, и его молодой задор, не направляемый коллективом, приводит его иногда к взгляду свысока на других людей. Он довольно резко противопоставляет себя «несознательной» массе. Это желание выделиться, показать себя более культурным отразилось в сказке «Прикащик и купеческая дочь» совсем необычным словарем и синтаксисом («...прикащик *ударял* за ней», «он ничего не мог сделать, так как в тот миг *не нашлось его физической силы, его труда*», «если тебе хватит *натуры*», «*городской персонал*», «он объяснил все на *цензуру* путешествие свое» и т. д.). Желая еще больше оттенить их, он делает необычайные паузы перед выигрышными словами (пригласили их в свой купецкий замок).

Все это воспринималось аудиторией (созванной самим Рябовым) с большим одобрением и удовольствием.

Прикащик и купецкая дочь (№ 39)

В основе первой сказки лежит распространеннейший сюжет о похищении царской дочери и ее освобождении. Однако сказка совершенно переформирована. Сказочный сюжет исчез, остался только набор когда-то слышанных и перевернутых сказочных образов, которые часто даже никак не осмысляются («меч-коренец»). Вся сказка перенесена в другую, не традиционную, среду: царская дочь заменена купецкой, царевич — прикащиком.

Самое любопытное в сказке, как указывалось выше, ее словесная структура.

ТРИ БРАТА (№ 40)

Вторая сказка Рябова рассказана значительно проще. Подобных вариантов [А н. 1653] мы знаем в сказочной литературе только три, и все они относятся к средней полосе Союза.

Рябов и здесь нарушает традицию, подающую младшего брата как дурака. Его Иван действует вполне сознательно и оказывается самым умным из братьев, а не случайным счастливецом. Сказка заострена оригинальным мотивом «божьей росы» и «божьей манны», носящим явно антирелигиозный характер.

*№№ 41–50. Записаны в деревне Яндом-озеро
от ИВАНА ВАСИЛЬЕВИЧА МИТРОФАНОВА, 64 года*

Он очень спокойный, тихий и скромный старик. Принужденный поддерживать свое разрушающееся хозяйство, сорок лет проработал столяром-сезонником в городе. Летом приезжал домой на полевые работы. Вообще уходы в город были связаны у Митрофанова только с желанием наладить крестьянское свое хозяйство, и город совсем не оторвал его от деревни и мало повлиял на его психику. Даже там он работал в артелях своих односельчан, также связанных с деревней. Когда дети выросли, старик мог окончательно поселиться дома, укоренился в крестьянстве и город вспоминает редко.

Сказки Митрофанов рассказывает с семнадцатилетнего возраста, большую часть их выучил в артели от старших товарищей.

Рассказывает он постоянно и славится как рассказчик, так что обычно собирает большую аудиторию. Но аудитория у него состоит почти исключительно из степенных мужиков и пожилых баб. Молодежь бывает редко. Это объясняется, по видимому, тем, что Митрофанов во время рассказа очень строг и требователен к слушателям.

Митрофанов был хорошо грамотен и в молодости много читал. Репертуар его распадается на две части — книжный материал («Князь Серебряный», «Про английского Лорда Милорда», «Тайна графа Коломбрежского»), на сказку фантастическую и (в меньшем количестве) новеллистическую.

У Митрофанова прекрасная память — он знает наизусть сказку в стихах Алипанова «Мельник-колдун», изданную в 1897 г. и читанную Митрофановым двадцать пять лет назад. В сказке четыреста стихов, из которых (как выяснилось при сличении), он забыл четыре и переделал три.

Пребывание в городе слегка отразилось на сказках Митрофанова. Так, царь зовет Ивана-царевича к себе в кабинет, царская невеста содержит прачешную, у дворца подметает дворник, царь проезжает по Миллионной улице и т. д.

Митрофанов, как рассказчик, сознательно держится определенной манеры. Он подчеркнуто, эпически спокоен. Сидит он совершенно неподвижно, совсем не жестикулирует. Лицо у него тоже спокойно, мягко, он только изредка опускает глаза или смотрит на кого-нибудь из слушателей, но не меняет выражения. Интонации у него совсем ровные, он не выделяет диалога, не повышает голоса. Вообще его рассказ производит впечатление ритмически льющейся спокойной речи. И аудитория меньше слушает историю героя, чем ритм этой речи, который действует до известной степени гипнотизирующе, как напев колыбельной песни.

Несмотря на свое строгое отношение к сказке, Митрофанов не придерживается твердого текста, а дает каждый раз свободную импровизацию. Он вставляет иногда даже совсем новые эпизоды, вводит новых действующих лиц. Так, в сказке «Забытой» (№ 46), слышанной мною два дня подряд, он ввел во второй раз новый эпизод. В первой редакции конек остуживает кипящее молоко, погрузив в него морду. Тут один из слушателей спросил: «А сам он как же не сварился?» На другой день Митрофанов ввел эпизод с лазоревым цветком и спросил вчерашнего недовольного: «Так складнее будет?» Так быстро откликнулся сказочник на требование аудитории.

Из огромного его репертуара удалось записать девять сказок.

Окати-Горошка (№ 41)

Сюжет о трех царствах — медном, серебряном и золотом [А н. 301]. Этот сюжет мы имели уже в изложении Синевой «Вихревое царство» (№ 14). Однако сказка Митрофанова относится к другому типу этого сюжета (помечена у Андреева буквою В), благодаря введению в нее чудесных помощников

Усыни и Ровнигора. Новым, по сравнению с изложенным Синевой, является и эпизод с «Сам с локоть». Этот вариант Митрофанова наиболее сохранен и типичен для северной редакции сюжета о трех царствах.

Имя «Окати-Горошка» попало сюда видимо из другой сказки (см. № 89 «Иван-Горошко»), где началом служит чудесное зачатие героя от съеденной горошины. Возможно, что и в этой сказке давалось подобное начало, так как в ней беременеет *вдова* (т. е. беременеет женщина без участия мужчины), но сказочник отбросил это начало, так как в рассказанных раньше сказках «Иван-Ветер» и «Сучий сын» уже имелся такой мотив. Возможно, что Митрофанов не хотел повторяться.

Имена Ровнигор, Усыня заимствованы, по всей вероятности, из лубка. Они имеются в сказках об Еруслане Лазаревиче. Но известны они также и в устных вариантах, где иногда изменяются в Горыню, Гороката и т. д. «Сам с локоть» иногда превращается в бабу Ягу, — в старушонку, в медведя [«Сказки из разных мест Сибири», № 14].

Все основные сюжетные линии Митрофановым сохранены, но значение их забылось: так, не развернут эпизод с похищением царевен; бессмыслен мотив коварства друзей — в конце концов они мирно породнились с героем, пережившись на спасенных принцессах.

Эпизод со слепым стариком тоже сокращен и спутан. Обычно змеи, обижающие старика, — братья убитых героем чудовищ (см. запись *Хадзинского*, «Сказки из разных мест Сибири», № 14).

Иван- ВЕТЕР (№ 42).

В основе «Ивана-Ветра» лежит сказка о Кощеевой смерти [А н. 302], но сюжет осложнен рядом реминисценций из других сказок: чудесное зачатие сына, обычно с этой сказкой не связанное [А н. 303], подвиги богатыря, напоминающие похождения поповского батрака (добывание денег от беса космата; вспомнить хотя бы пушкинского Балду); наконец, сама встреча героя с Кощеем. Последняя не мотивирована, она происходит случайно, между тем как обычно герой идет разыскивать Кощея, чтобы отбить у него похищенную девушку.

Чудесное зачатие героя вообще довольно часто начинается сказки Митрофанова. Он перебирает почти все известные

типы: зачатие от Ветра, от съеденной рыбы («Сучий сын»), от пареных яиц («Забытой»). Очень интересна мотивировка заключения царевны в башне: «чтобы не забаловалась»; обычно царь не так предусмотрителен и заключает царевну в башню тогда, когда выясняется, что она уже беременна.

Сучий сын (№ 43)

[А н. 303 + 300 В.]. Опять мотив чудесного зачатия. Сказка очень схематична. См. примеч. к сказкам В. Соболя.

Старый Ох и молодец (№ 44)

Весьма распространенная сказка про колдуна и его ученика [Ан. 325]. Митрофанов подает ее очень схематично.

Новым, по сравнению с многочисленными известными вариантами, являются чудесные свойства, которыми обладают животные-оборотни: «голубь — золотое перо», «кобель — золотая шерсть», «жеребец — золотая грива».

Домовитость крестьянина, идеалом которого всю жизнь было крепкое хозяйство, ярко отразилась в этой сказке, где старик тратит деньги на новую избу, на то, чтобы «справить одежду», на то, чтобы «хорошо жить», и т. п.

ЖАР-ПТИЦА (№ 45)

Тот же сюжет о дураке, достающем себе при помощи чудесного коня в жены царевну, какой мы встречаем уже у Исаковой (№ 8), только концовка другая (в каталоге Андреева значится под буквой В). У Исаковой дурак продает зятям головы врагов. Здесь же зятя покупают чудесных зверей, причем обычно зверей этих дурак добывает при помощи коня. У Митрофанова же их дарит дураку отец, за почтение к его памяти. Подобная концовка встречается много чаще, чем концовка Исаковой.

ЗАБЫТОЙ (№ 46)

Сказка, известная под названием «Конек-Горбунок» [А н. 531]. На Севере распространена сравнительно мало: в четырех экспедициях нами записано всего два варианта.

Вариант Митрофанова сравнительно с другими известными записями очень оригинален. Чудесное рождение героя и мотивировка его имени не имеет прецедентов. Интересно, что чудесный конек не сын кобылицы, а воскрешенный богатырский конь. Любопытно, как Забытой сохраняет силы своего коня, отрубив ему голову. Самым же оригинальным оказывается эпизод с невянущим цветком, который превращает кипящее молоко в безвредное для Забытого. Подобный мотив не встречается нигде в известной нам сказочной литературе. Как сказано выше (см. характеристику Митрофанова), сказочник внес этот эпизод при повторении сказки, отвечая на требование аудитории. В большинстве вариантов конь дует на молоко и остужает его.

Однако требование более правдоподобного объяснения видимо присутствовало и у других сказителей. Так, в варианте Афанасьева конь заговаривает героя. В другом месте герой купается в отваре из трав, растущих у озера. Это отдаленно напоминает наш невянувший цветок.

Хозяйственный сказочник снова вносит в фантастическую сказку реалистические подробности из крестьянского быта. Так, он говорит об отделении Забытого от хозяйства и о косьбе, во время которой братья снова были принуждены позвать Забытого как лучшего работника к себе в семью, и т. д.

Незнайка (№ 47)

Традиционный сюжет «Незнайки» [А н. 532], к которому совершенно неожиданно присоединено начало из сказки об обещанном сыне и эпизод с чудесным бегством и животными, еда которых была перепутана. Все это не входит обычно в традиционный сюжет Незнайки. Но подобный вариант все же имеется в записях Соколовых. Там герой бежит от нечистого при помощи льва-зверя и коней и спасается благодаря огненной реке.

В остальном Митрофанов не отступает от обычной сюжетной схемы.

Интересно и оригинально только еще требование героя, чтобы змея возила его по городу, после чего, он вдоволь наиздевавшись, убивает ее окончательно.

Три слова (№ 48)

Принадлежит к циклу сказок о «добрых советах» [А н. 910 В]. В этой сказке особенно ярко отразилось пребывание Митрофанова в городе. Он подчеркивает свое знание городского быта, городских правил. Вспоминая свой опыт, он заставляет своего героя «прописаться» в чужом городе, подчеркивает, что когда Иван стал богатый, «за деньги стали его учить». После учения герою дают «заграничную диплому». Для расследования между ним и свояками назначают «комиссию». Наконец, когда Иван возвращается домой, он находит жену не владелицей трактира или постоялого двора, более знакомых деревне, а в типичном городском «прачешном заведении», где утюги стоят и перед которым «дворник улицу подметает».

Вообще эта сказка носит на себе и во всех других записях яркий отпечаток купеческой городской среды. Иван продает свои ковры прикащикам, едет с купцами торговать, берет верх над царем и царскими зятьями. По всей вероятности сказка эта создавалась в среде укреплявшейся городской буржуазии, боровшейся с дворянством. Недаром герой ее — купец из бедняков, разбогатевший счастьем жены и собственным умом, — делается первым лицом в государстве.

Интересно, что в тех немногих вариантах, где героем является царский сын, сказка приобретает неожиданно фантастические черты: герой сражается со змеем или приобретает волшебный «кальчик», из которого сыплется серебро. Реалистические черты ее стираются. А иногда [афанасьевский вариант] она всецело переходит из группы сказок-новелл в группу сказок фантастических, и, отрываясь от своей среды-создательницы, теряет социальный смысл.

МАТРЕНА (№ 49)

Из обыкновенной сказки о злой жене, которой пугают чорта [А н. 1164], сказочник делает морализующий рассказ. Он переносит центр тяжести на то, что чорту не нравятся добрые дела горшечника, потому что «бесу не нравится, когда добродетель будут делать. Он смущает все на худые дела». Поэтому он грозит горшене: «Делай дела бесовские, а не то подведу». Добродетельный мужик не боится чорта, и тот, чтобы погубить его,

душит губернаторскую дочь. Обычным способом герой прогоняет его. Но несмотря на традиционную сюжетную схему, интерпретация сказки такова, что она получает большую морализующую нагрузку и теряет свой характер веселого анекдота. Глупый чорт, обманутый хитрым и жадным мужиком, превращается в Сатану, с которым ведет борьбу Добродетель и конечно побеждает. Так выразилась в сказке психо-идеология набожного старика-рассказчика.

ОБЕЛЬЩИНА (№ 50)

«Обельщиной» называются местности, имевшие «обельную грамоту», освобождавшую население от воинской повинности. Привилегия эта была отменена только после революции 1917 г.

Возможно, что обельная грамота давалась населению — колонизатору далеких северных окраин — в виде поощрения к заселению глухих и далеких мест. Подобные обельные села встречаются по всему Северному краю вплоть до Печоры.

Местное население связывает возникновение этой привилегии с именем инокини Марфы, матери первого Романова, бывшей в тех местах в ссылке. Села, в которых останавливалась она по дороге в Москву на коронацию сына, получили грамоту. Иногда имя ее смешивается с весьма популярным там именем Марфы-Посадницы, якобы оградившей потомков «новгородских кровей». Митрофанов же, как видим, без достаточных оснований, связывает это с именем императрицы Елизаветы, которую якобы «преследовала смута».

№№ 51–52. *Записаны в деревне Яндом-озеро
от МИХАИЛА ЕВДОКИМОВИЧА УЛЬЯНОВА, 40 лет*

КОШЕЛЬ (№ 51)

О сказителе никаких сведений не имеется.

«Кошель» — первая его сказка — весьма распространена. В каталоге носит название «Любовник в виде чорта» [А н. 1360, I]. Весьма часто, как и в нашем варианте, любовником этим оказывается поп или дьякон. И сказка примыкает к большому циклу сказок о попах-любовниках (см. сборник Ю. М. Соколова

«Поп и мужик». Изд. «Academia»). В таких случаях мужику легко обратить любовника в чорта, разлохматив ему длинные волосы. Иногда любовником оказывается барин (см. сказку Залусской «Овернюшко») или богатый мужик. Тогда герой забирает у него хорошее платье, деньги, лошадей. Он превращает любовника в «нежить», вымазав его сажей или замотав его в лошадиную шкуру и т. д. Во всяком случае в роли пострадавшего любовника всегда выводится представитель другого, враждебного, класса.

Весьма часто продолжением этой сказки бывает сказка о шуте (см. вариант Залусской «Овернюшко»). Тогда социальный смысл сказки особенно заостряется. Бедняк торжествует над всеми своими врагами: над барином, над богатым мужиком, лишившим его единственной лошади, над помещиком.

Поп и старец (№ 52)

Вторая сказка Ульянова [А н. 785] принадлежит к циклу рассказов, легенд и анекдотов, говорящих о поповской жадности. Как известно, поповская жадность осуждается в многочисленных пословицах, поговорках и песнях. Сказка тоже не отстает от остальных жанров. Сказки о поповской жадности записаны во всех уголках нашего Союза (см. сборн. Ю. М. Соколова «Поп и мужик»). В нашей сказке поп из жадности разбивает икону, съедает чужую просфору, отделяется от товарищей. А этого он не хотел сделать даже под угрозой смерти. Так что жадность в нем оказалась сильнее страха смерти.

Сказки о жадности попов естественно создавались и приживались в крестьянстве. Экономически зависевшее от попа, принужденное содержать его и его семью на свой счет, принужденное платить за все религиозные требы, крестьянство таким образом выливалось свой гнев на классового врага.

№№ 53–54. *Записаны в деревне Сибово
от ДМИТРИЯ АНДРЕЕВИЧА ОРЕХОВА, 42 года*

Орехов — рыбак. Он постоянно уезжает на целые недели рыбалить с артелью. Известно, что лучшее время и место для рассказывания сказок — это артельная тоня. Тоню ведут в очередь, поэтому всегда часть рыбаков бывает свободна. Единственное,

что может занять досуг, — это рассказы. Тут-то и выступает на сцену сказка. Рыбная ловля, так же как лесные промыслы, способствует обмену репертуаром и расширению его у отдельных сказочников.

Орехов славится как сказочник среди рыбаков и крестьян Сибова. Поэтому, несмотря на то, что в его семье нет взрослых дочерей, почти все малые и большие девичьи беседы происходят в избе Орехова. Хозяин привлекает себе молодежь умением рассказывать.

Хорошо грамотный, Орехов предпочитает сказки, прочитанные им в книгах: «Бову», «Еруслана», «Лорда-Милорда». «Бабы» сказки не любит, говорит: «Бабы — вереницы (путаницы), а в книгах былицы, у вас в городе книги люди читают, а у нас вместо книг сказку умную если послушать, и то развитие будет».

Орехов бывал в городе, и в сказках он с видимым удовольствием останавливается на подробностях городского быта, на словах вроде «министры», «сенаторы» и т. д.

Побыв в царское время в солдатах, он с особенным сочувствием относится к своему герою-солдату, но природное добродушие заставляет сказочника отпустить царя-мучителя, только сказав ему: «да не издевайся больше над нашим братом-солдатом».

Рассказывает Орехов деловито, спокойно и всегда за работой — он или-плетет сети, или строгают поплавки, или готовит наживку. Первой его сказкой была сказка —

Солдат АНДРЕЙ (№ 53)

Аналогичный сюжет приведен выше — в сказке Исаковой «Волк — медной лоб» (№ 7).

При сравнении этих двух вариантов становится ясно, как психо-идеология рассказчика влияет на интерпретацию сказки: реакционно-настроенная Исакова снимает с царя всю вину за мытарства солдата, бедняк-общественник Орехов, наоборот, объясняет все сластолюбием и жадностью царя, неправотой пользующегося своей неограниченной властью. У Исаковой царь «залюбил» Ивана за исполнение приказаний. У Орехова он сердится за это, «зlobится» на министра, который не сумел известить героя, и т. д. Наконец кроткий царь Исаковой не тро-

гает жены солдата и отдает ему царство за привезенные диковинки. В данной сказке красавица спасается волшебством от насилия царя; на возвратившегося Андрея царь посылает солдат. Но, как всегда, герой побеждает врага. Однако солдат не мстит царю, а прогоняет его живым и невредимым, подчеркивая, что отбирает царство, чтобы «не издевался над нашим братом-солдатом».

Вторая сказка Орехова — Про ПЕТРА ВЕЛИКОГО (№ 54)

Среди многочисленных сказок о царях, где царь, как представитель враждебного класса, играет всегда отрицательную, смешную или жалкую роль, выделяется одна группа. В этой группе царь играет роль положительную, всегда становится на сторону мужика-бедняка против бояр или сенаторов. Он даже помогает мужику обогатиться за счет боярской глупости, т. е. принимает на себя облик «мужицкого царя». Обычно сказки эти связаны с именами Ивана Грозного или Петра Великого. По всей вероятности, так отразились исторические воспоминания о борьбе Ивана IV с крупными феодалами и о борьбе Петра с представителями старинного боярства. Сказки эти принадлежат к типу, названному в каталоге «Умные ответы» [А н. 921, I]. Знаком А обозначается в нем группа сказок, говорящих об ответе мужика царю на вопрос о заработке (наш вариант). В группе В «Гуси с Руси» царь загадочно беседует с крестьянином и сам предлагает ему прислать «гусей с Руси», чтобы крестьянин «отеребил» их. Здесь еще ярче подчеркивается контакт царя с крестьянином против боярства.

В нашем варианте формула «Гуси с Руси» отсутствует, но эпизод ощипывания остается.

Очень резкую социальную заостренность сюжет этот имеет в варианте Ончукова «Царь и Черепан». Там самые мудрые ответы Черепана получают социальную нагрузку. Он говорит про царя, что царь дик, потому что «у бояр полны погреба денег лежат, да все их жалуют, а у нужного у бедного с зубов кожу дерет, да все подать берет». Таким же образом он отвечает на вопросы царя о полах и боярах. Царь, желая наградить умного мужика, заставляет бояр покупать горшки. Одного боярина черепан всячески унижает, торгуясь с ним за последний горшок.

№ 55. *Записана в деревне Сибово
от КУЗЬМЫ СЕМЕНОВИЧА КУДРОВА, 83 года*

Кудров — дряхлый старик, нищий. Не имеет хозяйства, живет в почти разрушенной хибарке. Он — типичный представитель деклассированного элемента деревни. Вследствие своего материального положения он оторвался от середняцкого крестьянского круга, но не примкнул и к деревенской бедноте. Лишенный социальных корней, старик начал пьянствовать и постепенно спивается. Односельчане относятся к нему как к шуту, однако несколько побаиваются его языка, так как в трезвом виде Кудров громит деревню, уверяя, что крестьяне уважают только богатых, что как только у него рубль заведется, так ему кланяться станут и т. д. Во всех его разговорах видно резко-отрицательное отношение к крестьянскому благополучию, к преклонению перед материальными благами, которых он сам лишился. Он ненавидит за это деревню и кричит об атом. Эта же мысль подчеркивается им и в сказке, где солдат возвращается в город богачом и «...черемонию, люми-нацию ему строили. Пожалуйте, — говорят, — пожалуйста. Так-то, брат. Как шапку денег увидели, так и нужен стал, а как был раньше, так никому не нужен был — на крыльцо не пускали. Так и в деревне, когда с деньгами, так всем хороший, а как нету денег, так никому не нужен» (№ 55).

Таким образом Кудров является до известной степени выразителем социального бунта, но, лишенный классовых корней, бунт этот разрешается впустую и приводит старика только к беспробудному пьянству.

Как рассказчик, Кудров очень интересен. Он чрезвычайно темпераментно относится к своему рассказу и невольно увлекает слушателя. Все время он обращается к аудитории, объясняя, подчеркивая, высказывая свое мнение, причем всегда выделяет интонационно эти обращения из общего тона речи.

Кудров не сидит спокойно во время рассказа. Он вскакивает, показывая, как было дело, стучит по столу, изображая грохот катящейся головы, делает вид, что пьет из бутылки, запрокинув голову и булькая горлом. Всячески обильно жестикулирует. В нем явно видны остатки скоморошьей исполнительской традиции. Общее впечатление от исполнения

чрезвычайно живого сценического действия, не выходящего, однако, за пределы иллюстрированного жестом и движением рассказа.

К сожалению, от него удалось записать только одну сказку, «о Петре Великом и солдате» [А н. 952], так как большей частью он бывал пьян и нес нечто мало понятное.

Но запись от него былины и сказки, а главное то, что он получил за это деньги, безусловно несколько подняла его в глазах деревни.

№ № 56–58. *Записаны в селе Кижси*

от МИХЕЯ КИРИЛЛОВИЧА МИХЕЕВА, 72 года

Он слепой, совсем дряхлый старик. Живет на покое у своего сына. В доме много детей, и раньше старик рассказывал им сказки, пел песни. Последние годы стал очень религиозен и суров. Сказки считает грехом и рассказывал нам только для того, чтобы получить деньги на табак, которого ему не дают. Поэтому и рассказывал он сурово с застывшим лицом, явно не одобряя себя и нас. В сказки старался внести морализующий момент: «Косачи и тетери — боковы», «Я нынче верю, что не человек [зло] делает, а вино проклятое» и т. п. Под конец, в назидание нам и желая, видимо, очистить свою совесть, он прочел «слово об истинной молитве» и целое нравоучение о грехе и аде, смысл которого сводился к тому, что тот, кто забавляется сказками, — обречен на вечную гибель. Рассказаны им сказки: «Упрямая баба», «Соль», присказка.

УПРЯМАЯ БАБА (№ 56)

Сказка эта из цикла широко известных и всюду бытующих анекдотов об упрямых женах [А н. 1365]. Жена по ничтожному поводу спорит с мужем, не хочет сознаться в своей неправоте и дает зарыть себя в могилу. То она называет барских гусей своими, то бритую бороду стриженной, то (наш вариант) диких птиц батюшкиными.

Подобные рассказы имеют и своего литературного предка в сборнике XVIII в. «Великое зеркало», где жена уверяет мужа, что поле не кошено, а стрижено. Муж броса-

ет ее в реку, она выставляет из воды руку «творяще знамение перестами наподобие ножницы». Наш вариант отличается от других тем, что в нем жена сознается в неправоте и остается жива.

Соль (№ 57)

Подобный вариант мы знаем только в записи Афанасьева. В других случаях известны записи отдельных эпизодов: рассказанный самостоятельно эпизод с солью и похищенной царевной, где совсем отсутствует вторая часть нашей сказки (сила хмеля), или отдельно рассказанный эпизод с хмелем, где нет речи о соли (у Ивана-царевича пал конь, его приносит в город великан и т. д.).

Иногда этот мотив вкрапливается и в другую сказку. Так заканчивается у Ончукова сказка о добрых советах «замахнись, а не ударь». Вариант же Афанасьева, записанный в Архангельской губернии, точно соответствует нашей записи.

№ 59. Записана в деревне Грибановщина (близ Толвуя) от НАСТИ ГРИБАНОВОЙ, 12 лет

Внучка известного сказочника. Сказки она знает от деда. Рассказала две сказки на ходу, провожая из одной деревни в другую. Рассказывает по-детски просто, без затей, следя только за фабульной нитью. Но, придерживаясь, видимо, хорошей дедовской традиции, внимательно выдерживает принцип тричности. В сказке № 59 даже дословно передает трижды повторяющееся действие.

ПАРЕНЬ — ГАД (№ 59)

В основе рассказа «Парень-гад» безусловно лежит фантастический сюжет о снятии заклятия с заколдованного царевича. Но рассказ полон реалистических подробностей и переведен в план бытовой почти бывальщины. Кстати и рассказан он девочкой в подтверждение ее слов о превращениях людей. Им она объяснила происхождение кукушки. Сюжет этот известен в западноевропейской литературе. На русской почве варианты нам неизвестны.

№№ 60–63. *Записаны в деревне Падм-озеро*
от ДМИТРИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА БЕЛОУСОВА, 62 года

Сведений о сказочнике не имеется. Рассказчик он очень искусный. Все его рассказы носят ярко выраженный анекдотический характер. Его первая сказка —

«МЕРТВЫЕ ДОРОГИ» (№ 60)

Сказка прекрасно рассказана. Множество деталей разнообразит текст. См. например разговор барина с Иваном. Барин чем больше пугается, тем почтительней становится с дураком («Ванька... Иван... Ван Ваныч...»).

Сказка принадлежит к циклу рассказов о дураках, которые ловчее умных [А н. 1635].

Известны два подобных варианта в сборнике Афанасьева. В первом варианте дурак сначала обвиняет богатых братьев в убийстве матери, потом барина и наконец попа. Забрав ото всех деньги, он обманывает братьев; те убивают своих жен и попадают в Сибирь.

Во второй записи он уверяет чиновника, что тот убил царскую золотошвейку.

ДВА ВОРА (№ 61)

Сказка «Два вора» [А н. 1654] — одна из лучших у Белоусова. Рассказы о том, как должник притворяется мертвым, чтобы не отдать копеечку, вообще довольно многочисленны. У Белоусова, так же как в записи Соколовых, он носит характер воровского анекдота. Но иногда он приобретает острую социальную направленность. Так, в варианте Афанасьева, озаглавленном «Скряга», богатый и скупой купец Марка увидел, что бедняк дал нищему копеечку. Марка берет у бедняка займы копейку, заставляет его ходить за долгом несколько раз и, наконец, от скупости делает вид, что умирает. Бедняк читает над ним псалтырь. В часовню забираются разбойники. Ссорятся из-за золотой сабли. Решают, что сабля достанется тому, кто отрубит мертвецу голову. Марка вскакивает — разбойники убегают, бросив добычу. Бедняк и богатый делят деньги. «Что ж копеечку?» — спрашивает бедный. — «Эх,

брат, сам видишь, мелких нет». Так-таки и не отдал Марка-Богатый бедняку копеечку».

НЕБЫЛИЦА (№ 62)

Принадлежит к циклу рассказов на тему «Ложь на пари» [А н. 1920]. Такие рассказы очень многочисленны. Составной частью в них входят самые разнообразные небылицы, которые человек рассказывает, чтобы рассердить слушателя и заставить его сказать «врешь». Весьма часто набор таких небылиц рассказывается отдельно, ничем не мотивированно. В таком случае они являются просто шуточными рассказами. Там же, где появляется мотив спора, рассказ социально заостряется. Спор часто происходит, как и в данном варианте, с барином, который принимает всякую небыль, пока дело не касается его дворянской чести; тогда спесивый барин не выдерживает и перебивает рассказчика. Так у Афанасьева рассказчик говорит, что в аду черти на отце барина навоз возят, в нашем варианте — «поганую воду». А в хорутанской сказке, приведенной Афанасьевым, прямо сказано, что черти дворян поджаривают на вертеле.

В варианте Белоусова купец и дворянин сливаются вместе. Образуется как бы единый враждебный социальный комплекс, с которым и расправляется рассказчик.

Рого́зный перед (№ 63)

Единственный вариант этой сказки (без анекдотической концовки Белоусова) находится в красноярском сборнике («Записки Красноярского п/о Восточно-Сибирского отдела Р. Г. О. По этнографии», т. I, с. 2–42). Сравнить еще былинку о жене Святогора и рамочный рассказ из «1001 ночи».

№ 64. *Записана в Петрозаводске
от НАСТАСЬИ СТЕПАНОВНЫ БОГДАНОВОЙ, 65 лет*

Н. С. Богданова — известная сказительница былин и причитаний. Репертуар ее записан в довольно большом количестве Шайжиным, А. М. Астаховой и Ю. М. Соколовым. Она дважды приезжала в Ленинград и Москву, где выступала с былин-

ным репертуаром. Настасья Степановна — сказительница полупрофессионального типа.

С молодых лет она ездит по свадьбам и праздникам, куда ее приглашают специально для сказывания. У нее выработалась даже классическая поза сказительницы — она поет, подперев щеку рукой и слегка покачиваясь.

Репертуар ее, отвечая спросу, огромен. От нее записано больше десятка былин, около двенадцати старинных песен, много духовных стихов.

Она очень любовно относится к былинам и песням, гордится своим знанием старины и цепко держится за него. Может быть здесь, помимо ее художественной натуры, играет роль и та сравнительная материальная самостоятельность, которую она получила благодаря сказыванию. Муж ее был лесником, получал очень мало, и заработок Настасьи Степановны играл в их жизни немалую роль. Однако лесничий прогнал Богданова за то, что жена его пела и сказывала на свадьбах и беседах. «Разве можно допускать, чтобы жена пела, это дело нищее» — заявил он, давая расчет. После этого Настасье Степановне пришлось особенно много сказывать, чтобы поддержать свое существование. Она приобрела большую славу. Ее возили на праздники за много верст. В 1913 г. ее наконец вызвали в Петербург, причем исправник запугивал ее: «Там все люди ученые, они тебя петь заставят, а потом за решотки посадят». Даже муж, поддавшись страху, заявил: «Поезжай, если тебе голова на плечах мешает». Но она все-таки поехала.

Перед приездом экспедиции ее опять пугали: «Они, как узнают, что ты сказываешь, сейчас два солдата приведут и стрелят». «Ну, — говорю, — пусть стрелят, одна умирать надо».

Годы революции понизили спрос на искусство Богдановой, муж ее умер, и Настасья Степановна жила в большой бедности, пока на помощь ей не пришел Петрозаводский музей по инициативе ныне покойного В. И. Крылова. За последние годы она дважды приезжала в Ленинград и Москву. Первых собирателей она встретила сурово, но, увидав, что мы искренно интересуемся, не заставила себя просить и охотно пела много часов подряд. Относилась она к этому так добросовестно, что, случайно выпустив из одной быliny побочный эпизод в 25 стихов и вспомнив об этом, когда собирательни-

ца уже уехала, через несколько дней заставила другого члена экспедиции записать эти стихи и дать ей слово, что они будут переданы собирательнице.

Привыкнув быть почетной гостьей на праздниках, Настасья Степановна держится важно и сурово. Мы называли ее «Степановна»; она рассердилась и сказала: «У меня имя-то есть, поп меня крестил, значит имя дал. Настасья я — вот как».

В быту Настасья Степановна пересыпает свою речь поговорками «Близкая копейка — дальний рубль» (кладя пятак за божницу), «Верно ученая, хоть и молода — неуча в попы по Вологде не ставят» (о собирательнице), «Я не в пень, не в колоду, в свою породу» (говоря о певунье-матери), «Король да князь пали в грязь» (о революции).

Сказки Настасья Степановна любит меньше былин, но относится и к ним серьезно. Рассказывает сурово, ровно, но великолепно тонирует диалог. Все время боится, что ее неверно поймут, что-нибудь перепутают, для чего всегда вставляет ремарку («...это царь говорит», «это он кричит»), между тем как это совсем не нужно, потому что голоса действующих лиц она подает различно. Рассказав небольшой кусочек, Настасья Степановна спрашивает: «Записала? Хорошо записала? Ну то-то», и, только уверившись, что все в порядке, рассказывает дальше.

НАСТАСЬЯ-КОРОЛЕВА (№ 64)

Эта сказка — очень характерный пример соединения целого ряда сюжетов, забвения основной схемы и создания на ее почве новой. В основе лежит сказка о подмененной невесте [А н. 450] и о братце и сестрице (Аленушка и Иванушка). В ней брат превращается в козленка, царь женится на сестре; мачеха топит ее и заменяет родной дочерью, козленочка хотят зарезать; все выясняется.

Богданова забывает основную роль козленка и дает ему совсем другое назначение. Однако у нее сохраняется воспоминание о прежнем сюжете в обращении козленка к царевне: «Сестричка-Настасьюшка».

В виде завязки Богдановой использованы, совершенно не связанные с этим сюжетом, эпизоды обещанного ребенка (отдай чего дома не знаешь) и чудесного бегства.

Нужно отметить, что обычно в сюжете обещанного ребенка речь всегда идет о *сыне*; его происхождения и составляют сюжет сказки.

Богданова использовала его как оправдание и мотивировку бегства девушки-царевны.

Подобное же соединение различных сюжетов имели мы еще в одной записи, сделанной в том же Петрозаводском уезде Ончуковым.

ПИНЕГА

№№ 65–68. *Записаны в деревне Остров (близ Суры)*
от ЕВФРОСИНИИ АББАКОВНЫ ДОРОФЕЕВОЙ, 63 года

Дорофеева — одинокая старуха, имеющая на своих руках маленькую внучку. Чтобы прокормить себя и ребенка, Дорофеева исполняет различные работы по соседям, прядет, стирает, чинит сети. Живет очень бедно. Постоянно занятая борьбой за существование, заваленная мелкой домашней работой, Дорофеева вообще сказок не рассказывает. В селе за ней репутация сказочницы не утвердилась. Случайно узнав о нашем интересе к сказкам, она сама зазвала нас к себе в избу, и оказалась интересной рассказчицей. Больше всего поражает в ее сказках стремление к рифмованной и ритмизованной речи, пронизывающее насквозь ее тексты («Какова стрела, какова судьба, такова жена», «Вельможа ковры принимал, головой качал», «Претворила, да замесила, да в холодну печь посадила», «Которое не допье, то за рукав лье» и т. д.). Дорофеева твердо придерживается сказочной обрядности, сохраняя принцип троичности и широко пользуясь сказочными формулами, вообще старается дать классический образец фантастической сказки.

Тяжелое материальное положение Дорофеевой заставляет ее сочувствовать беднякам, и чтобы вызвать симпатию к своим героям, она всегда делает их материально необеспеченными, не останавливаясь даже перед получающимся противоречием. Так, у Ивана-царевича, вопреки его положению царского сына, «денег ни гроша и хлеба ни куска»; чтобы ему приобрести силу, он должен хорошо питаться «кислым молоком и солониной». Дети купца принуждены итти в учение, потому что ему нечем их кормить.

Беднякам она противопоставляет богатых, которых награждает отрицательными чертами или же смеется над ними: богатый брат не только не помогает бедному, но и издевается над ним, посылая его угоститься водой из бочки; царские урядники и сенаторы потеют, но не могут сделать того, что делает герой, и т. д.

СВЕТ-ЛУНА (№ 65)

Сказка эта известна под названием «Царевна-Лягушка» [А н. 402]. Обычно вторая часть ее (поиски жены) заключает в себе или троекратную встречу Ивана-царевича с царевной, когда ее надо удержать в руках, или же вызволение ее от Кощея. Дорофеева соединяет эти два момента и слегка модернизирует конец, вводя «советника и волшебника». Этот волшебник, который носит Ивана-царевича под облаками, несомненно перекликается с Черномором. «Заморные» залы по всей вероятности мраморные залы, судя по тому, как эта объяснила сказочница: «красивые таки, в городах так ладют красиво, таким обоям».

СЕМЬ СЕМЕОНОВ (№ 66)

Сказка «Семь Семеонов» [А н. 654] впервые была напечатана в книге «Лекарство от задумчивости и бессоницы, или вторая часть настоящих русских сказок», еще в 1818 г.; отсюда она перешла в лубки и широко распространилась в массах.

Однако, несмотря на большое распространение лубка, количество вариантов данной сказки, записанных от исполнителей, чрезвычайно ограничено. Андреев указывает только четыре варианта, из которых три падают на сборник Афанасьева; один записан Иваницким в б. Вологодской губернии.

Два варианта из сборника Афанасьева чрезвычайно сходны с литературным текстом и носят яркий отпечаток своего крепостнического времени. Так, в лубочном издании царь за услугу отпускает Семеонов на волю; в афанасьевских вариантах царь велит не брать с Семеонов оброку или разрешает владеть землей. Так же и в лубке в этих сказках дан образ царя «благочестивого», милостивого, не терпящего греха в своем царстве и щедро награждающего за услугу. Лубочный текст,

видимо, еще недостаточно трансформировался в новой среде и несет на себе всю идеологическую нагрузку среды создательницы.

Дорофеева, оставляя традиционную сюжетную схему, переносит весь рассказ в другой план. Он приобретает реалистические черты, он в полной мере отражает в себе психологию рассказчицы-беднячки.

Семь Семеонов, бедняки-богатыри, сами себе обязаны своим мастерством. Царь не благодетельствует им, не приходит в добродетельный ужас от искусного вора Семеона, а горячится от «хвастовства» братьев и требует, чтобы они свое дело показывали. Его сенаторы и урядники пасуют перед Семеонами, Царь, лишенный всякого величия, суетится, горячится, вопит.

Направленность сказки, ее насмешка над царем особенно заметна в диалоге между царем и Семеоном, сидящим на верхушке столба. Царь суетится внизу и кричит:

«А цого ты види-и-шь?» — «Вижу, батюшко мой на ножи вошь давит...» непочтительно и реалистично отвечает Семеон.

Когда царь приказывает достать Елену Прекрасную, он «разгоречился, велит ему Елену достать, а то всем голова с плеч».

Это в то время как в лубочном источнике царь Адор говорит величественно: «Друзья мои, отправьтесь в путь возможно скорее, ибо я не могу жить без Елены Прекрасной».

Так сказка, еще тесно связанная со своим книжным предком, рассчитанным на мелкобуржуазного потребителя, приобретает новые черты, перейдя в другую социальную среду.

Нужда (№ 67)

Известный сюжет о запертом горе или нужде [А н. 735]. Наиболее разработано дан этот сюжет у Афанасьева. Там говорится о том, как живут два брата: один переезжает в город, записывается в купцы, живет богато, другой — голодает. Бедняк просит у купца хлеба. Тот заставляет его за ковригу работать целую неделю. Купец зовет брата с женой на именины и не угощает их. Возвращаясь, бедняк затягивает песню, чтобы соседи думали, что и он выпил. Ему подпевает горе. Горе заманивает его в кабаки. Назавтра горе требует похмелья. И так до тех пор, пока бедняк не делается нищим. Горе тогда указывает ему

клад. Хозяин сбрасывает горе в яму и засыпает. Бедняк богатеет. Старший брат завидует ему, узнает все и выпускает горе. То переходит к богатею и разоряет его, заставляя пить. Купец обманывает горе, предлагая ему забиться в колесную втулку. Забивает туда клин и топит • колесо вместе с горем.

Редакция Дорофеевой, как видно, гораздо схематичнее. В репертуаре Дорофеевой эта сказка очень органична и вполне соответствует его общему характеру. (О происхождении сказок об участии — см. примеч. к № 37).

Мудужирушко (№ 68)

Мудужирушко — прекрасный образец детской цепной сказки. Единственный записанный нами вариант в этом роде.

№ 69. *Записана в деревне Слуде (Сура)*
от ИОВА ЕФРЕМОВИЧА НЕХОРОШКО, 63 года

Сведений о Нехорошко не имеется. Его сказка —

По колена ноги в золоте (№ 69)

Сказка эта [А н. 707] далеко не единственная, которую он знает, но, по его словам, любимая.

Сюжет этой сказки послужил материалом для пушкинского «Царя Салтана». Он весьма распространен на Севере, но Нехорошко дает очень любопытный вариант, вводя эпизод погони Егибовой за мальчиками.

Мотив о детях, превращенных в волков, тоже встречается редко (запись Петухова в Пермском уезде — Пермский сборн. I, «Поющее дерево и птица говорунья»), так же как активная роль девушки — Марфы Прекрасной, персонажа, нигде не вводимого. В общем это один из интереснейших вариантов данного сюжета.

Любопытна мотивировка суда над царицей — ее судят, так как подозревают в измене царю с человеком «простого» звания, почему она якобы и родила простых детей.

№№ 70–74. Записаны в деревне Поганец Сурской волости от АНИСЬИ ХРАМЦОВОЙ, 12 лет

Аниска — школьница. Славится среди своих подруг как сказочница. Ее сейчас же позвали к нам, собралась большая толпа ребят. Оказывается, сказки ее любят все ее сверстники. Она рассказывает постоянно, ребята знают ее репертуар и подсказывают ей, про что рассказывать.

Хотя Храмцова хорошая ученица, прекрасно читает и знает наизусть стихи из учебной книги, ей не приходится иметь дело ни с какой литературой, так как деревня стоит в стороне от волости, совершенно отрезана от всякой культурной работы, не имеет даже избы-читальни или хотя бы школьной библиотечки. Так что Анисья со своими сказками заменяет ребятам книги. У нее прочная постоянная аудитория, состоящая из ее сверстников и даже подростков 15–16 лет. Дети очень гордятся своей рассказчицей: нас спрашивали ребята с другого конца деревни: «Аниску записывали?», «Анисья вам сказывала?» А взрослые совершенно не знают о ее популярности. Даже ее собственная мать чрезвычайно удивилась, когда узнала, что «Аниску записывают». Похоже, что ребята сознательно скрывают «свою» рассказчицу. А между тем у них есть даже своеобразный клуб на старых бревнах у околицы, куда они, как в привычное место, повели нас слушать Аниску.

Подобно тому как в среде взрослых хороший сказитель или песенник пользуется уважением и любовью, Аниска в своей среде тоже окружена известным ореолом.

Сама она очень слабенькая, щуплая, на вид не старше 7–8 лет, однако ее, по словам ребят, никто не обижает. «У нас парни Аниску не задевают, а то она сказывать не станет, так самого ребята прогонят» — объяснил нам задорный парень, который все время дергал девочек и огрызался, но сразу притих, когда пришла Аниска.

Это единственный случай, когда мы встретились в детской среде со сказочником, державшимся почти профессионально и имеющим постоянную аудиторию.

Деревня Поганец благодаря целому ряду условий сохранила в огромном количестве старинную протяжную песню, былину, вообще наиболее архаический материал из всего Пинежского района. Репертуар Аниски также состоит почти ис-

ключительно из хорошо сохраненной фантастической сказки, причем она совсем не схематизирует, не сокращает сказки (как склонны это делать дети), а, наоборот, детализирует, украшает ее и тщательно сохраняет обрядность (хотя бы строго проведенный повсюду принцип троичности).

На примере Поганца можно видеть, как в местностях, отрезанных от культурного влияния, лишенных книг, газет и т. д., сказочная фантастика иногда не только продолжает по инерции жить среди старого поколения, но и остается актуальной, сохраняется и распространяется среди детей и подростков, по необходимости являясь для них суррогатом книги и до известной степени удовлетворяя их любознательность.

Аннушка (№ 70)

Это — любимая сказка Аниски и ее аудитории — про то, как девушка «сквозь землю просела» [А н. 722]. Начало этой сказки сходно с началом сказки о «Пепельнице» (№ 15), где отец хочет жениться на дочери. Невольные невесты спасаются от своих женихов, кровных родственников. Пепельница различными способами спасается от отца. Сестра же во всех известных вариантах (а их всего четыре: в сборнике Афанасьева — №№ 164, 45 и Ончунова — №№ 47, 71) проседает сквозь землю, сопровождаемая насмешливыми приговорами куколок (иногда веретешков). В подземном царстве девушка попадает к бабе-Яге, откуда убегает при помощи другой девушки или старичка. Бегству обычно помогают традиционные кремешок, гребешок и ножницы.

В варианте Ончукова вводится еще один персонаж — Семигорлый сын бабы-Яги. Девушки замазывают ему горла, но он пролизывает их и зовет мать на помощь.

В другом варианте необычайно интересная завязка сказки: девушка убивает младшую сестру; убитая приходит домой ночью, просит пустить ее в избу. Брат требует, чтобы она назвала его мужем. Она называет и проседает сквозь землю, попадает к бабе-Яге и спасается от нее. Тут завязка явно не соответствует дальнейшему развитию действия, так как брат зовет замуж, баба-Яга собирается съесть и, наконец, спасается — мертвая уже девушка. По всей вероятности тут произошло смешение двух самостоятельных сказок. Это тем более

вероятно, что сказочница не доводит сказок до конца, путая ее, и, наконец, обрывает, заявив, что дальше не помнит.

Кроме того на Пинеге существует самостоятельно сказка о Машеньке, которая просится ночью в свою избу. Эта сказка имеет некий признак единства с завязкой предыдущей сказки в стихотворном диалоге девушки и родных (об этом см. примеч. к № 109). Проседание девушки сквозь землю, возможно, есть смутное воспоминание о каких-то древних обычаях, карающих кровосмесительные браки.

ДВЕ ДОМАНУШКИ (№ 71)

Вторая сказка Аниски «Две доманушки» (т. е. доможирихи — жены домовых) не имеет известных нам вариантов. Сказка очень любопытная, центр тяжести ее ложится на загадочные вопросы и ответы на них.

КОЗА-ДЕРЕЗА (№ 72)

«Коза-дереза» [А н. 212] — одна из распространеннейших детских сказок. Аниска рассказывает ее очень эффектно, оттеняя голоса всех зверей, играя на звукоподражании и даже слегка *изображая* (так, она «бьет копытом» землю, когда говорит от имени коня, вытирает кулаком глаза, когда плачет заяц, и т. д.).

ГЛУПЫЕ ЛЮДИ (№ 73)

В сказке «Глупые люди» герой ищет и находит людей глупее своей родни, оплакивающей судьбы неродившихся детей [А н. 1384]. В подобных сказках осмеивается людская недогадливость и глупость. Поэтому люди, встречающиеся герою, делают вещи самые необычайные. В различных вариантах этой сказки чрезвычайно многообразны глупости, проделываемые людьми: то тащат корову на крышу, чтобы накормить ее выросшей там травой, то хозяйка бежит с ложкой в погреб за сметаной, то плотники вытягивают короткое бревно и т. д. Большинство эпизодов этих вошло в состав книги, пользовавшейся огромным успехом и известной под заглавием «Анекдоты или веселые похождения старинных пошехонцев» (СПБ., 1821 г.).

ИВАНУШКА И ЕГИБИШНА (№ 74)

Сказка «Иванушка и Егибишна» [А н. 327С] — одна из самых популярных детских сказок на Севере и по всему Союзу: нами записано около десяти ее вариантов, в «Указателе» приведено их еще двадцать пять. На Севере она больше известна под названием «Олесанушко» (ласкательное имя от Александра). На этой сказке всего виднее, как тщательно придерживается Аниска традиционных повторений, не сокращая сказки. Она не скупится повторять дословно целые сцены, и из этих-то повторений создает сказку. Обычно детям свойственно сокращать сказку и таким образом динамизировать ее.

*№№ 75–80. Записаны в деревне Засурье
от АГРАФЕНЫ ЕФИМОВНЫ ЧЕРНОУСОВОЙ, 54 года*

Черноусова — прекрасная сказочница, обладающая к тому же огромным материалом. По ее словам, она знает не меньше сорока сказок. Это подтверждают и ее соседки, составляющие ее постоянную аудиторию. Черноусова рассказывает такое же большое количество коротеньких историй и анекдотов. Однако, к сожалению, только ничтожная часть ее репертуара пригодна для печати, потому что Черноусова принадлежит к тому типу сказочников, которых А. И. Никифоров в своей статье («Етногр. Вістн.» 1930, № 9) определил как юмористов-эротиков. Весь репертуар ее специфичен и полон эротических подробностей.

Фантастической сказки она не любит и почти не рассказывает.

ЧУДНЫЕ ЗАЙЦЫ (№ 75)

Сказку «Чудные зайцы» она рассказывала дважды. В первый раз в обществе своих соседок — зрелых женщин; вариант этот, очень остроумный правда, в печати невоспроизводим. Второй раз она рассказывала ее в присутствии девушки-племянницы, и сказка приобрела вид вполне пристойный.

Сказка эта [А н. 1630] сравнительно мало распространена на русской почве. Известные в литературе два варианта относятся тоже к Северному краю.

Вариант, записанный Ончуковым, чрезвычайно близок к нашей сказке и отличается от нее только более развитым концом: баре уезжают от пастуха, чтобы не платить ему жалованья. Пастух прицепляется к коляске и на первой же станции требует с барина деньги.

В записи Соколовых сказка имеет длинную завязку, свойственную другим фантастическим сказкам: царевна объявляет, что выйдет замуж за человека, загадок которого она не сумеет отгадать. Иван-дурак загадывает загадки. Царевна не может их отгадать. Чтобы спастись от брака с дураком, царевна поручает ему пасти зайцев. В дальнейшем сказка развивается так же, как у Черноусовой. У нашей сказочницы скомкан конец, который в обоих других вариантах основан на новом требовании со стороны работодателя. Не желая выплачивать пастуху жалованье, он требует, чтобы тот рассказал мешок сказок. Пастух рассказывает похождение барыни (царицы) и дочери, а когда доходит до барина (царя), тот кричит, перебивая, что мешок уже полон (сравнить с небылицами, № 62). У Черноусовой несколько непонятен в данном случае эпизод с дочерью помещика. Почему важно увидеть у нее родимое пятно? Объясняется это простой забывчивостью сказочницы или ее желанием сократить сказку, так как в первой редакции Черноусовой пятно это играло следующую роль: пастух объявляет, что расскажет о нем всем, если помещичья дочь не выйдет за него замуж. Та принуждена стать его женой.

Сюжет о заячьем пастухе, завладевшем царевной, известен нам и в западной традиции. Такова сказка Гримма № 165; к этому же типу можно отнести и сказку Андерсена «Свинопас», где свинопас отдает царевне три диковинки за поцелуи.

В русских сказках (варианты наши и Ончукова) сказка социально заостряется перенесением действия из безличной царской или богатырской сферы в близкую сказителю помещичью или батрацкую среду. Ясно, что сказка была воспринята и переработана в среде сельскохозяйственного пролетариата, который и сделал героем ее батрака и осмеял классового врага — помещика.

Дурна работница. Глупый жених.
Караулыца (№№ 76, 77, 78)

Эти три рассказа Черноусовой представляют собой коротенькие анекдоты. «Дурна работница» и «Глупый жених»

построены на игре слов. «Караульщица» [А н. 1525] принадлежит к циклу рассказов о ловких ворах и распространена повсеместно.

Доможириха. Бывальщина (№№ 79 и 80)

Репертуар Черноусовой пополняется огромным запасом бывальщин. Женщина она очень суеверная и хранит в памяти своей десятки случаев встречи с «нечистыми» соседями и родственниками. Ее собственный «опыт» в этом направлении тоже очень богат. Образцами подобных рассказов Черноусовой служат бывальщины «Доможириха» и «Бывальщина», № 80 (подробности см. примеч. к бывальщинам).

№№ 81–83. *Записаны в селе Сура-Погост
от АЛЕКСАНДРА ИВАНОВИЧА РАДИОНОВА, 18 лет*

Плотовщик Радионов — сказочник случайный. Рассказывал только для того, чтобы его тоже «записали». К сказкам относится иронически, но, обладая большой памятью, вспомнил, что слышал от других, хотя в то время особенно не прислушивался. Выбирает по преимуществу веселые рассказы, большинство из которых к печати не пригодны.

Солило (№ 81)

О первом рассказе своем про «солило» Радионов утверждал, что это истинное происшествие, героем которого был он сам. Анекдот этот принадлежит к числу распространенных рассказов о ловких обманщиках, пользующихся людской глупостью. Обычно он связан с героем-прохожим (бродягой, солдатом и т. д.). Сказочник поддерживает эту традицию. Рассказ заостряется своим бытовым приурочиванием; построен он на исторической, близкой еще нам действительности, приурочен к 1922 г.

Как Ивана медведь возил (№ 82)

Вторая сказка «Как Ивана медведь возил» [А н. 1876 В + 1877 + 1910] состоит из трех частей: 1) Журавли на веревке, 2) Человек в дупле, 3) Медведь в упряжи.

Все эти рассказы принадлежат к типу небылиц, встречаются в различных вариантах, иногда же бывают вкраплены в другие типы сказок.

Наиболее близкое нашему варианту сочетание дает запись из сборника Афанасьева. Там мужик ловит журавлей, напоив их пьяными, привязывает к телеге. Журавли поднимают телегу на воздух. Мужик обрезает веревки, падает в болото. Через некоторое время он должен снова выехать из дому, но боится журавлей. Его привязывают к телеге. Лошадь подходит к озеру, пьет, выходит из хомута. Охотники гонят медведя, тот падает в хомут, везет привязанного мужика. Лезет на дерево за медом. Хозяин борти рубит дерево. Ствол раздавливает телегу и пассажира. Медведь убегает. Другое сочетание — человека в дупле и медведя в упряжи — мы встречаем в сборн. Эрлейнвейна и Зеленина.

В сборнике Соколовых [С к. 67] «Человек в дупле» входит как эпизод в сказку о наказанном любовнике. Бродяга засыпает на осине. Падает в дупло. Дровосек срубает дерево, пугается выскочившего из дупла человека и убегает. Лошадь и телега остаются рассказчику. Он едет в деревню. Дальше развивается обычный сюжет наказанного любовника. Вообще рассказы типа «не любо — не слушай» всегда состоят из большого количества нанизанных эпизодов, и сочетанья их многообразны.

Герой сказки хвастается своим полетом, говоря, что он «на ероплане летал». Этот модернизирующий штрих внесен в старую сказку самим молодым рассказчиком и вызвал единодушный восторг всей аудитории.

ЗАМ — ОТКРОЙСЯ (№ 83)

Последняя сказка Радионова «Зам — откройся» — не что иное как восточная сказка об «Али-Бабе и сорока разбойниках» [А н. 676]. Варианты этой сказки мы имеем у Афанасьева, Смирнова, Худякова, Чубинского. Наиболее интересен вариант Афанасьева, сильно осложненный обрамляющим эпизодом. Бедному крестьянину хотят помочь соседи. Один под благовидным предлогом ссужает его тремястами рублей. Бедняк кладет их в маленьку с золой. Жена продает маленьку. Второй сосед дает ему пятьсот рублей. Он кладет их в шапку — шапку уносит ворон. Соседи соглашаются отсрочить долг.

Бедняк едет в лес за дровами. Дальше развивается история с разбойниками. Разбогатец, крестьянин покупает гостиницу, находит там во дворе маленьку с деньгами, а в саду—шапку, которую ворон превратил в гнездо.

Интересно, откуда попала эта сказка к Радионову. На Севере нами не зарегистрировано больше ни одного варианта. Вернее всего, что он получил ее из книг и по всей вероятности предком ее является именно восточный вариант, так как в русских вариантах не встречается слова: «Сезам», а в немецком, гриммовском, «Сезам» переделан в «Семси». У Радионова же «Зам» безусловно есть искаженный «Сезам».

Интересно, как осмысляет рассказчик непонятное для него слово. На наш вопрос: «Что такое Зам?» он отвечает, что это «Замóк»: «Замóк, откройся, а теперь все по-короткому говорят. Вот и «Зам».

*№№ 84–88. Записаны в селе Сура-Погост (Пинега)
от ДУНИ РЯБОВОЙ, 12 лет*

Дуня Рябова — одна из лучших представительниц детей-сказочников. Репертуар у нее очень большой. Состоит главным образом из так называемой «робящей сказки», потому что Дуне приходилось нянчить и забавлять двух младших ребяташек. Это видно хотя бы из того, что часть Дуниного репертуара перешла и к ее младшей сестренке, которая сама охотно рассказывает.

Однако не только стремление потешить ребяташек влечет Дуню к сказке. Девочка чутко воспринимает всякое слово, она любит и песню, и стих, и былинку. Очень музыкальная, она прислушивается к старшим и учится у них. Старинные песни, былины, духовные стихи были в изрядном количестве записаны от Рябовой. Сказки она рассказывает прекрасно. Как большинство детских, северных в особенности, сказок — они насквозь диалогичны, и вот этот-то диалог Дуня передает с огромным мастерством. Каждому действующему лицу она дает его голос, его интонацию.

ПРО ТЕПЛУ ИЗБУ (№ 86)

В особенности хороша в этом отношении сказка «Про теплу избу», где девочка даже в ремарке указывает на голос действу-

ющего лица («В-р р — медведь верчит», «Вересцит свинья» и т. д.). Говоря за Егибову «толстым» голосом, а за овечку — тонким, переходя на голоса ягнят, девочка объясняет «тоже тонким и растяжным». Когда в сказке встречаются песни или ритмические фразы, девочка поет их на твердо установленный ею мотив («Выгляни в окосецко...», «Ба-а, кыцаньки...»).

Дуня вносит в сказку ряд бытовых черт, делающих рассказ живее и интимнее. Так, мать-овечка печет детям шанюшки, девочка в куклы играет с подружками; хозяйственный мужик говорит вору: «У меня, у доброго хозяина, нице не своруешь» и т. д.

Кирка-вор (№ 88)

Как сказано выше, большинство сказок Рябовой принадлежит к детским сказкам; несколько выпадает из этого плана сказка про Кирку-вора, принадлежащая к циклу рассказов о ловких ворах [А н. 1525 А]. Рассказы эти очень многочисленны, пользуются обычно большим успехом и любовью. Ловкий вор, потомок героя плутовской новеллы, обрисован всегда в сочувственных тонах. Все плутни его обращаются против барина, царя, священника или другого какого-нибудь представителя враждебного класса. Сам вор — представитель деклассированного элемента, выходец из обычно беднейшего крестьянства. Сказка так и говорит, что ему «кормиться нечем», и другого выхода, кроме плутовства и воровства, старая жизнь ему не давала. Особенна заострена социально эта сказка, когда она обращает свое жало против попов или архиереев (об этом см. подробнее в примеч. к сказке Соболя «Турандай», № 167).

Плутовская сказка широко вошла в лубки и книжные переделки. Так, известен лубок «О воре и бурой корове», которая затем издавалась и в стихотворных лубочных изданиях. Она же известна и в литературной переделке Даля («Сказки и рассказы казака Луганского», III, с. 477).

№№ 89–92. Записаны в деревне Чернильница (близ Шотовой Горы)

от ПАРМЕНА ЕГОРОВИЧА ЧЕМАКИНА, 23 года

Чемакин — рыбак. Обладает большим сказочным материалом. От него удалось записать конспективно около двадцати ска-

зок. Однако полностью пришлось записать только семь, так как он спешил на рыбную ловлю на озера.

Чемакину рано пришлось сделаться главой семьи и хозяином дома, что состарило его раньше времени. Он не по летам степенен, рассудителен и домовит. Подростком, оставшись сиротой с младшими братьями на руках, он должен был взвалить себе на плечи хозяйство и семью. Он сразу же начал рыбалить. Так как отец его тоже был рыбаком и имел снаряжение, Чемакина сразу приняли полноправным членом в артель. Артель состояла из крепких середняков-крестьян двумя поколениями старше мальчика. С ними Чемакин рыбалит из года в год. Став хозяином, проводя большую часть времени в лесах и на озерах с людьми много старше его, Чемакин естественно оторвался от своих сверстников и воспринял психоидеологию своих старших товарищей по работе. Он больше принадлежит их поколению, чем своему собственному.

Типичный представитель мелкобуржуазной собственнической среды, Чемакин не чужд ее религиозных и демонологических верований. Озабоченный своим хозяйством, зависящим от природы, он, не поколебленный еще в вере старшего поколения, отдает его под защиту добрых духов; он ищет спасения от злобы нечистых, прибегая к самому сильному из добрых духов — богу. Отсюда многочисленные его рассказы о домовых, чертях, леших. Отсюда постоянные напоминания о боге, морализация и назидательные выводы, на первый взгляд кажущиеся странными в устах молодого парня.

В двух сказках Чемакин особенно подчеркивает моральные выводы из истории. Мужик записал чорту свою душу, получил богатство, но не радуется ему, а молится богу и помогает нищим. В конце концов он спасается благодаря своему милосердию и может умереть чистой смертью.

«Бес человеку дан на посрамление» — говорит он в другой сказке.

Сказки Чемакин рассказывает подробно, любовно и тщательно разрисовывает диалоги, дает яркий тип центрального героя. Особенно обращает на себя внимание мягкость и незлобливость, которыми он наделяет своих героев. Разговоры пастухов с братьями (№ 89) звучат почти женски мягко («Здравствуй, дитяtko», «Трудно тебе, дитяtko»). Когда братья обманывают Ивана, он даже не пытается упрекнуть их, но

так как он попадает дома в тяжелое положение («они на лошадях ездили, а он пешком ходил, да лес носил»), просто уходит, куда глаза глядят. Его новые товарищи оказываются не лучше братьев, пытаются погубить его, однако он и тут не мстит им, а просто уходит от них.

Его герои не только не мстительны, а добры и внимательны. Ванюшка, у которого нет ни крошки хлеба, собственноручно моет старичка и отдает ему лучшую свою рубаху. Он сочувствует страданию зверей и помогает им, думая: «мне плохо, а ему хуже». Даже мальчик, которому отец грозит смертью сознается, что выпустил золотого человека, чтобы спасти невинную.

ИВАН-ГОРОШКО (№ 89)

Одна из лучших сказок Чемакина — «Иван-Горошко» — интересный пример соединения в одну сказку двух сродных сюжетов. Обычно в русской сказочной традиции существуют два типа сказок об освобождении похищенной девушки. Один тип — победитель змея [А н. 300], другой тип — медное, серебряное, золотое царство [Ан. 301] (см. сказки Митрофанова «Окати-Горошек» — № 41 и Синевой «Вихревое царство» — № 14 и примеч. к ним). Сказок такого типа очень много и, пожалуй, они являются наиболее распространенными. В каталоге Андреева их перечислено свыше пятидесяти вариантов.

Особенностью варианта Чемакина является объединение этих типов воедино. При этом получается некоторое дублирование; герой дважды спасает девушек, дважды покинут своими товарищами и т. д. Мотив чудесного зачатия героя обычно является завязкой сказки, здесь же, в этом соединенном сюжете, он оказывается в центре повествования.

Психология домовитого крестьянина, всеми корнями связанного с индивидуальным своим хозяйством, со своей землей, с обычаями и законами своей среды, сказывается в мельчайших деталях этой с казни. Как только братья вернулись домой, получили золото Ивана, они стали стремиться «построиться и отделиться». Сами они возили лес (для изб) на лошадях, а для него (младшего) лошадь жалели, и ему пришлось лес носить на себе. Он уходит от них, находит себе новых товарищей, но не стремится к подвигам (обычно герой и товарищей-то себе подбирает, отправляясь уже на подвиг), а поселяется с ними на

горке и рубит хатку. Все трое начинают делать расчистку, т. е. выкорчевывают себе поле, чтобы заниматься исконным своим делом — земледелием, крестьянствовать. Только случайность толкает их на новые подвиги и приключения.

ВОЛШЕБНО ЗЕРКАЛЬЦО (№ 90)

Сказка о «Волшебном зеркальце» на Севере распространена сравнительно мало, это единственный встреченный нами вариант. Но в каталоге Андреева [А н. 329] отмечено четырнадцать вариантов из других местностей Союза. Обычная схема этой сказки — Елена Премудрая заставляет героя три раза спрятаться от нее, герой прячется с помощью животных, затем за волшебным зеркалом, и в конце концов получает ее руку. У Ончукова место волшебницы-Елены занимает царь-чернокнижник, который просто забавляется этим, так как «этим царям, што дурно, то потешно».

Чемакин несколько отступает от традиционной схемы. Во-первых, волшебница сразу становится его женой и улетает от него, потому что не хочет «такая красавица за мужиком жить» — опять мотив социального неравенства (см. №№ 3, 146).

Весь эпизод со зверями напоминает подобный же эпизод, традиционно присутствующий в сказке о «Кощее» [А н. 302].

Завязка данной сказки у Чемакина тоже необычна и напоминает завязку сказки Митрофанова «Три слова», № 48 (своего счастья нет, так живи жениным счастьем).

На мотиве чудесного прятанья основана песня о вдовином сыне Иване и царе Волшане, приведенная у Рыбникова (Песни. Т. I. С. 443).

ЗОЛОТОЙ ЧЕЛОВЕК (№ 91)

Сказка о «Золотом человеке» помечена в сказочном каталоге под № 502. Она довольно распространена по Союзу. Андреев насчитывает свыше пятнадцати вариантов. Сказка эта имела множество литературных изданий: впервые она печаталась в сборнике «Дедушкины прогулки», тогда же вышла лубочным изданием. Литературная переделка ее сделана Далем. Наибольшим распространением пользовалась она в дешевом издании типографии Евреинова под названием «Жар-птица

и сильный могучий богатырь Иван-царевич, победитель Змея-Горыныча и братьев его» (М., 1839 г.).

Этот сказочный сюжет передается иногда так, что в роли царевича и его дядьки выступают царевна и злая служанка (см. сказку Чорной «Кукушка-помошница», № 96).

ЧОРТ И СОВИК (№ 92)

Бывальщина «Чорт и совик» почти дословно передает историю «О гордости и ярости», помещенную в «Великом Зерцале» (гл. 54) и ходившую во множестве списков и рукописных сборников, «Цветников» Соловецкого-монастыря и др. В том числе — в рукописном сборнике XVII—XVIII вв. в Соликамском уезде (см. подробнее журнал «Север». Кн. 2. С. 170).

*№№ 93–98. Записаны в селе Шотова-Гора
от ПРАСКОВЬИ ДИМИТРИЕВНЫ ЧОРНОЙ, 62 года*

П. Д. Чорная — «досюльная», неграмотная бабка-беднячка. Репертуар Чорной состоит главным образом из «рбящей» сказки — типичной детской сказки с многочисленными повторениями («Горохово зерныско» [А н. 241, I], «Решата» [А н. 282]) и присказок.

НИКОЛА ДУПЛЕНСКОЙ (№ 98)

Сказка о «Николе Дупленском» [А н. 1380] принадлежит к числу наиболее любимых и широко распространенных на Севере. Чорная рассказывает ее несколько схематично. Обычно эта сказка более развита: жена просит Николу ослепить ее мужа. Муж притворяется слепым. Жена зовет любовника и кормит его блинами. Уходит из избы за маслом (водой). Муж убивает любовника и сует ему в рот блины, как будто тот подавился. Таким образом эта сказка обычно говорит о наказанном любовнике, примыкая к этому циклу. Чорная же совсем не выводит на сцену любовника, говорит только о наказании неверной жены.

Иногда эта сказка развивается дальше [О н ч. 50]. Супруги сбывают с рук мертвеца к богатому соседу, тот, испугавшись, относит его в амбар к купцу и т. д., пока мертвец не попада-

ет наконец в реку, где и тонет. Ср. историю о Горбуне в «1001 ночи».

№№ 99–102. *Записаны в селе Шотова Гора
от ЕВДОКИМА СУХАРЕВА, 12 лет*

Сухарев — школьник. Знает множество сказок и историй, прочитанных в книгах. Он очень любит рассказывать, рассказывает постоянно, но славы сказочника среди своих сверстников не заслужил. Большинство рассказанных им вещей — пересказы из хрестоматий, но и запас настоящих сказок у Сухарева довольно значителен. И если «Заяц-хваста» ярко обнаруживает свое книжное происхождение (о нем рассказчик так и сказал: «Читал в книжке, да не упомяну где»), а «Кривая уточка» и «Лесная хата» [А н. 480 С] рассказаны очень схематично, то сказка «Орел» [А н. 313 В] говорит уже о хорошей сказочной традиции. Недаром мальчик перенял ее от старой бабушки.

ОРЕЛ (№ 102)

Сказка эта, как мы уже видели (см. примеч. к № 1), принадлежит к циклу сказок об обещанном сыне и магическом бегстве. В каталоге она выделена в особый тип **в**, в связи с ее началом — ссорой зверей и птиц и получением от орла чудесного ящичка. Между прочим начало этой сказки — ссора зверей — постоянно рассказывается на Пинеге как самостоятельная сказка. Сухарев, соблюдая всю сказочную обрядность, великолепно развивая диалоги, скомкал самый конец рассказа, являющийся обычно центральным местом (чудесное бегство). Тут он даже не выдерживает принципа троичности, тщательно проводимого раньше. Возможно, что юный сказочник просто забыл рассказ.

№№ 103–108. *Записаны в деревне Церкова-Гора
от АНИСЬИ ТАРАКАНОВОЙ, 16 лет*

Она — старшая дочка и единственная работница в многодетной бедняцкой семье. Заваленная тяжелой домашней работой, девочка почти не училась и малограмотна. Ей приходится ра-

ботать не только дома, но часто уходить и на поденщину. Девочка угрюма и резка. Сказки ее, которыми она дома забавляет младших детей, очень грубы, рассчитаны часто на специфический эффект. Полноправная хозяйка дома, озлобленная тяжелой жизнью, она сурово обращается с малышами, щиплет их и колотит почем зря. В сказках она тоже придумывает жестокие наказания. Так, в одной из ее сказок царь велит снять с Егибовой кожу и посадить ее в печь, где медленно изжарить; глупую Улиту [А н. 1466] парни разрывают на куски; в сказке о Золушке падчерица приказывает выколоть мачехе глаза и т. д.

Очевидно девочке приходилось очень плохо в чужих людях, что она заставляет золотую рыбку возмутиться не требованием старухи стать богом (в большинстве вариантов), а желанием *иметь прислугу*. Девочка, видимо, на собственной судьбе почувствовала и осознала несправедливость и тяжесть эксплуатации человека человеком и ставит такое желание в бóльшую вину бабке, чем все ее остальные требования. Желание иметь прислугу для нее идентично с желанием всячески издеваться и помыкать человеком, что, к сожалению, ей пришлось испытать на себе самой.

«Улита» [А н. 1466 + 1457] представляет собой соединение мотива о шепелявых и слепых невестах с мотивом о дураках, делающих все невпопад. Близкие варианты нам неизвестны. Сказка эта пользуется большим успехом в семье Таракановой. Ее сразу называли младшие дети как самую интересную и самую смешную.

Лиса-плакса. Золота сапоцка. Золотая рыбка (№№ 104, 105, 107)

Сказки «Лиса-плакса, «Золота сапоцка» [А н. 715] и «Золотая рыбка» [Ан. 555] принадлежат к «робящим» сказкам и ими Анисья тешит своих воспитанников.

№№ 109–112. *Записаны в селе Шардомень от школьницы АННЫ ЧЕМАКИНОЙ, 12 лет*

Машенька (№ 109)

Первая сказка, рассказанная Чемакиной, «Машенька» — очень

любопытна и заслуживает специального исследования. Как самостоятельная сказка она не значится в каталоге Андреева и не встречается нигде в известной нам литературе.

В сказке «Сестра-убийца», вошедшей в сборник Ончукова завязка чрезвычайно близка к «Машеньке». Там девушка убивает сестру, родные зовут убитую в баню. Она не откликается. Ночью она возвращается домой, просится в избу. Брат соглашается ее пустить, если она выйдет за него замуж. С этого момента традиционно развивается сюжет о просевшей сквозь землю девушке (см. примеч. к № 70). Зов родителей и просьба девушки впустить ее, данные в стихотворной форме, очень похожи в обеих записях и заставляют предполагать общего предка.

В нашей сказке родители зовут:

Машенька, доченька,
Подь в баенку,
Баенка истоплена, изготовлена;
Твой веничок
На печном столбе приколочен.

У Ончукова:

Дитяtko, дитяtko,
Поди домой,
Тебе баенка истоплена,
Свежа вода наношена.

В нашем варианте.

Машенька просит братьев пустить ее в избу:

Брателки, пустите в клетоцку
На кроватоцку.
У меня руцушки озябли,
У меня ножецки озябли,
Волки те лают на огороде,
Меня младу младешеньку
Съесть хотят.

У Ончукова:

Брателко, брателко,
Отворь ворота,

Отворь широки,
Первы волки через тын глядят,
Вторы волки через лес глядят,
Третьи волки меня съисть хотят
По рукам, по ножкам,
По ретивому сердечку.

Как указывалось (примеч. к № 170), вариант Ончукова логически обесмыслен — дело происходит с мертвой девушкой, требование брата не имеет под собой почвы, а дальнейшее развитие действия не соответствует завязке. У Чемакиной все строго последовательно. Девушка в субботу, когда мать истопила баню, уходит за ягодами. Не откликается, несмотря на зов и беспокойство своей семьи. Приходит ночью, обращается к родным, никто не хочет впустить ее, если она не исполнит странного требования — назвать всех родных свойственниками: отца — свекром, мать — свекрухой и т. д. Девушка предпочитает смерть и замерзает.

№№ 113–117. *Записаны в деревне Немнюга
от ПАЛЛАДИИ ДОРОФЕЕВНЫ ПАТРИКЕЕВОЙ, 64 года*

Патрикеева — глава крепкой середняцкой семьи. Несмотря на присутствие в доме женатого сына, человека средних лет, хозяйственного и положительного, и невестки, старуха занимает в семье первое место и считается хозяйкой. Объясняется это как ее незаурядным умом и властным характером, так главным образом тем, что она является добытчиком в доме и экономически семья в значительной степени зависит от ее заработка. Палладия Дорофеевна «ладит» в бане, помогает при родах, заговаривает. Поветь ее полна засушенных лекарственных растений, голова заговорами. При этом она резко отмежевывается от обычных знахарей и колдунов. Она считает, что голое слово мало помогает, а «надо бы с травкой, да чтобы в пору собрана была». С большим интересом расспрашивает она о методах городского лечения, о целебных свойствах незнакомых ей растений, узнает, как лечит в волости фельдшер. Славится она главным образом как искусная массажистка. Люди к ней идут охотно, хотя она и несколько сурова с ними. Так, например, очень распространенную на Пинеге болезнь «икоту» (истерию) она считает притворством и не берется ее

лечить. «Это бабы так делают, чтобы мужья уважали, не били и работой не давили».

Разговаривая с этой умной, рассудительной старухой, свысока и скептически смотрящей на своих односельчан, находишь странной ее веру в нечисть, бесов, леших, но знание «нечисти» есть необходимый атрибут ее ремесла: оно помогает ей конкурировать с другими знахарками. Она, так же как и те, «знает дело, да еще прибавляет настой из трав. Может быть одни травы не имели бы такого успеха. Возможно, что поэтому репертуар Патрикеевой состоит сплошь из бывальщины о леших, о мертвецах и т. д. (см. примеч. к бывальщинам).

Бывальщина (№ 113)

Только первая сказка Патрикеевой, хотя и названная ею также «бывальщина», является международно-распространенным сюжетом [А н. 885]. Особенно известный в романских странах, он обработан даже Боккачио в его «Декамероне» (см. Созонович. К вопросу о западном влиянии на славянскую и русскую литературу. С. 47).

На русской почве однако нам известен только один еще вариант, записанный Шахматовым в б. Олонецкой губернии.

*№№ 118–123. Записаны в деревне Обросово
от ЛИДИИ ЕВДОКИМОВНЫ ЗАЛУССКОЙ, 39 лет*

Сведения о сказительнице очень скудные. Известно только, что она хорошо грамотна и что несколько лет жила в г. Архангельске в дом работницах.

Сказки рассказывает с большим увлечением. Отличаются они очень развитым диалогом, который Залусская всегда несколько инсценирует.

Овернюшко (№ 118)

Сказка «Овернюшко» принадлежит к типу «Дорогая кожа» [А н. 1534]. Завязкой ее по существу является сюжет о «любовнике в виде чорта» (см. сказку «Кошель» — № 51). Обычно герой является бедным братом богача. Иногда богач сам убивает

единственную лошаденку брата. Иногда обманывает брата, что кожи в городе дороги. Залусская смазывает этот социальный момент борьбы бедняка с богачом. Ее Оверя не принадлежит к определенной классовой группе, свою кобылу он убивает, не желая ссориться с товарищами. Все остальное с его стороны просто шутка, а не месть, как мы это видим в других вариантах, где социальный момент иногда очень заострен. Так, в варианте Ончукова рассказывает, что у богатого брата было три лошади, а у бедного одна, но богач кормил своих коней только в воскресенье, а целую неделю ездил. Бедняк же получил их на один день, а кормить их за это должен был целую неделю. Богач слышал, как брат, погоняя четверку, покрикивал: «Эх, вы, кони мои» и за это отрубил голову единственной кобыле брата: «Не осваивай-де чужих коней». Здесь ярко показана в сказке и эксплуатация бедняка богачом, имеющим в руках орудие производства, и собственнические инстинкты богача. Недаром сказка эта записана от батрака, принужденного вечно «бурлачить» и испытавшего-много на своей шкуре.

ХАМ-ВОР (№ 119)

Сказка «Хам-вор» — одна из наиболее распространенных на Севере.

Настоящий вариант состоит из соединения двух сюжетов: «Царь и вор» [А н. 951 В] и «Сокровищница Рампсинита» [А н. 950]. Обе эти части бытуют и отдельно, но на Пинеге они большей частью соединены вместе.

Весьма часто сказка эта связывается с именем Петра Великого (см. вступительную статью). Сама же она имеет очень длинную биографию, она встречается уже у Геродота (кн. II, гл. СХХ; см. «Сказочные мотивы в истории Геродота», «Журн. мин. нар. просв.» 1877 г., январь и 1882 г., ноябрь).

Остальные рассказы Залусской принадлежат к бывалыцинам и говорят главным образом о мертвецах.

№№ 124–130. *Записаны в деревне Холм
от НИКОЛАЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ЛОХНОВСКОГО, 74 года*

Лохновский — слепой старик. Живет с сыном, энергичным деревенским общественником-партийцем. В семье двое ребят, но

дед им никогда не рассказывает. Вообще он настолько дряхл, что ему трудно разговаривать. Он почти не подымается с постели. Но репертуар у него очень большой. Нам он стал рассказывать по настоянию сына, который убедил его, что это нужно для науки. В процессе работы старик увлекся и стал сам настаивать, чтобы записывать за ним еще и еще.

Говорит он с трудом, делает большие паузы, иногда прерывает рассказ, чтобы отдохнуть.

Репертуар Лохновского состоит из фантастической сказки и бывальщин.

Последние он с твердой уверенностью выдает за действительные происшествия. Он приурочивает их к определенным местам, называет имена действующих лиц, а иногда говорит: «Он и сейчас живет, — да кто не скажу».

Его убеждение в том, что происшествие это случилось в одной из соседних деревень и с людьми, которых он хорошо знает, — непоколебимо. Так, по его словам, в волка (№ 129) превращался сын его соседа.

Волк (№ 121)

Бывальщина эта чрезвычайно близка к старому сказанию Бургундии, повествующему об охотнике, который убил волка и дошел до избушки, где старуха перевязывала сыну руку. В свою очередь, бургундское сказание является почти неизменной формой античного рассказа, закрепленного в литературе Петронием (см. *Клингер*, «Животные в античном и современном суеверии». Киев 1911 г.).

КАК СЕНО ПОТОПИЛОСЬ (№ 130)

Другое предание Лохновский связывает с небольшим озером «Каскомень», куда он специально ходил слушать звон подводных церквей. Но и это сказание принадлежит к типу широко распространенных рассказов о залитых городах, селах и монастырях (см. Сумцов, Сказания о провалившихся городах. Сб. Харьк. ист.-фил. о-ва. Т. VIII. С. 297) [А н. 768]. Известен даже целый ряд литературных произведений, построенных на этом материале, например: Мицкевич, «Свитезянка»; Данилевский, «Озерослободка» и т. д.

Бывальщины Лохновского оказываются таким образом не местными преданиями, а широко известны и международно распространены.

Ворон Воронович. Исполинушка (№№ 124, 126)

Среди фантастических сказок, рассказанных Лохновским, наибольшей любовью его пользуются «Ворон Воронович» и «Исполинушка». Первая относится к типу сказок о трех царствах [А н. 301], вторая известна по сборнику «1001 ночь» под названием «Лампа Аладина» [А н. 561]. Сюжет этот на русской почве мало распространен, в каталоге указаны только два варианта.

Присказка (№ 127)

Лохновский позабыл многое из своего огромного когда-то репертуара. Ряд сказок он не мог докончить, в других встречаются большие провалы. Одной из таких забытых им сказок оказывается «Урка». Она несомненно является стихотворным переложением сказки о съеденном мальчике. Сказка эта была напечатана в сборнике бр. Гриммов под названием «Маһandelboom». В русской литературе она известна по произведению Жуковского «Тюльпанное дерево». Сказка рассказывает о том, как мачеха убивает пасынка и дает его съесть отцу. Сестра собирает косточки. Останки мальчика превращаются в птицу. Птица приносит жернов и убивает мачеху. Мальчик оживает. В целом ряде западных вариантов песня птицы дается в стихотворной форме. Один из немецких вариантов почти дословно равен нашей «Урке»:

Meine Mutter kochte mich,
Mein Vater aß mich.
Schwesterchen untern untern Tische sass,
Die Knöchlein all all auffass.

МЕЗЕНЬ

№№ 131–134. *Записаны в деревне Пустынна, близ Вожеор от КЛАВДИИ ВАСИЛЬЕВНЫ ГРЯЗНОВОЙ, 18 лет*

К. В. Грязнова — дочь известного на селе сказочника Василия Грязнова, репертуар которого записан А. И. Никифоровым. Грязнову я застала рассказывающей в одной избе, где собралось несколько девушек за шитьем. Оказывается, она постоянно рассказывает в кругу своих подруг то, что слышала от отца или от бабушки. Она точно передает слышанное, мало внося своего личного и всецело следуя стилю своего первоисточника. Так, сказку «Краса — Долгая Коса» она слышала от бабушки, и вся сказка звучит мягко, по-женски певуче, со строгим сохранением обрядности, с прекрасными повторениями («Баю-баю, Ванюшка, не плачь, не реви, вырастешь большой, возьмешь замуж Красную Красу — Долгую Косу, трех маток доцку, трех бабок внуцку, девяти братьев сестру»).

В то же время сказка «Иван Бессмертный», слышанная от отца, носит и в передаче девушки все черты мужского исполнения: знание солдатского быта, служебных отношений, большую долю реализма, внесенного в фантастическую сказку, специфические слова и поступки («Нет,—говорит,— я любитель есть попивать, а тут у вас самогону нет, скушно тут у вас»).

Интересно было бы сравнить тексты Грязновой с текстами, записанными у ее отца и полученными из одного источника, тогда наглядно можно было бы видеть, что каждый сказочник внес своего в рассказ.

КРАСА — ДОЛГАЯ КОСА (№ 131)

Сказка «Краса — Долгая Коса» — это сюжет о добываемой невесте Царь-девице [Ан. 400 В], свидание с которой герой трижды просыпает. Сюжет этот в Северном крае встречается очень редко. Все записи, указанные в каталоге, падают на среднюю полосу Союза и один вариант на Украину.

Наиболее близок к нашему варианту вариант, приведенный у Афанасьева.

Однако самый эпизод добывания царевны построен совсем иначе. Герой получает невесту, добыв яйцо, в котором заключается любовь царевны, — подобно тому, как добывает Иван-царевич Кощееву смерть.

В другом варианте герой спасает свою суженую от Ивана — русского богатыря, за что и получает ее в жены. Однако

в большинстве случаев ему приходится бороться с самой царевной, обиженной его невольной неучтивостью.

Участие злой мачехи в данном сюжете почти обязательно, но мотивировано различно. Либо она сама влюблена в героя и поэтому хочет разлучить его с царевной, либо она влюблена в его дядьку и поэтому хочет погубить царевича.

В нашем варианте Иванушка получает царевну окончательно только тогда, когда вывозит ее из лесу. Этот момент встречается весьма часто в северных сказках. Царевна теряет свою силу или волшебство, когда герой вывозит ее «на Русь», или «на свою границу», или «на чистое место» (т. е. безлесное место). Возможно, что тут отразилось представление о лесе, как о месте, полном колдовства и нечисти.

Оригинальна у Грязновой издевка царевны над Иваном: «Это не богатырь — это титьки сосать», а также загадочный ее намек на предательство слуги, причесывавшего Ивана: «Гребешок пусть ломает, в воду бросает». В других вариантах царевна предупреждает Ивана письмом, записочкой или «цидулькой».

ИВАН БЕССМЕРТНЫЙ (№ 132)

Сказка «Иван Бессмертный» в сущности является опытом циклизации ряда солдатских сказок, объединенных вокруг одного героя — солдата.

Составные части ее следующие: 1) «Ума много да денег нет» [А н. 855]. Солдат слышит разговор генералов о красавице (в многочисленных северных вариантах она называется «Московская красавица»). Хвастает, что возьмет ее в жены. Под видом принца (генерала) проникает в ее комнату, проводит с ней ночь. Она узнает об обмане по найденной солдатской пуговице. Находит солдата, дает ему деньги. Солдат записывается в купцы, богатеет и женится на красавице.

Не окончив данный сюжет традиционной женитьбой, Грязнова переходит к новой теме — 2) «Бесстрашного» [Ан. 326 В], где бесстрашный герой — капрал, барин или купеческий сын) подбирает мертвецов, пугает ими разбойников, забирает их деньги. Затем расправляется с нечистой силой, владеющей королевским дворцом, освобождает царевну и женится на ней. Опять, не продолжив традиционной сю-

жетной линии сказочница переходит к сюжету — 3) «Солдат и смерть». Здесь обычно Христос и Петр исполняют три желания солдата: смерть не может сойти со скамьи (или обезврежена иным каким-нибудь способом), солдата не пускают ни в рай, ни в ад.

Грязнова связывает этот последний мотив (о бессмертии героя) с предыдущими. Смерть попадает в руки солдата там же и таким же образом, как и черти. Из ада его выгоняют нечистые, которых он изувечил в пустующем доме. Из рая же он сам уходит, так как он «любитель есть, попивать».

Помещенная в сборнике Озаровской (Пятиречь, № 49) сказка талантливого сказителя художника Б. Шергина иначе объясняет, почему солдат не имеет смерти. Его выгоняют из рая и из ада. В раю солдат «давай на главной просеке лужайку мерять да колье вбивать. Праведные понять не могут, что он творит. «Куроптев, ты што затеял?» — «Я-то? Я вот план снимаю, на предмет застройки пустующей площади зданием трактира». Праведные обращаются к богу. На вопрос бога, знает ли Куроптев, «што полагается за нарушение тишины и спокойствия в общественном месте», солдат отвечает, что праведные потом сами благодарить будут «за трактирное заведение распивочно и на вынос, с продажей папирос». Бог прогоняет Куроптева в ад. Но солдат и там не успокаивается и начинает строить церковь. Черти обманом выводят его за ворота ада, а «только он за ворота, беси ворота на запор, да еще бревен изнутри привалили». Остается Куроптев «не у дел», и бог ставит его «у росстани караулить».

ДВА БРАТА (№ 133)

Сказка «Два брата» построена на довольно редко встречающемся сюжете о двух братьях-близнецах [А н. 303].

Подобные варианты: один в сборнике Афанасьева и другой в сборнике *Ончукова*. У Афанасьева братья Иваны, солдатские сыны, едут добывать себе чести. Первый брат женится на царевне и благополучно царствует. Второй — добывает себе жену, убив трех змей. Водовоз присваивает себе его подвиг, однако все объясняется и Иван становится царем. Эта часть развивает традиционный сюжет о победителе змея.

Однако сказка продолжается, обрастая новыми эпизодами. Царевич Иван гонится за оленем. Попадает в пустынный дом. Встречается с красавицей. Красавица превращается в львицу и съедает его. Брат-близнец едет той же дорогой, хитростью побеждает девицу-львицу и оживляет брата. В варианте, данном Афанасьевым под строкой, девица-львица заменяется бабой-Ягой.

У Ончукова братья чудесно рождаются от выпитой воды и поэтому и называются Иван Водович и Федор Водович. Федор Водович освобождает царевну от змея. Купается в озере, гонится за птичкой. Птица приводит его к бабе-Яге. Баба-Яга хлопает его пестом: «Быть ты, Федор Водович, Серым камнем, лежать отныне и довеку». Иван Водович едет искать брата. Превращает бабу-Ягу в камень и оживляет брата Федора.

Как видно, этот вариант чрезвычайно близок к нашему. Но ни в одном из приведенных вариантов нет мотива звериной охоты и помощи зверей.

Однако в примечаниях Афанасьев приводит украинскую сказку из сборника *Lut Ukrainsky, I*, с. 305–327. В этой сказке братья-близнецы рождаются чудесным образом от воды, заполнявшей следы на скале. Братья идут странствовать и пытаются добыть себе ужин охотой. Звери откупаются, дав им по детенышу. У каждого брата оказывается по пяти звериных слуг. В дальнейшем события разворачиваются так же, как в нашей сказке, вплоть до того, что баба-Яга говорит богатырю: «Возьми-ка, сынок, два прутика да махни ими на своих зверей, неровен час, укусят меня». Звери каменеют. Ивана баба тоже превращает в камень. Это единственный вариант, целиком совпадающий с нашим.

У Грязновой блестяще разработаны как раз все сцены со звериной охотой (сцена караула у спящего хозяина и сцена на пиру). Вообще же в русских сказках мотив звериной охоты встречается довольно часто. Главным образом в связи с сюжетом, известным под названием «Звериное молоко» [А н. 315].

МЕНА (№ 134)

Сказка «Мена» чрезвычайно распространена на Западе. Известна по сборнику бр. Гриммов под названием «Hans im Glück».

Русских вариантов записано не так много. Почти все они, включая и наш, кончаются благополучно для простодушных ста-

риков благодаря доброте жены. Таким образом центр тяжести сказки ложится не на самый факт обмена, а на спор об отношениях старика и старухи. Это и дает основание Андрееву отнести сказку к циклу рассказов о супругах [Ан. 1415]. Сказка несомненно вышла из бюргерской мещанской среды с ее идеализацией домашнего мира, уюта и счастья.

№№ 135–137. *Записаны в селе Вожегоры
от МАРФЫ НИКИТИЧНЫ ЛЕШУКОВОЙ, 45 лет*

ПОКОЙНИЦА-ВОРОВКА (№ 135)

Первая сказка Лешуковой — «Покойница-воровка» [Ан. 1536] — заострена против богатого брата, высмеивает его скупость, жадность и глупость. Социальная направленность сказки и ее происхождение из бедняцкой среды (М. Н. Лешукова — одинокая беднячка) вполне ясны, и не зря беднячка-сказительница первой назвала ее, перечисляя свой репертуар: сказка вполне отвечает ее психо-идеологии (ср. № 57).

В других сказках Лешуковой социальные моменты выражены гораздо слабее.

ВÓРОНЫ (№ 136)

Сказка «Вóроны» несомненно заимствована из литературного источника. На русской почве варианты нам неизвестны [Ан. 451]. В западной литературе широко распространена под названием «Двенадцать братьев» или «Черные вóроны» и «Дикие лебеди». В западных вариантах превращение детей объясняется кознями мачехи. В мезенском — мачеха вовсе не фигурирует. Уход детей мотивируется желанием убить сыновей ради дочери. Мотив отца, желающего рожденья дочери, а не сына, служит завязкой целого ряда северных сказок (см. примеч. к № 96).

ИВАН УГЛОВ (№ 137)

Сказка основана на вере в чертей и нечисть, гнездящуюся в бане. Баня вообще считается местом нечистым, где неосторожный человек всегда может попасть во власть чорта или

обдериhi (см. примеч. к Бывальщинам). Особенно опасна баня для новорожденного. Черти подстерегают невинную душу, и если ребенка, не перекрестив, занесет кто-нибудь в баню, уносят его. Этот похищенный ребенок растет у чертей и иногда может вернуться к родителям. Подобных рассказов сохранилось на Севере очень большое количество.

В частности рассказы о женитьбе парня на воспитаннице чертей [А н. 813 А] мы знаем по сборнику Афанасьева и Соколовых. У Афанасьева в первом варианте чорт сам предлагает незадачливому парню выбрать себе невесту. Он выводит ему двенадцать одинаковых красавиц. Парень, заранее наученный девушкой, выбирает ту, у которой на правой щеке мушка. Здесь сказочник обратился к знакомому эпизоду из фантастической сказки об обещанном сыне. Дальше выясняется, что девушка эта — поповна, которую отец в сердцах послал к чертям.

В другом варианте девушка сама приходит к юноше, который играет на гуслях (у Соколовых — на балалайке).

Лешукова уснащает весь рассказ подробностями, отражающими суеверия мезенцев. Так, зять смотрит на пиршество чертей между ног, так как только так человек по своей воле может увидеть нечистых. Чорт подбирает всю разбитую царскую посуду, потому что до сих пор женщины считают, что неосторожное обращение с посудой «тешит чертей», которые подбирают черепки, и бабы говорят про неосторожную хозяйку, что она «чортов дом богатит» и т. д.

№№ 138–140. *Записаны в деревне Лебская
от ЯКОВА ЕВДОКИМОВИЧА ГОЛЬЧИКОВА, 61 год*

Гольчиков — деревенский сапожник, поддерживающий ремеслом свое скудное хозяйство. Много лет он отбывает военную службу, что и нашло свое отражение в его сказках, особенно в сказке «Иван-солдат». Героем этой сказки является солдат. В ней видно детальное знание старого солдатского быта, воспоминание о муштре и дисциплинарных строгостях («прежде били, мучали, стегали...»). Сама картина страхов, которые должен пережить Иван, могла возникнуть только в воображении человека, хорошо знакомого с ужасами старой солдатчины. Его пугают не черти, а фельдфебели, офицеры, полковники. Они грозят розгами, из-

биениями, казнями. Его соблазняют производством в офицеры и выплатой жалованья. «Солдатская казарма, солдатская походная и военная жизнь были той обстановкой, где творилась и воскресала подобная сказка... Выработанные самой тяжелой борьбой за существование солдатская хитрость и выносливость помогают солдату в сказке добиться удовлетворенья своих желаний... Солдатская сказка выработала не только свои образы и типы, но имеет и в лексиконе, и в стиле, и в ритме свою солдатско-сказочную поэтику» (Соколов Б. Русский фольклор. II. С. 97).

«В солдатской сказке фантастика всегда является в призме казарменной обстановки и казарменных впечатлений... Солдатская стихия пронизывает всю сказку, подчиняя и порабощая себе отдельные детали и придавая своеобразный оттенок фантастике» (Азадовский М. Избранные мастера. Изд. «Academia»).

Завязка сказки показывает тяжелое солдатское житье. Солдат убегает со службы, потому что на ней «совсем убьют. Все равно помирать». Он попадает в заколдованный дом; но дом этот не похож на фантастический дворец: «Дом хороший, изукрашенный, небель, цисто все... Шкавы растворены, кушанья, все есть...» По солдатской привычке он выпивает водки, веселится. Козни, которые должен вытерпеть солдат, строят над ним нечистые в образе начальства, причем строго сохраняется порядок военных чинов: сначала является нижний чин, потом фельдфебель, офицеры, полковники и генералы. Не забыт даже полковой доктор.

Расколдованный город оказывается реальным губернским городом, по которому ездят «шпионы», где правит «Синод» и т. д. Наконец найдя свою жену-оборотню, солдат расправляется с ней привычным образом, задав ей хорошую «лупцовку, так что все коварства ей отбил...»

В другой сказке («Чудесная кура») героем хотя и не является солдат, но все же присутствуют черты солдатской среды: любовник мачехи — грубиян-офицер, который шпоры привязывает. В городе на выборах царя за всем смотрят «самые главные генералы». И наконец герой попадает в беду из-за карточной игры и пьянства и т. д.

Большая часть репертуара Гольчикова приобретена им, по его словам, не на службе, а от знаменитого сказочника Ивана

Попова, однако, как мы видели выше, он носит яркий отпечаток исполнителя-солдата.

ИВАН-СОЛДАТ (№ 138)

Сложная сказка [А н. 410, А+ 400, I + 508], составленная из целого ряда самостоятельно живущих сюжетов:

1) Окаменелое царство. В первом варианте Афанасьева солдат убегает со службы, потому что ему приходилось то-и-дело «под палками отдуваться», поступает к царю караулить сад. Гонится за птицей и падает в пропасть. Попадает в окаменелое царство. Отчитывает царство, устояв против всяких козней. Женится на царевне.

Этот вариант, так же как и наш, носит все черты типичной солдатской сказки. Герой — солдат. Завязка — бегство солдата со службы. Ужасы, которые ему приходилось выдержать, — это «подступили к солдату его прежние начальники» и т. д.

Второй вариант, давая ту же сюжетную схему, переносит сказку в другую среду. Герой-крестьянин идет счастья искать. Попадает в окаменелое царство, зажигает восковые свечи и молится богу. На него нападают дьяволы, но молитва спасает и его и его царство. — Та же сказка облекается уже в совершенно другой костюм.

Продолжая повествование, Гольчиков привлекает мотив

2) исчезновения жены. Жена исчезает из-за раннего сжигания платья. Мотив, обычный для сюжета «Царевна-лягушка», где Иван-Царевич неосторожно сжигает лягушечью шкурку. Или в «Кривой уточке», где сжигаются утиные перья. Обратное явление мы знаем в сюжете «Психеи» («Финист — ясный сокол»). Там жена слишком рано видит подлинный облик мужа или портит и уничтожает его внешнее обличье. Так или иначе, покинутый супруг идет искать жену или мужа «через пески сыпучие» и претерпевает всякие лишения пока найдет ее.

В поиски жены Гольчиков вплетает новые эпизоды:

3) благодарные мертвецы. Разработаны они очень своеобразно, несомненно под влиянием былевого эпоса. Богатыри медный, серебряный и золотой — по всей вероятности реми-нисценция трех царств — медного, серебряного и золотого. Они дарят своих коней герою, который в заключительной ча-

сти побеждает благодаря этому врагов. Эта заключительная часть и роль благодарных мертвецов не связаны с сюжетом и являются вводными моментами;

4) очищение жены. Обычно оно не связано с сюжетом исчезнувшей и найденной жены, но в данной сказке оно вполне уместно и органично. Введением этого эпизода сказочник искусно вновь повернул развитие действия к основному сюжету. «Лупцовка» жены мотивируется тем, что она отказывается от своего мужа-спасителя. Обычно же жена радостно встречает мужа. Битье же серебряным, медным и т. д. прутом имеет место в сюжетах, где роль жены сразу резко отрицательна (см. «Рога» — № 3).

ЧУДЕСНАЯ КУРА (№ 139)

Сюжет чудесной птицы [А н. 567]. Один из излюбленных сюжетов в русской сказке. Количество известных вариантов очень велико. Очень часто этот сюжет соединяется с сюжетом «Рогов» (см. № 3). Обманутый муж продает царевне яблоки, от которых у нее вырастают рога, и т. д. У Гольчикова волшебные яблоки заменяет травка, вызывающая коросту.

Зачин сказки у Гольчикова довольно необычен. Обыкновенно отец ребят сам достает чудесную птицу — либо ему продает ее пьяница, либо он находит ее у берега под корнем, либо, наконец, ему дает птицу его «участь». У Гольчикова же птицу добывает постороннее лицо, хитрый и глупый мальчишка, обладающий традиционными чертами дурака (см. № 60).

По большей части отец мальчиков — бедняк, богатеющий потому, что чудесная птица несет золотые яйца (или самоцветные камни). Гольчиков выбрасывает этот мотив. Отец ребят — купец, птица золотых яиц не несет, ее чудесные свойства для всех скрыты. Солдатская стихия, врываясь и в эту сказку, делает из любовника мачехи не приказчика (что было бы более закономерно для купеческой семьи), не барина, а офицера.

Так же как и в первой сказке, исправление жены достигается лупцовкой, хотя в других вариантах для этого достаточно избавить царевну от рогов (коросты).

СЕРКО (№ 140)

Сказка значится в каталоге под названием «Царская собака» [А н. 449 А].

Среди вариантов только один близок к нашему во всех деталях.

В нем также рассказывается о жене-волшебнице, превратившей мужа в собаку. Собака живет у пастуха, потом спасает имущество купца и, наконец, детей царя. Два последних эпизода построены на вере в то, что оборотень не подчиняется силе заговоров, действующих на людей. Поэтому Серко́ не засыпает, когда от хохота колдуна засыпают люди. Усиленное высказывание сказочника о том, что собаку должны кормить из «всего чистого»), «из своей посуды», «из золотой посуды» и т. д. — крайне важно. По распространенному на Севере суеверию человек, превращенный в животное, может снова сделаться человеком, если только он не осквернился «поганой пищей» (сырым мясом, помоями, едой, какую человек не употребляет).

Сказка Гольчикова, так же как приведенный вариант Соколова, рассказана вполне серьезно в плане почти бывальщины. В других же вариантах она подана полуюмористически, среди других чудесных историй. Например рыбак видит, что жареная рыба прыгает в воду, и удивляется чуду. Рыба говорит: «Это не диво! В такой-то деревне живет охотник, так с ним точно было диво...» Рыбак идет к охотнику, тот рассказывает о своем приключении и посылает его к другому послушать о «настоящем диве» и т. д. В другом случае передок разрубленного жареного зайца убегает в лес, и мужик идет искать большего дива. Подобные зачины придают истории о человеке-оборотне несколько иронический характер. Гольчиков же дает серьезную бывальщину.

*№№ 141–142. Записаны в деревне Лебская
от ГОЛЬЧИКОВА ИВАНА, 20 лет*

И. Гольчиков — заезжий человек. Сказки записаны у него во время отдыха ямщиков, с которыми он ехал дальше. Гольчиков заведует кооперативом г. Мезени. Родился в деревне. Человек он, видимо, много читавший. О рассказанных сказках

сам сказал, что когда-то читал их в книжках «народного издания».

Сказки его звучат совсем литературно и обнаруживают свой книжный первоисточник («Загорелось сердце у Ивана-царевича на Марфу Прекрасную», «Стала Марфа Прекрасная в саду как красно солнышко, золотая грудь, как звездочка», «Закипело сердце у Ивана-царевича, дал коню шпоры» и т. д.)

Орон Верный (№ 141)

Сказка «Орон Верный» представляет собой соединение сюжетов «Кощея Бессмертного» [А н. 302] и «Верного слуги» [А н. 516]. Основной сюжет — Кощеева смерть — рассказан очень схематично и коротко, особенно в сравнении с детально разработанной завязкой. Сватовство старших братьев и встреча Ивана-царевича с Ороном, служащие *Vorgeschichte*, изобилуют интересными подробностями. Так любопытно несоответствие внешнего и внутреннего убранства домов, где происходит сватовство. Избушка внутри убрана бархатом и золотом шита. А в золотом дворце худая, грязная, рогожей шитая комната.

Баба-Яга принимает сватающихся с традиционным угощением: пряниками, брагой, пивным суслем и т. д.

Иван-царевич спасает богатыря, потому что встреча осужденного с членом королевской семьи избавляет от смерти (традиция романских стран). Имена Егора-храброго, Федора Важного, описание Марфы Прекрасной и весь стиль сказки заставляют думать о книжном источнике, но целый ряд деталей, конечно, не может быть книжного происхождения («...этим море не погано», «ты спи одну ночь, а я другую»). Сюжет о верном богатыре, еще в одной записи соединяется с сюжетом о Кощее, и этот вариант взят из лубочного издания. Обычно же слуга помогает царевичу просто разыскать царевну, в которую царевич влюбился по портрету.

В варианте, данном у Ончукова, происходит перестановка действующих сил: Иван-царевич, не цоладив с женой-колдуньей, уходит из дому, помогает Аркию Аркиевичу раздобыть Елену Прекрасную. Каменеет, когда рассказывает Аркию Аркиевичу об опасностях, ему угрожающих.

Женихи (№ 142)

Сюжет о женихах-разбойниках [А н. 955] чрезвычайно распространен по всему Северу. Нами записано двенадцать вариантов во всех районах работ экспедиции (Заонежье, Пинега, Мезень, Печора). Сюжет очень устойчив, варианты мало отличаются друг от друга. Сюжет этот использован Пушкиным в поэме «Женихи».

№№ 143–145. *Записаны в селе Малые Нисогоры от ШАРЫГИНОЙ ИРИНЬИ АЛЕКСАНДРОВНЫ, 75 лет*

И. А. Шарыгина — слепая старуха. Няньчит двух маленьких внуков. Все присказки записаны от нее в то время, как она забавляла ими детей. Она не знала, что их записывают. В текст она вставляет имена своих внуков, как это всегда делают, когда потешают ребят. Когда ее попросили рассказать сказку, она наотрез отказалась. Дочь ее позвала меня, когда она рассказывала детям, и с большими предосторожностями сказки были услышаны и записаны. Однако старуха догадалась об этом и стала кричать на весь дом, что «слепоту не пожалели и ее опозорили»; пришлось ее убедить, что никто из деревни не будет об этом знать. «Мне помирать надо, а меня в грех ввели» говорила Иринья Александровна.

Интересно, что первая сказка была рассказана с нравоучительной целью: внук отказался ей принести прялку, бабка назвала его «Отетью» и рассказала историю про Леню и Отеть.

Вторая сказка — «Небылица» — тоже была вызвана реальным случаем: младшая внучка требовала, чтобы разожгли печку, бабка ответила ей, что спичек нет и, желая предотвратить слезы, сказала: «Седь, я тебе скажу, как без спицок Иван добро нажил».

«Небылицы». См. примеч. к № 62.

№№ 146–147. *Записаны в селе Малые Нисогоры от ПОЗНИКОВА НИКОЛАЯ ФЕДОРОВИЧА, 32 года*

Н. Ф. Позников — молодой, очень веселый крестьянин. Услышав о нашем приезде, пришел познакомиться, подробно расспрашивал о нашей работе. Назвал целый ряд односельчан,

знающих сказки. Сам в тот же день ушел в лес и вернулся только вечером накануне нашего отъезда. Он позвал меня к себе в гости, поставил самовар и предложил рассказать сказку. Уселся за столом, кликнул жену и свояченицу, усадил детей, позвал соседа и, составив себе аудиторию, начал рассказывать. Больше всего, видимо, ему хотелось посмеяться, повеселиться. К своей первой сказке он сам относился иронически, смеялся над собой: «что и меня заставила языком трепать». Постоянно прерывал рассказ, с удовольствием хохоча над понравившейся фразой. Жена и сосед тоже перебивали его смехом, шутками, вопросами. Несмотря на то, что сказка про перстень сама по себе совсем не смешная, в избе царило такое веселье, что у окна стали собираться соседи. Смеялись и радовались все удачным рифмам, которые Позников подбирал с большой легкостью. Благодаря этому рифмованному костюму фантастическая сказка потеряла как-то свой серьезный вид и воспринималась как бытовая, почти как прибаутка.

Позников, видимо, очень одаренный человек: рифмы в первой сказке разбросаны так щедро, что местами она звучит прямо как стихотворная речь («Остались сын да мать жизнь провожать. Жили-пожили, старо житье прожили. Пошла старуха на поветь ноги греть, нашла две копейки» и т. д.).

Вторую сказку он начал словами: «Ну, буде, посмеялись, чертей потешили, теперь буду дело сказывать». Фраза эта явилась сигналом для слушателей, и они сразу приняли серьезный вид. Желая рассказать сказку «настоящую», Позников совершенно отказался от рифмы, чем сразу очень отяжелил свой язык. Рассказывать ему стало трудно, фраза выходила длинная и путаная («Да, в одно прекрасное время идет он по мосткам, и оторвется у него подметка у сапога, а он, как человек прожиточный, — ему неловко так иттить, он и смотрит — вывеска, значит, «сапожник»»).

При сравнении обоих текстов кажется невозможным, чтобы это рассказывал один и тот же человек.

ПРО ПЕРСТЕНЬ (№ 146)

Сюжет «волшебного кольца» [А н. 560]. Один из популярнейших сюжетов русской сказки. Известно в русских записях свыше двадцати вариантов его.

Обычно он и начинается с покупки животных, которые потом помогают хозяину. Добывание же кольца происходит различными способами. Либо, как в нашем варианте, кольцо дает герою одно из спасенных животных, либо очарованная королева, либо кольцо добывает чорт, или Иван снимает его с руки мертвой царевны, или же герой получает его за помощь одному из противников в борьбе зверей [С к. 6].

Сватовство героя сопряжено с требованием царевны за одну ночь сделать различные трудные вещи, чаще всего построить хрустальный мост, дворец, церковь, всё вещи, традиционные для «чудесных задач».

Измена жены в ряде сказок мотивируется социальным мотивом, например, неравенством супругов. «Молодка важевата [т. е. важная, богатая], для ей хозяин плоховатый». Царевна брезгует простым мужиком. «Царевне больно не по сердцу, что выдали ее не за царевича, не за королевича, а за простого мужика» и т. д. Только у сказочника Е. И. Сорокови-кова [«Избранные мастера»] измена жены мотивирована тем, что «пондравился ей один царь, по прозванию Кошель».

Добывают кольцо звери, спасенные героем. По большей части это собака и кошка, иногда, в соответствии с местными условиями (Сибирь, Урал, Север), принимает участие в этом соболь или куница. Звери ссорятся, когда по вине одного из них кольцо падает на дно моря. Это дает основание одной сказочнице (Грязновой) объяснить этим вражду между собакой и кошкой.

Мотив измены жены, чувствующей социальное неравенство в своем браке и завладевающей чудесной вещью мужа, встречается очень часто (см. сказки «Рога» и «Исполинушка»). Кончается сказка обычно тем, что герой берет себе вторую жену из «своего звания». «Он взял из бедного жития», «а Иван — купеческий сын женился не на царской, а на купеческой дочери» («Избранные мастера») и т. д. В этом сказалось отрицательное отношение сказочников к неравным бракам и неверие в искреннее отношение представителей высших классов к ниже их стоящим людям. Жена-царевна, жена-богачка всегда обманывает мужа, хотя выходит за него замуж из-за богатства. Царь, выдавая свою дочь за мужика, так сетует на это: «Ну, не думал, не гадал отдавать тебя замуж за мужичьего сына...».

№№ 149–150. *Записаны в деревне Белошцелье (Мезень)*
от ЧЕЛАКОВА НИКОНА ДЕМЬЯНОВИЧА, 51 год

Н. Д. Челаков — балагур и весельчак, любитель рассказывать анекдоты и нескромные истории. Записать от него сказки удалось во время дорожных работ. Он остановил меня на пути и, опираясь на лопату, без всякого предисловия, стал рассказывать. Вокруг него сейчас же собралась толпа мужиков, которые привыкли, видимо, что Челаков всегда говорит что-нибудь смешное, и заранее улыбаются. Эта уверенность аудитории определила его, несколько специфический, выбор сказок. В сказке № 150 пришлось выпустить одну фразу по совершенно исключительной грубости, с которой она была построена.

Диво дивное (№ 148)

Первой сказкой его была сказка «Диво дивное» — о волшебном гусе, к которому все прилипают. Гусь помогает хозяину убедиться в измене жены. Челаков заостряет сказку на игре слов: чудесный гусь, называется «Молодой жоны наука», и сама женщина кричит на всю улицу, что это «молодой жоны наука». Подобную игру слов мы не видели больше ни в одном варианте, возможно, что она есть произведение самого сказочника, славящегося как остроумный человек. Волшебное животное, к которому прилипают все дотронувшиеся, часто фигурирует в сюжете «Несмеянной царевны». Царевна смеется, когда видит вереницу людей, прилипших к животному. В немецких сказках прилипают к золотому гусю. В наших северных — главным образом к шелковому барашку.

Хотя присутствие волшебного гуся позволяет отнести настоящую сказку к фантастическим, но по своему построению и стилю она ближе к типу бытовых, адюльтерных сказок, где измену жены часто обнаруживает вполне реалистическая сова самым грубым образом.

Ладная песня (№ 149)

Из цикла о разоблаченных любовниках. Разоблачение происходит при помощи работника, нищего или скоморохов [А н. 1361].

Очень часто любовником является поп. Иногда он приходит к мнимобольной якобы для исповеди и отправляет мужа в далекие царства за лекарством. Или дело идет о попадье, гуляющей с дьяконом. В таком случае разоблачает их работник. Вообще фигура разоблачителя подчеркивает, в какой социальной среде получила сказка свое последнее оформление. Старые редакции знают скоморохов; так, в песне про гостя Терентьище. Скоморохи же фигурируют и в сравнительно новой записи этой песни Озаровской [Пятиречье, № 11], где веселящаяся жена уговаривает их: «Скоморохи, люди добрые, скоморохи оцесливые, уже вы спойте-ка песенку про стара мужа Терентища». В дальнейшем скоморохов заменили нищие, солдат, разный бродячий люд (в сибирских вариантах — поселенцы, бродяги) и, наконец, ловкий работник. Во всех почти вариантах муж играет жалкую и смешную роль: жена притворяется больной и посылает его за лекарством или в Крымское, или в Рымское, или даже в турецкое царство. В старой песне о гостье Терентьище жена даже заставляет мужа «ходить по городу, крыцать во всю голову», что «у стара мужа Терентища жона молода Просафья Ивановна с утра больна и трудна, под вечер недучная».

Встречные люди учат мужа, как расправиться с «больной» женой.

Челаков сразу ставит мужа в лучшее положение, он мотивирует его мнимый отъезд желанием поймать «друга». Уезжает он по доброй воле, а не подчиняясь капризу жены.

Во всех вариантах данной сказки есть некий единый признак: это песни жены и работника (солдата и т. п.).

У Афанасьева жена поет: «Пошел муж во Крым-град, зелья купить, жене живот зельем лечить, туда ему не доехать и оттуда не приехать». Солдат подтягивает: «Чуешь ли, солома, что деется дома, плеть висит на стене, а быть ей на спине» и т. д. вплоть до нашего варианта, где песня жены варьируется и удлиняется, а работник подает знак мужу, когда ему время появиться на сцене: «Слушай-ко, Григорий, чего жонка говорит, бери нож, режь мешок, да жонку раздва-три».

Сказка «про Ростовское озеро» представляет собой соединение двух анекдотических диалогов: «Как дела в Ростове» [Ан. 1931] и «Хорошо, да худо» [Ан. 2014]. Хотя они и помещены в сказочном каталоге под разными номерами, обычно они встречаются всегда в таком соединении и представляют собой две части одного диалога (см. Бурцев А. Народный быт великого Севера. Т. II. С. 295). К нему Челаков присоединяет довольно редко встречающийся разговор о зверях. Разговор этот построен обычно на рифмованных, всегда очень неприличных ответах. В варианте Ончукова они звучат совершенно нецензурно, Челаков их несколько смягчает. В варианте Афанасьева, видимо, сделаны некоторые пропуски. Среди других вариантов диалог Челакова занимает по целостности и художественности одно из первых мест.

Женитьба попа, о которой говорят приятели, встречается во всех вариантах, подчеркивая «небывалость» всего, о чем говорится. По канонам православной церкви это вещь невозможная, так как холостой человек не мог быть поставлен в священники, а овдовевший священник не мог жениться вторично. В некоторых вариантах эта «нелепость» еще заостряется и звучит резче, так как в них говорится о женитьбе архиерея, который должен быть обязательно монахом.

ПЕЧОРА

№№ 151–158. *Записаны в Усть-Цильма
от ЕРМОЛИНОЙ ОЛЕНЫ ИВАНОВНЫ, 45 лет*

О. И. Ермолина — хорошо грамотная старообрядка-начетчица. Живет очень бедно, так как в семье, где есть маленькие дети и старики, всего один работник-сын. Олене Ивановне приходится подрабатывать вязаньем и литьем старообрядческих крестов.

Хотя Ермолина считается начетчицей, сыплет поученьями и читает своим соседкам старообрядческие книги, нельзя сказать, чтобы по существу она была глубоко религиозна. В противовес другим начетчицам (обычно фанатичкам) она скорее по традиции исполняет различные обряды, не вкла-

дывая в них особенного энтузиазма и часто даже говоря о них с мягким юмором.

Зато она яростно противопоставляет себя православной церкви, над которой всячески издевается. Много веков гонимые, старообрядцы, уходившие от преследований в лесные глухие места, всячески притесняемые официальной церковью, особенно культивировали сказку, высмеивающую православных священников. Запас таких сказок велик и у Ермолиной.

Такой ядовитой антиклерикальной сатирой является сказка «Минька» [А н. 1731], где жестоко осмеивается сладострастие всего церковного причта. Ермолина особенно подчеркивала, что речь идет о «православных» попах. История этого жанра дана в книге Ю. М. Соколова «Повесть о Карпе Сутулове». М. 1915.

Принадлежность Ермолиной к бедняцкой среде ярко отразилась в ее сказках. Недаром Яков принужден вешаться, так как ему нечем заплатить подати. Вероятно, знакомая сказочнице сцена в управе так ярко описана ею. Сказка эта [А н. 1380] вообще во всех вариантах носит на себе следы бедняцкой среды — ее носительницы. Во многих случаях она обнаруживает даже свое бытование в эпоху наиболее бесправную для крестьянства — в эпоху крепостного права. Права́ барина на имущество крестьянина, возможность отнять у него клад, избиение крестьянина, которое описывается в ряде вариантов, напоминает об этом прошлом.

Праведный суд (№ 153)

Самая любимая из сказок Ермолиной, первая ею рассказанная, говорит о лихоимстве и взяточничестве суда, от которого, конечно, страдали не сильные мира сего. Сказка эта под названием «Шемякин суд» [А н. 1660], известна по старинной русской литературе. Она была занесена во многие рукописи XVII — XVIII вв. Затем она перешла в лубок и широко распространилась в народе. Имя Шемяки некоторые исследователи связывают с именем князя Дмитрия Шемяки, брата Василия Темного.

Гуси с Руси (№ 154)

«Гуси с Руси» [А н. 921 В] тоже не выпадает из общей картины репертуара Ермолиной. Мы говорили уже выше об этом сю-

жете, добавим только, что в этом варианте очень оригинальны загадки, загадываемые крестьянином. Обычно они звучат иначе.

ДВЕ СЕСТРЫ (№ 155)

Крестьянская психо-идеология, тесно связанная с земельной собственностью, особенно ярко отразилась в сказке «Две сестры», где бедняк-крестьянин восклицает: «Эх, земли у меня мало! Была бы земля, я самого чорта не убоюсь, не то городских гостей!» Как известно, сюжет этот послужил материалом для рассказа Л. Толстого «Много ли человеку земли нужно».

ТИМКА ДА ШИМКА. ФИЛЯ ДА УЛЯ (№№ 156, 157)

Юмористические сказки «Тимка да Шимка» [А н. 1383] и «Филя да Уля». [А н. 1696] рассказаны Ермолиной очень живо, с большим и развитым диалогом. В первую сказку она вставляет эпизод с попом, который не встречается ни в одном из известных вариантов и вставлен, по всей вероятности, рассказчицей просто из желания лишний раз посмеяться и показать попа в смешном виде.

ЗЛАЯ ЖЕНА (№ 158)

В сказке «Злая жена» [Ан. 1164] Ермолина тоже вводит новый эпизод о совместной работе человека с чортом. Из сравнения этого варианта с записью от Митрофанова видно, насколько последний морализовал обычный сказочный сюжет.

ФЕДОР ВЫСОКОЙ (№ 159)

Единственная фантастическая сказка Ермолиной «Федор Высокой» тоже героем делает не царевича или королевича, а деревенского парня-промышленника.

Сказка эта известна под западным названием «Кот в сапогах» [А н. 545 В]. На русской почве записано сравнительно мало ее вариантов. Андреев указывает всего четыре, да один дает нам новый сборник Озаровской «Пятиречь», где героиня называется Грегори́й Вы́сота.

В западных вариантах помощником героя всегда является кот, в русских же северных — место кота занимает лисица.

№№ 160–169. *Записаны в Усть-Цильма (Печора)*
от ВАСИЛЬЯ СОБОЛЯ, 72 года

Василий Соболев — ненец. Один из самых известных «вожачков» тундры. Вожачками называются люди, хорошо знающие тундру и оленеводство и водящие стада по тундре. Василий Соболев всю жизнь ходил вожачком при богатых зырянских стадах, т. е. фактически был пастухом-батраком. Не имея сыновей, обремененный большой семьей, состоящей исключительно из женщин, Соболев принужден был работать до глубокой старости, и только последние годы перестал ходить сам в тундру и живет в Усть-Цильме со своей семьей. Живет он в русском доме, ходят все в семье в русском платье и, кроме старухи-жены и слабоумной дочери, все отлично говорят по-русски, но постоянно переходят на ненский язык.

По словам печорцев, все ненцы знают много сказок и даже былин. Говорят, что они лучше помнят «старые» русские сказки, чем сами русские. Жизнь в тундре, где чумы далеко разбросаны друг от друга, где люди месяцами проводят вдвоем или втроем в пустыне, располагает к длинным рассказам.

Там до сих пор еще сохранился обычай состязания рассказчиков. Соболев вспоминал, как он состязался с одним пастухом, рассказывая непрерывно в течение четырех суток, и победил его на несколько часов.

Репертуар его огромен, особенно в ненской сказке, но, рассказывая ее, он все время стремится перейти на родную, поэтому сам он предпочитал нам рассказывать русские сказки. Кроме того, его заботило, понимаем ли мы особенности кочевого быта, и он становился настолько нервен, что трудно было за ним записывать. Русские же сказки он рассказывал очень охотно и совершенно спокойно.

ДЕВКА-БЕЛКА (№ 160)

Первая сказка Соболева «Девка-белка» очень популярна среди ненцев. В ней ярко отражен быт бедноты, жизнь в чуме, подчас очень голодная, зависящая от силы, ловкости мужчины, от

удачи в охоте ненца, не имеющего оленей. Если жив охотник — жива вся семья. Болен добытчик, и семья голодает («Если я помру, кто будет вас кормить и поить?»). Привозит охотник добычу — и все довольны, у всех есть дело, а главное — пьют-едят *сколько хотят*. Видимо, это редкая вещь среди бедняков-ненцев, если Соболев особенно часто прибегает к этой формуле, чтобы показать радость и счастье своих героев. «Пьют-едят, сколько хотят» девушки после охоты отца, царь и царица на свадьбе, богатые русские люди на празднике и т. д.

Интересно, что в этой сказке отразилось ироническое отношение к шаманству. Старик посылает дочерей на сопку к шаманам, однако называет их «балбаны» (болваны), и младшая дочь говорит про них «балбаны и имя балбаны — что доброго скажут?»

Фантастический момент превращения девки в белку и парня в собаку, занимающий в сказке центральное место, воспринимается ненцами как вполне реальный, так как по их убеждениям достаточно человеку натянуть на себя шкуру только что убитого животного, чтобы по желанию превратиться в него.

Интересно, что рассказчик насыщает свои сказки подробностями тундрового быта («Вышел из чума, лямку одел, чунки подтянул», «Наклат полны чунки всякого промыслу», «Новы лупят, новы шерсть теребят»). Но в то же время в его русских сказках совсем не обнаруживается, даже словарем, рассказчик-ненец.

Дикой (№ 161)

Сказка «Дикой» представляет собой популярную легенду о том, как русские и ижемцы завладели тундрой. Дело в том, что за последние десятилетия перед войной огромное большинство крупных оленеводческих хозяйств сосредоточилось в руках зырян, живущих по реке Ижме (ижемцев) и русских. Ненские стада таяли, ненцы беднели, принуждены были поступать к зырянам в пастухи, вымидали. Политика царской власти только ускорила этот процесс. Естественно, что в ненской среде появилось предание, объясняющее на свой лад это оскудение народности. Сказ о Диком — наиболее распространенное предание в этом роде. «Дикой» или «Шальной Юрко»,

как называется он в другом варианте, сделался именем нарицательным. Им называется упрямый, тупой человек, приносящий несчастье своему дому или роду.

Леший (№ 162)

Сказка «Леший» соответствует русским сказкам из типа «освобождение девушки от чудовища» [А н. 300]. В ней отразилось типичное для оленеводов представление о богатстве и могуществе, исчисляемом количеством оленьих голов («десять тысяч оленей у чума») и редкостью их масти («четыре быка красных, четыре комленых, четыре бобровых-ошейника»).

Иван — Быков сын (№ 163)

Русская сказка «Иван — Быков сын» представляет собой соединение сюжета о бое на Калиновом мосту [А н. 300 В] и сюжета о чудесных товарищах [А н. 513 А]. Подобное соединение мы встречаем и в сборнике Ончукова и в вариантах, приведенных у Афанасьева. Но каждый из этих сюжетов живет и самостоятельно. К сюжету «бой на Калиновом мосту» Андреев приводит двенадцать вариантов, а к «чудесным товарищам» — шесть.

Плясова гармонь (№ 164)

«Плясова гармонь» соединяет в себе мотивы о выкупе чудесных вещей царевной (см. № 75) и о чудесной скрипке, под которую все пляшут [А н. 592]. Последний сказочный тип на русской почве встречается очень редко. Андреев приводит только два варианта записи Худякова. Распространена же эта сказка на Западе, в особенности в Германии.

Как почти всюду у Соболя, героем сказки является бедняк («никакого живота не было»), а наиболее зло осмеиваются поп и чужеземный богатырь.

Царевна не хочет идти замуж за бедняка и посылает «телеграм» к равному себе чужеземцу. Тут снова появляется на сцену момент социального неравенства, как мы уже это видели в целом ряде других сказок.

ХИТРАЯ НАУКА (№ 165)

С сюжетом этой сказки [А н. 325] мы уже встречались у сказочника Митрофанова (№ 44).

ГОЛЬ ГОЛЯНСКИЙ (№ 168)

Сказка «Голь Голянский» принадлежит к типу сказок, известных под названием «Храбрый портняжка» или «Фома Береников» [А н. 1640] и, как все эти сказки, является несомненной пародией на богатырские сказания и былины.

ИВАН-ЦАРЕВИЧ И ЯКУТА (№ 169)

Сказка «Иван-царевич и Якута» [А н. 552] насыщена чертами городского быта, которые Соболев вводит почти во все русские сказки; он говорит о многоэтажных домах, телеграммах, телефоне, люльке на резинах и т. д.

Василий Соболев обладает огромным репертуаром. У него зарегистрировано больше двадцати сказок. Но рассказывает он с трудом, как из-за того, что русский язык требует от него значительного напряжения, так и из-за болезни сердца. Последнюю сказку свою закончил он концовкой, которая имела решительный характер и обращалась прямо к собирателю. Больше сказок от него записать не удалось, несмотря на все уговоры.

БЫВАЛЬЩИНЫ¹¹

На ряду с фантастической сказкой, «робящей» сказкой и анекдотом по всему Северу бытует еще большое количество рассказов, объединенных общим названием «бывальщины». Самый термин «бывальщина» говорит о том, что рассказчик считает былью событие, о котором он повествует. Чаще всего рассказчик, желая сделать «быль» свою наиболее заслуживающей доверия, старается определить место действия («вот у нас на селе» или «в Шотовой Горе, говорят» или «был в Кевроле»)

¹¹ №№ 18, 30, 31, 79, 80, 113, 114, 115, 116, 121, 122, 123, 128, 129, 130.

и даже имена действующих лиц или их родственные отношения к рассказчику. Таким образом бывальщина, прикрепленная к одному определенному селу, делается рассказом чисто местным, трактуемым о чисто местном якобы происшествии, что не мешает ей прикрепляться к другой местности, к другому лицу, и воспринимается она там также как местное происшествие.

Бывальщины делятся на четыре типа: 1) бывальщины о мертвецах, 2) бывальщины о нечисти, 3) о разбойниках и 4) о трагических любовниках. Огромное большинство бывальщин принадлежит к двум первым типам, значительно меньшая часть падает на рассказы о разбойниках и совсем ничтожная повествует о трагических любовниках.

Бывальщины о мертвецах тесно связывают с жизнью людей таинственное существование умерших. Всякая связь, завязавшаяся при жизни, всякие обязательства, всякие отношения сохраняют свою силу и после смерти одной из сторон. Но по большей части все это бывает не в пользу живых. Мертвецы мстят живым из зависти за то, что те сохранили еще дыхание и теплую кровь и пользуются всеми благами живой жизни. Они приходят часто в свою семью, чтобы погубить остальных ее членов. Особенно часто они являются к женам и спасти от них может только пенье петуха или вмешательство другого духа (№ 31).

Часто они приходят туда, где собираются повеселиться живые, и губят всех. Узнать их может только чистая душа или человек, ставший под защиту иконы (№ 122).

Покойник жестоко мстит за нанесенную ему при жизни (№ 121) или после смерти обиду (№№ 30, 114).

Естественно, что эта кровожадность и злобность мертвецов вызвала ряд обычаев, обрядов и слов, оберегающих жизнь живых. Так, ставят кресты на окна и двери свечой страстного четверга, посыпают пол золой, кладут кусочек железа на подоконник и т. д.

Так же многочисленны, как о мертвецах, и рассказы о чертях. Редко можно встретить человека, который бы никогда «не видел» чорта. Они появляются всюду, подстрекают на грех, причиняют зло; особенно опасно призывать помощь чорта, да еще в полдень. Он явится, поможет, но от его помощи хорошего ждать нечего — позвавшего ждет жестокая расплата

(№ 123). Полдень вообще опасное время — праведные спят, а чорт и нечисть безнаказанно творят зло. Всякое неосторожное слово исполняется мгновенно. Скажет мать ребенку «чтоб тебя чорт побрал» — и чорт мгновенно подхватывает дитя.

Вообще всякая неосторожность влечет за собой несчастье. В особенности опасное место — баня. Живущая в ней обдериха зла и жестока. За малейшую провинность она обдирает с людей кожу. Ребенка, положенного на полок без креста, она похищает и заменяет ведьменьшем (№ 80). Женщин, моющихся в третью смену, которая принадлежит ей, обдериха загоняет в щели пола.

Иногда почтительное отношение к духу и его власти может задобрить какого-нибудь хозяина. Так, владыка леса — леший — оберегает людей за добро, сделанное его скотине — лесным зверям (№№ 115–116). В обычное же время и он озорничает: крадет скот, заводит путника в болото.

Один домовый склонен охранять дом, где он живет. Он предсказывает счастье или несчастье хозяевам (№ 79), холит скотину, смотрит за порядком в доме. Но он мстит нерадивому хозяину и неряшливой хозяйке за какую-нибудь погрешность.

Как видно, жизнь и благополучие северного крестьянина-единоличника, всецело зависящего от своего мелкого индивидуального хозяйства, подверженного тысячам опасностей, всегда висит на волоске. Помимо борьбы с природой, против которой ему приходится идти без знаний и с негодными средствами, он тратит еще силы на борьбу с «нечистью».

Только реконструкция сельского хозяйства, только коллектив, помощь науки, машины освобождают крестьянина от этой опасности. Колхозы не борются с домовыми молитвой и заговором, а борются с засухой, землевредителями при помощи тракторов, химии, трудовых коллективов.

Сказочный репертуар районов

(по «Указателю сказочных сюжетов по системе Аарне»
Н. Андреева)

Цифры, набранные курсивом, обозначают сказочные сюжеты, записанные в данной местности, но не вошедшие в настоящий сборник

ЗАОНЕЖЬЕ

1, 2, 15, 20 С, 37, 154, 160, 162, 170, 171, 296, 301, 301 А, 302, 303, 306, 311, 313 + 450, 313 А, 313 С, 314, 325, 333, 365, 403, 403 В, 425, 425 С, 432, 433, 440, 465, 465 А, 480, 480 А, 480 В, 480 С, 510 А, 510 В, 530, 530 В, 531, 532, 533, 533 В, 536, 551, 564, 566, 567, 706, 707 I, 707 В, 875, 883, 910, 910 В, 927, 921 А, 952, 955, 956, 1049 В, 1060, 1164, 1240, 1360, 1365, 1370, 1376, 1405, 1406, 1430, 1435, 1535, 1537, 1539, 1540, 1651, 1653 В, 1654, 1685, 1696, 1725, 1730, 1739, 1825, 1875, 1885.

ПИНЕГА

20 С, 37, 61, 77, 116, 123, 123+ 450, 130, 170+ 158, 212, 247 I, 241 III, 282, 299, 500, 300 + 301, 301, 301 + 315 В, 301 В, 307, 311, 313, 313 В, 313 С, 315, 327, 327 С, 329, 333 1, 365, 402, 450, 461, 461, 930, 465, 480 В, 480 Е, 502, 510, 510 + 480, 510 В, 533, 551, 555, 559, 561, 566, 571, 592, 653, 675, 676, 700, 703, 706, 707, 708, 709, 715, 722, 735, 768, 780, 825, 839, 883, 885, 950, 950+ 951, 951 + 1137, 959, 1000+ 1045 + 1162, 1049, 1164, 1170, 1380, 1384, 1408, 1430, 1466 + 1457, 1525, 1525 А, 1535, 1630, 1681 I + II, 1681 I – 1696, 1685, 1685 В, 1695, 173 1, П. I, П. II, П. III, П. IV, П. V, П. VII, П. XI, П. XII, При-сказки.

МЕЗЕНЬ

37, 43 + 15,184, 193 + 2014, 300, 300 A, 301, 301 A, 301 A, C, 301 A + 315 B, 302 + 516, 303 + 300 A, 303 + 300 B + 513 A, 311, 312, 313, 313 B, 313 + 560 + 300 A, 313 A + 300A + 532, 314 I + 315 A + 300 A, 326 B, 326 B + 330 A, 327, 327 A, 327 C, 327 E, 333 B, 365, 400 B, 402, 410 I + 700 A + 508, 477, 425, 425 C, 449 A, 451, 461, 480 E, 510 A, 530 B, 531, 550 + 301 B, A, 551, 552, 555, 560, 567, 571, 612, 613, 650 + 301 B, 650 I, 653, 707, 707 + 300 A, 707 I, 709, 715, 735, 757, 780, 813 A, 875, 882, 882 A, 885, 905, 921, 931 + 786 C, 952, 955, 956, 992, 1030, 1137, 1220D, 1351, 1361, 1380 + 1537, 1383, 1415, 1525, 1536, 1538 + 1539, 1681 + 1653, 1725, 1730, 1825, 1825 D, 1831, 1885 + 1960, 1920, 1950, 1960 + 1425, П. I.

ПЕЧОРА

Девка-белка (нем.), Дикой (нем.), Леший (нем.), Две сестры, 300 + 313 A, 301, 307, 325, 519, 545 C, 552, 592, 751, 921 B, 1164, 1381, 1383, 1525, 1563, 1640, 1660, 1696, 1731.

Алфавитный указатель СКАЗОЧНИКОВ

Фамилия сказочника	№№ сказок	№№ по каталогу Андреева
Белков Петр Яковлевич, 35 лет	11, 12, 13	1739, 1825, 1430
Белоусов Дмитрий Васильевич, 62 года	60, 61, 62, 63	1685, 1654, 1920
Богданова Настасья Степановна, 65 лет	64	313–450
Васильев Иван Михайлович, 52 года	19	1730
Гольчиков Иван, 20 лет	141, 142	302–516, 955
Гольчиков Яков Евдокимович, 61 год	138, 139, 140	401–400а–508; 567, 449а
Грибанова Настя, 12 лет	59	433
Грязнова Клавдия Васильевна, 18 лет	131, 132, 133, 134,	400 в, 326–330, 301а, 1415
Дорофеева Евфросинья Аббаковна, 63 года	65, 66, 67, 68	402, 653, 735
Ермолина Олена Ивановна, 45 лет	151, 152, 153, 154, 155, 156, 157, 158, 159,	1731, 1381, 1660, 921в, 1383, 1696, 1164, 545 в
Залусская Лидия Евдокимовна, 39 лет	118, 119, 120, 121, 122, 123,	1535, 950, 1695
Исакова Настасья Васильевна, 45 лет	7, 8, 9, 10	465, 1696, 5300, 1240

Касьянов Иван Иванович, 61 год	36	1540
Кириллова Клавдия Васильевна, 16 лет	15, 16	510, 1539
Коренная Пелагея Никифоровна, 64 года	20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31	15, 20, 160, 162, 170, 206, 333, 480, 480в, 365
Коренной Володя, 6 лет	32, 33	1049
Кудров Кузьма Семенович, 83 года	55	952
Лешукова Марфа Никитична, 45 лет	135, 136, 137	1536, 451, 813
Лохновский Николай Васильевич, 74 года	124, 125, 126, 127, 128, 129, 130	301, 561, 768 П. I.
Митрофанов Иван Васильевич, 64 года	41, 42, 43, 44, 45, 46, 50	301, 302, 303, 325, 530, 531, 532, 910, 1164.
Михеев Михей Кириллович, 72 года	56, 57, 58,	1365, 1651,
Нехорошко Иов Ефремович, 63 года	69	707
Никитин Фома Егорович, 79 лет	37, 38	564, 956
Орехов Дмитрий Андреевич, 42 года	53, 54	465, 921
Патрикеева Палладия Дорофеевна, 64 года	113, 114, 115, 116, 117	885, П.
Позников Николай Федорович, 32 года	146, 147	560, 882
Познякова Александра, 12 лет	34, 35	1370
Рагозина Мария Васильевна, 16 лет	17, 18	533, П.
Радионон Александр Иванович, 18 лет	81, 82, 83	116, 876
Рябова Дуня, 12 лет	84, 85, 86, 87, 88	61, 123, 130, 480, 1525

Рябов Павел Петрович, 24 года	39, 40	301, 1653
Синева Пелагея Ивановна, 48 лет	14	301
Слепая Анна Антоновна, 68 лет	1, 2, 3, 4, 5, 6	313, 533, 566, 440, 480, 1376
Соболь Василий, 72 года	160, 161, 162, 163, 164, 165, 166, 167, 168, 169	300–513, 592, 325, 519, 1525, 164, 165, 552, 1640
Сухарев Евдоким, 12 лет	99, 100, 101, 102	480, 313
Тараканова Анисья, 16 лет	103, 104, 105, 106, 107, 108	1466, 1457, 307, 715, 555
Ульянов Михаил Евдокимович, 40 лет	51, 52	1360, 785
Храмцова Анисья Ильинична, 12 лет	70, 71, 72, 73, 74	722, 333, 212, 1384, 327
Челаков Никон Демьянович, 51 год	148, 149, 150	1361, 571, 1931– 2014
Чемакина Анна, 12 лет	109, 110, 111, 112	
Чемакин Пармен Егорович, 23 года	89, 90, 91, 92	300–301, 329, 502
Черноусова Аграфена Ефимовна, 54 года	75, 76, 77, 78, 79, 80	1630, 1685, 1525 П.
Чорная Прасковья Димитриевна, 62 года	93, 94, 95, 96, 97, 98	241, 282, 533, 1380
Шарыгина Иринья Александровна, 75 лет	143, 144, 145	1950, 1920

Указатель деревень где производилась запись

ЗАОНЕЖЬЕ	
Грибановщина	69
Дрегузово	15–18
Кижы	56–58
Косъм-Озеро	20–40
Лазарево	14
Нефедово	11–13
Падм-Озеро	60–63
Петрозаводск	64
Сибово	53–55
Шуньга	19
Шуньга-Бор	1–10
Яндом-Озеро	41–52
РЕКА ПИНЕГА	
Засурье	75–80
Немнюга	13–117
Обросово	118–123
Остров	65–68
Поганец	70–74
Слуда	69
Сура погост	81–88
Холм	124–130
Церкова Гора	103–108
Чернильница	89–92
Шардомень	109–112
Шотова Гора	93–102

Мезень	
Белощелье.....	148–150
Вожегоры.....	135–137
Лебская.....	138–142
Малые Нисогоры.....	143–147
Пустынна.....	131–134

ПЕЧОРА

Усть-Цильма.....	151–169
------------------	---------

Словарь местных слов

ба́бить — принимать детей.

бабу́шка — кукла (у ненцев).

ба́ет — говорит.

ба́йна, ба́енка — баня.

балба́ны — идолы (у ненцев презрительное).

ба́лька — барашек.

банкéтовать — пировать.

баранка — барашек.

ба́рма — пчела.

баска́ — красивая.

ба́ско — красиво.

бат — может быть.

бедíть — побеждать.

бе́ли — рамы.

бере́мечко — охапка дров.

бизджи́т — визжит.

богосу́жена — невеста.

большу́ха — старшая невестка.

брюха́та — беременна.

бурак — туес (сосуд из бересты с крышкой).

будли́вый — бодливый.

бурлаки — идущие на заработки.

бурлачить — ходить на заработки.

быва́льщина — рассказ про то, что бывало.

бык — упряжной олень (у ненцев).

быки красные, комленые, бобровы ошейники — редкие масти оленей.

в нос перейти реку — вода доходила до носу.
ве́рви — веревки вередить — повредить.
вереді́ться — ушибиться.
ве́реск и писк — пронзительный крик (от верещать).
ви́ця — гибкий прут.
врак — ложь.
вы́здынь — подними, вытащи.
вы́стать — встать, влезть, подняться.
вы́стать из-под воды — выплыть, подняться.
вста́ть в елку, в сосну — залезть на ель, на сосну, встать, влезть.
вьюно́ша — юноша.
вя́зка — веревка из лыка.

глону́л — глотнул.
глю́дкие — расшатанные.
гну́с — комары; мыши, змеи, мошки и т. д.
голи́к — веник с обтрепавшимися листьями.
груэ́зи — грязи.
гре́зилось — виделось во сне.
гро́нулся — грянулся о-земь.
гря́дка — полка или воронец.
гу́зно — сиделищная часть тела.
гуркоті́т — грохочет.

дава́ться — проситься, добиваться.
дереви́на — дерево держать — крестить.
де́ялось — делалось.
ди́кий — безумный, глупый.
дого́ня — погоня.
доло́нь — ладонь.
домáнушка — домовый дух в женском образе.
домáшничать — хозяйничать.
доможи́риха — см. доманушка.
допомо́га — помощь.
до́сыть — довольно.
дро́ля — милый.
дровосéк — рубка дров.
дро́литься — миловаться, любить.
дрос — дрозд.

егова́ — его (жена).
е́диво — еда.
едрёньше — крепче, сильнее.
еле́ц — рыбац.

жа́риться — греться.
животы́ — имущество.
жи́тники — хлеб из ячменной муки.
жить — пряжа.
жо́нка — всякая нестарая женщина.

забудёт — забодает.
заволок — втащил.
за́все — всегда.
загорёл — (хлеб) — подгорел.
закалёл (хлеб) — с закалом.
закона́лся — запросил.
заку́ржавело — покрылось инеем.
заку́ски — сладости.
замни́ла — заперла, замкнула.
за́морных — мраморных [испорч.].
запо́мнил — забыл.
засвети́ть — зажечь, поджечь.
за́спать — уснуть.
захворну́ть — забросить.
зголода́лся — проголодался.
зла́чен — золотой, золоченый зе́нь — земля.
зя́телко — ласковое обращение к зятю.

играть — ухаживать за девушкой.
и́грица — девушка, за которой ухаживают.
и́жа — еда.
изгаля́ться — издеваться.
испа́шку — см. наиспашку.
и́сть — есть.

ка́бот — парусиновый халат для работы.
ка́менка — печь в бане.
ка́танци — валенки, иногда — войлочные рукавицы.
керёшка, кережка — сани без оглобель.

кíса, киска — мешок.
кискí — клещи, щипцы.
клеск — чешуя (рыбья).
клопотит — хлопочет.
княгíня — невеста.
ковдá — когда.
кожан — одежда из кожи.
кожарíна — кожа, шкура.
кокóра — корень дерева, колода.
кóкот — ковш деревянный.
колобóк — пышка (из теста).
колубáло (море) — качало.
коля́ма — яма.
комéль — толстая часть древесного ствола, иногда — корень.
кóмна — комната.
конáться — просить, добиваться.
кóнчиться — скончаться, умереть.
костер дров — сложенные дрова.
кошéль — плетеная из бересты корзинка, которую носят за плечами.
крóмка хлеба — краюшка.
крóсна — ткацкий станок.
кру́тенько, кру́то — быстро, торопливо.
крюк — кочерга для русской печи.
курная изба — изба, топящаяся по-черному.
куропáс — пасущий кур.
ку́щь — куст.
кы́ценька — овечка.

лагúн — котел.
лагúшечка — деревянная посуда.
ладéйка — ладья.
ла́дить — готовить.
ла́дить человека — лечить человека.
ла́жу — налаживаю.
ла́тка — деревянная или глиняная посуда для молока.
ледíна — низкое место, заросшее мелким лесом.
лепесткí — лоскутки.
лепнéчки — лоскуты.
лесíна — дерево.
лесовáть — охотиться.

лома́ть — бить.

ло́щиться — ласкаться.

лю́дно — много народа.

ма́кса — печень.

мале́нка — мера для зерна.

ма́лица — верхняя одежда из оленя (у ненцев).

ма́нюшки — ягнятки.

мараки́ша — галка.

масляна́ ко́ска — лодыжка.

ме́жговенье — промежуток между постами (между Петровским и Успенским).

мезе́нец — мизинец.

ме́сто — постель.

мирска́ (дорога) — большая дорога.

мости́ — настил на полу.

мы́рнуть — нырнуть.

мя́лица — мялка для льна.

навко́ло — около.

наволок — мыс песчаный (наволокло его).

наиспашку — наотмашь.

на конце вожжи́ (подойти) — держась за вожжу.

на оди́нке — одиноко, в стороне.

наряжа́ть на работу — нанимать, посылать.

наспи́чник — полотенце.

на́ть — нужно.

не́гти — ногти.

немоге́т — болен.

неплю́й — молодой олень.

нескле́писто — нескладно.

не́телка, не́тель — телка.

ни́зкая изба — пристройка, куда на зиму переселяются часто и люди и скот.

нова́ — некоторая.

ну́жа — нужда.

нужно́й — нуждающийся.

обабить — принять ребенка.

обдері́ха — банный дух.

обночевáться — переночевать.
обо́конье — подоконник.
оболоктíсь — одеться.
обо́рины — завязки у лаптей.
обраде́ть — обрадоваться.
обу́тки — обувь.
овернуть — посредством волшебства обратить человека, напр., в зверя.
оголоди́ть — заставить голодать.
одва — едва.
одна́ки — одинаковы.
однобрю́шники — близнецы.
ола́быш — оладья.
онна́ — одна.
оприста́л — устал.
орги́шь — свадебный поезд (у ненцев).
оста́ний — последний.
остаре́л — состарился.
остоя́лось — остановилось.
относ (домовому) — приношение.
отсули́л — обещал отдать.
охи́тить — очистить, вытереть.

па́лась — напала.
па́рочка — ухаживающий за девушкой парень.
пасть — ловушка для птиц, капкан.
парма́к — овод.
парничо́к — парень.
паро́мы — сплав леса.
пахáть, подпахáть — мести веником.
пау́жинать — обед.
переболокла́ — переоделась.
перееда́ться — ссориться.
пересека́ть — перебивать.
пе́рсень — перстень.
пе́рст — палец.
пе́тун — петух.
пехнуть — столкнуть.
пешня — железный лом.
Пи́нега — река, город (в смысле большой город).
пи́тьево — питье.

плат — платок.
Пла́кса — плачя.
пласта́лся — бился.
племе́ш — племянник.
пове́ть — крытое помещение над скотным сараем.
повалить спа́ть — уложить спать.
повы́здынуть — вытащить.
погост — село с церковью и кладбищем.
погості́ть — угоститься.
подоро́жник — рыбный пирог (их стряпают на дорогу).
подсто́лица — крышка стола.
поды́шутся — подняться.
по́жили немного — побыли немного.
по́жня — луг сенокосный.
поку́ль — пока.
понести́сь — забеременеть.
пора́то — очень, весьма.
по́ртно, портёнка, портено — узкий грубый холст.
посадили в темно место — в тюрьму.
послухма́нный — послушный.
по́хваст — хвастовство.
пра́вдаться — биться об заклад.
приговор — слова при заговоре.
прие́сть — съесть.
призды́нуть — поднять.
принесла́ — родила.
прожиточный — зажиточный.
промысел — охота на зверей, птиц.
про́сни — толстые нитки.
прохваті́лся — проснулся.
пря́лица — прялка.

разде́рнуть (шатер) — развернуть.
растрёснет — треснет.
расхохону́лся — расхохотался.
реве́ть — кричать.
реша́ть — убивать.
рогови́к (масла) — мера масла, равная тому, что может вместить коровий рог.
ро́денки — родственники.

разболокля́ — сняла.
ро́стань, росталь, росталка — перекресток.
руне́ц — от руно.
ры́бник — пирог с рыбой.
рыпи́т (дверь) — скрипит.
рыца́ла — кричала.

сбы́ли — избавились.
сви́снуть в него — бросить в него.
сволóк — стащил.
сглону́ть — проглотить.
сглупова́ть — сглупить.
се́дни — сегодня.
се́йгод — нынешний год.
ски́нулся — превратился.
ски́нулась — одежду сняла.
силко́м — насильно.
си́лы — силки.
сироти́на, сирота — нищий.
сковчи́т (лягушка) — квакает.
сомре́т — умрет.
со́пка — холм.
спать повали́ла — спать уложила.
спи́чка — деревянный гвоздь в стене, на который вешают платье.
спи́чник, наспи́чник — полотенце.
спи́чя, щпи́чя — спица.
сря́да — наряд сряжусь — наряжусь.
столе́шница — верхняя доска стола.
сторчи́т — ворчит.
стосну́ться — соскучиться, стосковаться.
стрéту — навстречу.
строни́ть — уронить.
стру́г — челн.
счи́лочка — щелочка.

таким же по́бытом — таким же образом.
те́мен — слеп.
тете́рники — тетерева.
товда́ — тогда.
то́лсто звонить — на басовых колоколах.

толну́ть — толкнуть.
то́рок — вихрь.
то́чиво — холст.
тро́йка — пиджак, жилет и брюки.
ту́лово — туловище.
ту́ша — тело.
тлю́кнуть — ударить, стукнуть.
тя́цкать — тьявкать.

удове́ц — вдовец.
уго́р — холм.
у́лка — улица.
упе́тился — вымазался.
уто́нщики — забрасывающие тону.

фо́рснуть — фыркнуть.
фу́рскать — фыркать, брызгать.

ха́пторка — бесплодная оленья матка (у ненцев).
ха́рнуть — гаркнуть.
хва́ста — хвостовство.
хвоста́ть — стегать.
хвостну́ть — стегануть.
хлобысну́л — ударил.
хоре́й — метровый шест, при помощи которого управляют оленьей упряжкой.

цере́ва — чрево.
цилко́м (как они) — всецело.

че́рковь — церковь.
чепа́лся, вычепался — цеплялся, карабкался.
черепа́н — горшечник.
чо́хтать — роптать, жаловаться.
чум — ненцкое жилище.
чу́нки — санки (у ненцев).
чуха́рь — глухарь.

шаборчи́т — шуршит.
шане́жки — ватрушки, налитые картошкой или кашей.

шалёной — глупый, беспутный.

шишко́ — леший.

шурну́ть — втолкнуть.

щёля — скалистый берег, каменный кряж.

ю — ее.

юро́к — холм.

яло́вичья нетель — молодая корова, у которой еще не было теленка.

я́рмонка — ярмарка.

яса́к — напев былинный (на Печоре).

Алфавитный указатель сказок

Аннушка (№ 70)	96
Богатый брат и бедный брат (№ 37)	109
Брюхатый поп (№ 11)	71
Бывальщина (№ 80)	210
Бывальщина (№ 113)	263
Василиса Премудрая (№ 1)	52
Вихревое царство (№ 14)	75
Волк (№ 129)	290
Волк-медной лоб (№ 7)	63
Волшебное зеркальце (№ 90)	231
Ворон Воронович (№ 124)	277
Вороны (№ 136)	309
Вострадам (№ 9)	69
Глиняный парень (№ 26)	97
Глупый мужик (№ 10)	70
Глупый жених (№ 77)	208
Глупые люди (№ 73)	202
Голь-Голянская (№ 168)	418
Горохове зернышко (№ 93)	241
Горюшко (№ 17)	83
Гуси с Руси (№ 154)	373
Про двух братьев (№ 133)	301
Два вора (№ 61)	173
Два кума (№ 121)	276
Две доманушки (№ 71)	198
Две сестры (№ 155)	374
Девка-белка (№ 160)	382

Девушка в колодце (№ 5)	60
Диво-дивное (№ 149)	361
Дикой (№ 161)	386
Доможириха (№ 79)	210
Дурень (№ 16)	81
Дурна-работница (№ 76)	208
Жар-птица (№ 45)	132
Женихи (№ 142)	337
Забытой (№ 46)	135
Зам, откройся! (№ 83)	214
Заяц-хвоста (№ 99)	247
Злая девка (№ 117)	266
Злая жена (№ 158)	378
Змей и цыган (№ 33)	105
Золотая рыбка (№ 107)	258
Золота сапожка (№ 105)	256
Золотой человек (№ 91)	234
Иван Бессмертный (№ 132)	296
Иван — быков сын (№ 163)	392
Иван-Ветер (№ 42)	123
Иван-Горошко (№ 89)	224
Иван-дурак (№ 120)	273
Иван-солдат (№ 138)	313
Иван Углов (№ 137)	310
Иван-царевич и Якута (№ 169)	421
Иванушко и Егибишна (№ 74)	203
Игральница-греза (№ 18)	86
Исполинушко (№ 126)	286
Как Ивана медведь возил (№ 82)	212
Как село потопилось (№ 130)	291
Караульщица (№ 78)	209
Кирка-вор (№ 88)	222
Коза-дереза (№ 72)	200
Колобок (№ 25)	96
Кошель (№ 51)	150
Краса — Долгая коса (№ 131)	292
Кривая уточка (№ 100)	248
Кукушка-помощница (№ 96)	243
Кумушка (№ 30)	102
Ладная песня (№ 148)	359

Ленивая баба (№ 35).....	107
Лень и Отеть (№ 144).....	343
Лесная хата (№ 101).....	249
Леший (№ 162).....	388
Лиса, волк и масло (№ 20).....	90
Лиса-плакса (№ 104).....	255
Матрена (№ 49).....	146
Машенька (№ 109).....	260
Мена (№ 134).....	306
Мертвые дóроги (№ 60).....	171
Мертвяк (№ 114).....	264
Минька (№ 151).....	366
Мишка да мышка (№ 27).....	98
Морозко (№ 28).....	100
Мудужирушко (№ 68).....	189
Настасья-королева (№ 64).....	176
Настасья-пепельница (№ 15).....	79
Небылица (№ 62).....	174
Небылица (№ 145).....	344
Незнайка (№ 47).....	139
Никола Дупленской (№ 98).....	246
Нужда (№ 67).....	188
Обельщина (№ 50).....	149
Оборотень (№ 128).....	290
Овернюшко (№ 118).....	266
Овецка-серебрянка (№ 85).....	218
Окати-горошка (№ 41).....	119
Орел (№ 102).....	250
Орон-верный (№ 141).....	328
Парень-гад (№ 59).....	170
Парничок у Егибовой (№ 87).....	220
Петух и курица (№ 21).....	91
Петушок (№ 84).....	215
Печоночка (№ 32).....	104
Плясова гармонь (№ 164).....	401
Покойники-беси (№ 31).....	103
Покойница-воровка (№ 135).....	308
По колена ноги в золоте (№ 69).....	190
Поп Пахом (№ 12).....	73
Поп и старец (№ 52).....	152

Попов работник (№ 19)	87
Посулено (№ 22)	93
Праведный суд (№ 153).....	371
Прикащик и купецкая дочь (№ 39)	115
Присказка (№ 58).....	169
Присказка (№ 95).....	242
Присказка (№ 97).....	246
Присказка (№ 106)	257
Присказка (№ 108)	259
Присказка (№ 111)	262
Присказка (№ 112)	263
Присказка (№ 125)	285
Присказка (№ 127)	289
Присказки (№ 143)	341
Про двух братьев (№ 133).....	255
Про охотника (№ 115)	265
Про перстень (№ 146)	346
Про Петра Великого (№ 54).....	160
Про Ростовское озеро (№ 150)	363
Про теплу избу (№ 86).....	219
Пых (№ 34).....	106
Разбойник-купец (№ 38).....	112
Решета (№ 94).....	241
Рога (№ 3).....	57
Рогозный перед (№ 63)	175
Рукавичка (№ 166)	411
Сани (№ 24).....	95
Свет-луна (№ 65).....	181
Семь Семеонов (№ 66).....	186
Серко́ (№ 140).....	325
Сивко-бурко (№ 8)	67
Сказка о Петре Великом и о солдате (№ 55)	162
Соли́ло (№ 81)	211
Солдат Андрей (№ 53)	154
Соль (№ 57)	167
Спор (№ 147).....	352
Старик и волк (№ 23).....	94
Старик и соковицы (№ 13).....	74
Старуха-сказочница (№ 6)	62
Старый «Ох» и молодец (№ 44)	128

Сучий сын (№ 43)	126
Тимка да Шимка (№ 156)	375
Три брата (№ 40)	117
Три слова (№ 48)	144
Турандай (№ 167).....	414
Улита (№ 103).....	253
Упрямая баба (№ 56).....	166
Утоцка-горожанецка (№ 110)	261
Федор Высокой (№ 159)	379
Филя да Уля (№ 157)	377
Хам-вор (№ 119).....	270
Хитрая наука (№ 165)	405
Хитрый солдат (№ 36)	108
Чаревна и лягушка (№ 4)	59
Чаревна-золоты косы (№ 2)	55
Чортов хлеб (№ 123).....	277
Чорт и совик (№ 92)	240
Чудесна кура (№ 139).....	321
Чудные зайцы (№ 75)	205
Шаньга (№ 116)	265
Яков (№ 152).....	369